

*БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

Вып. XLVIII

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XLVIII

Керчь

Kerch

Симферополь

Simferopol

2024

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32
Б85

*Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского*

*Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского (Протокол №2 от 15.03.2024 г.)*

Редакция:

Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор

Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Абрамзон М.Г., д.и.н., проф., Институт археологии РАН (Москва)

Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., проф., Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)

Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Зубарев В.Г., д.и.н., проф., Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула)

Казанский М.М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)

Майко В.В., д.и.н., Институт археологии Крыма (Симферополь)

Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Смекалова Т.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция).

*Состав редколлегии утвержден Научно-техническим советом Крымского федерального
университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 2 от 14.03.2023 г.)*

Боспорские исследования. Вып. XLVIII / Отв. ред. В.Н. Зинько. –
Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2024. – 368 с.
ISBN 978-5-6046127-7-4

В XLVIII выпуске «Боспорских исследований» публикуются статьи и материалы по результатам исследований античных и средневековых памятников Северного Причерноморья, а также по отдельным вопросам изучения истории материальной культуры Крыма.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется историей и археологией Юга России.

УДК 94(477.75)082

ББК 63.4-63.3 (0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

ISSN 2413-1938

ISBN 978-5-6046127-7-4

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2024

© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2024

© Авторы, текст, 2024

СТАТЬИ

А.Е. ПЕТРАКОВА, Н.И. СУДАРЕВ, Р.А. МИМОХОД, П.С. УСПЕНСКИЙ
A.E. PETRAKOVA, N.I. SUDAREV, R.A. MIMOKHOD, P.S. USPENSKYJ

ТРИ ПОГРЕБЕНИЯ С АТТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКОЙ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ВОЛНА-1

(раскопки 2016 года)

THREE BURIALS WITH ATTIC POTTERY FROM THE NECROPOLIS VOLNA-1

(excavations of 2016)

Данная статья восходит к докладу, прочитанному в 2023 году на Боспорских чтениях. Рамки тезисов позволили воспроизвести лишь несколько находок: две фиалы и мисочку [см. тезисы: Петракова, Мимоход, Сударев, Успенский, 2023]. В статье же воспроизводятся все находки и ряд аналогий, на основе которых были сделаны заключения о датировке и атрибуции аттической керамики из трех погребений некрополя Волна-1, а также об интерпретации изображений на тех предметах, которые украшены росписями с сюжетными сценами. В то время как фиалы из этих комплексов уже были подробно рассмотрены в специальной статье [Петракова, Сударев, 2023], остальной аттической керамике из этих погребений ранее специальное внимание не уделялось.

Грунтовый некрополь Волна-1 (рис. 1.1) находится в юго-западной части Таманского полуострова у подножия северного склона г. Зеленская (Темрюкский район Краснодарского края). Свое название могильник получил от поселения Волна-1, которое расположено в 400 м к югу от него (рис. 1.2).

Некрополь находится на месте пересечения и слияния двух важнейших древних дорог Таманского полуострова, ведущих к основной переправе через Керченский пролив, в районе современного мыса и косы Тузла. Одна из этих дорог шла в южном направлении в сторону современной Бугазской косы и далее, через Благовещенский останец, по Анапской пересыпи – в сторону древней Синдской Гавани (Горгиппии, совр. Анапа) и далее – в сторону Западного Кавказа и перевалов. Вторая дорога шла в восточном направлении, в сторону современного хутора Белый, где еще в III тыс. до н. э. сформировалась коса-перейма, по которой путники могли перебраться через дельту Кубани на территорию Синдики (совр. Анапский и частично Крымский районы) и далее, на территории левобережья Кубани и Западного Предкавказья.

Некрополь был обнаружен в 2014 году во время разведок археологическим отрядом ООО «Ирида» ЗАО «Таманьнефтегаз». В 2015–2018 гг. были проведены охранно-спасательные археологические работы, в ходе которых «Грунтовый мо-

гильник Волна-1 исследовался отрядом ООО «Ирида» совместно с сотрудниками Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институтом археологии РАН [Цокур, Сударев, Шаров (в печати); Мимоход, Сударев, Успенский, 2017, с. 295–310, Мимоход, Сударев, Успенский, 2018, с. 220–223, Мимоход, Сударев, Успенский, 2018а, с. 120–144, Берлизов, Кашаев, Мимоход, 2019, с. 229–245]¹.

В 2015–2018 гг. на некрополе была исследована площадь около 121 000 кв. м, обнаружено 1381 погребение и 725 комплексов. Некрополь исследовался широкой площадью. Точное количество погребений, исследованных на всех участках некрополя пос. Волна-1, в настоящий момент определить сложно. Всего в разные годы раскопано не менее 5 участков некрополя пос. Волна-1, расположенных вокруг поселения и вдоль древних дорог, отходящих от него. Вероятно, общее количество погребений VI–II вв. до н.э., раскопанных за все годы исследований на всех участках, превышает 2000, что делает данный некрополь самым исследованным для этого периода на территории Боспора и всего Причерноморья.

Данный некрополь выделяется также обилием и разнообразием инвентаря. Некоторые находки не известны более на территории Боспора или являются крайне редкими, что ставит перед нами задачу как можно скорее ввести наиболее значимые из них в научный оборот. Трём погребениям с такими находками из раскопок 2016 года и посвящена эта работа.

Комплекс 211 представляет собой детское погребение в небольшой яме без перекрытия. Костяк ребенка не сохранился. Погребение обнаружено в северной части некрополя, на участке, где были сконцентрированы детские погребения и погребения VI–V вв. до н.э. (рис. 2). Выявлена яма подпрямоугольной формы, по длинной линии ориентирована в меридиональном направлении. Яма слегка расширяется к югу. Длина ямы составляет 1,12 м, ширина – 0,48 м, прослеженная глубина – 0,16 м.

В южной части ямы выявлены лекиф чернофигурный № 1 (рис. 2.1), у горла лекифа расчищены: чаша на ножке чернолаковая, верхняя часть № 2 (рис. 2.2) и бихромная фиала № 3 (рис. 2.3). С востока у лекифа лежал предмет железный № 4 (рис. 2.4).

Лекиф № 1 из комплекса 211 (рис. 3а–б) следует охарактеризовать как «цилиндрический» [см. о них: Haspels, 1936, p. 41; Moore, Philippides, 1986, p. 45 и др.]. В аттических керамических мастерских делали разные типы лекифов [см. о них: Richter, Milne, 1935, p. 14–15; Haspels, 1936; Sparkes, Talcott, 1970, p. 150–152; Moore, Philippides, 1986, p. 43–47; Schreiber, 1999, p. 170–185]. Наиболее ранним считают «тип Деяниры» (The Deianeira type). Ему на смену пришел «лекиф с плечиками» (shouldered lekythos), который был популярен со второй четверти до конца VI века

¹Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 23-18-00196 «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна-1 на территории Азиатского Боспора».

до н. э. [Haspels, 1936, p. 1, 7, 63; Moore, Philipides, 1986, p. 44]. Что касается «цилиндрического лекифа» – эту форму называют «более изящной, элегантной» версией «лекифа с плечиками». Цилиндрические лекифы массово изготавливали в Аттике с последней трети VI до последней трети V в. до н. э. в различных керамических мастерских. Они хорошо известны в находках на территории Северного Причерноморья, в том числе – в различных центрах Европейского и Азиатского Боспора, как в жилом, так и в погребальном контексте [см. подробнее: Петракова, Букина, 2020, с. 9–10], хотя, конечно, сохранность экземпляров из погребений, как правило, значительно лучше [см. примеры из архаического некрополя Ольвии: Скуднова, 1988].

Лекиф (греч. флакон для масла) – сосуд для благовоний, которые в античном мире представляли собой ароматизированное масло. Конкретно лекифы с высоким цилиндрическим туловом благодаря многочисленным находкам в некрополях чаще всего связывают именно с применением в погребальном контексте, особенно, когда речь идет о тех, что покрыты белой облицовкой и росписями с применением полихромии [см. например: Kurtz, 1975; Oakley, 2007; Gex, 2014]. Цилиндрические лекифы (вместе с их содержимым) зачастую становились одной из составляющих погребального инвентаря, их также приносили при посещении могилы в качестве дара [Richter, Milne, 1935, p. 14–15; Noble, 1965, p. 23–25], хотя, безусловно, применяли и для других нужд. Любопытно, что экземпляры средних или больших размеров зачастую имеют внутренний, не видимый глазу резервуар, во много раз меньше реального размера тулова. Этот резервуар можно видеть на рентгенограммах таких лекифов [см. например: Oakley, 2007, fig. 2] или в том случае, когда лекиф фрагментирован [см. например: Schreiber, 1999, fig. 20.26].

Лекиф № 1 из комплекса 211 (рис. 3а-б) был разбит, но поскольку речь идет о могиле, собрать его удалось полностью. В настоящее время он склеен из фрагментов, не хватает лишь нескольких маленьких кусочков тулова и базы. Хотя по поверхности имеются сколы, осыпи лака, а в нескольких местах рисунок потерт, это не мешает восприятию изображения. По особенностям своей формы и декора этот лекиф наиболее близок тем экземплярам, которые датируют 500–480 гг. до н.э. Кроме того, в данном случае мы также можем вынести суждение об атрибуции: орнаменты на плечиках (рис. 3б), шейке и в верхней части тулова лекифа, характер декора нижней части тулова и ножки, а также сюжетная сцена с кентавромахией и имитацией надписей между фигурами (а также особенности выполнения всех деталей росписи) (рис.3а) характерны для лекифов, атрибутированных так называемому Мастеру Афины (The Athena Painter). Этот вазописец [см. о нем: Haspels, 1936, p. 141–165, 254–260; Beazley, 1956, p. 522–524] получил условное имя из-за пристрастия к изображению на расписываемых им сосудах богини Афины. Расписывал он преимущественно лекифы и кувшины (больше сохранилось ойнохой, чем ольп), то есть вазы небольших размеров. Ученые характеризуют его как вазописца, связанного с Мастером Тезея (The Theseus Painter), творчество которого изучено лучше и качество росписей которого оценивают выше [Borgers, 2004; Φριτζίλας, 2006]. Оба они при-

надлежат к поколению весьма плодovitых поздних чернофигурных вазописцев, которые работали в то время, когда гораздо большим спросом пользовалась уже другая техника вазописи – краснофигурная. Будучи введенной в использование между 530 и 520 гг. до н.э. [см. например: Rotroff, 2009, p. 250, footnote 3 – с библиографией по вопросу], она широко применялась в первой трети V в. до н.э. Эмили Хаспельс, автор подробного исследования об аттических чернофигурных лекифах, выдвинула идею о том, что краснофигурный вазописец Мастер Бовдоина (The Bowdoin Painter), возможно, должен быть отождествлен с Мастером Афины, как тот же самый вазописец, просто перешедший с росписей в чернофигурной технике на росписи в краснофигурной технике [Haspels, 1936, p. 157–159]. В публикациях последних лет даже фигурирует понятие мастерская Мастера Афины/Бовдоина² (The Athena/Bowdoin workshop) [см. например: Gex, 2014]. Самому Мастеру Афины атрибутировано не так уж и много ваз, преимущественно – лекифов [Beazley, 1956, p. 522–524]. В дополнение к этому Джон Бизли, основоположник системы атрибуции и классификации аттических вазописцев, использовал понятие «мастерской» и «группы» Мастера Афины. Так, например, он поступил в отношении целого ряда поздних чернофигурных аттических ойнохой. Они аттестованы как: «выполнено Мастером Афины или из его мастерской» [by the Athena Painter or from his workshop; Beazley, 1956, p. 524–537]. Время работы самого Мастера Афины определяется как первая четверть V в. до н.э., а работы «группы» и «мастерской» датируют до 460-х гг. до н.э. [Haspels, 1936, p. 141–165, 254–260; Beazley, 1956, p. 522–524; Beazley, 1971, p. 189, 213, 260; Carpenter, Mannack, Mendonça, 1989, p. 131; Clark, 1992, chapter X, p. 791–880, cat. 1649–2002].

Глубокий чашевидный венчик (за исключением устья), верхняя часть ручки и почти все горлышко лекифа № 1 из комплекса 211 покрыты черным лаком (рис. 3а). Нижняя часть тулова выкрашена черным лаком, переход от тулова к базе и сама база сверху также черные. Красной краской выполнены две линии между изображением на тулове и черной нижней частью, а также одна линия по кромке базы. В месте перехода от горлышка к плечикам расположен орнаментальный пояс с длинными «язычками» в ряд (другое название «палочный» орнамент). Плечики украшены черным силуэтным орнаментом (рис. 3б) в виде пяти семилепестковых пальметт со спиралевидными завитками внизу; средняя (находится с противоположной стороны от ручки) ориентирована от горлышка, остальные – к горлышку лекифа. Три пальметты, расположенные над тем местом, где на тулове изображение, соединены вместе; еще две нарисованы отдельно слева и справа от места крепления ручки лекифа к плечу, они не соединены с цепью из трех пальметт, зато имеют дополнительный крупный спиралевидный завиток сбоку и листик. Между пальметтами внизу иверху нарисованы точки. Подобные пальметты (организованные в такие же композиции

² Имя вазописцу дано по лекифу в собрании Bowdoin College, название этого колледжа транскрибируют сейчас как Боудин колледж, но транскрипция Бовдоин применительно к вазописцу закрепилась в отечественной традиции.

и с такими же деталями) характерны для декора плечиков лекифов Мастера Афины, ср., например, на лекифах в Кастл Ашби [CVA Castle Ashby, pl. 23.3-4; BAPD 2353] (рис. 3в), в Лаоне [CVA Laon 1, pl. 17.11; BAPD 306798], в Гаване [Olmos, 1993, no 62; BAPD 30755], в Геле [CVA Gela 4, pl. 37.1-3; BAPD 351597], в Национальном археологическом музее в Афинах [Haspels, 1936, pl. 47,2; BAPD 7877; также: Haspels, 1936, pl. 47.1; BAPD 46897] (рис. 3е), в Лейдене [CVA Leiden 2, Taf. 93.1-4; BAPD 330731], в Толедо [CVA Toledo 1, pl. 28-25; BAPD 330753], фрагменте в Гейдельберге [CVA Heidelberg 1, Taf. 172.1; BAPD 740] и др. Наличие пальметт подобного типа на плечиках лекифов, у которых форма похожа, а декор на тулове отсутствует (оно выкрашено черным), часто становится основанием связывать и их тоже с работами Мастера Афины или его круга, см., например, такие лекифы в Бохуме [CVA Bochum 1, Taf. 42.1-2, 43.1; BAPD 4976], в Геле [CVA Gela 4, pl. 42,2,6; BAPD 5319], на Родосе [CVA Rodi 1, pl. 91.4,7-8; BAPD 208277] и др.

Тулво лекифа в верхней части украшено орнаментом в виде зигзага с точками на углах; сверху поясок обрамлен одной черной линией, снизу – двумя. Подобный орнамент довольно часто встречается на лекифах, атрибутированных Мастеру Афины. В основном поле нарисована сюжетная сцена (рис. 3а; 4а): скачущий вправо кентавр, подняв над головой огромный камень, противостоит нападающему на него гоплиту с щитом и копьем; еще один гоплит упал на землю под ногами у кентавра, его щит лежит в стороне слева. За кентавром нарисовано дерево в виде ствола и трех дугообразных элементов, расположенных один над другим по этому стволу – они изображают ветки; по сторонам от ствола и веток парами точек обозначены листья. Такие деревья характерны для росписей Мастера Афины: они могут быть изображены растущими, как лекифе № 1 из комплекса 211, или же их держат в руках кентавры [например: BAPD 2353, 17717]. На нашем лекифе кентавр изображен поднимающимся над упавшим гоплитом, его передние ноги в воздухе, как раз над коленями воина. Гоплит под ногами кентавра лежит ногами вправо, они согнуты в коленях, он будто бы пытается встать, отталкиваясь от земли правой рукой и повернув назад голову. На кентавра справа нападает другой гоплит: он шагает, прикрывая плечо большим круглым щитом, в другой руке – длинное копье, направленное на кентавра, на поясе висит меч. Оба гоплита в шлемах с гребнем, на ногах поножи, тело в хитоне и прикрыто панцирем. Изображение дополнено гравировками, при помощи которых переданы детали вооружения, доспехов, мускулатуры, лиц, выступы на камне в руках у кентавра, а также растительность на его лице. Кроме того, вазописец активно использовал красную краску: ею нарисованы эмблемы на щитах (изогнувшаяся змея у атакующего гоплита, букраний – у раненого), узор в виде ряда колец по кромке щита атакующего гоплита, а также перевязь на его теле, волнистая каемка по краю хитона раненого гоплита, широкая полоса на бороде кентавра, а также кровь, льющаяся с двух сторон из тела кентавра (в районе его поясницы, где человеческая часть туловища переходит в конскую) и справа из груди раненого воина. От лица кентавра к лицу атакующего гоплита и от щита атакующего – к коленям лежащего в ряд на-

рисованы элементы, похожие на буквы, как если бы это были надписи – характерная деталь декора целого ряда аттических чернофигурных ваз. У ученых, изучавших разные лекифы Мастера Афины, эти буквы не складываются в какие-то осмысленные надписи, их называют «имитациями надписей», «бессмысленными надписями» или просто «буквами» [см., например: AVI record number 2147, 2148, 3099, 4383, 7881 и др.]. Долгое время подобные «наборы букв» интерпретировали как элемент декора, который должен выглядеть похожим на модные у покупателей надписи. Однако в последние десятилетия идея о «бессмысленных надписях» на аттических вазах переосмысливается в ряде публикаций. Используя разные подходы, ученые находят тот или иной смысл в надписях, ранее представлявшихся бессмысленными [см., например: Immerwahr, 2010; Mayor, Colarusso, Saunders, 2014; Yatromanolakis, 2016; Chiarini, 2018].

Тела кентавров и людей (со всеми особенностями трактовки деталей), щиты с эмблемами, деревья с точками-листьями такого же типа, как на лекифе № 1 из комплекса 211, имеются на целом ряде лекифов Мастера Афины, например, на лекифах в Кастл Ашби [CVA Northampton, Castle Ashby, pl. 23.3–4; BAPD 2353] (рис. 3г), в Урбана-Шампейне [CVA Urbana-Champaign 1, pl. 29.1-4; LIMC vol. VIII, Kentauroi et Kentaurides 164; LIMC ID 2798; BAPD 17717], в Лаоне [CVA Laon, pl. 17.11; BAPD 306798] (рис. 3д), в Национальном археологическом музее в Афинах [CVA Athens, National Museum 6, pl. 37.1-4; LIMC ID 92038; BAPD 330754] (рис. 3ж), и др. На одних – кентавр замахивается на гоплита большим камнем, на других – деревом. В ряде публикаций сюжет охарактеризован просто как «кентавромахия», но также выдвигается и версия о том, что может быть изображена история Кайнея.

Кайней (Καίνεϋς) или Кеней – лапиф, «пренебрежитель копьа, никаким не сразимый ударом... телом тысячи ран выносил» [Ov. Met. 12, 170–172; здесь и далее – пер.с латинского С.В. Шервинского]. В двенадцатой книге «Метаморфоз» древнеримского поэта конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. Публия Овидия Назона история Кайнея рассказана наиболее подробно. Он родился женщиной, которую назвали Кайнида или Кенида, которая «красше всех дев фессалийских была» [Ov. Met. 12, 190], «многих она женихов оставалась напрасным желаньем» [Ov. Met. 12, 192], однажды «ее, на пустынном блуждавшую бреге» увидел Посейдон и не смог сдержать своей страсти [Ov. Met. 12, 196–197]. После он предложил ей исполнить все ее желания. Оскорбленная насилием Кайнида сказала «чтоб никогда не терпеть мне подобного... женщиной пусть перестану я быть: вот дар наилучший!» [Ov. Met. 12, 202–203]. Посейдон исполнил это пожелание, а также «содеял, чтоб телу раны грозить не могли, и оно от копья не погибло» [Ov. Met. 12, 206–207]. Превращенный из женщины в мужчину Кайней весьма преуспел в «мужских упражненьях». Он был приглашен на свадьбу царя лапифов Пейрифоя, куда также позвали и соседей-кентавров. Красота Гипподамии – невесты царя – разожгла страсть в опьяненном кентавре Эврите, он попытался ее похитить, началась битва лапифов с кентаврами. Кентавр Латрей стал задирать Кайнея, напоминая ему, что тот родился женщиной и был обе-

сщен, а после атаковал его: «Но отскочило копьё, как градины скачут от кровли» [Ov. Met. 12, 480], «Вот подступает кентавр и пытается в бок его твердый / Меч свой вонзить. Но мечу преграждается в тело дорога» [Ov. Met. 12, 482–483]. Удивленный кентавр подумал, что дело в плохом оружии: «Падешь, серединой меча перерублен, / Коль острие притупилось!» [Ov. Met. 12, 484–485], однако вскоре понял, что дело не в этом: «словно было из мрамора тело, / И разлетелось в куски лезвиё, об шею ударясь» [Ov. Met. 12, 487–488]. После этого кентавры атаковали скопом: «во весь голос крича, полузвери бросаются, рьяны, / Копья свои на него одного направляют и мечут. / Копья, отпрянув, лежат. Невредим под ударами всеми, / Не окровавлен ничуть пребывает Кеней» [Ov. Met. 12, 494 – 497]. Увидев такое чудо, кентавр Мониx призывает: «Камни, стволы на него громоздите и целые горы! [...] пусть раны бремя заменит!» [Ov. Met. 12, 507–509]. Кентавры забросали Кайнея деревьями и камнями. А дальше Овидий излагает две версии: по одной Кайней опустился в Аид, по другой Кайней превратился в птицу и улетел. В связи со вторым вариантом истории крайне интересным представляется изображение на стороне А краснофигурного киллика, атрибутированного Олтосу: на нем упавшего на землю Кайнея атакуют два кентавра с огромными камнями, эмблема на щите Кайнея – птица [CVA Copenhagen 9, pl.334.1a-b, 335.1a-c; Laufer, 1985, Taf. 7. Abb. 20; LIMC vol. V, pl. 569, Kaineus 33; Muth, 2008, S. 434, Abb. 316; LIMC ID 11487; BAPD 200447]. В истории Кайнея происходит не только трансформация героя из женщины в мужчину, а потом из мужчины – в птицу. Уже в публикациях XIX века речь также идет о том, что Кайней Элатель (т.е. сын Элата) по своему имени созвучен слову «сосна» (ελάταις), при помощи которой он и был побежден (именно эта порода дерева названа, например, в отрывке из стиха позднеархаического поэта Пиндара). То есть в истории Кайнея ученым видится отсылка к анимистическим представлениям, связанным с верой в духов деревьев, а забрасывание камнями в этом контексте интерпретируется как обряд, способствующий возрождению и плодородию [см. подробнее: Gardner, 1897].

Эрих Лауфер в работе об иконографии гибели Канея [Laufer, 1985] говорит о том, что легче всего понять, что изображен именно Кайней в том случае, когда он представлен с нижней частью тела, частично скрытой землей [см., например: BAPD 620, 17063, 201756, 205729, 205793, 320470, 330981 и др.], вроде того, как это представлено на амфоре в Мюнхене [CVA München 9, Taf. 29.4, 32.1-2; LIMC vol. V, Kaineus 4, pl. 564; LIMC ID 21047; BAPD 303461] (Рис. 4г) или же в том случае, когда рядом написано его имя, как на стамносе в Брюсселе [CVA Brussels 1, pl. 7.2b; BAPD 213382] (рис. 4в). Во всех остальных случаях возможны разнообразные допущения и рассуждения на основе, например, композиционных аналогий. Так, ряд ваз, где изображен не частично ушедший в землю воин, а просто упавший на нее, аттестован, как вазы с изображением истории Кайнея, например, на основании того, что на воина нападают два (или более) кентавра с камнями и/или деревьями. Это очень похоже по композиции на те росписи, по поводу которых никто не сомневается в том, что представлен Кайней. Действительно, герой один, кентавров много, они пытаются его завалить

камями и деревьями: см., например, композицию на амфорах в частном собрании в Базеле [LIMC vol. V, PL.566, Kaineus 17; BAPD 340476; LIMC ID 24057] (рис. 4д), в Институте искусства и археологии в Париже [Muth, 2008, s. 464, Fig. 337; Dietrich, 2010, s. 315, Fig. 248; BAPD 340565], в Ватикане [Muth, 2008, s. 423, 465, Figs. 304, 339; LIMC vol. V, Pl. 566, Kaineus 18; BAPD 320254], в частной коллекции в Лондоне [BAPD 9520], на лекифах в Палаццо-Акреиде [Laufer, 1985, Taf. 9, Fig. 27; LIMC ID 22937; BAPD 330747] и Урбана-Шампейне [CVA Urbana-Champaign 1, pl. 29.1-4; LIMC vol. VIII, Kentauroi et Kentaurides 164; LIMC ID 2798; BAPD 17717] (рис. 4е), на ойнохое в частном собрании в Базеле [BAPD 303207] и др.

В отличие от приведенных примеров, где на одного воина нападают два и более кентавров, на лекифе № 1 из комплекса 211 кентавр представлен всего один, а воинов два: один упал на землю, другой вполне активно сражается (Рис. 4а). Кроме того, у упавшего гоплита художник нарисовал рану. Стало быть, несмотря на то, что он на земле (что могло бы восприниматься как момент до того, как тело его под грузом камней и деревьев стало уходить в землю), он не может быть Кайнеем, это бы противоречило мифу о неуязвимости этого героя, невозможности пронзить или разрубить его каким-либо оружием, повредить целостность его тела. Кроме того, в текстах речь идет о том, что погружался Кайней в землю вертикально, «не сгибая колен» [см. подробнее: Gardner, 1897].

С другой стороны, на нашем лекифе есть еще один гоплит, без ран, на которого кентавр нападает с огромным камнем в руках. Это может служить аргументом в пользу того, что этот атакующий гоплит может быть Кайнеем (и он противопоставляется обычному воину, который ранен и упал). Возможно, раненый воин нужен в общей канве визуального нарратива для того, чтобы еще больше подчеркнуть неуязвимость Кайнея. Противопоставление раненого, истекающего кровью воина, и неуязвимого Кайнея (если принять версию о том, что справа на нашем лекифе представлен именно он) имеется, например, на краснофигурном кратере Мастера Пана в Британском музее [Muth, 2008, s. 6, Fig. 6; Dietrich, 2010, s. 82, Fig. 62, s.374, Fig.309; LIMC vol.V, pl. 570, Kaineus 37; LIMC ID 2874; BAPD 206288]: на одной его стороне представлена, несомненно, история Кайнея, который ушел в землю по бедра, его заваливают камнями три кентавра; на противоположной стороне – всего один кентавр с деревом нападает на раненого гоплита, по груди которого течет кровь. То же самое происходит на краснофигурном стамносе Мастера Клеофрада в Лувре [CVA Paris, Louvre 1, pl. 6.3,5, 7,3; Laufer, 1985, Taf. 10, Abb. 28; Muth, 2008, s. 438, Abb. 319, s.470, Abb. 344; LIMC vol. V, pl. 569, Kaineus 35; LIMC vol. VIII, pl. 428, Kentauroi et Kentaurides 190; Dietrich, 2010, s. 378, Abb. 313; LIMC ID 2856; BAPD 201756].

В приведенных примерах речь шла об отдельной безымянной кентавромахии, которая противопоставляется истории Кайнея на оборотной стороне вазы. У нас же два воина представлены в одной сцене. Изображение двух воинов в сцене с Кайнеем встречается в аттической вазописи, например, на краснофигурном кратере Мисона [Laufer, 1985, Taf. 10, Abb. 29; LIMC vol. V, PL.569, Kaineus 36; Muth, 2008, s. 415,

Abb. 295; LIMC ID 22958; BAPD 202367] на стороне Б нарисовано, как два кентавра (один с деревом, другой с камнем) атакуют упавшего на землю воина, а другой воин стремительно убегает вправо (изображен так, что за рамкой, обрамляющей поле с фигурами, уже скрылась часть его щита и копья). Получается, что здесь, в рамках одной композиции, простой лапиф противопоставлен неуязвимому Кайнею.

Большой камень в руках кентавра на лекифе № 1 из комплекса 211 и дерево за ним могут быть аргументом в пользу истории Кайнея, которого именно этими видами оружия и смогли одолеть. Однако кентавров в аттической вазописи изображают с камнями или деревьями в руках и вне контекста битвы [см., например: BAPD 302501, 330779, 9023357, 9021878, 9030797] или, например, когда они сражаются с Гераклом, который хорошо узнаваем благодаря своим атрибутам [BAPD 351046, 9033490]. Камни и деревья – это «не цивилизованные», в отличие от меча или копья, виды оружия, которые вполне подходят диким лесным полу-людям полу-коням. В дереве за кентавром на лекифе № 1 из комплекса 211 при всей условности изображения узнается сосна. В дошедшем до нас отрывке из стихотворения жившего в конце VI – начале V в. до н.э. поэта Пиндара речь идет о том, что решающую роль в гибели Кайнея сыграла именно сосна: «Пораженный зеленою сосною, / Топнул оземь Кеней, / И земля, расступясь, его поглотила...» [Пиндар, X, 166–167; пер. М.Л.Гаспарова]; в цитированных выше строках Овидия упоминаются разные породы деревьев (сосна, дуб, ясень, вяз). В специализированном исследовании о деревьях и скалах/камнях в аттической вазописи VI–V вв. до н.э. Николаус Дитрих [Dietrich, 2010] рассуждает о том, что в вазовых композициях архаики (в эпоху классики ситуация меняется) эти элементы часто нужны для обозначения «дикой» местности (дебрей, пустошей) в противопоставление «цивилизованному миру». Конкретные породы деревьев могут также иметь мифологические или культурные коннотации: плющ и виноград становятся отсылкой к Дионису, пальма – к Аполлону (но также и чуждеальным землям), а одна из коннотаций сосны – отсылка к кентаврам. Скалы/камни выполняют в вазовой росписи (в зависимости от контекста) роль оружия, стула или ложа. В нашем случае речь идет об оружии, которое используют дикие существа двойственной природы. И надо сказать, когда началась битва лапифов с кентаврами, в качестве оружия могло сгодиться вообще все, что только попало под руку (тот же Овидий говорит о предметах посуды, светильниках, предметах мебели и проч.).

Очень заманчиво было бы также спекулировать на тему того, что на нашем лекифе кентавр ранен в то место, где его человеческая половина переходит в конскую. Это очень похоже на то, куда в описании Овидия Кайней ранил кентавра Латрея: «В беге растянутый бок Кеней разорвал ему дротом / В месте где муж сочетался с конем» [Ov. Met. 12, 477–478]. После этого, по версии Овидия, Кайней вонзил во врага меч, а у нашего воина как раз на боку висит меч. С другой стороны, наш кентавр держит в руках камень, а, если брать версию Овидия, нападение кентавров с камнями и деревьями случилось уже после того, как пал Латрей. Конечно, никто не ожидает от вазописца следования тексту, тем более – написанному пятьсот лет спустя. Тем бо-

лее что в аттической вазописи нам известны изображения, отсылающие к известной истории, но, вместе с тем, совершенно не согласующиеся с ней в деталях, вроде знаменитого килика Дуриса, на котором Ясон, пришедший за золотым руном, почему-то находится в пасти у дракона и «Ясон» написано над его изображением [LIMC vol.V, PL.428, Iason 32; LIMC ID 24439; AVI record number 7011; BAPD 205162], хотя ни в каких дошедших до нас текстах речи о подобном не идет. Еще одним интересным примером может служить чернофигурная амфора в Киле [CVA Kiel 1, Taf. 12.1–2, 13.1–2; BAPD 28001]. На стороне Б нарисован ушедший до ягодич в землю пехотинец, по сторонам от него – по нападающему всаднику. Два таких нападающих всадника характерны для сцен атаки на пешего врага или амазонку. Но здесь центральная фигура изображена так, как положено представлять Кайнея, на которого с двух сторон нападают кентавры. «Подобные контаминации, вызванные незнанием мифа или невнимательностью художника и ни в коем случае не означающие нового варианта легенды, не так уж и редки в аттической вазописи» (Solcherlei Kontaminationen, die auf Unkenntnis des Mythos oder Unachtsamkeit des Malers zurückzuführen sind und keinesfalls eine neue Sagenvariante bedeuten, sind in der attischen Vasenmalerei gar nicht so selten) [CVA Kiel 1, S. 33]. Таким образом, мы можем предположить, что на нашем лекифе представлена просто кентавромахия, без отсылки к конкретным именам из мифов, но также мы не можем исключать и того, что представленная кентавромахия – это сражение Кайнея с кентаврами, которое вазописец по какой-то причине представил не совсем обычно, в сравнении с теми вариантами, которые более часто встречаются в аттической вазописи.

Итак, лекиф № 1 из комплекса 211 следует датировать первой четвертью V века до н.э. и отнести к работам Мастера Афины. Лекиф помещен в погребение. Если изображен Кайней, мы можем вспомнить, что герой превратился из женщины в мужчину, что может быть тематически связано с темой «перехода» (в данном случае – от жизни к смерти). Кроме того, по одной из версий мифа, Кайней превратился в птицу, то есть не умер окончательно, а переродился, что опять-таки хорошо подходит для предмета погребального инвентаря. Если же имеет место обычная кентавромахия, каких много в аттической вазописи, то изображение битвы и смерти, пусть даже безымянного персонажа, все равно прекрасно подходит для вазы, помещаемой в могилу. Во-первых, речь идет о внезапной и насильственной смерти (а для родственников усопшего она внезапна и насильственна, сколько бы лет ему ни было). Во-вторых, в исследовании, посвященном теме насилия в афинском изобразительном искусстве VI–V вв. до н.э. [Muth, 2008, S. 642] Сюзанна Мут выдвигает идею о том, что изображения битв являются, в первую очередь, «не дискурсом о насилии, но дискурсом о силе, превосходстве и мощи», то есть, воспеваются стойкость и сила гибнущих персонажей (точно так же, как достоин воспевания усопший). Таким образом, в случае с нашим лекифом воспеваются стойкость что неуязвимого Кайнея (если принять версию о том, что гоплит справа – это он), что уязвимого обычного воина с раной. В-третьих, на этом лекифе представлено противостояние дикого, двойственного

по своей природе кентавра и цивилизованного члена человеческого общества, что также может интерпретироваться иносказательно, как противостояние человека и внешних, не подвластных ему сил. В-четвертых, кентавры – полулюди, полукони, подобные существа двойственной природы в представлении древних греков могли служить своеобразными проводниками из одного мира в другой (коль скоро живут в двух мирах в силу своей двойственной природы). В любом случае это изображение в силу разнообразия возможных трактовок прекрасно подходит для погребального контекста.

Тем же временем, что и лекиф № 1, следует датировать фиалу № 3 (рис. 5а) из комплекса 211 [Петракова, Мимоход, Сударев, Успенский, 2023, рис. 1.2; Петракова, Сударев, 2023, рис. 14д]. Фиалы – чаши для жертвенных возлияний и питья вина – бывают разной формы и размера, их изготавливали из металла, стекла, керамики. В данном случае мы имеем дело с керамической фиалой аттического производства. Она выглядит как чаша без ножки, тулово у нее украшено горизонтальным рифлением, довольно высокий венчик имеет вогнутую форму и четкое отделение от тулова при помощи выступа. Венчик покрыт черным лаком, а тулово – кораллово-красной облицовкой, то есть особым видом глазури, интенсивно-красный цвет которой смотрится в сочетании с черным лаком особенно эффектно (в сравнении с менее интенсивным красно-оранжевым цветом не покрытой облицовкой обожженной аттической глины). Кораллово-красная облицовка редко применялась аттическими мастерами: изделия, полностью или частично ей покрытые, требуют при изготовлении дополнительных усилий [см. о ней подробнее, например: Richter, 1951; Cohen, 2006b; Walton et al., 2009; Tsingarida, 2014]. Кроме того, сохраняется эта облицовка плохо. На большинстве подобных изделий, хранящихся в разных музеях мира, имеется множество осипей кораллово-красной облицовки. Подобную облицовку использовали чаще всего для ваз небольших размеров: чаш для питья, вроде киликов [например: Tsingarida, 2014, fig. 10; BAPD 25733, 201603, 209539 и др.], миниатюрных чашечек или мисочек [например: Tsingarida, 2016, Fig. 9.1–11] и фиал [Tsingarida, 2014, fig. 1, fig. 2; BAPD 24018]. Крупные вазы, как кратеры [Cohen, 2006c, cat. 13; BAPD 16201], лебесы [BAPD 303021], или вазы средних размеров, как ольпы [CVA Basel 1, Taf.26.3–5; BAPD 320424] или ойнохои [BAPD 310464], с кораллово-красным покрытием бывают крайне редко.

Фиалы такой формы и с таким декором, как фиала № 3 из комплекса 211, называют бихромными фиалами «ахеменидского типа» (The Attic «Achaemenid phiale») [см. о них: Tsingarida 2014], бихромными – из-за двух цветов покрытия (красного и черного), ахеменидского типа – из-за сходства по форме с металлическими фиалами Ахеменидского Ирана. Бихромные фиалы «ахеменидского типа» – мало распространенный вид аттической керамики, который связывают с работой всего одной позднеархаической мастерской, поскольку у них похожим образом трактованы одни и те же элементы формы [Tsingarida, 2014]. Датируют их 500–480 гг. до н.э. Позже, в эпоху классики, фиалы с горизонтальным рифлением продолжали делать, например,

в мастерской гончара Сотата (подпись которого сохранилась на подобных фиалах). Горизонтальное рифление на них дополнено полихромией, а в одном случае омфал украшен фигуркой цикады.

С нашей фиалой можно сопоставить, например, экземпляры в Касселе [CVA Kassel 1, Abb. 20, Taf. 47,5; BAPD 1005141] (рис. 5б) и Берлине [CVA Berlin 1, Abb. 8.5, Taf. 52.5, 53.1; BAPD 1008180]. На Боспоре бихромные фиалы «ахеменидского типа» редки. До находки этого, прекрасно сохранившегося экземпляра, в комплексе 211, были известны лишь фрагменты, как и на Березани [подробнее см.: Петракова, Сударев, 2023] (рис. 5в-г). Зато несколько экземпляров прекрасной сохранности происходит из архаического некрополя Ольвии [Скуднова, 1988, кат. 208.5–6] (рис. 5д). Еще один экземпляр попал в Эрмитаж с происхождением «из коллекции Новикова» (рис. 5е), что позволяет также предположить причерноморское происхождение.

Третье изделие аттических гончаров в комплексе 211 – это чернолаковое блюдо на высокой ножке № 2 (рис. 2.2). Он не является чем-то редким и выдающимся, поскольку представляет собой пример распространенной (и хорошо известной не только на Боспоре, но и по всему Средиземноморью) продукции аттических гончаров. Такие изделия в силу отсутствия у них каких-то уточняющих датировку особенностей формы или декора датируют достаточно широко: последней четвертью VI – первой четвертью V в. до н.э. [см. о них: Петракова, Букина, 2021, кат. 59.54], что прекрасно соответствует данным по поводу лекифа № 1 и фиалы № 2, которые датируются первой четвертью V в. до н.э.

Таким образом, в комплексе 211 мы имеем дело с тремя изделиями афинских керамических мастерских: чернофигурным лекифом № 1, бихромной фиалой № 2 и чернолаковым блюдом № 3, которые могут быть датированы в пределах четверти века. Два изделия происходят из разных мастерских, про третье сказать сложно, поскольку это пример действительно массовой и мало индивидуальной продукции. Фиала интересна своей редкой формой и декором, лекиф – изображенным сюжетом. Любопытно, что такой инвентарь оказался в детском погребении.

Рядом с данным погребением, параллельно ему располагалось еще одно аналогичное погребение, но без инвентаря. Вокруг была выявлена серия детских погребений в амфорах и их частях, в том числе – в хиосской пухлогорлой амфоре развитого варианта III–V [Монахов 2003, табл. 5,4], которая датируется первой половиной V в. до н.э., хиосской прямогорлой амфоре типа Ботрос [Монахов 2003, табл. 9,1], датируемой 440 – 430 гг. до н.э. Также на этом участке встречены детские погребения в простых могильных ямах с инвентарем и без инвентаря. В центральной части этого локального участка выявлено погребение взрослого человека (женщины?) без инвентаря. В целом, можно сказать, что весь этот локальный участок (14 погребений) функционировал все первые три четверти V в. до н.э. Рядом расположено еще как минимум два аналогичных участка. Во всех случаях центральное погребение женское с очень скромным инвентарём или без него. Костяк во всех случаях лежит вытянуто на спине. На территории Боспора известно несколько традиций погребения

детей. Это погребения детей в амфорах с инвентарем или без него, погребения детей в могильных ямах, также с инвентарем или без него. Погребение детей в простых могильных ямах свойственно более для милетских колоний Причерноморья, погребения детей в сосудах – для дорийских колоний [Сорокина, Сударев, 2000, с. 193–204]. Но в греческих некрополях регулярно встречается и сосуществование этих традиций на одном некрополе. К числу таких некрополей на территории Азиатского Боспора относится, в частности, Фанагория [Завойкин и др., 2016, с. 193–197]. Группировка детских погребений на отдельных участках известна также в некрополях Фанагории и Виноградного 7. Однако в Фанагории, на территории юго-восточного некрополя, большинство детских погребений группируются вокруг двух сакральных комплексов [Сударев, Иванов, 2023, с. 136], а остальные расположены равномерно на территории некрополя и если и группируются, то на уровне семейных или родовых участков, куда в том числе входят и детские погребения [Завойкин и др., 2016, с. 147, 167–183]. В некрополе Виноградного-7 мы видим группировку детских погребений вокруг сакральных комплексов и на семейных участках, по всей территории некрополя. Известны в этом некрополе и участки с детскими погребениями, группирующимися вокруг погребений женщин, без инвентаря или с очень бедным инвентарем. Однако практически во всех таких случаях женский костяк расположен не в положении «вытянуто на спине», а в положении «скорчено на спине, ноги влево/вправо». Таких погребений в некрополе Виноградного-7 не менее 37 и все они коррелируются с детскими захоронениями. Такая же взаимосвязь ранее отмечалась для некрополя Абдер [Scarlatidou, 1986, p. 101, fig. 8; Σκαρλατίδου, 2010, Σ. 201, 206, 207, 220], более того, такие погребения там назывались «погребения матери и ребенка» [Scarlatidou, 1986, p. 101]. В некрополе Волна-1 таких групп погребений пока не выявлено.

Как мы уже неоднократно обращали внимание, детские и младенческие погребения греческого мира делятся на несколько категорий [Сорокина, Сударев, 2000, с. 193–204; Сударев, 2010, с. 425–427]. Чаще всего это ингумация, хотя известны и кремации [Morris. 1996, p. 18; Сорокина, Сударев, 2000, с. 194, 197–198; Сударев, 2010, с. 425]. Наиболее известным типом погребальных сооружений для умерших детей являлось погребение в сосуде, однако известны некрополи, где таких погребений нет или крайне мало. Другой традицией погребения детей является захоронение в тех же погребальных сооружениях, что и взрослых – простых могильных ямах, ямах с перекрытиями, подбоях, каменных ящиках и т.д. [Сорокина, Сударев, 2000, с. 193–204; Сударев, 2010, с. 425–427]³. Известны некрополи, где преобладает одна из традиций, но обычно разные традиции сосуществуют, но в различных пропорциях [Сорокина, Сударев, 2000, с. 198–200; Morris, 1996, p.139–141; Berard, 2017,

³ Отдельную категорию составляют следы инфантицида (детоубийства) или использования детей в различных ритуалах, связанных с магией, некромантией и т.д. [Cameron, 1932, p. 105–114; Haentjens, 2000, p. 261–264; Engels, 1980, p. 112–120; Завойкин и др. 2016, с. 188; Сударев, Иванов, 2023, с. 135–136].

р. 182–193]. То же можно сказать и о наличии в детских погребениях погребально-инвентаря. Погребальный инвентарь встречается во всех типах детских погребений. Однако в разных некрополях процент младенческих и детских погребений с инвентарем различен [Berard, 2017, р. 198–203; Morris, 1996, р.139–141, Сорокина, Сударев, 2000; с. 193–204]. Есть некрополи, где младенческие и детские погребения преимущественно без инвентаря или с весьма скудным инвентарем, а есть те, где наоборот инвентарь встречается в большинстве погребальных комплексов [Berard, 2017, р. 198–203]. Более того, детские погребения выглядят зачастую более «богатыми», чем погребения взрослых [Сударев, 2010, с. 444]. Однако во многих некрополях греческого мира такие погребения сосуществуют, выделяясь отчасти составом наборов вещей и их количеством [см. об этом подробно трехтомное издание *L'enfant et la mort dans l'Antiquité*]. В некрополе Волна-1 известны все типы детских погребений (кроме кремаций) с инвентарем и без.

Погребение 172 (рис. 6) было обнаружено в северо-восточной части некрополя на участке, где имеются погребения как взрослых, так и детей. Выраженного локального участка не прослеживается.

Могильная яма не прослежена, скелет средней сохранности⁴, были выявлены череп и посткраниальный скелет, представленный длинными костями рук и ног, фрагментами ребер, позвоночного столба и тазовых костей. По расположению костей можно уверенно сказать, что погребенный находился в могильной конструкции с перекрытием. Расположение инвентаря и наличие плотного грунта по периметру позволяют предположить, что конструкция представляла собой несохранившийся ящик из сырцовых, а точнее – грунтовых блоков, которые известны в некрополе Волна-1 [Кашаев и др., 2020, с. 83]. Погребенный покоился на спине, в вытянутом положении, головой был ориентирован на юго-восток. Руки слегка согнуты в локтевых суставах и немного разведены в сторону. Ноги также немного разведены в стороны. Подобное положение интерпретируется как «поза всадника». Череп и берцовые кости ног лежали ниже относительно центральной части скелета, что может свидетельствовать о наличии углублений у торцевых стенок могильной ямы. Однако проследить их не удалось.

С внутренней стороны у локтевого сустава левой руки располагался железный стержень № 1 (рис. 6.1). В 8 см к югу от левого предплечья выявлены фрагменты фиалы № 2 (рис. 6.2). В 10 см к западу от фаланг кисти левой руки расчищено скопление железных наконечников стрел (рис. 6.3), рядом с наконечниками выявлено бронзовое изделие № 4 (рис. 6.4), которое может являться украшением или застежкой колчана. В 30 см к югу от левой большеберцовой кости стояла красноглиняная

⁴ Биологические особенности: открытый перелом правой бедренной кости; кариес, резцы и клыки сильно стертые, следы воспалительного процесса (?) на правой и левой большеберцовой кости. Половозрастное определение: мужчина, старше 45 лет.

2 амфора № 5 (рис. 6,5). Она относится к типу амфор на сложнопрофилированной ножке («протофасосские»), IV серии [Монахов, 2003, с. 41, табл. 25-4; Монахов и др., 2016, с. 86, НА.3] и датируется 499–467 гг. до н.э. На правой бедренной кости был расчищен чернофигурный килик № 7 (рис. 6.6). У пояса погребенного, поперек ног располагался железный меч (рис. 6.7).

Фрагментированная фиала № 2 (рис. 7а) выявленная в этом погребении, является очень интересным и редким изделием афинских мастеров [Петракова, Мимоход, Сударев, Успенский, 2023, рис. 1.1; Петракова, Сударев, 2023, рис. 13а]. Это полихромная фиала-мезомфал, расписанная в так называемой технике Сикса (The Six's technique), то есть накладными красками по черному лаку [см. о таких фиалах, например: Фритζίλας, 2006; Tsingarida, 2008; Wiel-Marin, 2014].

Фиала-мезомфал – название, применяющееся к фиалам, у которых, в отличие от описанной выше бихромной фиалы «ахеменидского типа», имеется в центре выступ сферической формы [см. о них: Sparkes, Talcott, 1970, p. 105–106; Moore, Philippides, 1986, p. 56–57; Schreiber 1999, p. 215–216]. Благодаря этому выступу ее можно было удерживать в руке, засунув палец в выемку, образовавшуюся с противоположной стороны от выступа. Такие фиалы связывают и с религиозным, в том числе погребальным, контекстом, но также и с использованием, например, во время симпосия, с целью демонстрации личной утонченности и аристократизма остальным участникам, пьющим вино из традиционных киликов, скифосов, канфаров, ритонов [см. подробнее с библиографией: Петракова, Сударев, 2023].

Техника, в которой расписана фиала № 2 из погребения 172, получила название по фамилии голландского ученого Яна Сикса, поскольку в 1888 году он впервые опубликовал статью про аттические вазы со столь необычным декором [Six, 1888]. Термин же «техника Сикса» ввел в использование Джон Бизли в 1928 году [Beazley, 1928, p. 8]. В отличие от чернофигурной техники росписи, где лаком рисовали фигуры, или краснофигурной техники, где лаком закрашивали фон вокруг фигур, а сами фигуры оставляли в цвете глины, для росписей в технике Сикса черным лаком покрывали всю поверхность вазы. Когда он подсыхал, по нему наносили изображение при помощи белой, желтой, розовой, красной красок [см., подробнее: Grossman, 1991; Cohen, 2006a, p. 72–104; Αβρονδάκη, Σαμπετάι, 2016, σ. 18–20]. Изображение могло остаться полностью силуэтным полихромным или можно было дополнить его путем процарапывания деталей, то есть так же, как в чернофигурной технике. Но при этом, в отличие от чернофигурной техники, сквозь гравировки просвечивает черный лак, а не фон цвета глины. Техника эта, появившись, возможно, чуть раньше, получила широкое распространение в последней трети VI в. до н.э. [Grossman, 1991, p.13]. Связывают ее с мастерской гончара по имени Никосфен (Νικοσθένης). Он был и гончаром, и владельцем мастерской, его подпись сохранилась на более чем ста вазах, которые атрибутированы учеными разным вазописцам [Beazley, 1956, p.216]. Никосфен, судя по всему, любил разные эксперименты с формами и декором ваз, в том чис-

ле – под влиянием привозных с Востока и из Этрурии [Tsingarida, 2008]. Ему приписывают изобретение своих вариантов некоторых вазовых форм (так называемые «никосфеновская амфора», «никосфеновская пиксида» и др.). Для ваз этой мастерской характерно изящество форм и качественно выполненные росписи, зачастую с оригинальными сюжетами и орнаментами. Продукция ее пользовалась спросом не только в Афинах или Этрурии, но и по всему Средиземноморью. Датируют работы Никосфена и мастеров его круга второй половиной VI в. до н. э. [см.: Beazley, 1956, p. 216; Beazley, 1963–1968, p. 122–123; Boardman, 1974, p. 11–12, 64–65; Tosto, 1999; Lyons, 2009]. В случае с полихромными фиалами-мезомфалами из мастерской Никосфена речь идет о восточном влиянии (ионийском, хиосском, милетском, самосском). «Общеизвестно, что Никосфен обращался к Востоку в поисках новизны [...], атрибуция фиал в технике Сикса его мастерской показывает, что он не только имитировал восточнореческую продукцию, чтобы порадовать этрусков, но также создавал полихромную продукцию, вдохновленную восточными мотивами, техниками и формами, желая сбывать ее на греческих, в частности аттических рынках» [Tsingarida, 2008, p.109–110]. Ряд росписей на таких фиалах в последнее время некоторые ученые связывают с ранней фазой творчества Мастера Тезея (между 510 и 500 гг. до н.э.) – позднего чернофигурного вазописца, который любил дополнять полихромией также свои чернофигурные росписи [см. подробнее с библиографией: Петракова, Сударев, 2023].

Фиала № 2 из погребения 172 (рис. 7а) снаружи оставлена в цвете глины, за исключением широкого черного пояска в верхней части с белой линией, проведенной по нему. Внутри фиала покрыта черным лаком, кроме края; в верхней части, как и снаружи, проведена линия белой краской. На омфале видны следы желтой и красной краски, возможно, он был украшен полосками, как это часто бывает на подобных изделиях. Вокруг омфала – поясок желто-оранжевых «язычков». Основное поле изображения украшено фигурами трех энергично бегущих Минотавров (на одинаковом расстоянии, в одинаковой позе, напоминающей позу коленопреклоненного бега, голова назад). Минотавры выполнены белой краской, они плохо видны, поскольку краска частично стерлась. Между ними – три композиции из букв по диагонали: две из четырех букв (могут быть прочтены как «οστν»), одна из трех («οσν»). Буквы написаны яркой желтой краской, они видны хорошо.

По схеме расположения эти надписи похожи на те, что украшают фиалу с изображением козлов, найденную в Декелее в Аттике [Φριτζίλας, 2006, кат. 181; VARD 9040422] (рис. 7б): надписи расположены так же (диагонально) и состоят из трех и четырех букв в ряд. Также четыре надписи по три-четыре буквы украшают фиалу с изображением четырех гетер в Мюнхене [Φριτζίλας, 2006, кат. 186; VARD 6167; AVI 5368] (Рис. 7в): они прочтены как «οστν», «(σ)σ(τ)ν», «στ(.ο)» (четвертая не читается) и аттестованы вместе с большинством надписей на фиалах в технике Сикса как не имеющие смысла, а несущие, по-видимому, декоративный характер.

Хотя, как было сказано выше, в последнее время все ранее считавшиеся «бесмысленными» надписи ученые пытаются прочесть и интерпретировать.

С бегущими Минотаврами дело обстоит сложнее. Чаще в аттической вазописи Минотавра изображают в сценах сражения с аттическим героем Тезеем [см. подробнее LIMC vol. VI, Minotaurus]. В качестве самостоятельного изобразительного мотива он встречается реже. Один бегущий Минотавр, оборачивающийся назад, встречается в чернофигурной [LIMC vol. VI, Minotaur I.A.1] и краснофигурной [LIMC vol. VI, Minotaur I.A.3] вазописи, а также в росписях в технике Сикса, вроде стамноса в частном собрании [LIMC Supplementum 1, pl. 163 Minotauris Add1; BAPD 4893] (рис. 7д). На фиале № 2 из погребения 172 изображены сразу три бегущих Минотавра. Такие композиции встречаются на аттических вазах очень редко [см., например, гидрию в Британском музее: CVA British Museum 6, pl. 78.1, 81.1; BAPD 9996; LIMC ID 10357] (рис. 7г). Ученые предполагают, что это могут быть не Минотавры из мифа о Тезее, а, к примеру, актеры в масках в составе театрального хора (members of a theatrical chorus rather than Minotaurus since there is only one Minotaurus). Как бы ни обстояло дело, Минотавр – это существо двойственной природы (получеловек, полужуверь). Как правило, подобные существа в представлении древних греков могут служить своеобразными проводниками из одного мира в другой (коль скоро живут в двух мирах в силу своей двойственной природы). Подобное изображение хорошо подходит для того, чтобы украшающую его вазу поместить в могилу в качестве элемента погребального инвентаря. Кроме того, не исключена и функция апотропея – отвратителя всего дурного, поскольку Минотавр – губительный персонаж, которого это зло должно убояться.

На Боспоре фиалы-мезомфалы, украшенные в технике Сикса, были выявлены лишь недавно [Петракова, 2022; Петракова, Сударев, 2023]; все они представляют собой фрагменты, тем ценнее находка в некрополе Волна-1, коль скоро здесь мы имеем дело с почти целой формой.

Килик № 7 из погребения 172 (рис. 8а) по форме своей относится к так называемым чашам типа А поздней разновидности, когда вместительность стало менее глубоким [Type sub-A, см. о них: Bloesch, 1940, s. 1–3; Villard, 1946, p. 173–180; Moore, Philippides, 1986, p. 66–67]. Внутри килик покрыт черным лаком, за исключением полосы в цвете глины вдоль края и медальона. В медальоне в обрамлении красной полосы представлен сатир, бегущий вправо почти в позе коленапреклоненного бега, оглядываясь назад. Левая рука выставлена вперед, в ней ритон (рог для питья) – характерный атрибут дионисийских спутников. Изображение выполнено при помощи беглого черного силуэта. Всего несколькими гравировками обозначена граница между лицом и растительностью на лице, контур заостренного уха, глаз, очень условный контур правой руки и кисти; также имеется гравировка на груди.

Снаружи килик украшен чернофигурными росписями аналогичного характера: они выполнены в виде черных силуэтов с весьма беглыми гравировками. На сторонах А и Б фигуры расположены между большими стилизованными глазами, над

которыми нарисованы брови, внутри обозначены зрачок и радужка. В силу особенностей декора такие чаши называют «чашами с глазами» (The Eye-Cup). Эта разновидность чаш появилась в Афинах в 540 – 530 гг. до н. э. и продолжала существовать примерно до 480 г. до н. э. [Bloesch, 1940, s. 11–44; Jordan, 1988; Bundrick, 2015, p.295]. Популярность «чаш с глазами» традиционно связывают с культурой симпосия не только в метрополии, но и в колониях; много таких чаш найдено на территории Апеннинского полуострова, хотя, как отмечает Ш. Бандрик, «у этрусков и прочих не-афинян [...] их использовали и для разных местных нужд, включая погребальный инвентарь и прочие контексты» [подробнее см.: Bundrick, 2015]. Ученые полагают, что чаши, украшенные большими глазами, у которых нарисован лишь контур, а внутри поверхность оставлена в цвете глины, появились раньше других, вскоре после них – чаши с глазами, где часть изображения выкрашена белым [Jordan, 1988, p. 164], а уже позже (в 520 г. до н.э.) – чаши с полностью черными глазами, как на нашем килике [Jordan 1988, p. viii, p. 233].

На стороне А между глазами на нашей чаше нарисован сатир, едущий на муле, за ним и перед ним – по сатиру, вся процессия движется вправо, передний сатир обращивается назад. Сатир, идущий позади мула, держит в левой руке большой ритон. Беглыми гравировками обозначены контуры лиц, бород, ушей, глаз сатиров, у идущих имеются гравировки на груди и бедре, у сидящего на муле награвирован весь контур правой руки и правой ноги, у мула имеются гравировки на теле, голове и для обозначения узды; кроме того, несколько штрихов передают пряди на гриве мула и на бороде идущего перед мулом сатира. Концентрические круги внутри глаз (по три в каждом) выполнены аккуратными и более глубокими гравировками, при помощи циркуля (в центре виден след от его ножки). Сторона Б сохранилась хуже, но, судя по всему, там была аналогичная композиция (утрачены фрагменты почти всего тела мула и всадника, а также фигуры идущего сзади сатира выше колен); расположение одинаковых изображений на двух сторонах вазы в последнее время связывают с любовью их покупателей к повторам, что позволяло им испытывать «радость узнавания» уже знакомой композиционной схемы или сценки [см. подробнее: Volioti, 2017]. Фон за фигурами заполнен изображением виноградной лозы без листиков, но схематично переданы несколько гроздей. Под каждой из ручек килика нарисовано черным силуэтом по дельфину влево. Помимо гравировок, изображение было дополнено белой краской: она почти стерлась, но ее следы видны по контуру стилизованных глаз; также просматриваются следы ленты в левой руке идущего перед мулом сатира. Под изображением на килике нарисована черная линия, под ней – широкая черная полоса, самый низ тулова, ножка и верх базы покрыты черным лаком.

Форма и особенности росписи килика позволяют отнести его к работам Безлистной группы (The Leafless Group); существует и другой вариант перевода на русский язык – «Безлиственная группа» [см., например, Сидорова, 1992в, с. 225]. В эту группу ученые объединили целый ряд поздних чернофигурных вазописцев, время работы которых определяют как 500-е – 480/470-е гг. до н. э. Название группе

дали по той причине, что на части этих ваз у виноградных лоз, заполняющих фон между фигурами, нарисованы грозди, но не нарисованы листья (но также в группу входят и вазы, на которых эти листья выполнены в виде ряда точек по сторонам стеблей). Ранние вазописцы этой группы, по мнению Джона Бизли, «не плохи», но уровень остальных низок, многие из них не лучше, чем худшие из Группы Хаймона [Beazley, 1956, p. 632]. В этой группе принято выделять нескольких вазописцев, чей индивидуальный почерк можно охарактеризовать более четко, но в основном в нее входит ряд безымянных мастеров [Beazley, 1956, p. 632–653; Beazley, 1971, p. 310–313].

Преимущественно в качестве работ этой группы указывают поздние килики типа А с довольно неглубоким вместилищем. Кроме того, к ней причислены некоторые киафы, мастоиды, скифосы, пиксиды. Росписи на вазах Безлистной группы довольно небрежные, в виде обобщенных черных силуэтов, а беглые гравировки имеют характер наброска. Дополнительные цвета (красный, белый) встречаются редко. Сюжетно-тематический репертуар довольно ограниченный: преобладают изображения персонажей дионисийского круга (сатиры, менады, мулы). Под ручкой часто бывает нарисован дельфин или лист плюща [CVA Amsterdam, The Allard Pierson Museum, fasc. 2, p. 132], что хорошо согласуется с дионисийской тематикой: плющ является вечнозеленым растением (Дионис же – бог не только вина, но и вечно возрождающейся природы), а дельфин фигурирует в одном из мифов о Дионисе (он обратил напавших на него тирренских морских разбойников в дельфинов). Довольно много чаш Безлистной группы найдено при раскопках агоры в Афинах [Moore, Philippides, 1986, p. 96; cat. 1761–1765, 1767–1778]; раскопках святилища Деметры и Персефоны в Кирене [Moore, 1987, cat. 235–240], в Тарквинии [Piergo, 1984, p. 184–187]. Работы этих вазописцев также хорошо известны в находках из разных центров Северного Причерноморья, довольно много найдено на Боспоре: в Пантикапее, Нимфее, Фанагории, Патрее и др. [см. подробнее: Петракова, Букина, 2021, с. 28–29]. Недавно фрагмент подобного килика был найден в Тиритаке [Петракова, Букина, 2021, кат. 34.4] (рис. 8б). Близкие к килику из погребения 172 экземпляра имеются в зарубежных музеях: в Годалминге в Школе Чартерхаус [Beazley, 1956, p. 633 no 6; VAPD 331775], в Лувре – из Мирины [Beazley, 1956, p. 633 no 7; CVA Louvre 10, pl. 113.2,5,6; VAPD 331776] (рис. 8в) и из собрания Эдме Дюрана [CVA Louvre 10, pl. 113.1,3–4; Beazley, 1956, p. 635 no 34; VAPD 331803] (рис. 8г), в собрании Национальной библиотеки в Париже [CVA, Paris, Bibliothèque Nationale 2, pl. 55.5–7,10; Beazley, 1956, p. 636 no 50; VAPD 331818] и др.

Помещать в погребение вазы, расписанные изображениями Диониса или его свиты (сатиров, менад), – нормально и закономерно, ведь он является божеством вечно возрождающейся природы [см. подробнее с библиографией: Петракова, Букина, 2021, с. 30–31; Букина, 2021, с. 44–46]. Кроме того, «участники фиаса [...] согласно общим представлениям античного времени должны были пребывать в священном экстазе» [Букина, 2021, с. 45], это состояние, как и «воспоминания о... веселье» хо-

рошо для того, чтобы «взять с собою в могилу» [Букина, 2021, с. 46]. Условная виноградная лоза, на фоне которой на нашем килике представлены фигуры, это не обозначение «пейзажа», которого фактически в чернофигурной аттической вазописи и не было (по крайней мере в современном понимании этого жанра), а символический элемент визуального повествования: «виноградные лозы прорастают там, куда приходит Дионис и его свита», а не «Дионис, сатиры и менады прибыли в виноградник» [Dietrich, 2010, S. 551].

Таким образом, в этом погребении мы видим изделия афинских мастеров, датируемые в пределах пары десятилетий (конец VI – начало V в. до н.э.) и, как и в комплексе 211, украшенные изображениями, вполне согласующимися с погребальным контекстом.

Положение костяка в «позе всадника» неизвестно в Милете и крайне редко в милетских колониях Причерноморья, но довольно регулярно (20 – 25 %) встречается в некрополях «немилетской группы» и, в частности, в некрополях Фанагории, Гермонассы и Кеп [Сударев, 2010, с. 442]. На Азиатском Боспоре они распространены с VI в. до н.э., а в некрополе Волна-1 – с начала его функционирования. Они существуют наряду с положением «вытянуто на спине, руки и ноги паралельно». Большинство таких погребений сопровождается инвентарем. Более того, инвентарь в таких погребениях представлен значительный и разнообразный, в него входят амфоры, сосуды для питья, оружие и т.д. Такие погребения известны в некрополях Фанагории с VI в. до н.э. и продолжают существовать в более позднее время, вплоть до II в. до н.э. Также они известны в некрополях Кеп, Пересыпи, Нимфея, Горгииппии, Виноградный-7, Артющенко-2 и т.д. до конца эллинистического периода. В то же время в некрополях Пантикапея, Мирмекия, Тиритаки, Китея, у м. Панагия, Тузла подобных погребений нет. Интересно, что они не встречаются и в курганных некрополях Кеп, Фанагории и Гермонассы, несмотря на большой процент таких погребений в грунтовых некрополях вышеперечисленных городов [Сударев, 2004, с. 332–344; Сударев, 2010, с. 442].

Погребения в сырцовых ящиках характерны для некрополей Боспора. Они также распространены в некрополях Аттики, Эвбеи, Македонии, Эпира и эвбейских колоний Халкидики и Великой Греции, но практически неизвестны в Малой Азии и некрополях дорийских полисов [Иванов, Сударев, 2022, с. 113–121; Иванов, Сударев, 2023, с. 187–217]. Следует отметить, что эти сооружения есть в Абдерах, являющихся колонией Теоса, однако в самом Теосе такие погребения не известны. В некрополе Волна-1 они распространяются, начиная с последней четверти VI в. до н.э. Подобные погребения широко распространены в некрополях Азиатского Боспора, особенно в юго-западной части полуострова (в Гермонассе, у м. Тузла, у м. Панагия, Артющенко-2, Волна-1) и некрополях «фанагорийской группы» (Виноградный-7, Виноградный Северо-Восточный и т.д.). Однако, несмотря на то, что в обеих группах встречаются погребения в сырцовых ящиках, по конструктивным элементам и по набору инвентаря они довольно сильно отличаются [Сударев, Иванов, 2023, с. 141].

Говоря о сырцовых ящиках, отметим, что, вероятнее всего, они связаны с героизацией умерших предков [Иванов, Сударев, 2023, с. 203–204]. Формирование новых погребальных обрядов в колониях было связано, прежде всего, с созданием новых колониальных, оторванных от метрополии, идентичностей, когда прибывшие греки, особенно во втором и третьем поколении, в результате смешанных браков не только с местным населением, но и между разными греками, не могли считать себя милетянами, теосцами, клазоменцами и т. д. И для них становилось необходимым создавать собственные корни, собственную мифологию и собственные обряды [Сударев, Иванов, 2023, с. 179–205; Сударев и др., 2023, с. 336].

Детское погребение «комплекс 211» и погребение 172 объединяются по наличию редкой для некрополей Северного Причерноморья и уникальной для грунтовых некрополей Боспора категорией сосудов – в обоих погребениях встречены чаши-фиалы.

Остановимся на этом подробнее. Фиалы, как чаши для возлияний, довольно распространены в греческом мире и производились не только в Аттике, но и во всем греческом мире [Schütte-Maischatz, 2010, p. 121–130; Luschey, 1939, p. 149–155]. Большинство дошедших до нас фиал изготовлены из металла: золота, серебра, посеребрённого олова или бронзы. Тем не менее сохранилось небольшое количество керамических фиал [Cardon, 1978, p. 133]. Наиболее ранние фиалы появляются в апсидальных вождеских зданиях Центральной Греции и Восточно-Греческих островов [Mazarakis Ainian, 1997, p. 46, 85, 91, 303, 313], которые с течением времени превратились из общественных зданий правителей в храмы и сакральные могилы вождей – герооны [см. подробнее об этом: Сударев, Иванов, 2023]. Наиболее часто фиалы встречаются в храмах, святилищах, сакральных комплексах в качестве инвентаря или приношений, причем часто в больших наборах по несколько десятков или даже сотен предметов [Baumbach, 2004, p. 42, 99; Dunbabin, 1951, p. 61–71; Cavalier et al., 2022, p. 205; Cavalier et al., 2023, p. 14; Luschey, 1939, p. 149–155].

В погребальном контексте фиала упоминается в XIII песне Иллиады Гомера [Ном. II.XIII, 243, 270, 615–620, 742–749]. Она выступает как временное вместилище для праха Патрокла и как приз на погребальных играх в честь него. Именно в контекстах, интерпретируемых как «героические похороны», в первую очередь в кремациях, фиалы известны в погребениях протогеометрического периода, начиная со знаменитого героона «Героя из Лефканди» [Antonaccio, 1995, p. 9; Οικονόμου, 2012, Σ. 212] и включая значительное число погребений в Центральной Греции, Аттике, Беотии, Опунтской Локриде, на Эвбее, в Коринфе, Арголиде, Ахайе и на Кипре [Papadopoulou, 2017, p. 304, 306, 307; Βιζυρηνοῦ, 2011, Σ. 171, 174–179, 186, 187, 196, 208, 215, 217, 273, 360, 366, 368, 374–376, 381, 387; Οικονόμου, 2012, Σ. 98, 196, 219; Domínguez, 2019 p. 26; Foley, 2016, p. 141, 201, 205, 295, 463, 467; Maniaki, Moutafi, 2019, s. 319; de Souza, 2011, p. 107–108]. В греческих некрополях VII–V вв. до н.э. фиалы встречаются в основном в поминальных комплексах. Они известны в жертвенных рвах и при-

ношениях в Афинах и Коринфе [Blegen et al., 1964, p. 86; Houby-Nielsen, 1998, p. 134; Knigge, 1966, s. 44; Knigge, 2005, s. 7, 19, 111, 114, 124, 136; Kunze-Gotte et al., 1999, s. 66; Οικονόμου, 2012, Σ. 113]. Особенно часто они встречаются в комплексах, связанных с культурами могил предков и культурами героев [Antonaccio, 1995b, p. 33, 40, 54, 56, 60–66, 140, 160–164, 215; Contursi, 2016, p. 128–131, 140, 144, 145, 153, 156, 159, 163 etc.].

Позднее геометрического периода в погребениях фиалы встречаются не часто. Заметное количество их присутствует на Родосе. Больше всего (9) их в некрополе Камиро. Из них 7 встречены в камерных и каменных гробницах [Jасорі, 1931, p.43, 52–58, 83–88, 133–134, 183–184; Jасорі, 1932, p.104] и три в погребениях детей [Jасорі, 1931, p. 263–265, 287–291, 295]. В некрополе Ялиссо на Родосе известно три металлических (две бронзовые и серебряная) фиалы [Jасорі, 1929, p. 110, 250]. Две из них встречены в кремационном погребении, которое, судя по размерам, было детским. Еще одна фиала-мезомфал встречена также в небольшом кремационном погребении некрополя Врулии на Родосе [Kinch, 1914, p. 86].

В греческих колониях Южной Италии известно очень большое количество находок фиал в святилищах. Среди керамических фиал известны как импортные образцы, так и чаши собственного производства. Тем не менее в некрополях греческих колоний это очень редкая находка. Такие чаши встречены в детском погребении №49 некрополя Гелы [Orsi, 1906, p. 44–46], в детских и женских могилах № 259, 359, 828, 826, 932, некрополя Локр [Elia, 2012, p. 103, Orsi, 1913, p.34; Jäger, 2021, p. 13, 25, 32–35], в погребении № 1044 некрополя Акраганта [De Miro, 1989, p. 92, tav. 23], №113 и «via Liguria» Таранта [D'Amicis et al. 1994, p.327; Burkhardt, 2008, p. 279], погребении 311 некрополя Сиракуз [Orsi, 1895, p.148], погребениях 1872 г. и № 145, 310, 392 и в поминальных комплексах 145 и 502, некрополя Селиунта [Cavallari, 1872., p. 13; Kustermann, Graf, 2002, p. 298; Meola, 1996-1998, T. 1, p. 51–52, 264], в погребении 211 некрополя Камарины [Pelagatti, 2017, p. 338]. С учетом того, что на юге Италии и на Сицилии раскопаны огромные некрополи с десятками тысяч различных сосудов, а число фиал в святилищах и сакральных комплексах этого региона исчисляется тысячами, такая редкость их в погребениях не может быть случайной. Заметим, что в некоторых, наиболее хорошо раскопанных некрополях – Липары, Гимеры, Каулонии – фиал не встречено вовсе. Исключительную ситуацию мы наблюдаем в Метапонте. Там в хорошо и масштабно исследованных некрополях фиал нет [Carter, 1998], однако две драгоценные фиалы встречены в герооне, который связывают с тираноубийцами Антилеоном и Гиррарином [De Siena, 2008, p. 11; Bottini, 2010, p. 147–156]. В этом герооне, помимо воинов с большим количеством оружия, шлемом, кирасой, щитом и большим и разнообразным набором вещей, встречено погребение женщины в золотом калафе, которая, вероятно, являлась жрицей. Фиалы найдены в могиле мужчины-воина.

Следует заметить, что в то же самое время фиалы довольно часто встречаются в

некрополях местного населения Южной Италии, где они, по-видимому, имеют другую смысловую нагрузку и используются как чаши для питья вина [Montanaro, 2020, p. 34, 38; Burkhardt, 2008, p. 122, 127, 254, 316]. Фиалы являются частой находкой в пунийских некрополях Южной Италии, однако их форма отличается от греческой [Spatafora, 2010, p. 41–49; Calascibetta, 2010, p. 61; Merrra, 2014, p. 11, 31].

Несколько больше их в некрополе Коринфа [Davidson, 1952, p. 68–70; Blegen et al. 1964, p. 98, 108–109, 196]. Наиболее ранняя связана с поминальными действиями над группой могил VIII в. до н.э., расположенных на Агоре в Южно-центральной части города [Weinberg, 1943, p. 28; Morgan, 1937, p. 544–546]. Эта группа могил интересна не только своим богатством и местоположением, но и тем, что рядом с ней находился алтарь, на котором продолжался обряд жертвоприношения (включая жертвенных животных) вплоть до римского времени, а вокруг располагались ямы и колодцы (ботросы) с приношениями. Это свидетельствует о том, что перед нами могилы героизированных предков, расположенные на Агоре и распространенные в греческом мире регулярные поминальные действия над их погребениями [Dubбини, 2010, p. 119–127; Ficuciello, 2019, p. 203–223; Иванов, Сударев, 2023 с. 204, прим. 47]. Вероятно, наиболее задокументированным таким случаем является комплекс могил предков-Тритопаторов (Τριτοπατορες) на Агоре Селинунта, с которым связан *Lex Sacra* – свинцовая табличка с регламентацией священных действий над могилами героических предков [Helas, 2022, p.409–428; Matijević, 2017, p. 5–38]. Одна из фиал была обнаружена в поминальном комплексе между «героическими» могилами и не меньше четырех – в колодцах-ботросах [Risser, 2001, № 268, 269, 279; Morgan, 1937, p. 548, fig. 10; Campbell, 1938, p.557–560, 569–570 fig.1]. Найдены фиалы в Коринфе и в комплексах, связанных с культом предков и святилищем Тритопаторов [Dubбини, 2010, p. 128]. Известны фиалы и в архаическом, и классическом некрополе Коринфа; в двух случаях они встречены над могилами и, видимо, связаны с тризнами, а в трех случаях – в детских погребениях. На Пелопонесе они есть в Арголиде, в Аргосе, в поминальных комплексах: в 8 детских погребениях и 2 женских [Beaufils, 2000, p. 169, 207, 383, 402, 561; Schlehofer, 2018, V.2. P. 290–291; 378, 380, 384, 391, 393]; в Ахайе – в детских и женских погребениях [Maniaki, 2019, p. 244, 246, 258. Fig. 12; Maniaki, Moutafi, 2019, s. 284–285, 318–319, 333]. Интересным представляется погребение (Героон) первой половины V в. до н.э. из Гермiony, которое выделяется монументальностью погребального сооружения, наличием исключительно богатого (для этого времени и этой территории) инвентаря, включающего коринфский шлем, набор бронзовой посуды, большой и разнообразный набор чернофигурной аттической посуды и четыре фиалы [Schlehofer, 2018, V. 1, p. 133].

Довольно много фиал в некрополе VI–V вв. до н.э. Акрефии в Беотии, в том числе аттического и коринфского производства [Andreiomérou, 1995, p. 118].

Наибольшее их количество на настоящий момент представлено в некрополе Афин. Наиболее ранние фиалы там появляются еще в протогеометрический период

[см. выше, Blegen, 1952, p. 288]. Они встречены как в захоронениях мужчин⁵, так и в могилах женщин и детей [Young, 1951, p. 93; Boulter, 1963, p. 115–118; Houby-Nielsen, 1998, p. 170, 172, 180, 184; Βιζυηνοῦ, 2011, Σ.260; Parlama, Stampolidis, 2000, p. 225, 279, 356, 381; Knigge, 1966, s. 41–42, Knigge, 1976, s. 66, 104, 125, 126; Kunze-Gotte et al. 1999, s. 4, 29, 31, 66–68, 115, 118–121; Knigge, 2005; Marchiandi, 2011, p. 316. 346, 451; Gaifman, 2018, p. 460–461]. Интересно, что на разных частях некрополя и в разных некрополях Аттики фиалы встречаются в разном количестве [Pontrandolfo, 1999, p. 68; Alexandridou, 2012, Σ. 35].

С конца VI в. до н.э. металлических и керамических фиал много в некрополях Македонии: в Вергине, Синдоне и Архонтико и Агие Параскеве, [Saripanidi, 2017, p. 81–85, 89, 91, 100; Σιούντα, 2017, Σ. 64, 65, 74, 87; Κοτταρίδη, 2016, Σ. 622, 625, 633; Δεσποίνη, 2016, Σ. 17, 21, 34–35, 251–256]. Ряд исследователей связывает это с восточными влияниями, и в частности – Ахеменидов, считая при этом, что эта традиция была переосмыслена через призму героизации умерших [Saripanidi, 2017, p. 100; Δεσποίνη, 2016, Σ. 251–256; Κοτταρίδη, 2016, Σ. 632–633]⁶. Следует, однако, отметить, что фиалы известны в Македонских некрополях с более раннего времени [Korti-Konti, 1997, p. 39].

Встречаются они и в некрополях Малой Азии. Ряд исследователей считает, что они проникли в Грецию из Малой Азии [Luschey, 1939; Utili, 1999, p.107]. Следует логичное предположение, что их там много. Однако это не так. Например, в некрополе VII – начала VI в. до н.э. Ассоса металлические и керамические фиалы использовались в качестве крышки для кремационной урны, что отсылает нас к обряду героических похорон Патрокла [Bischof, 2006, p. 216–221], но позже они исчезают. В то же время в неплохо изученных некрополях Клазомен, Кум, Колофона, Милета, Смирны, Теоса⁷, Самоса и т.д. ни металлических, ни керамических фиал пока не зафиксировано. А это важно, так как из этого региона в первую очередь шла колонизация Причерноморья и, в частности, Боспора. Отметим, что они встречаются в лидийских, фригийских и карийских гробницах [Utili, 1999, p.107]

В греческих некрополях Северного Причерноморья VI–V вв. до н.э. данные соуды встречаются очень редко. В архаическом некрополе Ольвии известно три фиалы

⁵ Следует отметить, что в одной из могил находился большой набор посуды с кораллово-красным покрытием, сделанными в одной мастерской с подписями гончара Сотата (ΣΟΤΑΔΕΣ ΕΠΟΙΕ) и Геге-сидула. Так как подписей мастера Сотата больше (3), эта гробница, открытая в 1890 году, называется «Гробница Сотата» [Williams, 2006, p. 291–317].

⁶ Это далеко не полный список памятников, в которых встречены фиалы, однако мы не ставили задачу отметить абсолютно все случаи нахождения фиал в погребениях Греции. Мы не рассматривали фиалы позднеклассического и эллинистического времени. Кроме того, металлические фиалы также нередко встречаются в элитных погребальных комплексах варварской знати [Luschey, 1939, p. 41–138, Стойчев, 2009, с. 1–50; Ursu Naniu, 2000, p. 178, 180–181; Schütte-Maischatz, 2010, S. 146–152]. Однако это выходит за рамки интересующей нас темы.

⁷ Отметим, что фиал нет и в хорошо исследованном некрополе Абдер, который связывается с клазоменской, а позже с теосской колонизацией.

лы – одна серебряная и две керамические, аналогичные найденным в комплексе 211 [Скуднова, 1988, погр. № 151 и 208]. Оба погребения, судя по инвентарю, являются женскими. Еще две серебряные фиалы встречены в некрополе Пичвнари в погребениях 6 и 15 середины V в. до н.э. Одно погребение уверенно, а второе с большой вероятностью относится к женским [Tsetskhladze, 1999, p. 47].

Заканчивая этот небольшой экскурс в историю использования фиал в качестве чаш для возлияний в греческом погребальном обряде, подведем некоторые итоги.

Фиалы, как чаши для возлияний, широко распространены в греческом мире, регулярно и в очень больших количествах встречаются в сакральных комплексах. Впервые в погребальном контексте они упоминаются в Илиаде, как временное вместилище для праха Патрокла и как приз на погребальных играх. Именно в контексте героических похорон они и распространены в греческом мире начиная с раннего железного века. Однако и в этот период они встречаются в погребениях неравномерно: в одних регионах их много, в других – практически нет. Позднее, с начала VI века, на фоне общего сокращения «героических похорон» и кремаций [Кашаев, Сударев, 2023, с. 27–32] традиция помещения фиал в могилу как атрибута героизированного умершего сокращается, но не исчезает; фиалы становятся атрибутом женских и детских погребений. Более того, Н. Димакис считает наличие фиал характерной чертой именно детских аттических погребений VI–IV вв. до н.э. [Dimakis, 2020, p. 109], а С.Э. Хуби-Нильсен – женских и детских (Houby-Nielsen, 1998, p. 170, 184). Следует отметить наличие и еще одной категории умерших, в погребениях которых встречаются фиалы, – это погребения погибших воинов, и в особенности – коллективные [Οικονόμου, 2012, Σ. 112–113, 131–132; Marinatos, 1970, Σ. 365].

Казалось бы, совершенно разные по полу и возрасту категории, однако на самом деле они не настолько различные, как может показаться на первый взгляд. Все эти покойники относятся к категории «Ἄφρο» – безвременно ушедшие [Garland, 1985, p. 77–103], а значит, к категории наиболее «опасных», беспокойных и представляющих опасность для живущих умерших. Довольно подробно об этой категории умерших говорится в Lex Sacra из Селинунта, который разделяет умерших предков – Тритопаторов на «чистых» и «нечистых», подразумевая под «нечистыми» покойников, не прошедших перед смертью обряда очищения [наиболее подробно о самом законе и категориях «чистых» и «нечистых» предков см.: Matijević, 2017; Jameson, Jordan, Kotansky, 1993, p. 73–75; Garland, 1989, p. 1–15]. К категории «нечистых», осквернённых в мире живых относились беременные (до 40-го дня), роженицы и младенцы; люди, пролившие кровь; люди, принимающие участие в погребениях; женщины, помогающие при родах и т.д.. Все они нечисты до того момента, пока не пройдут обряд очищения [см. об этом подробно: Parker, 1996, p. 72–73, 104–143; Blok, 2006, p. 197–247]. До этого момента они не могли посещать святилища, участвовать во многих церемониях и многого другого. При этом некоторые категории (например, роженицы, акушерки, отцы, люди, в чьей семье кто-то родился или умер) не могли в короткие сроки пройти обряд очищения. Для роженицы срок очищения составлял около года, для акушерки и отца ребен-

ка – около месяца, для родственников и людей, посетивших дом, в котором родился ребенок, – от трех до 5 дней. Естественно, что степень загрязненности «миазмами» у каждой категории была различная, что подробно освещалось в многочисленных законах, которые высекались на камнях и выставлялись в святилищах и т.д. [Frisone, 2000]. Во многих законах жизнь населения полиса регламентировалась от момента зачатия до смерти и погребения [Frisone, 2000, p. 103–126]. В них же регламентировались сроки и обряды прохождения процедуры очищения; в различных полисах эти обряды (как и обряды, связанные с погребениями) довольно заметно различались.

Умершие предки (Тритопаторы⁸), ушедшие из жизни до очищения, считались «нечистыми». В особенности это относилось к женщинам, умершим при родах или вскоре после родов, к младенцам и людям, пролившим кровь, самоубийцам и некоторым другим. Священный закон из Селинунта прямо регламентирует, что в честь этой категории предков должны совершаться особые обряды: для «чистых» Тритопаторов – «как богам», а «нечистым» жертвы приносятся «подобно героям» [Matijević, 2017, p. 22–23; Jameson, Jordan, Kotansky, 1993, p. 15, 36, 73].

Таким образом, мы видим, что категории умерших, в чьих могилах встречаются фиалы, совпадают с категорией «нечистых» предков, которым приносятся жертвы «как героям».

Однако встает вопрос – откуда могла появиться эта традиция в некрополе Волна-1? Появление этой традиции из Малой Азии маловероятно, так как там погребения с фиалами редки, а в Ионии вообще пока не зафиксированы. На наш взгляд, некоторый свет на данный вопрос может пролить изучение некрополя Афин. Это один из немногих некрополей, в котором после геометрического периода чаши встречаются не только в погребениях младенцев и женщин, но и в мужских, в том числе воинских, и тех, которые можно идентифицировать как «героические». Очень яркую картину этого дает участок, который связывается с территорией кладбища рода Алкмеонидов [Knigge, 1991, p. 103–110; Knigge, 2006, p. 127–162; D’Onofrio, 2017, p. 279].

На этой территории исследован участок некрополя, который существовал с геометрического периода и вплоть до IV в. до н.э. [Kübler, 1973, p. 172–173; Knigge, 1991, p. 103–110; D’Onofrio, 2017, p. 260–280; Stroszeck, 2010, p. 55–83]. Особенностью этого участка является то, что на нем расположен Курган Г, на котором исследовано святилище Тритопаторов, примыкающее непосредственно к гробнице, построенной из сырцового кирпича. В ней найдены несколько погребений и саркофаг, где находился богато украшенный бронзовый котел с кремацией, завернутой в тонкую ткань. Судя по надписи, найденной там же [Knigge, 1991, p. 109], гробница принадлежала потомкам Алкмеонидов, а кремация, по мнению Урсулы Книгге, могла принадлежать знаменитому Алкивиаду [Knigge,

⁸ Тритопаτορες (Тритопатры, Тритопаторы) – буквально «третьи отцы», то есть предки, зафиксированы как духи коллективных предков родовой группы (γένος) в Аттике, Делосе, Фивах, Селинунте и Кирене.

1991, p. 109–110; Knigge, 2006, p.127–162]. Поблизости от сырцовой гробницы находилось «чрезвычайно необычное место для жертвоприношений с сотнями небольших блюд, чаш и кувшинов, датируемых концом V в. до н.э. Среди них встречены и керамические фиалы [Knigge, 1991, p.109–110; Knigge, 2006, p. 127–162]. Рядом найден еще ряд статусных гробниц, в том числе богатые кремации, в которых обнаружены несколько бронзовых фиал, которые считаются изделиями северо-сирийских или восточно-анатолийских мастеров. По мнению У. Книгге, святилище Тритопаторов на данном участке связано с душами умерших предков и поклонение им было родовым культом. На этом святилище приносились жертвы как «чистым», так и «нечистым» предкам [Stroszeck, 2010, p. 74–75]. На этом участке встречены детские и младенческие погребения V в. до н.э. Часть могил располагалась на территории святилища Тритопаторов [Kübler, 1973, p. 181], что можно связать с особым отношением афинан к категории «Ἄφροι».

Таким образом, именно в Афинах в VI–V вв. до н.э. мы видим сочетание фиал в детских, женских и мужских, в том числе воинских, погребениях и связанных с ними сырцовых гробниц-героонов. Мы уже высказывали мысль о возможном афинском влиянии на появление сырцовых гробниц на Боспоре, в частности в некрополе Волна-1 [Иванов, Сударев, 2023, с. 204]. Возможно, на это же косвенно могут указывать и находки там чаш-фиал.

Погребение 273 (Рис. 9) было обнаружено в центральной части некрополя, к востоку от древней дороги, ведущей к поселению.

Могильная яма не прослежена, расчищенный скелет – плохой сохранности. Зафиксированы череп и посткраниальный скелет, представленный длинными костями правой руки, фрагментами ребер и таза, длинными костями ног. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой была ориентирован на восток. Череп был слегка завален на левый бок. Правая рука согнута в локтевом суставе и отведена в сторону от туловища. Ноги покоились в вытянутом положении.

В 0,3 м к юго-юго-западу от черепа, находился килик ч/л № 1 (рис. 9.1) и фрагменты красноглиняной миски № 2 (рис. 9.2). В 0,33 м к югу от левой бедренной кости зафиксирован чернофигурный лекиф № 3 (рис. 9.3), рядом с лекифом стояла миниатюрная чашечка с кораллово-красным покрытием № 4 (рис. 9.4), между чашей и лекифом зафиксирована миниатюрная красноглиняная чаша № 5 (рис. 9.5) и лежащая вверх дном миниатюрная чернолаковая солонка № 6 (рис. 9.6). За ней лежало бронзовое зеркало № 8 (рис. 9.6) и пряслице глиняное № 7 (рис. 9.7). В 0,21 м к западу от зеркала стоял кувшин красноглиняный № 9 (рис. 9.9). Среди фрагментов костей грудной клетки найдена бусина № 10.

Чернолаковый килик №1 (рис. 9.1) на низком поддоне и с прямым венчиком может быть датирован второй четвертью V в. до н.э. На Боспоре эта форма известна, например, в Пантикапее и Тиритаке [см. подробнее: Петракова, Букина, 2021, кат. 5.7 и кат. 59.45]. Это довольно стандартная для своего времени форма,

известная по многочисленным находкам по всему Средиземноморью не только в чернолаковом варианте, но и с краснофигурными росписями.

Лекиф № 3 из погребения 273 (рис. 10а), как и описанный выше лекиф № 1 из комплекса 211 (рис. 3а), имеет тулово цилиндрической формы, однако венчик у него другой – невысокий и нечашевидной формы; переход от тулова к базе плавный, без ярко выраженной ножки. Сохранился он лучше: отбиты и приклеены только горлышко с венчиком, все остальное разбито не было. При обжиге лекифа, по-видимому, произошли нарушения температурного режима, поэтому лак во многих местах вместо интенсивного черного стал красно-коричневым. Изначально тулово этого лекифа было покрыто белой обмазкой [см. о ней, например: Wehgartner, 1983], которая впоследствии осыпалась за более чем две тысячи лет нахождения в могиле. Следы белой облицовки видны сейчас лишь в нескольких местах. Венчик лекифа и ручка с наружной стороны покрыты черным лаком (сейчас он во многих местах осыпался); горлышко оставлено в цвете глины. На плечиках расположен пояс с палочным орнаментом, над которым еще один пояс с очень небрежно выполненными зигзагами. Примерно две трети тулова сверху было покрыто белой обмазкой (почти вся осыпалась), по ней расположено чернофигурное изображение без гравировок и дополнительных цветов. Это орнамент в виде двух рядов горизонтально ориентированных вправо пальметт; в верхнем ряду их три, в нижнем – две. Выше и ниже композиции из пальметт нарисовано по черной линии. Низ тулова покрыт черным лаком, за исключением двух полосок в цвете глины. Верх базы также покрыт лаком.

Наиболее близкие аналогии к лекифу № 3 из погребения 273 находятся среди изделий, датированных второй четвертью V в. до н.э. Таковы, например, лекифы в Генуе [CVA Genova 1, tav. 3.5; BAPD 13928], в Таранто [CVA Taranto 4, tav.19.3–4; BAPD 23638; датирован 475–450 гг. до н.э.] (рис. 10б), в Геттингене [CVA Göttingen 3, Taf.84.8–10; BAPD 9032726; датирован 470–460 гг. до н.э.] (рис. 10в). Перечисленные лекифы можно назвать крайне близкими аналогиями по всем параметрам. Менее близкими аналогиями являются лекиф в Лейпциге [CVA Leipzig 2, Taf. 38.9–10; BAPD 659; пальметты расположены ближе друг к другу, в верхней части тулова имеется пояс с шахматным орнаментом в три ряда; причислен к изделиям мастерской Мастера Ведьмы] (рис. 10г) и в Торонто [CVA Toronto, pl. 41.8; BAPD 6157; другая форма лекифа; датирован 470–460 гг. до н.э.]. Лекифы с пальметтами, в том числе горизонтальными, выполненными по белой облицовке, известны в боспорских находках, но не такой хорошей сохранности [ср., например: Петракова, Букина, 2021, кат. 28.1], как лекиф № 3 из погребения 273.

Чернолаковую мисочку № 6 (рис. 11а) и мисочку № 4 с кораллово-красным покрытием (рис. 11б) [Петракова, Мимоход, Сударев, Успенский, 2023, рис. 1.3] из погребения 273 следует датировать концом первой – второй четвертью V в. до н.э. В последнее время такие изделия предпочитают называть маленькими чашечками или мисочками, а не солонками, как раньше, хотя зачастую сложно определить разницу между одним и другим [см. Tsingarida, 2016, p. 107]. Эти изделия очень близки по

форме, кроме того, их роднит наличие отверстия в месте перехода от тулова к кольцевидному поддону. У чернолаковой мисочки венчик переходит в тулово довольно плавно, выступ между ними только намечен; кольцевидный поддон отделен от тулова вполне ощутимым рубчиком. У мисочки с кораллово-красным покрытием черным лаком выкрашен венчик и кольцеобразный поддон, за счет этого создается нарядный декоративный контраст и отделение разных частей вазы друг от друга выглядит более четким.

Чернолаковая мисочка № 6 (рис. 11а) находит аналогии среди изделий, известных на Боспоре, например, в Тиритаке [ср.: Петракова, Букина, 2021, кат. 43.61] (рис.11r). Аналогичная по форме мисочка № 4 (рис. 11б), под кораллово-красным покрытием находит аналогии в публикациях об аттических изделиях с таким видом декора [ср., например: Tsingarida, 2016, p. 108, fig. 9.1, 9.5, 9.6] (рис. 11в-д). О кораллово-красном лаке речь шла выше в связи с бихромной фиалой № 3 из комплекса 211: это достаточно редкий вариант декора аттических ваз, характерный, главным образом, для чаш и мисочек. Сохраняется это покрытие обычно плохо, в этом смысле мисочка №4 из погребения 273 является вполне характерным примером для такого вида памятников: на поверхности имеются многочисленные осыпи кораллово-красного лака.

Все аттические сосуды из этого погребения сохранились весьма неплохо: они склеены из кусков, утраты формы отсутствуют. Все предметы на основе аналогий датируются второй четвертью V в. до н.э.

Над погребением располагался комплекс 119, который представлял собой развал фрагментов двух хиосских пухлогорлых амфор, которые, вероятно, являлись вместилищем для детского погребения. Случаи, когда вместо одного целого сосуда для детского погребения используются части двух сосудов также широко распространены на территории Боспора. Синхронность датировки этого комплекса и погребения, вероятно, указывает на взаимосвязь двух погребений.

Рядом с данным погребением можно проследить локальный участок. Параллельно, также ногами к древней дороге и головой на восток, выявлено еще четыре погребения: одно синхронное погребение (278) расположено южнее (слева), три погребения – к северу (№ 207, 163 и 301). Все эти погребения синхронные по времени и датируются в пределах второй четверти V в. до н.э. Все эти погребения совершены в простых могильных ямах, женские, в положении «вытянуто на спине», у всех инвентарь расположен слева от погребенного, во всех этих погребениях присутствует зеркало, пряслице, ойнохоя, две солонки (или солонка и миниатюрная мисочка), одна или обе – с отверстиями для подвешивания. Кроме того, в состав инвентаря входит сосуд для питья и сосуд для масла. Следует отметить также, что с двумя погребениями – № 273 и 163, над погребениями выявлены развалы синхронных им амфор, которые, вероятнее всего, являлись вместилищами для детских погребений. Подобные случаи нередки в античном мире и обычно указывают на причину смерти женщины. Однако, как мы отметили выше, в разных некрополях традиции захоронения «матери и ребенка» отличаются довольно существенно. Если в некрополе Виноградного-7 это

практически всегда безынвентарное погребение в положении «скорченно на спине, ноги вправо/влево», то в данном случае мы видим совсем другую традицию – женщины погребены со стандартизированным набором инвентаря, в положении «вытянуто на спине».

Таким образом, три комплекса из раскопок 2016 года грунтового некрополя Волна-1 дают нам весьма интересные сведения о погребальном инвентаре в женском, мужском и детском погребениях. В качестве погребального инвентаря фигурируют не только достаточно распространенные изделия античных гончаров и вазописцев (чернофигурные лекифы и килики, чернолаковые мисочки, блюда и чаши), но и редкие формы (фиала-мезомфал, фиала ахеменидского типа), украшенные при помощи редких техник декора (техника Сикса, кораллово-красная облицовка). Интересно также проследить определенные закономерности в сюжетно-тематическом репертуаре в росписях помещенных в могилу предметов и соотнести их именно с погребальным контекстом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Букина А.Г. Мифологические изображения на чернофигурной керамике из Тиритаки // Боспорские исследования, Вып. XLIII. Керчь-Симферополь, 2021, с. 44–73.
- Завойкин А.А., Колесников А.Б., Сударев Н.И. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории Вып. 2 / А.А. Завойкин (ред.) (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4). М., 2016, с. 110–207.
- Иванов А.В., Сударев Н.И. О некоторых примерах использования сырца в погребальных конструкциях Греции // Международная научная конференция «XXIII Боспорские чтения». Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья: сакральное и материальное. Симферополь-Керчь, 2022, с. 113–121.
- Иванов А.В., Сударев Н.И. Сырцовый кирпич в строительной традиции и погребальной практике Древней Греции и на Боспоре // Древности Боспора. М., 2023. Т. 28, с. 187–226.
- Кашаев С.В., Мимоход Р.А., Сударев Н.И. Погребения с лошадьми в некрополях Волна-1 и Артющенко-2 // Археологические вести. 2020. №. 30, с. 82–96.
- Кашаев С.В., Сударев Н.И. «Кремация на Боспоре в VI–II вв. до н.э.». Двадцать лет спустя // Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций. Изучение кремаций и проблемы культурного взаимодействия в античное время. М.: ИА РАН. 2023, с.27–32.
- Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. Исследования грунтового некрополя Волна-1 в 2017 г. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на Дону, 2018а, с. 120–144.
- Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. Некрополь Волна-1 2017 г. (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. М., 2018, с. 220–231.
- Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. Новый «городской» некрополь архаического

- и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация // Древности Боспора. Т.21. М, 2017, с. 295–311.
- Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. Москва, Саратов, 2003.
- Монахов, С. Ю., Кузнецова, Е. В., Федосеев, Н. Ф., Чуреклова, Н. Б.* Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керчь, Саратов, 2016.
- Петракова А.Е.* Аттичские керамические фиалы эпохи архаики на Боспоре: сакральное и материальное // Международная научная конференция «XXIII Боспорские чтения». Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья: сакральное и материальное. Симферополь-Керчь, 2022, с. 253–259.
- Петракова А.Е., Букина А.Г.* Аттичская чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. Керчь-Симферополь, 2021.
- Петракова А.Е., Мимоход Р.В., Сударев Н.И., Успенский П.С.* Погребения с фиалами из некрополя Волна-1 // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях / Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, А.В. Зинько. Симферополь-Керчь, 2023, с. 277–285.
- Петракова А.Е., Сударев Н.И.* Фиалы-мезомфалы с декором в технике Сикса и бихромные фиалы «ахеменидского типа» в материалах раскопок на территории Европейского и Азиатского Боспора: проблемы выявления и изучения // Боспорские исследования. Вып. XLVI / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь, 2023, с. 37–72.
- Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии: Публикация одной коллекции / Ред.С.П.Борисковская Л., 1988.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И.* Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н.э. // Stratum plus № 3. СПб–Кишинев-Одесса-Бухарест, 2000, с. 193–204.
- Стойчев Р.* Фиала мезомфалос в Тракия. Опыт за класификация. София, 2009.
- Сударев Н.И.* 2004. Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI – II вв. до н.э.// Древности Боспора. Т.7. М, 2004, с. 332–344.
- Сударев Н.И.* Часть XI. Религия. Погребальные обряды. Глава 2. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II. Ответственные редакторы – Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. М., 2010, с.418–472.
- Сударев Н.И., Иванов А.В.* Некоторые итоги исследования Юго-восточного некрополя Фанатории // XI Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте контактов, культур народов и цивилизаций. Краснодар, 2023, с. 135–160.
- Сударев Н.И., Сапрыкина И.А., Смирнова В.С., Мимоход Р.А., Кичанов С.Е.* Предварительные результаты исследования киафов V – IV вв. до н.э. из погребений могильника Волна-1// Краткие сообщения Института археологии. № 272. 2023, с. 323–342.
- Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В.* Волна-1. Некрополь архаического – эллинистического периодов на Таманском полуострове: В двух частях. Ч. 1.// Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 1. М., 2022.
- Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В.* Волна-1. Некрополь архаического – эллинистического периодов на Таманском полуострове. В двух частях. Ч. 2.// Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 2. М., 2022.
- Αβρονιάδης Χρ., Σαμπετάι Β.* Λευκά Πουλιά της Βοιωτίας Ηχάδιν Τιμητικός τόμος για τη Στέλλα

- Δρούγου Επιμέλεια Γιαννοπούλου Μ., Καλλίνη Χρ. Αθήνα, 2016, σ. 6–50.
- Βιζυηνού Ο. Ταφικά έθιμα στην Αττική και την Εύβοια, 1200–700 π. Χ.: τα κτερίσματα ως τεκμήριο διάκρισης του φύλου και της ηλικίας των νεκρών. Diss. Ιωάννινα, 2010.
- Δεσποίνη Α. Σίνδος II. Το Νεκροταφείο. Ανασκαφικές Έρευνες 1980–1982. Μάσκες και χρυσά ελάσματα, κοσμήματα, μικροαντικείμενα και στελεγγίδες, είδη οπλισμού. Αθήνα, 2016.
- Κοτταρίδη, Α. Παλιές Προκαταλήψεις και Νέα Ευρήματα: “Μακεδόνες ή Βοτταιοί”// ιχάδιν Ι. Τιμητικός τόμος για τη Στέλλα Δρούγου, Αθήνα, 2016, σ.612–639.
- Οικονόμου Σ. Ταφές πεσόντων, πολυάνδρεια, κενοτάφια και ηρώα από την ύστερη εποχή του χαλκού έως και τους κλασικούς χρόνους στον ελλαδικό χώρο. Κρήτης, 2012.
- Σιούντα Α. Δ. Οικιστικά και ταφικά δεδομένα από την κοιλάδα του Ανθεμούντα κατά την αρχαϊκή και την κλασική περίοδο. Θεσσαλονίκης, 2017.
- Σκαρλατίδου, Ε. Το αρχαϊκό νεκροταφείο των Αβδήρων. Θεσσαλονίκη: Αρχαιολογικού Ινστιτούτου Μακεδονικών και Θρακικών Σπουδών, 2010.
- Φριτζίλας Σ. Ο ζωγράφος του Θησέα: Η αττική αγγειογραφία στην εποχή της νεοσύστατης αθηναϊκής δημοκρατίας. Αθήνα, 2006.
- Alexandridou A. The north necropolis of Vari revisited // Αρχαιολογική Εφημερίς. Τ. 151. 2012, σ. 1–73.
- Andreioménou A. K. La nécropole d’Akraiphia // Nécropoles et sociétés antiques (Grèce, Italie, Languedoc): Actes du Colloque international du Centre de recherches archéologiques de l’université de Lille III (Lille, 2-3 décembre 1991). Naples, 1994, p. 99–126.
- Antonaccio C. M. An archaeology of ancestors: tomb cult and hero cult in early Greece. London, 1995b.
- Antonaccio C. M. Lefkandi and Homer //Homer’s World: Fiction, Tradition, Reality. Bergen, 1995, p. 5–27.
- AVI – Attic Vase Inscriptions Database, <https://avi.unibas.ch/>
- BAPD – Beazley Archive Pottery Database, <https://www.beazley.ox.ac.uk/carc>
- Baumbach J. D. The significance of votive offerings in selected Hera sanctuaries in the Peloponnese, Ionia and Western Greece // BAR International Series 1249. Oxford, 2004.
- Beaufils K. Beyond the Argo-Polis: A Social Archaeology of the Argolid in the 6th and Early 5th Centuries BCE. V.1-2. London, 2000.
- Beazley J. D. Attic black-figure vase-painters. Oxford (UK), 1956.
- Beazley J. D. Attic red-figure vase-painters / 2nd ed. Oxford (UK), 1963–1968.
- Beazley J. D. Greek vases in Poland. Oxford (UK), 1928.
- Beazley J. D. Paralipomena : Additions to Attic black-figure vase-painters and to Attic red-figure vase-painters. Oxford (UK), 1971.
- Bérard R. M. Mégara Hyblaea 6. La nécropole méridionale de la cité archaïque 2 Archéologie et histoire sociale des rituels funéraires. École Française de Rome, 2017.
- Bischof D. Gefäße aus Metall // Ausgrabungen in Assos 1993 / Asia Minor Studien Forschungsstelle Asia Minor im Seminar für Alte Geschichte der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster. Bd. 57. Bonn, 2006, s. 215–226.
- Blegen C. W. Two Athenian grave groups of about 900 BC //Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. V. 21. №. 4. 1952, p. 279–294.
- Blegen C. W., Palmer H., Young R. S. The north cemetery//Corinth. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. V. 13. Princeton, New Jersey, 1964.
- Blöesch H. Formen attischer Schalen von Exekias bis zum ende des Strengen Stils. Bern, 1940.
- Blok J. H. Solon’s funerary laws: questions of authenticity and function //Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden-Boston, 2006, p. 197–247.

- Boardman J.* Athenian black-figure vases: A handbook. London (UK), c1974.
- Borgers O.* The Theseus Painter : Style, shapes and iconography. (Allard Pierson series Studies in ancient civilization; Vol. 16). Amsterdam, 2004.
- Bottini A.* Una phiale mesomphalos in argento ed oro da Metaponto // *Zwischen Orient und Okzident. Festschrift für Hansgerd Hellenkemper. Kölner Jahrbuch. Bd. 43. Köln, 2010, s. 147–156.*
- Boulter C. G.* Graves in Lenormant Street, Athens // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. V. 32. №. 2. 1963, p. 113–137.*
- Bundrick S. D.* Athenian Eye Cups in context // *American Journal of Archaeology, vol. 119 (2015), p. 295–341.*
- Burkhardt N.* Zwischen Tradition und Modifikation. Kulturelle Austauschprozesse in den Bestattungssitten der griechischen Kolonien in Unteritalien und Sizilien vom 8. bis zum 5. Jh. v. Chr. Diss. Ph.D. V.1–2. Köln, 2008.
- Calascibetta A.M.G.* La necropoli di Solunto // *L'ultima città rituali e spazi funebri nella Sicilia nord-occidentale di Eta arcaica e classica. Palermo, 2010.*
- Cameron A.* The Exposure of Children and Greek Ethics // *The Classical Review, 46, 1932, p. 105–114.*
- Campbell M. T.* A well of the Black-figured period at Corinth // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 1938. V. 7. №. 4, p. 557–611.*
- Cardon C.* Two omphalos phialai // *The J. Paul Getty Museum Journal. V. 6/7 (1978/1979). 1979, p. 131–138.*
- Carpenter T. H., Mannack Th., Mendonça M.* Beazley Addenda 2nd ed. Oxford (UK), 1989.
- Carter J. C.* The chora of Metaponto: the necropoleis. University of Texas Press, Austin, 1998.
- Cavalier, L., Bernard, J. F., Bernier, M., Caminneci, V., Cayre, E., des Courtils, J., Giuliano D., Ivanov A, Ivantchik A., Sudarev, N.* Mission archéologique «Sanctuaire des divinités chthoniennes d'Akragas»: rapport sur les opérations menées en 2021. *Cronache di Archeologia. 2021. № 40, p. 173–219.*
- Cavalier, L., Bernier, M., Caminneci, V., Cayre, E., Fournié E., Giuliano D., Ivantchik A., Sudarev, N.* Le sanctuaire des divinités chthoniennes à Akragas. Rapport sur la mission de fouilles 2021 // *Bulletin archéologique des Écoles françaises à l'étranger. Roma, 2023, p. 1–22. URL : <http://journals.openedition.org/baefe/7224> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/baefe.7224>.*
- Cavallari S.* Le due necropoli della Galera e Bagliazzo e quella di Manicalunga // *Bullettino della Commissione di Antichità e Belle Arti in Sicilia V.5. 1872, p. 10–22.*
- Chiarini S.* The so-called Nonsense Inscriptions on Ancient Greek Vases, Between Paideia and Paidía. (Brill Studies in Greek and Roman Epigraphy, Volume 10). Leiden, 2018.
- Clark A. J.* Attic black-figured olpai and oinochoai : Ph. D. Thesis / New York University. New York (NY), 1992.
- Cohen B.* Six's technique black ground // *The Colors of Clay: Special Techniques in Athenian Vases. Los Angeles, 2006a, p. 72–104.*
- Cohen B.* Coral-red gloss: potters, painters, and painter-potter // *The Colors of Clay: Special Techniques in Athenian Vases. Los Angeles, 2006b, p. 44 – 54.*
- Cohen B.* *The Colors of Clay: Special Techniques in Athenian Vases. Los Angeles, 2006c.*
- Contursi P.* Defunti, antenati, eroi: fenomenologia del tomb cult. Salerno, 2016.
- CVA – Corpus Cavorum Antiquorum. Union Académique Internationale, 1921.*
- D'Amicis A., Giboni G., Lippolis E., Maruggi Gr. A., Masiello L.* Atleti e guerrieri: Tradizioni aristocratiche a Taranto tra VI e V sec. a. C. Catalogo della mostra Taranto, Museo Nazionale Archeologico // *Catalogo del Museo Nazionale Archeologico di Taranto. V. I.3. Taranto, 1994.*

- Davidson G.R. The Minor Objects // *Corinth: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens*. Vol. XII. 1952.
- De Miro E. Agrigento: la necropoli greca di Pezzino. Messina, 1989.
- De Siena A. Metaponto, località Crucinia, proprietà Giacobelli. Osservazioni su alcune tombe monumentali arcaiche della necropoli occidentale // *Bollettino d'Arte*. №. 143. 2008, p. 1–14.
- de Souza C. D. As práticas mortuárias na região da Argólida entre os séculos XI e VIII aC // *Revista do Museu de Arqueologia e Etnologia*. Suplemento 13. São Paulo, 2011.
- Dietrich N. Figur ohne Raum? Bäume und Felsen in der attischen Vasenmalerei des 6. und 5. Jahrhunderts v. Chr. (Image & Context, Band 7). Berlin–New York, 2010.
- Dimakis N. Premature Death and Burial in Classical and Hellenistic Attica // *Mortuary Variability and Social Diversity in Ancient Greece Studies on Ancient Greek Death and Burial*. 2020, p.102–116.
- Dominguez A. J. Locrian colonization in Magna Graecia: Cities and territories // *Greek Colonization in Local Contexts*. Oxford, 2019, p. 25–42.
- D'Onofrio A. M., Athenian burial practices and cultural change: the Rundbau early plot in the Kerameikos cemetery revisited // *Interpreting the Seventh Century BC: Tradition and Innovation*. Oxford, 2017, p. 260–280.
- Dubbini R. La memoria degli antenati: il santuario sotterraneo di Corinto come tritopatireion? // *Scienze dell'Antichità*. 16. Roma, 2010, p.119–136.
- Dunbabin T. J. The Oracle of Hera Akraia at Perachora // *Annual of the British School at Athens*. 1951. V. 46, p. 61–71.
- Elia D. Sepolture di pre-adulti nelle necropoli greche dell'Italia meridionale: osservazioni sulle strategie di rappresentazione tra periodo tardo-arcaico ed età classica // *L'enfant et la mort dans l'Antiquité*. V. III. Le matériel associé aux tombes d'enfants. Actes de la table ronde internationale organisée à la Maison méditerranéenne des sciences de l'homme (MMSH) d'Aix-en-Provence, 20-22 janvier 2011/ Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine. V. 12. Aix-en-Provence, 2012, p. 97–109.
- Engels D. The problem of female infanticide in the Greco-Roman world // *Classical Philology*. 1980. V. 75. №. 2, p. 112–120.
- Ficuciello L. Sacello–Heron di Poseidonia–Paestum: le nuove indagini dell'università degli Studi di Napoli "L'orientale" // *Newsletter di Archeologia CISA*. 9, 2019, p. 203–223.
- Foley A. The Argolid 800-600 BC: an archaeological survey. London, 1985.
- Frisoni F. Leggi e regolamenti funerari nel mondo greco. I. Le fonti epigrafiche. Galatina, 2000, p. 5–193.
- Gaifman M. The Greek Libation Bowl as Embodied Object // *Art History : The Embodied Object in Classical Antiquity*. London. V. 41, № 3. 2018, p. 444–465.
- Gardner E. Caeneus and the Centaurs: A Vase at Harrow // *The Journal of Hellenic Studies*, Vol. 17 (1897), p. 294–305.
- Garland R. The Greek Way of Death. New York, 1985.
- Garland R. The Well-Ordered Corpse: an Investigation into the Motives behind Greek Funerary Legislation// *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. №. 36. Oxford, 1989, p. 1–15.
- Gex K. Athens and the Funerary Lekythos // *Εγγραψεν και Εποίησεν, Essays on Greek Pottery and Iconography In honour of Professor Michalis Tiverios*, Edited by Panos Valavanis and Eleni Manakidou. Thessaloniki, 2014, p. 321–329.
- Haentjens A.M.E. Reflections on Female Infanticide in the Greco-Roman World. // *L'antiquité classique*. T. 69. 2000, p. 261–264.

- Haspels C. H. E.* Attic black-figure lekythoi. Paris, 1936.
- Helas S.* Le sepulture e le tombe a tumulo protoarcaiche nell'agorà di Selinunte // Comparing Greek Colonies Mobility and Settlement Consolidation from Southern Italy to the Black Sea (8th – 6th Century BC). Berlin, 2022, p. 409–428.
- Houby-Nielsen S.* Revival of archaic funerary practices in the Hellenistic and Roman Kerameikos // Proceedings of the Danish Institute at Athens. V. 2. Aarhus, 1998, p. 127–146.
- Immerwahr H.R.* Chapter 8. Observations on writing practices in the athenian ceramicus // Studies in Greek epigraphy and history in honor of Stefen v. Tracy. Pessac, 2010, p. 107–122.
- Jacopi G.* Esplorazione archeologica di Camiro I: scavi nelle necropoli camiresi: 1929-1930. // Clara Rhodos, Studi e Materiali pubblicati a cura dell'Istituto Storico-Archeologico di Rodi. V. IV. Rodi, 1931.
- Jacopi G.* Esplorazione Archeologica Di Camiro II // Clara Rhodos. Studi e Materiali pubblicati a cura dell'Istituto Storico-Archeologico di Rodi. V. VI-VII. Rodi, 1932.
- Jacopi G.* Scavi nella necropoli di Jalisso 1924—1928 // Clara Rhodos. Studi e Materiali pubblicati a cura dell'Istituto Storico-Archeologico di Rodi. V. III. Rodi, 1929.
- Jäger I.* The mirror in ancient South Italian funerary context: A study of the mirror's function and symbolic meaning in graves in the Greek colonies Locri Epizefiri and Metaponto. Uppsala, 2021.
- Jameson M. H., Jordan D. R., Kotansky R. D.* A lex sacra from Selinous. Durham, 1993.
- Jordan J. A.* Attic black-figured Eye-Cups : Thesis. Ann Arbor (MI), c1988.
- Kinch K. F.* Fouilles de Vroulia (Rhodes). Reimer, 1914.
- Knigge U.* Der Bau Z// Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen, Bd. XVII. T. 1–2. 2005.
- Knigge U.* Der Sudhugel II // Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Bd. IX. Berlin, 1976.
- Knigge U.* Ein Grabmonument der Alkmeoniden im Kerameikos // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, Bd. 121. 2006, s. 127–162.
- Knigge U.* Eridanos–Nekropole II. Gräber hS 205–230 // Mitteilungen DAI. Athenische Abteilung. Band 81. 1966, s. 112–134.
- Knigge U.* The Athenian Kerameikos: history, monuments, excavations. Athens, 1991.
- Korti-Konti S.* The Orientalising Period in Macedonia // Greek Offerings. Essays on Greek Art in honour of John Boardman. Oxford, 1997, p. 55–62.
- Kübler K.* Eine archaische Grabanlage vor dem heiligen Tor und ihre Deutung // AA. Bd. 88. 1973, p. 172–193.
- Kunze-Gotte E., Tancke K., Vierneisel K.* Die Nekropole von der Mitte des 6. bis zum Ende des 5. Jahrhunderts // Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Bd. 7. München, 1999.
- Kustermann Graf A.* Selinunte. Necropoli di Manicalunga. Le tombe della contrada Gaggera. Soveria Mannelli, 2002.
- L'Enfant et la mort dans l'Antiquité.* V. I Nouvelles recherches dans les nécropoles grecquesLe signalement des tombes d'enfants. Actes de la table ronde Internationale organisée à Athènes, École française d'Athènes, 29-30 mai 2008// Travaux de la Maison René-Ginouvès. V. 12. Paris, 2010.
- L'Enfant et la mort dans l'Antiquité.* V. II. Types de tombes et traitement du corps des enfants dans l'antiquité gréco-romaine. Actes de la table ronde international organisée à Alexandrie, Centre d'Études Alexandrines, 12-14 novembre 2009 // études Alexandrines. V. 26. Alexandrie, 2012.
- L'enfant et la mort dans l'Antiquité.* V. III. Le materiel associé aux tombes d'enfants. Actes de la table ronde internationale organisée à la Maison méditerranéenne des sciences de l'homme (MMSH) d'Aix-en-Provence, 20-22 janvier 2011 // Bibliothèque d'Archéologie

- Méditerranéenne et Africaine. V. 12. Aix-en-Provence, 2012.
- Laufer E.* Kaineus, Studien zur Ikonographie. Roma, 1985.
- LIMC* – Lexicon iconographicum mythologiae classicae / La Fondation pour le Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae ; Comité de rédaction Boardman J. et al. Zürich, München, 1981–2009.
- LIMC ID* – Digital LIMC database. Universität Basel, LIMC Basel and DHLab. <https://weblimc.org>
- Luschey H.* Die Phiale. Bleicherode am Harz, 1939.
- Lyons C. L.* Nikosthenic pyxides between Etruria and Greece // Athenian potters and painters [vol II]: The conference proceedings / Ed. by Oakley J. H., Palagia O., Tiverios M. A. Oxford (UK), 2009, p. 166–180.
- Maniaki A.* New Research in the cemetery of Drepanon in Achaia: preliminary results // Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. Supplemento 3. Gli Achei in Grecia e in Magna Grecia: nuove scoperte e nuove prospettive. 2019, p.241–259.
- Maniaki A., Moutafi I.* The Latest Geometric Finds of the Cemetery in Drepanon, Achaia, Greece. The Rescue Excavation at the Iliopoulos Plot // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. Bd. 88. 2019, s. 281–344.
- Marchiandi D.* I periboli funerari nell’Attica classica: lo specchio di una ‘borghesia’ // Scuola Archeologica Italiana di Atene. Atene-Paestum, 2011.
- Marinatos, Sp.* Further discoveries at Marathon// Αρχαιολογικά Ανάλεκτα εξ Αθηνών. Αθηνα. 1970, σ. 349–366.
- Matijević K.* Die lex sacra von Selinunt: Totenmanipulation in der Archaik und Klassik. Wiesbaden, 2017.
- Mayor A., Colarusso J., Saunders D.* Making Sense of Nonsense Inscriptions Associated with Amazons and Scythians on Athenian Vases // Hesperia, The Journal of the American School of Classical Studies at Athens, volume 82 (2014), p. 447–493.
- Meola E.* Necropoli di Selinunte. Palermo. T. 1-3. 1996–1998.
- Merra A.* Le classi, forme e gli usi della ceramica nei corredi funerari della Palermo Punica. Palermo, 2014.
- Montanaro A. C.* Su alcune tombe aristocratiche femminili dalla necropoli peucezia di contrada Purgatorio (scavi 1976-1977) a Rutigliano (Bari): considerazioni sui contesti// Mediterranea. Studi e ricerche sul Mediterraneo antico. Roma. V. 17. 2020, p. 9–47.
- Moor M.* The Extramural sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Libya : Final reports Vol. III, part 2 : Attic black-figure and black-glazed pottery. Philadelphia (PA), Tripoli, 1987.
- Moore M. B., Philippides M. Z. P.* The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 23: Attic black-figured pottery. Princeton (NJ), 1986.
- Morgan C. H.* Excavations at Corinth, 1936–37 // American Journal of Archaeology. 1937. V. 41. №. 4, p. 539–552.
- Morris I.* Death-ritual and social structure in classical antiquity. Cambridge, 1996.
- Muth S.* Gewalt im Bild, Das Phänomen der medialen Gewalt im Athen des 6. und 5. Jahrhunderts v. Chr. Berlin-New York, 2008 (Image & Context, Band 1).
- Olmos R.* Catalogo de los Vasos Griegos del Museo Nacional de Bellas Artes de La Habana. Madrid, 1993.
- Orsi P.* Gela: scavi del 1900-1905// Monumenti Antichi. Pubblicati per cura della Reale Accademia dei Lincei. Milano, 1906.
- Orsi P.* Gli scaoi nella necropoli del Fusco a Siracusa nel giugno, novembre e dicembre del 1893.// NSc. 1895, p. 109–192.

- Orsi P.* Scavi di Calabria nel 1911 [relazione provvisoria] // NSc. 9. Supplemento (1912). 1913, p.3–56.
- Papadopoulou Z.* The Funerary and Habitation Evidence of Central Greece: A Discussion on the Early Iron Age Social Organisation // Regional Stories towards a New Perception of the Early Greek World. Volos, 2017, p. 293–322.
- Parker R. C. T.* Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxford, 1996.
- Parlama, L., Stampolidis, N.* Athens: the city beneath the city: antiquities from the Metropolitan Railway excavations. Athens, 2000.
- Pelagatti P.* Da Camarina a Caucana. Ricerche di archeologia siciliana. Ragusa, 2017.
- Pierro E.* Ceramica ionica non figurata e coppe attiche a figure nere. (Materiali del Museo archeologico nazionale di Tarquinia ; fasc. 6; Archaeologica ; fasc. 33). Roma, 1984.
- Pontrandolfo A.* Le necropoli ei riti funerari //La città greca antica. Roma.1999, p. 55–81.
- Richter G. M. A.* Accidental and intentional red glaze on Athenian vases // Annual of the British School at Athens, 46 (1951), p. 143–150.
- Risser M. K.* Corinthian conventionalizing pottery //Corinth: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. V. VII. P. V. 2001.
- Rotroff S.* Early Red-figure in Context // Athenian potters and painters [vol. II] : The conference proceedings / Ed. by Oakley J. H., Palagia O., Tiverios M. A. Oxford (UK), 2009 , p. 250–260.
- Saripanidi V.* Constructing Continuities with a ‘Heroic’ Past: Death, Feasting and Political Ideology in the Archaic Macedonian Kingdom // Constructing Social Identities in Early Iron Age and Archaic Greece. Bruxelles, 2017, p. 73–135.
- Schlehofer J.H.* Nekropolen der Polis Halieis (Argolis): Bestattungs–und Beigabensitten in archaischer und klassischer Zeit. Bd. 1–2. Berlin, 2018.
- Schreiber T.* Athenian vase construction: A potter’s analysis. Malibu [CA], 1999.
- Schütte-Maischatz A.* Die Phiale-zur zeichenhaften Funktion eines Gefäßtyps: дис. – Zugl.: Münster, Westfälische Wilhelms-Universität, Münster. 2010.
- Six J.* A rare vase-technique // Journal of Hellenic Studies, vol. 30 (1888), p. 323–326.
- Skarlatidou E.* The archaic cemetery of Abdera // Thracia Pontica. VIII. Sozopol, 1986, p. 99–108.
- Sparkes B. A., Talcott L.* The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 12: Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. Princeton (NJ), 1970.
- Spatafora F.* La necropoli di Panormos // L’ultima citta. Rituali e spazi funebri nella Sicilia nord-occidentale di Eta arcaica e classica. Palermo, 2010, p. 31–53.
- Stroszeck J.* Das Heiligtum der Tritopatores im Kerameikos von Athen, in Frielinghaus // Neue Forschungen zu griechischen Städten und Heiligtümern. Festschrift für Burkhardt Wesenberg zum 65. Geburtstag. Möhnesee, 2010, p. 55–83.
- Tosto V.* The black-figure pottery signed ΝΙΚΟΣΘΕΝΕΣ ΕΠΟΙΕΣΕΝ. Amsterdam, 1999. (Allard Pierson series ; [vol.] 11).
- Tsetskhladze G. R.* Pichvnari and its environs: 6th c BC – 4th c AD. Besançon, 1999.
- Tsingarida A.* Nikosthenes looking east? : Phialai in Six’s and polychrome Six’s technique // Essays in Classical archaeology for Eleni Hatzivassiliou 1977–2007. Oxford (UK), 2008, p. 105–114.
- Tsingarida A.* The Attic phiale in context: The Late Archaic red-figure and coral-red workshops // Athenian potters and painters III. 2014, p. 265–272.
- Tsingarida A.,* Two Coral-Red Bowls in the Shefton Collection // J. Boardman, A. Parkin, S. Waite (eds.), On the Fascination of Objects. Greek and Etruscan Art in the Shefton Collection, Oxford, 2016, p. 107–116.

- Ursu Naniu R.* L'idéologie royale et la fonction sémantique du mobilier funéraire des tombes de l'aristocratie gétique // Pratiques funéraires dans l'Europe des XIIIe – IVe s. av. J.-C. Actes du IIIe Colloque International d'Archéologie Funéraire organisé à Tulcea. Bucarest, 2000, p.177–182.
- Utili F.* Die archaischen Nekropole von Assos // Asia Minor Studien. Bd. 31. 1999.
- Villard F.* L'évolution des coupes attiques à figures noires (500–480) // Revue des Etudes Anciennes T. 48 (1946), p. 153–180.
- Volioti K.* Volitional consumption: Repetitive vase scenes in a psychophysiological context // Greek Art in Context. Archaeological and Art Historical Perspectives. London-New York, 2017, p.81–96.
- Wehgartner I.* Attisch weissgrundige Keramik. Maltechniken, Werkstätten, Formen, Verwendung. Mainz, 1983.
- Weinberg S. S.* The Geometric and Orientalizing Pottery // Corinth: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. V. VII. P. 1. 1943.
- Wiel-Marin F.* Ceramica attica sovraddipinta (tecnica di Six) da Adria // AMORE PER L'ANTICO: Dal Tirreno all'Adriatico, dalla Preistoria al Medioevo e oltre. Studi di antichità in ricordo di Giuliano de Marinis a cura di Gabriele Baldelli e Fulvia Lo Schiavo, Vol. 2. Roma, 2014, p. 1043–1056.
- Yatromanolakis D.* (ed.), Epigraphy of Art. Ancient Greek Vase-Inscriptions and Vase-Paintings. Oxford, 2016.
- Young R. S.* Sepulturae intra urbem // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. V. 20. №. 2. 1951, p. 67–134.

Резюме

Статья посвящена подробному рассмотрению инвентаря трех погребений из грунтового некрополя Волна-1, раскопанного в юго-западной части Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края) в 2015 – 2018 годах. Речь идет о погребениях из раскопок 2016 года (детском, мужском, женском), в которых найдены аттические керамические вазы: расписные (чернофигурные, в технике Сикса), чернолаковые, с кораллово-красной облицовкой. В комплексе 211 вместе с останками ребенка найден аттический чернофигурный лекиф Мастера Афины с изображением гибели Кайнея, позднеархаическая бихромная фиала ахеменидского типа, чернолаковая чаша, железный предмет. В погребении 172 найден мужской костяк в «позе всадника», железный стержень, фиала-мезомфал с декором в технике Сикса (изображены три бегущих Минотавра и надписи), железные наконечники стрел, бронзовое украшение или застежка, протофасосская амфора, чернофигурный килик Безлистной группы («чаша с глазами», изображены Дионис и члены фиаса) и железный меч. В погребении 273 скелет определен как женский, там найдены бронзовое зеркало, пряслище, бусина, чернолаковый килик, красноглиняная миска, чернофигурный лекиф с пальметтами и две мисочки (одна чернолаковая, другая с кораллово-красной облицовкой). В статье предлагается интерпретация находок (как формы сосудов, так и содержания росписей), созданных гончарами и вазами афинского Керамика и найденных в погребениях на азиатской стороне Боспора.

Ключевые слова: некрополь Волна-1 на Таманском полуострове, аттическая расписная керамика в Боспорских погребениях, лекиф Мастера Афины с гибелью Кайнея, фиала-мезомфал в технике Сикса с изображением бегущих Минотавров, бихромная фиала Ахеменидского

типа, чашечка с кораллово-красной облицовкой, интерпретация аттической керамики в Боспорских погребениях, погребальные традиции на периферии античного мира.

Summary

The paper deals with the detailed study of the inventory of the three burials from the ground necropolis Volna 1, excavated in the south–north part of the Taman Peninsula (Temruk district of the Krasnodar region) in 2015 – 2018. The paper focuses on the graves from the excavations in 2016 (a burial of a child, a burial of a man, a burial of a woman), where samples of fine Attic pottery were found: with vase-painting (black-figure, Six's technique), black-glazed and with coral-red glaze. The complex 211 was a grave of a child. In addition to the rests of the body and an iron object there were: an Athenian black-figure lekythos attributed to the Athena Painter decorated with the depiction of the death of Kaineus, late archaic bichrome phiale of 'Achaemenid' type and a black-glazed bowl. In the burial 172 there was a male corps in 'rider position', an iron stick, an iron sword and iron arrowheads, a bronze object (buckle or decoration), a proto-Thasos amphora, and two Attic vases: a phiala-mesomphalos decorated in Six's technique (three running Minotaurs and letters) and a black-figure drinking cup, attributed to the Leafless Group (eye-cup with the depiction of Dionisus and members of thyasos). The human rests in the burial 273 were defined as female. There were in the grave: a bronze mirror, a bead, a spindle whorl, a black-glazed drinking cup, a black-figure lekythos decorated with palmettes, black-glazed and coral-red little bowls with holes. The authors of the paper suggest their ideas on the interpretation (both of the shapes and the subjects of the paintings) of the vases made by potters and painters of the Athenian Kerameikos and excavated in the burials on the Asiatic side of the Bosporus.

Key words: necropolis Volna-1 on the Taman peninsula, Attic painted pottery in the Bosporan graves, a lekythos by the Athena Painter with the depiction of the death of Kaineus, a phiala-mesomphalos decorated in Six' technique with the depiction of running Minotaurs, a bichrome phiale of 'Achaemenid' type, a bowl with coral-red glaze, interpretation of Attic pottery in Bosporan graves, burial traditions on the periphery of ancient world.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Петракова Анна Евгеньевна,
доктор искусствоведения, доцент,
Государственный Эрмитаж, Отдел античного мира,
старший научный сотрудник
+7 (921) 307-68-74.
petrakova.anna@gmail.com

Успенский Павел Сергеевич,
кандидат исторических наук,
Институт археологии Российской академии наук,
Отдел сохранения археологического наследия,
научный сотрудник,
+7(967) 148-36-29.
uspenskiy07@mail.ru

Сударев Николай Игоревич,
кандидат исторических наук,
Институт археологии Российской академии наук,
Отдел классической археологии,
научный сотрудник,
+7(910) 450-52-83.
sudarev@list.ru

Мимоход Роман Алексеевич,
доктор исторических наук,
Институт археологии Российской академии наук,
Отдел бронзового века,
старший научный сотрудник,
+7(916)831-56-24.
mimokhod@list.ru

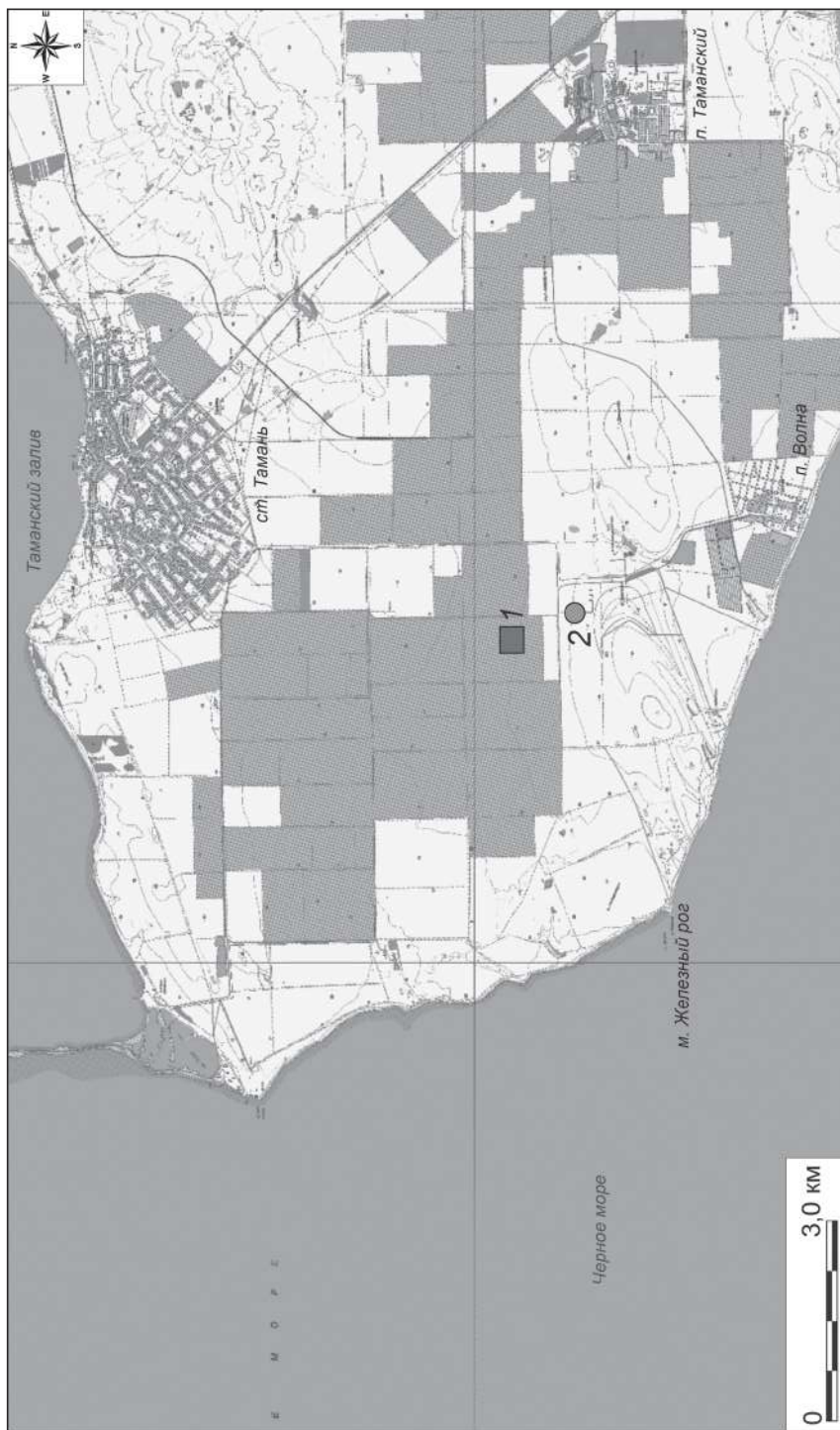
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Petrakova Anna, Dr. Hab., associated professor,
The State Hermitage Museum,
The Department of Ancient Greece and Rome,
Senior scientist,
+7 (921) 307-68-74.
petrakova.anna@gmail.com

Uspenskiy Pavel, PhD,
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences,
Department of archaeological heritage conservation,
Research scientist,
+7(967) 148-36-29.
uspenskiy07@mail.ru

Sudarev Nikolay, PhD,
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences,
Department of Classical Archaeology,
Research scientist,
+7(910) 450-52-83.
sudarev@list.ru

Mimokhod Roman Alekseevich, D.Sc.,
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences,
Bronze Age Archaeology Department,
Senior Research,
+7(916)831-56-24.
mimokhod@list.ru

1 – некрополь Волна-1.

2 – поселение Волна-1.

Рис.1. Карта района п. Волна.

Рис.2. Комплекс 211.

Рис. 3: а-б – лекиф № 1 из комплекса 211; в-г – лекиф в Кастл Ашби (по: CVA Castle Ashby, pl. 23.3–4); д – лекиф в Лаоне (по: CVA Laon 1, pl. 17.11); е – лекиф в Афинах (Национальный музей, по: Haspels, 1936); ж – лекиф в Афинах (Национальный музей, по: CVA Athens, National Museum 6, pl. 37.1–4, fig. 25).

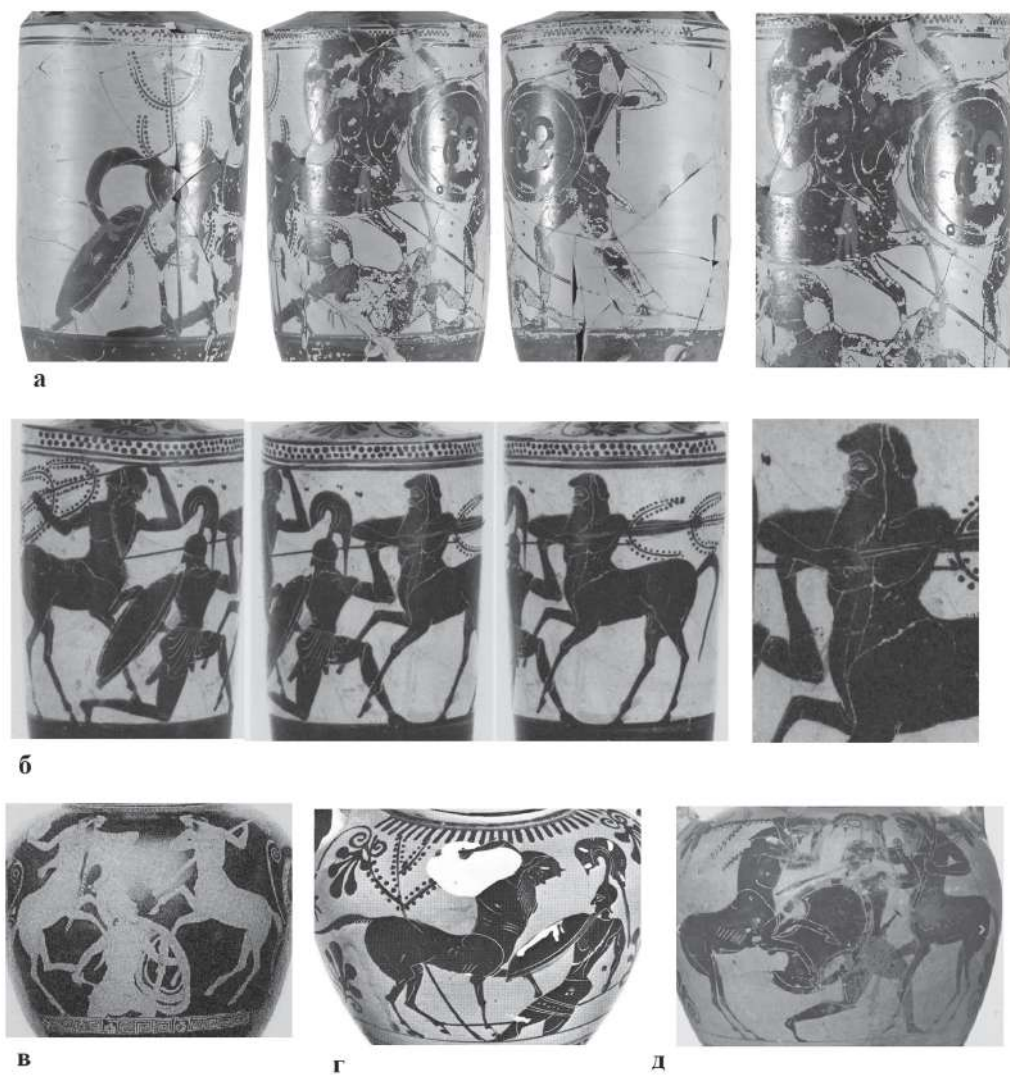

Рис. 4: а – лекиф № 1 из комплекса 211; б – лекиф в Урбана-Шампейне (по: CVA Urbana-Champaign 1, pl. 29.1–4); в – стамнос в Брюсселе (по: CVA Brussels 1, pl. 7.2b); г – амфора в Мюнхене (по: CVA München 9, Taf. 32.2); д – амфора в Базеле (по: LIMC vol. V, pl. 566).

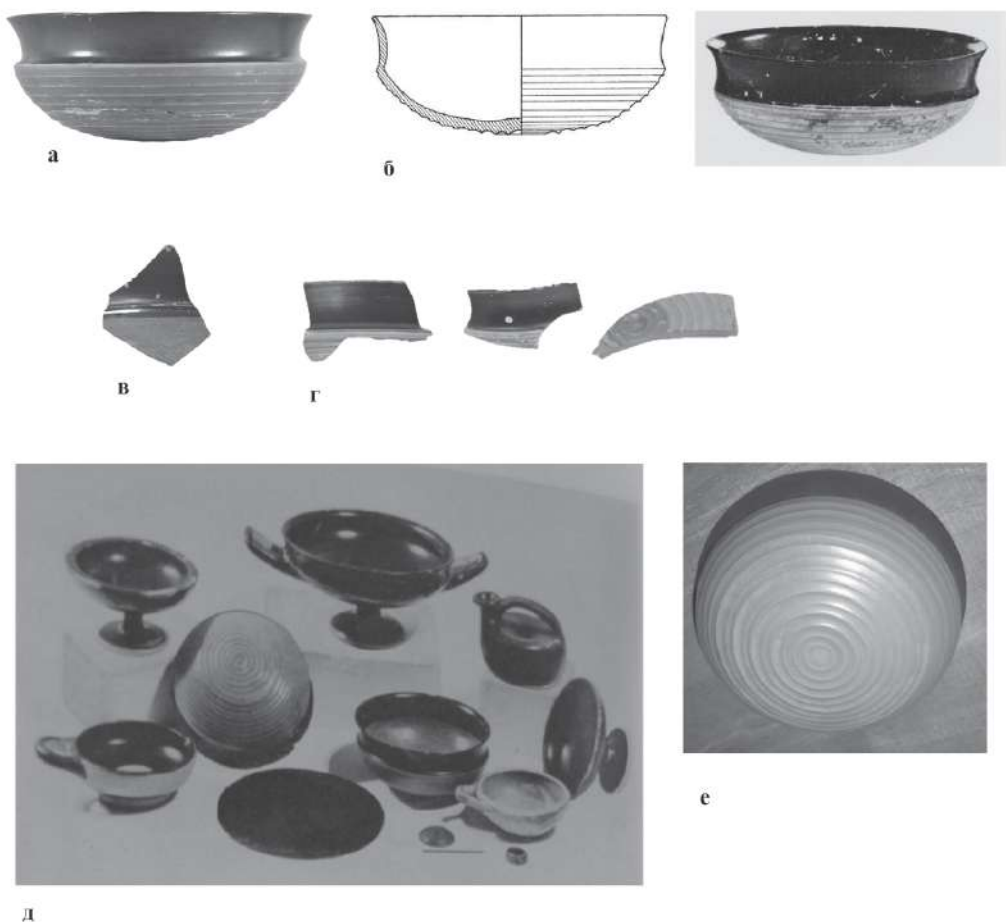

Рис. 5: **а** – фиала № 3 из комплекса 211; **б** – профиль и фотография фиалы в Касселе (по: CVA Kassel, taf. 1, Abb. 20, Taf. 47.5); **в** – фрагмент фиалы из Нимфея, инв. НФ.48-750, Государственный Эрмитаж; **г** – фрагменты фиалы с Березани, инв. Б.63-215, Государственный Эрмитаж; **д** – две фиалы в одном из погребений архаического некрополя Ольвии (по: Скуднева, 1988, кат. 208.5–6); **е** – фиала из коллекции Новикова, инв. Б.2300, Государственный Эрмитаж.

а

б

в

г

д

Рис. 7: а – прорисовка фиалы № 2 из погребения 172; б – фиала из Деклеи в Аттике (по: Фритζίλας, 2006, кат. 181); в – фиала в Мюнхене (по: Фритζίλας, 2006, кат. 186); г – гидрия в Лондоне (по: CVA British Museum 6, pl. 81.1); д – стамнос в частном собрании (по: VAPD 4893).

Рис. 8: а – килик № 7 из погребения 172; б – фрагмент килика из Тиритаки (по: Петракова, Букина, 2021, кат. 34.4); в – килик из Мирины (по: CVA Louvre 10, pl. 113.5–6); г – килик из коллекции Эдме Дюрана (по: CVA Louvre 10, pl. 113.3–4).

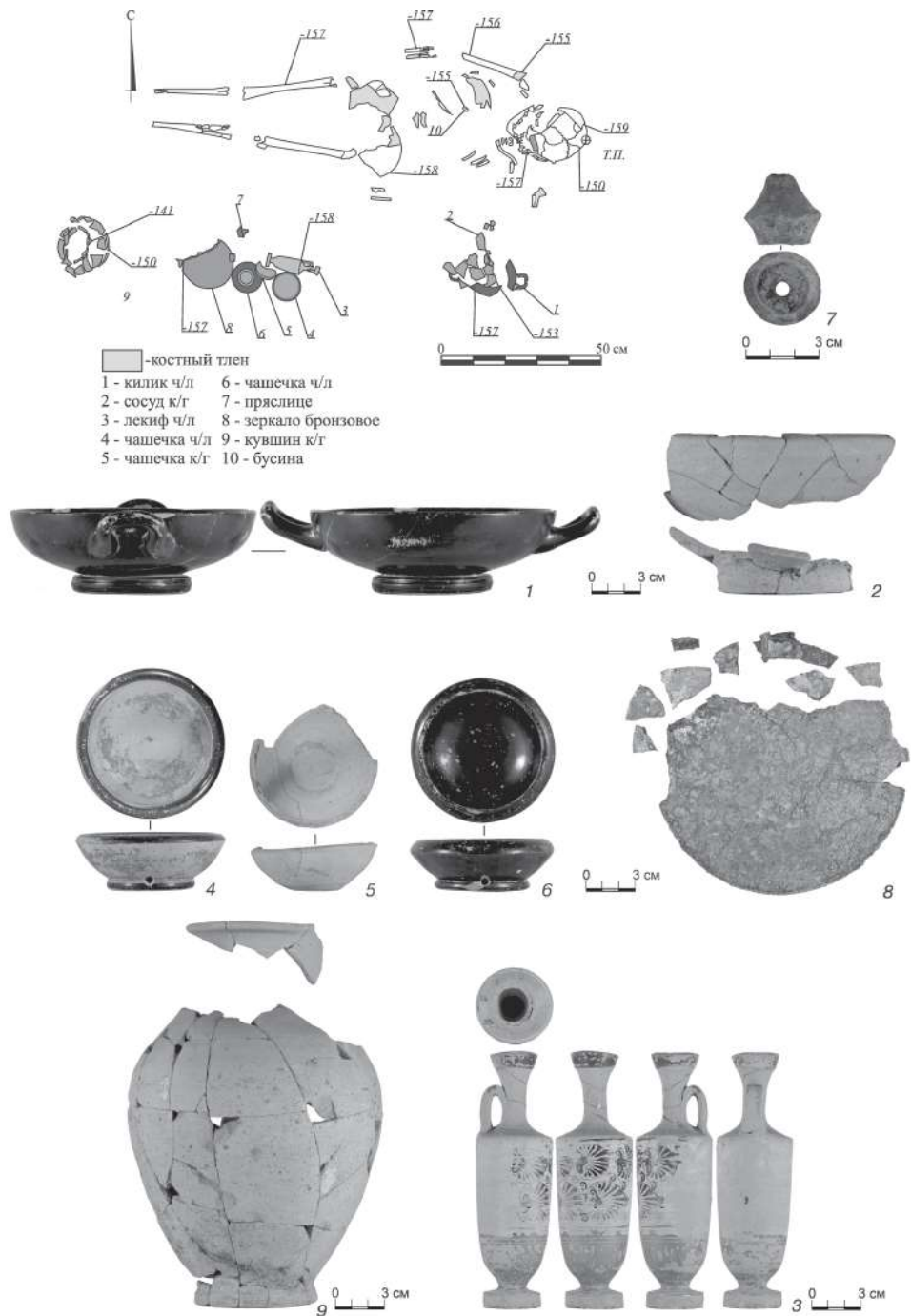

Рис.9. Погребение 273.

Рис. 10: а - лекиф № 3 из погребения 273; б - лекиф в Таранто (по: CVA Taranto 4, tav. 19.3-4); в - лекиф в Геттингене [по: CVA Gottingen 3, Taf. 84.9-10]; г - лекиф в Лейпциге (по: CVA Leipzig 2, Taf. 38.9-10).

Рис. 11: а – чернолаковая мисочка № 6 из погребения 273; б – мисочка № 4 с кораллово-красным покрытием из погребения 273; в – мисочка с кораллово-красной облицовкой в Ньюкасл-апон-Тайн (по: Tsingarida, 2016, fig.9.1–2, 9.5); г – чернолаковая мисочка из Тиритаки (по: Петракова, Букина, 2021, кат. 43.61); д – фото и прорисовка мисочки в Британском музее (по: Tsingarida, 2016, fig. 9.6).

В.Г. ЛАЗАРЕНКО
V.G. LAZARENKO

ПОЧЕМУ ДРЕВНЕЙШЕЕ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ СВЯТИЛИЩЕ АХИЛЛА НА БЕЙКУШЕ НЕ УПОМИНАЕТСЯ В АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ?

WHY IS THE OLDEST SANCTUARY OF ACHILLES IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION ON BEIKUSH NOT MENTIONED IN ANCIENT SOURCES?

Настоящей сенсацией в свое время могли бы стать результаты исследования святилища Ахилла, открытого на мысе Бейкуш при слиянии Березанского и Бейкушского лиманов (в Очаковском районе Николаевской области). И дело даже не в том, что это святилище отличается своей необычностью, где углубленные в землю сооружения имели оригинальное устройство, найден представительный и разносторонний материал, характеризующий ритуальные приношения и сакральные действия. Всего открыто более 100 объектов культового характера – типа фависс, ботросов, эсхаров, алтарей. Главное, что за годы археологических исследований здесь обнаружено около сотни керамических кружков, на большинстве из которых были прочерчены граффити с посвящениями Ахиллу (чаще всего в виде А или АХΙ), нередко в сочетании с изображениями змей [Русяева, 1971; Буйских, 2002]. Последнее обстоятельство и делает данный памятник исключительно уникальным, поскольку до его открытия, как верно указал В.П. Яйленко, нигде более в Греции, в том числе в местах почитания Ахилла, включая Северное Причерноморье, со змеями он никак прямо не связывался [Яйленко, 2013, с. 82].

Однако ни А.С. Русяева, ни С.Б. Буйских, к сожалению, не оценили в полной мере значение собственных находок. Этому способствовал целый ряд причин. Прежде всего начавшая исследование данного святилища А.С. Русяева приняла его за поселение, что отражено в ее публикациях с 1968 по 1992 г. и затруднило, в свою очередь, оценку подлинного значения этого открытия. Так сначала полагал также С.Б. Буйских, продолживший раскопки на Бейкуше [Буйских, 1987], и только дальнейшие исследования привели его значительно позже к пониманию того, что здесь открыто святилище extra urban [Буйских, 2001; Буйских, 2012]. Кроме того, оба эти исследователя безоговорочно полагают, что археологически детально исследованный ими «Бейкушский мыс с достаточным основанием можно отнести к кругу типично греческих святилищ времён Греческой колонизации» [Буйских, 2001, с. 38, 40; Русяева, 2005, с. 473]. Очевидно, причиной такой категоричности стало следование ими известной концепции В.В. Лапина о том, что все построения о возможности каких-либо контактов, взаимодействий или связей греческих колонистов с «местным

населением» не имеют под собой оснований, исходя прежде всего из факта реально-го отсутствия оседлого варварского населения в степном районе Нижнего Побужья на протяжении почти полутора столетия протекания здесь греческой колонизации – от появления самых первых поселений вплоть до начала V в. до н.э. [Лапин, 1966, 52-54, 142]. Так, С.Б. Буйских утверждал, что «столь показательный факт был полностью подтвержден последующими археологическими разведками и раскопками» [Буйских, 2007, с. 111].

Именно это, на наш взгляд, привело к слишком упрощенному объяснению обнаруженной здесь тесной связи образа Ахилла со змеями как основы содержания культа Ахилла на Бейкуше. К примеру, А.С. Русяева объяснила эту связь только особенностями героического культа в целом [Русяева, 1992, с. 71]. К сожалению, даже В.П. Яйленко, категорический оппонент этой исследовательницы в плане происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье, совершенно верно отметив отправную точку доказательства местных корней культа Ахилла в Северном Причерноморье (безусловное сходство имени Ахилла и др.-инд. áhi-«змея») и говоря об индоевропейских корнях здешнего культа Ахилла, дал лишь такое объяснение: «Обилие змей породило культ их в Индии, этим же обусловлен культ их в Нижнем Поднепровье и Нижнем Побужье» [Яйленко, 2013а, с. 393]. Но ведь этого совершенно недостаточно для доказательства этих самых индоевропейских корней здешнего культа Ахилла, тем более что В.П. Яйленко обосновал его связь со змеями, рассматривая в основном сведения «Ригведы» о змее Вритре и «Махабхараты» о змее Шеше [Яйленко, 2013, с. 83 – 90, 96 – 97].

Нами показана недостаточная адекватность такого подхода, поскольку указанный древний эпос отражает события покорения индоариями в ходе миграций новых территорий, владыками которых нередко считались змеи; поэтому в древних источниках преобладают сюжеты, где змеев, даже великих, низвергают, побеждают, убивают и т. п. [Лазаренко, 2023]. Например, Вритра в «Ригведе» всегда связан со своим убийцей Индрой, то есть с мотивом змеборчества, явно неуместным для Ахилла¹. Фигура же змея Шеша, тесно связанная с Вишну, утвердилась в вишнуитской традиции индуизма только в поздней Древности и раннем Средневековье. Для выявления же генезиса тесной связи Ахилла со змеями и к формированию самого культа змей в Северном Причерноморье следует обратиться к археологическим памятникам предшествующих греческой колонизации эпох, когда змеи здесь еще не были жертвами, но выступали в качестве Верховных богов и предков индоариев² (см. ниже).

Вернемся к рассмотрению находок из святилища Ахилла на Бейкуше. Примечательна оговорка С.Б. Буйских при атрибуции им всего материала, обнаруженного здесь, как «типично греческого»: «В то же время ряд найденных на Бейкуше

¹ Об этом убедительно говорит, например, то, что Ахилл был убит известным змеборцем Аполлоном.

² Как считает большинство исследователей, Северное Причерноморье было основным местом формирования индоевропейской языковой общности в IV – III тысячелетиях до н. э.

материалов (в первую очередь votивные подношения с посвящениями и в сочетании с магическими знаками) и открытых объектов (лессовая имитация пещер и гротов), связанных с культом Ахилла, выделяется своим своеобразием» [Буйских, 2001, с. 38, 40]. Только одна эта оговорка уже порождает сомнения в том, является ли Бейкуш «типично греческим святилищем». В самом деле, весьма затруднительно отнести к следам типично греческих культовых действий, например, верхнюю часть черепа быка с рогами, под которой находился оббитый из стенки амфоры «кружок» с надписью АХΙ на дне большой круглой ямы цилиндрической формы глубиной 2,8 м и диаметром 3,17 м, которая, очевидно, сразу же была засыпана, поскольку в заполнении позже была вырыта другая культовая яма [Русяева, 1972, с. 175]. Еще более нетипичные для греческого культа находки опубликованы С.Б. Буйских: «мощное скопление костей животных, уложенных по кругу вдоль стенок ямы, и развалом серолощенного сосуда с прочерченной на горле буквой Α в яме 7», «обработанная челюсть быка со следами охры и процарапанной буквой Α в одном из углублений ямы 18», «яма 12, засыпанная чистой золой с небольшими прослойками песка, в заполнении которой найдены votивный кружок с изображением стрелы, человеческой фигурки и буквы Α», «углубление 23, где среди золы, угольков и кусочков серы найдено графито на обточенной стенке амфоры с посвящением Ахиллу» [Буйских, 1987]. Кроме того, не характерен для греческих культов и ряд других находок на Бейкуше, в частности многочисленные обломки железных ножей, кусочки серы, охры, мела. Но все это было отнесено к «типично греческому материалу» [Буйских, 2012, с. 99].

И.Ю. Шауб первым обратил внимание, что в якобы традиционном для греческих героических святилищ составе находок на Бейкуше присутствуют весьма нетрадиционные для греческой культовой традиции вещи: железные ножи, кусочки серы, охры, мела, наконечники стрел, обломки лепной посуды, а главное – жертвоприношение собак, свойственное вообще варварским культам Северного Причерноморья [Шауб, 2007, с. 104-108, 167]. Но вместо адекватного отклика на эти существенные замечания, поддержанные рядом специалистов, С.Б. Буйских продолжал настаивать, что вещественный набор бейкушского поклонения Ахиллу находится в полном соответствии составу подношений адресатам героических и хтонических культов в архаической Греции, и в дальнейшем просто предпочел умолчать о жертвоприношениях здесь собак, так «неудобных» для его концепции [Буйских, 2012, с. 100].

Между тем совершенно нельзя игнорировать, что «варвары» весьма существенно присутствовали в Северном Причерноморье с начального этапа греческой колонизации. Например, показано достаточно глубокое и раннее распространение фракийцев в Северное Причерноморье [Брумяко, 2015]. Сосуды «фракийской генетической группы» VI – первой половины V в. до н. э. в керамических комплексах греческих архаических поселений Северного Причерноморья составляют от 20–35%, а на Бейкуше их в три раза (!) больше – 76,3%. Как считает автор этих данных Н.А. Гаврилюк, они свидетельствуют о присутствии небольшого количества фракийского населения в составе обитателей этих памятников; это позволяет предположить проникновение

его сюда с территории современных Румынии и Болгарии, а исследования керамики Северного Причерноморья позволяют говорить, что, возможно, Днепро-Бугский лиман был восточной границей распространения фракийской культуры [Гаврилюк, 2010]. Более того, еще ранее К.К. Марченко, исследуя лепную керамику греческих поселений Нижнего Побужья, выделил четыре группы, относящиеся к «варварскому населению»: посуда, имеющая прямые аналоги среди материалов фракийских памятников Карпато-Дунайского бассейна; керамика, аналогичная материалам лесостепной правобережной Украины и Поворскля в Северном Причерноморье – раннескифские памятники; сосуды, сходные с керамикой степной зоны Северного Причерноморья – белозерского этапа срубной культуры; кубки, имеющие параллели среди посуды второго периода кизил-кобинской культуры в Крыму. Это свидетельствует о пребывании в ольвийской округе³ позднеархаического периода представителей различных варварских племён в Северном Причерноморье во время греческой колонизации выходцев из фракийского мира, а также прямых потомков скотоводов и земледельцев эпохи поздней бронзы из степной зоны Северного Причерноморья, начиная ещё со второй половины VII в. до н.э. [Марченко, 1987, с. 110], т. е. практически с самого начала греческой колонизации. Очевидно, что доказательства присутствия «варваров» на хоре Ольвии, в частности – в Нижнем Побужье, в том числе на Бейкуше, слишком красноречивы, чтобы категорически отрицать определенное, порой весьма существенное влияние местного населения на архаические религиозные отправления греческих колонистов, в частности – на ранний культ Ахилла в Нижнем Побужье.

Что касается датировки святилища Ахилла на Бейкуше, С.Б. Буйских утверждает: «Теперь надежно установлено, что время существования всех основных памятников поселений Березанского лимана (Викторовка-I, Каборга-I, Большая Черноморка-II, Бейкуш) имеют здесь единую точку отсчета – первую четверть VI в. до н. э.» [Буйских, 2012а, С. 53-55]. При этом, именно в самых ранних слоях, на самом дне порой очень глубоких (до 2,8 м) ритуальных ям найдены артефакты, определяющие уникальность характера почитания здесь Ахилла на Бейкуше, в частности с граффити, относящимся к посвящениям Ахиллу, в том числе с изображением змей [Буйских 1987, с. 312]. А.И. Иванчик также допускает, что, судя по материалу, это святилище функционировало с начала VI в. до н. э. [Иванчик, 2005, с. 73].

Это принципиально важно, поскольку типичные для Бейкуша краткие граффити с посвящениями Ахиллу (А, АХ и АХI) найдены не только на близко соседствующем с Бейкушем поселении Большая Черноморка-II, где они датируются второй половиной VI в. до н.э. [Отрешко, 1977, с. 41 – 42], но и обнаружены в достаточном количестве в слоях общественных зданий конца VII – конца VI в. до н. э. на Березани⁴.

³ Напомним, что мыс Бейкуш располагается на территории, принадлежавшей в древности Ольвийской округе.

⁴ Любезное сообщение автору в 2012 году В.В. Крутилова, руководителя Березанской археологической экспедиции Института археологии НАНУ в 2004 – 2019 гг.

Именно данные факты дали нам основание не только считать Бейкуш самым древним святилищем Ахилла в Северном Причерноморье, но и высказать предположение о достаточной вероятности существования позднеархаического культового комплекса Ахилла в Нижнем Побужье, объединяющего Березань, Бейкуш и Большую Черноморку-II и действующего, как минимум, с начала VI в. до н. э. [Лазаренко, 2018, с. 355, 358, 368].

Для определения статуса святилища Ахилла на Бейкуше, как древнейшего в Северном Причерноморье, необходимо сравнение его со святилищем Ахилла на острове Левка, поскольку некоторые исследователи считают, что последнее имеет такую же степень древности. Однако это не так. При рассмотрении античных свидетельств, по которым можно в какой-то степени судить о начале отправления здесь культа, выясняется следующее. Наиболее ранние, из сохранившихся, указания об этом относятся к V в. до н. э. Так, Пиндар в одной из своих од (Olimp. II, 70-72, 79-80) говорит о вознесении Ахилла на некий остров Блаженных без указания его локализации, а в другой (Nem. IV, 48-49) указывает: «Царствует... Ахилл на Евксинском блистательном острове». В трагедиях Еврипида находим также два указания о пребывании Ахилла на острове в Черном море, правда, в «Ифигении в Тавриде» (433 – 438) об этом его расположении прямо не указывается, но оно подразумевается, поскольку действие этой трагедии происходит в Тавриде, омываемой Понтом Евксинским. В «Андромахе» же (1257 – 1262) прямо говорится: «... на острове Ахилла: / На белом берегу его чертог / Евксинскими омыт волнами...». Как видно, ни в одном из этих фрагментов не говорится об острове Левка. Но это явно подразумевается, учитывая, что др.-гр. λευκός имеет значения как «белый», так и «блестящий». Географический намек на Левку видим у ПсевдоСкимна (III–II вв. до н. э.), который в своем «Землеописании» (785 – 796) говорит об «острове Ахилла» напротив устья Истра (Дуная). Только у Антигона Каристского (III в. до н. э.) в одном из фрагментов его «Свода невероятных рассказов» появляется указание, что на Левке организован культ Ахилла: «Рассказывают, что и на Белом острове ни одна птица не может при полете подняться выше Ахиллова храма» (СХХII, 134).

Остальные античные свидетельства относятся к более позднему времени. Так, Конон (предположительно I в. до н. э.) указывает на «Ахиллов остров в Понте (он лежит, если миновать устье Истра, выше Таврики)» (XVIII). Помпоний Мела (15–60 годы н. э.) пишет: «Левка, довольно небольшой остров... носит еще название Ахиллов [остров], так как там погребен Ахилл» (II, 98). У Плиния Старшего (23-79 гг. н. э.) находим: «Перед Борисфеном есть вышеназванный [остров] Ахилла, он же именуемый Левка и Макарон» (NH. IV, 93). Дион Хризостом (вторая половина I – начало II в. н. э.) в «Борисфенитской речи» говорит о храме «на так называемом Ахилловом острове». У Дионисия Периегета (II в. н. э.) есть такой фрагмент (541 – 548): «По левой стороне Эвксина против Борисфена лежит в море знаменитый остров героев; его называют Белым... Здесь, говорит предание, блуждают по пустынным долинам души Ахилла и других героев. Такая награда дана Зевсом героям за доблесть: ибо

доблесть получила вечную славу». Ференик Гераклеийский, эпический поэт II в. н. э., сообщает: «Ахиллу на острове Белом местные жители воздают поклонение, а также Патроклу» (XXII). Максим Тирский, ритор и философ-платоник второй половины II века н. э., в конце девятой речи, посвященной «демону Сократа», пишет: «Ахилл живет на острове, расположенном в Эвксинском Понте напротив Истра, <где> есть храм и жертвенники Ахилла», упоминая и других обитателей острова: «...Патрокл был виночерпием ... была также Фетида и собрание других демонов». В одном из фрагментов «Перипла Понта Евксинского» Флавий Арриан (II в. н. э.) писал об острове Ахилла или Белом острове, который «подняла [со дна моря] Фетида для своего сына и что на нем живет Ахилл. Есть в храме много и других приношений, ... а также надписи, ... составленные разными метрами в похвалу Ахиллу. Некоторые, впрочем, относятся и к Патроклу, потому что все желающие угодить Ахиллу вместе с ним почитают и Патрокла» (32). В «Героике» Флавия Филострата (II – III вв. н. э.), в частности, также указывается о храме на Левке, но что «Посейдон «поднял ... Белый остров, предназначив его Ахиллу и Елене для жительства» (54, 2). Самый длинный перечень обитателей Левки дает Павсаний (II в. н. э.), рассказывая о вернувшемся с острова человеке: «Он вернулся с Левки и рассказывал, что увидел Ахилла и что также увидел Аякса, сына Оилея, и Аякса, сына Теламона, что вместе с ними там находятся Патрокл и Антилох, и что с Ахиллом живет Елена» (III. 19, 13). В поэме автора III в. н. э. Квинта Смирнского «После Гомера»⁵ Посейдон говорит Фетиде об Ахилле: «... дам ему остров тогда я священный на море Эвксинском. / Богом там будет твой сын» (III, 770 – 776). В другом фрагменте этой поэмы читаем: «Подобно легчайшему ветру, / быстро полей Элисийских достиг Эакид достославный» (XIV, 180, 223 – 224). Наконец, Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.) в своей «Римской истории» писал: «Близ Таврики лежит необитаемый остров Левка, посвященный Ахиллу» (XXII, 35).

Из этих источников, кроме подтверждения существования на острове Левка храма, следовательно, и культа, вытекает важное заключение, что сначала остров Левка мыслился как остров Блаженных (Элизий), где пребывали многие герои, а не только Ахилл. А.И. Иванчик справедливо считает, что «сопоставление двух контекстов показывает, что для Пиндара остров Блаженных и Левка, а для Квинта Смирнского Левка и Элизий – синонимы» [Иванчик, 2005, с. 71]. Добавим, что об этой же синонимичности говорит и приведенное выше указание Плиния Старшего на остров Ахилла, «именуемого также Левка и Макарон», поскольку «остров Макарон» представляет собой все тот же остров Блаженных. Пребывание многих героев на Левке имеет существенное значение для уточнения лечебного аспекта здешнего культа Ахилла (см. ниже). Именно этот аспект, позволил некоторым исследователям, опираясь только на сообщения жившего предположительно в I в. до н. э. Конона (XVIII), а также

⁵ По современным данным, эта поэма восполняет лакуны между событиями, описанными в «Илиаде» и «Одиссее», и является ценным источником по содержанию утраченных эпосов («Эфиопики», «Малой Илиады», «Падения Трои»).

автора II века н. э. Павсания (III. 19, 11-13), утверждать, что начало отправления культа Ахилла на Левке относится к VI в. до н. э. Однако следует признать, что эти сообщения Конона и Павсания, «говорящие о начале существования здесь (на Левке) святилища якобы с первой половины VI в. до н. э., являются всего лишь косвенным подтверждением такой датировки» [Иванчик, 2005, с. 73]. Тем более что лечебный аспект здешнего культа Ахилла подвергается серьезным сомнениям (см. ниже).

Мало того, что в античных источниках нет конкретных сведений о времени строительства и устройстве храма Ахилла на Левке, археологические остатки его *in situ* не сохранились – уничтожены еще в XIX веке. До нас дошли лишь немногие фрагменты мраморных деталей, элементов перекрытия и украшений. По мнению современных археологов, исследовавших Левку, большая часть сохранившейся черепицы перекрытия храма (фрагменты калиптеров и керамид) датируется IV – III вв. до н. э., существование более древней черепицы здесь лишь допускается, хотя сохранилось два фрагмента украшений – пальметт, относящихся к середине – последней четверти VI в. до н. э. [Охотников, Островерхов, 1993, с. 24 – 25]. Но последнее выглядит неубедительным, поэтому А.С. Русяева полагает, рассмотрев практически все античные литературные сведения, а также археологические данные: «Наиболее важные выводы из приведенных выше литературных источников состоят в следующем: на протяжении V в. до н. э. – III в. н. э. на острове Левка стоял храм – святая обитель Ахилла»⁶, имея, по археологическим данным, наружные габариты фундамента 50 на 100 малых ионийских футов⁷. Более того, исследовательница считает, на острове было два храма: «Вначале был построен более древний храм, который разобрали, оставив *in situ* лишь цоколь, и впритык к нему возвели точно такой же по размерам храм, но на более мощном фундаменте». Особенности его кладки позволяют считать, что второй храм был сооружен не ранее IV в. до н. э. [Русяева, 2004, с. 181, 187, 189].

На Левке древнейшие граффити датируются серединой VI в. до н. э., но их всего два: одно граффито с формулировкой «посвящаю», второе – с неким обращением, причем оба без указания объекта этих действий. Из почти 70 граффити, найденных за все время исследований, только в двух случаях рядом с посвящением можно прочесть или с достаточной уверенностью восстановить имя Ахилла. Немногие граффити имеют лишь две-три буквы, которые, по мнению авторов, можно было бы соот-

⁶ Совершенно неверно следующее утверждение Е.В. Илюшечкиной: «На острове Левка, называемом в других источниках также островом Ахилла, находился храм Ахилла Понтарха, которого на протяжении многих веков почитали в городах Северного Причерноморья, начиная со времени колонизации в VII – VI вв. до н. э.» [Илюшечкина, 2006, № 1, с. 244, прим. 192], поскольку культ Ахилла Понтарха возник значительно позднее, уже в римское время.

⁷ Весьма любопытно, что храм Аполлона Врача, по мнению А.С. Русяевой и ее последователей, главного божества ольвиополитов в начале колонизации, построенный в Ольвии в пределах последней четверти VI в. до н. э., имел наружные габариты вдвое меньше – около 25 x 50 малых ионийских футов [Крыжицкий, 1998, с. 172].

нести с серединой или окончанием имени Ахилла. Исследователи считают, что «эти граффити находят наиболее близкие аналогии в граффити из поселений Нижнего Побужья – Бейкуш, Большая Черноморка, Березанское поселение» [Охотников, Островерхов, 1993, с. 54 – 60]. Но это не так, поскольку во всех данных местах найдены не единицы, а десятки граффити, причем не вызывающих сомнений в принадлежности их Ахиллу. Кроме того, в отличие от Бейкуша, ни на одном граффити Левки рядом с требующим реконструкции или усилий при прочтении именем Ахилла не отмечены какие-либо рисунки, тем более – змей, что, напомним, уникально для Бейкуша.

Справедливости ради заметим, что связь Ахилла со змеями на острове Левке вполне возможна, но до настоящего времени свидетельств данной связи практически нет. Правда, ряд авторов настаивает на обратном, но согласиться с их доводами нельзя. В самом деле, как считать весомым аргументом слепок бронзового перстня⁸ с изображением змеи внутри храма [Охотников, Островерхов, 1993, с. 68, 80, рис. 17, 16]? Еще менее убедительны рассуждения Н.В. Пятышевой о статуе Змея-Гликона, якобы вывезенной еще в древности с Левки в г. Томис на территории современной Румынии [Пятышева, 1972]. А ведь этим и ограничивается перечень аргументов в пользу имеющейся связи Ахилла на Левке со змеями, если не считать еще один, давно упущенный (см. ниже примечание 9). С другой стороны, недавно найдено еще одно доказательство, помимо бейкушских граффити, связи культа Ахилла со змеями собственно в Ольвийском полисе [Виноградов, Шауб, 2021].

Одним из свидетельств отправления культа на Левке, безусловно, являются жертвенные монеты, в огромном числе найденные на острове. Однако самые древние из них относятся к V в. до н. э., причем их буквально единицы: кизикин, афинское серебро и ольвийский ас с изображением Афины. Преобладающее же число находок приходится на IV – III вв. до н. э. (около 40 городов Греции, от Сиракуз до Фанагории, а также выпуски правителей Македонии). Наиболее поздние монеты представлены эмиссиями римских императоров (но всего лишь восемнадцатью монетами из 163 монет римского периода) от 268 до 423 г. н.э. [Карышковский, 1983; Охотников, Островерхов, 1993, с. 49-51].

Считаем необходимым подробнее остановиться на двух аспектах, которые подавляющее большинство исследователей давно считают неотъемлемыми составляющими культа Ахилла на Левке. Речь идет об оракуле в его храме, а также о лечебных процедурах на острове, в том числе с использованием инкубации. По этому поводу серьезного внимания заслуживают недавние работы Е.В. Приходько, доцента кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

⁸ Около 60 гемм и перстней обнаружено на Левке при раскопках XIX века. К сожалению, большинство из них не паспортизировано, утеряно, и сейчас о них можно судить только по 52 сургучным оттискам, приложенным к документации об острове Левка в архиве Одесского археологического музея, № 59182 [Охотников, Островерхов, 1993, с. 62-63]. Обсуждаемый слепок принадлежит к их числу.

Исследовательница убедительно показала, что единственным поводом для утверждения о наличии на Левке оракула Ахилла стал пассаж из «Перипла» Арриана и особенно ошибочный перевод используемого там слова *χρησμός*⁹. Все переводчики, начиная с Г. Кёлера (1826), передали это слово как «оракул», а в результате этого все исследователи античной Левки уверенно пишут о тамошнем оракуле Ахилла, часто – в его храме. В связи с этим Е.В. Приходько подчеркнула весьма важные моменты: «К сожалению, ни у кого из ученых так и не возникло идеи предпринять критический анализ текста Арриана и обратить внимание на используемые им мантические термины, среди которых термина “оракул” просто нет. Оракул в античном понимании этого термина – вещий дух места – никогда словом *χρησμός* не обозначался, а только терминами *μαντεῖον* и *χρηστήριον*. Они столетиями строго сохраняли свое значение и при этом встречаются во всех письменных источниках – как в самых разных жанрах литературы, так и в эпиграфике. Даже в случае короткого упоминания о каком-то малоизвестном прорицалище любой древнегреческий автор обязательно оговаривал присутствие в нем “оракула”. Арриан, однако не считал возможным употребить в своем описании Левки ни то ни другое слово. Получивший серьезное классическое образование, ученик Эпиктета и подражатель Ксенофонта, Арриан, бесспорно, прекрасно знал все тонкости словоупотребления греческого языка и в “Походе Александра” трижды использовал термин *μαντεῖον* в рассказе об обращении Александра в святилище Зевса Аммона в Ливии, прославившееся как раз своим оракулом. Выражения “в храме находится оракул” мы не найдем ни у одного античного автора. Место пребывания оракула никогда не заключалось в пределы рукотворных стен, а обозначалось, скорее, как географическая точка либо через определенные природные объекты (пещера, роща, источник), либо через расположенный в этом месте город или населенный пункт. Кроме неверно переведенного текста Арриана, никаких других свидетельств – ни литературных, ни археологических, ни эпиграфических – существования на Левке оракула Ахилла (тем более в его тамошнем храме) на данный момент нет» [Приходько, 2023, с. 114 – 120]. Кроме того, следует учиты-

⁹ Нам ранее пришлось обратить внимание на подобный случай. Речь идет о тенденциозной трактовке В.В. Латышевым слова *κνίωλετα* как «птицы» в переводе известного фрагмента Дионисия Периегета (341–348), при этом в данном тексте слово *ὄρνεια* («птицы») вообще отсутствует [Латышев, 1890, с.182]. Еще С.П. Кондратьев указал по этому поводу при переиздании данного труда В.В. Латышева в 1948 году: «Греческий текст дает слово *κνίωλετα*; у всех греческих писателей (Каллимаха, Артемидора, Никандра) оно значит “змеи”» [Латышев, 1948, с. 236, прим. 69]. Однако никто, кроме нас [Лазаренко, 2018а], не считал это важное замечание чем-то существенным, по крайней мере – публично. Более того, в новейшем переводе Дионисия Периегета этот момент даже не обсуждается [Илющечкина, 2006, с. 244, прим. 192]. Между тем, если бы уточнение, данное С.П. Кондратьевым, было своевременно оценено по достоинству, то могло бы стать определенным свидетельством связи Ахилла в Северном Причерноморье со змеями задолго до открытия его святилища на Бейкуше, поскольку в рассматриваемом тексте речь идет о *κνίωλετα λευκά*, на Белом острове, т. е. о «белых змеях» на острове Левка. Но исследователи как говорили, так и продолжают говорить о тамошних «белых птицах» («пернатых») как более «удобном» аксессуаре культа Ахилла на Левке.

вать, что на северном и западном побережье Черного моря, в том числе на Левке, Арриан никогда не был и всю информацию об этом острове черпал из сочинений эллинистических географов и из рассказов путешественников и купцов. Но их рассказы, как указал еще М.М. Ростовцев (1918) вряд ли можно признать точным и объективным источником. Учитывая всё это, мнения современных авторов о наличии оракула Ахилла на Левке, тем более в его храме, не имеют подтверждения.

Пожалуй, еще более интересен вопрос, лечил ли кого-то Ахилл на Левке и происходило ли это во сне? Дело в том, что положительный ответ на это является еще одним «общим местом» в трудах практически всех современных исследователей (включая автора этих строк)¹⁰. Между тем, Е.В. Приходько считает, что именно показанное выше «непонимание сути мантической процедуры, происходившей на Левке, породило еще одно научное заблуждение – утверждение о том, что при храме Ахилла практиковалась лечебная инкубация с соответствующими обрядовыми действиями, способствующими исцелению больных. Возникновению идеи о лечебной инкубации на острове способствовало объединение и несколько предвзятое толкование двух тоже весьма скудных по количеству групп свидетельств: одной – об исцелениях, полученных на Левке якобы от Ахилла, другой – о явлениях Ахилла во сне» [Приходько, 2023, с. 131]. Действительно, рассматривая сообщения якобы об Ахилле-целителе на Левке, следует обратить внимание, что у Конона страдавший от гангрены «прибыл по прорицанию на Ахиллов остров в Понте ... и там, умиловитив и прочих героев, и особенно душу Аякса локра, был исцелен» (XVIII). А у Павсания Пифия, посылая раненого на Левку, прямо говорит, что там лечить его рану будет Аякс, а не Ахилл: «Пифия же, когда он пришел, отправила его на остров Левку, сказав, что там явится ему Аякс и вылечит рану» (III. 19, 12). Характерно, что другие древние сообщения о каком-либо целительстве на Левке отсутствуют.

Кроме того, Е.В. Приходько обращает внимание, что среди всех найденных на Левке «артефактов нет решительно ничего, что могло бы однозначно указывать на пророческую или целительскую деятельность Ахилла. Ни одна надпись не цитирует и не пересказывает его прорицаний, ни на одном посвятельном даре не написано, что он принесен владыке Левки в благодарность за исцеление. Среди культовых эпитетов Ахилла нет эпитетов, отражающих его связь с мантикой или врачеванием» [Приходько, 2023, с. 136 – 137]. В чем же причина устойчивого (почти 200 лет!) ошибочного мнения о лечебных аспектах Ахилла на Левке? Здесь снова следует согласиться с заключением Е.В. Приходько: «Если по древнейшим верованиям на

¹⁰ Е.В. Приходько справедливо указывает, что эта тема активно развивается в работах последнего времени. Хотя еще И.И. Толстой (1918) высказался по этому вопросу весьма конкретно: «Ониромантический элемент весьма ошутим в легендах о Белом острове, но указаний на инкубацию, как организованное в святилище Ахилла религиозное учреждение, мы не находим, ни в надписях, ни в текстах древних писателей». Тем не менее, например, А.С. Русяева говорит о «дивинации, нашедшей проявление в святилище Ахилла на о-ве Левке» [Русяева, 1992, с. 71].

острове Левке вместе с Ахиллом жили души многих героев, то с течением времени этот остров перешел в безраздельное владение Ахилла, там было устроено святилище этого героя и построен храм, и, следовательно, поездка на Левку (см. сообщения Конона и Павсания (Ш. 19, 11–13) – В.Л.) воспринималась уже исключительно как обращение за помощью к Ахиллу. Для Аякса на этом острове места больше не оставалось» [Приходько, 2022, с. 37].

Что касается культа Ахилла в целом, то на Левке практически всё соответствовало греческим ритуалам¹¹, а на Бейкуше зафиксировано много «варварских» компонентов религиозных действий, чего совершенно нет на Левке. Если на острове бесспорно наличие храма, то на Бейкуше большинство культовых сооружений были значительно заглублены в землю. Нами ранее установлено, что решающим фактором формирования архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье на начальном этапе явилась встреча колонистов с мощным идеологическим феноменом – почитанием местными племенами (реликтовыми ариями и, вероятно, фракийцами) практически непрерывно, начиная с IV тысячелетия до н. э., *Áhi-Змея* – Первопредка и, возможно, даже Верховного бога, который стал прообразом Ахилла [Лазаренко, 2015, 2016]. Примером весомого участия «варваров» в формировании его специфического культа в Северном Причерноморье является в том числе граффито, найденное при раскопках святилища совершенно неизвестной ранее языческой богини Тарги в Западном Крыму. Примечательно, что Ахилл упомянут в надписи не только вместе с этой, судя по всему, Верховной «варварской» богиней, но и перед ней [Сапрыкин, 2014, с. 18-19], что показывает его культовое главенство (это было бы невозможно для чисто греческого Ахилла-героя), хотя это святилище не считается Ахилловым. Однако Й. Хупе, говоря о двух votivных граффити с именем Ахилла, найденных здесь, полагает, что «почитание Ахилла в этом святилище свидетельствует о религиозном взаимодействии местного населения и греков на территории Херсонеса», а также что именно в данном святилище Тарги «культ Ахилла испытывал сильное воздействие местных факторов» [Хупе, 2006, S. 238], что еще раз поддерживает нашу позицию.

В связи с этим следует напомнить, что еще Квинт Смирнский фактически прямо указал о почитании Ахилла в Северном Причерноморье не только греками, но и другими народами, причем в качестве бога, а не героя. В одном фрагменте поэмы «После Гомера» Посейдон говорит Фетиде, касаясь Ахилла: «Жребий ужасный во мраке его пребывать не заставит / в царстве Аида. Войдет он в пресветлую Зевса обитель. / Дам ему остров тогда я священный на море Эвксинском. / Богом будет

¹¹ Культ Ахилла на Левке был, по всей видимости, героическим. Об этом свидетельствуют его хтонические черты, эпифании – см. у Арриана (34) и Флавия Филострата (56, 4), страх перед Ахиллом, привязанность его к определенному месту. Хотя Кесарий (IV в. н. э.), младший брат святого Григория Богослова указывает в «Диалогах» (112): «Жители острова Белого обоготворили Ахилла», однако его современник Аммиан Марцелин в своей «Римской истории» (XXII, 35) говорит о храме Ахилла-героя на посвященном ему острове Левка.

5 твой сын. И людей поколения многих, / что из различных народов, живущих окрест, происходят¹², / жертвами впредь по достоинству чтить его станут, словно меня самого» (Post Hom. III, 773-779).

Наличие значительного количества «варварских» элементов культовых действий, а также краткие граффити А, АХ и АХІ (особенно с изображением змей) позволяют допустить большую вероятность того, что на Бейкуше совершалось, в основном, не поклонение греческому Ахиллу, но Áhi-Змею – Первопредку и, возможно, Верховному богу местного «варварского» населения, в том числе реликтовых ариев. Они остались здесь после ухода основной массы ариев на восток и юг из Северного Причерноморья на рубеже III – II тысячелетий в ходе распада индоевропейской общности [Трубачев, 1999, с. 65, 99 –102], где сформировался данный культ. Только открытие святилища на Бейкуше открыло путь к выявлению этих подлинных истоков и объяснению особенностей культа Ахилла в Северном Причерноморье. Здесь нашло подтверждение то, о чем, подчеркивая удивительное своеобразие причерноморской мифологии и культа Ахилла, справедливо говорили И.Ю. Шауб: «Оно явно было обусловлено не только воскрешением архаических пластов образа этого бога, но и несомненным влиянием на этот образ местной варварской среды» [Шауб, 2002], а также В.П. Яйленко: «В мифе о северо-причерноморском Ахилле соединились две традиции: греческая, привнесённая колонистами, и туземная» [Яйленко, 2013, с. 74]. Это влияние, видимо, было обусловлено не только тем, что греки-колонисты, придя не на пустое место¹³, оказались в идеологической среде, сформировавшейся ещё в период индоевропейской общности, но и сходством их языка с языком реликтовых ариев Северного Причерноморья – именно здесь лингвисты полагают соседство греческого и арийского языков, имеющих значительное сходство грамматического строя и обширную общую лексику, к началу II тысячелетия до н. э. [Порциг, 2003, с.234, 238; Шрадер, 2003, с. 189]. Это время катакомбной культуры, наступившее вскоре после распада индоевропейской общности в Северном Причерноморье и начала миграций протогреков на юго-запад, а ариев – на восток и юг.

¹² Выделение курсивом здесь наше. Практически все исследователи пренебрегли этим важнейшим указанием, очевидно, чтобы не нарушать стройное следование общепринятому мнению о чисто греческом генезисе культа Ахилла в Северном Причерноморье, имевшем при этом героический характер. Определенное исключение, правда без ссылки на Квинта Смирнского, составило лишь высказывание М.И. Ростовцева (1918): «Я хотел бы, чтобы мне представили серьёзные возражения против вероятности сочетания мифа об Ахилле со старым, до-греческим культом Белого острова». Однако действительно серьёзных возражений по этому поводу, как известно, не последовало. Первым, кто стал обоснованно утверждать о существовании и раннем местном влиянии на формирование культа Ахилла-бога, стал спустя многие десятилетия И.Ю. Шауб [2002].

¹³ Пониманию этого несколько десятилетий препятствовало утверждение В.В. Лапина, нашедшее, к сожалению, много последователей, о «факте реального отсутствия оседлого варварского населения в степном районе Нижнего Побужья на протяжении почти полутора столетия лет протекания здесь греческой колонизации – от появления самых первых поселений вплоть до начала V в. до н. э.» [Лапин, 1966, 52 – 54, 142].

Бейкушское святилище Ахилла, как известно, прекратило свое существование в начале V в. до н. э., но причины этого неизвестны. Однако весьма любопытно, что уже со второй половины VI в. до н. э. на греческих поселениях Нижнего Побужья наблюдается резкое уменьшение «варварских» типов посуды [Марченко, 1987, с.110]. А это может говорить об оттоке именно «варварского» населения из Нижнего Побужья, а также об этом, как причине забвения знакового святилища на Бейкуше. Тем не менее, почитание Ахилла в прежней форме продолжалось на близлежащей Березани, где, судя по частотности посвящений, как считает В.П. Яйленко, могло быть отдельное святилище Ахилла. В частности, здесь найдено датированное IV–III вв. до н. э. двустрочное граффито ΘΔ/ΑΧ, которое интерпретировано этим исследователем как запись о приношении 19 драхм Ахиллу, с уточнением, что «Αχ вряд ли стоит понимать иначе, нежели обычное для амулетов Березани сокращение имени Ахилла»; любопытно сравнение этого граффито с другим, где говорится о приношении Афине не серебра, а лишь мелкой меди [Яйленко, 2023, с. 92, 94, 98].

Очевидно, что святилище Ахилла на Бейкуше возникло заметно раньше, чем святилище на Левке. При этом характер отправления культа в обоих святилищах резко отличался. Если на Левке всё практически полностью соответствовало греческим ритуалам, то на Бейкуше преобладали «варварские» компоненты культовых действий. Возникновение здешнего святилища Ахилла, очевидно, было следствием слияния на раннем этапе почитания первыми греческими колонистами¹⁴ Ахилла отнюдь не в образе героя Троянской войны, но в образе «народного (домашнего) бога – Змея-предка», с культом «Áhi-Змея» местного населения, современного колонистам. Это могли быть реликтовые арии (и, вероятно, фракийцы), поклонявшиеся Верховному божеству и Первопредку в образе Змея. Не исключено, что представления об аналогичном персонаже существовали у греков непрерывно со времен греко-арийской общности в Северном Причерноморье. Эти представления, сохранившись в ходе миграций (о чем говорит пример Эпира с культом Ахилла Аспета [Лазаренко, 2018а]), затем деградировали до представлений о змеях – домашних богах, но проявились более масштабно во время колонизации, когда греки, по сути, вернулись на землю далеких предков – ранних индоевропейцев и встретились со своими дальними родственниками – реликтовыми ариями¹⁵. Прекращение же существования Бейкушского святилища в начале V в. до н. э. и совершенное отсутствие «змеиных» компонентов культа Ахилла в других местах Северного Причерноморья связано с тем, что Áhi – «Змей-Первопредок», которому поклонялись «варвары», был для греков-колонистов,

¹⁴ Напомним, самой первой в Северном Причерноморье признана колония на Березани, основанная между 650 и 630 гг. до н. э. Березань же расположена достаточно близко от Бейкуша.

¹⁵ Анализируя эти наши выводы об истоках культа Ахилла в Северном Причерноморье, И.Ю. Шауб счел возможным подчеркнуть: «Конечно, и до исследований В.Г. Лазаренко предпринимались попытки найти ответы на этот вопрос (Шауб, 2002; Яйленко, 2013), но всеобъемлющей работы о культе северо-причерноморского Ахилла не существовало» [Шауб, 2020].

очевидно, в целом чуждым божеством. Поэтому далее имел место перенос акцента почитания Ахилла на остров Левку, где реализовалась потребность привести культ Ахилла в соответствие с уже существовавшими легендами о Белом острове и гомеровским Ахиллом, а также с «нормами» Дельфийского оракула, которым явно не отвечал «варварский» Бейкуш. Всем этим и было обусловлено, на наш взгляд, полное отсутствие в античной литературе сведений о здешнем крупном святилище Ахилла.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М.Г., Тункина И.В.* Гости острова Левки (античные монеты по неизданным рисункам Н.Н. Мурзакевича) // ВДИ. 2018. № 1. С. 52–87.
- Бруяко И.В.* Несколько сюжетов на тему колонизации Северо-Западного Причерноморья // Античный мир и археология. Вып. 17. Саратов, 2015. С. 209–237.
- Буйских С.Б.* Исследования Бейкушского поселения // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 312–313.
- Буйских С.Б.* Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу // Херсонесский сборник. Вып. XI. Севастополь, 2001. С. 34–41.
- Буйских С.Б.* К истории открытия Бейкушского святилища // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002. С. 21–32.
- Буйских С.Б.* К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье архаического времени // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. XIV. Запоріжжя, 2007. С.110–125.
- Буйських С.* Культові комплекси, обряди та інвентар бейкушського святилища Ахілла // Наукові студії. Вип. 5. Львів, 2012. С. 97–105.
- Буйських С.Б.* Ольвія та Березань в контексті заснування іонійського колоніального поліса в Нижньому Побужжі // Музейний вісник. № 12. Запоріжжя, 2012а. С. 53–63.
- Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю.* Об одном забытом ольвийском рельефе // ВДИ 2021. Т. 81. №2. С. 331–339.
- Гаврилюк Н.А.* Керамика «фракийской группы» памятников Северного Причерноморья // Карпатика. Вип. 39. Ужгород, 2010. С. 17–21.
- Иванчик А.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции. М.; Берлин, 2005. 311 с.
- Илюшечкина Е.В.* Дионисий Александрийский (Перизегет). Описание ойкумены / перевод с древнегреческого и комментарии // ВДИ. 2006. № 1. С. 234–245.
- Карышковский П.О.* Ольвийские монеты, найденные на острове Левке // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1983. С. 158–173.
- Крыжицкий С.Д.* Храм Аполлона Врача на Западном теменосе Ольвии (Опыт реконструкции) // ВДИ. 1998. № 1 (224). С. 170–190.
- Лазаренко В.Г.* Ахилл – бог Северного Причерноморья. Ижевск: Шелест, 2018. 414 с.
- Лазаренко В.Г.* Культ змей в Северном Причерноморье IV–I тысячелетий до н. э. // Вісник Національного історико-археологічного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. I. 2016. С. 37–48.
- Лазаренко В.Г.* Образ Змея и архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье //

- Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. VII. 2014-2015. С. 30–54.
- Лазаренко В.Г. О необходимости корректного использования данных древней литературы при интерпретации археологических находок (на примере образа Змея) // Новый Гермес. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. Вып. XV, 3-4. 2023. С. 6–24.
- Лазаренко В.Г. Феномен Ахиллова Дрома // Боспорские исследования. Вып. XXXVII, 2018а. С. 28–55.
- Лалин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1966. 239 с.
- Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. viii +946 с.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 1. С. 223–315.
- Марченко К.К. Лепная керамика // Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время. Киев: Наукова думка, 1987. С. 104–116.
- Отрешко В.М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины. Киев, 1977. С. 40–44.
- Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. 140 с.
- Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. Изд-е 2-е, исправл. М.: Едиториал УРСС, 2003. 332 с.
- Приходько Е.В. Изречение, связавшее своей судьбой Патары, Дельфы и Левку // Культурные практики древнего Причерноморья: сборник статей по итогам Третьего Всероссийского междисциплинарного научного семинара 24–25 апреля 2021 года, г. Ярославль. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 31–55.
- Приходько Е.В. Оракул Ахилла на острове Левка: постановка вопроса о научном мифе // Сакральный мир островных сообществ бронзового и железного веков: сборник статей по итогам Четвертого Всероссийского междисциплинарного научного семинара «Античные культы полисов и империй», 24–25 июня 2022 года, г. Ярославль. Ярославль: Академия 76, 2023. С. 114–140.
- Пятьшева Н.В. К вопросу об интерпретации группы скульптур из Том // Тезисы докладов конференции «Вестника древней истории». М., 1972. С. 54–56.
- Русяева А.С. Культурні предмети Бейкушського поселення поблизу о. Березані // Археологія. 1971. № 2. С. 22–29.
- Русяева А.С. Розкопки Бейкушського поселення // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Вип. IV. Київ, 1972. С. 174–177.
- Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка, 1992. 253 с.
- Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев: Стилос, 2005. 559 с.
- Сапрыкин С.Ю. Памятники малой эпиграфики Северо-Западного Крыма античной эпохи // История и археология Северо-Западного Крыма. Симферополь, 2014. С. 7–31.
- Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука. 1999. 320 с.
- Шaub И.Ю. Ахилл – бог Северного Причерноморья // Новый часовой. 2002. № 13-14. С. 356–367.
- Шaub И.Ю. Долгожданный ответ на давний вопрос. Рецензия на книгу В.Г. Лазаренко «Ахилл

- бог Северного Причерноморья» (Ижевск: Шелест, 2018. 416 с.) // Археологические вести. Вып. 27. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2020. С. 317–332.
- Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб., 2007. 484 с.
- Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история / Пер. с нем. Изд-е 2-е. М. Едиториал УРСС, 2003. 496 с.
- Яйленко В.П. Новые древнегреческие сакральные граффити и дипинти острова Березань // Сакральный мир островных сообществ бронзового и железного веков: сборник статей по итогам Четвертого Всероссийского междисциплинарного научного семинара «Античные культы полисов и империй», 24–25 июня 2022 года, г. Ярославль. Ярославль: Академия 76, 2023. С. 87–113.
- Яйленко В.П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–V вв. до н.э. М.: Onebook.ru, 2013. 348 с.
- Яйленко В.П. Скифский Ахилл в Северном Причерноморье VIII–V вв. до н. э. и его индоарийские истоки // Древности Боспора, 2013а. Т. 17. С. 377–406.
- Hupe J. Syntese: Akkulturation prozesse im Spiegel des Achilleus-Kult. Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. 2006. S. 235–241.

REFERENCES

- Abramzon M.G., Tunkina I.V. Gosti ostrova Levki (antichnye monety po neizdannym risunkam N.N. Murzakevicha). *Vestnik drevnej istorii*. 2018, no. 1, pp. 52–87.
- Brujako I.V. Neskol'ko sjuzhetov na temu kolonizacii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja. *Antichnyj mir i arheologija*. Issue 17. Saratov, 2015, pp. 209–237.
- Bujskih S.B. Issledovanija Bejkushskogo poselenija. *Arheologicheskie otkrytija 1985 goda*. Moscow, 1987, pp. 312–313.
- Bujskih S.B. Issledovanie svjatilishha Ahilla na Bejkushskom mysu. *Hersonesskij sbornik*. Issue XI. Sevastopol', 2001, pp. 34–41.
- Bujskih S.B. K istorii otkrytija Bejkushskogo svjatilishha. In: *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremja*. Kiev, 2002, pp. 21–32.
- Bujskih S.B. K probleme greko-varvarskih kontaktov v Nizhnem Pobuzh'e arhaicheskogo vremeni. *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ja i Krimu*. T. XIV. Zaporizhzhja, 2007, pp. 110–125.
- Bujs'kih S. Kul'tovi kompleksi, obrjadi ta inventar bejkushs'kogo svjatilishha Ahilla. *Naukovi studii*. Issue 5. L'viv, 2012, pp. 97–105.
- Bujs'kih S.B. Ol'vija ta Berezan' v konteksti zasnuvannja ionijskogo kolonial'nogo polisa v Nizhn'omu Pobuzhzi. *Muzejnij visnik*, no. 12. Zaporizhzhja, 2012a, pp. 53–63.
- Gavriljuk N.A. Keramika «frakijskoj gruppy» pamjatnikov Severnogo Prichernomor'ja. *Karpatika*. Issue 39. Uzhgorod, 2010, pp. 17–21.
- Hupe J. Syntese: Akkulturation prozesse im Spiegel des Achilleus-Kult. In: *Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit*. 2006, S. 235–241.
- Iljuschekina E.V. Dionisij Aleksandrijskij (Perijeget). Opisanie ojkumeny. *Vestnik drevnej istorii*. 2006, no. 1, pp. 234–245.
- Ivanchik A. *Nakanune kolonizacii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n.je.*

- v *antichnoj literaturnoj tradicii*. Moscow; Berlin, 2005, 311 p.
- Jajlenko V.P. Novye drevnegrecheskije sakral'nye graffiti i dipinti ostrova Berezan'. In: *Sakral'nyj mir ostrovnih soobshhestv bronzovogo i zheleznoogo vekov: sbornik statej po itogam Chetvertogo Vserossijskogo mezhdisciplinarnogo nauchnogo seminaru «Antichnye kul'ty polisov i imperij», 24–25 ijunya 2022 goda, g. Jaroslavl'.* Jaroslavl': Akademija 76, 2023, pp. 87–113.
- Jajlenko V.P. *Očerki jetniceskoj, političeskoj i kul'turnoj istorii Skifii VIII–V vv. do n. je.* Moscow: Onebook.ru Publ., 2013, 348 p.
- Jajlenko V. P. Skifskij Ahill v Severnom Prichernomor'e VIII–V vv. do n. je. i ego indoarijskie istoki. *Drevnosti Bospora*, 2013a, vol. 17, pp. 377–406.
- Karyshkovskij P.O. Ol'vijskie monety, najdennye na ostrove Levke. In: *Materialy po arheologii Severnogo Prichernomor'ja*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1983, pp. 158–173.
- Kryzhickij S.D. Hram Apollona Vrača na Zapadnom temenose Ol'vii (Opyt rekonstrukcii). *Vestnik drevnej istorii*. 1998. no. 1 (224), pp. 170–190.
- Lapin V.V. *Grečeskaja kolonizacija Severnogo Prichernomor'ja*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1966, 239 p.
- Latyshev V.V. *Izvestija drevnih pisatelej grečeskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. T. I. Grečeskije pisateli*. St. Petersburg: Tipografija Imperatorskoj akademii nauk, 1890, viii +946 p.
- Latyshev V.V. *Izvestija drevnih pisatelej o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevnej istorii*. 1948, no. 1, pp.223–315.
- Lazarenko V.G. *Ahill – bog Severnogo Prichernomor'ja*. Izhevsk: Shelest Publ., 2018, 414 p.
- Lazarenko V.G. Kul't zmej v Severnom Prichernomor'e IV-I tysjacheletij do n. je. *Visnik Nacional'nogo istoriko-arheologičnogo zapovidnika «Kam'jana Mogila»*. Issue I. 2016, pp.37–48.
- Lazarenko V.G. Obraz Zmeja i arhaičeskij kul't Ahilla v Severnom Prichernomor'e. *Novyj Germes. Vestnik antichnoj istorii, arheologii i klassičeskoj filologii*. Issue VII. 2014-2015, pp. 30–54.
- Lazarenko V.G. O neobchodimosti korrektnogo ispol'zovanija dannyh drevnej literatury pri interpretacii arheologičeskikh nahodok (na primere obraza Zmeja). *Novyj Germes. Vestnik klassičeskoj arheologii, antikovedenija i medievistiki*. Issue XV, 3-4, 2023, pp. 6–24.
- Lazarenko V.G. Fenomen Ahillova Droma. *Bosporskie issledovanija*. Issue XXXVII, 2018a, pp.28–55.
- Marchenko K.K. Lepnaja keramika. In: *Kul'tura naselenija Ol'vii i ejo okrugij v arhaičeskoje vremja*. Kiev: Naukova dumka, 1987, pp. 104–116.
- Otreshko V.M. Graffiti, najdennye na poselenii Bol'shaja Chernomorka II v 1973 g. In: *Nekotorye voprosy arheologii Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1977, pp. 40–44.
- Ohotnikov S.B., Ostroverhov A.S. *Svjatilishhe Ahilla na ostrove Levke (Zmeinom)*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1993, 140 p.
- Porcig V. *Chlenenie indoevropejskoj jazykovoj oblasti*. Izd-e 2-e, ispravl. Moscow: Editorial URSS Publ., 2003, 332 p.
- Prihod'ko E.V. Izrečenie, svjazavshee svoej sud'boj Patary, Del'fy i Levku. *Kul'tovye praktiki drevnego Prichernomor'ja: sbornik statej po itogam Tret'ego Vserossijskogo mezhdisciplinarnogo nauchnogo seminaru 24–25 aprelja 2021 goda, g. Jaroslavl'.* Jaroslavl': Filigran' Publ., 2022, pp. 31–55.
- Prihod'ko E.V. Orakul Ahilla na ostrove Levka: postanovka voprosa o nauchnom mife. *Sakral'nyj mir ostrovnih soobshhestv bronzovogo i zheleznoogo vekov: sbornik statej po itogam Chetvertogo Vserossijskogo mezhdisciplinarnogo nauchnogo seminaru «Antichnye kul'ty polisov i imperij»,*

- 24–25 ijunja 2022 goda, g. Jaroslavl'. Jaroslavl': Akademija 76 Publ., 2023, pp.114–140.
- Pjatysheva N.V. K voprosu ob interpretacii gruppy skul'ptur iz Tom. *Tezisy dokladov konferencii «Vestnika drevnej istorii»*. Moscow, 1972, pp. 54–56.
- Rusjaeva A.S. Kul'tovi predmeti Bejkushs'kogo poseleennja poblizu o. Berezani. *Arheologija*. 1971, no. 2, pp. 22–29.
- Rusjaeva A.S. Rozkopki Bejkushs'kogo poseleennja. In: *Arheologichni doslidzhennja na Ukraini v 1969 r. Issue IV*. Kiïv, 1972, pp. 174–177.
- Rusjaeva A.S. *Religija i kul'ty antichnoj Ol'vii*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1992, 253 p.
- Rusjaeva A.S. *Religija pontijskih jellinov v antichnuju jepohu*. Kiev: Stilos Publ., 2005, 559 p.
- Saprykin S.Ju. Pamjatniki maloj jepigrafiki Severo-zapadnogo Kryma antichnoj jepohi. *Istorija i arheologija Severo-Zapadnogo Kryma*. Simferopol', 2014, pp. 7–31.
- Shaub I.Ju. Ahill – bog Severnogo Prichernomor'ja. *Novyj chasovoj*. 2002, no. 13-14, pp. 356–367.
- Shaub I.Ju. Dolgozhdannyj otvet na davnij vopros. Recenzija na knigu V.G. Lazarenko «Ahill – bog Severnogo Prichernomor'ja» (Izhevsk: Shelest, 2018. 416 p.). *Arheologicheskie vesti*. Issue 27. St. Petersburg: Institut istorii material'noj kul'tury RAN, 2020, pp. 317–332.
- Shaub I.Ju. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e VII–IV vv. do n. je.* St. Petersburg, 2007, 484 p.
- Shrader O. *Sravnitel'noe jazykovedenie i pervobytnaja istorija*. Izd-e 2-e. M. Editorial URSS Publ., 2003, 496 p.
- Vinogradov Ju.A., Shaub I.Ju. Ob odnom zabytom ol'vijskom rel'eфе. 2021. *Vestnik drevnej istorii*. Vol. 81, no. 2, p. 331–339.

Резюме

Святылище Ахилла на Бейкуше возникло в начале VI в. до н. э., что заметно раньше, чем его же святылище на острове Левке. При этом характер отправления культа в обоих святылищах резко отличался. Если на Левке всё практически полностью соответствовало греческим ритуалам, то на Бейкуше преобладали «варварские» компоненты культовых действий. Это, а также краткие граффити А, АХ и АХІ (особенно с изображением змей) позволяют допустить большую вероятность того, что на Бейкуше совершалось в основном не поклонение греческому Ахиллу, но Аhi-Змею – Первопредку и, возможно, Верховному богу местного «варварского» населения. Всем этим и было обусловлено, на наш взгляд, полное отсутствие в античной литературе сведений о здешнем крупном святылище Ахилла.

Ключевые слова: культ Ахилла, Северное Причерноморье, мыс Бейкуш, остров Левка, индоевропейская общность.

Summary

The sanctuary of Achilles on Beykush appeared at the beginning of the VI century BC, which is noticeably earlier than his sanctuary on the island of Levke. At the same time, the nature of worship in both sanctuaries was sharply different. If everything on Levka almost completely corresponded to Greek rituals, then on Beykush the «barbaric» components of cult actions prevailed. This, as well as the brief graffiti A, AX and AXI (especially with the image of snakes), allow us to assume a high

probability that the worship of the Greek Achilles, but Ahhi, the Snake - the Ancestor and, possibly, the Supreme god of the local «barbaric» population, was mainly performed in Beykush. All this was due, in our opinion, to the complete absence of information about the local large sanctuary of Achilles in ancient literature.

Key words: the cult of Achilles, the Northern Black Sea region, Cape Beikush, Levka Island, Indo-European community.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазаренко Владимир Григорьевич, профессор,
Федеральное бюджетное государственное
образовательное учреждение высшего
образования (ФБГОУ ВО) «Ижевский
государственный технический университет
имени М.Т. Калашникова».

426066, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.

lazvgr@yandex.ru

+7(912)853-06-67.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lazarenko Vladimir G., Professor,
Federal state-financed educational institution
of higher education “Izhevsk’ state technical
University named after M. T. Kalashnikov”.

426066, Izhevsk, Studencheskaya str., 7.

lazvgr@yandex.ru

+ 7(912)853-06-67.

А.Е. ПЕТРАКОВА

A.E. PETRAKOVA

**РОЖДЕНИЕ АФИНЫ НА КРАСНОФИГУРНОЙ
ПОЛИХРОМНОЙ АТТИЧЕСКОЙ ГИДРИИ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ:
РЕДКИЙ ВАРИАНТ ИКОНОГРАФИИ ПО МОТИВАМ ДЕКОРА
ВОСТОЧНОГО ФРОНТОНА ПАРФЕНОНА**

**THE BIRTH OF ATHENA ON THE RED-FIGURE POLYCHROME
ATHENIAN HYDRIA FROM PANTIKAPAION: A RARE VARIANT
OF THE ICONOGRAPHY INSPIRED BY THE EAST PEDIMENT
OF THE PARTHENON**

Статья основана на докладе, представленном вниманию коллег на XXIV Боспорских чтениях в 2023 году. Частично материалы были опубликованы в тезисах, изданных к этой конференции [Петракова, 2023а]. Автор выражает признательность Д. Е. Чистову, хранителю археологического материала из раскопок Пантикапея, и А.М. Бутягину, хранителю археологического материала из курганов Керченского полуострова, за разрешение работать с экспонатами и всяческое содействие, а также своей коллеге А.Г. Букиной за работу по визуальной реконструкции гидрии и развертке росписи на ней, выполненную специально для этой статьи (в докладе демонстрировалась лишь сама фрагментированная гидрия).

В собрании Государственного Эрмитажа хранится фрагментированная аттическая гидрия, получившая в музее инв. № П.1909–91 [Петракова, 2023а, 1а; ВАРД 16428] (рис. 1а; 2а). Краснофигурный рисунок на ней дополнен деталями, выполненными в низком рельефе с позолотой [см. подробнее: Петракова, Ягги, 2019; Букина, 2024]. Как минимум две фигуры были расписаны полихромными накладными красками, которые, увы, полностью утрачены [см. о проблеме: Букина, 2023а; Букина, 2023б; Букина, 2023в].

По-видимому, по причине столь плохой сохранности позолоты и полихромии, а также фрагментированного состояния вазы (которое осложняет возможность представления ее в экспозиции или на временных выставках), наша гидрия не привлекала специального внимания исследователей. Однако именно с нее началась работа, которая привела автора настоящей публикации к идее о том, что не только на ней, но и на многократно опубликованной пелике, инв. № Ю.О.–10 (рис. 3б) [см. о пелике с библиографией: Петракова, Ягги, 2019, с. 92, рис. 14–15; Jaeggi, Petrakova, 2019, fig.8, footnote 60; ВАРД 230432] из погребения № 50 в Кургане «i» (он же – Третий) Юз-Обы [см. о нем, в т. ч. архивные материалы: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 44–51] изображен один и тот же сюжет, восходящий к композиции на восточ-

ном фронте Парфенона. Пелике я планирую посвятить отдельную публикацию, в настоящем же тексте сосредоточусь на проблемах реконструкции (рис. 16; 3а) и интерпретации изображения на фрагментированной гидрии, инв. № П.1909–91.

Эта гидрия происходит из раскопок В.В. Шкорпила в Керчи в 1909 году. Нашли ее в «кургане, который занимал прежде дворы Метленка и Маркова (Карантинный переулок, № 6)», там был «открыт разрушенный и разграбленный еще в древности каменный склеп, состоящий из двух комнат... не под центром кургана, а в северо-восточной поле...» [Шкорпил, 1913, с. 25]. При расчистке склепа были найдены: «1) золотой перстень... с изображением гранатового яблока и звезды; 2) железный перстень, обтянутый листовым золотом; 3) четыре золотых сережки... одна с круглым розоватым стёклышком и одна с жемчугом... 4) восемь золотых бусинок; 5) два золотых брактеата... 6) четыре круглых золотых бляшки; 7) кусочки листового золота; 8) четыре бальзамария (три из стекла, один из глины); 9) шесть терракотовых лампадок (одна с изображением Эрота, опирающегося на опрокинутый факел); 10) обломки гипсовых украшений, изображающих маски, бычачьи головы, летящих эротов, дельфинов... 11) обломки трех круглых бронзовых зеркал... 12) бронзовый ключик, пряжка... игла, ручка от какой-то деревянной вещи... две палочки, пять наконечников от узких ремней; 13) железные наконечник копья, большая пряжка, обломки стригила и две стрелки; 14) обломки костяных карнизиков и других украшений от шкатулки; 15) 12 бус из сердолика, горного хрусталя, бронзы и разноцветной композиции; 16) три обломка глиняного сосуда, покрытого белой глазурью и 17) медная монета Котиса II» [Шкорпил, 1913, с. 25–26]. Как отметил В.В. Шкорпил: «Кроме перечисленных вещей в первой комнате склепа найдены обломки изящной краснофигурной гидрии, относящейся вместе со стригилом... к совершенно другой эпохе, чем все прочие предметы» [Шкорпил, 1913, с.26]. Действительно, по особенностям формы и декора наша гидрия соответствует аттическим изделиям IV века до н.э., что никак не соотносится с монетой Котиса II, царствовавшего с 123 по 131 г.

В Эрмитаж гидрия поступила в 1912 году. В инвентарной книге она описана как «Сорок девять обломков краснофигурной гидрии с частично сохранившимся изображением», переданных из Императорской археологической комиссии. «Частично обломки склеены, в одном месте недостающий кусок дополнен гипсом, позолота и белая краска потерты» [инв. ГЭ, сектор Античного общества, том XII, Разв. 50; книга датирована 28.12.1949]. На описной карточке на вазу, помимо прочей информации, также имеется указание на время и характер проведенной в музее реставрации: «В 1988–1989 г. [фрагменты – А.П.] были в реставрации (получены 2/II–89 г.), где все обломки смонтированы на ажурном металлическом каркасе. Хр. Н. Кунина». В таком виде (на металлическом каркасе, прикрепленном в нижней части к основанию ножке, выкрашенной светло-зеленой краской) гидрия хранится в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа и в настоящее время.

Помимо «Отчета о раскопках 1909 года в Керчи и окрестностях» [Шкорпил,

1913, с. 25–26] за авторством В.В. Шкорпила, наша гидрия также попала в обзор раскопок на территории России в 1909 году, опубликованный Б.В. Фармаковским в «Archäologische Anzeiger», издании немецкого Археологического института [Pharmakowsky, 1911, Sp. 209], а также в Отчет Императорской археологической комиссии за 1909–1910 годы [ОАК за 1909–1910 гг. СПб, 1913, с. 124]. Публикация Б.В. Фармаковского вышла в 1911 году, остальные – в 1913 году. Любопытно, что В.В. Шкорпил правильно охарактеризовал форму вазы – «гидрия», а вот остальные авторы первоначально написали «пелика». Возможно, связано это было с тем, что ваза пребывала во фрагментированном состоянии, пелика же – форма, в то время часто встречающаяся в материалах боспорских раскопок, особенно если речь идет о краснофигурных аттических вазах со сложными композициями, полихромией и позолотой. Примечательно, что В.В. Шкорпил особо отметил: «...к сожалению, несмотря на самые тщательные поиски, не удалось найти всех обломков этого красивого сосуда», то есть ваза исследователям понравилась, и ее фрагменты сознательно искали. Остается лишь сожалеть, что поиски не увенчались успехом, поскольку гидрия – не только «красивый сосуд» (как справедливо охарактеризовал ее В.В. Шкорпил), но и, как видно будет дальше, украшена весьма редким для аттической краснофигурной вазописи IV века до н.э. вариантом изображения рождения Афины.

У Б.В. Фармаковского впервые высказано (а в других изданиях повторено) суждение об *атрибуции* нашей гидрии: «по стилю ваза принадлежит той же мастерской, что и знаменитая пелика [опубликованная в – А.П.]: Comptes-Rendus 1859, Taf. I; Furtwängler-Reichhold, Vasenmalerei, Taf. 70». Обращение к названным публикациям, т.е. Отчету Императорской археологической комиссии за 1859 год [ОАК за 1859, Табл. I] и книге А. Фуртвенглера и К. Рейхолда «Греческая вазопись, подборка превосходных росписей» [Furtwängler, Reichhold, 1909, Taf. 70] приводит нас к изображению краснофигурной аттической пелики, которая хранится в Эрмитаже под инв. № Пав.8 [см. с библиографией: Petrakova, 2012, p. 155–156, fig. 7; ВАРД 230431] (рис. 4). Происходит она из раскопок Второго Павловского кургана в 1858 году [ОАК за 1859, с. 6–15; 29–18; см. также архивные материалы: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 24–25]. Эта пелика впоследствии была атрибутирована так называемому Элевсинскому мастеру (The Eleusinian Painter) – такое имя он получил по изображению на этой пелике, поскольку его сочли связанным с Элевсинской тематикой [см. библиографию о вазе: Jaeggi, Petrakova, 2019, p. 647 footnote 84]. Хотя имя «Элевсинский мастер» в публикации Б.В. Фармаковского, по понятным причинам, не названо, но, по сути, его атрибуцию нашей гидрии можно иными словами обозначить, как: «из той же мастерской, к которой принадлежит Элевсинский мастер». Атрибуция не входила в задачи отечественных ученых начала XX века, вводивших только что найденную гидрию в научный оборот. Но мы можем отметить прозорливость Б.В. Фармаковского: он осторожно сформулировал, что гидрия относится «к работам той же мастерской», а не «выполнена той же рукой», что и пелика. Как будет

видно далее, это очень здравый подход, поскольку с выделением индивидуальной руки мастера в этой группе материала имеются определенные сложности.

Карл Шефолд, в широкую сферу интересов которого входила также и аттическая расписная керамика, опубликовал в 1930-х годах два труда о краснофигурных аттических вазах IV века до н.э. [Schefold, 1930; Schefold, 1934.] В названии этих трудов фигурирует словосочетание «керченские вазы», которое является не очень удачным, но продолжает активно использоваться и в наши дни [см. о проблеме: Букина, 2023б, с. 73–74].

В своих книгах Шефолд, помимо прочего, высказал суждение о датировке и атрибуции нашей гидрии [Schefold, 1930, s. 19, Taf. 15a; Schefold, 1934, s. 22, Kat. 166]. По его мнению, гидрия должна быть датирована 350–340ми гг. до н.э., так же, как и знаменитая гидрия со спором Афины и Посейдона за власть над Аттикой (рис. 6в), хранящаяся в Эрмитаже с инв. П.1872–130 [Schefold, 1934, Kat. 161; см. библиографию: Jaeggi, Petrakova, 2019, fig. 4, p. 642; BAPD 6988; LIMC ID 6831] и упомянутая выше пелика Ю.О.–10 [Schefold, 1934, Kat. 369] из Третьего кургана Юз-Обы. Пелику же Пав.8 (рис. 4) [Schefold, 1934, Kat. 368], которую Б.В. Фармаковский сопоставил с нашей гидрией, Шефолд датировал чуть позже, 340–330 гг. до н.э. [см., например: Schefold, 1934, s. 123–124], как и знаменитую пелику из кургана Кекуватского (рис.5) [см. библиографию: Jaeggi, Petrakova, 2019, figs. 2, 10, p. 639; BAPD 230421; LIMC ID 14317; о находке с публикацией архивных документов см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 97–104] с изображением Аполлона и Марсия (ГЭ, инв. № Кек.8), по которой он дал имя Мастеру Марсия [Schefold, 1934, Kat. 370; S. 127–129]. Пелики Ю.О.–10 и Пав.8 Шефолд атрибутировал выделенному им Мастеру Элевсинской пелики (der Maler der Eleusinischen Pelike) [Schefold, 1934, s. 125–126], условное имя которого впоследствии было упрощено до «Элевсинского мастера» (the Eleusinian painter). Впоследствии с такой атрибуцией согласился и Дж. Бизли [Beazley, 1963–68, p. 1476 no 1–2]. Гидрию П.1872–130 Шефолд атрибутировал Мастеру свадебного шествия (der Maler des Hochzeitszugs), также выделенному им в его исследованиях поздних краснофигурных аттических vaz [Schefold, 1934, S. 132–134]. Свое условное имя этот вазописец получил по росписи на еще одной эрмитажной вазе – фрагментированному лебесу, инв. № Гп.1881–168 из некрополя Горгиппии [см. о нем: Букина, 2023а; Букина, 2023в; BAPD 21460].

Основоположник системы классификации и атрибуции аттических черно- и краснофигурных вазописцев Джон Бизли, как сам он честно признался, при изучении аттических vaz IV века до н.э. в российских собраниях во многом опирался на упомянутые труды Карла Шефолда. «В течение пяти недель, что я провел в Ленинграде в 1914 году, я не имел времени уделить внимание всему», поэтому «я пренебрег четвертым веком» [Beazley, 1963–68, p. 1406]. Вполне естественно, что наша фрагментированная гидрия в книги Бизли не попала [в электронной базе архива Бизли она числится со ссылками на несколько публикаций, в т.ч. Шефолда – BAPD 16428].

Считающийся преемником Бизли в деле изучения аттических vaz Джон Бордман

воспроизвел фотографию одного из фрагментов нашей гидрии в своем справочнике о краснофигурных аттических вазах эпохи классики (рис. 2в) [Boardman, 1989, pl. 396], отметив, что эта ваза относится к числу атрибутированных Мастеру свадебного шествия К. Шефолдом. Причем конкретно она является одной из тех, которые «достойны того, чтобы быть помещенными» в справочник по причине «качества рисунка фигур, хотя декор в целом перенасыщенный, а когда речь заходит о деталях – небрежный (for the quality of figure drawing though the style is generally crowded and slapdash if detailed)» [Boardman, 1989, p. 192].

Панос Валаванис в исследовании, посвященном сопоставлению вазописцев, украшавших чернофигурные панафинейские амфоры и вазописцев, декорировавших современные им краснофигурные вазы, также обратился к нашей фрагментированной гидрии [Βαλαβάνης, 1991, σ . 293 αρ.3, 302–303, πιν. 147а], поместив ее среди ваз, которые следует атрибутировать Мастеру свадебного шествия (он же Мастер КЗ панафинейских амфор). Валаванис отметил, что мускулатура на теле сидящего Зевса на нашей гидрии «абсолютно сходна с той, что у Кекропса на гидрии со спором Афины и Посейдона», равно как и «выразительные черты лица (морщины, крючок для обозначения носовой пазухи и проч.)». Трактовка складок одежд при помощи «разорванных линий, похожих на солому (γραμμές που θυμίζουν άχυρο)» сходна с той, что у менады на вазе с Афиной и Посейдоном. Как характерные для росписей этого вазописца черты отмечены также на нашей фрагментированной гидрии «серповидные завитки в нижней части бороды (καί το κατώτερο τρίμμα της γενειάδας με τις δρεπανοειδείς απολήξεις τών τριχών)» и будто «обрубленные» пальцы у Зевса (ακόμα τα κομμένα δάχτυλα των χειρών του Δία) [Βαλαβάνης, 1991. σ . 303]. Гидрию с Афиной и Посейдоном ученый датировал 360–350 гг. до н.э., а нашу фрагментированную гидрию – 350–340 гг. до н.э. [Βαλαβάνης, 1991, σ. 309–312], в отличие от Шефолда, который датировал обе 350–340 гг. до н.э.

В диссертации, посвященной Мастеру Марсия и его мастерской, Апостолос Танос также уделил внимание нашей гидрии, однако в вопросах атрибуции повторил мнение Шефолда и Валаваниса [Θάνος, 2020, σ . 424–425, πιν. 133в]. Во всех прочих случаях, как, например, в недавней статье МакФи, наша гидрия просто упоминается среди ваз Мастера свадебного шествия со ссылкой на Шефолда [McPhee, 2018, p. 76 footnote 36].

Итак, по поводу атрибуции нашей гидрии самостоятельно и намеренно высказались лишь трое из публиковавших ее авторов: Б.В. Фармаковский высказал идею об атрибуции нашей гидрии той же мастерской, в которой работал Элевсинский мастер, а Дж. Бордман и П. Валаванис – об атрибуции ее Мастеру свадебного шествия. Последнему и Шефолд [Schefold, 1934, s. 21, Kat. 161], и Валаванис [Βαλαβάνης, 1991, σ . 293 αρ. 1, πιν. 142–143] также атрибутировали эрмитажную гидрию со спором Афины и Посейдона. Такая разница во мнениях не является удивительной. Дело в том, что и Элевсинский мастер, и Мастер свадебного шествия – это предполагаемые вазописцы круга Мастера Марсия. Вопрос об уточнении датировок и взаимоотноше-

ний мастеров друг с другом в настоящее время активно обсуждается [см. об этом, например: Lebel, 1989; Kogioumtzi, 2006; Langner, 2013; Langner, 2016; Ακαμάτης, 2016; Muscolino, 2017; McPhee, 2018; Петракова, Ягги, 2019; Jaeggi, Petrakova, 2019; Букина, 2023в]. Сначала ряд мастеров выделил К. Шефолд. Потом часть из них не признал Дж. Бизли: например, он не упомянул в своих трудах Мастера свадебного шествия (и атрибутированные ему в Эрмитаже вазы), а про Элевсинского мастера сказал, что он «связан (connected)» с Мастером Марсия, но «вымученный и слабый – вот и вся разница (laboured and weak – all the difference)» [Beazley, 1963–1968, p. 1476]. При этом Бизли самокритично отмечал: «я не всегда был в состоянии следовать [идеям Шефолда] в группировке [вазописцев], вероятно отчасти из-за того, что мое знание великих российских коллекций аттических ваз IV века до н.э. далеко от совершенства» и в силу того, что «мне пришлось опираться на репродукции» [Beazley, 1963–1968, p. 1476], в отличие от Шефолда, который имел возможность работать непосредственно с экспонатами¹. П. Валаванис, напротив, поддержал шефолдовского Мастера свадебного шествия и продолжил его разрабатывать [Βαλαβάνης, 1991, σ. 292–312], а Мастера Марсия и Элевсинского мастера, наоборот, предложил объединить [Βαλαβάνης, 1991, σ. 282–286; см. также Kogioumtzi, 2006, p. 110–113]. Поскольку в данный момент все эти атрибуции пересматриваются, присоединяться к разговору об атрибуции нашей гидрии я не буду. Тем более что статья касается, в первую очередь, интерпретации сюжета росписи. С уверенностью на данный момент можно лишь говорить о принадлежности нашей фрагментированной гидрии и гидрии со спором Афины и Посейдона к работам одной мастерской, в которой любили дополнять краснофигурные росписи рельефными деталями, позолотой и полихромией. Развертка и научная реконструкция росписи на гидрии для этой статьи (рис. 1б; 3а) выполнена А.Г. Букиной, для чего все фигуры были сопоставлены с аналогичными на вазах, атрибутированных разным мастерам, которые в настоящее время ассоциируются с мастерской Мастера Марсия. Дабы не утяжелять текст этой статьи, подробно описывать процесс работы я здесь не буду, но можно сравнить (из того, что воспроизведено в этой статье) группу Зевса и Геры на пелике Пав.8 (рис. 4), Аполлона с лирой на пелике Кек.8 (рис. 5), зеркальных сидящего Зевса и стоящую Афины на пелике Ю.О. –10 (рис. 3б), а также маленьких летящих Ник на перечисленных вазах и на гидрии с Афиной и Посейдоном (рис. 6в), сидящие и стоящие фигуры на всех перечисленных вазах.

По поводу сюжета росписи на гидрии, инв. № П.1909–91, как и по поводу ее атрибуции, раньше всех в печати высказался Б.В. Фармаковский в 1911 году. Он

¹ В силу того, что сам метод Бизли основан на чрезвычайно внимательном изучении всех деталей росписи, работа с репродукциями может приводить к ошибкам. Если сравнить рисунки в тех же ОАК или иностранных публикациях непосредственно с хранящимися в Эрмитаже вазами из Пантикапея и окрестностей, становится очевидным, что рисунки не всегда точны, а нередко приукрашены по отношению к оригинальным вазовым росписям.

описал изображение на вазе следующим образом: «Фрагменты большой красно-фигурной пелики [sic!] с изображением Зевса, Геры, Аполлона, Афины и Эротов» [Pharmakowsky, 1911, Sp. 209].

В публикации 1913 года В. Шкорпил назвал тех же персонажей, дав чуть более подробное описание деталей и занятий представленных богов: «На черепках гидрии сохранились отчасти фигуры Аполлона в длинной одежде, играющего на золотой лире, Паллады в золотом панцире, сидящего Зевса с золотым венком на голове и стоящей возле него Геры, далее златокрылые Эроты и другие лица, внимательно следящие за игрой Аполлона» [Шкорпил, 1913, с. 26]. Идентификация Зевса, Афины и Аполлона не вызывает вопросов: иконография этих богов и сохранившиеся на гидрии элементы росписи позволяют говорить об этом с уверенностью. Что касается крылатых персонажей, названных Шкорпиллом «Эротами», полагаю, что на самом деле, это – Ники. Вопросы вызывают «Гера» и персонажи, охарактеризованные Шкорпиллом, как «другие лица»: все они – женщины в длинных одеждах, две стоят, головы у них утрачены, две изображены сидящими, у одной из них лицо и руки выполнены белой краской. В музейной инвентарной книге, равно как и на описной карточке (несмотря на указание на публикацию Шкорпила с отождествлением персонажей), «Герой» названа фигура, сидящая ниже Зевса; по поводу остальных трех женских персонажей идей не высказано.

При чтении описаний в публикациях зарубежных ученых, можно сделать вывод, что только Карл Шефолд видел и описал нашу гидрию целиком [Schefold, 1934, s. 22, Kat. 166]. Остальным, по-видимому, оказался доступным лишь фрагмент [Петракова, 2023а, рис. 1b], который был сфотографирован (негатив и фото – ГЭ, инв. № АНвс–4816) и опубликован сначала в книге К. Шефолда [Schefold, 1930, S. 19, Taf. 15a], а потом в книгах Дж. Бордмана [Boardman, 1989, pl. 396] и П. Валаваниса [Βαλαβάνης, 1991, πλ. 147a]. Произошло это до того, как 49 обломков были собраны на ажурном основании. На этом фрагменте (рис. 2б) сохранились изображения верхней части фигуры Зевса, части тела (от плеч до бедер) стоящей за ним женщины, части фигуры маленькой Ники (голова и ноги отсутствуют) и часть груди Афины с шеей, левым плечом и эгидой. Можно предположить, что работа лишь с одним фрагментом, к тому же по фотографии, послужила причиной иногда невнятной, а иногда неверной интерпретации изображения на нашей гидрии.

Валаванис описал изображение как «лицо и часть фигуры сидящего Зевса и части других фигур вокруг него» (πρὸς ὄψεσιν τοῦ μεγάλυτεροῦ μέρους ἐνόςκατενώπιον καθήμενου Δία καὶ γύρω τοῦ τμήματα ἄλλων μορφῶν) и предположил увидеть в этой росписи «наверное... собрание богов (Μάλλον πρόκειται γιὰ παράσταση ἀγοράς θεῶν)» без описания подробностей [Βαλαβάνης, 1991, σ. 293 αρ.3]². При

² Здесь следует обратить внимание на то, что именно как «собрание богов» [см., например: Furtwängler, Reichhold, 1909, Taf. 69, S. 46–50; Schefold, 1934, s. 42, Kat. 369 “Themispelike”; Boardman, p. 192, fig.393] охарактеризовано изображение на упомянутой пелике Ю.О.–10, на которой, как и на нашей гидрии, я считаю, также представлено «Рождение Афины» по мотивам восточного фронтона Парфенона.

этом воспроизвел Валаванис то же фото, что опубликовано у Шефолда.

У Бордмана вопрос интерпретации вообще обойден стороной, а под представленным в книге фрагментом написано: «Фрагмент гидрии. Зевс и Гера» [Boardman, 1989, p. 192, pl. 396] с прямым указанием на то, что фото воспроизводится по публикации К. Шефолда 1930 года [Boardman, 1989, p. 249]. Однако весьма любопытно, что в книге Бордмана (рис. 1в) фрагмент нашей гидрии воспроизведен несколько иначе, чем в книге Шефолда (рис. 1б): на нем отсутствует фрагмент фигуры Афины! Именно из книги Бордмана взято изображение и в диссертации А. Таноса [Θάνος, 2020, лtv. 133в], который описывает сидящего Зевса, стоящую за ним женскую фигуру (вероятно, Геру), «белого Эрота (λευκός Έρωτας)» слева от Зевса и «на уровне ног Зевса часть волос женской фигуры... которая в комбинации с Эротом может быть идентифицирована как Афродита (Τέλος, στο ύψος των ποδιών του Δία σώζεται τμήμα των μαλλιών μιας γυναικείας μορφής, η οποία σε συνδυασμό με την παρουσία του Έρωτα θα μporούσενα ταυτιστεί με σχετική ασφάλεια με την Αφροδίτη)» [Θάνος, 2020, σ. 424–425]. Не удивительно, что Танос описал Нику слева от Зевса как Эрота, ведь на той репродукции из книги Бордмана, которой он воспользовался, фигура Афины срезана. Удивительно лишь то, что, ссылаясь на публикации Шефолда, он не был внимателен при чтении описания, ибо в книге Шефолда 1934 года Афина описана, в книге 1930 года – воспроизведена, а крылатый персонаж между Зевсом и Афиной назван Никой.

Наша фрагментированная гидрия со ссылкой на книги Шефолда также упомяната в статье Дайффри Уильямса о восточном фронте Парфенона [Williams, Morton, 2013, p. 56 footnote 134]: наряду с кратером из Баксы (ГЭ, инв. № Бак.8) [см. о нем с библиографией: LIMC ID 11890; VAPD 7207], пеликой Ю.О.–10 (дан номер по каталогу Л. Стефани – St.1793) и пеликой Пав.8 (St.1792). Речь идет о том, что на аттических вазах начала IV века до н.э. в многофигурных сценах с изображением богов вокруг сидящего Зевса часто присутствует стоящая в полный рост Афина, справа или слева от него, вплотную или на некотором отдалении. «До сих пор не было найдено ни одной вазы [этого времени] с изображением рождения Афины, но, возможно, фигура сидящего Зевса на них – своеобразное эхо восточного фронтона Парфенона» [Williams, Morton, 2013, p. 56]. «По контрасту с этим, в случае с западным фронтоном нам повезло больше, поскольку существует гидрия в Санкт-Петербурге, на которой изображен не только спор Афины и Посейдона за власть над Атикой, но и сам Парфенон целиком, включая угловые акротерии» [Williams, Morton, 2013, p.56–57]. Очевидно, что в данном случае он также видел нашу гидрию не целиком, а лишь фрагмент с Зевсом и Афиной, как и все остальные.

Что касается видевшего гидрию целиком (но явно еще не склеенной) К. Шефолда, то он постарался интерпретировать каждую фигуру [Schefold, 1934, S. 22, Kat. 166], при этом никакого вывода о том, *что за сцена изображена*, он не сделал.

Не вызывает сомнений определение Шефолдом играющего на кифаре персонажа как Аполлона – иконография этого бога предполагает наличие ряда атрибутов, ко-

6 торые здесь присутствуют [LIMC, vol. II, s.v. Apollon, см. также с лирой nos. 83–90, 117–135 и проч.]. Сидящая левее женщина определена Шефолдом как, предположительно, Лето, мать Артемиды и Аполлона [в тезисах опечатка – написано «Леда»: Петракова, 2023а, с. 270]. Безусловно, Афиной является женщина в длинной одежде с эгидой на груди и шлемом на голове (сохранился лишь его кончик) – в этом случае даже утрата значительной части фигуры не является проблемой, опять-таки по причине целого ряда фиксированных и хорошо узнаваемых атрибутов [LIMC, vol. II, s.v. Athena], в нашем случае сохранилась эгида, по форме напоминающая ту, которая встречается не только в вазописи, но и в скульптуре [ср., например: LIMC, vol. II, Athena nos. 220, 221, 230, 247]. Вопрос вызывает отождествление крылатых персонажей: Фармаковский и Шкорпил назвали обоих Эротами [Pharmakowsky, 1911, Sp. 209; Шкорпил, 1913, с. 26], а Шефолд – одного Эротом, а другого – Никой. Безусловно, в центре композиции сидящим представлен Зевс: он часто изображается именно сидящим (в то время как остальные персонажи стоят). Чуть ниже Зевса изображена сидящая женщина (ее лицо тоже передано в три четверти, как и у него). По мнению Шефолда (повторено Таносом), это Афродита. Справа от Зевса нарисованы две фигуры в длинных одеждах, головы не сохранились. У одной из них (той, что стоит прямо за плечом Зевса) в левой руке имеется длинный тонкий шест с утраченным навершием – в этом персонаже Шефолд предлагает видеть Геру со скипетром. От второй фигуры сохранилась лишь левая и нижняя часть, можно угадать очертания левой руки под покрывалом, также из-под длинного хитона выглядывает кончик ступни. В этой фигуре Шефолд предлагает видеть Пейфо, воплощение убеждения (в том числе любовного) и эпиклесу Афродиты³. Итак, в отличие от Шкорпила и Фармаковского, Шефолд высказал свое мнение по поводу отождествления всех персонажей, однако не сделал вывода о том, что же в этой росписи происходит.

Как представляется, для понимания изображения на нашей гидрии следует вернуться к неоднократно упоминавшейся гидрии с рельефным декором, инв. П.1872–130 (рис. 6в) [см. библиографию: Jaeggi, Petrakova, 2019, fig. 4, p. 642; BAPD 6988; LIMC ID 6831]. Уже с первых публикаций интерпретация сюжета на ней не вызывала сомнений. Даже в обзоре находок за 1872 год она сразу аттестована как ваза, на которой изображено «известное состязание Посейдона с Афиной о названии главного города в Аттике» [Строганов, 1875, с. XXI]. Тогда же возникла и идея о том, что композиция на этой вазе похожа на композицию, украшающую западный фронтоны Парфенона (Рис. 6в) [Стефани, 1875]. Эта идея повторяется из публикации в публикации: что о самой гидрии, что о фронтонах Парфенона, что о споре Афины

³ Изображения Пейфо, в том числе подписанные, известны в краснофигурной аттической вазописи, например, на скифосе в Музее изящных искусств в Бостоне [BAPD 204681; LIMC ID 6026; AVI 2775], на ойнохое [BAPD 9988; LIMC ID 10818; AVI 5731] и фрагменте скифоса [BAPD 209975; LIMC ID 12119; AVI 5569] в Музее Метрополитен или на ойнохое из Змеиного кургана [LIMC VII, Pl. 179, Peitho 20; BAPD 9976 и 9044996; LIMC ID 7697; AVI 7338] и др.

и Посейдона [поскольку библиография очень обширна – приведу лишь некоторые труды: Courby, 1922, p. 130–130; Lethaby, 1930, p. 9; Metzger, 1951, p. 324, cat. 40; Zervoudaki, 1968, Kat. 78, Taf. 23.1; Villing, 1992, p. 12 note 15; Palagia, 1993; Marx, Gisler, 2011; Meyer, 2018, p. 62 note 61; и др.]. Хотя, конечно, сходство это весьма условно (рис. 6а–б): поза Афины близка, у Посейдона ноги зеркальны, про оливу между ними, расположение атрибутов в руках и наличие Ники и змеи в оригинальном фронтоне судить сложно, потому что именно в этих местах он утрачен. Что касается остальных фигур на гидрии, например, Диониса с пантерой или возлежащей слева женщины с обнаженной грудью, они в большей мере соотносятся с традициями поздней краснофигурной вазописи, чем с фронтоном Парфенона. И тем не менее ни у кого не вызывает сомнений, что центральная композиция на этой гидрии создана по мотивам фронтоной.

То же самое я хочу предположить и в отношении нашей фрагментированной гидрии и *восточного* фронтона Парфенона (рис. 7а). Сохранился он, увы, еще хуже, чем западный, но есть рельеф в Неаполе (рис. 7г) (о котором речь будет чуть ниже), как считается, созданный по его мотивам, есть также разные варианты реконструкций (рис. 7б–в; рис. 8а–е). И тем ценнее оказывается наша гидрия, если мы согласимся с тем, что она воспроизводит композицию с восточного фронтона *хотя бы в такой мере*, как гидрия с Афиной и Посейдоном – композицию с западного.

Идея о принципиальной *возможности* того, что композиции на аттических вазах могли быть созданы под впечатлением от знаменитых произведений монументально-декоративного искусства, не только живописи, но и скульптуры, общепризнана: это касается как монументально-декоративной живописи [см., например: Фармаковский, 1902; Stansbury-O'Donnell, 2015 и др.], так и монументально-декоративной скульптуры [см., например: Benz, 2008; Hurwut, 2017 и др.]. Более того, скульптурное убранство именно Парфенона (как фронтонов, так и обоих фризов) самые разные ученые постоянно сопоставляют с теми или иными изображениям на аттических краснофигурных вазах [см., например: Harrison, 1967; Marx, Fisler, 2011; Williams, Morton, 2013]. Речь в этих публикациях ведется об аттических вазах разных форм. В нашем же случае мы имеем дело с гидрией – формой, которую вазописцы украшали композицией с фигурами только с одной стороны (под вертикальной ручкой мог располагаться пышный растительный орнамент), чаще всего используя всю высоту изобразительного поля в средней части и сокращая ее к боковым частям (или, как на гидрии с Афиной и Посейдоном, располагая над ручками не главные элементы росписи). Такое расположение напоминает организацию композиции внутри фронтона – сложного для заполнения формата в виде растянутого равнобедренного треугольника. Немаловажным фактором является и то, что рельефная гидрия с Афиной и Посейдоном и исследуемая в настоящей статье гидрия атрибутированы одной и той же мастерской, а то и мастеру (в зависимости от взглядов исследователей), а значит, может идти речь об индивидуальном выборе приемов, сюжетов и мотивов, характерных для определенного круга вазописцев. В этой мастерской,

вероятно, исполняли росписи высокого качества и предполагали дополнять красно-фигурную роспись большим количеством рельефных позолоченных деталей [Jaeggi, Petrakova, 2019; Петракова, Ягги, 2019], много внимания уделяли полихромии [см. об этом: Букина, 2023а; Букина, 2023б; Букина, 2023с], а иногда и накладным рельефным фигурам, которые раскрашивали [см., например: Zervoudaki, 1968] и невысоким рельефным деталям, которые золотили [см. подробнее о технике исполнения: Букина, 2024]. Как мы знаем, скульптуры на фронтонах Парфенона также были дополнены полихромией. И это еще раз подчеркивает, что они могли послужить вазописцам этой мастерской образцом.

Временем создания фронтоных скульптур Парфенона считаются 430 гг. до н.э.: предполагается, что делали их на протяжении нескольких лет, а водрузили к 432 году до н.э. [см., например: Palagia, 2005, p. 230]. В отличие от хрисоэлефантинной статуи Афины работы Фидия, стоявшей внутри Парфенона [Павсаний. Описание Эллады. Кн. I, гл. 24.7], о фронтоных композициях, украшающих храм, Павсаний говорит лишь походя: «При входе в храм [т.е. с восточной стороны – А.П.], который называют Парфеноном (Храмом девы), все, что изображено на фронтонах... — все относится к рождению Афины (Партенос); задняя же сторона изображает спор Посейдона с Афиной из-за этой земли» [Павсаний. Описание Эллады. Кн. I, гл. 24.5. Пер. С.П.Кондратьева].

Поскольку скульптуры восточного фронтона Парфенона сохранились хуже⁴, чем скульптуры западного, существуют многочисленные и разнообразные варианты реконструкции, как всей композиции, так и отдельных фигур. Некоторые из них я привожу в этой статье (рис. 7б–в; рис. 8а–е), но это далеко не все существующие варианты. Особенно дискуссионной является наполнение и расположение фигур центральной группы – Зевса, Афины, Ники и ближайших к ним персонажей [см., например: Schneider, 1880; Sauer, 1891; Six, 1894; Carpenter, 1933; Brommer, 1958; Berger, 1959; Brommer, 1963; Carpenter, 1962; Harrison, 1967; Berger, 1974; Beyer, 1974; Pemberton, 1976; Delivorrias, 1982; Simon, 1986; Palagia, 1993; Palagia, 1997; Mostratos, 2004; Williams, Morton, 2013; Hurwit, 2017; Walter-Karydi, 2020 и др.]. Многолетняя история дискуссии по этому вопросу подробно суммирована в работе Ольги Палагии [Palagia, 1993, p. 18–39; Palagia, 1997, p. 28–49]. Как она иронично подметила: «Одно из любимых упражнений современных исследователей классической археологии – спекуляция на тему утраченных скульптур в центре восточного фронтона Парфенона» [Palagia, 1997, p. 29]. В статье 2013 года Дайфри Уильямс справедливо заметил, что «ничего существенного к дискуссии по этому вопросу добавить нельзя» [Williams, Morton, 2013, p. 54], собственно, я и не собираюсь.

⁴ Скульптуры центральной части восточного фронтона были утрачены в VI веке при перестройке Парфенона в церковь или в XII веке, при трансформации церкви и возведении в восточной части апсиды. На рисунках восточного фронтона, выполненных Жаком Карре в 1674 году [см., например: Palagia, 1993, fig. 1–2], фигуры центральной части отсутствуют.

«Все ученые, – пишет Палагия, – согласны с тем, что в центре восточного фронтона были Афина и Зевс, но далее мнения расходятся. За двести лет исследования этого вопроса, сформировалось, по сути, четыре основных варианта реконструкции, к которым периодически возвращаются, выбирая один из них в соответствии с модными в тот или иной момент идеями». Поскольку «ни одного четко идентифицируемого с фигурами Афины или Зевса фрагментов скульптур нет», «никакого бесспорного варианта реконструкции представлено быть не может» [Palagia, 1997, p. 29].

Все варианты реконструкции, за исключением того, что первым предложил Иммо Байер [он считал, что Зевс стоит, а не сидит, см.: Beyer, 1974]⁵ относительно центральной группы из Зевса и Афины сходятся на более или менее одинаковом варианте: Зевс представлен сидящим, с обнаженной грудью, а сопоставимая с ним по размерам Афина изображена в полный рост, стоящей рядом; часто между ними помещена маленькая летящая Ника; места расположения фигур относительно друг друга и расстояние между ними отличаются в разных вариантах реконструкций. Одна из версий (рис. 7в) реконструкции восточного фронтона Парфенона (при изображении центральной группы в виде Гефеста, Зевса, Ники и Афины) явно опирается на изображение на римском рельефе, хранящемся в Национальном археологическом музее в Мадриде с инв. № 2691 [LIMC II, Athena no. 373], со сценой рождения Афины (рис. 7г); его датируют II веком н.э., но считают римской копией по греческому оригиналу IV века до н.э. [Despinis, 1982, p. 106–108; Palagia, 1993, p. 27–30;

⁵ В публикации 1993 года Палагия упомянула [Palagia, 1993, p. 31], а в публикации 1997 года – развила [Palagia, 1997, p. 3145] идею Байера, предположив, что на четырехсторонней неогатической базе из находок на Акрополе [Harrison, 1965, p. 81–84, pl. 64a–d], где изображены в полный рост четыре бога (Зевс, Афина, Гефест и Гермес) сцена рождения Афины. Другой точки зрения придерживается Дайфри Уильямс: он считает, что на этом рельефе представлено собрание богов, важных для афинян, стало быть, и использовать этот рельеф в качестве аргумента не стоит [Williams, Morton, 2013, p. 55–56]. «Мы должны признать, что, несмотря на наличие впечатляющих следов в основании фронтона, предназначенных для удержания железных опор, отсутствие конкретных и убедительных фигур, которые могли бы обеспечить нас необходимыми подсказками, означает, что, по-видимому, не существует способа с действительной степенью уверенности решить проблему по восстановлению центральной части восточного фронтона, как бы сильно мы этого ни желали» [Williams, 2013, p. 58]. «Подтвержденные научными изысканиями предположения, – пишет Джеффри Хурвит, – стали появляться раньше, чем эльджиновские мраморы стали грузить на корабль для отправки в Лондон». Пример тому – рисунок-реконструкция, выполненный по запросу Эльджина в 1802 году Ф. И. Калмыком (рис. 8а), когда большинство сохранившихся фрагментов восточного фронтона были еще *in situ*. «Десятки реконструкций последовали за этой. Они отличались [друг от друга], главным образом, тем, какова была поза Зевса (сидел он или стоял?), каково местоположение Афины (находилась ли она справа от Зевса или слева от него?), общее настроение сцены (были ли центральные фигуры эмоционально вовлечены и реагировали на столь примечательное событие, или же они просто спокойно стояли вокруг.., ничего особенного не делая?). Все это является предметом дискуссии, но, учитывая как сам сюжет, так и имеющиеся прецеденты его визуализации, – рождение Афины изображено на многих афинских вазах, расписанных задолго до начала строительства Парфенона, – Зевс, Гера, Гефест и сама Афина в каком-либо порядке должны были находиться в центре» [Hurwit, 2017, p. 528–529].

Palagia, 1997, p. 31–32]. Группа Зевса, Ники, Афины на нем и на тех реконструкциях восточного фронтона Парфенона, которые с ним связаны, очень похожа на ту, что мы видим на нашей гидрии, хоть и зеркально (рис. 3а). И это, кстати, *не противоречит иконографии «Рождения Афины» в искусстве архаики и классики* [см., например: Brommer, 1961; Loeb, 1979; Kossatz-Deissmann, 1986; Villing, 1992; Schefold, 1993; LIMC II, p. 985–990, nos. 334–380, s.v. La naissance d’Athena; и проч.].

Как утверждает в своей монографии о детях богов Михаэла Штарк, Афина (из всех детей древнегреческих богов) наиболее часто изображается именно в виде ребенка и именно в сцене рождения: она появляется полностью вооруженной из головы Зевса, реже стоит на его коленях или рядом с ним, в то время как разнообразные божества смотрят на нее; в некоторых случаях рядом представлена Илифия и Гефест с топором. Сюжет, как справедливо отмечает она, наиболее популярен в чернофигурной аттической вазописи. Рождение именно в виде ребенка визуализируется при помощи маленького размера Афины, что вполне характерно для искусства архаики. При этом пропорции у нее как у взрослого, кроме того, она полностью одета, в наличие шлем, копье, эгида, то есть мы можем говорить о всей совокупности иконографических признаков (в отличие, например, от Диониса, который в сцене его рождения из бедра Зевса изображается нагим и по пропорциям гораздо больше похож на ребенка). В отличие от других богов, пишет Штарк, Афина не получает в изображениях на вазах никакой помощи в процессе рождения⁶ (к Дионису, например, и к Эрихтонию протягивают руки), но, с другой стороны, в отличие от того же Диониса, она и не должна немедленно заняться преодолением испытаний и совершением подвигов, поскольку она абсолютно признана и принята всеми олимпийскими богами и в подтверждении своего статуса не нуждается [см. подробнее: Stark, 2012, s. 104–122].

Наиболее подробным рассказом о рождении Афины, зафиксированным в античных текстах, признан гимн к Афине [Гомеровы гимны. XXVIII. К Афине. Пер. В.В. Вересаева]:

Славную петь начинаю богиню, Палладу-Афину,
 С хитро искусным умом, светлоокою, с сердцем немягким,
 Деву достойную, градов защитницу, полную мощи,
 Тритогенею. Родил ее сам многомудрый Кронион.
 Из головы он священной родил ее, в полных доспехах,
 Золотом ярко сверкавших. При виде ее изумленья
 Всех охватило бессмертных. Пред Зевсом эгидодержавным
 Прыгнула быстро на землю она из главы его вечной,
 Острым копьем потрясая. Под тяжким прыжком Светлоокой
 Заколебался великий Олимп, застонали ужасно

⁶ С этим утверждением можно поспорить, см., например, изображение на некоторых вазах [BAPD 320417, 29025 и др.], где Илифия прикасается рукой к телу миниатюрной Афины, появляющейся из головы Зевса.

Окрест лежащие земли, широкое дрогнуло море
И закипело волнами багровыми; хлынули воды
На берега. Задержал Гиперионов сын лучезарный
Надолго быстрых коней, и стоял он, доколе доспехов
Богоподобных своих не сложила с бессмертного тела
Дева Паллада-Афина. И радость объяла Кронида.

В этом гимне акцент сделан на двух моментах: на появлении из головы Зевса и на том моменте, когда она уже прыгнула на землю и привлекла внимание по сути всего мира вокруг себя. Отдельного упоминания заслуживают Олимп, земля и море (можно спекулировать по поводу присутствия Посейдона и Геи в изображениях), а также Гелиос на колеснице, больше ни о каких конкретных богах речь не идет – они лишь «бессмертные», которых «охватило изумление», в то время как самого Зевса «объяла радость» [не будем исключать теоретическую возможность персонификации подобных чувств, которые испытывают боги, и при визуализации рождения Афины – см., например: Shapiro, 1993; Smith, 2011]. У Пиндара упомянуты земля и небо, а еще активная роль Гефеста в процессе, но в целом это очень короткое описание: «Когда умением Гефеста о медном топоре // Из отчего темени вырвалась Афина // С бескрайним криком, // И дрогнули перед нею Небо и мать Земля». [Пиндар. Олимпийские песни. 7. Диагору Родосскому, 2э–3с. Пер. М.Л. Гаспарова].

На сегодняшний день мы знаем лишь об одном более раннем древнегреческом произведении монументально-декоративного искусства на тему рождения Афины, чем восточный фронто́н Парфенона⁷. Это упомянутое Страбоном живописное произведение «Рождение Афины» коринфского художника Клеанфа (предположительно VII в. до н.э.) в святилище Артемиды Алфионии в Олимпии [Страбон. География. Книга VIII, III.12. Пер. Г.А. Стратановского]. Зато в аттической черно- и краснофигурной вазописи VI–V вв. до н.э. существует очень много примеров изображения этой сцены. Они, несомненно, являются главным источником наших сведений об иконографии этой сцены и вариантах ее представления в визуальных искусствах.

⁷ Если верить в то, что «Картины» Филострата Старшего – это не риторическое упражнение, а описание реальных произведений искусства, то есть и более позднее произведение на ту же тему, описанное им: «(1) Смотри! Боги и богини, страшно пораженные приказом, чтобы с неба не отлучались даже нимфы и были бы там со своими реками, от которых они происходят, трепещут перед Афиной, только что внезапно явившейся во всеоружии из головы Зевса, которую расколол Гефест секирой. (2) Из какого материала сделано ее оружие, никто бы не мог угадать: сколько красок в радуге, переливающейся разными цветами, столько же оттенков и в нем. Гефест, видимо, в недоумении, каким образом сможет он привлечь к себе внимание богини: у него уже заранее потеряно средство прельщения, так как вместе с богиней родилось и ее оружие. А Зевс свободно вздыхает и с удовольствием, подобно тем, «что подвиг великий свершили», со вниманьем рассматривает свою дочь, гордый ее рождением; Гера же не видит здесь для себя ничего ужасного, не злится и радуется, как будто бы Афина была ее дочерью» [Филострат Старший. Картины, часть II. 27. Рождение Афины, 1–2. Пер. С.П. Кондратьева].

Хорошо известен наиболее ранний вариант иконографии рождения Афины, широко распространённый на чернофигурных аттических вазах эпохи архаики: миниатюрная Афина вылезает из головы Зевса, буквально рождается на глазах изумленных зрителей [Петракова, 2023а, рис. 2а]. При этом ее нога [ВАРД 213, 4668, 7866, 10683, 14652, 18014, 23018, 300499, 320177, 310303, 310304, 310305, 310306, 310307, 310313, 320085, 320177, 340531, 35035, 9032035 и др.] (рис. 9а–в; рис. 10а; рис. 12г), реже – обе ноги [ВАРД 8196, 29025, 310014, 350434 и др.] (рис. 11а) мыслится как бы еще находящейся внутри головы Зевса. Крайне редко встречается вариант, когда Афина представлена появившейся из головы Зевса лишь до пояса, как на килике в Британском музее [датирован 560–550 гг. до н.э., подпись Фриноса; LIMC ID 22333; AVI 4323; ВАРД 301068] (рис. 10б) или, вообще, из головы Зевса показалась только голова Афины, как на амфоре в Лувре [датирована 570–560 гг. до н.э., атрибутирована Мастеру Омахи; LIMC ID18585; ВАРД 350214] (рис. 10в). На краснофигурных вазах такое представление рождения Афины встречается, но значительно реже, чем на чернофигурных. Примером могут служить: пелика [датирована 460–450 гг. до н.э., атрибутирована Мастеру рождения Афины; ВАРД 205560; LIMC ID 26165] (рис. 11б) и килик в Британском музее [датирован 510–500 гг. до н.э., атрибутирован Мастеру Посейдона; LIMC ID 12680; AVI 4430; ВАРД 201131] (рис. 10г), а также гидрия в Кабинете медалей Национальной библиотеки в Париже [датирована 470–460гг. до н.э., атрибутирована Мастеру Тарквинии; ВАРД 214704; LIMC ID 20034], на которой миниатюрная Афина полностью появилась из головы Зевса и стремительно движется влево, в противоположном направлении от того, куда ориентировано его лицо (рис. 11в).

Минимальное количество фигур в сцене – три (Зевс, Афина, Гефест), как на упомянутом выше килике в Британском музее (рис. 10б). Такой вариант редок, чаще изображают многофигурные композиции на шесть–девять участников. Рядом с Зевсом часто нарисован Гефест с секирой (Рис. 9а–в): вплотную или же за одной-двумя фигурами (например, Илифией) слева или справа от сидящего на троне Зевса. Акцент здесь сделан именно на *процессе* рождения Афины, поэтому изображение рядом фигур, которые оказывают непосредственную помощь, своеобразное «родовспоможение», не удивительно. Более того, Илифий часто изображают не одну, а две (рис. 9а, 9в, 10в), возможно, чтобы усилить помощь. Помимо Гефеста и Илифий (одной или двух), могут быть представлены Посейдон, Гермес, Дионис, Аполлон, Арес, Гера, Артемида, Деметра, Афродита (ее отождествление вызывает вопросы), Геракл, женские фигуры (их аттестуют как «богинь» и «женщин») [ВАРД 213, 300499, 310303, 350214 и др.], воины [ВАРД 10683], юноши или мужчины [ВАРД 23018, 300499, 302576, 310308 и др.]. Поскольку Афина хорошо идентифицируется благодаря самой изображенной сцене (она единственная богиня, родившаяся у Зевса из головы), представлена она может быть с абсолютным минимумом атрибутов, как, например, на упоминавшемся выше килике в Британском музее (рис. 10б), где у нее в руке нарисован щит с эмблемой в виде протомы быка, а больше ничего нет, но может быть

представлена и в полном облачении, когда изображены щит, копье, шлем, эгида, как на амфоре в Британском музее (рис. 14а) [датирована ок. 560 г. до н.э. LIMC ID 11551; AVI 4243; BAPD 310304], где вдобавок к чрезмерному количеству атрибутов рядом еще и написано ΑΘΕΝΑΙΑ (подписаны, впрочем, все участники действия). А вот Ника в таких композициях встречается редко. Например, на чернофигурной амфоре в Лувре [CVA Louvre 3, pl. 14.8, 15.2, 16.3; BAPD 310303] и на другой, некогда хранившейся в Берлине (рис. 14б) [CVA Berlin 14, Veil. 14.3, 15.1–2; LIMC ID 16292; BAPD 310313] (обе датированы ок. 550 г. до н.э., атрибутированы Группе E), а также на амфоре в Британском музее (рис. 14в) [датирована ок. 510 г. до н.э., атрибутирована в манере Мастера Антимена; CVA British museum 4, pl. 53.2a–b; LIMC ID 16298; BAPD 320177] маленькая Ника помещена в пустое пространство под тронем Зевса (там бывают разные изображения, часто – лев, реже обнаженные или одетые мужские фигуры, сфинга). Другой пример – роспись краснофигурной гидрии в Кабинете медалей Национальной библиотеки в Париже (рис. 11в) [датирована 470–460 гг. до н.э., атрибутирована Мастеру Тарквинии; LIMC ID 20034; BAPD 214704]: крылатый женский персонаж представлен в полный рост и замыкает композицию слева, одни ученые видят в ней Нику, другие Ириду. Надо сказать, что в таком варианте изображения (когда Афина появляется из головы Зевса) для Ники между Зевсом и Афиной просто физически нет места. К тому же, вылезая из головы Зевса Афина – сама маленькая, а если разместить рядом Нику – ее нужно или рисовать еще меньшей по размеру, или такого же размера, как Афина. Подобные вещи сложно реализуемы и чрезмерно перегружали бы композицию.

Чуть позже, сначала на чернофигурных [BAPD 302576, 320382, 320417, 351352 и др.], а потом на краснофигурных вазах [BAPD 202504, 202586 и др.] стали изображать более крупную Афины, стоящую на коленях Зевса [Петракова, 2023а, рис.2б, 2д] – *готовый результат*, а не процесс, богиня родилась и предстает во всем величии. Прекрасными примерами чернофигурных ваз с подобными композициями являются килик в Музее Метрополитен [датирован 550–540 гг. до н.э., атрибутирован Мастеру Никосийской ольпы; LIMC ID 37648; AVI 5558; BAPD 302576], на обеих сторонах которого нарисовано такое рождение Афины в окружении «зрителей» (onlooker) (рис. 12а), а также амфора в собрании Пенсильванского университета [датирована ок. 530 г. до н.э., атрибутирована Мастеру Берлин 1686; LIMC ID 16296; AVI 6797; BAPD 320382], на которой за спиной Зевса стоит Аполлон с лирой (рис.13б), а на оборотной стороне в центре сидят на троне Зевс с Герой в окружении богов. Весьма интересна амфора в Музее искусства и истории в Женеве [датирована 550–540 гг. до н.э., атрибутирована Принстонскому мастеру, LIMC ID 37634; BAPD 320417], на которой на одной стороне «Рождение Афины» представлено «по-старому», а на другой – «по-новому» (рис. 12г). На краснофигурных вазах хороши примерами подобных изображений являются роспись пелики в Музее истории искусств в Вене (рис. 13а) [датирована 490–480 гг. до н.э., атрибутирована Мастеру Гераса; CVA Wien 2, Taf. 73.1–2; LIMC ID 37651; BAPD 202586] и роспись на фраг-

менте кратера в Национальном музее Калабрии (рис. 13в) [датирован 490–470 гг. до н.э., атрибутирован Мастеру Силеуса, LIMC ID 37650; AVI 6891; BAPD 202504]. Гефеста прямо рядом с Зевсом в таких композициях (за редким исключением, вроде названного фрагмента в Калабрии, на котором сохранилась подпись «Гефест»), больше не хотят изображать, что и не удивительно: акцент смещен с процесса рождения Афины на ее *представление*: она более крупная по размерам, чем та, которая вылезает из головы (хотя и гораздо меньше, чем остальные персонажи), фигура видна целиком и передана в статичной позе, что гораздо лучше способствует торжественной репрезентации. Логичным в изменившейся ситуации выглядит и то, что Аполлона с лирой прямо рядом с сидящим на троне Зевсом изображают теперь чаще (хотя и не всегда – см. рис. 13г): этот бог и раньше в композициях присутствовал, но располагался дальше, за фигурами Гефеста и Илифий, хотя есть и примеры его расположения прямо за Зевсом (рис. 10а, 14а–б). В композициях с Афиной на коленях Зевса тоже бывает маленькая Ника под тронем (рис. 13б), как и в композициях с Афиной, появляющейся из его головы.

Третий (и наиболее редкий) вариант «Рождения Афины», а именно – когда Афина изображена в полный рост⁸, стоящей рядом с сидящим Зевсом [Петракова, 2023а, рис. 2с], тоже известен в искусстве архаики. Он, например, представлен на чернофигурной гидрии в Музее Мартина фон Вагнера в Вюрцбурге [датирована 530–520 гг. до н.э., атрибутирована Мастеру Антимена; Stark, 2012, Taf. 19b; LIMC ID 25314; BAPD 320038]⁹. На вазе в центре изображен сидящий Зевс влево в профиль (рис. 13д), перед ним стоит Афина с копьем в правой руке и шлемом в левой, по сторонам от композиции — по Илифии, за левой Илифией стоит Посейдон с трезубцем, за правой Илифией – Гермес с кадуцеем. Аналогичный вариант иконографии «Рождения Афины», когда Афина представлена не миниатюрной, а сопоставимой по размерам с Зевсом, был реализован на восточном фронте Парфенона, *какую бы версию реконструкции мы ни рассматривали*. В этом варианте акцент сделан не на процессе появления из головы Зевса и не на демонстрации полностью появившейся маленькой Афины, как порождения Зевса, а на *прославлении* великой богини, вполне уже визуальнo «сепарировавшейся» от отца (она не вылезает из головы и не стоит на его коленях, а располагается в пространственном отношении на том же уровне) и равной Зевсу по своему размеру. Это совсем не удивительно с учетом того, что сцена украшает главный храм богини в принадлежащем ей городе, в котором ее воспевали во всем величии. Стоящая или шагающая Афина, *сопоставимая по размеру с Зевсом*, выглядит, кроме того,

⁸ Существует также вариант представления рождения Афины без изображения Афины: когда нарисованы только Зевс на троне с Илифиями по сторонам [BAPD 1574], когда вокруг Зевса нарисованы разные персонажи, характерные для представления той же сцены, но с Афиной [BAPD 11916, 12446, 43278, 310013, 310332, 340491, 351035 и др.]. Его рассматривать я не буду, поскольку он не имеет непосредственного отношения к нашему варианту иконографии.

⁹ Возможно, этот же вариант изображен на амфоре в Берлине [BAPD 9030809].

гораздо более активной (по сравнению с сидящим¹⁰, т.е. более пассивным, Зевсом). Таким образом, происходит визуальное смещение акцентов, опять-таки логичное для фронтона на храме, в котором прославляется Афина.

Именно такой вариант, как представляется, украшает рассматриваемую в данной статье гидрию, а также упоминавшуюся выше пелику из Юз-Обы (рис. 3б). Зевс на нашей гидрии представлен сидящим в три четверти, его корпус и ноги ориентированы влево, а голова – вправо. На чернофигурных и краснофигурных аттических вазах Зевса в сценах «Рождения Афины» в большинстве случаев изображали в профиль, преимущественно вправо [влево см. например: BAPD 201131 и 320038]. Однако известны и примеры, пусть и редкие, с Зевсом, сидящим фронтально, как, например, на упоминавшейся выше пелике в Британском музее (рис. 11б), при этом голова представлена в профиль, или на амфоре в Музее изящных искусств в Ричмонде (рис. 11а) [атрибутирована Группе Е; LIMC ID 26507; AVI 6924; BAPD 350434], на которой не только и фигура, и лицо Зевса представлены фронтально, но еще и появляющаяся из его головы Афина представлена анфас. Изображение Зевса в три четверти на нашей гидрии и на пелике из Юз-Обы, безусловно, связано с общим ходом развития краснофигурной вазописи – подобные сидящие фигуры характерны для ваз IV века до н.э., тех, что упоминались выше, и тех, которые относятся к тому, что, на данный момент, можно характеризовать как круг Мастера Марсия (включая Элевсинского мастера, Мастера свадебного шествия и проч.). Однако также вполне возможно, что на такое расположение именно Зевса оказал влияние прототип в скульптуре, то есть объемно-пластическом искусстве. Кроме того, Зевс на нашей гидрии представлен с обнаженным торсом, нижняя же часть тела прикрыта плащом, что, безусловно, вызывает ассоциации, в первую очередь с хрисоэлефантинной статуей Зевса в Олимпии работы Фидия, известной по описаниям, но не дошедшей до наших дней [см. с библиографией по вопросу: *The Statue of Zeus at Olympia...*, 2011]. В черно- и краснофигурной аттической вазописи архаики и ранней классики именно в сцене рождения Афины (в отличие, например, от сцены преследования Ганимеда, где бог часто предстает с обнаженным торсом, или в сцене преследования женского персонажа, где Зевс бывает вообще полностью обнаженным, см., например: BAPD 201986) Зевс, как правило, одет, из-под одежды видны ступни и кисти рук, реже – руки ниже локтя, еще реже – руки обнажены до плеч [см., например: BAPD 301068 – чернофигурная, BAPD 202504 – краснофигурная]. Также у нашего Зевса на голове лавровый венок (использован позолоченный рельеф). Он получает распространение в изображении рождения Афины в краснофигурной вазописи поздней архаики – ранней классики, см., например, упоминавшиеся выше пелики в Британском музее (рис. 11б) и в Музее истории искусств в Вене (рис. 13а), гидрию в Кабинете медалей

¹⁰ В данном случае представляется важным именно равный размер и нахождение в пространстве на равных (в отличие от миниатюрной Афины, вылезавшей из головы, или маленькой Афины, стоящей на коленях Зевса), а не такая частность, как сидит он или стоит (по идее Иммо Байера).

Национальной библиотеки в Париже (рис. 11в). Гораздо чаще и в черно-, и краснофигурной вазописи на голове Зевса в сцене рождения Афины изображена просто повязка или лента [см., например: VAPD 213, 29025, 301068, 310014, 310303 и др.] или же вообще поверх волос ничего нет [см., например: VAPD 23018, 202504, 300499, 310305, 310306, 310308, 320177 и др.], причем и то и другое может быть на одной и той же вазе, как упоминавшемся килике в музее Метрополитен (рис. 12а). В правой руке у нашего Зевса – длинный скипетр, а вторая рука – без атрибута. Такой способ изображения Зевса в сцене рождения Афины практиковался уже в чернофигурной аттической вазописи архаики [см., например: VAPD 320038, 320085, 320177 и др.], хотя более распространен вариант, где во второй руке Зевс держит перун [см., например: VAPD 213, 340531, 350434, 9032035 и др.]; еще существует вариант, когда перун в руке есть, а посоха нет [см., например: VAPD 320382, 320417, 350214].

От фигуры Афины на нашей гидрии сохранились: белые – правая рука, начало шеи, левое плечо; краснофигурные – длинные кудрявые волосы, спадающие вдоль правого плеча, и самый кончик шлема, частично – одежда на груди, правом боку и бедре, рельефные с позолотой – эгида, браслет на правом запястье, бусы на шее и точки на правом плече (рис. 3а). Судя по всему, одежда ее была полихромной. Исходя из того, что мы видим на гидрии со спором Афины и Посейдона (рис. 6в) и особенно на пелике с судом Париса в Малибу (рис. 15а) [см. о ней с библиографией: McPhee, 2018, fig. 15 – 17; LIMC ID 10869; VAPD 13371], эта одежда вполне могла быть зеленого цвета. На последней и поза Афины похожа, только зеркальна; возможно, мы можем представить у Афины на нашей гидрии не только зеленую одежду, но также и шлем, дополненный синим и красным цветами, как на этой пелике: комбинация этих двух цветов весьма распространена на аттических полихромных краснофигурных вазах IV в. до н.э., в том числе – в изображении шлемов [см., например: Петракова, 2024].

Ника на нашей вазе представлена между Зевсом и Афиной, которую она собирается увенчать, – такой вариант реконструкции есть среди многочисленных вариантов композиции на восточном фронте Парфенона. Он опять-таки логичен для декора главного храма богини. Такая же маленькая Ника расположена между Афиной и Посейдоном на эрмитажной гидрии П.1872–130 (рис. 6в), которая считается нарисованной по мотивам западного фронтона Парфенона (хотя на самом фронте ее в месте утраты реконструируют далеко не всегда – см. рис. 6б). От фигуры Ники на нашей гидрии сохранились рельефные позолоченные крылья, часть тела в одежде и часть ленты или венка, который она протягивает Афине.

Такая же группа из сидящего на троне Зевса, только со скипетром (без перуна), стоящей рядом с ним Афиной в шлеме, длинной одежде, с эгидой на груди (форма эгиды другая, наша больше похожа на Малибу) и белым телом, с ожерельем на шее и браслетами на запястьях (у нее есть еще и копье, было ли у нашей – не понятно) и маленькой Никой между ними, собирающейся увенчать Афины, представлена в центре на стороне А на пелики Ю.О.–10 (рис. 3б), только в зеркальном варианте.

Ранее в публикациях выдвигали идеи о том, что на этой пелике изображено «собрание богов» или «совет богов перед Троянской войной» [см., например: Furtwängler, Reichhold, 1909, Taf. 69, S. 46–50; Schefold, 1934, S. 42, Kat. 369; Metzger, 1951, p.268, pl. XXXVI,1; Boardman, p. 192, fig. 393]. Я же считаю, что эта ваза, как и наша фрагментированная гидрия, украшена по мотивам восточного фронтона Парфенона, только здесь мастер представил центральную композицию очень близко к композиции на восточном фронтоном (гораздо ближе, чем на нашей гидрии, и не зеркально), а боковые фигуры выбрал другие: слева от Зевса расположен Гермес и группа из двух сидящих и одного стоящего женских персонажей (прямо как в реконструкции восточного фронтона в музее Акрополя – рис. 7б), а справа от Афины – женщина на коне и бегущий юноша, которые похожи на Селену на квадриге и бегущего Гермеса в правой части реконструкции фронтона.

На нашей гидрии центральная композиция передана зеркально по отношению к восточному фронтоном Парфенона. Зевс на троне с длинным скипетром, Афина и Ника сохраняются¹¹, за Афиной оказывается Аполлон (в разных реконструкциях восточного фронтона его помещают то справа, то слева от центральной композиции, в объемной реконструкции в Музее Акрополя (рис. 7б) он – как раз за Афиной, только не вплотную, а отделен от нее Гефестом и Посейдоном).

За Афиной на нашей гидрии нарисован Аполлон с лирой – у него утрачена только голова и верхняя часть лиры (дополнена позолоченным рельефом), так что его идентификация не вызывает сомнений (ср. также Аполлона на пелике Кек.8 – рис. 5). Расположение Аполлона в длинных одеждах и с крупной лирой в руках, непосредственно рядом с центральной группой Зевса и Афины, – не редкость уже в наиболее ранних вариантах представления рождения Афины. Достаточно примеров можно видеть на чернофигурных аттических вазах (рис. 10а, 12б, 13а, 14а, 14б). На нашей гидрии к нему слева подлетает Ника с венком (сохранилась часть краснофигурной одежды и часть рельефного позолоченного венка). Это вторая Ника в композиции. Возможно, удвоение Ник здесь (подобно тому, как удвоение Илифий в ранних вариантах иконографии рождения Афины визуально удваивало визуализацию помо-

¹¹ Кстати, в варианте реконструкции восточного фронтона Парфенона в Музее Акрополя (рис. 7б) есть вторая крылатая фигура (Ника или Ирида), расположенная за Зевсом. В описании реальной или выдуманной картины на тему рождения Афины у Филострата также упоминается крылатый Плутос: «(3) Вот уж на двух акрополях приносят жертвы Афине два народа, афиняне и родосцы, на земле и на море, «люди, рожденные морем, и землей порожденные люди»; родосцы приносят жертвы без всеожожения, неоконченные, народ же в Афинах ей дал и огонь, и запах сжигаемых жертв. Каким благовонным нарисован здесь дым, «кверху текущий с запахом тука». Потому-то к ним и пришла богиня, как к более мудрым и правильно принесшим ей жертву, а родосцам, как говорят, потекло с неба золото и наполнило дома их и улицы, так как Зевс развернул над ними тучу из золота, за то что и они признали Афины. (4) На их акрополе стоит Плутос, бог богатства; он нарисован крылатым, как явившийся из облаков, золотым – по той материи, в образе которой он появился. Нарисован он также зрячим: он явился к ним не по случайности, а совершенно сознательно» [Филострат Старший. Картины, часть II. 27. Рождение Афины, 3–4. Пер. С.П. Кондратьева].

щи в процессе рождения), призвано подчеркнуть прославление. Т.е. оно является элементом повествовательной риторики вазовой росписи, своеобразной визуальной аналогией выражения типа «дважды прославленная». Или же две Ники могут иметь отношение к прославлению сразу двоих: великой новорожденной Афины и великого Зевса, породившего столь сильную и нужную миру и социуму богиню.

Левее Аполлона на нашей гидрии нарисована сидящая женщина, а правее Зевса – композиция из сидящей и двух стоящих фигур. Подобные фигуры есть среди сохранившихся на восточном фронте Парфенона, однако они вполне характерны и для разных ваз этой мастерской. Как и в случае с рельефной гидрией со спором Афины и Посейдона (рис. 6в – ср. рис. 6а), речь идет о весьма творческой интерпретации фронтона: композиция урезана, фигуры использованы выборочно, места расположения некоторых изменены, фигуры могут быть зеркальными по отношению к фронтонным. Л. Стефани в подробнейшем описании рельефной гидрии со спором Афины и Посейдона, сравнивая ее с западным фронтоном Парфенона, отметил: «Очевидно, перед нами не что иное, как искажение Фидиевой композиции, но с притязанием на право считаться новым самостоятельным произведением» [Стефани, 1875, с. 133]. Так же можно сказать про исследуемые гидрию и пелику из Юз-Обы: они украшены *по мотивам* композиции на восточном фронте Парфенона, с «искажением... композиции... и притязанием на право считаться новым самостоятельным произведением», как это охарактеризовал бы Л. Стефани. Мы же скажем о том, что в декоре нашей гидрии (и пелики из Юз-Обы) причудливым образом сочетаются вдохновение от резонансного произведения монументально-декоративной скульптуры (созданного не так уж задолго до вазы) и уже долго существовавшие к моменту создания вазы традиции аттической вазописи (где сама система мастерских предполагает следование традициям).

Остается вернуться к определению четырех женских персонажей на нашей гидрии. Выше шла речь о том, что если говорить об иконографии рождения Афины в вазописи, то там сопутствующие фигуры могут быть весьма разнообразны, их выбор конкретным вазописцем произволен, а их местоположение в общей системе росписи совершенно не фиксировано. С мужскими божествами, благодаря трезубцу у Посейдона, кадуцею у Гермеса, секире у Гефеста и оружию с доспехами у Ареса проще. Они узнаваемы по атрибутам. Из женских персонажей (к счастью, в ряде случаев изображения подписаны) рядом с центральной группой Афины и Зевса часто бывают изображены две Илифии [BAPD 320085, 320177, 350214 и др.], наиболее характерно такое изображение именно для первого варианта представления сцены – когда Афина вылезает из головы Зевса. Также в композициях может присутствовать Артемида – рядом с Аполлоном [BAPD 29025] или без него [BAPD 205560], но в обоих вариантах с луком. Даже чаще, чем Артемида, встречается Гера. Она может сидеть на троне напротив Зевса (рис. 9б), но может и стоять – совсем рядом, вплотную (рис. 11а), а также подальше, в паре с Посейдоном (рис. 14а) или за Илифией и Дионисом (рис. 10в). Уверенные и убедительные идентификации других богинь (на-

пример, Деметры, Лето, Афродиты и проч.) в сцене рождения Афины на аттических вазах встречаются редко; зачастую авторы публикаций ограничиваются обозначениями «богини» и «женщины».

Вернемся к нашей фрагментированной гидрии. Как видно, Гера не обязательно должна быть изображена рядом с Зевсом и необязательно сидящей на троне, однако вазописцы старательно изображают венец на ее голове (рис. 11а, 14а), хотя существуют и изображения без венца, лишь со скипетром в руке (рис. 9б, 10в). На нашей гидрии у двух женщин из четырех в руках имеется скипетр. У стоящей непосредственно за Зевсом женщины со скипетром голова не сохранилась, понятно лишь, что ее правая рука держит край покрывала около лица – так часто изображают Геру в сценах, где она стоит рядом с Зевсом, подчеркивая, что она не только царица, но и супруга [подробнее о разных вариантах визуализации прикрытой нижней части лица при изображении замужней женщины см.: Петракова, 2023б]. Хотя корпус Зевса развернут в сторону Афины, голова его обращена в противоположную сторону – как раз к стоящей вплотную к нему богине со скипетром и покрывалом, а ее голова, судя по сохранившемуся фрагменту шеи и руки с краем покрывала, чуть склонена к нему. Думается, в данном случае можно согласиться с идеей Шефолда, что это вполне могла бы быть Гера. Свообразным аргументом в пользу этого может быть ее пространственное положение в общей системе росписи: она не только касается плеча Зевса рукой, интимно склоняя к нему голову (в то время как он смотрит на нее), но и расположена на более или менее том же уровне, что и он, в то время остальные три женские фигуры, идентификация которых вызывает сложности, находятся значительно ниже. Любопытно, что в поздней иконографии сюжета Гера упоминается как один из основных участников сцены, наряду с Зевсом и Гефестом [см. об этом сноску 8]. Кстати сказать, в очень похожей позе (стоящая, чуть склонив голову, и с рукой у лица, придерживающей покрывало), только зеркально, представлена Гера в сцене суда Париса на пелике в Малибу (рис. 15а) [см. о ней с библиографией: McPhee, 2018, fig. 15–17; LIMC ID 10869; VAPD 13371]. Сидящий Зевс и стоящая рядом с ним Гера в похожих позах представлены на пелике Пав.8 (рис. 4). У нашей женщины при помощи позолоченного рельефа выполнены ожерелье на шее и застежка хитона на правом плече, жезл. Если это Гера, вроде тех, что на названных вазах, можно также представить себе аналогичным образом выполненные серьги и венец.

Сложно обстоит дело с остальными женскими персонажами. Шефолд предположил, что сидящая за Аполлоном женщина – это Лето. В силу того, что ярко выраженные и характерные лишь для нее одной атрибуты у Лето отсутствуют, проще всего в аттической вазописи узнать ее в сценах нападения Тития, поскольку Аполлон и Артемида ее защищают [VAPD 19028, 200116, 202221, 205657, 211566 и др.] или в сцене рождения Аполлона и Артемиды [VAPD 2090, 208984]. В композициях, где представлены Аполлон, Артемида и еще одна женщина, Лето зачастую идентифицируют со знаком вопроса [VAPD 753, 1158, 3254, 43703, 46116, 201543, 206343 и др.]; к счастью, существуют аналогичные композиции, где имена персонажей под-

писаны [BAPD 30531, 200023, 207169 и др.]. В краснофигурной аттической вазописи Лето могут изображать с длинным скипетром: и в сцене похищения Титием, как на кратере в Мюнхене [датирован 460–450 гг. до н.э., атрибутирован Мастеру Арианы; LIMC, vol. VI, Leto 38, pl. 133; LIMC ID 529; BAPD 19028] и в сцене с Аполлоном и Артемидой, как на пелике в Карлсруэ [датирована ок. 450 г. до н.э., атрибутирована Мастеру Ниобид; CVA Karlsruhe 1, Taf. 16.1–4; LIMC ID 42850; BAPD 206988], часто при этом в другой или в той же руке нарисована еще и ветвь [BAPD 207135, 207148 и др.]. Также бывают изображения Лето в венце [BAPD 207169, 213661, 215308, 215574 и др.], но это не является обязательным элементом иконографии. Возможно, Шефолд прав, и слева на нашей гидрии представлена сидящая Лето (в таком случае речь могла бы идти о визуальном сопоставлении двух не простых историй рождений, результатом которых стало появление на свет весьма важных богов: Лето родила Аполлона, а Зевс – Афины). Однако утверждать мы этого не можем, не сохранилась левая рука и низ фигуры. Тем более что с длинным скипетром стоящей [BAPD 560, 14749, 15401, 16469 30052 др.] и сидящей (особенно в поздней краснофигурной вазописи) часто изображают Деметру [BAPD 231, 9394, 10107, 10935, 44271 и др.], которая вполне имеет право быть представленной в сцене рождения Афины и в силу своего происхождения, и в силу важности той сферы жизни, которой она покровительствует. Нельзя исключить также изображение Геи (существуют прецеденты ее изображения сидящей, а не появившейся из земли до половины, см., например – BAPD 28083), Реи, Фемиды, Гекаты или кого-нибудь еще, вплоть до персонификации Аттики. На гидрии в Фонде Аббег в Швейцарии (рис. 15б) сидящая женщина в короне и со скипетром, у ног которой – маленький Плутос с рогом изобилия, интерпретирована как Деметра [LIMC, vol. IV, pl. 593, Demeter no 408], а та, что сидит справа, как Рея [LIMC, vol. VII, pl. 494, Rhea no 19] или же вообще – персонификация Элевсина [см. с библиографией: McPhee, 2018, fig. 20–21; LIMC ID 1150; BAPD 10107]. Сидящую женщину, передающую в руки Афине младенца Эрихтония, на знаменитом арибаллическом лекифе, атрибутированном Мастеру Мидия [см. с библиографией: LIMC ID 31289; BAPD 10161], интерпретируют и как Гею, и как Аттику [о персонификациях, в т. ч. местности, см., например: Shapiro, 1993; Smith, 2011]. В Малибу хранится краснофигурный кратер, на котором изображена сидящая на троне с длинным скипетром в руке Гея, а на другой стороне – стоящая Фемиды с ойнохоей и фиалой, имена подписаны [атрибутирован Копенгагенскому мастеру, датирован 470–460 гг. до н.э.; LIMC ID 3827; AVI 5032; BAPD 28083]; имя Фемиды подписано рядом с одним из персонажей на кратере из Юз-Обы, атрибутированном мастеру Кадма [LIMC ID 471; AVI 7420; BAPD 215695]; в качестве Фемиды, сидящей на омфале, интерпретируют женскую фигуру слева от Зевса на пелике Ю.О.–10 (рис. 3б) [см., например: Furtwängler, Reichhold, 1909, Taf. 69, S. 46–50; Schefold, 1934, s. 42, Kat. 369; Metzger, 1951, p. 268, pl. XXXVI,1; Boardman, p. 192, fig. 393; LIMC ID 7724; BAPD 230432] – благодаря омфалу. На чем сидит наша женщина – непонятно, равно как и наличие каких-либо персонажей (миниатюрного Эрота, Плутоса, наконец, какого-то живот-

ного символа) или атрибутов в нижней части, которые могли бы прояснить этот вопрос. При помощи позолоченного рельефа у нашей женщины выполнен скипетр, ожерелье на шее, серьга в ухе, браслет на правом запястье – такие детали регулярно встречаются на вазах, с которыми наша гидрия сопоставляется.

Ниже Зевса, визуально уравновешивая сидящую женщину в левой части композиции, изображена еще одна сидящая женщина. Видимых атрибутов не сохранилось, но видны ступни, руки, часть лица, выкрашенные белой краской, часть прически (длинные кудрявые волосы, поднятые наверх и уложенные в прическу, как у Афродиты в разных скульптурах эпохи классики) и ухо с сережкой; одежда явно была полихромной, то есть эта фигура (как и фигура Афины) была визуально выделена по сравнению с исключительно краснофигурными. Сережка и браслет на правом запястье – рельефные с позолотой. Шефолд предположил, что это Афродита, не менее славная дочь Зевса, чем Афина, и тоже отвечающая за важную сферу жизни. Действительно, плоть Афродиты в поздней краснофигурной вазописи часто изображена белой. Афродита присутствует не только в разнообразных сценах, связанных со свадьбой, но и в сценах рождения богов. Например, сидящая Афродита (в венце и с длинным скипетром, имя подписано) изображена в сцене рождения Эрихтония на кратере в Ричмонде, сопоставленном с работами Мастера Кадма [LIMC ID 16812; AVI 6929; VAPD 10158]. Сидящую справа на стороне А пелики Пав.8 (рис. 4) женщину называют Гекатой, сидящую в центре с маленьким Плутосом у ног – Деметрой, сидящую с покрытыми одеждой руками и с белым лицом в левой части композиции – Афродитой, поскольку у ног ее нарисован маленький Эрот, при этом стоящая рядом с Деметрой дева с белой плотью и при этом обнаженной грудью идентифицируется в качестве Персефоны [см. с библиографией: Petrakova, 2012, p. 155–156, fig. 7; VAPD 230431]. Как видно, в поздней краснофигурной вазописи этой мастерской вообще любят сидящие фигуры, складки, дополнительные цвета. Если на нашей это была Афродита, возможно, одежды были розового цвета [о розовом и фиолетовом на краснофигурных полихромных вазах см.: Букина, 2023а; Букина, 2023б; Букина, 2023в]. К настоящему моменту невозможно ни убедительно подтвердить, ни убедительно опровергнуть идею Шефолда относительно Геры, Лето и Афродиты. Аргументы в пользу Геры и Афродиты я привела.

Еще больше проблем вызывает идентификация последней фигуры – стоящей за Герой. С идеей Шефолда, что это Пейфо, не соглашусь. Но предложить какой-то свой убедительный вариант на данный момент не могу. В той части фигуры, которая сохранилась, рельефных позолоченных деталей нет.

Вопрос об идентификации четырех женских персонажей на нашей гидрии требует дальнейших исследований. На упоминавшемся выше рельефе в Мадриде (рис. 7г), считающемся восходящим к восточному фронтоу Парфенона, справа от Зевса с Афиной, так же, как на нашей гидрии, одна женщина сидит и две стоят. И, судя по атрибутам, это вообще три Мойры: сидит Клото, стоят Лахесис и Атропа. В связи с тем, что в центре композиции происходит рождение, пусть и Афины, присутствие

⁷ богинь судьбы вполне оправдано. Не знаю, удастся ли мне в будущем с большой долей уверенности отождествить четырех женских персонажей на нашей гидрии, тем более что восточный фронто Парфенона не очень в этом помогает в силу своей плохой сохранности и множества версий, предлагаемых разными авторами, относительно того, кого именно изображали фигуры и в каком порядке они были расположены. Иконография сюжета в вазописи также предполагает достаточно большую свободу выбора сопутствующих персонажей. Возможно, поиски вести стоит в большей мере в пределах мастерской, куда входили Мастер Марсия, Элевсинский мастер, Мастер свадебного шествия и проч., коль скоро мы замечаем использование определенных типов фигур [см. об этом, например: Петракова, 2023б].

В любом случае предлагаю интерпретировать изображение на нашей фрагментированной гидрии из Пантикапея, а также на пелике из третьего кургана Юз-Обы, как «Рождение Афины» по мотивам восточного фриза Парфенона, где под выражением «по мотивам» следует понимать вольную интерпретацию – такую же вольную, как интерпретация западного фронтона на гидрии со спором Афины и Посейдона.

Редкие сюжеты с редким скульптурным прототипом на атических полихромных краснофигурных вазах из боспорских погребений представляют интерес еще и потому, что в недавних исследованиях А.Г. Букиной установлено, что «росписи на афинских краснофигурных полихромных вазах IV в. до н.э. из погребений Боспора – по сравнению с краснофигурной вазописью Афин этого периода в целом – отличаются большой ограниченностью круга сюжетов»: более 40 % составляют изображения сцен и символов свадьбы, около 20 % – дионисийские сюжеты, около 16 % – изображения амазонок, до 7% – ритуалы, связанные с Афродитой, до 3% – элевсинские. Иными словами, речь идет о явном предпочтении при выборе сюжетов в пользу тех, где речь идет о ритуале трансформации, наводящем на мысль о «семантическом параллелизме» с похоронами [Букина, 2023г, с. 336]. В нашем же случае (помимо того, что на двух вазах изображено рождение богини), возможно, речь идет о желании выражения сопричастности к Аттике – подобно тому, как это было в случае с более массовыми «скифосами с совами» [см. о них: Букина, 2019; Bukina, 2021].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Букина А.Г. Афинский полихромный лебес из некрополя Горгиппии: новая реконструкция и переатрибуция // Международная научная конференция «XXIV Боспорские чтения». Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья: Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях. Симферополь-Керчь, 2023а. С. 43–46.
- Букина А.Г. Аттические краснофигурные полихромные вазы: современная перспектива // Боспорские исследования. 2023. Вып. XLVI. Симферополь-Керчь, 2023б. С. 73–91.
- Букина А.Г. Сцены и символы брака: аттические полихромные краснофигурные вазы IV в. до н. э. на Боспоре // Археологические вести, ИИМК РАН. Вып. 41. СПб., 2023в. С.143–161.
- Букина А.Г. Краснофигурные полихромные вазы в погребениях Боспора: статистика и семантика // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции. СПб., 2023г. С. 334–336.
- Букина А.Г. О позолоте на афинских краснофигурных полихромных вазах // Сборник материалов научной конференции «М.В. Фармаковский (1873–1946). Антиковед у истоков отечественной археологической технологии», посвященной 150-летию со дня рождения Мстислава Владимировича Фармаковского. СПб., 2024 (в печати).
- Букина А. Г. Краснофигурные скифосы с совами в собрании Эрмитажа // СГЭ, вып. 76 (2019). С. 9–22.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. Юз-Оба, курганный некрополь аристократии Боспора, том I, История изучения и топография (Боспорские исследования, Supplementum 9). Симферополь-Керчь, 2012.
- Петракова А.Е., Ягги О. Эроты с позолоченными крыльями: рецепция краснофигурных ваз из мастерской Мастера Марсия в Северном Причерноморье // Боспорские исследования. Вып. XXXIX. Керчь, 2019. С. 89–116.
- Петракова А.Е. Фрагментированная гидрия из Пантикапея с изображением Зевса и Афины: о реконструкции сюжета и прототипа // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях / Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, А.В. Зинько. Симферополь-Керчь, 2023. С. 268–276.
- Петракова А.Е. Женщина с закрытым лицом: редкий мотив на афинских вазах из боспорских находок // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции. СПб., 2023б. С. 337–343.
- Петракова А.Е. Полихромия на афинских краснофигурных вазах IV в. до н.э. с изображением амазонок // Сборник материалов научной конференции «М.В. Фармаковский (1873–1946). Антиковед у истоков отечественной археологической технологии», посвященной 150-летию со дня рождения Мстислава Владимировича Фармаковского. СПб., 2024 (в печати).
- Стефани Л. Объяснение некоторых художественных произведений, найденных в 1871 году в Южной России, Таблица I // Отчет Императорской археологической комиссии за 1872 год. СПб, 1875. С. 6–142.
- [Строганов С.] Доклад о действиях Императорской археологической комиссии за 1872 год // Отчет Императорской археологической комиссии за 1872 год. СПб, 1875. С. III–XVIII.
- Фармаковский Б.В. Аттическая вазовая живопись и ее отношение к искусству монументаль-

- ному в эпоху непосредственно после греко-персидских войн. СПб., 1902.
- Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. (с 20 рис.) // Известия Императорской археологической комиссии, выпуск 47-й. СПб, 1913. С. 1–41.
- Ακαμάτης Ν.* Ερυθρόμορφη πελίκη του Ζωγράφου της Γαμήλιας Πομπής στο Αρχαιολογικό Μουσείο της Πέλλας // Μ. Γιαννουρού, Ch. Kallini (eds.) *Ἠχάδιν. Τιμητικός τόμος για τη Στέλλα Δρούγου*, Athens, 2016. Σ. 100–114.
- Βαλαβάνης Π.* Παναθηναϊκοί αμφορείς από την Ερέτρια. Συμβολή στην αττική αγγειογραφία του 4ου π.Χ. αι. Αθηνά, 1991.
- Θάνος Α. Δ.* Ο Ζωγράφος του Μαρσύα και ο κύκλος του: συμβολή στη μελέτη της αττικής αγγειογραφίας του 4ου αι. π.Χ. Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Φιλοσοφική Σχολή, Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας, 2020.
- AVI* – Attic Vase Inscriptions Database, <https://avi.unibas.ch/>
- BAPD* – Beazley Archive Pottery Database, <https://www.beazley.ox.ac.uk/carc>
- Beazley J. D.* Attic black-figure vase-painters. Oxford (UK), 1956.
- Beazley J. D.* Attic red-figure vase-painters / 2nd ed. Oxford (UK), 1963–1968.
- Benz M.* The Reception of Architectural Sculpture in Two-Dimensional Art // Structure, Image, Ornament: Architectural Sculpture in the Greek World / Proceedings of an int. conf. held at the American School of Classical Studies, 27–28 November 2004 / ed. P. Schultz, R. von den Hoff. Oxford, 2008. P. 188–197.
- Berger E.* Die Geburt der Athena im Ostgiebel des Parthenon. Basel, 1974.
- Berger E.* Parthenon-Ostgiebel: Vorbemerkungen zu einer Rekonstruktion. Bonn, 1959.
- Beyer I.* Position der Peplosfigur Wegner im Parthenon-Ostgiebel: Ein Rekonstruktionsversuch der Giebelmitte // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung, vol. 89 (1974). S. 123–149.
- Brommer F.* Studien zu den Parthenongiebeln IV // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung, vol. 13 (1958). S. 103–116.
- Brommer F.* Die Geburt der Athena // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentral Museums, Mainz 8 (1961). S. 66–83.
- Brommer F.* Die Skulpturen der Parthenon-Giebel. Mainz, 1963.
- Bukina A.* What can Athenian Owl-skyphoi Transmit? // Lang-Auinger C., Trinkl E., eds. Griechische Vasen als Medium für Kommunikation : Ausgewählte Aspekte : Corpus vasorum antiquorum Österreich. Beiheft 3. Akten des Internationalen Symposiums im Kunsthistorischen Museum Wien: 5. –7. Oktober 2017. Wien, 2021. S. 121–132.
- Carpenter R.* On restoring the East Pediment of the Parthenon // American Journal of Archaeology, vol. 66 (1962). P. 265–268.
- Carpenter R.* The lost statues of the East Pediment of the Parthenon // Hesperia, vol. 2 (1933). P.1–88.
- Courby F.* Les vases grecs à reliefs. (Bibliothèque des Ecoles françaises d’Athènes et de Rome, fasc. CXXV). Paris, 1922.
- Delivorrias A.* Zum Problem des Zeus im Ostgiebel des Parthenon // B. von Freytag gen. Löringhoff, D. Mannsperger and F. Prayon (eds), Festschrift für U. Hausmann. Tübingen, 1982. P. 41–51.
- Furtwängler A., Reichhold K.* Griechische Vasenmalerei, Auswahl hervorragender Vasenbilder, Serie II. München, 1909.
- Harrison E.B.* Athena and Athens in the East Pediment of the Parthenon // American Journal of Archaeology, vol. 71, no 1 (Jan., 1967). P. 27–58.
- Harrison E.B.* The Athenian Agora, vol. 11: Archaic and Archaistic sculpture. Princeton, 1965.

- Hurwit J.M.* Helios Rising: The Sun, the Moon, and the Sea in the Sculptures of the Parthenon // *American Journal of Archaeology*, vol. 121, no. 4 (October 2017). P. 527–558.
- Jaeggi O., Petrakova A.* The Marsyas Painter and his Workshop in the Northern Black Sea Area // *Classical Pottery of the Northern Aegean and its Periphery (480–323/300 BC) – Proceedings of the Int. Arch. Conf., Thessaloniki, May 17–20, 2017/ed. E. Manakidou, A. Avramidou. Thessaloniki, 2019. P. 637–649.*
- Kogioumtzi D.* Untersuchungen zur attisch-rotfigurigen Keramikproduktion des 4. Jhs. v. Chr., Berlin, 2006.
- Kossatz-Deissmann A.* Osservazioni sulle nascite di Afrodite ed Atena nell'arte greca // R. Olmos Romero (ed.), *Colloquio sobre el puteal de la Moncloa. P. Madrid, 1986. P. 125–149.*
- Langner M.* Grundlagen der Chronologie spätrotfigurigen Vasen aus Athen // *BABesch*, vol. 88 (2013). P. 127–170.
- Langner M.* Werkstatt, Gruppierung, Richtung. Die Produzenten spätrotfiguriger Keramik aus Athen // N. Eschbach, S. Schmidt (Hrsg.). *Töpfer Maler Werkstatt. Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion (Beihefte zum Corpus Vasorum Antiquorum, Band VII), München, 2016. S. 139–148.*
- Lebel A.* The Marsyas Painter and Some of his Contemporaries (diss., Univ. of Oxford), Oxford, 1989.
- Lethaby W.R.* The West Pediment of the Parthenon // *The Journal of Hellenic Studies*, vol. 50, part 1 (1930). P. 4–19.
- LIMC – Lexicon iconographicum mythologiae classicae / La Fondation pour le Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae ; Comité de rédaction Boardman J. et al. Zürich, München, 1981–2009.*
- LIMC ID – Digital LIMC database. Universität Basel, LIMC Basel and DHLab., <https://weblimc.org>*
- Loeb E.H.* Die Geburt der Götter in der griechischen Kunst der klassischen Zeit. Jerusalem, 1979.
- Marx P.A., Gisler J.-R.* Athens NM Acropolis 923 and the Contest between Athena and Poseidon for the Land of Attica // *Antike Kunst*, vol. 54 (2011). P. 21–40.
- McPhee I.* An Attic Red-Figured Pelike in the Abbegg-Stiftung // *Studi Miscellanei di Ceramografia Greca*, vol. IV / a cura di E. e G. Giudice. Catania, 2018. P. 71–79.
- Metzger H.* Les représentations dans la céramique attique du IVe siècle. Paris, 1951.
- Meyer M.* To Cheat or not to Cheat: Poseidon's Eris with Athena in the West Pediment of the Parthenon // *Electra: A publication of the Center of the Study of Myth and Religion in Greek and Roman Antiquity, Department of Philology, University of Patras*, no 4 (2018). P. 51–77.
- Mostratos G.* A reconstruction of the Parthenon's East Pediment // M. B. Cosmopoulos (ed.), *The Parthenon and its sculptures. Cambridge, 2004. P. 114–149.*
- Muscolino F.* Per una cronologia della ceramica attica figurata del IV secolo a.C. // E. Giudice, G. Giudice (edd.). *Studi miscellanei di ceramografia greca III. Catania, 2017. P. 71–120.*
- Palagia O.* Fire from Heaven: Pediments and Akroteria of the Parthenon // Neils J. (ed.). *The Parthenon : From Antiquity to the Present. Cambridge University Press, 2005. P. 225–260.*
- Palagia O.* First among Equals: Athena in the East Pediment of the Parthenon // *The Interpretation of Architectural Sculpture in Greece and Rome / ed. by D. Buitron-Oliver. Studies in the History of Art 49, Center for Advanced Study in the Visual Arts, Symposium Papers XXIX. Hannover–London, 1997. P. 29–49.*
- Palagia O.* The Pediments of the Parthenon (*Monumenta Graeca and Romana 7*). Leiden, 1993.
- Pemberton E. G.* The gods of the East Frieze of the Parthenon // *American Journal of Archaeology*, vol. 80 (1976). P. 113–124.

- Petrakova A.* Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerč Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts // S. Schmidt – A. Stähli (eds.), *Vasenbilder im Kulturtransfer– Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum*, Beihefte zum CVA Deutschland V. München, 2012. P. 151–163.
- Pharmakowsky B.W.* Archäologische Funde im Jahre 1909, Russland, Mit 43 Abbildungen // *Archäologische Anzeiger*, Beiblatt zum Jahrbuch des Archäologischen Instituts band XXV (1910), I. Berlin, 1911. S. 195–243.
- Sauer B.* Untersuchungen über die Giebelgruppen des Parthenon // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*, vol. 16 (1891). S. 59–94.
- Schefold K.* Kertscher Vasen, Berlin, 1930.
- Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen, Berlin – Leipzig, 1934.
- Schefold, K., *Götter- und Heldensagen der Griechen in der Früh- und Hocharchaischen Kunst*. München, 1993.
- Schneider R.* Die Geburt der Athena. Vienna, 1880.
- Shapiro H.A.* Personifications in Greek Art: The Representation of Abstract Concepts 600–400 B.C. Kilchberg, 1993.
- Simon E.* El nacimiento de Atenea en el fronton oriental del Partenon // R. Olmos Romero (ed.), *Coloquio sobre el Puteal de la Moncloa*. Madrid, 1986. P. 65–85.
- Six J.* Die Mittelgruppe des ostlichen Parthenon-Giebels // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, vol. 9 (1894). S. 83–87.
- Smith A.C.* Polis and Personification in Classical Athenian Art (*Monumenta Graeca et Romana*, 19). Leiden –Boston, 2011.
- Stansbury-O'Donnell M. D.* Reflections of Monumental Painting in Greek Vase Painting of the 5th and 4th Centuries BC // J. J. Pollitt (ed). *Painting in the Classical World*. Cambridge–New York, 2015. P. 143–169.
- Stark M.* Göttliche Kinder: Ikonographische Untersuchung zu den Darstellungskonzeptionen von Gott und Kind bzw. Gott und Mensch in der griechischen Kunst (*Potsdammer altertumswissenschaftliche Beiträge* 39). Stuttgart, 2012.
- Stuart J., Revett N.* The Antiquities of Athens measured and delineated by James Stuart F.R.S. and F.S.A. and Nicholas Revett Painters and Architects, vol. III (ed. Willey Reveley), London, John Nichols, 1794.
- The Statue of Zeus at Olympia: New Approaches* / ed. by J. McWilliam, S. Puttock, T. Stevenson, R. Taraporewalla. Cambridge, 2011.
- Villing A.* The Iconography of Athena in Attic Vase-painting from 440–370 BC, A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Philosophy. Oxford, 1992.
- Walter-Karydi E.* The Disposition of the Central Figures in Archaic, Early Classical and the Parthenon Pediments // ΣΠΙΟΝΔΗ Αφιρώμα στη μνημη του Γιργου Δεσπηνη, ΤΟΜΟΣ Α΄. Athens, 2020.
- Williams D., Morton K.* The East Pediment of the Parthenon: from Perikles to Nero. *Buttletin of the Institute of Classical Studies*, Supplement no 118 (2013). Oxford, 2013.
- Zervoudaki E.A.* Attische polychrome Reiefkeramik des späten 5. und des 4. Jahrhunderts v. Chr. // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Athenische Abteilung*, band 83 (1968). S. 1–110.

REFERENCES

- Bukina A.G.* Afinskiy lebes iz nekropolya Gorgippii: novaya rekonstruktsiya i pereatributziya // Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya XXIV Bosporskie tchteniya (Bosporan readings). Simferopol–Kerch, 2023a. P. 43–46.
- Bukina A.G.* Atticheskie krasnofigurnie polychromnie vazy: sovremennaya perspective // *Bosopus Studies*, vol. XLVI. Simferopol–Kerch, 2023b. P. 73–91.
- Bukina A.G.* Szeni i simboli braka: atticheskiye polychromniye krasnofigurnye vazy IV veka do nashey eri na Bospore // *Archeologicheskiye vesti*, IIMK RAN, vol. 41. St. Petersburg, 2023b. P. 143–161.
- Bukina A.G.* Krasnofigurniye polychromniye vazy v pogrebeniyah Bospora: statistika i semantika // Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problem, diskussii. Materiali mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. St. Petersburg, 2023r. P. 334–336.
- Bukina A.G.* O pozolote na afinskih krasnofigurnih polychromnih vazah // *Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «M.V. Pharmakovskiy (1873–1946). Antikoved u istokov otechestvennoy archeologicheskoy*. St. Petersburg, 2024 (in print).
- Bukina A.G.* Krasnofigurnie skifosi s sovami v sobranii Ermitazha // *Soobscheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*, vol. 76 (2019). P. 9–22.
- Vinogradov Yu. A., Zinko V.N., Smekalova T.N.* Yuz-Oba, kurganniy nekropol aristokratii Bospora, vol. I, Istoriya izucheniya i topografiya (*Bosporan Studies, Supplementum 9*). Simferopol–Kerch, 2012.
- Petrakova A.E., Jaeggi O.* Eroti s pozolochenimi krilyami: rezeptziya krasnofigurni vaz iz masterskoy Mastera Marsiya v Severnom Prichernomor'e // *Bosporan Studies*, vol. XXXIX. Kerch, 2019. P. 89–116.
- Petrakova A.E.* Fragmentirovannaya hydria iz Pantikapeya s izobrazheniem Zevsa i Aphini: o rekonstruktsii suzheta i prototipa // *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya XXIV Bosporskie tchteniya (Bosporan readings)*. Simferopol–Kerch, 2023. P. 268–276.
- Petrakova A.E.* Zhenstchina s zakritim litsom: redkiy motiv na afinskih vazah iz bosporskih nakhodok // *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problem, diskussii. Materiali mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, 2023b. P. 337–343.
- Petrakova A.E.* Polychromiya na afinskih krasnofigurnih vazah IV veka do nashey eri s izobrazheniem amazonok // *Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «M.V. Pharmakovskiy (1873–1946). Antikoved u istokov otechestvennoy archeologicheskoy*. St. Petersburg, 2024 (in print).
- Stephani L.* Objasneniye nekotorih khudozhestvennih proizvedeniy najdennih v 1871 godu v Yuzhnoy Rossii, *Tablitsa I* // *Otchet Imperatorskoy Archeologicheskoy Komissii za 1872 god*. St. Petersburg, 1875. P. 6–142.
- [*Stroganov C.*] *Doklad o deystviyakh Imperatorskoy Archeologicheskoy Komissii za 1872 god* // *Otchet Imperatorskoy Archeologicheskoy Komissii za 1872 god*. St. Petersburg, 1875. P. III–XVIII.
- Pharmakovskiy B.V.* Atticheskaya vazovaya zhivopis i eje otnoshenie k iskusstvu monumentalnomu v epokhu neposredstvenno posle greko-persidskih voyn. St. Petersburg, 1902.
- Schkorpil V.V.* Otchet o raskopkakh v g. Kerchi i okrestnostyah v 1909 godu // *Izvestiya Imperatorskoy Archeologicheskoy Komissii*, vipusk 47. St. Petersburg, 1913. P. 1–41.
- Ακαμάτης Ν.* Ερυθρόμορφη πελίκη του Ζωγράφου της Γαμήλιας Πομπής στο Αρχαιολογικό Μουσείο της Πέλλας // *M. Yiannopoulou, Ch. Kallini (eds.) Ἠθάδιν. Τιμητικός τόμος για τη*

- Στέλλα Δρούγου, Athens, 2016. Σ. 100–114.
- Βαλαβάνης Π.* Παναθηναϊκοί αμφορείς από την Ερέτρια. Συμβολή στην αττική αγγειογραφία του 4ου π.Χ. αι. Αθηνά, 1991.
- Θάνος Α. Δ.* Ο Ζωγράφος του Μαρσούα και ο κύκλος του: συμβολή στη μελέτη της αττικής αγγειογραφίας του 4ου αι. π.Χ. Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Φιλοσοφική Σχολή, Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας, 2020.
- AVI* – Attic Vase Inscriptions Database, <https://avi.unibas.ch/>
- BAPD* – Beazley Archive Pottery Database, <https://www.beazley.ox.ac.uk/carc>
- Beazley J. D.* Attic black-figure vase-painters. Oxford (UK), 1956.
- Beazley J. D.* Attic red-figure vase-painters / 2nd ed. Oxford (UK), 1963–1968.
- Benz M.* The Reception of Architectural Sculpture in Two-Dimensional Art // Structure, Image, Ornament: Architectural Sculpture in the Greek World / Proceedings of an int. conf. held at the American School of Classical Studies, 27–28 November 2004 / ed. P. Schultz, R. von den Hoff. Oxford, 2008. P. 188–197.
- Berger E.* Die Geburt der Athena im Ostgiebel des Parthenon. Basel, 1974.
- Berger E.* Parthenon-Ostgiebel: Vorbemerkungen zu einer Rekonstruktion. Bonn, 1959.
- Beyer I.* Position der Peplosfigur Wegner im Parthenon-Ostgiebel: Ein Rekonstruktionsversuch der Giebelmitte // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung, vol. 89 (1974). S. 123–149.
- Brommer F.* Studien zu den Parthenongiebeln IV // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung, vol. 13 (1958). S. 103–116.
- Brommer F.* Die Geburt der Athena // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentral Museums, Mainz 8 (1961). S. 66–83.
- Brommer F.* Die Skulpturen der Parthenon-Giebel. Mainz, 1963.
- Bukina A.* What can Athenian Owl-skyphoi Transmit? // Lang-Auinger C., Trinkl E., eds. Griechische Vasen als Medium für Kommunikation : Ausgewählte Aspekte : Corpus vasorum antiquorum Österreich. Beiheft 3. Akten des Internationalen Symposiums im Kunsthistorischen Museum Wien : 5. –7. Oktober 2017. Wien, 2021. S. 121–132.
- Carpenter R.* On restoring the East Pediment of the Parthenon // American Journal of Archaeology, vol. 66 (1962). P. 265–268.
- Carpenter R.* The lost statues of the East Pediment of the Parthenon // Hesperia , vol. 2 (1933). P. 1–88.
- Courby F.* Les vases grecs à reliefs. (Bibliothèque des Ecoles françaises d’Athènes et de Rome, fasc. CXXV). Paris, 1922.
- Delivorrias A.* Zum Problem des Zeus im Ostgiebel des Parthenon // B. von Freytag gen. Löringhoff, D. Mannsperger and F. Prayon (eds), Festschrift für U. Hausmann. Tübingen, 1982. P. 41–51.
- Furtwängler A., Reichhold K.* Griechische Vasenmalerei, Auswahl hervorragender Vasenbilder, Serie II. München, 1909.
- Harrison E.B.* Athena and Athens in the East Pediment of the Parthenon // American Journal of Archaeology, vol. 71, no 1 (Jan., 1967). P. 27–58.
- Harrison E.B.* The Athenian Agora, vol. 11: Archaic and Archaistic sculpture. Princeton, 1965.
- Hurwit J.M.* Helios Rising: The Sun, the Moon, and the Sea in the Sculptures of the Parthenon // American Journal of Archaeology, vol. 121, no. 4 (October 2017). P. 527–558.
- Jaeggi O., Petrakova A.* The Marsyas Painter and his Workshop in the Northern Black Sea Area // Classical Pottery of the Northern Aegean and its Periphery (480–323/300 BC) –

- Proceedings of the Int. Arch. Conf., Thessaloniki, May 17–20, 2017/ed. E. Manakidou, A. Avramidou. Thessaloniki, 2019. P. 637–649.
- Kogioumtzi D.* Untersuchungen zur attisch-rotfigurigen Keramikproduktion des 4. Jhs. v. Chr., Berlin, 2006.
- Kossatz-Deissmann A.* Osservazioni sulle nascite di Afrodite ed Atenea nell'arte greca // R. Olmos Romero (ed.), Colloquio sobre el puteal de la Moncloa. P. Madrid, 1986. P. 125–149.
- Langner M.* Grundlagen der Chronologie spätrotfigurigen Vasen aus Athen // BABesch, vol. 88 (2013). P. 127–170.
- Langner M.* Werkstatt, Gruppierung, Richtung. Die Produzenten spätrotfiguriger Keramik aus Athen // N. Eschbach, S. Schmidt (Hrsg.). Töpfer Maler Werkstatt. Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion (Beihefte zum Corpus Vasorum Antiquorum, Band VII), München, 2016. S. 139–148.
- Lebel A.* The Marsyas Painter and Some of his Contemporaries (diss., Univ. of Oxford), Oxford, 1989.
- Lethaby W.R.* The West Pediment of the Parthenon // The Journal of Hellenic Studies, vol. 50, part 1 (1930). P. 4–19.
- LIMC* – Lexicon iconographicum mythologiae classicae / La Fondation pour le Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae ; Comité de rédaction Boardman J. et al. Zürich, München, 1981–2009.
- LIMC ID* – Digital LIMC database. Universität Basel, LIMC Basel and DHLab., <https://weblimc.org>
- Loeb E.H.* Die Geburt der Götter in der griechischen Kunst der klassischen Zeit. Jerusalem, 1979.
- Marx P.A., Gisler J.-R.* Athens NM Acropolis 923 and the Contest between Athena and Poseidon for the Land of Attica // Antike Kunst, vol. 54 (2011). P. 21–40.
- McPhee I.* An Attic Red-Figured Pelike in the Abbegg-Stiftung // Studi Miscellanei di Ceramografia Greca, vol. IV / a cura di E. e G. Giudice. Catania, 2018. P. 71–79.
- Metzger H.* Les représentations dans la céramique attique du IVe siècle. Paris, 1951.
- Meyer M.* To Cheat or not to Cheat: Poseidon's Eris with Athena in the West Pediment of the Parthenon // Electra: A publication of the Center of the Study of Myth and Religion in Greek and Roman Antiquity, Department of Philology, University of Patras, no 4 (2018). P. 51–77.
- Mostratos G.* A reconstruction of the Parthenon's East Pediment // M. B. Cosmopoulos (ed.), The Parthenon and its sculptures. Cambridge, 2004. P. 114–149.
- Muscolino F.* Per una cronologia della ceramica attica figurata del IV secolo a.C. // E. Giudice, G. Giudice (edd.). Studi miscellanei di ceramografia greca III. Catania, 2017. P. 71–120.
- Palagia O.* Fire from Heaven: Pediments and Akroteria of the Parthenon // Neils J. (ed.). The Parthenon : From Antiquity to the Present. Cambridge University Press, 2005. P. 225–260.
- Palagia O.* First among Equals: Athena in the East Pediment of the Parthenon // The Interpretation of Architectural Sculpture in Greece and Rome / ed. by D. Buitron-Oliver. Studies in the History of Art 49, Center for Advanced Study in the Visual Arts, Symposium Papers XXIX. Hannover–London, 1997. P. 29–49.
- Palagia O.* The Pediments of the Parthenon (Monumenta Graeca and Romana 7). Leiden, 1993.
- Pemberton E. G.* The gods of the East Frieze of the Parthenon // American Journal of Archaeology, vol. 80 (1976). P. 113–124.
- Petrakova A.* Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerč Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts // S. Schmidt – A. Stähli (eds.), Vasenbilder im

- Kulturtransfer– Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum, Beihefte zum CVA Deutschland V. München, 2012. P. 151–163.
- Pharmakowsky B.W.* Archäologische Funde im Jahre 1909, Russland, Mit 43 Abbildungen // Archäologische Anzeiger, Beiblatt zum Jahrbuch des Archäologischen Instituts band XXV (1910), I. Berlin, 1911. S. 195–243.
- Sauer B.* Untersuchungen über die Giebelgruppen des Parthenon // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung, vol. 16 (1891). S. 59–94.
- Schefold K.* Kertscher Vasen, Berlin, 1930.
- Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen, Berlin – Leipzig, 1934.
- Schefold, K., Götter- und Heldensagen der Griechen in der Früh- und Hocharchaischen Kunst. München, 1993.
- Schneider R.* Die Geburt der Athena. Vienna, 1880.
- Shapiro H.A.* Personifications in Greek Art: The Representation of Abstract Concepts 600–400 B.C. Kilchberg, 1993.
- Simon E.* El nacimiento de Atenea en el fronton oriental del Partenon // R. Olmos Romero (ed.), Coloquio sobre el Puteal de la Moncloa. Madrid, 1986. P. 65–85.
- Six J.* Die Mittelgruppe des ostlichen Parthenon-Giebels // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, vol. 9 (1894). S. 83–87.
- Smith A.C.* Polis and Personification in Classical Athenian Art (Monumenta Graeca et Romana, 19). Leiden –Boston, 2011.
- Stansbury-O'Donnell M. D.* Reflections of Monumental Painting in Greek Vase Painting of the 5-th and 4-th Centuries BC // J. J. Pollitt (ed). Painting in the Classical World. Cambridge–New York, 2015. P. 143–169.
- Stark M.* Göttliche Kinder: Ikonographische Untersuchung zu den Darstellungskonzeptionen von Gott und Kind bzw. Gott und Mensch in der griechischen Kunst (Potsdamer altertumswissenschaftliche Beiträge 39). Stuttgart, 2012.
- Stuart J., Revett N.* The Antiquities of Athens measured and delineated by James Stuart F.R.S. and F.S.A. and Nicholas Revett Painters and Architects, vol. III (ed. Willey Reveley), London, John Nichols, 1794.
- The Statue of Zeus at Olympia: New Approaches /* ed. by J. McWilliam, S. Puttock, T. Stevenson, R. Taraporewalla. Cambridge, 2011.
- Villing A.* The Iconography of Athena in Attic Vase-painting from 440–370 BC, A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Philosophy. Oxford, 1992.
- Walter-Karydi E.* The Disposition of the Central Figures in Archaic, Early Classical and the Parthenon Pediments // ΣΠΙΟΝΔΗ Αφιρώμα στη μνημη του Γργου Δεσπηνη, ΤΟΜΟΣ Α΄. Athens, 2020.
- Williams D., Morton K.* The East Pediment of the Parthenon: from Perikles to Nero. Buttletin of the Institute of Classical Studies, Supplement no 118 (2013). Oxford, 2013.
- Zervoudaki E.A.* Attische polychrome Reiefkeramik des späten 5. und des 4. Jahrhunderts v. Chr. // Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, band 83 (1968). S. 1–110.

Резюме

Статья посвящена подробному рассмотрению фрагментированной гидрии, инв. № П.1909–91, из собрания Эрмитажа. Она была найдена в 1909 году при раскопках погребения в кургане в Пантикапее (совр. Керчь). В Эрмитаж она поступила в 1912 году в виде 49 фрагментов. На основе сохранившихся фрагментов и аналогичных фигур на других вазах того же периода или мастерской А.Г. Букиной сделана графическая реконструкция гидрии. Фармаковский, Шкорпил, Шефолд, Бордман, Валаванис, Танос писали о гидрии, предлагая свои идеи по поводу атрибуции (Элевсинский мастер, Мастер свадебного шествия) и интерпретации изображения. Российские авторы начала XX века отождествили ряд персонажей, Шефолд – всех. Но никто не выдвинул идею о том, что за сцена изображена. В статье на основе изучения иконографии рождения Афины в аттической вазописи, формального анализа росписей вазописцев этого времени, а также изучения всех вариантов реконструкции восточного фронтона Парфенона выдвигается идея, что на гидрии П.1909–91 и на пелике Ю.О.–10 изображено рождение Афины по мотивам восточного фронтона Парфенона.

Ключевые слова: аттическая расписная керамика в Боспорских погребениях, интерпретация изображения на аттических вазах, рождение Афины на аттических вазах, восточный фронтон Парфенона, иконография Афины, аттические краснофигурные полихромные вазы IV века до н.э., Мастер свадебного шествия, Элевсинский мастер, мастерская Мастера Марсия.

Summary

The paper deals with the detailed study of the fragmented hydria inv. № П.1909–91, stored in the Hermitage Museum, St. Petersburg. The vase was discovered in 1909 during the excavations of a burial in a kurgan in Pantikapaion (modern Kerch). The Hermitage purchased 49 fragments of the hydria in 1912. The graphic reconstruction of the hydria is performed by Anastasia G. Bukina on the basis of the preserved fragments and similar figures on other vases of the same period or workshop. Pharmakowsky, Schkorpil, Schefold, Boardman, Valavanis, Tanos wrote about the hydria, suggesting their ideas on the attribution (the Eleusinian Painter, the Painter of the Wedding Procession) and the interpretation of the vase-painting. Russian authors of the beginning of the 20th century identified some of the figures, while Schefold identified them all. But nobody suggested an idea concerning the subject of the painting. In this paper, on the basis of the study of the iconography of the birth of Athena in the Athenian vase-painting, the formal analysis of the vase-paintings of the time as well as the study of all the variants of reconstruction of the eastern pediment of the Parthenon, the author suggests an idea, that the hydria П.1909–91 and the pelike Ю.О.–10 are decorated with the depiction of the birth of Athena inspired by the eastern pediment of the Parthenon.

Key words: Attic painted pottery in the Bosporean graves, interpretation of the drawings on the red-figure Attic pottery, the birth of Athena on the Attic black- and red-figure vases, the eastern pediment of the Parthenon, the iconography of Athena, Attic red-figure 4th century BC vases with polychrome decoration, the Painter of the Wedding Procession, the Eleusinian Painter, the Marsyas Painter workshop.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Петракова Анна Евгеньевна,
доктор искусствоведения, доцент,
Государственный Эрмитаж,
Отдел античного мира,
старший научный сотрудник,
+7 (921) 307-68-74.
petrakova.anna@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrakova Anna, Dr. Hab., associated professor,
The State Hermitage Museum,
The Department of Ancient Greece and Rome,
Senior scientist,
+7 (921) 307-68-74.
petrakova.anna@gmail.com

а

■ видное красное
■ краснофигурная роспись
■ черный контур

б

а

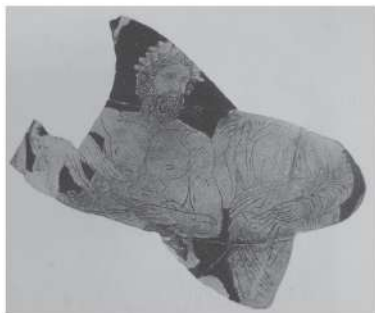

а

Рис. 1: а – гидрия, инв. № П.1909–91 (ГЭ), общий вид и фрагменты; б – графическая реконструкция гидрии, выполненная А.Г. Букиной.

б

в

а

Рис. 2: а – гидрия, инв. № П.1909–91 (ГЭ), общий вид и фрагменты; б – фотография гидрии (негатив и фото – ГЭ, инв. № АНвс–4816), опубликованная в книгах Шефолда и Валаваниса; в – фотография гидрии, помещенная в книге Бордмана и диссертации Таноса [по: Boardman, 1989, pl. 396].

■ накладные краски
■ краснофигурная роспись
■ черный лак

а

б

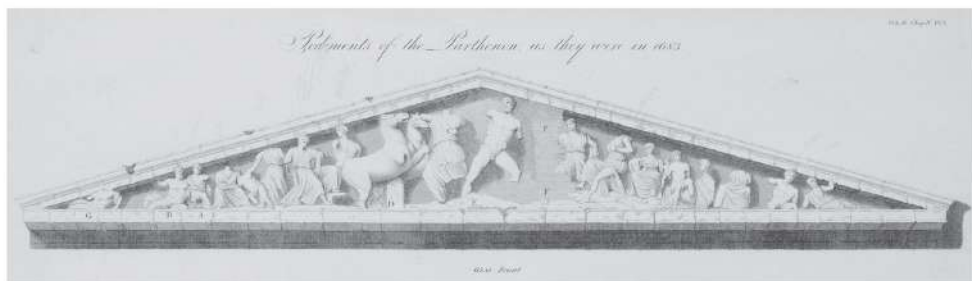
Рис. 3: а – развертка-реконструкция росписи гидрии, инв. № П.1909–91, выполненная А.Г.Букиной; б – развертка росписи на стороне А пелики, инв. № Ю.О.–10, из книги Фуртвенглера и Рейхолда [Furtwängler, Reichhold, 1909, Taf. 69].

Рис. 4. Развертка росписи на двух сторонах пелики, инв. № Пав.8 (ГЭ), в книге Фуртвэнглера и Рейхолда [по: Furtwängler, Reichhold, 1909, Taf. 70].

Рис. 5. Развертка росписи на двух сторонах пелики, инв. № Кек.8 (ГЭ), в книге Фуртвенглера и Рейхолда [по: Furtwängler, Reichhold, 1909, Taf. 87].

а

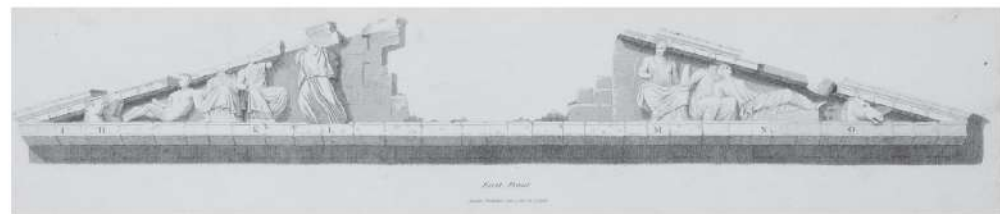

б

в

Рис. 6: а – рисунок западного фронтона Парфенона, как он выглядел в 1683 году [по: Stuart, Revett, 1794, vol. IV, Chap. IV, pl. V]; б – реконструкция облика западного фронтона Парфенона в Музее Акрополя в Афинах по рисунку К. Шверцка (1904); в – развертка рельефа и росписи на гидрии П.1872–130 (ГЭ), выполненная О. Ягги.

а

б

в

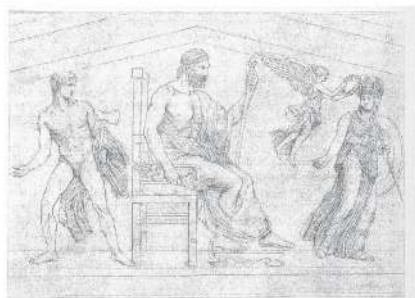

г

Рис. 7: а – рисунок восточного фронтона Парфенона, как он выглядел в 1683 году [по: Stuart, Revett, 1794, vol. IV, Chap. IV, pl. V]; реконструкция облика восточного фронтона Парфенона в Музее Акрополя в Афинах по рисунку К. Шверцека (1904); в – реконструкция восточного фронтона Парфенона на Парфеноне в Нэшвилле (1920е); г – рельеф в Национальном археологическом музее в Мадриде с инв. № 2691, прорисовка-развертка [по: Palagia, 1997, fig. 4].

а

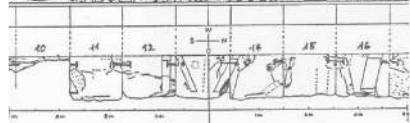
в

б

г

д

е

Рис. 8. Варианты реконструкции центральной части восточного фронтона Парфенона: а – ок. 1800–1803 г., Федор Иванович Калмык [по фото на сайте музея, инв. № 2012,5004.3.4]; б – 1830 г., Чарльз Роберт Кокерель [по: Palagia, 1997, pl. 9]; в – 1894 г., Ян Сикс [по: Six, 1894, p. 84]; г – 1974 г., Эрнст Бергер [по: Berger, 1974, Abb. 11c]; д – 1977–1979 г., Эрнст Бергер, объемная реконструкция в Базеле [по: Palagia, 1997, pl. 15]; е – 1861 г., Уильям Уоткис Ллойд [по: Schneider, 1880, pl. 7].

Рис. 9. Рождение Афины на аттических вазах: а – на пиксиде в Лувре [BAPD 300499, по фото в LIMC]; б – на амфоре в Базеле [BAPD 213, по фото в LIMC]; в – на амфоре в Берлине [BAPD 310014, по фото в LIMC].

а

б

г

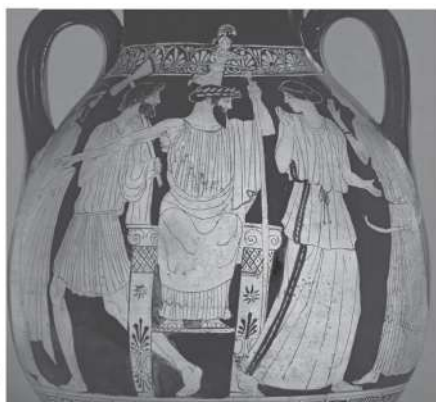

в

Рис. 10. Рождение Афины на аттических вазах: а – на амфоре в Бостоне [ВАРД 310305, по фото в LIMC]; б – на килике в Британском музее [ВАРД 301068, по фото на сайте музея, инв. № 1867,0508.962]; в – на амфоре в Лувре [ВАРД 350214, по фото в LIMC]; г – на килике в Британском музее [ВАРД 201131, по фото в LIMC].

а

б

в

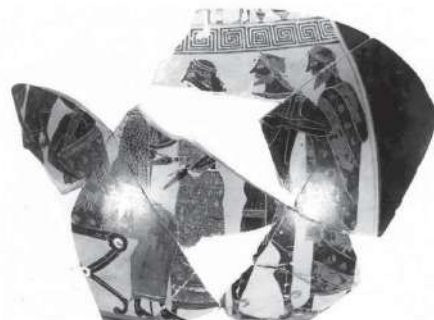
Рис. 11. Рождение Афины на аттических вазах: а – на амфоре в Ричмонде [ВАРД 350434, по фото в LIMC]; б – на пелике в Британском музее [ВАРД 205560, по фото на сайте музея, инв. № 1849,0620.14]; в – на гидрии в Кабинете медалей в Национальной библиотеке в Париже [ВАРД 214704, по фото в LIMC].

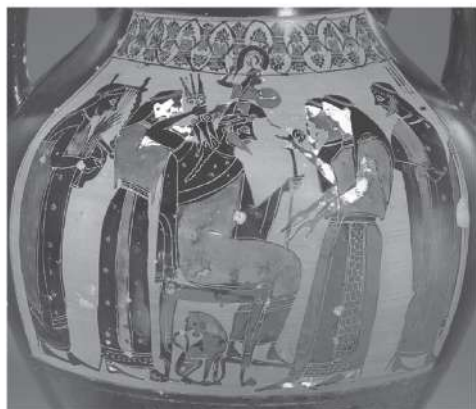
а

б

в

г

Рис. 12. Рождение Афины на аттических вазах: а – на килике в Метрополитен-музее [BAPD 302576, по фото в LIMC]; б – на амфоре в Вюрцбурге [BAPD 310308, по фото в LIMC]; в – на фрагменте амфоры в Национальном музее Калабрии [BAPD 351352, по фото в LIMC]; г – на амфоре в Женеве [BAPD 320417, по фото в LIMC].

а

б

в

г

д

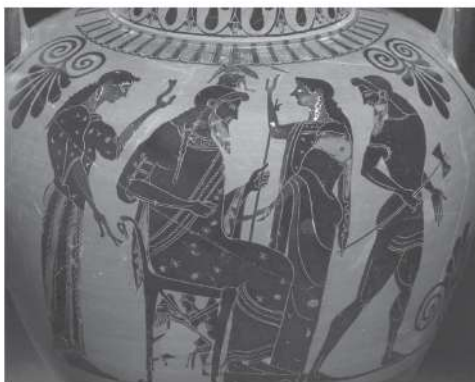
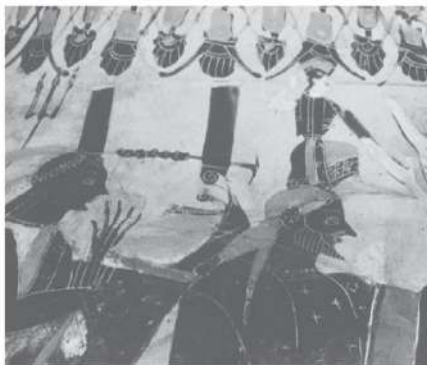
Рис. 13. Рождение Афины на аттических вазах: а – на пелике в Вене [BAPD 202586, по фото в LIMC]; б – на амфоре в Филадельфии [BAPD 320382, по фото в LIMC]; в – на фрагментированном кратере в Национальном музее Калабрии [BAPD 202504, по фото в LIMC]; г – на фрагменте амфоры в Бонне [BAPD 42066, по фото в LIMC]; д – на гидрии в Вюрцбурге [BAPD 320038, по фото в LIMC].

а

б

в

Рис. 14. Рождение Афины на аттических вазах: а – на амфоре в Британском музее [BAPD 310304, по фото на сайте музея, инв. № 1839,1109.1]; б – на амфоре, некогда находившейся в Берлине [BAPD 310313, по фото в LIMC]; в – в Британском музее [BAPD 320177, по фото на сайте музея, инв. № 1837,0609.27].

а

б

Рис. 15. Росписи на аттических краснофигурных полихромных вазах IV века до н.э.: а – на пелике в Малибу [BAPD 13371, по фото с сайта Музея П. Гетти, инв. № 83.АЕ.10]; б – на гидрии в Фонде Аббег в Швейцарии [BAPD 10107, по фото в LIMC].

Н. И. СУВОРОВА
N. I. SUVOROVA

ТЕРРАКОТА ИЗ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА

TERRACOTTA FROM THE NECROPOLIS OF TANAIS

Во время археологических исследований Танаиса было обнаружено 136 терракотовых предмета. Они датируются III в. до н. э. – IV в. н. э. Подавляющее большинство из них было найдено на городище: в заполнении помещений, на вымостках улиц, у оборонительных сооружений, а также в зольнике и мусорных слоях на территории некрополя. В погребениях некрополя Танаиса найдено всего девять терракот. Семь предметов происходят из западного некрополя (раскопы XVI и XVIII), два – из северного (курган 10) (рис. 1).

Самые ранние из найденных в погребениях терракот датируются I – II вв. н. э. Они были обнаружены при исследовании территории Западного некрополя в 2012 году экспедицией ГАУК РО «Донское наследие» под руководством Г.Е. Беспалого¹. На раскопе XVIII общей площадью 2960 кв. м было исследовано 737 погребений и 103 объекта [Беспалый, 2016, с. 2]. В четырех погребениях было найдено шесть терракотовых предметов.

Два из них, односторонние протомы Деметры, были обнаружены в придонной части грабительского лаза погребения 26. Оно представляло собой подбой обширной конструкции, ориентированной по оси ВВЮВ-ЗЗСЗ с камерой подбоя к северу. Длина входной ямы 2,65 м, камеры – 3,6 м. В средней части дна был устроен каменный заклад из ломаного необработанного местного камня в 5-6 рядов на высоту 0,72 м. В восточной части кладка была разобрана при ограблении. В заполнении погребения были обнаружены фрагменты черепов, зубов, позвонков, ребер, плечевых и бедренных костей двух людей: подростка и человека старше 45 лет. Возможно, это было парное захоронение. Погребенные, вероятно, находились в деревянных гробах, поскольку в камере были обнаружены фрагменты железных гвоздей. Размеры погребальной конструкции и остатки инвентаря говорят о далеко не рядовом захоронении. В погребальной камере и входной яме были обнаружены бронзовый браслет, фрагменты краснолаковой миски, стеклянного бальзамария, лепных сосудов и амфор, среди камней заклада – две глиняные односторонние протомы, изображающие богиню.

Одна из них сохранилась полностью². Это погрудное изображение богини Деметры в высоко подпоясанном хитоне (рис. 2). Верхний край хитона и его

¹ Выражаем глубокую признательность автору раскопок Г.Е. Беспалому, ведущему археологу ГАУК РО «Донское наследие», за возможность публикации.

² Т-12, НЗ, Р-ХVIII, пл. 5, П-26, № 78. АМЗТ, ВХ 419/8.

перевязь выполнены в виде рельефных валиков. На груди с обеих сторон хитон собран и завязан в узелки, образуя рельефно выполненные складки в виде цветка. На голове высокий калаф, украшенный тремя группами рельефных лучей – прототип эллинистического изображения башенной короны. Поверх калафа наброшен гиматий, спадающий на плечи. Лицо богини узкое, невысокое, утонченное, с прямым тонким носом, маленьким ртом с тонкими губами, округлым подбородком. Глаза не проработаны, слегка намечены. Волосы, уложенные горизонтальными тонкими прядями, объемно обрамляют лицо и ниспадают до плеч в виде кос. В ушах округлые крупные серьги. Голова богини слегка наклонена влево. Протома односторонняя, отмята в форме. На внешней поверхности следы стеки. На внутренней поверхности следы стеки и отпечатки пальцев мастера. Края протома и часть внутренней поверхности залощены. Глина тонкая, хорошо отмученная, коричневого цвета с примесью извести и песка. Протома склеена из трех фрагментов, поверхность заизвесткована. Высота – 15,9см; толщина стенки – 0,5-0,9см. По-видимому, данная терракота была изготовлена на Боспоре в I – II вв. н. э. Аналогичная протома Деметры была обнаружена на горе Митридат в могиле 74 [Силантьева, 1974, с. 36, таб. 48, 4]. Похожие протома I – III вв. н. э. были найдены в Илурате и Мирмекии [Денисова, 1981, таб. XXV, а, ж]. Три подобные глиняные статуэтки экспонируются на выставке ВКИКМЗ в г. Керчи (рис. 3). Более поздние терракоты, датирующиеся III в. н. э., близкие морфологически и иконографически, происходят из Керчи и хранятся в Государственном историческом музее в Москве³ [Кобылина, 1961, таб. XXXVII, 3; Журавлев, Ильина, 2002, с. 67]. Похожая глиняная протома III в. н. э. была обнаружена в Танаисе в 1974 году на раскопе XI в мусорной яме на некрополе⁴ (рис. 4).

Другая протома Деметры из погребения 26, склеенная из 24 фрагментов, сохранилась частично: лицо, часть калафа и хитона⁵ (рис. 5) Она полностью идентична предыдущей протоме. Возможно, обе были отмяты в одной форме одним мастером.

В погребении 656 были обнаружены два фрагмента терракотовой протома другого типа. Погребение принадлежало ребенку 2-3 лет, представляло собой узкую могильную яму размерами 0,45x1,20 м с заплечиками вдоль четырех сторон. На заплечиках сохранились остатки деревянного перекрытия. На дне ямы располагалось деревянное гробовище, сколоченное железными гвоздями [Беспальый, 2016, с. 169]. Судя по расположению погребальной конструкции на линии ВВСВ-33ЮЗ, погребенный располагался головой на северо-восток. Погребение было ограблено в древности. Этот факт, а также следы искусственной деформации черепа погребенного позволяют предположить его высокий социальный статус и наличие богатого инвентаря. В заполнении грабежа могильной ямы были обнаружены фрагменты террако-

³ Соб. ГИМ, 25108, Керчь; ГИМ. Инв. № 4369. Оп.Б-25.

⁴ АМЗТ, КП 3, АЭ 15, № 29.

⁵ Т-12, НЗ, Р-ХVIII, пл. 5, П-26, № 77. АМЗТ, ВХ 419/7.

товой протомы, костяной пиксиды и коралловой пронизки. Здесь же были найдены кости двух подростков 12-16 лет (незадачливых грабителей?).

Сохранилась голова и нижняя часть односторонней протомы богини Деметры, отмятой в форме⁶ (рис. 6). Лицо невысокое, узкое. Глаза не проработаны, нос прямой, длинный. Рот небольшой, подбородок округлый. Лоб обрамляют густые волосы в виде валика. В ушах массивные округлые серьги. На голове богини стегана треугольной формы. Над серьгами округлые сквозные отверстия диаметром 0,3 см. Размеры сохранившейся головы протомы 7,5х5,4 см. Другой фрагмент представляет правый нижний угол протомы, изображающий плечо и нижнюю часть в хитоне и переброшенном на правое плечо гиматии, украшенном небольшими округлыми налестками. Размеры фрагмента 4,9х4,2 см. Терракота изготовлена из коричневой глины с примесью извести. На внешней поверхности светлый ангоб. На внутренней поверхности следы стеки и многочисленные отпечатки пальцев мастера. По-видимому, протома была изготовлена на Боспоре в I в. н. э. Похожая терракота была обнаружена в 1962 году в Кепях в засыпке вала I в. н. э. [Николаева, 1974, с. 15, таб. 10, 2].

Еще один терракотовый предмет, фигурный сосуд, был обнаружен в погребении 195. Погребенный, ребенок до 6 месяцев, был уложен в яму с заплечиками прямоугольной формы размером 0,48х1,00 м, вытянутой по оси З – В, головой к востоку. Погребальный инвентарь многочислен и разнообразен: бронзовая фибула-брошь, ажурная бронзовая подвеска, стеклянные и костяные бусины, ребристые бусины и пронизи с лежащими львами из фаянса, на правом предплечье и левой голени два бронзовых проволочных браслета [Беспалый, 2016, с. 139]. В ногах погребенного располагался фигурный сосуд в виде головы богини Деметры⁷ (рис. 7). Высота сосуда 14,8 см, высота горла 3,8 см, диаметр горла 3,3 см, диаметр основания 6,4 см, длина ручки 7,1 см. Горло цилиндрическое, по венчику украшено двумя неширокими валиками. Подобный валик в месте соединения горла с туловом. Уплощенная вертикальная ручка, профилированная по внешней поверхности двумя неглубокими широкими желобками, в плане овальной формы, крепится верхней частью под венчиком, нижней – в средней части тулова. Тулово, изображающее женскую голову, изготовлено из двух частей: лицевая сторона отмята в форме, обратная заглажена от руки. Лицо богини невысокое, узкое. Большие глаза хорошо проработаны: верхнее и нижнее веко в виде рельефных валиков. Нос прямой, длинный, рот небольшой, подбородок округлый. В ушах массивные кольцевидные серьги. Лоб обрамляют густые волосы, вертикальными прядями собранные сзади в прическу. Ножка сосуда выполнена в виде длинной шеи, которую украшает массивная гривна с головами змей на концах. Сосуд склеен из множества фрагментов с утратами и сколами внешнего слоя. Глина коричневого цвета с примесью извести. На поверхности светлый ангоб. Данный предмет датируется серединой I в. н. э. Изображение гривны на шее боги-

⁶ Т-12, НЗ, Р-ХVIII, пл. 7, П-656, № 1938. АМЗТ, ВХ 463/235.

⁷ Т-12, НЗ, Р-ХVIII, пл. 8, П-195, № 513. АМЗТ, ВХ 422/513.

ни близко к изображению шейного украшения Деметры из Керчи [Кондаков, 1879, таб. 1, 3]. Фигурные сосуды этого времени происходят из Аттики, Мирины и Туниса. Несколько десятков таких сосудов было обнаружено в Ольвии [Герцигер, 1976, с.89]. Единичные экземпляры фигурных сосудов были обнаружены в Херсонесе, Усть-Альминском некрополе [Журавлев, Хмелевский, 2018, с. 203], при раскопках гробницы на горе Митридат. Ю.А. Виноградов отмечает, что на Боспоре сосуды этого типа встречаются не часто [Виноградов, 2017, с. 254, таб. 92]. Похожий фигурный сосуд более позднего времени (III – IV вв. н. э.), изображающий женскую голову, хранится в музее Чемту в Тунисе [Fontana, 1995, fig.10]. Фигурные сосуды, изображающие богов, богинь, монархов и их жен, героев мифов, были весьма популярны в Северном Причерноморье, Мезии и Фракии в позднеэллинистическое и римское время. Значительная часть их была обнаружена именно в погребениях некрополей [Журавлев, Хмелевский, 2018, с. 202].

К терракотам II в. н. э. можно отнести предметы, найденные в погребении 25 раскопа XVIII. Погребение было совершено в катакомбе, ориентированной по линии ССЗ – ЮЮВ, принадлежало подростку 9-11 лет, было ограблено в древности. При ограблении камеры во входной колодец было вытащено деревянное гробовище вместе с остатками костяка. Здесь же были обнаружены остатки богатого погребального инвентаря: нашивные золотые бляшки; железная и бронзовые фибулы; бронзовый перстень; стеклянные и бронзовые бусины, бисер; подвески из янтаря, гешира, пирита, горного хрусталя и сердолика; ножницы; костяные накладки на шкатулку. В юго-западную часть была отброшена крупная плита заклада входа в камеру [Беспалый, 2016, с. 31]. Рядом с плитой находилась объемная глиняная статуэтка (рис. 8)⁸. Она представляла собой терракотовую статуэтку богини Афродиты, изображенной в полный рост. Богиня одета в длинный нижний хитон, поверх которого высоко подпоясанный короткий, чуть ниже колен, верхний хитон; на голове, вероятно, калаф, поверх которого наброшено покрывало, спускающееся до колен. Лицо узкое с длинным массивным носом, маленьким ртом и округлым подбородком. Глаза не проработаны. Шея длинная. Густые волосы в виде широкого валика обрамляют лицо и спускаются до плеч в виде двух кос. В правой руке, согнутой почти под прямым углом, богиня держит большую кисть винограда. В левой руке, чуть согнутой в локте, изображенная влево утка⁹, голова которой обращена к винограду. В средней части статуэтки слева на верхнем хитоне сохранились следы голубой краски. Статуэтка полая, открытая снизу, состоит из двух частей. Лицевая сторона отмята в форме, детали не проработаны стекой. Обратная сторона заглажена и залощена. База статуэтки высокая округлой формы. На лицевой стороне следы отпечатков пальцев мастера. На обратной стороне статуэтки и внутренней поверхности базы следы стеки и лощения.

⁸ Т-12, НЗ, Р-ХVIII, пл. 5, П-25, № 51. АМЗТ, ВХ 516/2.

⁹ Выражаю глубокую признательность биологу С.В. Семеновой, с.н.с. Азовского музея-заповедника, за определение изображений птиц на терракотовых статуэтках здесь и далее.

Глина коричневого цвета с примесью извести и песка. Размеры терракоты: высота статуэтки – 14,5 см; высота базы – 2,0 см; диаметр базы – 4,4 см; толщина стенки – 0,3-0,6 см. Статуэтка склеена из двух частей; верхняя часть головного убора утрачена. На поверхности трещины, сколы. Поверхность заизвесткована. По-видимому, терракота была изготовлена на Боспоре во второй половине II в. н. э. Ближайшими аналогиями данной терракоте являются три глиняные статуэтки, изображающие богиню Афродиту с виноградом и уткой, хранящиеся в экспозиции ВКИКМЗ в г. Керчи (рис. 9). Близкая морфологически и иконографически глиняная статуэтка, изображающая богиню Афродиту, была обнаружена в Танаисе на раскопе VI в 1972 году, при исследовании подвального помещения первой половины III в. н. э. [Арсеньева, 1974, с. 10, таб. 4, 9] (рис. 10).

В грабительской яме к югу от входного колодца погребения 25 была обнаружена еще одна терракотовая статуэтка, изображающая сидящую на троне Кибелу (рис.11)¹⁰. Богиня одета в длинный, высоко подпоясанный под грудью хитон. На голове Кибелы высокий головной убор, похожий на модий, с длинным покрывалом. Край покрывала, переброшенный справа налево, валиком покоится на широко расставленных коленях богини. Ноги покоятся на невысокой прямоугольной скамеечке. На ногах туфли с узкими носками. Правая нога выдвинута чуть вперед. Лицо богини узкое, невысокое. Черты лица не проработаны, только намечены. Глаза большие миндалевидные, нос длинный, прямой, рот небольшой. Лицо обрамляют густые волосы, спускающиеся спереди до плеч в виде двух кос. Шея тонкая, длинная. Богиня сидит с протянутыми вперед руками, согнутыми в локтях. В правой руке она держит небольшую фиалу, в левой – округлый предмет, по-видимому, яйцо. Статуэтка полая, снизу открытая, состоит из нескольких частей. Лицевая сторона отмыта в форме, детали не проработаны. Обратная сторона заглажена стекой. Посередине оборотной стороны находится технологическое отверстие округлой формы для равномерного обжига статуэтки. На внутренней и внешней поверхности статуэтки следы отпечатков пальцев мастера. На внешней поверхности следы светлого ангоба. Руки, фиала, яйцо вылеплены отдельно. Глина коричневого цвета с примесью извести и песка. Размеры: высота статуэтки – 15,2 см; высота базы – 1,4 см; диаметр отверстия – 1,6х1,8 см; толщина стенки – 0,4-0,7 см. Статуэтка целая, на поверхности трещины и сколы, поверхность заизвесткована. По-видимому, терракота также была изготовлена на Боспоре во второй половине II в. н. э. Ближайшей аналогией данной терракоте является статуэтка Кибелы из Феодосийского музея древностей, датирующаяся II в. н. э. (рис. 12)¹¹. Похожий сюжет просматривается на предметах II – III вв. н.э., обнаруженных в Пантикапее и Илурате [Кобылина, 1961, таб. XXXVI, 2; Пругло, 1970, с.118, таб. 56, 3]. Четыре статуэтки, близкие морфологически и иконографически, хранятся в экспозиции ВКИКМЗ в г. Керчи (рис. 13).

¹⁰ Т-12, НЗ, Р-ХVIII, пл. 5, П-25, № 50. АМЗТ, ВХ 516/1.

¹¹ ФМД, КП 26/118, № 229.

В 1968 году при прокладке подъездной дороги от шоссе Ростов-Таганрог к музео-заповеднику «Танаис» экспедицией под руководством И.С. Каменецкого было исследовано восемь курганов. Некоторые не полностью, поскольку к моменту раскопок дорога уже эксплуатировалась [Казакова, Каменецкий, 1970, с. 81]. В погребении 2 кургана 10 был найден фрагмент терракотой статуэткой. Курган 10 располагался вблизи городища, у границ грунтового некрополя. В восточной его части была обнаружена богатая тризна: не менее семи светлоглиняных амфор типа С¹², одна амфора типа В, две светлоглиняные амфоры с двустольными ручками, шесть красноглиняных амфор различного типа и размера, две стеклянные чаши, две краснолаковые миски и кубок, серолощенная миска и лепной горшок. С тризной, по-видимому, было связано конское погребение: в небольшой яме были обнаружены череп и кости ног (погребение шкуры?). Погребение 2, впускное, подбойной конструкции, было совершено на глубине 2,46 м. Входная яма, ориентированная по линии восток – запад, была прямоугольной формы, размерами 1,64x1,15 м. В южной стенке был сделан подбой высотой 0,5 м. Вход в подбой закрывали три массивные плиты [Казакова, Каменецкий, 1970, с. 83]. Погребение, вероятно, принадлежало ребенку до 10 лет и было ограблено в древности. Погребенный располагался в деревянном гробу головой на восток. В западной части камеры были найдены фрагменты дерева и железные гвозди. Сохранившийся погребальный инвентарь позволяет отнести данное погребение к числу элитарных: фрагмент терракотовой статуэткой Кибелы, обломок массивного китайского зеркала, большое количество бус из египетского фаянса и крупных мозаичных стеклянных.

Фрагмент глиняной статуэткой из погребения 2 кургана 10 изображает сидящую на троне богиню Кибелу (рис. 14)¹³. Сохранилась верхняя часть статуэткой. Богиня изображена в высоко подпоясанном под грудь хитоне, драпированном в нижней части вертикальными складками. На голове высокий головной убор, похожий на модий, поверх которого наброшено длинное покрывало. Лицо богини узкое, невысокое, черты лица не проработаны. Нос длинный, прямой, рот небольшой, шея длинная. В правой, вытянутой вперед руке богиня держит небольшую фиалу, в левой – тимпан. Статуэткой полая, лицевая сторона отмыта в форме, оборотная заглажена от руки. На оборотной стороне округлое сквозное отверстие диаметром 2 см. На внешней и внутренней поверхности статуэткой сохранились следы отпечатков пальцев мастера. Благодаря проведенному в 2016 году дактилоскопическому исследованию удалось выяснить, что мастер, изготовивший статуэткой, был старше 18 лет и при отминки в форме использовал большие пальцы обеих рук [Лазарев, Серго, Суворова, 2016, с. 167]. На внешней поверхности статуэткой следы светлого ангоба. Правая рука с фиалой и тимпан вылеплены отдельно. Глина коричневого цвета с примесью извести и песка. Высота фрагмента – 8,3 см. Нижняя часть статуэткой отсутствует, на поверхно-

¹² Здесь и далее при характеристике амфор используется классификация Д.Б. Шелова.

¹³ Т-68-С, к. 10, п. 2, № 209; АМЗТ, КП 71 № 115.

сти трещины и сколы, поверхность заизвесткована. По-видимому, данная терракота также была изготовлена на Боспоре во второй половине II в. н. э. Ближайшей аналогией данной терракоте является статуэтка сидящей на троне богини, хранящейся в экспозиции ВКИКМЗ в г. Керчи (рис. 13). Похожий сюжет просматривается на предметах I – II вв. н. э. из некрополя на горе Митридат, хранящихся в Государственном Эрмитаже [Силантьева, 1974, с. 35. Таб. 48. 1; Кобылина, 1961, с. 78], из Мирмекия [Денисова, 1981, таб. XXV, в].

В 1975 году исследование кургана 10 было продолжено экспедицией под руководством В.В. Чалого [Чалый, 1975, с. 1]. В ходе раскопок были обнаружены 23 погребения и конское захоронение. В погребении 25, принадлежащем ребенку, вероятно, до 5 лет, была найдена терракотовая статуэтка. Погребение было совершено в прямоугольной яме с заплечиками размерами 135x40 см, ориентированной длинными сторонами в направлении ВСВ – ЗЮЗ. Заплечики были сооружены на высоте 35 см от дна вдоль всех стенок ямы. На заплечиках и у дна ямы прослежены остатки дерева и камыша. Костяк находился в гробу, высота которого была около 20 см. На заплечиках и поверх костяка слой дерева был сильно обожжен, но на стенках и на дне ямы следов огня не обнаружено. По-видимому, огонь был разведен на перекрытии ямы [Чалый, 1975, с. 16]. Верхнюю одежду ребенка скрепляла плохо сохранившаяся фибула из бронзы и железа, обнаруженная под черепом. Слева от таза была найдена железная пряжка, вероятно, от пояса. На ногах были прослежены фрагменты кожаных сапожек. В ногах погребенного располагались краснолаковые мисочка и кувшин, а также объемная глиняная статуэтка-марионетка с подвесными конечностями. Рядом со статуэткой был обнаружен мел, и на поверхности терракоты тоже видны следы мела [Чалый, 1975 а, рис. 107].

Терракотовая марионетка, вероятно, изображает жреца – участника религиозной процессии (рис. 15)¹⁴. У него большая вытянутая голова, большие уплощенные и торчащие в стороны уши, большой плоский, выдающийся нос, губы и глаза обозначены врезными линиями. На нем колоколовидное одеяние до колен, на котором спереди прикреплено объемное изображение ворона. В правой, вытянутой вперед руке жрец держит венок, в левой – яйцо и статую богини, сидящей на троне. На голове богини башенная корона, в правой руке она держит венок, в левой – утку(?). Статуэтка частично отмята в форме, некоторые детали вылеплены от руки. По бокам одеяния, в нижней части, расположены два сквозных отверстия диаметром 0,6 см. Такое же отверстие на темени жреца. На внешней поверхности марионетки светлый ангоб, следы мела и отпечатки пальцев мастера. На изображении богини следы розовой краски. Глина коричневого цвета с примесью извести и песка. Высота фигуры – 13,2 см; размеры основания одеяния – 5,9x7,6 см. Корпус склеен из двух частей. Сохранились две ноги и фаллос, вылепленные вручную, которые крепились к марионетке, вероятно, при помощи нитей. Правая нога цилиндрической формы, в плане

¹⁴ Т-75-С, к. 10, п. 25, № 97; АМЗТ, КП 28 № 62.

округлая, в верхней части уплощена и имеет сквозное отверстие диаметром 0,55 см. Ступня ноги плоская, пятка заострена. На поверхности светлый ангоб, следы стеки и отпечатки пальцев мастера. Высота ноги – 8,1 см. Склеена из 8 фрагментов. Левая нога такой же цилиндрической формы, в плане округлая, в верхней части уплощена и имеет сквозное отверстие диаметром 0,6 см. Ступня ноги плоская, пятка заострена. На поверхности светлый ангоб, следы стеки и отпечатки пальцев мастера. Высота ноги – 8,1 см. Склеена из 7 фрагментов. Фаллос изображен согнутым почти под прямым углом, округлый в плане, в верхней части уплощен, сужается к концу, заострен. В верхней части сквозное отверстие диаметром 0,6 см. По-видимому, данная терракота была изготовлена на Боспоре во II в. н. э. Количество подобных марионеток при исследовании боспорских городов исчисляется несколькими сотнями. Их изготавливали со II в. до н. э. по IV в. н. э. Изображали подобные марионетки танцоров, музыкантов, актеров, воинов, жертвователей и жрецов. Наибольшее число терракот с подвесными конечностями обнаружено в европейской части Боспора. В Танаисе было найдено 23 фрагмента подобных статуэток, датирующихся первыми веками нашей эры. По классификации И.Д. Марченко, марионетку из погребения 25 можно отнести к шестой группе – «группе жрецов» [Марченко, 1974, с. 42]. Наиболее близка к вышеупомянутой терракоте находка из Пантикапея [Марченко, 1974, с. 45, таб. 55,8]. Марионетки с изображением жрецов были обнаружены в Пантикапее [Марченко, 1974, с. 45, таб. 55, 7; Кобылина, 1978, с. 39, рис. 18; Деревицкий, Павловский, фон-Штерн, 1898, с. 22, таб. IX, 5], Тиритаке [Котина, 2013, с. 409, рис. 2, 6-8], на Таманском полуострове [Хачатурова, 1987, с. 137]. Фрагменты нескольких марионеток-жрецов можно увидеть в экспозиции Феодосийского музея древностей.

Самой поздней терракотой, обнаруженной в некрополе Танаиса, является объемная статуэтка сидящей на троне богини, датирующаяся первой половиной III в. н. э. Она была найдена в 1990 году экспедицией под руководством Т.М. Арсеньевой на раскопе XVI при исследовании западного участка некрополя Танаиса [Арсеньева, 1991, с. 1]. Погребение 33, в котором была найдена терракота, принадлежало ребенку 3 – 5 лет с искусственной деформацией черепа [Ильяшенко, Толочко, 1993, с. 176]. Могила представляла собой подбойную конструкцию, ориентированную по оси ССЗ – ЮЮВ, с камерой прямоугольной формы, размером 1,30x0,66 м. Вход в подбой был закрыт двумя рядами крупных камней, среди которых было обнаружено антропоморфное надгробие. Погребенный находился в деревянном гробу трапециевидной формы. Многочисленный погребальный инвентарь представляет большой интерес и позволяет отнести данное погребение к элитарным. В изголовье ребенка был поставлен краснолаковый кубок с посвятительной надписью $\text{E}\iota\lambda\epsilon\acute{o}\varsigma \mu\omicron\iota \text{o } \Theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ («(Да будет) милостив ко мне бог»), выполненной в виде *pirinti* белой краской в верхней части тулова [Ильяшенко, Толочко, 1993, с. 180]. С обеих сторон от черепа были обнаружены проволочные серебряные серьги; в области шеи бусины, составляющие богатое ожерелье: стеклянные пронизи с внутренней позолотой, сердоликовые округлые и четырнадцатигранные, стеклянные белого и синего цветов. Над левым плечом, у ле-

вой щиколотки и у стоп располагались глиняные «фишки», изготовленные из стенок светлоглиняных и красноглиняных амфор в количестве соответственно 2:1:4. Среди «фишек» нижнего ряда была зафиксирована меловая подсыпка.

У ног погребенного была найдена объемная глиняная статуэтка, изображающая сидящую на троне Великую Богиню-мать (рис. 16)¹⁵. Лицо богини узкое, невысокое. Глаза не проработаны, нос длинный прямой, рот небольшой, подбородок заострен. Лоб обрамляют густые волосы, собранные назад в прическу. В ушах крупные каплевидные серьги. На голове богини, вероятно, высокий калаф с наброшенным на него покрывалом, выполненным настолько стилизовано, что сливаются со спинкой трона. Богиня одета в длинный хитон, высоко подпоясанный под грудью и драпирующийся вертикальными складками. На шее массивная гривна, на груди крупный медальон округлой формы. Края покрывала, с двух сторон огибающая фигуру богини, смыкаются на коленях и опускаются до середины голени, образуя волнообразные складки. Ноги, обутые в туфельки с заостренными носами, покоятся на невысокой прямоугольной скамеечке. Обе руки богини согнуты в локтях и вытянуты вперед. В правой руке она держит небольшую фиалу, в левой – яйцо. Статуэтка полая, снизу открытая. Лицевая сторона ее была отмята в форме, обратная заглажена от руки. Яйцо, фиала и руки вылеплены вручную. На внешней поверхности сохранились следы светлого ангоба и красной краски. Глина тонкая, плотная, хорошо отмучена, коричневого цвета с примесью извести. Высота статуэтки 19,2 см. Она склеена из четырех фрагментов. По-видимому, данная терракота была изготовлена на Боспоре в первой половине III в. н. э. Два фрагмента аналогичной статуэтки были обнаружены в 1983 году на раскопе XIV в помещении КН¹⁶ и в 1997 году на раскопе XX в помещении В¹⁷. Подобные статуэтки были обнаружены в Пантикапее [Силантьева, 1974, с. 35, 36, таб. 48, 3, 6; Кобылина, 1978, с. 108, рис. 57; Журавлев, Ильина, 2002, с. 67, № 245], Илурате [Денисова, 1981, таб. XXIV, а], Михайловке [Петерс, 1970, с. 114, таб. 54, 5], на поселении у деревни Золотое [Кругликова, 1970, с. 107, таб. 48, 5]. Три статуэтки данного типа хранятся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына [Хачатурова, 1987, с. 114]. Две статуэтки сидящей богини можно увидеть в экспозиции Феодосийского музея древностей.

При анализе найденных терракотовых предметов в погребениях некрополя Танаиса прежде всего хотелось бы обратить внимание на столь незначительное их количество. Грунтовый и курганный некрополь Танаиса исследовался с середины XIX в. Систематические раскопки начали проводиться Нижне-Донской экспедицией с 1955 года. По настоящее время исследовано более гектара площади некрополя, это свыше двух с половиной тысяч погребений. Одна треть раскопанных могил относится к первым векам нашей эры [Толочко, 2014, с. 155]. И только в семи погребениях

¹⁵ Т-90-НЗ, р. XVI, п. 33, № 247; АМЗТ, КП 31 № 45.

¹⁶ Т-1983, XIV, КН/12, № 1366. АМЗТ, КП 3/АЭ 15/33.

¹⁷ Т-1997, XX, помещение В, № 1250. АМЗТ, КП 212/АГ 67/14.

этого времени обнаружены терракотовые статуэтки. При этом нельзя забывать, что раскопана лишь одна восьмая часть всей площади древнего некрополя. Поэтому делать окончательные выводы, конечно, преждевременно.

Однако многие исследователи отмечали неравномерное распределение найденных глиняных статуэток на территории Боспорского царства. В крупных городах, находящихся на морском побережье, их находят в огромном количестве, как на городище, так и в некрополях. На сельских поселениях их количество незначительно. И.Т. Кругликова заметила некоторую закономерность: чем дальше сельское поселение находится от боспорского города и от берега моря, тем реже там встречаются терракоты [Кругликова, 1970, с. 100]. Обычай изготавливать глиняные статуэтки в виде богов и героев, а также помещать их в погребения, несомненно, эллинский. Поэтому наибольшее их количество находят в местах сосредоточения именно эллинского населения.

В некрополе Танаиса было обнаружено лишь девять терракот. Это можно объяснить удаленностью этого античного города от крупных боспорских центров. Кроме того, нельзя забывать, что население Танаиса было смешанным эллинско-варварским. Т.М. Арсеньева отмечала, что по погребальному обряду исследованных погребений можно говорить о проникновении сарматов в Танаис уже в первый период существования города, в III – I вв. до н. э. [Арсеньева, 1977, с. 149]. Второе усиление сарматского элемента в городе прослеживается во II в. н. э. [Шелов, 1972, с. 238]. Еще меньше терракотовых предметов мы встречаем в погребениях некрополей нижнедонских городищ, входящих в округу Танаиса. Две находки были сделаны на территории современного города Азова в некрополе Крепостного городища [Белинский, 1986, с. 13; Суворова, Широченко, 2020, с. 406] и одна – в некрополе Сухо-Чалтырского городища [Абоян, Ларенок, 2013, с. 84]. В некрополях других известных одиннадцати нижнедонских городищ античного времени терракотовые статуэтки не встречались.

Пять погребений, в которых были обнаружены терракотовые предметы, происходят из грунтового некрополя (Т-2012, НЗ, XVIII, п. 25, 26, 195, 656; Т-1990, XVI, п. 33), два – из курганного могильника (Т-1968, к.10, п. 2; Т-1975, к. 10, п.25). Обращают на себя внимание формы погребальных конструкций: три погребения были совершены в ямах с подбоями (Т-2012, НЗ, XVIII, 26; Т-1990, XVI, 33; Т-1968, к.10, п. 2), три – в ямах с заплечиками (Т-2012, НЗ, XVIII, п. 195, 656; Т-1975, к. 10, п. 25) и одно – в катакомбе (Т-2012, НЗ, XVIII, п. 25), которые обычно связывают с сарматскими обрядовыми нормами [Шелов, 1972, с. 234]. Два погребения имеют северо-восточную ориентировку (Т-2012, НЗ, XVIII, п. 656; Т-1975, к. 10, п. 25), еще два – восточную (Т-2012, НЗ, XVIII, п. 195; Т-1968, к.10, п. 2), одно – юго-восточную (Т-2012, НЗ, XVIII, 26), одно – северную (Т-2012, НЗ, XVIII, 25) и еще одно – северо-западную (Т-1990, XVI, 33). Таким образом, большинство погребений было совершено с характерными для некрополя Танаиса ориентировками в восточную и северо-восточную область, что рассматривается как результат влияния античных об-

рядовых норм [Гугуев, 2017, с. 133]. Появление северной и северо-западной ориентировок в погребениях II – III вв. н. э. Т.М. Арсеньева уверенно связывала с сарматами [Арсеньева, 1977, с. 150]. На принадлежность погребений 2 и 25 кургана 10 к сарматским, указывают и находки в насыпи конских костей, а также целого скелета. Кроме того, в двух погребениях (Т-2012, НЗ, XVIII, п. 656; Т-1990, XVI, п. 33) черепа имели искусственную деформацию. По-видимому, все вышеописанные погребения можно отнести к сарматскому населению Танаиса, воспринявшему эллинские традиции, в том числе культовые.

Три погребения, в которых были обнаружены предметы терракоты, датируются I в. н. э., еще три – II в. н. э., одно – III в. н. э. Возможно, уменьшение количества терракот в погребениях к III в. н. э. отражает изменение представлений населения Танаиса об окружающем мире, связанное с уменьшением роли античных богов в духовной жизни жителей Боспора, а также с появлением новых синкретических божеств: Великой Богини-матери и Бога Высочайшего, Внемлющего, Справедливого.

Большой интерес вызывает тот факт, что все погребения, откуда происходят терракотовые предметы, принадлежали детям или подросткам. Погребение 195 принадлежало ребенку до 6 месяцев, погребение 656 – ребенку 2-3 лет, погребение 33 – ребенку 3-5 лет, погребение 25 из кургана 10 – ребенку до 5 лет, погребение 2 из кургана 10 – ребенку до 10 лет, погребение 25 – ребенку 9-10 лет, погребение 26 – подростку.

Шесть погребений из семи, вероятно, принадлежали девочкам. На это косвенно указывают найденные в погребении предметы: фибула-брошь, подвески, пронизки из египетского фаянса в виде лежащих львов, стеклянные и костяные бусины, два бронзовых браслета (п. 195); костяная пиксида и коралловые пронизки (п. 656); стеклянные и сердоликовые бусины, серебряные серьги (п. 33); бусы из египетского фаянса и фрагмент китайского зеркала (погребение 2 из кургана 10); нашивные золотые бляшки, стеклянные бусины, амулеты из янтаря, сердолика, горного хрусталя и гешира, фибулы, бронзовый перстень, ножницы (п. 25); бронзовый браслет, фрагмент стеклянного бальзамария (п. 26). Одно погребение предположительно принадлежало мальчику (п. 25, к. 10). В нем были обнаружены фибула, поясная пряжка и кожаные сапожки. То, что в детские погребения были помещены терракотовые статуэтки, выделяет их из числа прочих и подчеркивает особое отношение к детям жителей Танаиса. Возможно, это объясняется высокой смертностью детей до 3-х лет, которая наблюдается антропологами [Батиева, 2011, с. 49]. По мнению А.А. Рыбаковой, в древности считалось, что дети ближе к потустороннему миру, чем взрослые [Рыбакова, 2005, с. 12].

Все семь погребений объединяет то, что они были совершены в гробах. Об этом свидетельствуют остатки древесины и фрагменты железных гвоздей. Пять погребений из семи было ограблено в древности. Но даже по остаткам погребального инвентаря мы можем сделать вывод о том, что погребенные, по-видимому, относились к привилегированным категориям населения Танаиса.

Для чего жители древнего Танаиса положили в погребения детей и подростков вышеупомянутые терракотовые предметы? Какими функциями они наделялись? Можно было бы предположить их утилитарное назначение – любимые игрушки детей должны были украшать их жизнь в потустороннем мире. Однако анализ погребального инвентаря и местонахождений терракот в погребениях позволяет сделать вывод об их культовом значении. В трех погребениях (п. 195; п. 33; п. 25, к. 10) терракотовые предметы располагались в ногах погребенных, т.е. предположительно выполняли роль проводников в потусторонний мир. Местоположение других терракот не удалось проследить вследствие ограбления могил и перемещения погребального инвентаря.

В двух погребениях рядом с терракотами находился мел: терракотовая марионетка из погребения 25 кургана 10 была найдена в мелу; рядом с объемной статуэткой Великой Богини-матери из погребения 33 была встречена меловая подсыпка. Это было характерно для погребального обряда как сарматов, так и меотов. Элементы этого обряда встречаются в курганах кочевников и в некрополях нижнедонских городищ. Чаще всего фрагменты мела обнаруживают в женских и детских захоронениях и связывают с верованиями древних в роль мела как очистительного средства [Суворова, 2019, с. 163].

Подтверждает культовое назначение глиняной статуэтки Великой Богини Матери из погребения 33 также найденный в изголовье погребенного краснолаковый кубок с посвятительной надписью божеству.

Кроме этого, иконографический анализ найденных терракот свидетельствует об их культовом характере, связанном с хтоническими верованиями. Три односторонние терракоты изображают полуфигуру (протому) Деметры, совершающую *καθόδος* – спускающуюся в подземное царство, чтобы проведать свою дочь Кору-Персефону. На голове Деметры калаф, головной убор, напоминающий корзину и символизирующий плодородие. Возможно, провожая своих умерших детей, жители Танаиса веряли их души заботам богини Деметры и молились о процветании их в загробной жизни. На фигурном сосуде в виде головы Деметры не случайно присутствует изображение шейного украшения гривны с головами змей, символизирующими подземный мир. Горло сосуда напоминает модий – цилиндрический головной убор в виде меры зерна, встречающийся у элевсинских божеств и символизирующий плодородие. Данный факт и наличие на шее богини гривны в виде змей позволяют отнести данный предмет также к изображению богини Деметры в ее хтонической ипостаси.

В погребение девочки 9-11 лет, вероятно, не случайно положили терракотовую статуэтку, изображающую Афродиту, богиню любви и счастливого брака. На Боспоре почиталась Афродита Урания (Небесная), Эвплойя (Счастливо плавающая), Пандемос (Всенародная). Хтоническая черта ее культа прослеживается в Херсонесе. С этой ее ипостасью связывают обычай класть в погребения терракотовые статуэтки, изображающие Афродиту, а также расписные сосуды со сценами свадебных ритуалов. Вазы с подобными сюжетами часто клались в могилы не успевших выйти замуж девушек,

которых называли невестами или супругами Плутона [Скржинская, 2013, с. 277].

Здесь же была обнаружена и другая глиняная статуэтка, изображающая Кибелу, одну из главных малоазийских богинь, почитавшуюся под именем Великой Матери богов или Фригийской Матери. Зачастую ее изображали в башенной короне, с львенком на коленях или у ног, с различными предметами в руках: фиалой, кубком, скипетром, рогом изобилия, плодом, птицей или тимпаном. Эти предметы свойственны другим греческим богиням, например, Деметре, Персефоне, Афродите, Тюхе. Таким образом, Кибела превращалась в синкретическую греко-фригийскую богиню с разными ипостасями [Суворова, Серго, Лазарев, 2018, с. 605]. В нашем случае Кибела изображена с фиалой для жертвенных возлияний и яйцом как символом возрождения жизни, а на голове у нее модий, символизирующий плодородие. Здесь явно прослеживается хтоническая сопроводительная и охранительная ее функция.

Другая терракотовая статуэтка изображает Кибелу с фиалой для жертвенных возлияний и тимпаном, подчеркивающим ее оргиастический культ. Д.Б. Шелов считал, что в Танаисе во II в. н. э. культ Кибелы в чистом виде уже не существовал. Он превратился в культ синкретической Великой Богини-матери, вобравшей в себя черты Афродиты-Апатуры [Шелов, 1972, с. 291].

Статуэтка-марионетка жреца, найденная в погребении 25 кургана 10, несомненно, является культовой. Жрец держит в руках скульптуру богини. Изображение ее в башенной короне и сидящей на троне позволяет нам отождествлять ее с Кибелой. М.М. Кобылина упоминает о ритуале во время празднований в честь Кибелы, связанном с несением статуи Кибелы и купанием ее в реке [Кобылина, 1978, с. 13]. Кроме того, жрец держит в правой руке венок как символ участника религиозных мистерий, а в левой руке – яйцо, символизирующее возрождение. На одежде жреца спереди не случайно объемное изображение ворона. В античной мифологии эта птица сопровождает богов, связанных с подземным царством, и является медиатором между жизнью и смертью [Мифы народов мира, 1980, с. 247].

Самая поздняя по времени изготовления из найденных статуэток изображает синкретическую Великую Богиню-мать, почитавшуюся под именем Афродиты,ладычицы Апатура [Ильяшенко, Толочко, 1993, с. 182]. Она сидит на троне в величественной позе, принося жертвы: правой рукой проливает из фиалы жертвенный напиток, в левой руке держит яйцо – символ возрождения новой жизни.

Морфология, иконография, местоположение вышеупомянутых статуэток в погребениях позволяют сделать вывод об их культовом назначении. Вероятно, по религиозным представлениям жителей древнего Танаиса, они служили проводниками в потусторонний мир, а также своеобразными жертвами хтоническим богам.

Вышеупомянутые терракотовые статуэтки позволяют проследить, какие изменения происходили в культовых представлениях жителей Боспорского царства. Среди найденных в Танаисе терракот эллинистического времени преобладают традиционные изображения Деметры, Кибелы, Диониса. В первые века нашей эры изображения Деметры, Афродиты и Кибелы стилизуются, исчезают обычные атрибуты этих

богинь. Они становятся все больше похожи внешне друг на друга, что затрудняет однозначную атрибуцию таких терракотовых статуэток. Так, на протоме из погребения 26 Деметра изображена в башенной короне, характерной для изображения Кибелы. Статуэтка из погребения 25 изображает Кибелу с яйцом в руках, атрибутом, характерным для богов дионисийско-орфического круга. В статуэтке Великой Богини-матери из погребения 33 заметна полная стилизация и синкретизм: условно передан головой убор, сливающийся со спинкой трона и покрывалом богини. На шее массивная гривна, как на изображении Деметры на фигурном сосуде из погребения 195. На груди округлый большой медальон, похожий на горгонейон Афины и Кибелы. Изображение яйца также сближает эту терракоту с богами дионисийско-орфического круга. Эти изменения, произошедшие в культовых представлениях жителей Боспорского царства, можно связать прежде всего с изменением населения Боспора в первые века нашей эры, его варваризацией. Кроме того, нельзя забывать и об общих тенденциях в развитии религиозных представлений этого времени, переходе от политеистических религий к монотеизму.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что терракотовые статуэтки, обнаруженные в детских элитарных погребениях Танаиса, являются культовыми и свидетельствуют о распространении на Боспоре среди его эллинизированного населения синкретического культа Великой Богини-матери, в основе которого поклонение эллинским, малоазийским и варварским богам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абоян Ю.В., Ларенок В.А.* Раскопки некрополя Сухо-Чалтырского городища в 2011 году. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Выпуск 27. Азов. 2013. С. 68 – 98.
- Арсеньева Т.М.* Терракоты из Танаиса // САИ. Г 1-11. Ч. IV. Терракотовые статуэтки: Придонец и Таманский полуостров. Москва. Наука. 1974. С. 8 – 10.
- Арсеньева Т.М.* Некрополь Танаиса. М. 1977. 152 с.
- Арсеньева Т.М.* Отчет о проведении спасательных работ на западном участке грунтового некрополя Танаиса в 1990 году // Архив АМЗТ, НВФ 275. 1991. 44 с.
- Батиева Е.Ф.* Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону. 2011. 160 с.
- Белинский И.В.* Отчет о работах II Азовского отряда Азовского краеведческого музея в 1985 году // Архив АМЗ, КВФ 10619/1. 1986. 45 с.
- Беспалый Г.Е.* Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 году // Архив АМЗТ. 2016. НВФ 397/1-14.
- Виноградов Ю.А.* Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Симферополь-Керчь. 2017. 312 с.

- Герцигер Д.С.* Четыре фигурных сосуда из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М. 1976. С. 85 – 93.
- Гугуев В.К.* Структура ритуала некрополей донских меотв (о роли сарматов в формировании населения городищ) // Вестник Танаиса. Выпуск 4. Хутор Недвиговка Мясниковского района Ростовской области. 2017. 296 с.
- Денисова В.И.* Керамика Боспора. Ленинград. Наука. 1981. 172 с.
- Деревицкий А.Н., Павловский А.А., Э.Р. фон-Штерн.* Терракоты // Музей Императорского общества истории и древностей. Выпуск II. Одесса. 1898, 48 с, 18 л. ил.
- Журавлев Д.В., Ильина Т.А.* Терракотовые статуэтки // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном историческом музее. 30 мая – 15 августа 2002 г. М. 2002. 143 с.
- Журавлев Д.В., Хмелевский Д.Н.* Фигурный сосуд в форме африканца из Ольвии // Проблемы истории, филологии, культуры. Выпуск 3. М. С. 198 – 214.
- Ильяшенко С.М., Толочко И.В.* Детское погребение из раскопок грунтового некрополя Танаиса // Вестник Танаиса. Выпуск 1. Ростов-на-Дону. 1993. 216 с.
- Казакова Л.М., Каменецкий И.С.* Курганы Танаиса // КСИА. Выпуск 124. М. 1970. С. 81 – 87.
- Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. Москва. АН СССР. 1961. 184 с.
- Кобылина М.М.* Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. Москва. Наука. 1978. 216 с.
- Кондаков Н.П.* Греческие терракотовые статуэтки. Одесса: Франко-Русская типография Л. Даннкана, 1879. 119 с.
- Котина А.В.* Терракотовые статуэтки с подвесными конечностями из Тиритаки (раскопки 2002 – 2012 гг.) // Боспорские исследования. Выпуск XXVIII. Симферополь, Керчь. 2013. 480 с.
- Кругликова И.Т.* Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства // САИ, Г 1-11. Ч. II. Терракоты Северного Причерноморья. М. Наука. 1970. С.100 – 111.
- Лазарев Н.В., Серго С.В., Суворова Н.И.* А Мастер кто? (По материалам дактилоскопического исследования терракоты Танаиса) // БИ, XXXII. Керчь. 2016. С. 164 – 179.
- Марченко И.Д.* Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // САИ. Г 1-11. Ч. III. Терракотовые статуэтки: Пантикапей. Москва. Наука. 1974. С. 38 – 46.
- Мифы народов мира.* Энциклопедия. Том I. М. 1980. 672 с.
- Николаева Э.Я.* Терракоты города Кеп // САИ. Г 1-11. Ч. IV. Терракотовые статуэтки: Придонье и Таманский полуостров. Москва. Наука. 1974. С. 13 – 16.
- Петерс Б.Г.* Терракоты из городища у с. Михайловка // САИ, Г 1-11. Ч. II. Терракоты Северного Причерноморья. М. Наука. 1970. С.112 – 114.
- Пругло В.И.* Терракоты из Илурата // САИ, Г 1-11. Ч. II. Терракоты Северного Причерноморья. М. Наука. 1970. С.114 – 118.
- Рыбакова А.А.* Культ богомладенца в частной и общественной жизни древних греков. Автореферат кандидатской диссертации. Нижний Новгород. 2005. 25 с.
- Силантьева П.Ф.* Терракоты Пантикапея // САИ. Г 1-11. Ч. III. Терракотовые статуэтки: Пантикапей. Москва. Наука. 1974. С. 5 – 37.
- Скржинская М.В.* Мифологические сюжеты на боспорских вазах с рельефными фигурами. // Древности Боспора. Выпуск 17. М. 2013. 416 с.

- Суворова Н.И. К вопросу об элитарных погребениях античного времени на Нижнем Дону // БИ, XXXVIII. 2019. Керчь-Симферополь. С. 160 – 178.
- Суворова Н.И., Серго С.В., Лазарев Н.В. Применение методов дактилоскопии и трасологии при исследовании предметов коропластики Елизаветовского городища // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Выпуск 2. Ростов-на-Дону. 2018. С. 596 – 616.
- Суворова Н.И., Широченко Э.Б. Уникальная находка из некрополя Паниардиса // МАИАСП. Выпуск 12. Нижневартовск. 2020, с. 403 – 427.
- Толочко И.В. Погребения грунтового некрополя Танаиса I – III вв. н. э. // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914 – 1998). Санкт-Петербург. 2014. С. 155 – 161.
- Хачатурова Е.А. Терракотовые статуэтки в собраниях Краснодарского, Таманского и Темрюкского музеев // Тайны терракоты: Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар. 1987. 205 с.
- Чалый В.В. Отчет о раскопках курганного некрополя Танаиса в 1975 г. // Архив АМЗТ, НВФ 263/1. 22 с.
- Чалый В.В. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках курганного некрополя Танаиса в 1975 г. // Архив АМЗТ, НВФ 263/2.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. 1972. 352 с.
- Fontana S. Tradizione artigianale e raffi gurazione di tipi atnici nei balsamari confi gurati di produzione africana (III–IV sec. D. C.) // Quaderni di archeologia della Libya. 17 1995. P. 83–91.

REFERENCES

- Aboyan Yu.V., Larenok V.A. Excavation of the necropolis of Sukho-Chaltyr settlement in 2011. // Historical and archaeological research in Azov and on the Lower Don in 2011. Issue 27. Azov. 2013. P. 68 – 98.
- Arsenieva T.M. Terracotta from Tanais // CAS. G 1-11. P. IV. Terracotta figurines: Pridonje and the Taman Peninsula. Moscow. Science. 1974. P. 8 – 10.
- Arsenieva T.M. The necropolis of Tanais. M. 1977. 152 p.
- Arsenieva T.M. Report on rescue works in the western part of the underground necropolis of Tanais in 1990 // Archive of AMRT, SAF 275. 1991. 44 p.
- Batieva E.F. Population of the Lower Don in IX century BC – IV century AD (paleoanthropological research). Rostov-on-Don. 2011. 160 p.
- Belinskiy I.V. Report on works of the second Azov group of the Azov local history museum in 1985 // Archive of AMR, FTS 10619/1. 1986. 45 p.
- Bespaliy G.E. Report on archaeological excavation on construction sites of museum building, objects of infrastructure and expository demonstration within the boundaries of the object of cultural heritage of federal significance «Tanais Archaeological Reserve Museum» in the village Nedvigovka of the Myasnikovskiy District of the Rostov Region in 2012 // Archive of AMRT. 2016. SAF 397/1 – 14.
- Vinogradov Yu.A. Antiquities of the Cimmerian Bosphorus in drawings of K.R. Begichev and F.I. Gross (on the basis of materials from Scientific archive of IIMK RAS). Simferopol-Kerch. 2017. 312 p.

- Gerciger D.S.* Four figured vessels from Olbia // Art culture and archaeology of the ancient world. M. 1976. P. 85 – 93.
- Guguev V.K.* Ritual structure of necropolises of the Don Maeotians (about the role of Sarmatians in formation of population of the settlements) // Bulletin of Tanais. Issue 4. The village Nedvigovka of the Myasnikovsky District of the Rostov Region. 2017. 296 p.
- Denisova V.I.* Coroplastics of the Bosphorus. Leningrad. Science. 1981. 172 p.
- Derevitskiy A.N., Pavlovskiy A.A., E.R. Von Stern.* Terracotta // The Museum of the Imperial Society of History and Antiquities. Issue II. Odessa. 1898, 48 p., 18 p. of ill.
- Zhuravlev D.V., Ilyina T.A.* Terracotta figurines // At the edge of Oikoumene. Greeks and barbarians on the north shore of the Pontus Euxine. The catalog of the exhibition in the State Historical Museum. May 30 – August 15, 2002. M. 2002. 143 p.
- Zhuravlev D.V., Khmelevsky D.N.* Figured vessel in the form of African man from Olbia // The problems of history, philology, culture. Issue 3. M. P. 198 – 214.
- Iliashenko S.M., Tolochko I.V.* The child's burial from excavation of the underground necropolis of Tanais // Bulletin of Tanais. Issue 1. Rostov-on-Don. 1993. 216 p.
- Kazakova L.M., Kamenetskiy I.S.* Barrows of Tanais // BCIA. Issue 124. M. 1970. P. 81 – 87.
- Kobyлина M.M.* Terracotta figurines of Panticapaeum and Phanagoria. Moscow. Academy of Sciences of the Soviet Union. 1961. 184 p.
- Kobyлина M.M.* Image of the Eastern deities in the Northern Pontic region in the first centuries AD. Moscow. Science. 1978. 216 p.
- Kondakov N.P.* Greek terracotta figurines. Odessa: Franco-Russian printing house of L.Dannkan, 1879. 119 p.
- Kotina A.V.* Terracotta figurines with suspended limbs from Tyritake (excavation of 2002-2012) // Bosporan research. Issue XXVIII. Simferopol, Kerch. 2013. 480 p.
- Kruglikova I.T.* Terracotta from rural settlements of the European part of the Bosporan state // CAS. G 1-11. P.II Terracotta of the Northern Pontic region. M. Science. 1970. P. 100 – 111.
- Lazarev N.V., Sergo S.V., Suvorova N.I.* And who is the master? (On the basis of materials of dactylographic research of terracotta from Tanais) // BR, XXXII. Kerch. 2016. P. 164 – 179.
- Marchenko I.D.* Puppets and religious figurines of Panticapaeum // CAS. G 1-11. P.III. Terracotta figurines: Panticapaeum. Moscow. Science. 1974. P. 38 – 46.
- Myths of the World.* Encyclopedia. Volume I. M. 1980. 672 p.
- Nikolaev E.Ya.* Terracotta from the city of Kep // CAS. G 1-11. P.IV. Terracotta figurines: Pridonje and the Taman Peninsula. Moscow. Science. 1974. P. 13 – 16.
- Peters B.G.* Terracotta from the settlement near the village Mikhailovka // CAS. G 1-11. P.II Terracotta of the Northern Pontic region. M. Science. 1970. P. 112 – 114.
- Pruglo V.I.* Terracotta from Ilurat // CAS. G 1-11. P.II Terracotta of the Northern Pontic region. M. Science. 1970. P. 114 – 118.
- Rybakova A.A.* Cult of the Divine Infant in private and public life of ancient Greeks. Abstract of the Ph.D. thesis. Nizhny Novgorod. 2005. 25 p.
- Silantyeva P.F.* Terracotta of Panticapaeum // CAS. G 1-11. P.III. Terracotta figurines: Panticapaeum. Moscow. Science. 1974. P. 5 – 37.
- Skrzhinskaya M.V.* Mythological plots on Bosporan vases with relief figures. // Antiquities of the Bosphorus. Issue 17. M. 2013. 416 p.
- Suvorova N.I.* To the question of elite burials of an ancient time on the Lower Don // BR, XXXVIII. 2019. Kerch-Simferopol. P. 160 – 178.

- Suvorova N.I., Sergo S.V., Lazarev N.V.* Application of methods of dactylography and traceology in the study of coroplastics objects from the Elizavetovskoye settlement // Pontic region in ancient time and early medieval time. Issue 2. Rostov-on-Don. 2018. P. 596 – 616.
- Suvorova N.I., Shirochenko E.B.* A unique find from the necropolis of Paniardis // МАНАМР. Issue 12. Nizhnevartovsk. 2020, p. 403 – 427.
- Tolochko I.V.* Burials from underground necropolis of Tanais of I-III centuries AD // Funeral culture of the Bosporan Kingdom. The materials of the round table dedicating to 100th anniversary of Mikhail Moiseevich Kublanov (1914 – 1998). Saint Petersburg. 2014. P. 155 – 161.
- Khachaturova E.A.* Terracotta figurines in collections of Krasnodar, Taman and Temryuk museums // Mystery of terracotta: Ancient terracotta figurines from the museums of Krasnodar Krai. Krasnodar. 1987. 205 p.
- Chaliy V.V.* Report on excavation of Tanais barrow necropolis in 1975 // Archive of AMRT, SAF 263/1. 22 p.
- Chaliy V.V.* Album of illustrations to the report on excavation of Tanais barrow necropolis in 1975 // Archive of AMRT, SAF 263/2.
- Shelov D.B.* Tanais and the Lower Don in the first centuries AD. M. 1972. 352 p.
- Fontana S.* Tradizione artigianale e raffi gurazione di tipi atnici nei balsamari confi gurati di produzione africana (III–IV sec. D. C.) // Quaderni di archeologia della Libya. 17 1995. P. 83–91.

Резюме

В статье приводится подробный анализ терракотовых предметов, найденных в погребениях некрополя Танаиса. Представлены аналогии данным находкам, происходящие из античных городов и поселений Боспорского царства. Все терракотовые статуэтки датируются I – III вв. н. э., происходят из детских погребений, большинство из которых было ограблено в древности. Вероятно, по религиозным представлениям жителей древнего Танаиса, терракоты служили проводниками в потусторонний мир, а также своеобразными жертвами хтоническим богам. Они имеют культовое значение и свидетельствуют об эллинизации высших слоев жителей Танаиса.

Ключевые слова: Танаис, некрополь, терракотовая статуэтка, протома, Боспор, Деметра, Афродита, Кибела, Великая Богиня-мать, жрец, хтонический культ.

Summary

The article provides a detailed analysis of terracotta objects found in burials of the necropolis of Tanais. Analogues of these finds originated from antique cities and settlements of the Bosporan Kingdom are presented. All terracotta figurines dated back to I – III centuries AD are originated from children's burials mostly robbed in ancient times. Perhaps, in accordance with religious beliefs of the inhabitants of ancient Tanais, terracotta served as a guide to the other world, as well as a kind of sacrifices to chthonic gods. They have a cult significance and demonstrate the hellenization of the upper class inhabitants of Tanais.

Key words: Tanais, necropolis, terracotta figurine, protome, Bosporus, Demeter, Aphrodite, Cybele, the Great Mother Goddess, priest, chthonic cult.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Суворова Надежда Игоревна,
старший научный сотрудник,
ГБУК РО «Азовский историко-
археологический и палеонтологический
музей-заповедник им А. А. Горбенко»,
346780, Россия, Ростовская область,
г. Азов, ул. Московская, 38/40.
w.falke@mail.ru
+7(904)502-35-87.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Suvorova Nadezhda Igorevna,
Senior research associate,
GBUK RO “Azov Historical, Archaeological
and Paleontological Museum-Reserve
named after A.A. Gorbenko”,
346780, Russia, Rostov region, Azov,
Moskovskaya St., 38/40.
w.falke@mail.ru
+7(904)502-35-87.

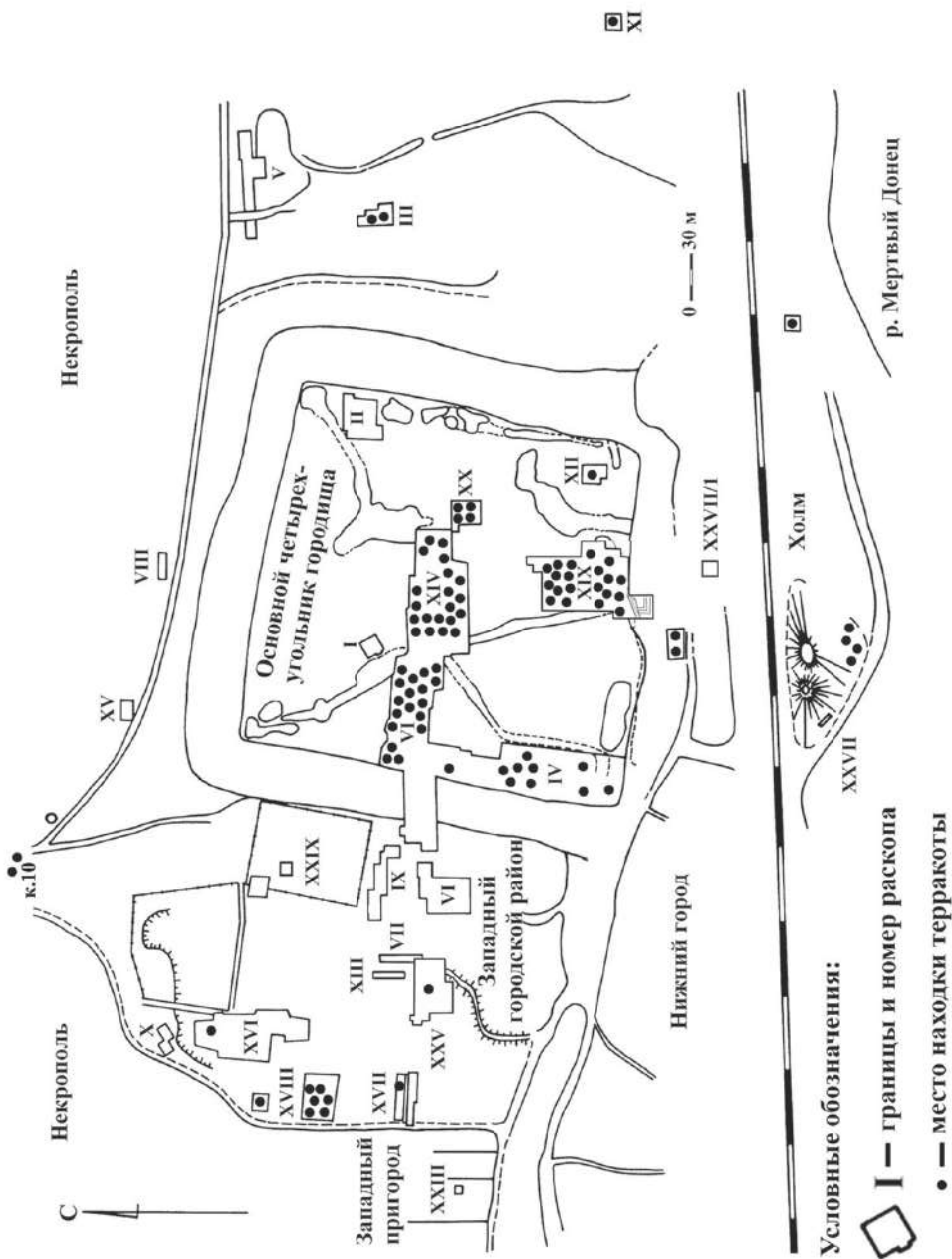

Рис. 1. Общий план Танаиса с исследованными участками.

Рис. 2. Протома Деметры. Т-2012, НЗ, XVIII, п. 26, № 78 (рисунок Н.Е. Беспалой).

Рис. 3. Протомы Деметры в экспозиции ВКИКМЗ в г. Керчи (фото автора).

Рис. 4. Протома Деметры III в. н. э. Т-1974, свалка I, № 180 (фото автора).

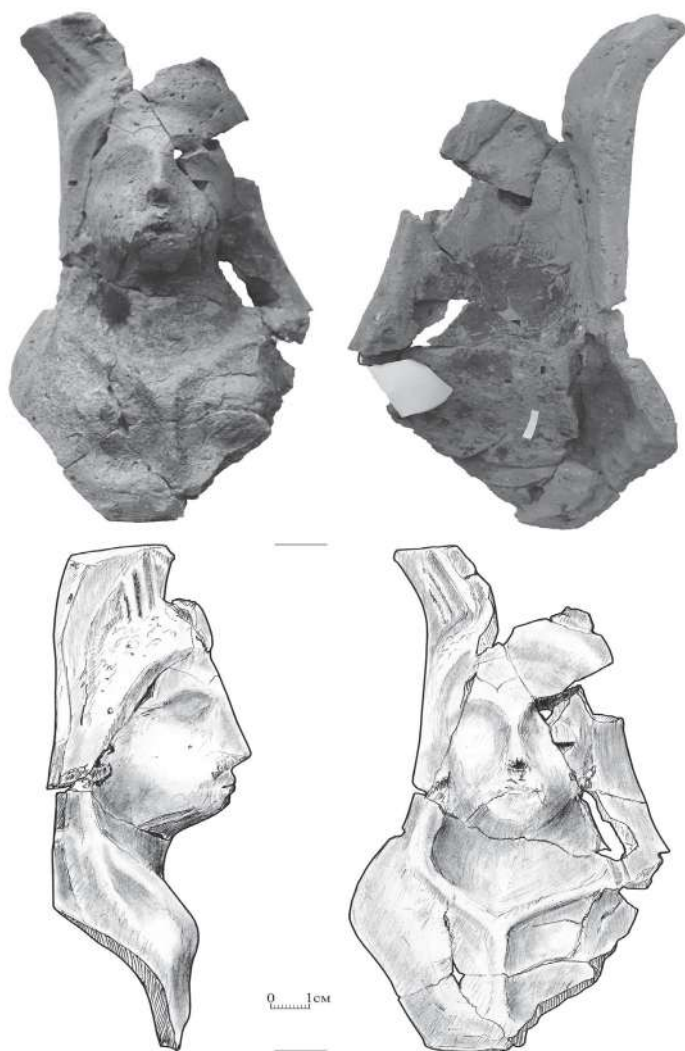

Рис. 5. Протома Деметры. Т-2012, НЗ, XVIII, п. 26, № 77 (рисунок Н.Е. Беспалой).

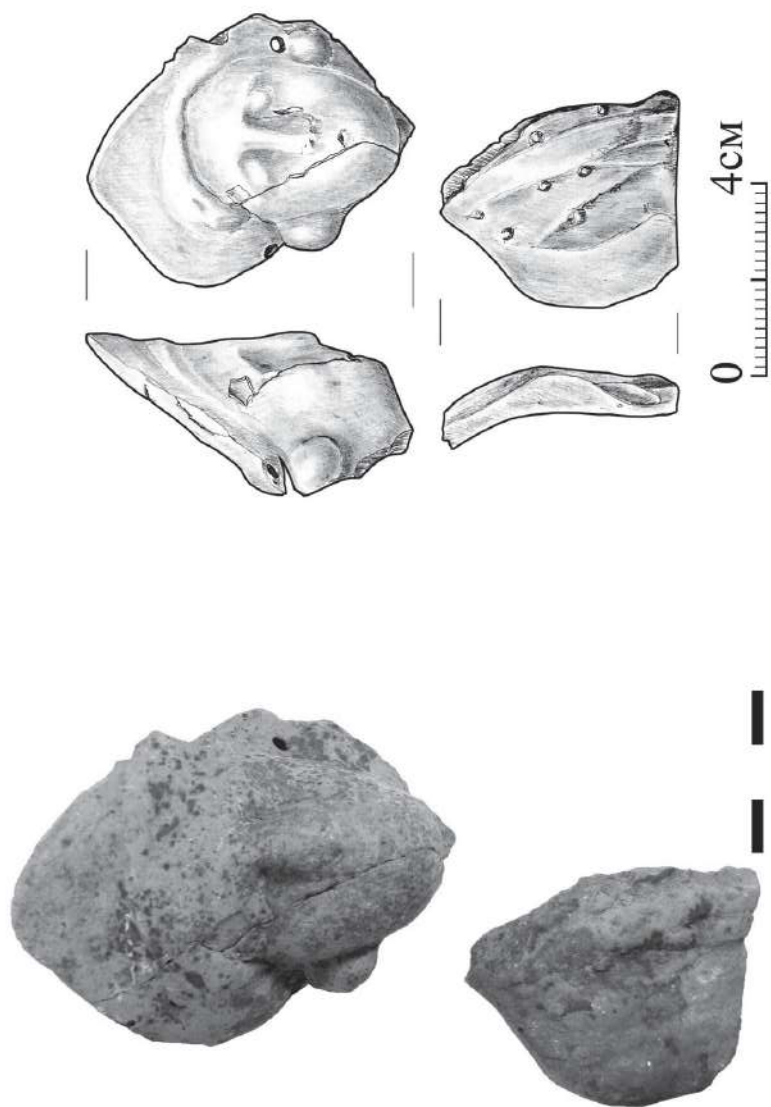

Рис. 6. Прогома Деметры. Т-2012, НЗ, XVIII, п. 656, № 1938 (рисунок Н.Е. Беспалой).

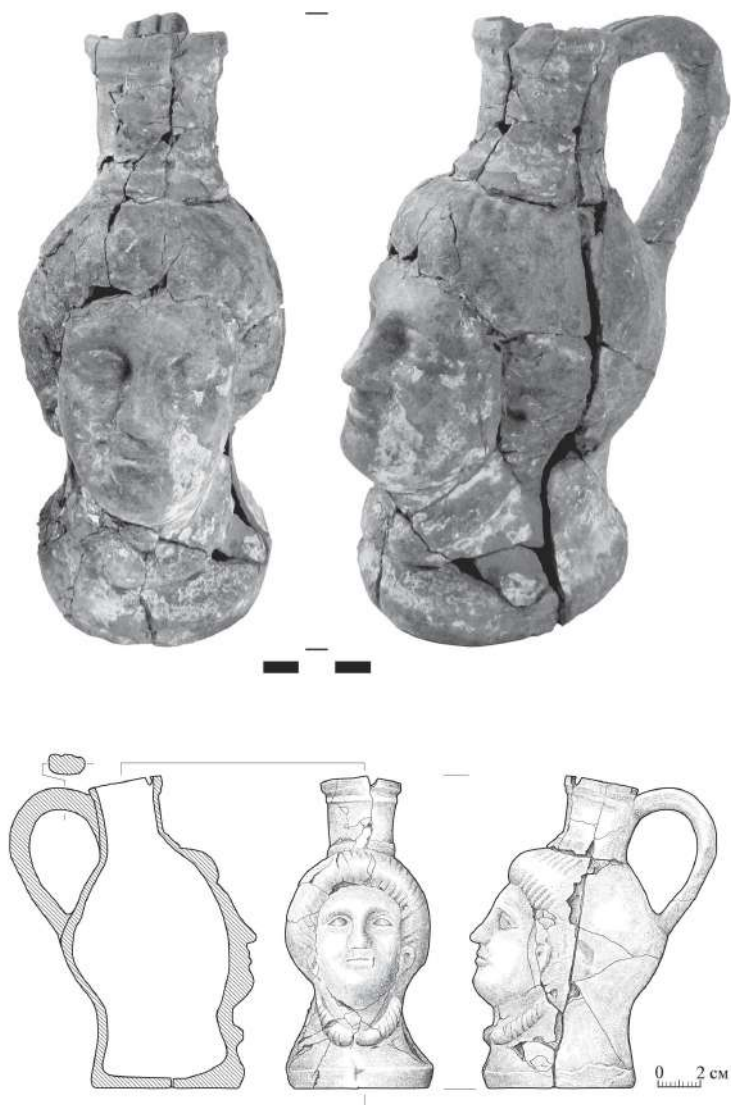

Рис. 7. Фигурный сосуд с изображением Деметры. Т-2012, НЗ, XVIII, п. 195, № 513 (рисунок Н.Е. Беспалой).

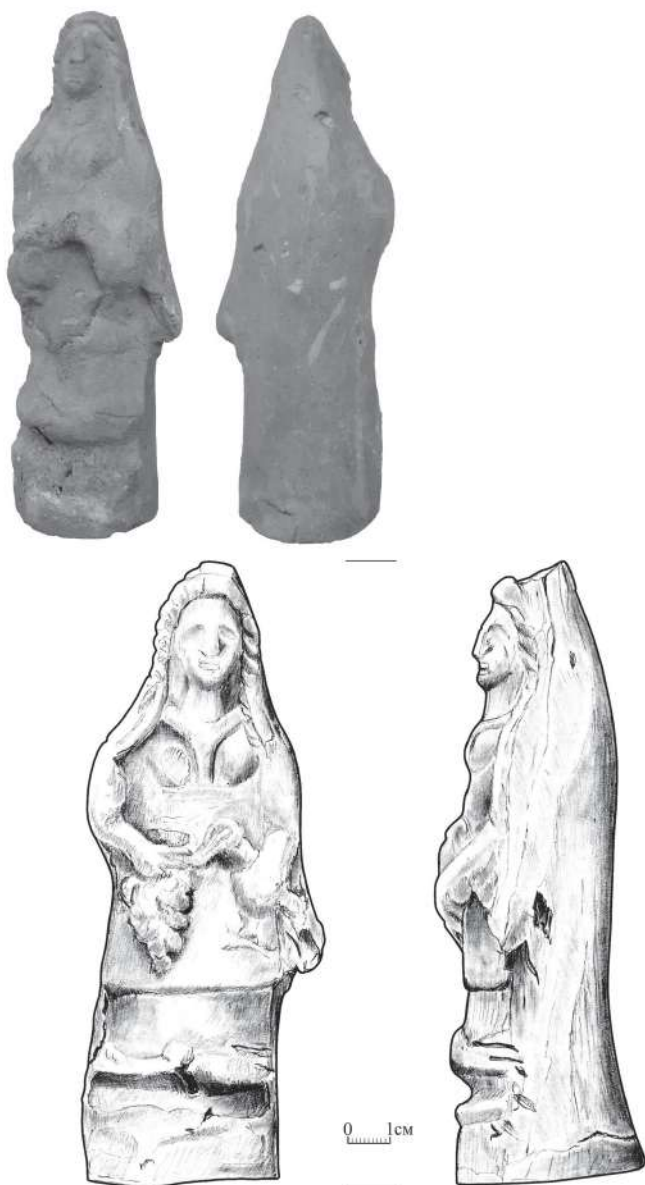

Рис. 8. Терракотовая статуэтка Афродиты. Т-2012, НЗ, XVIII, п. 25, № 51 (рисунок Н.Е. Беспалой).

Рис. 9. Терракотовые статуэтки Афродиты в экспозиции ВКИКМЗ в г. Керчи (фото автора).

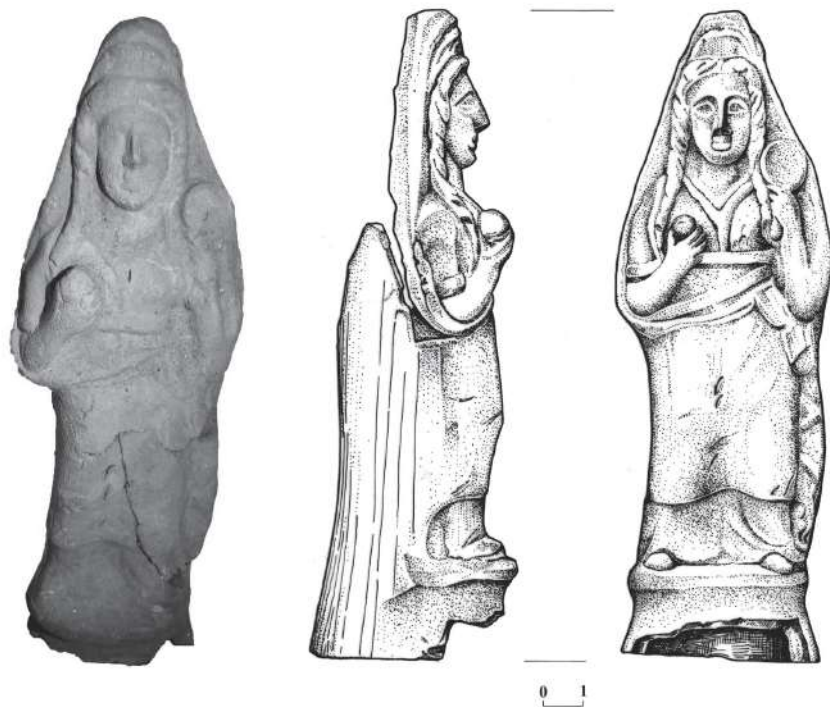

Рис. 10. Терракотовая статуэтка Афродиты. Т-1972, VI, № 1478 (рисунок Н.Е. Беспалой).

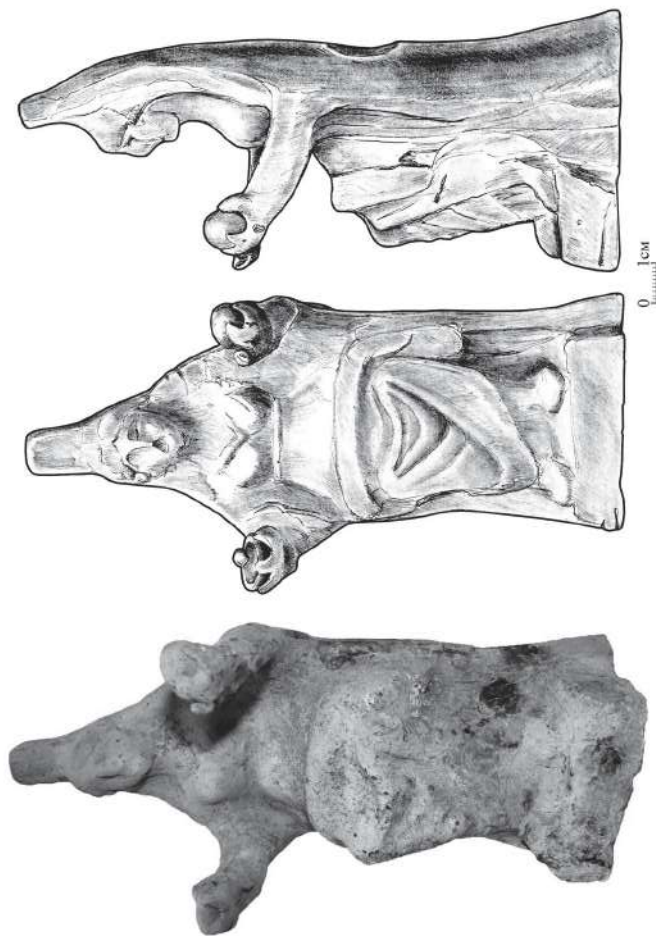

Рис. 11. Терракоговая статуэтка Кибелы. Т-2012, НЗ, XVIII, п. 25, № 50 (рисунок Н.Е. Беспалой).

Рис. 12. Терракотовая статуэтка Кибелы в экспозиции Феодосийского музея древностей (фото автора).

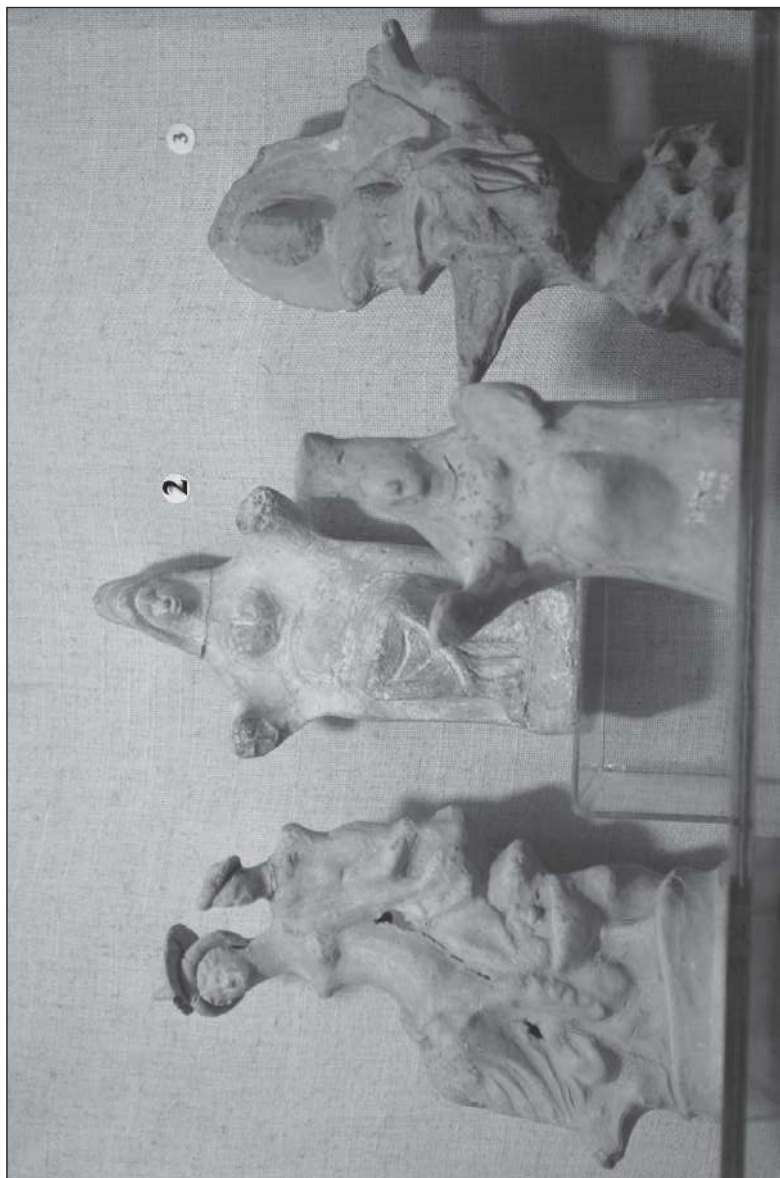

Рис. 13, 2. Статуэтки Кибелы в экспозиции ВКЦИКМЗ в г. Керчи (фото автора).

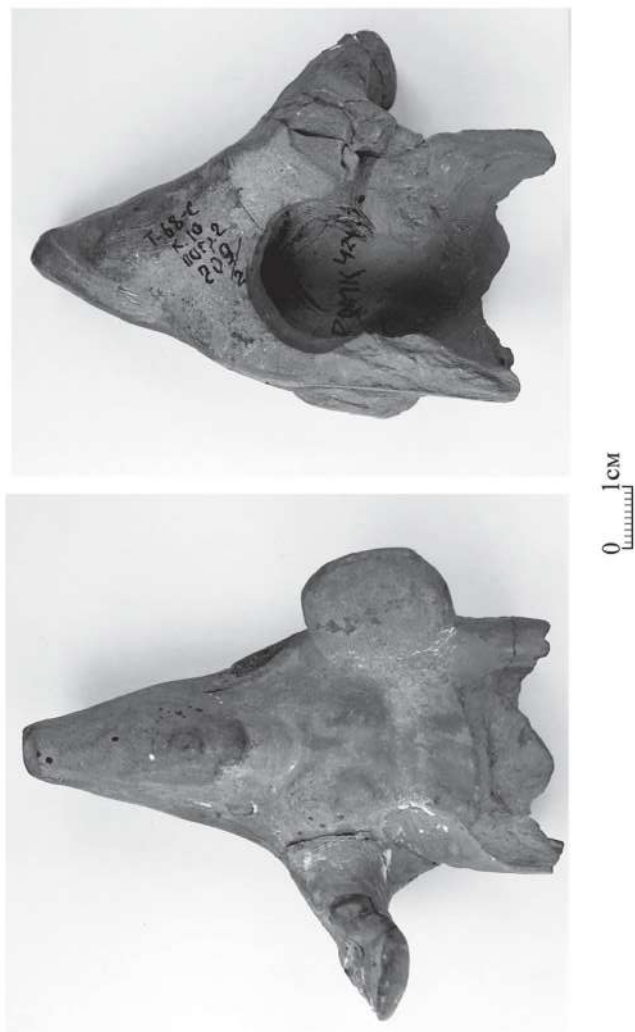

Рис. 14. Фрагмент терракотовой статуэтки Кибелы. Т-1968, НС, к. 10, п. 2. (фото автора).

Рис. 15. Терракотовая статуэтка-марионетка жреца. Т-1975, НС, к. 10, п. 25. (фото автора).

Рис. 16. Терракотовая статуэтка Великой Богини-матери. Т-1990, НЗ, XVI, п. 33. (фото автора).

В.Г. ЗУБАРЕВ, К.О. МАРКОВА
V.G. ZUBAREV, K.O. MARKOVA

**АМФОРЫ ТИПА C Snp I («ДЕЛАКЕУ»)
И ТИПА F И E ПО Д.Б. ШЕЛОВУ В КОНТЕКСТЕ
ДАТИРУЮЩЕГО МАТЕРИАЛА ПО IV в. н. э.**

(по результатам раскопок городища Белинское в 1996 – 2022 гг.)

**AMPHORAE OF TYPE C Snp I («DELACEU») AND TYPE F AND E
ACCORDING TO D.B. SHELOV IN THE CONTEXT OF DATING
MATERIAL FOR THE IV century n. e.**

**(based on the results of excavations of the Belinskoye
settlement in 1996 – 2022)**

Среди находок на позднеантичных сельских поселениях Европейского Боспора чрезвычайно важную роль играет амфорный материал. Особенно он актуален в контексте датирующего материала, поскольку прочие хронологические реперы встречаются здесь значительно реже. Между тем решение вопросов реконструкции истории любого археологического объекта напрямую зависит от правильности установления дат тех или иных процессов, оставивших след в материальной культуре.

В этой связи, применительно к IV в. н. э., несомненный интерес представляет коллекция фрагментов амфор типа F и E по Д.Б. Шелову, а также амфор типа C Snp I («Делакеу»), полученная в ходе археологических раскопок 1996 – 2022 гг. на городище Белинское, расположенном в северной части урочища Аджиэль в Восточном Крыму. При этом интерес определяется не столько анализом конкретного типа, сколько их сочетаемостью в контексте того или иного временного отрезка.

Коллекция **амфор типа C Snp I («Делакеу»)** достаточно подробно рассматривалась нами в отдельной статье [Зубарев, Маркова, 2023, с. 159 – 177], поэтому здесь нет необходимости повторения уже опубликованного материала. Ограничимся лишь общим выводом, к которому мы пришли по итогам анализа. Из 306 амфор C Snp I («Делакеу») только 24 фрагмента происходят из более позднего, чем первая четверть IV века, слоя. Все они были найдены либо в слое золистого суглинка, либо в зольнике, перекрывавшем остатки фундамента северо-западной оборонительной стены. Скорее всего, мы имеем дело с примесью «снизу». При этом обращает на себя внимание тот факт, что все найденные в этом контексте фрагменты венчиков имеют овальную внешнюю поверхность. В контексте III в. н. э. ни одного фрагмента найдено не было. Это обстоятельство позволяет отнести все найденные на данный момент на городище Белинское амфоры C Snp I («Делакеу») (или, по крайней мере, подавляющее большинство из них) к первой четверти IV в. н. э. При этом доминирование типа C Snp I-1 отражает ситуацию на начало четверти,

доминирование типа Snr I-2 – на её конец [Зубарев, Маркова, 2023, с. 173].

Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F по Д. Б. Шелову относятся к типу 105 а, б по И.Б. Зеест [Зеест, 1960, с. 122], признаку 7 по А.В. Сазанову [Сазанов, 1989, с. 45, рис. 1,7], типу XXXII по С.Ф. Стржелецкому, Т.Н. Высотской, Л.А. Рыжовой, Г.И. Жестковой [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2005, с. 76]. М.Б. Щукин, по находкам амфор в могильнике Инкерманский, ввел в литературу термин «амфоры инкерманского типа» [Щукин, 1968, с. 41].

Их датировка, преимущественно IV в. н. э., сомнений не вызывает [Щукин, 1968, с. 41, 42, рис.1,8; Radulescu, 1976, с. 106, табл. VI,1,1a; Scorpan, 1977, с. 270 – 272, рис. 1,2; Айбабин, 1999, с. 259, табл. XII,3, XXVII,51; Амброз, 1994, с. 33, рис. 2,22; Кропотов, 1998, с. 131]. В.Ю. Юрочкин и В.Г. Зубарев относят время их бытования к первой половине – последней четверти IV в. н. э. [Юрочкин, Зубарев, 2001, с. 465]. О.С. Иванова и А.В. Смокотина с этой датировкой согласны [Иванова, 2013, с. 133; Смокотина, 2020, с. 510].

Амфоры этого типа обнаружены в Фанагории и Пантикапее в слоях IV в. н.э. [Щукин, 1968, с. 42]. В слоях Танаиса не ранее последней четверти IV в. н. э., а то и на рубеже IV – V вв. н. э. [Науменко, 2019, с. 89]. В комплексе Тиры Н. Н. Кравченко и В. Н. Корпусова относят их существование ко второй половине IV в. н. э. [Кравченко, Корпусова, 1975, с. 26, 31].

В Центральном и Юго-Западном Крыму такие амфоры характерны для погребального инвентаря могильников группы Озерное-Инкерман [Айбабин, 1994, рис.12,2,20; Кропотов, 1998, рис.1,3,4,2; Веймарн, 1963, рис. 15,12-2,2,20; Храпунов, 1999, рис. 2,2; Зайцев, 1997, рис. 63,64; Кутайсов, 1983, рис 4; Юрочкин, 1997].

В Северном Причерноморье и Румынии во всех случаях тип F сочетается с вшами, показательными для ступени С3 [Шаров, 1992, таб. X] и 3-4 ступенями черняховских древностей Восточной Европы [Гей, Бажин, 1997, с. 43 – 44, табл. 68 – 69], с монетами эпохи Константина Великого [Юрочкин, Труфанов, 2003, с. 202].

Многочисленные фрагменты амфор типа F на территории Северного Причерноморья найдены в комплексах с монетами Констанция II 324 – 361 гг. [Белов, 1969, с. 83 – 84] и Юлиана 361 – 363 гг. [Стржелецкий, 1947, с. 294].

Из числа достоверных закрытых комплексов Боспора с амфорами F нужно обратить внимание на погибшее в пожаре помещение в крепости у хутора Батарейка-1 [Сокольский, 1963, с. 186 – 189, рис. 6,6; Сазанов, 1999, с. 225, рис.1. 2]. Здесь, под слоем пожарища на полу, найдена монета Рискупорида VI 324 г. вместе с фрагментами амфор С Snr I, типа 72 по И.Б. Зеест и другими типами. В.Ю. Юрочкин и В.Г.Зубарев указывают на то, что слой пожара на Батарейке носит следы иной катастрофы, обусловленной какими-то трагическими событиями в истории Боспора. Они относят слой пожара ко второй четверти IV в. и предлагают считать его следствием напряженной обстановки, сложившейся в период херсонесско-боспорских конфликтов, о чем свидетельствует ряд монетных кладов, зарытых около 328 г. [Юрочкин, Зубарев, 2001, с. 457].

Амфоры типа F по Д.Б. Шелову в сочетании с амфорами C Snr I («Делакеу») фиксируются в комплексе так называемого «послеготского дома» в Тире, погибшего во второй половине IV в. н. э. [Кравченко, Корпусова, 1975, с. 20 – 41]. Однако многие исследователи пересмотрели хронологию этого события. В частности, В.В.Кропотов относит его к первой половине IV в., исходя из синхронного для того времени материала [Кропотов, 1998, с. 30]. В недавно вышедшей статье А.В. Сазанов считает наиболее адекватной датой образования комплекса время около середины IV века, аргументируя это наличием в нем определенного варианта амфор типа C Snr I [Сазанов, 2022, с. 107].

В могиле I Чатыр-дагского некрополя амфора типа F найдена с инвентарем первой половины IV в. н. э. и монетами от Диоклетиана 284 – 305 гг. до Лициния 307 – 323 гг. [Мыщ, 1987, с. 148 – 149, рис. 5,1].

Амфора типа F с дипинти «α/π» и бронзовой фибулой второй половины IV в. н.э. найдена в погребение М-1 у поселения Городок Николаевка (Херсонская область) [Ильяшенко, 2014, с. 278].

На Белинском городище фрагменты амфор типа F в большом количестве найдены в заполнении помещений и хозяйственных ям, в том числе в хорошо датированных комплексах вместе с развалами амфор типа C Snr I («Делакеу») с монетами Радамсада 317 – 319 гг. и Рескупорида VI [Зубарев, Шапцев, 2016, с. 90 – 91]. Это позволяет говорить о том, что временем начала распространения амфор типа F по материалам городища следует считать скорее начало/первую четверть IV в. н. э.

Светлоглиняные амфоры типа Е по Д.Б. Шелову являются наименее исследованным вариантом среди узкогорлых светлоглиняных амфор и относятся к типу 104 по И.Б. Зеест [Зеест, 1960, с. 121], Е по Д.В. Деопику и О.Ю. Круг [Деопик, Круг, 1972, с. 101] и по Д.Б. Шелову [Шелов, 1978, с. 19], C IV E по С.Ю. Внукову [Внуков, 2006, с. 118], признаку 4 по А.В. Сазанову [Сазанов, 1989, с. 43]. А. Опайц, не выделяя варианты узкогорлых светлоглиняных амфор, относят их к одному типу [Opait, 1996, p. 218].

И.Б. Зеест датирует данный тип амфор концом III – IV вв. н.э. [Зеест, 1960, с.122]. А.В. Сазанов разделил их на два варианта с конца IV – середины V в. н.э. и начала V – второй четверти VI в. н. э. [Сазанов, 1993, с. 19]. Д.Б. Шелов, Абрамов, Б.В.Магомедов, А.В. Смокотина в качестве хронологических рамок определяли период с конца IV до первой половины V в. н. э. [Шелов, 1978, с. 19; Абрамов, 1993, с. 50; Магомедов, 2006, с. 52; Смокотина, 2020, с. 512]. О.С. Иванова датирует их концом IV – серединой V в. н. э. [Иванова, 2011, с. 303].

В слоях Пантикапея и Фанагории данные амфоры найдены в комплексе керамических обжигательных печей IV в. н. э. [Зеест, 1960, с. 121,122]. Амфоры известны по комплексам IV в. н. э. на Танаисе. (дом Б, 2-й пол; помещение МВ, пол) [Арсеньева, Науменко, 1995, с. 46; Арсеньева, Науменко, 2001, с.70 – 73]. В Херсонесе они присутствуют в комплексе помещения 16, представляющем хозяйственную кладовую IV – VI вв. н. э. с многочисленными бронзовыми монетами IV–VI вв. н. э., большинство

из которых относится к V в. н. э. [Белов, Стржелецкий, Якобсон, 1953, с. 212 – 214].

В комплексах Тиритаки – на полу помещения IV с кладом монет 267 – 332 гг. и слое на участке XXIV Vв. – второй четверти VI в. н. э. [Гайдукевич, 1952, с. 120; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 90]. Сосуды известны в культурном слое IV в. н. э., перекрывавшем погребения могильника Нейзац вместе с находками LRA 1A, LRA 2 и LRA 3 Carthage, краснолаковых блюд формы 3 PRS [Власов, Смокотина, Храпунов, 2011, с. 185, рис. 17, 4-17].

На черняховских памятниках амфоры типа E известны в основном в Причерноморье: в слоях Каменки-Анчекрак, Александровки, Лугового, Басовки [Магомедов, 1987, рис. 35, 4; Магомедов, 2006, с. 62]. Амфоры этого типа известны также на севере Украины, включая поселение киевской культуры Роище в слое конца IV в. – первой половины V в. н. э. вместе с трехслойными гребнями с прямыми плечиками и полукруглой рукоятью, стеклянными бусами, крупными пряжками, овальными пряжками и фрагментами конской упряжи [Терпиловский, 1984, табл. 22,12; Терпиловский, 2004, с. 44, рис. 83,6].

На Белинском городище чаще всего встречаются массивные и довольно грубо сделанные амфоры этого типа. Отдельные фрагменты присутствовали практически повсеместно (исключение составляет западный участок, где слой этого времени отсутствует). Однако большая их часть (особенно это касается крупных фрагментов) найдена в заполнении ям, относящемся ко второй половине IV в. н. э. Причём в ряде случаев ямы были перекрыты вымосткой V в. н. э. Это обстоятельство можно рассматривать как грань между началом освоения территории после катастрофы конца первой четверти IV в. н. э. В последующий период амфоры типа E постепенно выходили из обращения.

Анализ находок амфор рассматриваемых типов из раскопок городища Белинское в контексте их сочетаемости позволяет выделить два временных отрезка, рубежом между которыми предварительно может являться середина IV в. н.э. Ниже мы остановимся на наиболее представительных комплексах в рамках этих периодов.

Комплексы первой половины IV в. н. э. К ним относятся ямы № 117 и 133 в восточной части городища, яма № 7 внутри помещения № 5 и помещение № 8 в северной части городища.

Яма № 117 была выявлена в 2013 году на глубине 0,5 – 0,6 м от дневной поверхности в слое нивелировочной насыпи внутри помещения 52 (юго-восточный участок раскопа «Восточный»). Западный край ямы был перекрыт более поздней ямой № 132. Форма ямы округлая в плане, колоколовидная в разрезе. Вырублена в скальном грунте, в который была впущена с более высокого уровня. Дно скальное, ровное, плавно переходящее в стенки. Диаметр горловины – 2,0 м. Диаметр дна – 2,2 м. Глубина ямы – 0,9 м. В 2013 году в яме на глубине 0,3 – 0,7 м найдена монета Рескупорида VI, датируемая 324/325 гг. [Зубарев, Маркова, 2023, с. 176].

В недавно вышедшей статье мы попытались привязать найденные фрагменты амфор C Spn I («Делакеу») к стратиграфическому разрезу грунта её заполнения. Это позволило сделать вывод о том, что часть амфор из этой партии уже была

выведена из обращения и утилизирована вместе с прочим мусором. Другая часть продолжала функционировать и храниться внутри хозяйственных построек, а также в хозяйственных ямах в восточной и северной частях городища. Остатки этой партии зафиксированы на момент гибели поселения, т. е. на конец первой четверти IV в. н.э. Этим же временем стоит датировать и сопутствующие находки амфор иных типов.

Категория и тип	Кол-во	Венчики	Ручки	Ножки	Горла	Развалы амфор	Публикации
Амфоры типа C Snp I («Делакеу»)	6	1				5	Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Комплексы с амфорами позднеримского времени из раскопок городища Белинское // БИ. XXXII, 2016. С. 86–106.
Амфоры типа F по Шелову	1						
Амфоры типа 72 по Зеест	4	3	1				
Амфоры типа 77 по Зеест	2	1	1				
ВСЕГО	13						

Яма № 133 была выявлена в 2014 году на глубине 0,5 – 0,6 м от дневной поверхности в слое нивелировочной насыпи внутри помещения 52. Южный край ямы перекрыт ямой № 132. Форма ямы округлая в плане, колоколовидная в разрезе. Вырублена в скальном грунте, в который была впущена с более высокого уровня. Дно скальное, ровное, плавно переходящее в стенки. Диаметр горловины – 1,5 м. Диаметр дна – 1,7 м. Глубина ямы – 0,7 м. Грунт заполнения ямы двухслойный. В верхней части на глубину 0,5 м яма была заполнена рыхлым суглинком с большим количеством золы. Под ним желто-коричневый суглинок мощностью до 0,2 м.

Категория и тип	Кол-во	Венчики	Ручки	Ножки	Горла	Развалы амфор	Публикации
Амфоры типа C Snp I («Делакеу»)	6	1				5	Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Комплексы с амфорами позднеримского времени из раскопок городища Белинское // БИ. XXXII, 2016. С. 86–106.
Амфоры типа F по Шелову	1						
ВСЕГО	7						

Помещение 5, яма 7. Прямоугольное в плане помещение было исследовано на раскопе «Северный» в его северо-восточной части. В юго-восточном углу помещения находилась яма 7 грушевидной формы, впущенная в материк и функционально связанная с помещением. Диаметр верхней части ямы – 1,2 м, диаметр дна – 2,3 м, глубина – 2,7 м. Грунт заполнения рыхлый серо-коричневый суглинок с примесью золы, крупных и средних камней. Яма имела хозяйственное назначение, использовалась как зернохранилище.

Категория и тип	Кол-во	Венчики	Ручки	Ножки	Горла	Развалы амфор	Публикации
Амфоры типа С Snp I («Делакеу»)	2	1				1	Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Комплексы с амфорами позднеримского времени из раскопок городища Белинское// БИ. XXXII, 2016. С. 86–106.
Амфоры типа F по Шелову	3		2		1		
ВСЕГО	5						

Комплекс был засыпан единовременно в первой половине, точнее на рубеже первой и второй четверти IV в. н. э., что подтверждается находками на дне ямы монет, устанавливающих время составления комплекса [Юрочкин, Зубарев, 2001, с. 465]. Монеты найдены на дне ямы, и попасть они могли туда только в том случае, если она в этот момент была пустой. Это должно было произойти либо непосредственно перед засыпкой ямы грунтом, либо в процессе. 322 годом заканчивается серия монет из ямы, а уже в следующем 323 году начинается массовый выпуск монет Рескупорида VI [Фролова, 1997, с. 124].

Помещение 8 представляло собой прямоугольную в плане постройку, фундамент которой был возведён на начальном этапе существования городища (II в. н. э.). Само помещение было частично разрушено в третьей четверти III в. н. э., а затем восстановлено, но уже в виде полуподвального (на это указывают ступени, ведущие от прохода вниз помещения). Помещение было отапливаемое (двухъярусная печь располагалась в западном углу) с частично вымощенным плоскими плитами полом. Характер материала из слоя заполнения помещения (развалы амфор в районе загородки внутри помещения) позволяет предположить, что, по крайней мере, на этом этапе помещение 8 использовалось как склад или хранилище.

Примечательно, что фрагменты амфор С Snp I относятся к раннему варианту – морфологический класс I.

Категория и тип	Кол-во	Венчики	Ручки	Ножки	Горла	Развалы амфор	Публикации
Амфоры типа C Snr I («Делакеу»)	14	5	6		3		Зубарев В.Г., Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений (из практики раскопок городища Белинское) // БИ. X, 2005. С. 80–89.
Амфоры типа F по Шелову	4	3				1	
Амфоры типа 72 по Зеест	1	1				1	
ВСЕГО	19						

Рассмотренные выше комплексы достаточно уверенно могут быть отнесены к финальной стадии второго строительного периода в истории городища и датированы концом первой – началом второй четверти IV в. н. э. Амфорный материал, соответствующий этому времени, отличается безусловным доминированием амфор типа C Snr I («Делакеу») в их ранних вариантах в сочетании с амфорами типа F по Д.Б.Шелову (прочие типы в данном случае мы не рассматриваем ввиду большой вариативности их датировок).

Амфоры типа F из материалов Белинского городища имеют узкое горло, узкое коническое реберчатое стройное тулово, овальные в сечении ручки с одним/двумя ребрами, заканчивающимися невысокой ножкой (рис. 1). Однако морфологически амфоры неоднородны. Рассмотрение же отдельных технологических особенностей фрагментов из единовременно засыпанных ям и помещений позволило прийти к некоторым выводам.

Фрагменты амфор типа F находящиеся в комплексах первой половины IV в. н. э. имеют:

1. В подавляющем большинстве клювовидный подтреугольный венчик, чаще прямой, иногда внутренний контур венчика слегка вогнут. Диаметр венчика у основной части найденных сосудов составляет около 4 – 5,3 см. По классификации А.В.Сазанова, он относится к типу 1 и генетически связан с типом D. Иногда венчики имеют валикообразную вытянутую форму типа 2 по А.В. Сазанову [Сазанов, 1993, с. 17] (рис. 2,1,2,3,5).

2. Ручки овальные в сечении принадлежат типу 1, подтипу 2 и типу 2 подтипу 2 по А.В. Сазанову. Уплощенные овальные в сечении ручки почти не встречаются (рис. 2,4).

3. Ножки на кольцевом поддоне с диаметром поддона 4,4–5 см. Вероятно, гнетически они являются продолжением типа «D» и относятся к типу 2 по А.В. Сазанову (рис. 2,6-14).

Следует отметить, что находки амфор этого типа в комплексах первого периода (как и в целом из культурного слоя этого времени) невелики, причём среди них встречаются фрагменты, сочетающие в себе морфологические признаки типа F с предшествующим ему типом D. Такое положение отражает ситуацию первой четверти IV в. н. э., так как уже для конца первой четверти этого века характерно доминирующее положение амфор типа F в сочетании с типом C Spn I («Делакеу») [Зубарев, 2020, с. 187].

Комплексы второй половины IV в. н. э. К ним относятся ямы № 60, 55 и 8 в северной части городища.

Яма № 60 выявлена при зачистке материка на раскопе «Северный». Вырыта в материковом грунте. Диаметр горловины – 1,30 м, диаметр дна – 2,5 м, глубина – 2,33 м. Грунт заполнения рыхлый серый с примесью золы. Горловина ямы частично была перекрыта поздним перекопом, откуда происходят фрагменты керамики IX – X вв. н.э., связанные с салтово-маяцкой культурой.

В заполнении ямы чётко выделяются два этапа. Нижний уровень, по-видимому, связанный с бытовым мусором. Среди находок в нём можно отметить фрагмент медной пластины, сильно коррозированный железный гвоздь, костяной острикоконечник и ещё одно изделие из кости с просверленным отверстием. Остеологический материал был представлен многочисленными фрагментами костей животных, птиц и рыб.

Верхний уровень содержал большое количество крупных фрагментов амфор, попавших в яму в результате единовременного сброса:

Категория и тип	Кол-во	Венчики	Ручки	Ножки	Горла	Дипинти
Амфоры типа E по Шелову	39	7	7		12	13
Амфоры типа F по Шелову	13		4	3	1	5
Амфоры типа 100 по Зеест («Делакеу»)	4	4				
Амфоры типа 85 по Зеест	1	1				
Амфоры типа 96 по Зеест	1	1	1			
ВСЕГО	54					

Яма № 55 выявлена при зачистке материка на раскопе «Северный». Вырыта в материковом грунте. Диаметр горловины – 1,80 м, диаметр дна – 2,0 м, глубина ямы – 1,33 м. Грунт заполнения – желто-коричневый суглинок с примесью золы и раковин мидий. Крупные фрагменты амфор располагались компактно и, скорее всего, были сброшены в яму одновременно:

Категория и тип	Кол-во	Венчики	Ручки	Ножки	Горла	Дипинти
Амфоры типа F по Шелову	6		2	2	1	1
Амфоры типа E по Шелову	10	3	4		2	1
ВСЕГО	16					

Яма № 8 яма 8 выявлена при зачистке вымостки первого строительного периода. Диаметр горловины – 1,60 м. Диаметр дна – 2,60 м. Глубина – 2,75 м. Прорезает вымостку. Грунт заполнения серый, золистый, рыхлый, сухой, с примесью ракушки, мелких и средних камней. Так же, как и в яме № 60, выделяются два уровня заполнения: нижний, связанный с бытовым мусором, и верхний, содержащий одновременно сброшенные крупные фрагменты амфор:

Категория и тип	Кол-во	Венчики	Ручки	Ножки	Горла	Дипинти
Амфоры типа E по Шелову	61	8	30	7	3	13
Амфоры типа F по Шелову	32	12	7	3		10
Амфоры типа C Snr I («Делакеу»)	20	13	5	2		
Амфоры типа 83 по Зеест	5	2	3			
Амфоры типа 96 по Зеест	4	3	1			
Амфоры типа 76-77 по Зеест	10	6	4			
ВСЕГО	132					

В комплексах второго периода фрагменты амфор типа F отличаются следующими особенностями:

1. Венчики имеют нехарактерную для всех остальных венчиков форму валика. Скорее, его можно отнести к типу 2 – валикообразный венчик (рис. 4, 3; 5, 1, 2, 3, 13, 14).

2. Ручки в подавляющем большинстве овальные в сечении с двумя ярко выраженными валиками, относящиеся к типу 2 подтипу 2 по А.В. Сазанову (рис. 3, 4; 5, 16, 19).

3. Ножки на кольцевом поддоне с диаметром поддона до 4,3 см относятся к типу 1 по А.В. Сазанову (рис. 2, 6-14; 3, 6-8; 4, 7, 8; 5, 17, 18).

Исходя из морфологических признаков фрагментированного материала из представленных выше комплексов, возможно, мы сталкиваемся с некой сменой традиций в производстве «классического» облика типа F, бытовавших одно время с типом E.

Формы амфор вариантов C IVF и C IVE не имеют явной генетической связи [Внуков, 2016, с. 43-44]. Однако периоды их бытования на позднеантичных памятниках, по всей видимости, частично совпадают. Вероятно, на окончание цикла производства или периода выхода из обращения амфор типа F приходится начало производства типа E.

Амфоры данного типа имеют невысокое расширяющееся горло, широкое тулово, оканчивающееся округлым днищем, и валикообразный массивный венчик. Горло обычно очень массивное с толстыми стенками, всегда расширено книзу. Ручки в отличие от других узкогорлых светлоглиняных слабо профилированы. Плечи неширокие, покатые, плавной дугой переходят в удлиненно-овальное, чаще тонкостенное тулово, иногда очень узкое и длинное, часто с рифлением, реже с перехватом, у дна оно сужается, но имеет всегда округлое завершение, иногда придонная часть усеченно-конической формы. Объем амфор около 11 – 13 л. Высота в среднем 61,0 – 63,0 см, емкость от 11,0 – 12,550 л.

К числу их отличительных морфологических признаков в комплексах 60, 55, 8 ям Белинского городища относятся:

- массивный и довольно грубо сделанный высокий клювовидный венчик, близкий к трапеции или треугольнику; внутренний контур венчика иногда слегка загнут внутрь; диаметр довольно широкий 6 – 7 см (рис. 3, 14-19; 4, 1,4-8; 5, 4-12; 6, 1-8];

- массивное горло с толстыми стенками, расширенное книзу (переход снаружи не выделен, но изнутри имеет утолщенный нависающий прилеп горла к плечикам); (рис. 6, 3,8; 3, 10];

- форма венчика и ручек могла отличаться на одном и том же сосуде (рис. 4, 2; 6, 1,2,6);

- горло с остатками или полностью сохранившимися ручками имеет ассиметричное расположение ручек: они находятся на разном уровне или смещены к противоположным краям горла. Аналогий подобных признаков мы не нашли. С.А. Науменко отмечала, что этот тип часто имеет перекручивающийся характер ручек в противоположные стороны [Науменко, 2019, с. 98]. Асинхронность расположения ручек по вертикали зафиксирована в могильнике Нейзац [Власов, Смокотина, Храпунов, 2011, с. 228, рис. 17,4].

О едином времени бытования представленных амфор говорят дипинти красной краской «α/π» (рис. 3, 1,9,11,12; 4, 2; 5, 1,2,3; 6, 6,7,8]. Понимание смысла надписей и даже отнесение их к той или иной категории очень часто бывает затруднено либо краткостью самой надписи, состоящей всего из одной или нескольких букв, либо ее плохой сохранностью. Поэтому рассматривались лишь те фрагменты амфор начальной аббревиации, которые отнесены к одной из самых распространенных среди находок в Северном Причерноморье категорий дипинти – торговым надписям группы «α/π». К этому последнему признаку следует добавить и явное сходство глины двух типов Е и F.

На Белинском городище надписи группы «α/π» состояли из трех блоков. Первые строки – это надпись курсивом букв «α» и «π», причем эти буквы располагались вертикально друг под другом. С.Ю. Сапрыкин и А.А. Масленников относят подобные пометки к начальной форме предлога ἄ [λό...], что означает «от такого-то...», предполагавшего далее имя в родительном падеже, или их сокращенную форму

[Ильяшенко, 2014, с. 270-300]. Возможно, такое устойчивое сокращение букв «α» и «λ» в две строки связано с нехваткой места, т.к. надпись находилась в области сужения горла.

Исходя из содержания надписей, речь шла об адресных поставках: от такого-то такому-то (одно – отправителя, другое – адресата на Боспоре). Вторая строчка содержала имя торговца или производителя вина в родительном падеже, от которого или через услуги которого партии амфор поступали компаньону – опять-таки торговцу или посреднику по месту назначения товара для последующей реализации его в городах Боспора или где-либо еще, если товар поступал в другие регионы. На третьей строчке находилось имя получателя товара или посредника, занимавшегося пересылкой/перепродажей тары. Не исключено, что человек, имя которого стояло на третьей позиции, также жил и занимался коммерцией там, откуда товар в амфорах поступал в Северное Причерноморье.

Примечательно также, что по утверждению С.М. Ильяшенко надписи «α/π» чаще можно увидеть на амфорах типа F [Ильяшенко, 2013, с. 99], причем варианта 2 по В.В. Кропотову [Кропотов, 1998, с. 129]. Однако на городище Белинском такие дипинти характерны больше для типа E (судя по морфологическим характеристикам венчиков и толщине стенок).

Чрезмерно дробная классификация А.В. Сазанова, основанная на отдельных деталях профильных частей, ввиду отсутствия в типологии целых форм осложняет датировку амфор этого типа. В результате можно говорить о хронологии типа в целом, определяя лишь гипотетические начальные и конечные временные границы. В отношении же того, какие из признаков отражают хронологические изменения, а какие характеризуют лишь различные варианты единого типа, говорить пока сложно [Юрочкин, Зубарев, 2001, с. 457 – 458].

Поступление амфор в представленных комплексах, скорее всего, было единовременным, что косвенно подтверждается наличием на ряде амфор дипинти, сохранившим имя торговца и номер партии [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 200], и предназначалось либо для воинского контингента, размещённого на городище, либо для бригады строителей, работавших здесь же. Повторных поставок продукции в таре аналогичного типа не было. В перекрывающем ямы слое и в заполнении связанных с ним ям и помещений таких амфор не обнаружено. В пользу этой версии говорит и то обстоятельство, что остеологический материал, синхронный по времени комплексам второй половины IV века в северной части городища, существенно отличается от фаунистических остатков более раннего и более позднего времени и свидетельствует о приготовлении пищи для больших коллективов [Каспаров, 2001, с. 266 – 273].

Рассмотренные комплексы второго периода показывают одновременное бытование амфор типа F и E во второй половине IV в. н. э., причём их количество сопоставимо между собой и ни один из типов не является явно доминирующим. В то же время амфоры типа C Snp I («Делакеу») встречаются крайне редко и, как правило, в более поздних (по сравнению с первой четвертью IV века) вариантах. Такая си-

туация может быть характерна для последней четверти IV века, скорее ближе к её концу, так как вряд ли крупные партии амфор типа Е могли бы поступить на Боспор ранее этого времени, учитывая общепринятое определение нижней границы их бытования как конец IV в. н. э. Да и амфоры типа С Snr I («Делакеу») во второй и третьей четвертях IV в. н. э. присутствовали бы в значительно большем объёме.

Таким образом, анализ сочетаемости трёх типов амфор (F и E по Д.Б. Шелову и С Snr I) в комплексах городища Белинское показал, что для первой четверти IV века характерно явное доминирование амфор типа С Snr I (в их ранних вариантах) в сочетании с амфорами типа F по Д.Б. Шелову. Для последней четверти этого века характерно сочетание амфор F и E по Д.Б. Шелову (без явного доминирования одного из типов) с включением незначительного количества амфор типа С Snr I («Делакеу») в поздних вариантах. Отметим при этом, что морфологические признаки амфор типа F, присутствовавших в комплексах первой четверти IV века, отличаются от морфологических признаков амфор этого же типа в комплексах последней четверти IV века, что указывает на определённую эволюцию этого типа амфор на протяжении данного отрезка времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. М. 1993. Вып. 3. С. 4 – 135.
- Айбабин А.И.* Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. 1994 Вып. III. С. 89 – 131.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 325 с.
- Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV – VII вв. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. С. 31 – 88.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. М., 2001 Вып. 4. С. 56 – 124.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Танаис IV-V вв. н.э. (по материалам раскопок 1989- 1992 гг.) // БС. М., 1995. Вып. 6. С. 45 – 58.
- Белов Г.Д.* Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 80 – 84.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л.* Квартал XVIII. МИА, 34. С. 160 – 236.
- Власов В.П., Смокотина А.В., Храпунов И.Н.* Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Доля, 2011. С. 179 – 249.
- Внуков С.Ю.* Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. №2. С. 36 – 47.
- Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя. 2006. 320 с.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935– 1940 гг. // МИА. 1952а. № 25 (Боспорские города I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. С. 15 – 134.
- Гей О.Л., Бажан И.Д.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. 144 с.

- Деоник Д.В., Круг О.Ю.* Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. № 3. С. 100 – 115.
- Емец И.А., Зубарев В.Г.* Граффити и дипинти с городища у села Белинское // Древности Боспора. 2000. Т. 3. С. 27 – 37.
- Зайцев Ю.П.* Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. // АИК. Симферополь. 1997. С. 102 – 112.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 180 с.
- Зубарев В.Г.* Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений (из практики раскопок городища Белинское) // БИ. X, 2005. С. 80–89.
- Зубарев В.Г.* О датировке античных и ранневизантийских слоёв на городище Белинское в Восточном Крыму // Древности Боспора, 26. 2021. С. 176 – 198.
- Зубарев В.Г., Маркова К.О.* Амфоры C Snr I («Делакеу») из раскопок городища Белинское (1996 – 2022 гг.) // Древности Боспора. 28. 2023. С. 159 – 177.
- Зубарев В.Г., Шанцев М.С.* Комплекс с амфорами типа C Snr I («Делакеу») из раскопок городища Белинское // БЧ. 2014. XV. С. 190 – 196.
- Зубарев В.Г., Шанцев М.С.* Комплексы с амфорами позднеримского времени из раскопок городища Белинское // БИ. 2016. XXXII. С. 86 –106.
- Иванова О.С.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 266 – 327.
- Ильяшенко С.М.* Надписи группы «α/π» на узкогорлых светлоглиняных амфорах из раскопок городища Тиритака в 2002 – 2007 гг. // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 27 – 300.
- Ильяшенко С.М.* Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округа III–IV вв. н.э. // БИ. Симферополь-Керчь, 2013. Вып. XXIX. – 288 с.
- Каспаров А.К.* Фаунистические остатки поселения Белинское в Восточном Крыму //БФ. 2001. ч. 2. С. 266 – 273.
- Кравченко Н.М., Корпусова В.М.* Деякіриси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. 1975. №18. С. 30 – 41.
- Кутайсов В.А.* Городище первых веков на г. Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма первых веков. Киев, 1983. С. 144 – 149.
- Магомедов Б.В.* Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987. 300 с.
- Магомедов Б.В.* Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 52 – 59.
- Мыц В.Л.* Могильник III – V вв. н.э. на склоне Чатыр-Дага // Материалы к этнической истории Крыма. Киев. 1987. С. 144 – 164.
- Науменко С.А.* Позднеантичный Танаис и его амфоры. Вестник Танаиса. Т. 2/5. Ростов-на-Дону. 2019. С. 86–101.
- Сазанов А.В.* Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 16 – 21.
- Сазанов А.В.* Амфоры C Snr I: проблемы классификации и хронологии // ПИФК. 1. 2022. С. 90 – 144.
- Сазанов А.В.* Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV – V вв. // ПИФК. М.: Магнитогорск, 1999. Вып. VII. С. 224 – 293.
- Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 41 – 64.
- Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф.* К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989 № 1. С.84 – 102.

- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры Античного Боспора (БИ. Supplementum 1). 2007. 319 с.
- Смокотина А.В. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы второй половины III–VII вв. Т. III (БИ. Supplementum??), 2020. С. 509 – 702.
- Сокольский Н.И. Крепость у хутора Батарейка-I // СА. 1963. № 1. С. 179 – 191.
- Стржелецкий С.Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. 1947. Вып. 9. С. 283 – 302.
- Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя Совхоз-10) // Stratum+. Культурная антропология. Археология 2003-2004. «Между певкинами и феннами». СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005. № 4. 278 с.
- Тертиловский Р.В. Ранние славяне Поддесенья III – V вв. Киев, 1984. 123 с.
- Тертиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. // Monumenta Studia Gothica. Lublin, 2004 Т. III. 232 с.
- Фролова Н.Д. Монетное дело Боспора. М., 1997. 422 с.
- Храпунов И.Н. О населении Крыма в позднеантичное время // Российская археология. №2. 1999. С. 144 – 156.
- Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаково, Данчены и проблемы датировки черняховской керамики. СПб., 1992. С. 158 – 207.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156. С. 16 – 21.
- Щукин М.Б. Вопросы хронологии Черняховской культуры и находки амфор // СА. 1968 № 2. С. 41 – 51.
- Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 454 – 473.
- Юрочкин В.Ю. Памятники группы Озерное-Инкермае в позднеантичном Крыму // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Севастополь, 1997. С. 103 – 117.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХСБ. 2003. Вып. XII. С. 199 – 225.
- Orait A. Aspecte ale Viet,ii Economice din Provincia Scythia (secolete IV – VI p.Ch.). Productia ceramicii locale i de import // Biblioteca Tracologica XVI. Bucureti, 1996. 336 p.
- Radulescu A. Amfore romane si romane-bisantine din Scythia Minor // Pontica. Constanta, 1976. Vol. IX. P. 99 – 114.
- Scorpan C. Contribution a la Connaissance de certains types ce'ramiques Romano-Byzantins (IVe-VIIe siecles) dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. Bucarest, 1977. T. 21. P. 269 – 297.

REFERENCES

- Abramov A.P. Antique amphorae. Periodization and chronology. *Bosporan collection*. M. 1993. Issue 3. P. 4 – 135.
- Aibabin A.I. Excavations of a burial ground near the village of Druzhnoye in 1984. *MAIET*. 1994. Issue III. P. 89 – 131.
- Aibabin A.I. *Ethnic history of the Early Byzantine Crimea*. Simferopol: DAR, 1999. 325 p.

- Ambrose A.K. South-Western Crimea. Burial grounds of the IV – VII centuries. *Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria*. 1994. P. 31 – 88.
- Arsenyeva T.M., Naumenko S.A. Excavations of Tanais in the center of the eastern part of the city. *Antiquities of the Bosporus*. M., 2001 Issue 4. P. 56 – 124.
- Arsenyeva T.M., Naumenko S.A. Tanais of the IV-V centuries A.D. (based on the materials of excavations in 1989- 1992). *BS. M.*, 1995. Issue. 6. P. 45 – 58.
- Belov G.D. Glassmaking workshop in Chersonesos. *KSIA*. 1969. Issue 116. P. 80 – 84.
- Belov G.D., Strezheletsky S.F., Yakobson A.L. Quarter XVIII. *MIA*, 34. P. 160 – 236.
- Vlasov V.P., Smokotina A.V., Khrapunov I.N. The cultural layer on the Neyzats burial ground. *Studies of the Neyzats burial ground*. Simferopol: Dolya, 2011. P. 179 – 249.
- Vnukov S.Yu. Once again on the typology, evolution and chronology of light-clay (Late Heracleian) narrow-necked amphorae. *RA*. 2016. No.2. P. 36 – 47.
- Vnukov S.Yu. *Black Sea amphorae of the I century BC – II century AD. Part II: Petrography, chronology, problems of trade*. St. Petersburg: Alethea. 2006. 320 p.
- Gaidukevich V.F. Excavations of Tiritaka in 1935 – 1940. *MIA*. 1952a. №. 25 (*Bosporan cities I. The results of archaeological research of Tiritaki and Myrmekia in 1935-1940*). P. 15 – 134.
- Gay O.L., Bazhan I.D. *Chronology of the era of the «Gothic campaigns» (on the territory of Eastern Europe and the Caucasus)*. M., 1997. 144 p.
- Deopik D.V., Krug O.Yu. Evolution of narrow-necked light-clay amphorae with profiled handles. *SA*. 1972. No. 3. P. 100 – 115.
- Yemets I.A., Zubarev V.G. Graffiti and dipinti from the settlement near the village of Belinskoye. *Antiquities of the Bosporus*. 2000. Vol. 3. P. 27 – 37.
- Zaitsev Y.P. Security studies in Simferopol, Belogorsky and Bakhchisarai districts. *AIK*. Simferopol. 1997. P. 102 – 112.
- Zeest I.B. Ceramic container of Bosporus. *MIA*. 1960. № 83. 180 p.
- Zubarev V.G. The possibilities of using amphoteric innovations in dating layers and settlement complexes (from the practice of excavations of the Belinskoye settlement). *BI*. X, 2005. P. 80 – 89.
- Zubarev V.G. On the dating of ancient and early Byzantine strata at the Belinskoye settlement in the Eastern Crimea. *Antiquities of the Bosporus*, 26. 2021. P. 176 – 198.
- Zubarev V.G., Markova K.O. Amphorae C Snp I («Delaceu») from the excavations of the Belinskoye settlement (1996-2022). *Antiquities of the Bosporus*. 28. 2023. P. 159 – 177.
- Zubarev V.G., Shaptsev M.S. A complex with amphorae of type C Snp I («Delaceu») from the excavations of the Belinskoye settlement. *BCH*. 2014. XV. P. 190 – 196.
- Zubarev V.G., Shaptsev M.S. Complexes with amphorae of the late Roman period from the excavations of the settlement «Belinskoe». *BI*. 2016. XXXII. P. 86 – 106.
- Ivanova O.S. Narrow-necked light-clay amphorae from the excavations of Mangup. *MAIET*. 2011. Issue XVII. P. 266 – 327.
- Ilyashenko S.M. Inscriptions of the « α/π » group on narrow-necked light-clay amphorae from the excavations of the Tiritaka settlement in 2002-2007. *BI*. 2014. Issue XXX. P. 27 – 300.
- Ilyashenko S.M. *Standard dipinti on narrow-necked light-clay amphorae of Tanais and its rounded III-IV centuries A.D.* *BI*. Simferopol-Kerch, 2013. Issue XXIX. 288 p.
- Kasparov A.K. Faunal remains of the settlement «Belinskoye» in the Eastern Crimea. *BF*. 2001. part 2. P. 266 – 273.
- Kravchenko N.M., Korpusova V.M. Deyakirisi materialno kulturey pisorimskoi Tiri. *Archeology*. 1975. №.18. P. 30 – 41.

- Kutaisov V.A. Gorodishche of the first centuries in the city of Tas-Tepe in the Crimea. *Population and culture of the Crimea of the first centuries*. Kiev, 1983. P. 144 – 149.
- Magomedov B.V. *Chernyakhovskaya culture of the Northwestern Black Sea region*. Kiev, 1987. 300 p.
- Magomedov B.V. Roman amphorae in Chernyakhovskaya culture. *Goths and Rome*. Kiev, 2006. P. 52 – 59.
- Myts V.L. Burial ground of the III – V centuries A.D. on the slope of Chatyrdag. *Materials for the ethnic history of the Crimea*. Kiev, 1987. P. 144 – 164.
- Naumenko S.A. Late Antique Tanais and its amphorae. *Bulletin of Tanais*, vol. 2/5. Rostov-on-Don. 2019. P. 86 – 101.
- Sazanov A.V. Late types of narrow-necked light-clay amphorae. *MAIET*. 1993. Issue III. P. 16 – 21.
- Sazanov A.V. Amphorae With SNP I: problems of classification and chronology. *PIFK*. 1. 2022. P. 90 – 144.
- Sazanov A.V. Ceramic complexes of the Northern Black Sea region of the second half of the IV – V centuries. *PIFK*. M.: Magnitogorsk, 1999. Issue VII. P. 224 – 293.
- Sazanov A.V. On the chronology of the Bosphorus of the Early Byzantine period. *SA*. 1989. №4. P. 41 – 64.
- Sazanov A.V., Ivashchenko Yu.F. On the question of dating late antique layers of Bosphorus cities. *SA*. 1989 № 1. P. 84 – 102.
- Saprykin S.Yu., Maslennikov A.A. *Graffiti and dipinti choirs ancient Bosphorus* (BI. Supplementum 1). 2007. 319 p.
- Smokotina A.V. Amphorae of Late Roman and Early Byzantine times. *Zinko V. N., Zinko A.V., Ponomarev L. Y. Tiritaka. Excavation XXVI. Archaeological complexes of the second half of the III–VII centuries, vol. III (BI. Supplementum??)*, 2020. P. 509 – 702.
- Sokolsky N.I. Fortress at the farm Battery I. *SA*. 1963. № 1. P. 179 – 191.
- Strzheletsky S.F. Excavations in Inkerman in 1940. *SA*. 1947. Issue 9. P. 283 – 302.
- Strzheletsky S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. *The population of the district of Chersonesos in the first half of the I millennium of the new era (based on the materials of the necropolis «Sovkhoz 10»)*. Stratum+. Cultural anthropology. Archaeology 2003-2004. «Between the Pevkins and the Fenns». St. Petersburg.; Chisinau; Odessa; Bucharest, 2005. №4. 278 p.
- Terpilovsky R.V. *Early Slavs of the third – V centuries*. Kiev, 1984. 123 p.
- Terpilovsky R.V. *Slavs of the Dnieper region in the first half of the I millennium A.D. Monumenta Studia Gothica*. Lublin, 2004 Vol. III. 232 p.
- Frolova N.D. *The coin business of Bosphorus*. M., 1997. 422 p.
- Khrapunov I.N. On the population of Crimea in the late Antique period. *Russian archaeology*. № 2. 1999. P. 144 – 156.
- Sharov O.V. Chronology of the Ruzhichanka, Kosakovo, Danchen burial grounds and problems of dating Chernyakhovskaya ceramics. St. Petersburg., 1992. P. 158 – 207.
- Shelov D.B. Narrow-necked light-clay amphorae of the first centuries A.D. Classification and chronology. *KSIA*. 1978. № 156. P. 16 – 21.
- Shchukin M.B. Questions of chronology of the Chernyakhovskaya culture and finds of amphorae. *SA*. 1968. № 2. P. 41 – 51.
- Yurochkin V.Y., Zubarev V.G. Complex with coins of the IV century from the excavations of the Belinskoye settlement. *DB*. 2001. Issue 4. P. 454 – 473.

- Yurochkin V.Y. Monuments the Ozernoye-Inkeramae groups in the Late Antique Crimea. *Chersonesos in the ancient World. Historical and archaeological aspect*. Sevastopol, 1997. P. 103 – 117.
- Yurochkin V.Yu., Trufanov A.A. Late Antique burial complex in the lower reaches of the Kachi River. *Khsb*. 2003. Issue XII. P. 199 – 225.
- Opait, A. *Aspecte ale Viet,ii Economice din Provincia Scythia (secolete IV – VI p.Ch.)*. *Product,ia ceramicii locale i de import*. Biblioteca Tracologica XVI. Bucureti, 1996. 336 p.
- Radulescu A. Amfore romane si romane-bisantine din Scythia Minor. *Pontica. Constant,a*, 1976. Vol. IX. P. 99 – 114.
- Scorpan C. Attribution a la Connaissance de certains types ce'ramiques Romano-Byzantins (IV – VII siecles) dans l'espace Istro-Pontique. *Dacia*. Bucarest. NS. 1977. T. 21. P. 269 – 297.

Резюме

В статье рассматриваются амфорные комплексы IV в. н. э. из раскопок городища Белинское 1996 – 2022 годов. Анализ сочетаемости трёх типов амфор (F и E по Д.Б. Шелову и C Snp I) в комплексах городища Белинское показал, что для первой четверти IV века характерно явное доминирование амфор типа C Snp I (в их ранних вариантах) в сочетании с амфорами типа F по Д.Б. Шелову. Для последней четверти этого века характерно сочетание амфор F и E по Д.Б. Шелову (без явного доминирования одного из типов) с включением незначительного количества амфор типа C Snp I («Делакеу») в поздних вариантах. При этом морфологические признаки амфор типа F, присутствовавших в комплексах первой четверти IV века, отличаются от морфологических признаков амфор этого же типа в комплексах последней четверти IV века, что указывает на определённую эволюцию этого типа амфор на протяжении данного отрезка времени.

Ключевые слова: городище Белинское, хронология, узкогорлые светлоглиняные амфоры, комплексы.

Summary

The article examines the amphoric complexes of the IV century AD from the excavations of the Belinskoye settlement in 1996 – 2022. An analysis of the compatibility of three types of amphorae (F and E according to D.B. Shelov and C Snp I) in the complexes of the Belinskoye settlement showed that the first quarter of the IV century was characterized by the clear dominance of amphorae of type C Snp I (in their early versions) in combination with amphorae of type F according to D.B. Shelov. The last quarter of this century is characterized by a combination of amphorae F and E according to D.B. Shelov (without the obvious dominance of one of the types) with the inclusion of a small number of amphorae of type C Snp I («Delaceu») in later versions. At the same time, the morphological features of type F amphorae present in complexes of the first quarter of the fourth century differ from the morphological features of amphorae of the same type in complexes of the last quarter of the fourth century, which indicates a certain evolution of this type of amphorae over a given period of time.

Key words: Belinskoye settlement, chronology, narrow-necked light-clay amphorae, complexes.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубарев Виктор Геннадьевич, д.и.н.,
профессор, заведующий кафедрой,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула,
проспект Ленина, 125.
parosta@mail.ru,
+7(910)700-54-55.

Маркова Кристина Олеговна,
документовед Центра археологических
исследований «Киммерий»,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула,
проспект Ленина, 125.
Markova.Kristina.25@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zubarev Viktor G., DSc,
Professor, Head of the Department,
Federal State Budget Education Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University»,
Russia, 300026, Tula Region,
Tula, Lenin Avenue, 125.
parosta@mail.ru,
+7(910)700-54-55.

Markova Kristina Olegovna,
documentologist of the Center
for archaeological research «Cimmeria»
Federal State Budget Education Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University»,
Russia, 300026, Tula Region,
Tula, Lenin Avenue, 125.
Markova.Kristina.25@yandex.ru

Рис.1. Амфоры типа F по Д.Б. Шелову из раскопок городища Белинское.

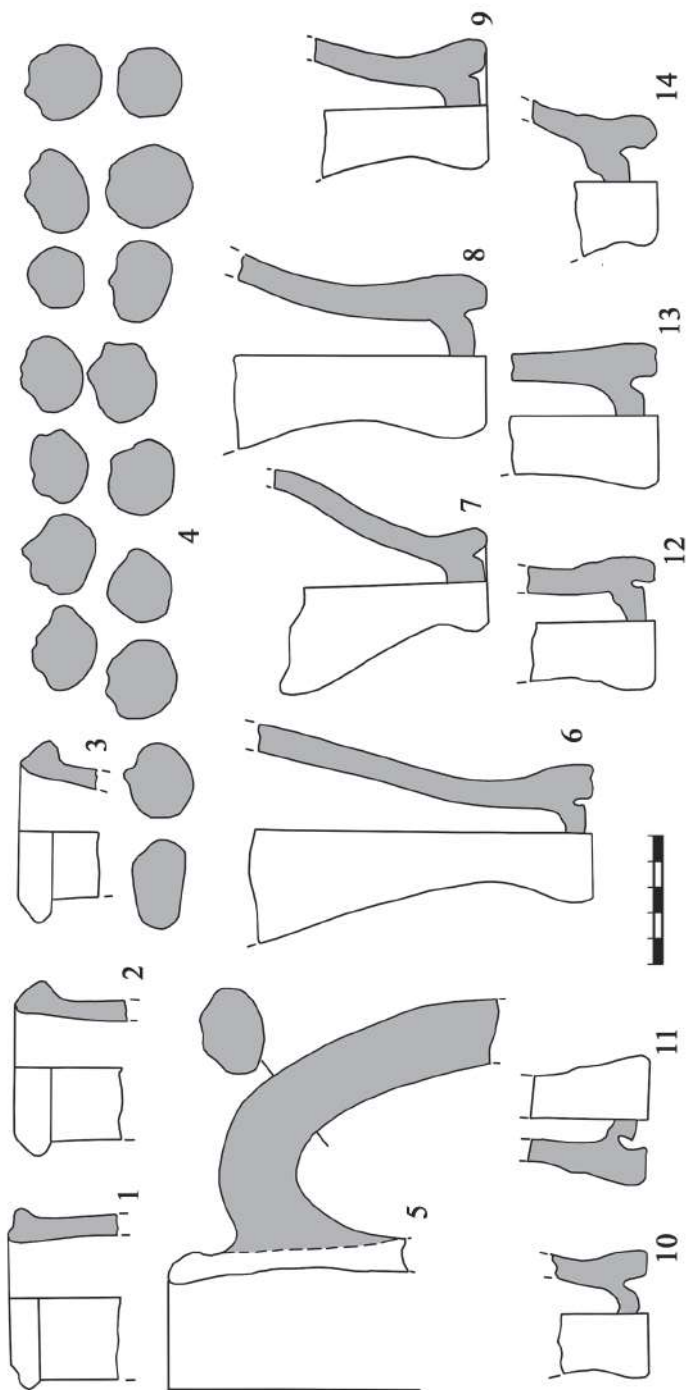

Рис. 2. Амфоры типа F по Д.Б. Шелову первой четверти IV в. н. э. из раскопок городища Белинское.

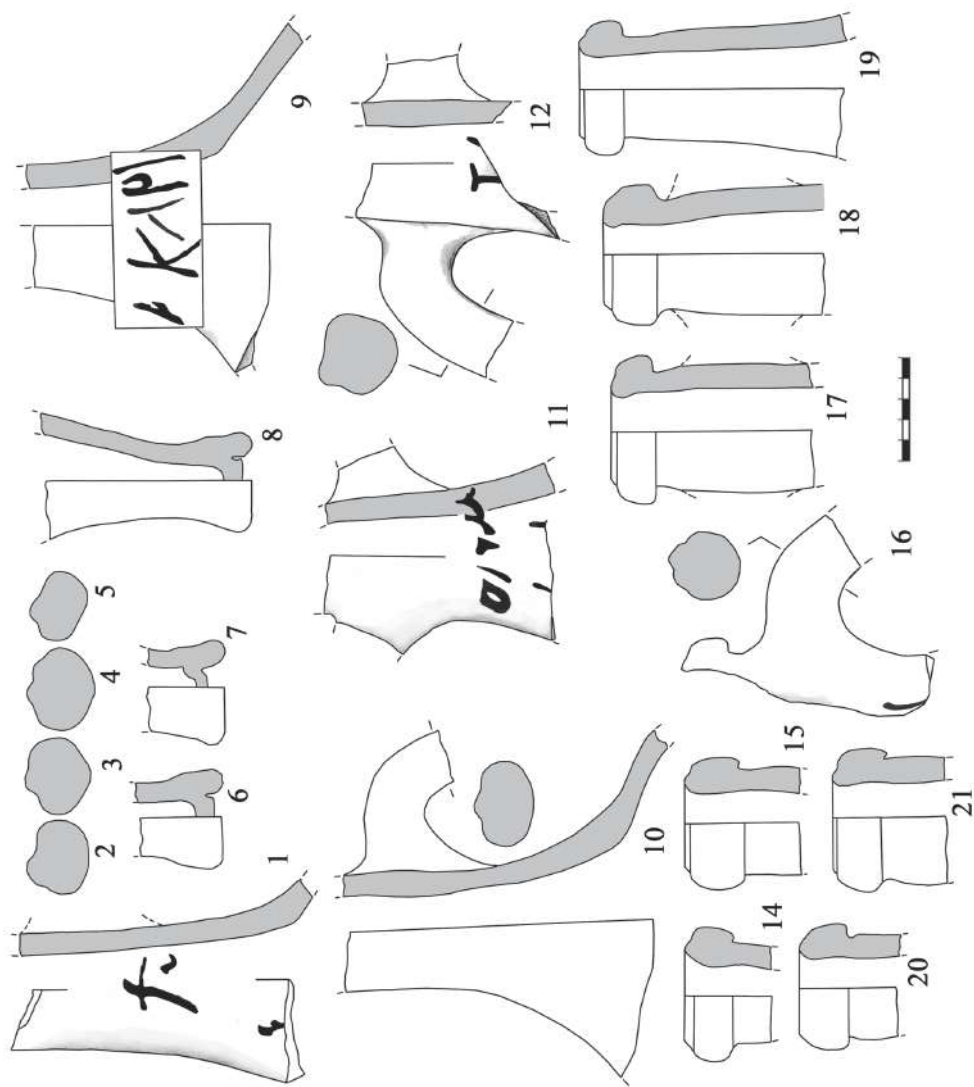

Рис. 3. Амфоры типа F и E по Д.Б. Шелову из ямы № 60 из раскопок городища Белинское.

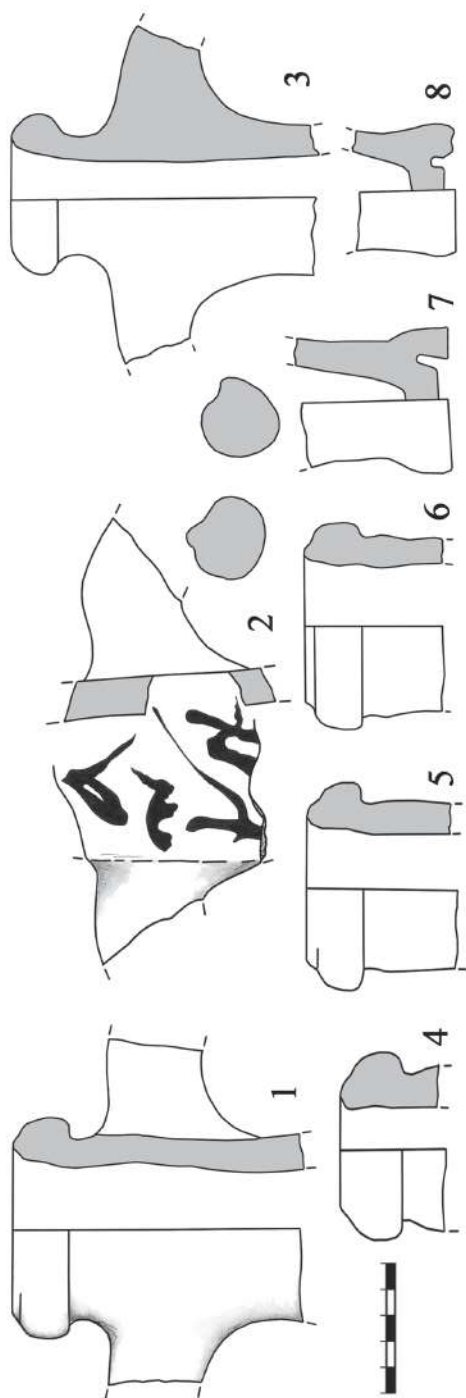

Рис. 4. Амфоры типа F и E по Д.Б. Шелову из ямы № 55 из раскопок городища Белинское.

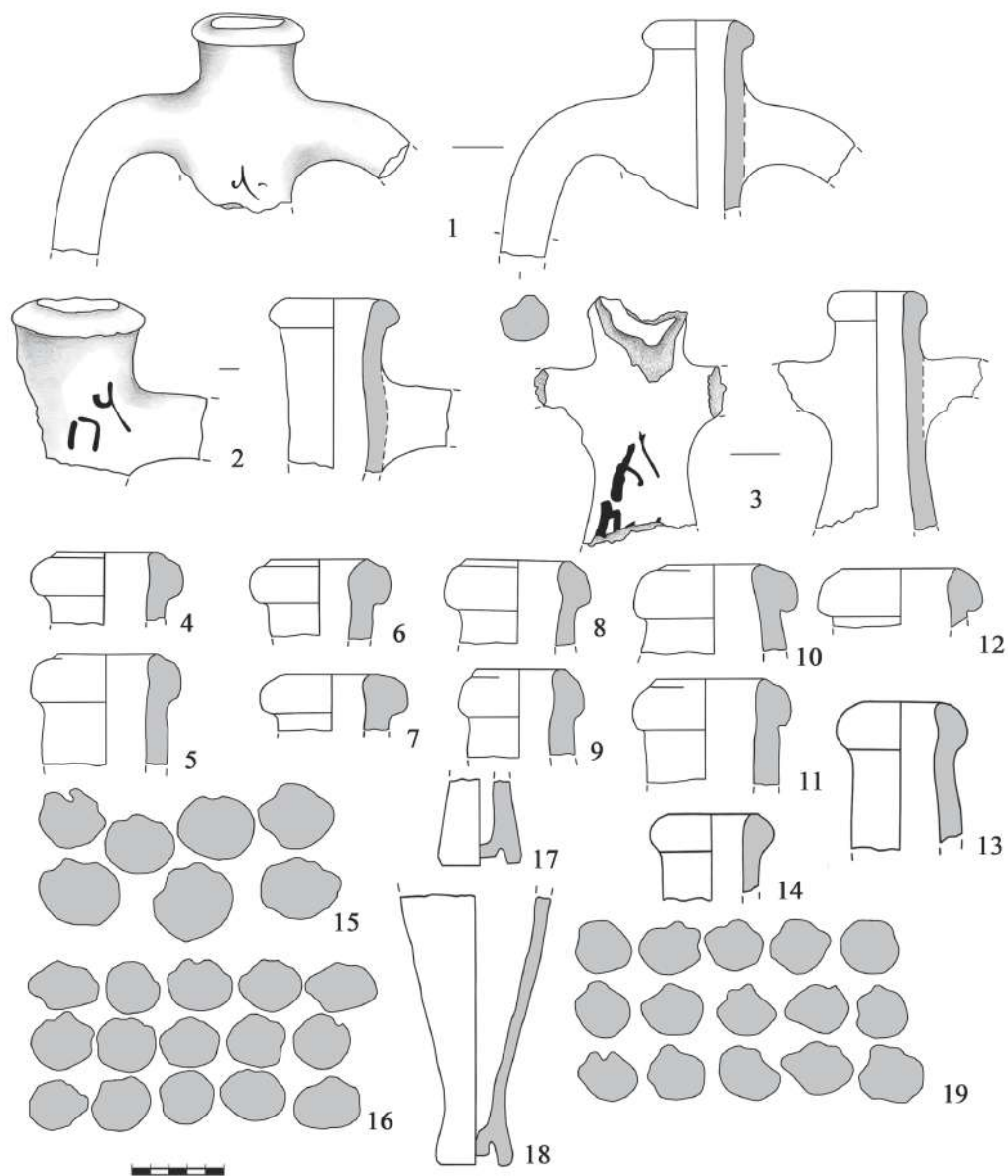

Рис. 5. Амфоры типа F и E по Д.Б. Шелову из ямы № 8 из раскопок городища Белинское.

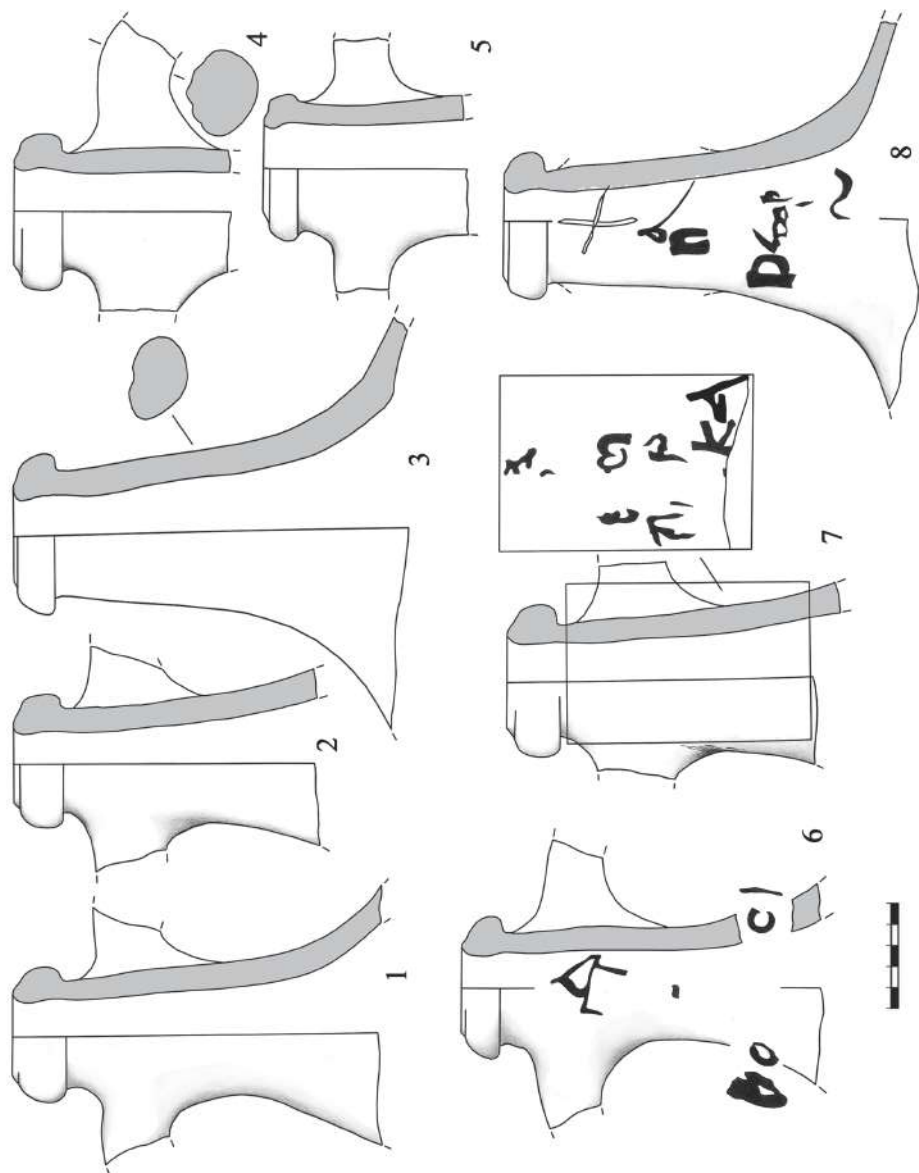

Рис. 6. Амфоры типа Е по Д.Б. Шелову из ямы № 60 из раскопок городища Белинского.

М.М. КАЗАНСКИЙ, А.В. МАСТЫКОВА
M.M. KAZANSKI, A.V. MASTYKOVA

**О НЕКОТОРЫХ МОТИВАХ ДЕКОРА В СТИЛЕ
ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ИНКРУСТАЦИИ НА ОРУЖИИ И КОНСКОМ
СНАРЯЖЕНИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭПОХУ
ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ¹**

**ABOUT SOME DECORATIVE MOTIFS IN THE STYLE OF
CLOISONNÉ INLAY ON WEAPONS AND HORSE EQUIPMENT
OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION DURING
THE GREAT MIGRATION PERIOD**

Цель данной работы – уточнить происхождение некоторых мотивов декора *cloisonné* на оружии и конском снаряжении Северного Причерноморья в эпоху Великого переселения народов (т.н. гуннское время, последняя треть IV – середина V в. и постгуннский период, середина V – середина VI в.), что, в свою очередь, могло бы указывать на место изготовления этих предметов вооружения и конской экипировки.

Шведская исследовательница Б. Аррениус в своей фундаментальной работе [1985] о стиле перегородчатой инкрустации пришла к выводу, что практически все исследованные ею предметы, украшенные этим стилем, являются продукцией константинопольских мастерских и ателье-сателлитов. Об этом свидетельствуют, в частности, техника закрепления вставок на поверхности предмета с помощью цемента, а также «иконография» мотивов инкрустационного стиля [Arrhenius, 1985]. В принципе в том, что касается интересующих нас вещей в Северном Причерноморье, их константинопольское происхождение представляется нам вполне вероятным, особенно по причине географической близости Константинополя и северопонтийских центров. Тем не менее следует подчеркнуть, что инкрустированные предметы, изготовленные по «константинопольской» технике и с похожими «иконографическими» мотивами, были найдены по всему периметру Средиземноморья [см. многочисленные примеры: Bierbrauer, 1975; Böhme, 1994; Kazanski, 1994; Quast, 2006]. Широкая зона их распространения, а также типологические вариации этих изделий позволяют предполагать существование и других центров производства, помимо Константинополя. При этом нет полной уверенности в том, что закрепление инкрустационных пластин на предмете с помощью цемента принадлежит только константинопольской ремесленной традиции [Kazanski, 1994; Kazanski, Périn, 1996; Kazanski, Mastykova, Périn,

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Мегарант No 075-15-2022-1119.

2002, p. 159, 160]. В целом предположение о наличии нескольких средиземноморских ателье соответствует заключению Б. Аррениус о существовании ателье-сателлитов, работавших в константинопольской традиции. К их продукции она относит ряд инкрустированных предметов с территории меровингского королевства, найденных, например, в Лавуа (Lavoye), Планиге (Planig), а также из Италии, вероятно, происходящих из Аквасанты (Acquasanta), Тортоны (Tortona), из визиготской Южной Галлии, таких, как пряжки из Трессана (Tressan), или же с территории аламанных, вроде находки в Гюльтлингене (Gültlingen) [Arrhenius, 1985, p. 119].

Кстати, в Карфагене был обнаружен «клад», состоявший из необработанных и частично обработанных гранатов, а также уже нарезанных гранатовых пластин, явно происходящих из какой-то местной мастерской [Roth, 1980, p. 326–328]. При этом ряд изделий из Западного Средиземноморья с декором в «константинопольской» технике, таких, как пряжка из Трессана в Лангедоке [Caillet, 1985, n° 119; Arrhenius, 1985, fig. 40], явно относится к продукции местных мастерских, поскольку её форма имеет параллели только в местных древностях [ср.: Arnal, Riquet, 1959, fig. 9]. Скорее всего, пряжка из Трессана указывает на существование местного, «визиготского», ателье в Южной Галлии. Также очень вероятно функционирование подобного ателье и в Италии, где найдено значительное количество украшений в стиле перегородчатой инкрустации, среди которых, пожалуй, наиболее известен клад в Доманьяно (Domagnano) [I Goti a San Marino, 1995]. При этом часть предметов из этого клада относится ко второй половине – концу V в., то есть ко времени до появления остроготов Теодориха в Италии, поскольку мотивы их декора встречены на итальянских вещах позднего V в. и отсутствуют на изделиях итало-остроготского времени [Bierbrauer, 1995, fig. 21]. Существование итальянского ателье уже давно предполагалось И. Вернером [Werner, 1958].

Впрочем, не стоит забывать и еще одну возможность широкого распространения вещей стиля *cloisonné* в романо-германских королевствах – это деятельность «бродячих» мастеров-ювелиров, работавших на заказ и передвигавшихся от одного королевского двора к другому. Именно такие мастера, вероятно, описаны в «Житии Св. Северина», когда королева ругиев Гизо силой пыталась удержать «золотых дел мастеров, родом варваров, работавших над украшением знаков королевского достоинства» (475 г.) [Житие Святого Северина, VIII.3, цит. по изданию 1998, с. 229; см. также: Pinar Gil, 2017].

В целом же, предметы инкрустационного стиля эпохи Великого переселения народов, найденные на Боспоре Киммерийском, в том числе и элементы вооружения и конского снаряжения, по мнению И.П. Засецкой, попадают сюда в первую очередь из Византии, например, в качестве даров боспорским правителям и знати [Засецкая, 1993, с. 34].

Вставки в форме сердечка

Вставки, чаще всего пластины в виде сердечка, хорошо представлены на изделиях инкрустационного стиля (рис. 1 и 2). По классификации И.П. Засецкой они

относятся к группе IV полихромных предметов и датируются в основном второй половиной / концом IV – половиной VI в., хотя встречаются и ранее [Засецкая, 1993, с. 33, табл. 6]. На интересующих нас предметах вооружения и конского снаряжения сердцевидные вставки как раз и представлены на удилах гуннского времени, найденных 24 июня 1904 г. в двух разграбленных керченских склепах на ул. Госпитальная (рис. 1: 1, 4) [Засецкая, 1982, рис. 6: 2, 3; Засецкая, 1993, табл. 36: 170б; Menghin, 2007. I.9.10.5]. Кроме того, в тех же двух склепах были найдены малые пряжки (рис. 1: 2, 3) [Засецкая, 1993, табл. 26: 105] и ременные наконечники (рис. 1: 5, 6) [Засецкая, 1993, табл. 27: 125], также с сердцевидными вставками.

За пределами Северного Понта вставки в виде сердечка встречены на изделиях из знаменитого клада гуннского времени в Петроссе (Petrossa, Pietroasele) в Валахии, найденного на территории нижнедунайского Барбарикума, но содержавшего многочисленные вещи римского / византийского происхождения (рис. 1: 7) [Harhoiu, 1998, Taf. XXII; Arrhenius, 1985, fig. 33: f]. На Среднем Дунае этот декор представлен на двупластинчатой фибуле восточногерманской традиции из погребения в Регей (Regöly) на территории римской Паннонии, также гуннского времени [Bóna, 1991, Taf. 12; Tejral, 2011, Abb. 145: 2]. Наконец, необходимо назвать сердцевидные инкрустации на гарде меча из парного погребения Альтлюсхайм (Altlussheim), также гуннской эпохи (рис. 1: 8) [Werner, 1956, Taf. 1]. Отметим кстати, что по мнению Б.Аррениус меч из Альтлюсхайма принадлежит изделиям константинопольской традиции (см. выше), хотя, вероятно, и был изготовлен в одном из местных ателье-сателлитов [Arrhenius, 1985, p. 101–113, 123].

В постгуннское время (середина V – середина VI в.) инкрустационные вставки в виде сердечка хорошо представлены на изделиях средиземноморского происхождения. Назовем в качестве примера скобу ножен клинкового оружия (?) из могилы 2 гепидского «княжеского» могильника Апахиды (Apahida) в Трансильвании, второй половины V в. [Harhoiu, 1998, Taf. LXI: 12; L'Or des princes barbares, 2000, Cat. 29, 4], где многочисленные вещи с перегородчатой инкрустацией происходят, скорее всего, из византийских мастерских. Можно процитировать и средиземноморские пряжки с сердцевидной вставкой из Тунизы (Tuniza – la Calle) в Северной Африке, из Варны на западном берегу Черного моря или же из Лёгийяк-де-ль Аш (Leguillac-de-l'Ache) и из Трессана в Южной Галлии [Kazanski, 1994, fig. 6: 1; 7: 1; 8: 5, 6, 13, 14; 15: 2], а также некоторые североафриканские фибулы (рис. 1: 9) [Courtois, 1955, Pl. IX; Quast, 2005, Abb. 6: 1, 2; 7: 3, 4]. Отметим, что в Западной Европе вне средиземноморской зоны вставки в виде сердечка встречаются не часто. К их числу относится фибула из Артр (Artres) в Северной Галлии. В целом же инкрустационный декор в виде сердечек в Европе связан, вероятней всего, с ювелирной традицией Средиземноморья / Византии [Kazanski, 2001, p. 406, там же библиография].

Вполне вероятно, что этот мотив распространяется в Средиземноморье в римское время благодаря контактам с Ближним и Средним Востоком, где вставки гранатов и бирюзы в виде сердечек хорошо известны в I–III вв. Можно назвать находки из ку-

шанского некрополя Тилля-Тепе в Афганистане [Сарианиди, 1983, табл. между с. 64 и 65; рис. 9 между с. 128 и 129], вещи из Ахин Пош (Ahin Poch), тоже в Афганистане (рис. 2: 2) [Arrhenius, 1985, fig. 44], из Селевкии в Месопотамии (рис. 2: 4) [Muche, 1988, Taf. IV: 1.1.2], а также ряд изделий из знаменитого иберийского некрополя Армазисхеви, в частности из погребений 6 и 7 (рис. 2: 1) [Arrhenius, 1985, p. 36, fig. 9; Muche, 1988, Taf. XVI: 11.2.1, LXXXII: Typ 8; Roth, 1980, Abb. 1: 5]. Показательна и находка браслета с подобным декором в Сирии, т.е. на пограничье Римской империи. Этот предмет отнесен ко второй половине II в. (рис. 2: 5) [Pfeiler, 1970, Taf. 9A; Muche, 1988, Taf. LXXV, 8.1.5]. В Северное Причерноморье вещи с декором в виде вставок-сердечек попадают уже в первые века н.э. вместе с группами кочевников, продвигавшихся из Центральной Азии [Симоненко, Лобай, 1991, рис. 4: 3, 5, 8, 9, 11, 12; 13: 1–4; фото 16: 3–6; Яценко, 1993, с. 61, 65].

В отдельных случаях восточные украшения со вставками в виде сердечек попадают и на Запад. Так, в рейнском погребении Вольфсхайм (Wolfsheim) эпохи переселения народов, пластина сасанидского браслета с именем царя Ардашира (224/225 – 240/241 гг.) была использована как подвеска к золотому торку (рис. 2: 3) [Werner, 1956, Taf. 4: 8; Quast, 1999, S. 706–715, Abb. 6; *L'Or des princes barbares* 2000, 15, 1].

Почковидные вставки

На мече из двух погребений 24.06.1904 г., а также на деталях ножен, вероятно еще одного меча из той же керченской находки, сохранился декор в стиле перегородчатой инкрустации со вставками почковидной формы (рис. 3: 1) [Засецкая, 1982, рис. 6: 1; Засецкая, 1993, табл. 28: 130; 29: 139; Menghin, 2007. I.9.10.1]. Такие же вставки имеются и на некоторых других предметах из погребений 24.06.1904 г., в частности на браслете (рис. 3: 3) [Засецкая, 1982, рис. 6: 5; Засецкая, 1993, табл. 23: 81] и накладках [Засецкая, 1993, табл. 29: 131, 138; Menghin, 2007. I.9.10.5]. В том числе на предмете с зооморфными изображениями (рис. 3: 2) [Засецкая, 1982, рис. 6: 4; Засецкая, 1993, табл. 35: 176]². Имеются почковидные вставки и на некоторых пряжках из Керчи. Показательно, что эти вставки имеют спиралевидный рельефный декор средиземноморского происхождения (рис. 3: 4, 5) [о них подробнее см.: Казанский, Мастыкова, 2022].

Почковидные вставки, как и предыдущие, сердцевидной формы, отнесены И.П. Засецкой к стилистической группе IV гуннского времени (см. выше). Вне пределов Северного Причерноморья такие вставки известны на предметах из уже упоминавшегося нижнедунайского клада Петросса [Arrhenius, 1985, fig.33:i], а также из гуннской находки Сегед-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós) в Карпатской котловине (рис. 4: 1) [*L'Or des princes barbares*, 2000, 19, 7, 10].

В постгуннское время инкрустированные изделия с почковидными вставками

² По мнению А.Г. Фурасьева, этот предмет, вероятно, представляет собой накладку на щит [Фурасьев, 2019], однако нам неизвестны другие накладки инкрустационного стиля на щиты.

довольно хорошо представлены на предметах средиземноморской традиции, например, на пряжках из Андернаха (Andernach-Kirchenberg), Тебессы (Tebessa) или Мокрой Балки [Kazanski, 1994, fig. 2: 6; 5: 8; 15: 5], а также на фибулах из Хиппона (Hippone / Bône) (рис. 4: 6) [Courtois, 1955, Pl. IX; Kazanski, 1994, fig. 16: 14; Quast, 2005, Abb. 4: 1, 2; 5: 2, 3]. Скорее всего, к той же средиземноморской традиции принадлежат и пряжки с почковидными вставками из «княжеских» гепидских погребений Апахиды 1 и 2 (рис. 4: 4) [L'Or des princes barbares, 2000, № 29,12; 30,7] и из знаменитой могилы франкского короля Хильдерика (умер в 482 г.), обнаруженной в г. Турнэ на территории современной Бельгии (рис. 4: 3) [Arrhenius, 1985, fig. 117; Quast, 2015, Taf. 18]. Наконец, надо упомянуть и почковидный декор на ножнах меча из могилы франкского предводителя во Флонхайме (Flonheim), также второй половины V в. (рис. 4: 5) [Menghin, 1983, Kat. 43: 1d; Die Franken, 1996, S. 892, Kat. V.4.2.1]. Пожалуй, наиболее восточной находкой является пряжка с инкрустированным декором из оградки 158 Алтынказгана на Мангышлаке (Астафьев, Богданов, 2023, рис. 317) (рис. 4: 7). В целом же, вслед за И.П. Засецкой, следует признать средиземноморское / ранневизантийское происхождение этого орнаментального мотива на боспорских вещах, как, впрочем, и всей стилистической группы IV.

Вставки со «ступенчатым» краем

Рассмотрим пластинчатые вставки гранатов, чаще всего подквадратной или треугольной формы, края которых оформлены в виде «ступенек» (рис. 5). Этот мотив И.П. Засецкая относит к группе V, второй половины V – VI вв. На Боспоре находки с таким декором единичны, более всего они типичны для «княжеской» культуры Центральной и Восточной Европы, т.е. для погребений горизонта Апахиды – Турнэ [Засецкая, 1982, рис. 5; Засецкая, 1993, с. 33, 34, кат. № 270, 383, 384, табл. 6].

Если говорить о боспорских предметах вооружения, то, собственно, можно назвать лишь три предмета: скобу и подвеску меча из т.н. Новиковского склепа (рис. 5: 2, 3) [Werner, 1956, Abb. 2: 3; Menghin, 2007. I.17.1] и фрагмент клинкового оружия с остатками декора cloisonné, предположительно из Керчи (рис. 5: 1) [Засецкая, 1982, рис. 6: 6; Засецкая, 1993, табл. 64: 383; Menghin, 2007. I.15.4].

Отметим, что все датированные вещи из Новиковского склепа относятся к несколько более раннему, гуннскому времени. т.е. к концу IV – первой половине V в. Такую датировку имеют и некоторые другие находки предметов со «ступенчатым» декором. Это пряжка из уже упоминавшегося погребения в Волфсхайме (рис.5:4) [Werner, 1956, Taf. 4: 1], а также вещи из кочевнических памятников гуннского времени, таких как Покровск-Восход в степном Поволжье [Werner, 1956, Taf. 40: 2; Arrhenius, 1985, fig. 55], Печ-Узёгпуста (Pécs-Üszögpuszta) [Tejral, 2011, Abb. 257: 1] и Паннонхалма (Pannonhalma) (рис. 5: 6) [Bóna, 1991, Taf. XVIII; Adams, 2000, pl.VIII:4] в Карпатском бассейне.

Впоследствии во второй половине V в. и в первой половине VI в. «ступенчатый» декор в инкрустационном стиле действительно распространяется, как отметила И.П. Засецкая, в аристократической культуре Барбарикума и Средиземноморья,

прежде всего на вещах, средиземноморское / ранневизантийское происхождение которых обоснованно предполагается. Это, например, оружие и убор из погребения Хильдерика в Турнэ (рис. 5: 7), женские украшения из Ольвии или же блюдо из Гурдона (Gourdon) в Восточной Галлии (рис. 5: 8) [Arrhenius, 1985, p. 103–113, fig. 63, 64, 106; Wood, 2008, Cat. IV.15]. Упомянем также итало-остроготские вещи [Bierbrauer, 1975, Taf. 63: 4], предметы из Северной Африки [Roth, 1980, Abb. 5: 5, 8], изделия из «вождеских» погребений и кладов на Среднем Дунае – Апахида, Блучина (Blucina) (рис. 5: 5), Сомешени (Someşeni) [см. напр.: Arrhenius, 1985, p. 111, fig. 123, 124; Harhoiu, 1998, Taf. 58: 2; 61: 1; 117: 1 и др.] и, наконец, различные меровингские предметы [напр.: Werner, 1958, Abb. 1: 5; 3: 2; Taf. 11: 1, 2, 12; Arrhenius, 1985, p. 105, fig. 108, 109].

По происхождению этот «ступенчатый» мотив, скорее всего, восходит к художественным традициям Восточного Средиземноморья, поскольку он представлен на уже упоминавшемся сирийском браслете второй половины II в. (рис. 2: 5) [Pfeiler, 1970, Taf. 9A; Muche, 1988, Taf. LXXV: 8.1.5].

Четырехлепестковый декор с вписанным внутренним квадратом

Четырехлепестковый инкрустированный декор с вписанным внутренним квадратом представлен на мече из Тамани, обнаруженном в 1912 г. в подкурганном погребении с конем (рис. 6: 1) [Menghin, 2007, 327, I.34,5; Казанский, 2018, с. 396]. Он принадлежит типу 2 так называемых понтийских мечей, которые отличает широкая гарда, чаще всего с инкрустацией. Такие мечи относятся в целом к первой половине V – середине VI в. [см. подробнее: Казанский, 2007].

Этот мотив также является средиземноморским, но более характерным для западной части Средиземноморья и фиксируется на предметах начиная со второй половины – конца V в. Он имеется на испано-визиготских пряжках с инкрустированным декором (рис. 7), например, в погребениях 209, 417, 463, 514, 540 некрополя Дурадон (Duratón) [Molinero Perez, 1948; 1971, passim; Ebel-Zepezauer, 2000, Taf. 23: 55; 36: 90], Ацукуэка (Azuquesa) в погребении 58 [Ripoll Lopez, 1987, fig. 7], в некрополе Мадрона (Madrona) [Molinero Perez, 1971, lám. 71.1, 134.1], Кастильгера (Castitierra) погребения 8, 163, 256, 299 [Arias Sánchez, Balamseda Muncharaz, 2015, p.82, 390, 579, 653], в Кацера де лас Ранас (Cacera de la Ranas) [Ardanaz Arranz, 2000, p. 108], на пряжках из Марселлана (Marseillan) и Трессана в Лангедоке [Rouquete, 1969, fig. 2; Caillet, 1985, n° 120], а также на импортных испано-визиготских пряжках из Руана и Гондорфа (Gondorf) [Haith, 1982, p. 36; Schulze-Dörrlamm, 1990, Taf.47: 20]. Подобный декор появляется и на меровингских вещах в Северной Галлии, например, на пряжке из погребения 1682 пикардийского некрополя Арси-Сент-Реститю (Arcy-Sainte-Restitue) [Werner, 1966, Abb. 3: 6], но особенно он типичен для меровингских брошей последней четверти V – второй трети VI в. [Kazanski, 2002, p. 18, pl. 40: 18; Legoux, Périn, Vallet, 2016, n° 208]. Итак, четырехлепестковый декор с вписанным квадратом более всего характерен для меровингских и испано-визиготских украшений. Прямые контакты понтийского региона с меровингским миром

по источникам не известны. Зато авторы VI в. свидетельствуют о присутствии на Боспоре Киммерийском византийского отряда «испанцев» под командованием трибуна Далматия [см. подробнее: Кулаковский, 1891, с. 26, 27; Артамонов, 1962, с. 89–92; Гадло, 1979, с. 80–82; Айбабин, 1999, с. 94–96; Храпунов, 2003, с. 171, 172]. Может быть, появление на Тамани меча с западным декором следует связывать с присутствием здесь «испанского» контингента?

Вставки с рельефным декором

На инкрустированной гарде меча из кочевнического погребения постгуннского времени Дмитриевка-Вольная Вода в Северном Приазовье [ОАК, 1904, с. 123, рис.215; Засецкая и др., 2007, с. 110; Казанский, 2018, с. 395] имеются продолговатые вставки с полукруглым сечением и поперечным рифлением (рис. 6: 2). Меч относится к числу понтийских (см. выше) и принадлежит типу 3, датируемому второй половиной V в. [Казанский, 2007, с. 123, 136]. Такие вставки представлены и на «парадном» мече понтийского типа из катакомбы 10 могильника Лермонтовская Скала-2 в Пятигорье, датированного второй половиной V – первой третью VI в. [Казанский, 2007, с. 124, рис. 51: 1, там же библиография]. Присутствие на мечах из Дмитриевки и Лермонтовской Скалы гранатов с рельефным декором указывает на средиземноморское происхождение этих предметов. Стоит упомянуть и украшение гарды меча с подобными вставками на вещах из находки постгуннского времени из Ялпуга, близ устья Дуная (рис. 8: 3) [Kazanski, 2018, fig. 1].

Действительно, такой декор хорошо известен на украшениях средиземноморского происхождения середины – второй половины V в. Он представлен на уже упоминавшейся пряжке из Трессана (рис. 8: 5) [Arrhenius, 1985, fig. 40], а также на одной из пряжек «княжеского» погребения Апахида II, о котором уже шла речь (рис. 8: 4) [Arrhenius, 1985, fig. 40, 125; Adams, 2000, pl. XI: 5; L'Or des princes barbares, 2000, N° 29, 5; Oanță-Marghitu, 2023, fig. 15, 18] и на недавно опубликованной пряжке из случайной находки в Мшеце (Mšec) в Чехии (рис. 8: 2) [Blažková, Jiřík, Bezáková, 2023, fig. 2]. Помимо пряжек, этот декор встречается и на западном оружии того времени, например, в погребении Пуан (Pouan-les-Vallées) в Шампани (рис. 8: 1) [Arrhenius, 1985, fig. 145; Adams, 2000, pl. XI: 4; L'Or des princes barbares, 2000, N° 27, 5]. Для более раннего времени, конец IV – первая половина V в., вставки камней с поперечным рифлением известны на римской посуде из неоднократно цитированного клада в Петроссе [Arrhenius, 1985, fig. 29, 31].

Заключение

Итак, рассмотренные мотивы инкрустационного декора на предметах вооружения и конского снаряжения из Северного Причерноморья принадлежат средиземноморской традиции, что в целом подтверждает выводы И.П. Засецкой о ранневизантийском происхождении этих предметов (см. выше). Действительно, декор и характер обработки камней-инкрустаций (в частности с рельефным декором) типичны для изделий средиземноморских мастеров. Все эти декоративные элементы характерны для украшений, исполненных в технике перегородчатой инкрустации,

бытовавших как в гуннское, так и в постгуннское время. «Иконография» орнамента этих вещей очень разнообразна, что свидетельствует об их изготовлении на заказ.

При этом необходимо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, восточные параллели рассмотренных здесь мотивов инкрустационного стиля свидетельствуют если не об их прямом происхождении, то, по крайней мере, о значительном вкладе художественных традиций Ближнего и Среднего Востока в ювелирное искусство римского / византийского Средиземноморья. И во-вторых, отдельные вещи, такие как гарда меча с Тамани, говорят о возможном происхождении некоторых предметов вооружения из мастерских Западного Средиземноморья, что может быть связано с отдельными эпизодами военной истории Боспора Киммерийского в VI в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 352 с.
- Артамонов М.И.* 1962. История хазар. Ленинград: Издательство Гос. Эрмитажа. 524 с.
- Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* 2023. Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI в.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 384 с.
- Гадло А.В.* 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Ленинград: Издательство ЛГУ. 216 с.
- Житие Святого Северина / Латинский текст, перевод, вступительная статья и комментарии А.И. Донченко. Санкт-Петербург: Алетей, 1998. 372 с.
- Засецкая И.П.* 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков: Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. Москва: Наука. С. 13–30.
- Засецкая И.П.* 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Вып. III. С. 23–105.
- Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С.* 2007. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж. 212 с.
- Казанский М.М.* 2007. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж. С. 122–141.
- Казанский М.М.,* 2018. Погребения и «поминальники» воинских предводителей постгуннского времени в понтийских степях // *Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér* / Ed. A. Korom. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet, Budapesti Történeti Múzeum. P. 393–408.
- Казанский М.М., Масыкова А.В.,* 2022. Инкрустированные пряжки и накладки эпохи Великого переселения народов с декором в виде рельефных волют: Византия и Барбарикум // *Античная древность и средние века*. Т. 50. С. 83–95.
- Кулаковский М.Ю.* 1891. Керченская христианская катакомба 491 года (Материалы по археологии России. Вып. 6). Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук. 30 с., 4 табл.

- Сарианиди В.И. 1983. Афганистан: сокровища безымянных царей. Москва: Наука. 159 с.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова Думка. 112 с.
- Фурасев А.Г. 2019. Зооморфные накладки начала V в. в технике клуазоне из Керчи: назначение и семантика // Нижневолжский Археологический вестник. Т. 18. № 2. С. 181–196.
- Храпунов Н.И. 2003. О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // *Vita antiqua*. № 5–6. С. 171–178.
- Яценко С.А. 1993. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. // Петербургский Археологический вестник. Вып. 3. С. 60–72.
- Adams N. 2000. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6. - 7. Jahrhundert* / Hrsg. C. Bálint. Budapest-Napoli-Roma: Archäologisches Institut der UAW. P. 13–70.
- Ardanaz Arranz F. 2000. La necrópolis de Cacera de las Ranas (Aranhuez, Madrid). Madrid: Consejería de educación, Comunidad de Madrid. 316 p.
- Arnal J., Riquet R. 1959. Le cimetière wisigothique des Pinèdes à Saint-Mathieu de Tréviers // *Gallia*. Vol. 17. P. 161–170.
- Arrhenius B. 1985. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell. 230 p.
- Arias Sánchez I., Balamseda Muncharaz L.J. 2015. La necrópolis de época visigoda de Castiltierra (Segovia) Excavaciones dirigidas por E. Camps y J. M.ª de Navascués, 1932–1935. Materiales conservados en el Museo Arqueológico Nacional, Madrid: Museo Arqueológico Nacional. Vol.1, 2. 1130 p., 297 p.
- de Baye J. 2022. La bijouterie des Goths en Russie // de Baye J. De l’Aube à l’Ob. Art, archéologie ethnographie. Ecrits des années 1874–1925 / Dir. J.-J. Charpy et alii. Paris: Institut d’études slaves. P. 165–176.
- Bierbrauer V. 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull’Alto medioevo. 368 S.
- Bierbrauer V. 1995. Il rinvenimento di Domagnano, Repubblica di San Marino // *I Goti a San Marino. Il Tesoro di Domagnano*. Milano: Electa. P. 42–47.
- Blažková K., Jiřík J., Bezáková J. 2023. Discovery of the Gold Jewellery Hoard at Mšec and Its Significance // *Royal Insignia of Late Antiquity from Mšec and Řevničov. Magnificent Finds from the Migration period from Central Bohemia* /Eds. J. Jiřík, K. Blažková, J. Bezáková, B. Ager et alii. Rakovník: T.G.M. Museum in Rakovník. P. 16–26.
- Böhme H.W. 1994. Der Frankenkönig Childerich zwischen Attila und Aëtius. Zu den Goldgriffspathen der Merowingerzeit // *Festschrift für Otto-Herman Frey zum 65. Geburtstag* / Hrsg. C. Dobiat. Marburg: Hitzeroth. S. 69–110.
- Bóna I. 1991. Das Hunnenreich. Budapest-Stuttgart: Korvina. 294 S.
- Caillet J.-P. 1985. L’antiquité tardive, le haut moyen âge et Byzance au Musée de Cluny, Sculpture et décoration monumentales. Petite sculpture. Orfèvrerie et métallurgie: objets d’usage personnel et profane. Orfèvrerie et métallurgie: objets à destination votive ou liturgique. Paris, Réunion des musées nationaux. 272 p.
- Courtois C. 1955. Les Vandales et l’Afrique. Paris: Arts et métiersgraphiques. 458 p.
- Ebel-Zepelzauer W. 2000. Studein zur Archäologie der Westgoten vom 5.-7. Jh. n. Chr. Mainz: Philipp von Zabern. 408 S.
- Die Franken – Wegbereiter Europas. Vor 1500 Jahren: König Chlodwig und seine Erben. 1996. Mainz: Reiss-Museum Mannheim. Vol. 1, 2. 1112 S.

- I Goti a San Marino. Il Tesoro di Domagnano. 1995. Milano: Electa. 64 p.
- Haiith C.* 1982. Recherche en cours sur les collections mérovingiennes du British Museum et la tombe perdue d'Artres // Bulletin de l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne. Vol. 6. P. 31–38.
- Harhoiu R.* 1998. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică. 268 S.
- Harhoiu R., Gora D.*, 2000. Aurul migrațiilor / Das Gold der Völkerwanderungszeit. București: Editura Enciclopedică. 76 S.
- Kazanski M.* 1994. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve – VI siècles // Archéologie Médiévale. Vol. 24. P. 137–198.
- Kazanski M.* 2001. Les épées «orientales» à garde cloisonnée du Ve- VIe siècle // International Connections of the Barbarians in the 1st – 5th centuries A.D. / Eds. E. Istvánovits, V. Kulcsár, Aszód – Nyíregyháza: Osváth Gedeon Museum Foundation; Jóna András Múzeum. P. 389–418.
- Kazanski M.* 2002. La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne). D'après les collections et les archives du Musée des Antiquités Nationales (Europe médiévale, 4). Montagnac: Editons Monique Mergoïl. 269 p.
- Kazanski M.* 2018. Deux appliques de selle post- hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation // Studia Romana et Mediævalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata / Dir. D. Aparaschivei, G. Bilavski. București: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I”. P. 169–187.
- Kazanski M., Mastykova A., Périn P.* 2002. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral, Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno. P. 159–194.
- Kazanski M., Périn P.* 1996. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // Antiquités Nationales. Vol. 28. P. 203–209.
- Legoux R., Péri P., Vallet F.* 2016. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. 72 p.
- Menghin W.* 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Theiss. 367 S.
- Menghin W.* (Hrsg.) 2007. Merowingerzeit. Europa ohne Grenzen. Berlin: Minerva. 592 S.
- Molinero Perez A.* 1948. La necropolis visigoda de Duraton Segovia. Excavaciones del Plan Nacional de 1942 y 1943. Madrid: Comisaría General de Excavaciones Arqueológica. 178 p.
- Molinero Perez A.* 1971. Aportaciones de las excavaciones y hallazgos casuales 1941–1959 al Museo Arqueológico de Segovia. Madrid: Comisaría General de Excavaciones Arqueológicas. 167 p.
- Musche B.* 1988. Vorderasiatischen Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden. Leiden, New York, København, Köln: Brill. 350 S., 117 Taf.
- Oanță-Marghitu R.* 2023. The Apahida Princely Graves // Royal Insignia of Late Antiquity from Mšec and Řevničov. Magnificent Finds from the Migration period from Central Bohemi / Eds. J. Jiřík, K. Blažková, J. Bezáková, B. Ager et alii. Rakovník: T.G.M. Museum in Rakovník. P. 81–94.
- L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. 2002. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux. 223 p.
- Pfeiler B.* 1970. Römischer Goldschmuck des 1. und 2. Jahrhunderts n. Chr. nach datierten Funden. Mayence: Philipp Von Zabern. 136 S.

- Pinar Gil J.* 2017. La quotidianità dell'orafa altomedievale, tra stanzialità e mobilità // I maestri del metallo: l'intelligenza nelle mani / Eds. M. Benghelli, M. De Marci. Roma: BraDypUS. P.9–24.
- Quast D.* 1999. Das «Pektorale» von Wolfsheim, Kr. Mainz-Bingen // Germania. Bd. 77/2. S. 705–718.
- Quast D.* 2005. Völkerwanderungszeitliche Frauengräber aus Hipo Regius (Annaba / Bône) in Algerien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 52. S. 237–315.
- Quast D.* 2006. Mediterrane Scheibenfibeln der Völkerwanderungszeit mit Cloisonnéverzierung – eine typologische und chronologische Übersicht // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 36. S. 259–278.
- Quast D.* (Hrsg.). 2015. Das Grab des fränkischen Königs Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 518 s.
- Ripoll Lopez G.* 1987. Reflexiones sobre arqueología funeraria, artesanos y producción artística de la Hispania visigoda // Corsi ravennate. Vol. 34. P. 343–373.
- Roth H.* 1980. Almandilhandel und -verarbeitung im Bereich des Mittelmeers // Allgemeine und vergleichene Archäologie. Beiträge. Bd. 2. S. 309–335.
- Rouquete D.* 1969. Les parures wisigothiques de Marseillan Herault // Revue Archéologique de Narbonnaise. Vol. 2. P. 197–205.
- Schulze-Dörrlamm M.* 1990. Die spätrömischen und frühmittelalterlichen Gräberfelder von Gondorf, Gern. Koblenz-Gondorf. Kr. Mayen-Koblenz. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 400 S., 279 Taf.
- Tejral J.* 2011. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR. 466 s.
- Werner J.* 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 138 s.
- Werner J.* 1958. Eine ostrogotische Prunkschnalle von Köln-Severinstor // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 3. S. 55–60.
- Werner J.* 1966. Zu den donauländischen Beziehungen des Alamannischen Gräberfeldes am alten Gotterbarmweg in Basel // Helvetia Antiqua. Festschrift Emil Vogt / Hrsg. R.R. Degen, D. Walter, R. Wyss. Zurich: Conzett & Huber. S. 283–292.
- Wood I.* 2008. Les Burgondes // Rome et les Barbares / dir. J. - J. Aillagon. Venise: Skira. P. 337–339.

REFERENCES

- Ajbabin A.I.* 1999. Jetnicheskaja istorija rannevizantijskogo Kryma. Simferopol': Dar. 352 s.
- Artamonov M.I.* 1962. Istorija hazar. Leningrad: Izdatel'stvo Gos. Jermitezha. 524 s.
- Astaf'ev A.E., Bogdanov E.S.* 2023. Pogrebal'no-pominal'nyj kompleks Altynkazgan (III – pervaja polovina VI v.). Almaty: Institut arheologii im. A.H. Margulana. 384 s.
- Gadlo A.V.* 1979. Jetnicheskaja istorija Severnogo Kavkaza IV–X vv. Leningrad: Izdatel'stvo LGU. 216 s.
- Zhitie Svjatogo Severina / Latinskij tekst, perevod, vstupitel'naja stat'ja i kommentarii A.I. Donchenko. Sankt-Peterburg: Aletejja, 1998. 372 s.
- Zaseckaja I.P.* 1982. Klassifikacija polihromnyh izdelij gunnskoj jepohi po stilisticheskim dannym // Drevnosti jepohi Velikogo pereselenija narodov V–VIII vekov: Sovetsko-vengerskij sbornik / Otv. red. A.K. Ambroz, I.F. Jerdeli. Moskva: Nauka. S. 13–30.

- ¹³ Zaseckaja I.P. 1993. Materialy Bosporskogo nekropolja vtoroj poloviny IV – pervoj poloviny V vv. n.je. // Materialy po Arheologii, Istorii i Jetnografii Tavriki. Vyp. III. S. 23–105.
- Zaseckaja I.P., Kazanskij M.M., Ahmedov I.R., Minasjan R.S. 2007. Morskoj Chulek: Pogrebenija znati iz Priazov’ja i ih mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor’ja v postgunnskuju jepohu. Sankt-Peterburg: Gos. Jermitazh. 212 s.
- Kazanskij M.M. 2007. Rannevizantijskie mechi s inkrustirovannoj gardoj // Zaseckaja I.P., Kazanskij M.M., Ahmedov I.R., Minasjan R.S., Morskoj Chulek. Pogrebenija znati iz Priazov’ja i ih mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor’ja v postgunnskuju jepohu. Sankt-Peterburg: Gos. Jermitazh. S. 122–141.
- Kazanskij M.M., 2018. Pogrebenija i «pominal’niki» voinskih predvoditelej post- gunnskogo vremeni v pontijskih stepjah // Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér / Ed. A. Korom. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet, Budapesti Történeti Múzeum. P. 393–408.
- Kazanskij M.M., Mastykova A.V., 2022. Inkrustirovannye prjazhki i nakladki jepohi Velikogo pereselenija narodov s dekorom v vide rel’efnyh voljut: Vizantija i Barbarikum // Antichnaja drevnost’ i srednie veka. T. 50. S. 83–95.
- Kulakovskij M.Ju. 1891. Kerchenskaja hristianskaja katakomba 491 goda (Materialy po arheologii Rossii. Vyp. 6). Sankt-Peterburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk. 30 s., 4 tabl.
- Sarianidi V.I. 1983. Afganistan: sokrovishha bezymjannyh carej. Moskva: Nauka. 159 s.
- Simonenko A.V., Lobaj B.I. 1991. Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor’ja. Kiev: Naukova Dumka. 112 s.
- Furas’ev A.G. 2019. Zoomorfnye nakladki nachala V v. v tehnike kluazone iz Kerchi: naznachenie i semantika // Nizhnevolszkij Arheologicheskij Vestnik. T. 18. # 2. S. 181–196.
- Hrapunov N.I. 2003. O vzaimootnoshenijah Bospora i Vizantii pri Justiniane I // Vita antiqua. N°5–6. C. 171–178.
- Jacenko C.A. 1993. Alanskaja problema i central’noaziatskie jelementy v kul’ture kochevnikov Sarmatii rubezha I–II vv. n.je. // Peterburgskij Arheologicheskij Vestnik. Vyp. 3. S. 60–72.
- Adams N. 2000. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6. - 7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest-Napoli-Roma: Archäologisches Institut der UAW. P. 13–70.
- Ardanaz Arranz F. 2000. La necrópolis de Cacera de las Ranas (Aranhjuéz, Madrid). Madrid: Consejeria de educacion, Comunidad de Madrid. 316 p.
- Arnal J., Riquet R. 1959. Le cimetière wisigothique des Pinèdes à Saint-Mathieu de Tréviers // Gallia. Vol. 17. P. 161–170.
- Arrhenius B. 1985. Merovingian Garner Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell. 230 p.
- Arias Sánchez I., Balamseda Muncharaz L.J. 2015. La necrópolis de época visigoda de Castiltierra (Segovia) Excavaciones dirigidas por E. Camps y J. M.ª de Navascués, 1932–1935. Materiales conservados en el Museo Arqueológico Nacional, Madrid: Museo Arqueológico Nacional. Vol.1, 2. 1130 p., 297 p.
- de Baye J. 2022. La bijouterie des Goths en Russie // de Baye J. De l’Aube à l’Ob. Art, archéologie ethnographie. Ecrits des années 1874–1925 / Dir. J.-J. Charpy et alii. Paris: Institut d’études slaves. P. 165–176.
- Bierbrauer V. 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull’Alto medioevo. 368 S.
- Bierbrauer V. 1995. Il rinvenimento di Domagnano, Repubblica di San Marino // I Goti a San

- Marino. Il Tesoro di Domagnano. Milano: Electa. P. 42–47.
- Blažková K., Jiřík J., Bezáková J.* 2023. Discovery of the Gold Jewellery Hoard at Mšec and Its Significance // Royal Insignia of Late Antiquity from Mšec and Řevničov. Magnificent Finds from the Migration period from Central Bohemia / Eds. J. Jiřík, K. Blažková, J. Bezáková, B. Ager et alii. Rakovník: T.G.M. Museum in Rakovník. P. 16–26.
- Böhme H.W. 1994. Der Frankenkönig Childerich zwischen Attila und Aëtius. Zu den Goldgriffspathen der Merowingerzeit // Festschrift für Otto-Herman Frey zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Dobiat. Marburg: Hitzeroth. S. 69–110.
- Bóna I.* 1991. Das Hunnenreich. Budapest-Stuttgart: Korvina. 294 s.
- Caillet J.-P.* 1985. L'antiquité tardive, le haut moyen âge et Byzance au Musée de Cluny, Sculpture et décoration monumentales. Petite sculpture. Orfèvrerie et métallurgie: objets d'usage personnel et profane. Orfèvrerie et métallurgie: objets à destination votive ou liturgique. Paris, Réunion des musées nationaux. 272 p.
- Courtois C.* 1955. Les Vandales et l'Afrique. Paris: Arts et métiers graphiques. 458 p.
- Ebel-Zepelzauer W. 2000. Studein zur Archäologie der Westgoten vom 5.-7. Jh. n. Chr. Mainz: Philipp von Zabern. 408 s.
- Die Franken – Wegbereiter Europas. Vor 1500 Jahren: König Chlodwig und seine Erben. 1996. Mainz: Reiss-Museum Mannheim. Vol. 1, 2. 1112 s.
- I Goti a San Marino. Il Tesoro di Domagnano. 1995. Milano: Electa. 64 p.
- Haith C.* 1982. Recherche en cours sur les collections mérovingiennes du British Museum et la tombe perdue d'Artrès // Bulletin de l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne. Vol. 6. P. 31–38.
- Harhoiu R.* 1998. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică. 268 s.
- Harhoiu R., Gora D.,* 2000. Aurul migrațiilor / Das Gold der Völkerwanderungszeit. București: Editura Enciclopedică. 76 S.
- Kazanski M.* 1994. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve – VI siècles // Archéologie Médiévale. Vol. 24. P. 137–198.
- Kazanski M.* 2001. Les épées «orientales» à garde cloisonnée du Ve- VIe siècle // International Connections of the Barbarians in the 1st – 5th centuries A.D. / Eds. E. Istvánovits, V. Kulcsár, Aszód – Nyíregyháza: Osváth Gedeon Museum Foundation; Jóna András Múzeum. P. 389–418.
- Kazanski M.* 2002. La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne). D'après les collections et les archives du Musée des Antiquités Nationales (Europe médiévale, 4). Montagnac: Éditions Monique Mergoïl. 269 p.
- Kazanski M.* 2018. Deux appliques de selle post-hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation // Studia Romana et Mediaevalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata / Dir. D. Aparaschivei, G. Bilavski. București: Editura Academiei Române; Braïla: Editura Istros a Muzeului Braïlei „Carol I”. P. 169–187.
- Kazanski M., Mastykova A., Périn P.* 2002. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonaauraum / Hrsg. J. Tejral, Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno. P. 159–194.
- Kazanski M., Périn P.* 1996. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // Antiquités Nationales. Vol. 28. P. 203–209.
- Legoux R., Péri P., Vallet F.* 2016. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien

- entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. 72 p.
- Menghin W.* 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Theiss. 367 s.
- Menghin W.* (Hrsg.) 2007. Merowingerzeit. Europa ohne Grenzen. Berlin: Minerva. 592 s.
- Molinero Perez A.* 1948. La necropolis visigoda de Duraton Segovia. Excavaciones del Plan Nacional de 1942 y 1943. Madrid: Comisaría General de Excavaciones Arqueológicas. 178 p.
- Molinero Perez A.* 1971. Aportaciones de las excavaciones y hallazgos casuales 1941–1959 al Museo Arqueológico de Segovia. Madrid: Comisaría General de Excavaciones Arqueológicas. 167 p.
- Musche B.* 1988. Vorderasiatischen Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden. Leiden, New York, København, Köln: Brill. 350 S., 117 Taf.
- Oanță-Marghita R.* 2023. The Apahida Princely Graves // Royal Insignia of Late Antiquity from Mšec and Řevničov. Magnificent Finds from the Migration period from Central Bohemia / Eds. J. Jiřík, K. Blažková, J. Bezáková, B. Ager et alii. Rakovník: T.G.M. Museum in Rakovník. P. 81–94.
- L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. 2002. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux. 223 p.
- Pfeiler B.* 1970. Römischer Goldschmuck des 1. und 2. Jahrhunderts n. Chr. nach datierten Funden. Mayence: Philipp Von Zabern. 136 s.
- Pinar Gil J.* 2017. La quotidianità dell'orafa altomedievale, tra stanzialità e mobilità // I maestri del metallo: l'intelligenza nelle mani / Eds. M. Benghelli, M. De Marci. Roma: BraDypUS. P. 9–24.
- Quast D.* 1999. Das «Pektorale» von Wolfsheim, Kr. Mainz-Bingen // Germania. Bd. 77/2. S. 705–718.
- Quast D.* 2005. Völkerwanderungszeitliche Frauengräber aus Hipo Regius (Annaba / Bône) in Algerien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 52. S. 237–315.
- Quast D.* 2006. Mediterrane Scheibenfibeln der Völkerwanderungszeit mit Cloisonnéverzierung – eine typologische und chronologische Übersicht // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd.36. S. 259–278.
- Quast D.* (Hrsg.). 2015. Das Grab des fränkischen Königs Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 518 s.
- Ripoll Lopez G.* 1987. Reflexiones sobre arqueología funeraria, artesanos y producción artística de la Hispania visigoda // Corsi ravennate. Vol. 34. P. 343–373.
- Roth H.* 1980. Almandilhandel und -verarbeitung im Bereich des Mittelmeers // Allgemeine und vergleichene Archäologie. Beiträge. Bd. 2. S. 309–335.
- Rouquete D.* 1969. Les parures wisigothiques de Marseillan Herault // Revue Archéologique de Narbonnaise. Vol. 2. P. 197–205.
- Schulze-Dörrlamm M.* 1990. Die spätrömischen und frühmittelalterlichen Gräberfelder von Gondorf, Gern. Koblenz-Gondorf. Kr. Mayen-Koblenz. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 400 S., 279 Taf.
- Tejral J.* 2011. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR. 466 s.
- Werner J.* 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 138 s.
- Werner J.* 1958. Eine ostrogotische Prunkschnalle von Köln-Severinstor // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 3. S. 55–60.

Werner J. 1966. Zu den donauländischen Beziehungen des Alamannischen Gräberfeldes am alten Gotterbarmweg in Basel // *Helvetia Antiqua. Festschrift Emil Vogt* / Hrsg. R.R. Degen, D.Walter, R. Wyss. Zurich: Conzett & Huber. S. 283–292.

Wood I., 2008. *Les Burgondes // Rome et les Barbares* / dir. J. - J. Aillagon. Venise: Skira. P. 337–339.

Резюме

Рассматриваются некоторые мотивы инкрустационного декора на предметах вооружения и конского снаряжения из Северного Причерноморья эпохи Великого переселения народов. Они принадлежат средиземноморской традиции и, вероятно, имеют ранневизантийское происхождение. В целом инкрустационный орнамент и характер обработки некоторых камней-инкрустаций (с рельефным декором) являются типичными для изделий средиземноморских мастерских. Эти декоративные элементы характерны для украшений, исполненных в технике перегородчатой инкрустации, бытовавших как в гуннское, так и в постгуннское время. «Иконография» орнамента этих вещей очень разнообразна, что свидетельствует об их изготовлении на заказ. Необходимо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, восточные параллели рассмотренных мотивов инкрустационного стиля свидетельствуют если не об их прямом происхождении, то, по крайней мере, о значительном вкладе художественных традиций Ближнего и Среднего Востока в ювелирное искусство римского / византийского Средиземноморья. И во-вторых, отдельные вещи, вроде гарды меча из Тамани, говорят о возможном происхождении некоторых предметов вооружения из мастерских Западного Средиземноморья, что может быть связано с отдельными эпизодами военной истории Боспора Киммерийского в VI в.

Ключевые слова: эпоха Великого переселения народов, Боспор Киммерийский, вооружение, конское снаряжение, инкрустации, стиль *cloisonné*.

Summary

Some motifs of inlay decoration on items of weapons and horse equipment from the Northern Black Sea region of the Great Migration Period are considered. They belong to the Mediterranean tradition and are probably of early Byzantine origin. In general, the inlay ornament and the nature of the processing of some inlay stones (with relief decoration) are typical for products of Mediterranean workshops. These decorative elements are typical of decorations made using the technique of cloisonné inlay, which were common in both Hunnic and post-Hunnic times. The “iconography” of the ornament of these items is very diverse, which indicates that they were made to order. Two things need to be emphasized. Firstly, the eastern parallels of the considered motifs of the inlay style indicate, if not their direct origin, then at least the significant contribution of the artistic traditions of the Near and Middle East to the Roman / Byzantine Mediterranean jewelry. And secondly, individual items, such as the sword guard from Taman, indicate the possible origin of some weapons from workshops in the Western Mediterranean, which may be associated with some episodes in the history of the Cimmerian Bosphorus in the 6th century.

Key words: The Great Migration Period, Cimmerian Bosphorus, weapons, horse equipment, inlays, cloisonné style.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Казанский Михаил Михайлович, д.и.н.,
Национальный центр научных исследований (CNRS),
лаборатория UMR 8167 «Восток и Средиземноморье»,
Париж; Лаборатория «Византийский Крым»
КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь.
e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Мастыкова Анна Владимировна, д.и.н.,
Институт археологии РАН, Москва;
Лаборатория «Византийский Крым»
КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь.
e-mail: amastykova@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kazanski Michel, UMR
8167 “Orient and Mediterranean” Laboratory
at the National Centre for Scientific Research (CNRS),
Paris, France; V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
«Byzantine Crimea» Laboratory, Simferopol.
e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Anna Vladimirovna Mastykova,
Institute of Archaeology of the Russian
Academy of Sciences; V. I. Vernadsky
Crimean Federal University,
«Byzantine Crimea» Laboratory, Simferopol.
e-mail: amastykova@mail.ru

Рис. 1. Сердцевидные вставки на вещах из Керчи и их некоторые прапараллели
1–6: Керчь, два склепа, разграбленных 24 июня 1904 г.; 7: Петросса; 8: Альтылюсхайм; 9: Вона.
1–6: по Засецкая, 1993, табл. 26: 105; 27: 125; 36: 1706; 7: по Harhoiu, Gora, 2000, fig. 12; 8: по
Werner, 1956, Taf. 1; 9: по Curtois, 1955, pl., IX.

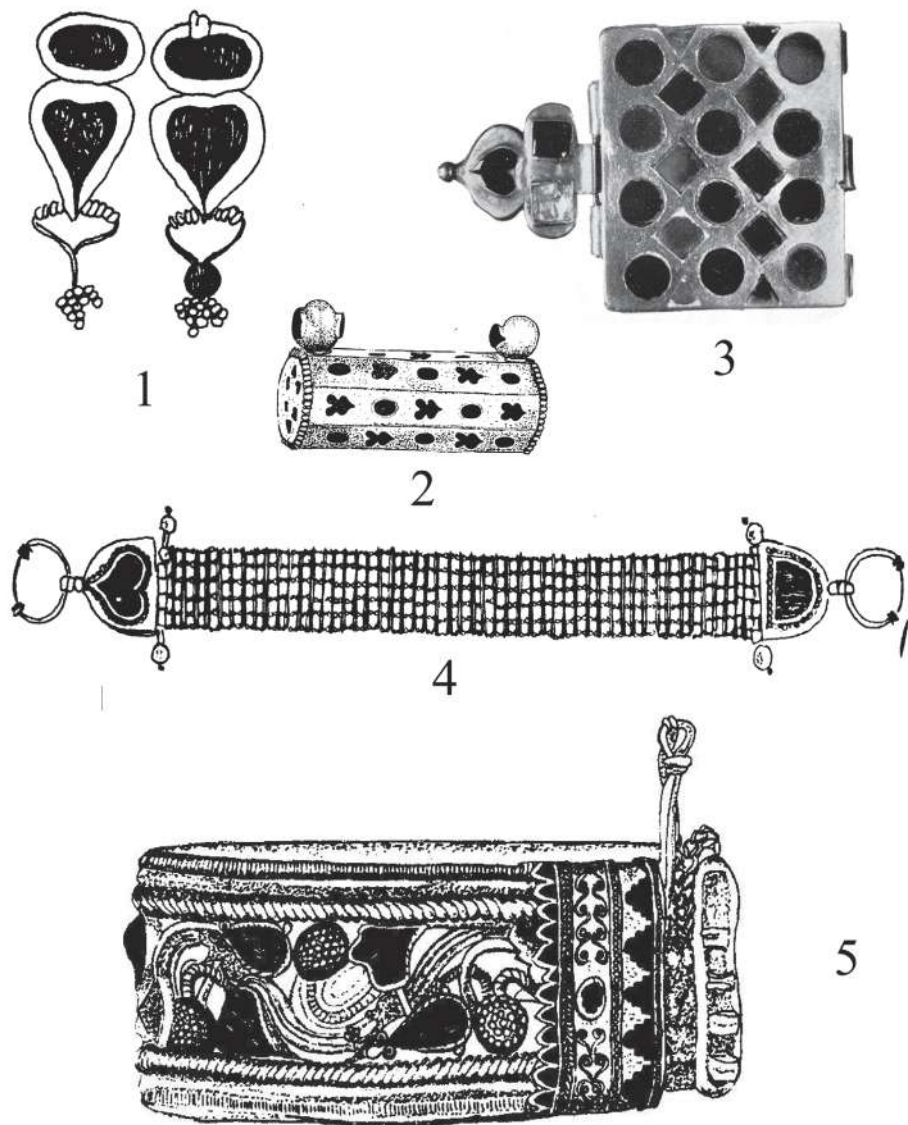
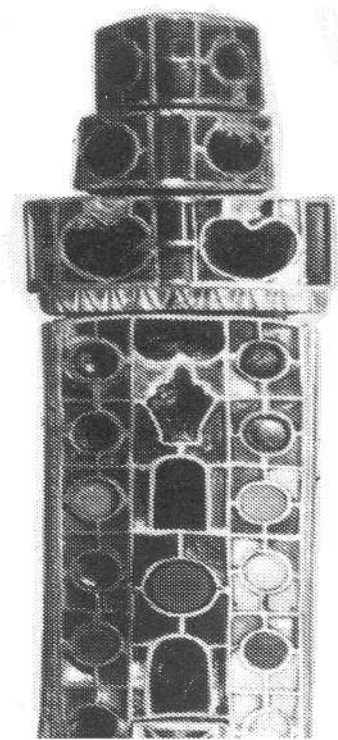

Рис. 2. Сердцевидные вставки на вещах ближневосточного и средневосточного происхождения
1: Армазисхеви; 2: Ахин Пош; 3: Вольфсхайм; 4: Селевкия; 5: Сирия.

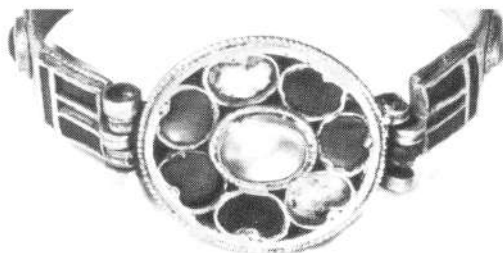
1: по Muche, 1988, Taf. XVI: 11.2.1; 2: по Arrhenius, 1985, fig. 44; 3: по Werner, 1956, Taf. 4: 8; 4: по Muche, 1988, Taf. IV: 1.1.2; 5: по Muche 1988, Taf. LXXV: 8.1.5.

1

2

3

4

5

Рис. 3. Почковидные вставки на вещах из Керчи

1–3: Керчь, два склепа, разграбленных 24.06.1904 г.; 4, 5: Керчь.

1–3: по Засецкая, 1993, табл. 23: 81; 28: 130; 29: 139; 35: 176; 4–5: по Казанский, Мастыкова, 2022, рис. 1: 1, 4.

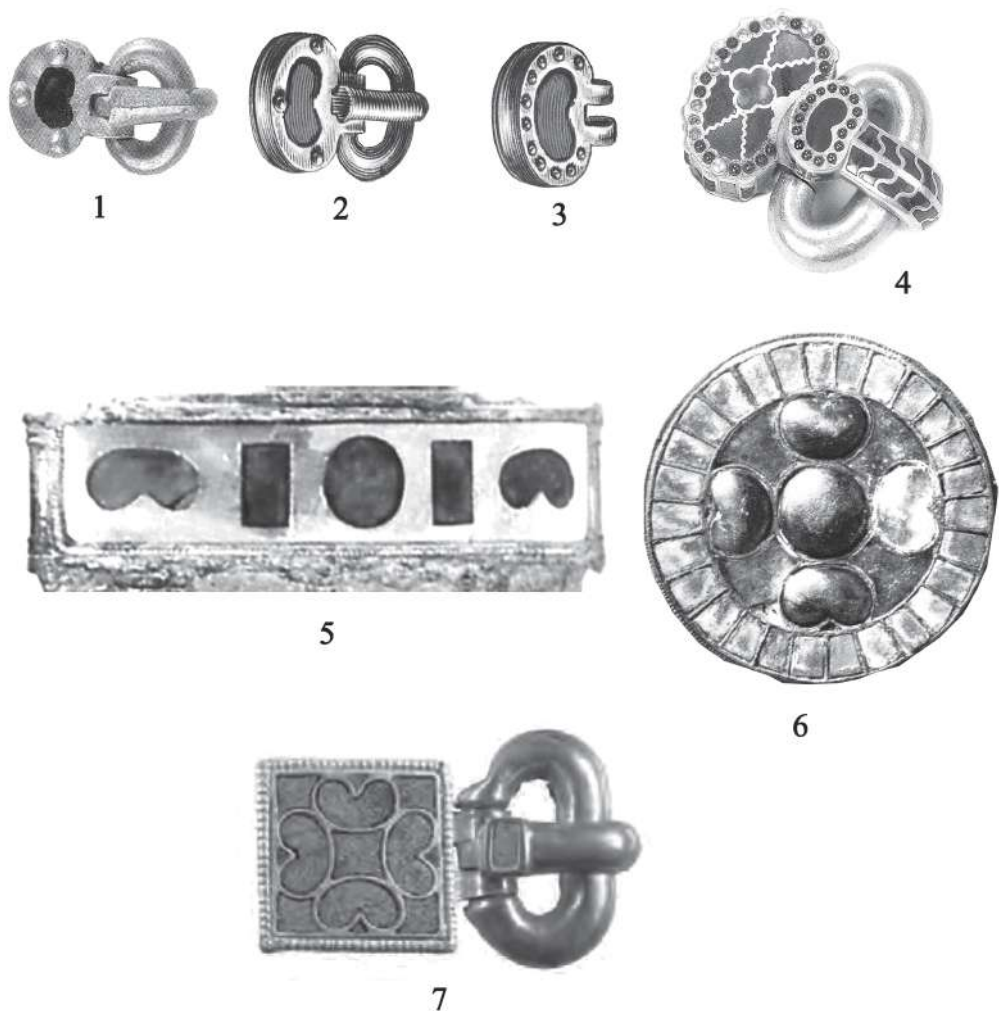

Рис. 4. Некоторые параллели почковидным вставкам из Керчи
 1: Сегед-Надьсекшош; 2, 3: Турнэ, могила короля Хильдерика; 4: Апахида II; 5: Флонсхайм; 6: Бона; 7: Алтынказган, оградка 158.
 1–3: по Казанский, Мастыкова, 2022, рис. 1: 2, 3, 5; 4: по L'Or des princes barbares, 2000, N° 30,7; 6: по Curtois, 1955, pl. IX; 7: по Астафьев, Богданов, 2023, рис. 317.

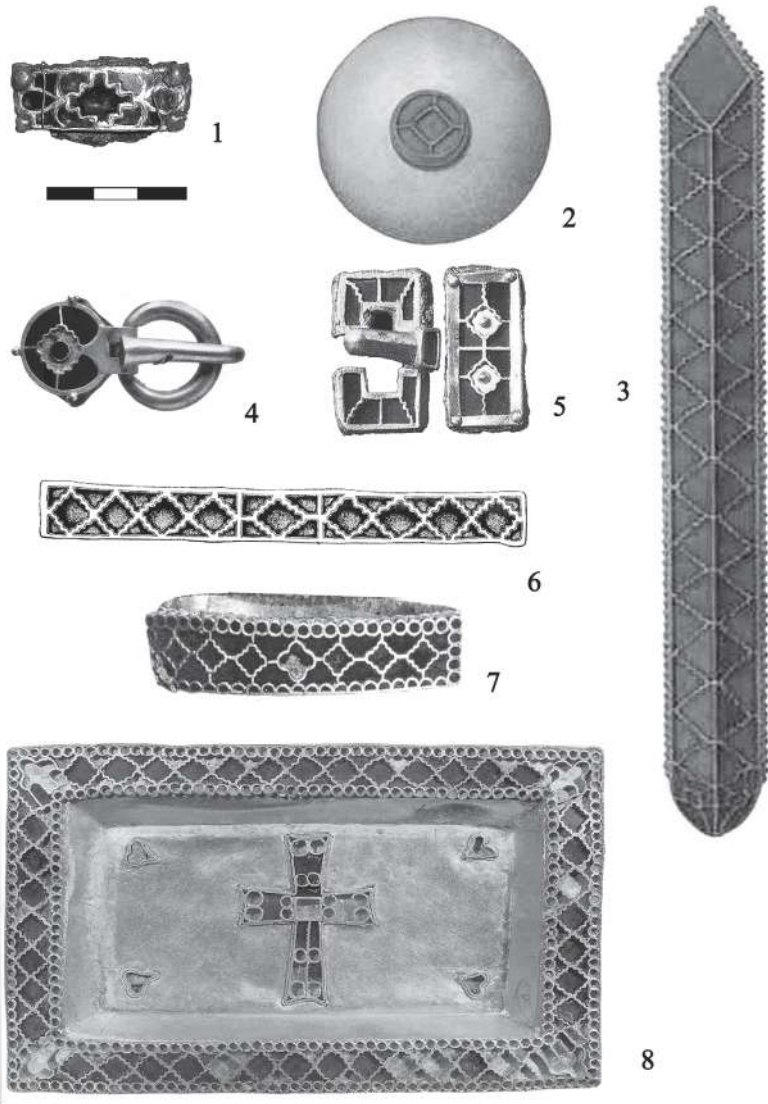

Рис. 5. Вставки со ступенчатым краем на предметах из Керчи и их параллели

1: предположительно Керчь; 2, 3: Керчь, Новиковский склеп; 4: Вольфсхайм; 5: Блучина; 6: Паннонхалма; 7: Турнэ, могила короля Хильдерика; 8: Гурдон.

1: по Засецкая, 1993, табл. 64: 383; 2, 3: по de Baye, 2022, fig. sur la p. 176; 4: по Werner, 1956, Taf. 4: 1; 5: по L'Or des princes barbares, 2000, N° 33, 9; 6: по Adams, 2000, pl. VIII: 4; 7: по Adams, 2000, pl. VIII: 5; 8: по Wood, 2008, Cat. IV.15.

Рис. 6. Мечи из Тамани, погр. 1912 г. (1) и из погр. Дмитриевка-Вольная Вода (2)
1: по Menghin, 2007, I.34,5; 2: по Казанский, 2018, рис. 3: 1.

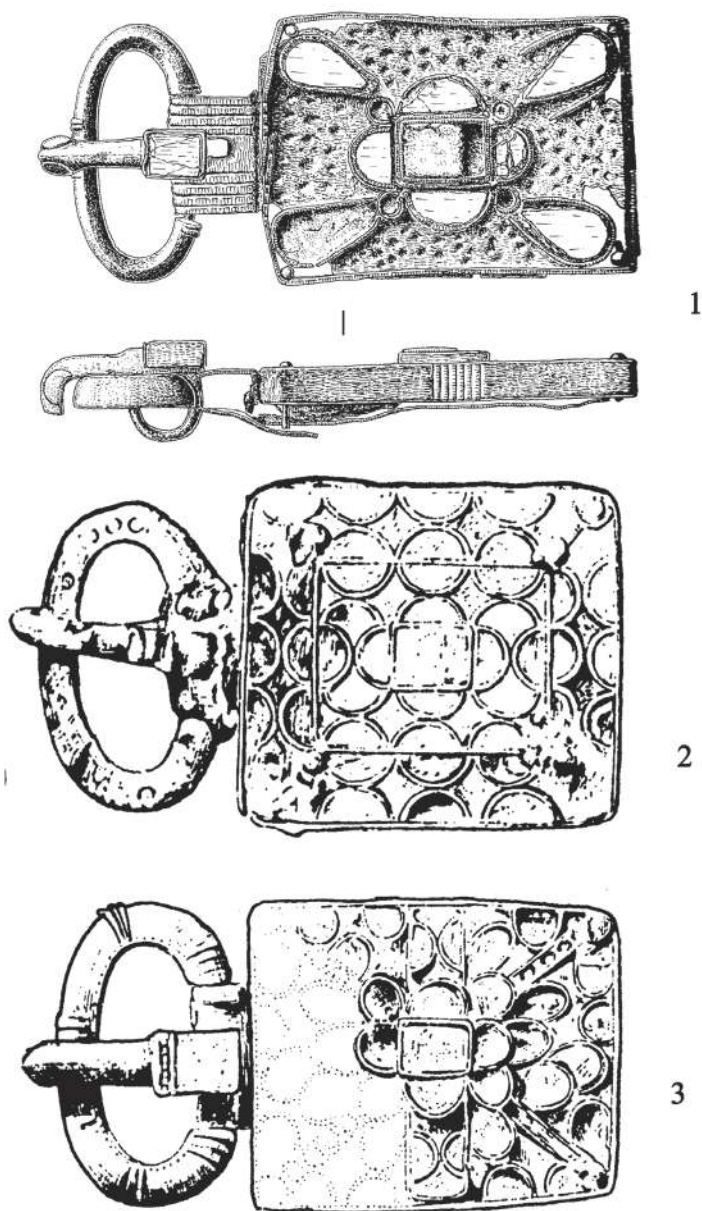

Рис. 7. Параллели четырехлепестковому декору на мече из Тамани

1: Кацера де лас Ринас; 2: Дурагон, погр. 540; 3: Дурагон, погр. 514.

1: по Ardanaz Arranz, 2000, p. 108; 2: Ebel-Zepezauer, 2000, Taf. 23: 55; 3: Ebel-Zepezauer, 2000, Taf. 36: 90.

Рис. 8. Некоторые параллели вставкам с рельефным декором на мече из Дмитриевки

1: Пуан; 2: Мшец; 3: Ялпуг; 4: Апахида II; 5: Трессан.

1: по Adams, 2000, pl. XI; 4: 2: по Blažková, Jiřík, Bezáčková, 2023, fig. 2; 3: фото О. К. Савельева; 4: по Oanță-Marghitu, 2023, fig. 15; 5: по Arrhenius 1985, fig. 40.

С. В. ЯРЦЕВ, Е. В. ШУШУНОВА, А. А. ВНУКОВ
S.V. YARTSEV, E.V. SHUSHUNOVA, A. A. VNUKOV

**К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТАМГ
НА ЗЕРКАЛЕ-ПОДВЕСКЕ ИЗ РАННЕГО ПОГРЕБЕНИЯ
ГУННОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ¹**

**ON THE INTERPRETATION OF TAMGAS
ON A MIRROR-PENDANT FROM AN EARLY HUN BURIAL
IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION**

Появление гуннов в Северном Причерноморье, по археологическим данным, обычно датируется достаточно широко в рамках последней четверти IV в. н.э. [Засецкая, 1994]. Однако некоторые из кочевников гуннского круга племен, например, алпидзуры, явно проникли в регион из глубинных районов Азии немного ранее появления здесь основной волны гуннов (Iord. Get., 126). М. М. Казанским были детально проанализированы памятники указанных варваров, отдельные из которых, по его мнению, относятся к самым ранним подобным объектам. Любопытно, что все данные погребения расположены в Северном Приазовье, то есть фактически вблизи боспорских границ. Возможно, это действительно произошло по той причине, что степи северного побережья Азовского моря до появления новой волны выходцев из Азии контролировались готами Эрманариха, которые стремились не допускать здесь концентрации большого количества кочевников [Казанский, 2010, с. 120–121].

К самым ранним погребениям гуннов этой миграционной волны относится несколько захоронений. Это могила в пещере «колдуна» в урочище Каменная Могила в бассейне реки Молочная [Михайлов, 1993, с. 109–111], остатки погребения по обряду трупосожжения на этой же реке, на могильнике Новофилипповка [Михайлов, 1977, с. 74–82], а также женская ингумация в грунтовой могиле в Кизиярской Балке (Мелитополь) [Засецкая, 1984, с. 68–78; Засецкая, 1994, с. 165–166, табл. 7]. Похоже, действительно именно на этой территории, выходцы с Востока и смогли закрепиться в самом начале своего появления в регионе. Не исключено также, что в это время некоторые представители варварской знати появившихся здесь кочевников, были интегрированы (в рамках договора 369 г. Валента с готами) в состав боспорской аристократии и расселились в древнем Пантикапее. Правда, по смешанному и по большей части давно разграбленному погребальному инвентарю боспорской элиты этого времени вычленить гуннов, равно как и готов, не представляется возможным [Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015, с. 253–255].

¹ Работа выполнена за счет гранта РФФ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.».

В этой связи мы хотим обратить внимание исследователей на еще один из аспектов данной научной проблемы, который не может не вызвать интерес. Учитывая то, что Дж. Маркварт установил связь окончания некоторых тюркских этнонимов с титулом *çur* (зур, дур, дзур), те же алпидзуры могут быть интерпретированы в качестве объединения *alp il çur* («герой-народ-çur») [Marquart, 1910, p. 13; Maenchen-Helfen, 1973, p. 403; Мингазов, 2022, с. 1033]. Нам представляется это важным, так как такое объяснение явно указывает на происхождение данного этнонима от некоего героического обожествленного предка, который с течением времени трансформировался в указанный ранг или титул. Не случайно, тот же термин «бахадур», который бесспорно являлся эпитетом и титулом, а не личным именем [Кубатин, 2017, с. 54–55], восходит к древней тэнгрианской религии (Тангра), а также культу Митры, наименование которого связано с названием древнейшего солнечного божества скифо-саков и прототюрков. Именно корнеслово «тур» свидетельствует об общих архаических тотемических корнях имени Митра и воинского титула багатур, обозначающее дикого быка, который был обожествленным тотемным предком скифо-ариев и гуннов, а позже стал божеством-покровителем воинской касты, включая представителей военизированных тайных религиозных обществ надэтнического характера [Абаев, 2015, с. 177].

Если это так, то применительно к Северному Причерноморью данное обстоятельство сразу наводит на мысли о достаточно хорошо известной здесь династии центральноазиатского происхождения, с одной стороны, связанной с боспорскими правителями Асандром, Аспургом, Митридатом VIII (III), с другой – с пришедшими из Азии кочевниками, которых на этапе появления в регионе возглавляли цари Фарзой и Инисмей [Ярцев, 2022, с. 187–198]. Дело в том, что именно среди этих людей, судя по анализу источников, доминировал культ каких-то легендарных героических предков, по-видимому, широко известных на Востоке. При этом предков прославленных, так как последние с успехом поднимали престиж даже тех династий, которые, на первый взгляд, непосредственно не имели отношения к Северному Причерноморью. Например, некоторые из тамг, связанные с этими варварскими царями, странным образом находят свои аналогии среди царских знаков первых Сасанидов. Так, на навершии и ножнах сарматского меча из погребения в Болгарии (Рошава-Драгане), явно являющимся военным трофеем или дипломатическим даром, помимо собственно личной тамги Инисмея, есть еще целая серия загадочных знаков [Яценко, 2001, с. 176, рис. 26] (рис. 1). Удивительно, но по прошествии достаточно длительного времени одну из них начинает использовать сасанидский шаханшах Шапур I (240–270 гг.), фактически в статусе личного знака-нишана [Яценко, 2021, 184–187, 194, рис. 11, 2] (рис. 2). Более того, эта же тамга в виде прямой черты, отходящего от нее круга и возвышающейся над ним дуги, фигурирует на золотой пластине ножен меча в кургане 2 у с. Пороги Винницкой области, опять же вместе с другими знаками на разных предметах, в том числе и с тамгой Инисмея [Симоненко, 2012а, с. 129–138] (рис. 3). Здесь же на наконечнике гривны размещена еще одна тамга, которая явно

является вариантом интересующего нас знака. С одной стороны круга форма дуги была слегка изменена под сердцевидную форму, с другой, прямую черту заменили торчащими под острым углом прямыми выступами [Симоненко, 2012а, с.138, рис.2, 6] (рис. 4). Любопытно, но близкий знак указанным тамгам размещен на монетах последнего парфянского царя Артабана V, что было замечено С.А. Яценко [Яценко, 2021, с. 187] (рис. 5). В этом случае, с одной стороны круга здесь сразу, без дополнительной линии выступают прямые выступы, с другой же – принципиально сохраняется прямая черта [Sellwood, 1971, p. 301].

На первый взгляд, не совсем ясно, насколько все вышеприведенные факты могут свидетельствовать об использовании данных знаков с целью символического изображения родовых богов и духов покровителей своих обоженных предков. Но сакральная сущность тамг нередко интерпретируется именно таким образом. Похоже, что только позднее такие знаки приобретают функцию маркера родовой или семейной собственности [Рогачев, Ваганова, Деникаева, 2012, с. 79]. В этой связи не исключено, что некоторые из выше обозначенных тамг, демонстрирующих связь между кланами Сарматии и Ираном, могли иметь отношение к основателям династии и только потом представлять того или иного современника и его собственность. Вот почему особое внимание необходимо уделить уникальному сарматскому мечу из Рошава-Драгове, на котором помимо тамги Инисмея на самом наверху были размещены по кругу еще шесть тамг, специально разделенных фигурами «сердечек» на три пары. Судя по общему характеру оформления всей этой круговой картины, именно данные знаки могли иметь отношение к божественным предкам, которые в это время явно фигурировали в какой-то популярной легенде. Заметим, что шесть указанных предков-героев должны быть родственниками, так как во всех этих шести тамгах присутствует одинаковый обязательный центральный элемент – круг, что представляется важным и неслучайным [Negin, Kamisheva, 2018, p. 48, fig.5] (рис.1). Если круг ассоциировать с пиктограммой вечного круговорота времени, а альтернативу этому вряд ли можно предложить [Саламзаде, 2012, с. 65–66], то на память сразу приходит известная древняя легенда о происхождении огузов и, возможно, прародителя всех тюркских народов, так называемого Огуз-хана. Дело в том, что шесть его сыновей действительно отражают всю мировую стихию, а по смысловому содержанию принципиально группируются именно по 3 пары, состоящей из одного небесного и одного земного сына: солнце-зеленая (земля), луна-море, звезда-гора [Соегов, 2018, с. 81]. В этом случае именно тот факт, что каждый из таких сыновей являлся родоначальником определенного племени-народа (всего их по легендарной традиции числилось 24), может хорошо объяснять, почему представители клана Фарзоя-Инисмея, а позднее Шапур I использовали одну из этих тамг, ведь им необходимо было через нее продемонстрировать приверженность своей династии к данным прославленным предкам. Становится также понятным, почему важно это было сделать еще до своего воцарения и получения тронного имени, то есть именно в период демонстрации своих прав на трон, что и было отмечено С.А. Яценко [Яценко, 2021,

с. 185–186]. Хотя, например, Варахран II (274–293 гг.) даже после своего воцарения продолжал изображать на своих монетах одновременно как тамгу основателя династии, так и свой личный знак, что лишний раз свидетельствует о различных функциях указанных символов [Яценко, 2021, с. 186].

Конечно, мы не можем по причине поздней фиксации легенды о родоначальнике тюрков [Соегов, 2018, с. 79] убедительно связать ее с мировоззрением иранцев, на основе возможно схожих космогонических представлений этих народов, хотя такие попытки и предпринимаются [Гасанов, 2000, с. 292–298]. Однако проигнорировать сообщение того же Сыма Цяня о военно-административной реформе шаньюя Модэ (209–174 гг. до н.э.), в ходе которой хуннская система военно-племенного членения была поделена именно между 24 темников (ваньци) [Толстов, 1947, с. 80], было бы так же неверно. Даже если такая идеализированная система в какие-то периоды не сохранялась прочно, особенно на востоке [Крадин, 2020, с. 215–216], на западе, у тех же огузов (туркмен), тесно взаимодействующих с иранскими народами, традиционное деление на 24 племени, несмотря на весь искусственный характер такой традиции, прочно сохранялось вплоть до XX века [Толстов, 1947, с. 78–79].

В этой связи существует вероятность того, что проникшие далеко на запад, такие легендарные представления хунну были в какой-то форме восприняты иранцами. Заметим, что знак приведенного выше «сердечка» разделяющий пары тамг на мече из Рошава-Драгове, хорошо известен в Иране [Яценко, 2001, с. 183, рис.33, а] (рис.6). Отдельные же части данных тамг, отражающих земной круг, можно встретить и среди тюркских знаков [Самашев, Базылхан, Самашев, 2010, с. 61, рис. 74, с. 85, рис. 85, с. 155, № 126] (рис. 7). При этом одна из тамг с указанного меча из Рошава-Драгове, выделенная отдельно от указанных шести знаков и оформленная в божественном образе вращающейся по кругу (вокруг центра земли?) [Negin, Kamisheva, 2018, p. 48, fig. 5; p. 49, fig. 6] (в виде коромысла-ярма с крючкообразно загнутыми во внешнюю сторону концами, возможно семантически связанная с рогами архара), именно у гуннов приобретает особое значение и популярность (тамга самого родоначальника?) (рис. 8). Учитывая ее фиксацию на бомбогорской стеле в Монголии, она действительно может иметь отношение к формированию здесь конкретного тюркского этнокультурного массива и в дальнейшем маркировать путь продвижения его на запад [Самашев, Базылхан, Самашев, 2010, с. 57, 87, рис. 91, с. 88, рис. 92, с. 89, рис.94].

При этом обращает на себя также внимание, что не последнюю роль в установлении связей между Северным Причерноморьем и Ираном в I в. н.э. сыграли представители царского клана Фарса, откуда происходил и род самого Сасана, что следует из анализа триумфального рельефа Шапура I в Накш-и Раджабе, где наследник престола изображен вместе с указанными особами из династии Фратакаров. Последние выделены здесь особым знаком известным на монетах правителя Фарса Пакора I (перв.пол. I в. н.э.) [Яценко, 2021, с. 187–188, рис. 6, 4] (рис. 9). Любопытно, но помимо отмеченных С.А. Яценко в Северном

Причерноморье находок изображений данного знака, родственная последнему тамга (в зеркальном отражении), фигурирует также в богатом тамгами сарматском погребении недалеко от села Козырки (рядом с Ольвией), причем вместе с тамгой царя Фарзоя [Симоненко, 2012б, с. 241–262] (рис. 10). Помимо этого, здесь отмечены еще две интересные тамги [Симоненко, 2012б, с. 260–261, рис. 7/29, 8], одна из которых явно родственна знаку боспорского царя Аспурга [Симоненко, 2012б, с. 260–261, рис. 7/29], другая схожая с ней, но имеет центральную фигуру – кружок [Симоненко, 2012б, с. 260–261, рис. 7/20]. Это сближает ее с другими знаками, обладающими такой особенностью, в том числе и с изображенными на навершие меча из Рошава-Драгове [Симоненко, 2012б, с. 260–261, рис. 8], которые, возможно, были связаны с верой людей в своих обожествленных родоначальников.

В связи со всем вышесказанным возникает резонный вопрос. Не могли ли тюркские племена, пришедшие в начале второй половины IV в. н.э. в Северное Причерноморье и, возможно, имеющие общих прославленных героических предков, в том числе и с боспорскими царями, добровольно соединиться с местными представителями этого сарматского в своей основе клана? Может быть, именно в результате такого слияния совершенно новое, возникшее уже в Северном Приазовье объединение и получило название алпидзуры, таким образом, отразив в нем свой главный объединяющий фактор – особое почитание общих прославленных легендарных предков.

По нашему мнению, именно на такое развитие событий косвенно указывает анализ археологического материала самых ранних, выявленных здесь гуннских погребений. Так, особенности одного из таких гуннских захоронений в северопричерноморском регионе (в пещере «Колдуна») прямо демонстрируют культ поклонения горам и связь с важнейшим тюркским понятием «гора-предок» [Михайлов, 1993, с.110], что хорошо соотносится с сакральной функцией одного из сыновей родоначальника тюрков из вышеупомянутой нами легенды. Более того, похоже, что материал одного из таких ранних гуннских комплексов в северопричерноморском регионе в бассейне реки Молочная (могильник Новофилипповка) происходит как раз из поминального комплекса, который хорошо известен не только на востоке, но и в понтийских степях [Казанский, 2010, с. 120, прим. 1]. Все это косвенно может свидетельствовать в пользу возможного образования в Северном Причерноморье нового варварского объединения посредством соединения выходцев из Азии с местными представителями сарматского клана на основе наличия общих предков, по-видимому, хорошо известных по легендам и мифам.

В этой связи важно обратить внимание на ряд предметов из инвентаря другого погребения, обнаруженного под Мелитополем в Кизиярской Балке. С одной стороны, мы видим здесь вещи в полихромном стиле (как, например, редкую диадему, украшенную зернью, аналог которой находится в Азии) [Казанский, Мاستыкова, 2009, с.120]. С другой стороны, среди погребального инвентаря выделяются позднесарматское зеркало местного происхождения с двумя необычными знаками. Основное цен-

тральное место занимает здесь сарматская тамга [Яценко, 2001, с. 172, рис. 22, А] с наложенным на нее же зеркальным изображением [Казанский, 2010, с.125, рис.4,4]. Несмотря на то, что тамга имеет центральноазиатское происхождение и хорошо известна в Северном Причерноморье со II в. н.э. (в двух зеркальных отражениях) [Яценко, Рогожинский, 2021, с. 742], в такой протекции она еще никогда не изображалась (рис. 12). Другая тамга разместилась на самом верху зеркала, на свободном пространстве боковой петли. Очевидно, что наличие ее на данном культовом предмете представлялось очень важным для владельца, но места для этого практически уже не было. По этой причине даже круглое отверстие для подвешивания, было использовано для обозначения данного знака. Этот фактор мог быть причиной деформации исходных пропорций последнего, что необходимо учитывать при его анализе. В итоге тамга представляет собой два отростка, которые уходят под углом прямо вниз от указанного отверстия-круга и загибаются вовнутрь. Возможно даже, что изначально они являлись единой дугой. Мы считаем, что прямой или даже чуть острый угол, который создают эти отростки, и, самое главное, ровные линии их сторон являлись важной и принципиальной чертой данного знака, что резко сужает нам поиски аналогов. Несмотря на то, что дуга с плавно загнутыми концами является довольно распространенным элементом сарматских и тюркских знаков-тамг, она очень редко встречается в виде прямых линий своих отростков. В этой связи более всего тамга с верхней части зеркала из Мелитополя напоминает половину знака с гривны из Порогов, которая фигурировала там вместе со знаком Инисмея (рис. 4). Судя по предмету, на который была нанесена тамга, – золотой гривне, определяющей высокий социальный статус покойного, возможно, прямые линии отростков данной тамги являлись характерной чертой именно царских знаков. Во всяком случае, еще одна похожая тамга, отличающаяся такой же особенностью, фигурирует в том числе на золотых браслетах из Ольвии и царской могиле с золотой маской из Пантикапея III в. н.э. [Яценко, 2016, с. 242–244; Яценко, 2019, с. 243, рис. 6, 1] (рис. 13). Заметим, что именно такой угол излома и ровные линии дуг, хотя и не создающие замкнутой фигуры, напоминают прямые стороны «сердечек» и некоторые части тамг треугольной формы с навершия меча из Рошава-Драгове. Правда, дуги тамги из Мелитополя выходят непосредственно из круга-отверстия, в отличие от некоторых приведенных выше аналогов, у которых круг находится выше. Однако, как уже говорилось, данная особенность может объясняться отсутствием места для указанного знака в полном его виде. Острая необходимость для женщины размещения на личных зеркалах тамг могла быть связана со знаками родного клана, от которого она по причине выхода замуж была оторвана [Яценко, 2016, с. 218]. К этому стоит только добавить, что, помимо знаков своего клана, в такой ситуации, могли также фигурировать и тамги связанные с легендарными предками – родоначальниками династии. Согласимся, что все это сильно напоминает наш случай и косвенно может свидетельствовать о возможном союзе в начале второй половины IV в. н.э. новых выходцев с Востока и местных кочевников, на основе наличия общих легендарных предков.

Все вышесказанное хорошо согласуется с тамгой, занимающей основное центральное место зеркала из раннего гуннского захоронения. В различных вариантах, она известна в Северном Причерноморье, еще начиная с I в. н.э. При этом есть все основания связывать ее появление в регионе именно с событиями, так или иначе имеющими отношение к боспоро-римской войне 45–49 гг. (Cass. Dio, LX, 28, 7; Tacc. Ann., XII, 15–21). Дело в том, что именно после указанных событий в Северном Причерноморье и пленении римлянами Митридата VIII (III) произошли значительные этнические изменения, которые хорошо прослеживаются по археологическому материалу, нашедшему отражение в появлении в регионе ярких погребальных комплексов с вещами бирюзово-золотого стиля. Новых выходцев из Азии возглавлял царь Фарзой, установивший свою гегемонию в регионе и заставивший римлян пойти на соглашение с ним [Зубарь, 1998, с. 45–48; Симоненко, 1992, с. 148–162; Симоненко, 2012а, с. 129–138; Ярцев, 2014, с. 104–128]. Существует предположение, что у Фарзоя в Северном Причерноморье были союзники как среди варваров, так и среди эллинов. Более того, некоторые обстоятельства позволяют нам предполагать, что Фарзой и его преемник Инисмей имели какое-то отношение к правящей боспорской династии Асандра – Аспурга – Митридата VIII (III) [Ярцев, 2022, с. 187–198]. По этой причине они действительно могли быть вызваны с востока на помощь своим терпящим поражение родственникам [Ярцев, 2014, с. 124; Ярцев, 2022, с. 191]. Возможно, такими союзниками Митридата VIII (III) являлись варвары, имевшие оригинальную тамгу и расселенные к началу боспоро-римской войны на землях царской хоры Европейского Боспора. Данный знак (№7) вместе с другими подобными тамгами (всего 12 тамг и 2 монограммы) фигурирует на части плиты (писаницы), найденной Н.И.Винокуровым в ходе раскопок городища Артезиан, изначально бывшей почетным декретом или строительной надписью (рис. 14). При этом интересующая нас тамга относится ко второй группе знаков данного памятника [Винокуров, Чореф, 2022, с. 22], которая, по-видимому, отражает возобновление варварской службы на Боспоре в I в. н.э. при Митридате VIII (III) в новых, изменившихся условиях.

В ходе боспоро-римской войны и в последующий период утверждения на Боспоре проримского ставленника Котиса I указанная писаница со знаками боспорских антиримских союзников была сброшена со своего первоначального места [Винокуров, 2016, с. 184–186, 220, рис. 14; Винокуров, Чореф, 2022, с. 17–19]. Это свидетельствует в пользу того, что варвары, оставившие свои родовые тамги на данной плите, занимали антиримскую позицию и были уничтожены или покинули территорию Боспора после победы Котиса I. Однако любопытно, что интересующий нас центральный знак (№7) потерял свой статус еще до этих событий, так как он был старательно перечеркнут, возможно, крестообразными линиями другой тамги. Правда, если такое устранение памяти о клане, занимавшем самое почетное место среди других варварских наемников и союзников в I в. н.э., действительно имело место [Винокуров, Чореф, 2022, с. 25], то это должно было произойти еще при Митридате VIII (III), когда все остальные знаки многочисленных кланов еще не потеряли своего

значения. Не исключено, что именно предложение опереться в борьбе с римлянами на помощь с Востока могло стать причиной конфликтной ситуации указанных наемников с верховной властью. Следовательно, данные варвары могли покинуть территорию Крыма еще до начала военных действий боспоро-римской войны [Ярцев, 2023, с. 40].

Интерес к варварам, оставившим тамгу (№7) на плите из Артезиана, не случаен. Ее основой является знак в виде дугообразной линии, с одного края закругляющейся в виде плавного полукруга, а с другого – обрывающейся выделенным острым углом². Именно на основе этого знака образована и тамга с зеркала из гуннского погребения в Кизиярской Балке. Знак не простой, он явно делится на три зоны: нижней, в виде отходящей под углом горизонтальной черты, средней, в виде ровной линии, и верхней, в виде закругляющегося полукруга. Если это так, то, возможно, речь здесь может идти о схематическом изображении Древа Жизни, наиболее часто встречающегося мотива в искусстве кочевых и, в частности, тюркских, народов [Ярцев, 2023, с. 40].

Интерес вызывает и то обстоятельство, что изображение данного знака в мире кочевников фигурирует в достаточно большом количестве разнообразных форм, включая крест и триквест [Ярцев, 2023, с. 40–42]. На плите же из Артезиана, а также в святилище Байте-III в районе Северо-Западного Устюрта [Яценко, 2001, с. 156, рис. 6, 86, с. 166, рис. 16, 7; Самашев, Базылхан, Самашев, 15–16, рис. 5] сложная форма тамги (№7) была получена в результате соединения в вертикальной проекции двух сложносоставных знаков, каждый из которых был образован из зеркального и перевернутого отображения интересующей нас тамги. Вызывает интерес и то, что в центре всех полукругов дополнительно были отмечены еще и точки (символ зарождения мира?), что явно было сделано не случайно [Ярцев, 2023, с. 40].

Не исключено, что широкая вариативность изображения того или иного знака, была связана с необходимостью достижения определенных целей в конкретный исторический период [Ярцев, 2023, с. 43]. Следовательно, при анализе любой тамги, необходимо также учитывать ее идеологическое содержание. В этой связи, возможно, именно связь интересующего нас знака через образ Мирового (Родового) Древа с какими-то, вероятно, мифологическими родоначальниками объясняет ее особую популярность у различных кланов и народов на довольно большом пространстве Великой степи. Очевидно, что это был наиболее эффективный способ демонстрации своих знаменитых родоначальников, определяющий высокий статус и знаменитость всего рода [Ярцев, 2023, с. 43].

В этой связи отметим, что сочетание указанной тамги с орнаментальным мотивом, как в случае с тамгой на зеркале из гуннского захоронения из Кизиярской Балки, как правило, происходило с целью обращения к той или иной модели мира, характерной для многих культурно-исторических и этнических регионов Евразии, а также космологии древних народов. Обычно это трехчленное или горизонтальное вертикальное членение мира нередко в понимании сторон света – север, юг, восток и запад [Джаксон, Коновалова, Подосинов 2013, с. 100–101]. Очевидно, это требовалось для

выделения связанных с той или иной зоной членения мира некоторых персонажей мифологии, к которым представители знатных династий обычно и возводили своих мифических предков [Ярцев, 2023, с. 43]. Видимо, именно так и поступили представители династии Фарзоя – Инисмея. На диске на мече из Рошава-Драгове, где на ножнах, напомним, фигурировал и личный знак Инисмея, интересующая нас тамга была размещена один раз как часть сложносоставного знака в виде своего зеркального отражения (для создания двузубца), а второй раз уже в виде двух указанных двузубцев, зеркально отображенных друг к другу (рис. 1). Мы считаем, что данный знак специально был трансформирован до формы, позволяющей вызвать ассоциации с размещенной здесь же царской тамгой реально существовавшего в то время царя Инисмея [Ярцев, 2023, с. 44–45].

Все это может объяснить ситуацию, сложившуюся уже во второй половине IV в. н.э. в Северо-Восточном Причерноморье в связи с появлением здесь новой волны кочевников с востока. Другими словами, алпидзуры, судя по всему, продвигались в процессе миграции не «вслепую», открывая для себя неизведанные края, а целенаправленно уходили на запад к своим дальним родственникам, прекрасно зная путь и, возможно, даже особенности климата и местности северо-причерноморского региона.

Таким образом, тамга с зеркала-подвески из раннего гуннского погребения Кизиярской Балки (Мелитополь) свидетельствует о наличии у пришедших в Северное Причерноморье алпидзуров и местных кочевников общих легендарных предков. Более того, как у алпидзуров, так и у их родственников, в том числе и из числа боспорской знати, в достаточной степени был развит особый пласт религиозных представлений, связанный с почитанием своих прославленных предков. Видимо, именно на базе таких представлений, подошедшие в Северное Причерноморье кочевники, имеющие общих прославленных героических предков с местными варварами, смогли создать с последними совершенно новое, возникшее уже в Северном Приазовье объединение, получившее название алпидзуры («герой-народ-дзур»).

Возможно, именно такое тесное взаимодействие с представителями боспорской и варварской элиты Северного Причерноморья способствовало не только быстрой адаптации к местным условиям, но и к переходу части указанных варваров на оседлый образ жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев Н. В.* Мадарский всадник, митризм, тэнгрианство и героический эпос народов внутренней Азии // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 14 А. С. 176–180.
- Винокуров Н. И.* Городище Артезиан – царская крепость на Европейском Боспоре // Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника / Под ред. Т.В.Умрихиной. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. Вып. V. С. 180 – 236.
- Винокуров Н. И., Чореф М. М.* Писаница из цитадели городища Артезиан: двадцать лет исследования // Русин. 2022. №70. С. 13–35.
- Гасанов З.* «Царские скифы». Этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов. New York: Liberty Publishing House, 2000. 486 p.
- Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Подосинов А. В.* Imagines mundi: Античность и Средневековье. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 424 с.
- Засецкая И.П.* Дата мелитопольского комплекса в свете проблемы хронологии памятников гуннской эпохи // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 68–78.
- Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв. н.э.). СПб.: АО «Эллипс», 1994. 224 с.
- Зубарь В. М.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в.). Киев: ИА НАН Украины, 1998. 200 с.
- Казанский М. М.* Ранние погребения гуннов в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / Под ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. Ч. 2. С. 119–127.
- Казанский М. М., Мاستыкова А. В.* «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Под ред. А.Г. Фурасьева. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.
- Крадин Н. Н.* Империя хунну. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2020. 304 с.
- Кубатин А. В.* К вопросу о присвоении титулов у древних тюрков // International Journal of Central Asian Studies. 2017. V. 21.P. 51–71.
- Мингазов Ш. Р.* К вопросу об этнических и политических взаимосвязях гунно-булгарских народов IV – VI вв. (на материалах анализа группы этнонимов). Часть 1 // Ориенталистика. 2022. №5. С. 1029–1042.
- Михайлов Б. Д.* Похоронення мідника гуннського часу в Північному Приазов'ї // Археологія. 1977. №24. С. 74–82.
- Михайлов Б. Д.* Погребение гуннского времени на Каменной Могиле в Северной Таврии // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 109–111.
- Рогачев В. И., Ваганова Е. Н., Деникаева Е. А.* К проблеме бытования «знамен» и тамга-знаков у финно-угорских и тюркских народов // Историко-культурное наследие и современная культура / Под ред. Г.Т.Телебаева. Алматы: «Service Press», 2012. С. 76–83.
- Саламзаде Э.* Тамга и туг. Визуальная идентификация в тюркской культуре // Историко-культурное наследие и современная культура / Под ред. Г.Т. Телебаева. Алматы: «Service Press», 2012. С. 62–67.
- Самашев З., Базылхан Н., Самашев С.* Древнетюркские тамги. Алматы: АБДИ «Компани», 2010. 168 с.

- Симоненко А. В. Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3. С. 148–162.
- Симоненко А. В. Об этнической принадлежности Фарзоя и Инисмея // Золото, конь и человек. Киев: Скиф, 2012а. С. 129–138.
- Симоненко А. В. Сарматское погребение с тамгами на территории Ольвийского государства // Золото, конь и человек: сб. ст. к 60-летию А. В. Симоненко. Киев: КНТ, 2012б. С. 241–262.
- Соегов М. О женах Огуз-хана, их сыновьях и отдельно о Гёк-хане // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. №2. Т.1. С. 79–83.
- Толстов С. П. Города Гузов (Историко-этнографические этюды) // Советская этнография. 1947. №3. С. 55–102.
- Ярцев С. В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2014. 356 с.
- Ярцев С. В. К вопросу о выделении центральноазиатской династической линии боспорской аристократии // Материалы по истории и археологии античного и средневекового Причерноморья. 2022. № S1. С. 187–198.
- Ярцев С. В. Некоторые обстоятельства появления варваров Фарзоя и Инисмея в Северном Причерноморье в контексте этнической ситуации в Восточном Крыму в первой половине I в. н.э. // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. №9. С. 37–49.
- Яценко С. А. Знаки-тамги из некрополя Бельбек IV // Гуцина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016. Ч.1. С. 216–218.
- Яценко С. А. Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I–IV вв. н.э. // Stratum plus. 2019. №4. С. 235–256.
- Яценко С.А. Знаки-нишан аристократии сасанидского Ирана // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. №5. С. 179–201.
- Яценко С. А., Рогожинский А. Е. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей // Материалы по истории и археологии античного и средневекового Причерноморья. 2021. №13. С. 733–767.
- Maenchen-Helfen O. J. The World of The Huns. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1973. 602 p.
- Marquart J. Καρυπαλονχ, der “skythische” Name der Maiotis. Keleti – Szemle – Revue Orientale. 1910. V. IX. P. 1–26.
- Negin A., Kamisheva M. Armour of the Cataphractarius from the «Roshava Dragana» Burial Mound // Archaeologia Bulgarica. 2018. XXII.1. P.45–70.
- Sellwood D. An Introduction to the Coinage of Parthia. London: Spink & Son, 1971. 315 p.

REFERENCES

- Abaev N. V.* Madarskij vsadnik, mitriazm, tengrianstvo i geroicheskij epos narodov vnutrennej Azii // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. Vyp. 14 A. S. 176–180.
- Vinokurov N. I.* Gorodishche Artezian – carskaya krepost' na Evropejskom Bospore // Vostochno-Krymskij istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik. Nauchnyj sbornik Vostochno-Krymskogo muzeya-zapovednika / Pod red. T.V.Umrhinoj. Simferopol': Biznes-Inform, 2016. Vyp. V. S. 180- 236.
- Vinokurov N. I., Choref M. M.* Pisanica iz Citadeli gorodishcha Artezian: dvadcat' let issledovaniya // Rusin. 2022. №70. S. 13–35.
- Gasanov Z.* «Carskie skify». Etnoyazykovaya identifikaciya «carskih skifov» i drevnih oguzov. New York: Liberty Publishing House, 2000. 486 p.
- Dzhakson T. N., Konovalova I. G., Podosinov A. V.* Imagines mundi: antichnost' i srednevekov'e. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2013. 424 s.
- Zaseckaya I. P.* Data melitopol'skogo kompleksa v svete problemy hronologii pamyatnikov gunnskoj epohi // Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya / Pod red. A.I. Melyukovoj, M.G. Moshkovoij, V.G. Petrenko. M.: Nauka, 1984. S. 68–78.
- Zaseckaya I. P.* Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepej v gunnskuyu epohu (konec IV – V vv. n.e.). SPb.: AO «Ellips», 1994. 224 s.
- Zubar' V. M.* Severnyj Pont i Rimskaya imperiya (seredina I v. do n.e. — pervaya polovina VI v.). Kiev: IA NAN Ukrainy, 1998. 200 s.
- Kazanskij M. M.* Rannie pogrebeniya gunnov v Severnom Prichernomor'e i na Srednem Dunae // Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoj Evropy v epohi rimskih vliyanij i Velikogo pereseleniya narodov / Pod red. A.M. Voroncova, I.O. Gavrituhina. Tula: Gos. muzej-zapovednik «Kulikovo pole», 2010. Ch. 2. S. 119–127.
- Kazanskij M. M., Mastykova A. V.* «Carskie» gunny i akaciry // Gunny, goty i sarmaty mezhdou Volgoj i Dunaem / Pod red. A.G. Furas'eva. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. S. 114–126.
- Kradin N. N.* Imperiya hunnu. SPb: Izd-vo Olega Abyshko, 2020. 304 s.
- Kubatin A. V.* K voprosu o prisvoenii titulov u drevnih tyurok // International Journal of Central Asian Studies. 2017. V. 21.R. 51–71.
- Mingazov Sh. R.* K voprosu ob etnicheskikh i politicheskikh vzaimosvyazyah gunno-bulgarskikh narodov IV-VI vv. (na materialah analiza gruppy etnonimov). Chast' 1 // Orientalistika. 2022. №5. S. 1029–1042.
- Mihajlov B. D.* Pohovannya midnika gunns'kogo chasu v Pivnichnomu Priazov'ii // Arheologiya. 1977. №24. S. 74–82.
- Mihajlov B. D.* Pogrebenie gunnskogo vremeni na Kamennoj mogile v Severnoj Tavrii // MAIET. 1993. Vyp. III. S. 109–111.
- Rogachev V. I., Vaganova E. N., Denikaeva E. A.* K probleme bytovaniya «znamen» i tamga-znakov u finno-ugorskikh i tyurkskikh narodov // Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennaya kul'tura / Pod red. G.T.Telebaeva. Almaty: «Servise Press», 2012. S. 76–83.
- Salamzade E.* Tamga i tug. Vizual'naya identifikaciya v tyurkskoj kul'ture // Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennaya kul'tura / Pod red. G.T. Telebaeva. Almaty: «Servise Press», 2012. S. 62–67.
- Samashev Z., Bazyghan N., Samashev S.* Drevnetyurkskie tamgi. Almaty: ABDI «Kompani», 2010. 168 s.

- Simonenko A. V.* Farzoy i Inismej – aorsy ili alany? // VDI. 1992. № 3. S. 148–162.
- Simonenko A. V.* Ob etnicheskoy prinadlezhnosti Farzoya i Inismeya // Zoloto, kon' i chelovek. Kiev: Skif, 2012a. S. 129–138.
- Simonenko A. V.* Sarmatskoe pogrebenie s tamgami na territorii Ol'vijskogo gosudarstva // Zoloto, kon' i chelovek: sb. st. k 60-letiyu A. V. Simonenko. Kiev: KNT, 2012b. S. 241–262.
- Soegov M.* O zhenah Oguz-hana, ih synov'yah i otdel'no o Gyok-hane // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №2. T.1. S. 79–83.
- Tolstov S. P.* Goroda Guzov (Istoriko-etnograficheskie etyudy) // Sovetskaya Etnografiya. 1947. №3. S. 55–102.
- Yarcev S. V.* Severnoe Prichernomor'e v rimskij period i problema gotskoj ekspansii. Tula: Izd-vo TGPU im. L.N.Tolstogo, 2014. 356 s.
- Yarcev S. V.* K voprosu o vydelenii central'noaziatskoj dinasticheskoy linii bosporskoj aristokratii // Materialy po istorii i arheologii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya. 2022. № S1. S. 187–198.
- Yarcev S. V.* Nekotorye obstoyatel'stva poyavleniya varvarov Farzoya i Inismeya v Severnom Prichernomor'e v kontekste etnicheskoy situacii v Vostochnom Krymu v pervoj polovine I v. n.e. // Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2023. №9. S. 37–49.
- Yacenko S. A.* Znaki-tamgi iz nekropolya Bel'bek IV // Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu. V 2 ch. M.: Istoricheskij muzej, 2016. Ch.1. S. 216–218.
- Yacenko S. A.* Muzhchiny sarmatskogo proiskhozhdeniya v nekropolyah bosporskoj elity I–IV vv. n.e. // Stratum plus. 2019. №4. S. 235–256.
- Yacenko S. A.* Znaki-nishan aristokratii sasanidskogo Irana // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2021. №5. S. 179–201.
- Yacenko S. A., Rogozhinskij A. E.* Neskol'ko zametok o znakah-tamgah sarmatov i ih sosedej // Materialy po istorii i arheologii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya. 2021. №13. S. 733–767.

Резюме

Статья посвящена проблеме появления гуннов в Северном Причерноморье во второй половине IV в. н.э. Существует мнение, что некоторые из кочевников гуннского круга племен, например, алпидзуры, проникли в регион из глубинных районов Азии немного ранее появления здесь основной волны гуннов. Авторы с целью решения данной проблемы предлагают привлечь в качестве важнейших источников для исследования две тамги на зеркале-подвеске из женского погребения Кизиярская Балка (Мелитополь), относящегося к одному из ранних погребений гуннов в Северном Причерноморье. На основании тщательного анализа данных тамг авторы приходят к выводу, что пришедшие в Северное Причерноморье алпидзуры и местные кочевники имели общих легендарных предков. Более того, как у алпидзуров, так и у их родственников, в том числе и из числа боспорской элиты, в достаточной степени был развит особый пласт религиозных представлений, связанный с почитанием своих прославленных родоначальников. Видимо, именно на базе таких представлений подошедшие в Северное Причерноморье кочевники, имеющие общих прославленных героических предков с местными варварами, смогли создать с последними совершенно новое, возникшее уже в Северном Приазовье объединение, получившее название алпидзуры («герой-народ-дзур»). Возможно, именно такое тесное взаимодействие с представителями боспорской и варварской элиты Северного Причерноморья способствовало не только быстрой адаптации к местным условиям, но и переходу части указанных варваров на оседлый образ жизни.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспорское царство, царь Фарзой, царь Инисмей, гунны, алпидзуры, сарматы, погребения, тамги, миграция.

Summary

The article is focused on the emergence of the Huns in the Northern Black Sea coast in the second half of the 4th century AD. There is an opinion that some of the nomads of the Hunnic circle of tribes, for example, the Alpidzurs, penetrated into the region from the deep regions of Asia, a little earlier than the appearance of the main wave of Huns here. In order to solve this issue, the authors suggest that two tamgas on a mirror-pendant from the female burial of Kiziyarskaya Gully (Melitopol), which belongs to one of the earliest burials of the Huns in the Northern Black Sea region, should be used as the most important sources of research. On the basis of careful analysis of tamga data, the authors come to the conclusion that the Alpidzurs who came to the Northern Black Sea coast and local nomads had common legendary ancestors. Moreover, both the Alpidzurians and their relatives, including those of the Bosporan elite, had sufficiently developed a special layer of religious ideas connected with the veneration of their illustrious ancestors. Apparently, it was on the basis of such ideas that the nomads who came to the Northern Black Sea coast, having common glorified heroic ancestors with the local barbarians, were able to create a completely new association with the latter, which had already appeared in the Northern Azov region and was called alpidzura («hero-people-dzur»). Perhaps such close interaction with representatives of the Bosporan

and barbarian elite of the Northern Black Sea coast contributed not only to rapid adaptation to local conditions, but also to the transition of some of these barbarians to a sedentary way of life.

Key words: Northern Black Sea region, Bosporean Kingdom, King Pharzoius, King Inismeos, Huns, Alpidzurs, Sarmatians, burials, tamgas, migration.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ярцев Сергей Владимирович, док.ист.наук,
доцент, профессор кафедры истории и
археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула,
проспект Ленина, 125.
s-yartsev@yandex.ru,
+7(915)783-43-26.

Шушунова Елена Валерьевна, канд. ист. наук,
преподаватель кафедры истории и
археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула,
проспект Ленина, 125.
schuschunova.elena@yandex.ru,
+7(919)071-18-70.

Внуков Артем Андреевич,
ассистент кафедры истории и археологии,
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула,
проспект Ленина, 125.
vnukovartemy@yandex.ru,
+7(910)161-18-94.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Yartsev, Doctor of Historical Sciences
(Advanced Doctor),
Associate Professor, Professor of the
Chair of History and Archeology,
Tula State Lev Tostoy Pedagogical University,
125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.
s-yartsev@yandex.ru,
+7(915)783-43-26.

Elena V. Shushunova,
PhD in Historical Sciences, Lecturer of the
Chair of History and Archeology,
Tula State Lev Tostoy Pedagogical University,
125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.
schuschunova.elena@yandex.ru,
+7(919)071-18-70.

Artem A. Vnukov,
Lecturer-assistant of the
Chair of History and Archeology,
Tula State Lev Tostoy Pedagogical University,
125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.
vnukovartemy@yandex.ru,
+7(910)161-18-94.

Рис. 1. Знаки-тамги на навершие и ножнах сарматского меча из погребения в Болгарии (Рошава-Драгане) (Яценко 2001; Negin, Kamisheva, 2018).

Рис. 2. Знак-нишан сасанидского шаханшаха Шапура I (240–270 гг.) (Яценко, 2021).

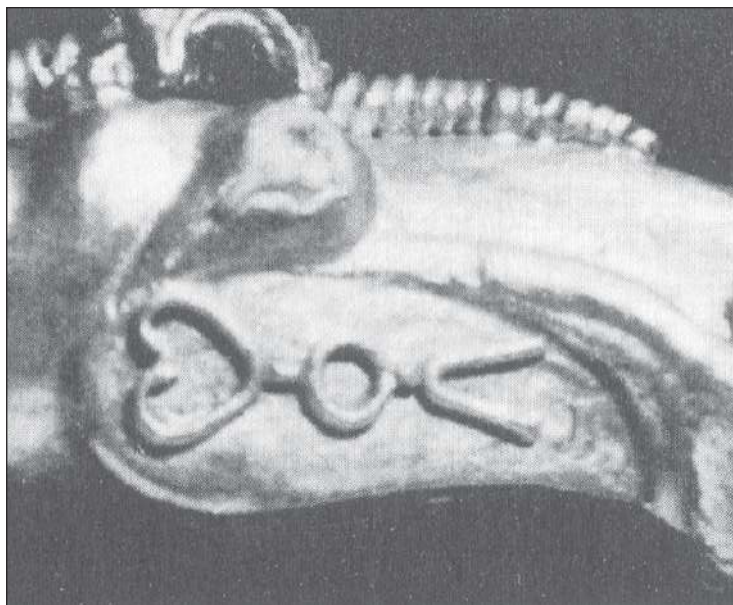

Рис. 4. Тамга на наконечнике гривны из кургана 2 у с. Пороги Винницкой области (Симоненко, 2012).

Рис. 3. Тамга на золотой пластине ножен меча в кургане 2 у с. Пороги Винницкой области (Симоненко, 2012).

Рис. 5. Тамга, размещенная на монетах последнего парфянского царя Артабана V (216–224 гг.) (Яценко, 2021).

Рис. 6. Сложный знак-монограмма иранских Сасанидов (Яценко, 2001).

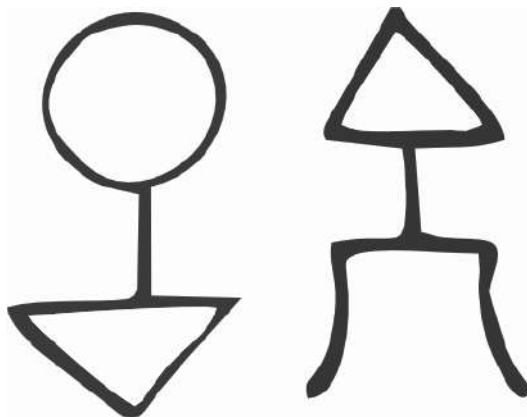

Рис. 7. Тамги из Монголии, в том числе на скале Бичигт улан хад. Центральный аймак. (Ramstedt, Granö: Самашев, Базылхан, Самашев, 2010).

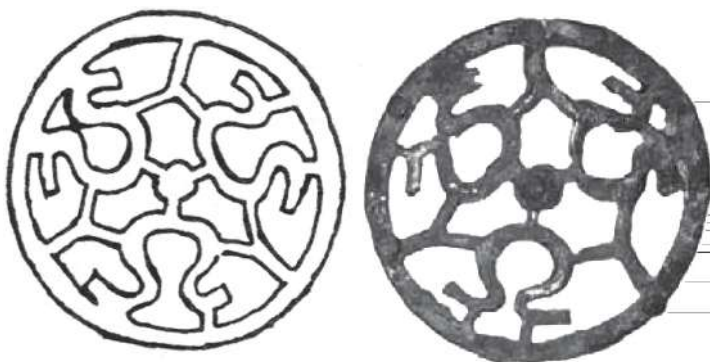

Рис. 8. Тамга с меча из Рошава-Драгове, выделенная отдельно от других знаков (Яценко 2001; Negin, Kamisheva, 2018).

Рис. 9. Знак-нишан, размещенный на монете правителя Фарса Пагора I (перв. пол. I в. н.э.) (Яценко, 2021).

Рис. 10. Тамга на деревянной арфе из сарматского погребения у с. Козырка (Симоненко, 2012).

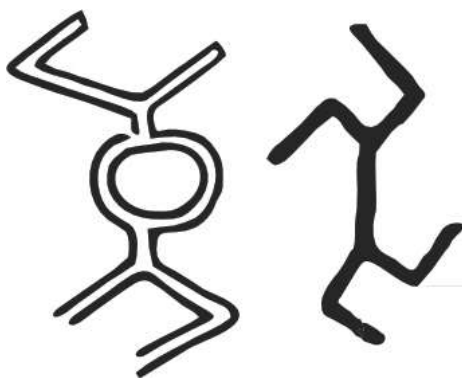

Рис 11. Тамги, родственные боспорскому царю Аспургу на деревянных арфе и чаше из сарматского погребения у с. Козырка (Симоненко, 2012).

Рис. 12. Тамги на зеркале-подвеске из раннего гуннского погребения Кизиярская Балка (Мелитополь) (Засецкая, 1984).

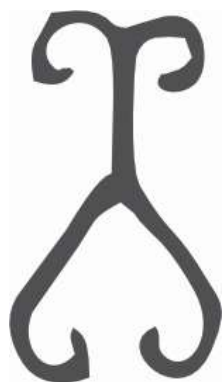

Рис. 13. Тамга на ажурном браслете из Керчи (Яценко, 2019).

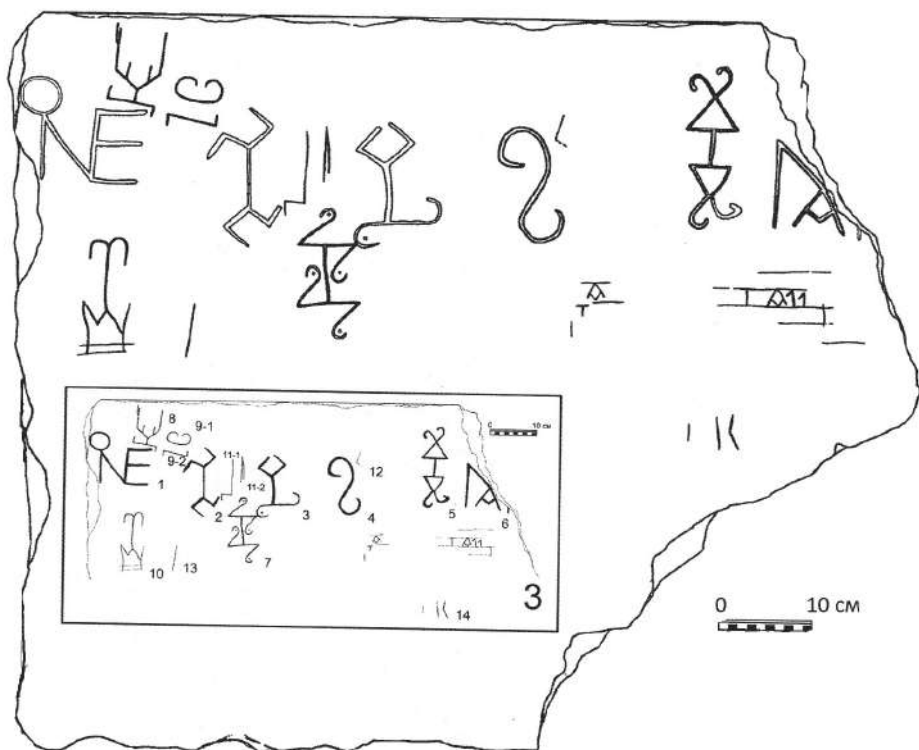

Рис. 14. Плита (писаница) из раскопок городища Артезиан (Винокуров, 2016).

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО
N. A. ALEKSEIENKO

ДАнные ПАМЯТНИКОВ СФРАГИСТИКИ В ВОПРОСАХ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ

SIGILLOGRAPHIC MONUMENTS' ACCOUNT ALLOWING THE RECONSTRUCTION OF THE POLITICAL-ADMINISTRATIVE HISTORY OF THE BYZANTINE TAURICA

Территория Северного Причерноморья всегда находилась в сфере политических, военных и экономических интересов Византийской империи. В этой связи особое внимание благодаря выгодному географическому положению неизменно уделялось Таврике, находившейся на перекрёстке путей «из варяг в греки» и являвшейся важным стратегическим районом как для самой Византии, так и для её северных соседей.

К сожалению, сведения письменных источников по истории византийской Таврики не только отрывочны и достаточно фрагментарны, но и изобилуют многочисленными лакунами, поэтому особое место в построениях исторических реконструкций, связанных с эволюцией политико-административной системы региона, занимают данные археологии.

Привлечение богатого, постоянно пополняющегося археологического материала позволяет не только расширить наши знания об административном устройстве, экономическом развитии, торговых связях и взаимоотношениях провинциальной глубинки с различными областями византийской ойкумены, но и порой существенно дополнить или уточнить сохранившуюся в письменных источниках и нарративных памятниках информацию о Таврическом регионе.

В комплексе археологических памятников византийской эпохи для реконструкции политико-административной истории этой достаточно специфической провинции на северных границах империи повышенный интерес вызывают сфрагистические источники, которые нередко существенно дополняют скудные сведения средневековых авторов и немногочисленных памятников эпиграфики.

К сожалению, сведения о структурном устройстве провинции в VI–VII вв. дошли до нас лишь в эпизодических свидетельствах письменных источников и единичных памятниках эпиграфики и сфрагистики. В то же время благодаря появлению новых находок императорских моливдовулов особая заинтересованность Империи в Таврике в ранневизантийский период обозначилась ещё более отчётливо. Подробнее на них остановимся ниже.

О структуре политико-административного устройства Таврики ранневизантийского периода известно совсем немного.

Созданная в эпоху Юстиниана I (527–565 гг.) в юго-западной части полуострова система оборонительных укреплений, которым Прокопий Кессарийский дал имя «длинных стен» [Procorii, 1838, 167–344], проведение значительных фортификационных работ (Херсон, Боспор) и возведение новых византийских крепостей (Алустон и Горзувиты), вне всякого сомнения, требовали существования в регионе и определённого имперского управленческого аппарата.

Как известно, в надписи времени императора Зенона (488 г.) представителем местной администрации Херсона назван комит Диоген [Латышев, 1896, с. 10–15, № 7]. К. Цукерман, анализируя текст памятника, также особо отмечает должность викария – начальника византийского гарнизона [Цукерман, 1995, с. 559, 560]. В этой связи А. И. Айбабин высказал мнение, что викарий, вероятно, управлял городом и в дальнейшем – при Юстиниане I [Айбабин, 1999, с. 124]. Однако до сих пор приходится констатировать практическое отсутствие печатей кого бы то ни было из имперских чиновников, входивших в аппарат регионального управления ранневизантийского времени.

Из памятников эпиграфики известно также, что к концу VI столетия глава администрации Херсона возведён в ранг дуки (δοῦξ) [Латышев, 1896, с. 105–109, №99; Соломоник, 1986, 213, 214, № 4], юрисдикция которого, по всей видимости, могла распространяться на весьма обширную территорию Таврики, фактически от Херсона до Боспора [Айбабин, 1999, с. 132; Сорочан, 2005, с. 184–186, 620]. Однако булл местных дук тоже не выявлено, хотя С. Б. Сорочан и попытался безосновательно отнести к ним пару моливдовулов иконографического типа с крестообразными монограммами [Сорочан, 2008, с. 200–216]. Однако расшифровка должности дуки в монограмме не только весьма гипотетична, но и маловероятна. Таким образом, до сих пор мы так и не имеем возможности проиллюстрировать факт существования херсонского дуката соответствующими печатями.

По мнению исследователей, к концу VII в. должность дуки Херсона была упразднена и основные административные полномочия перешли в руки местного муниципалитета, утверждаемого императором [Храпунов, 2011, с. 49; ср. Сорочан, 2005, с.624].

Из местных памятников сфрагистики, возможно, имеющих отношение к херсонскому аппарату управления ранневизантийской эпохи, можно назвать лишь два экземпляра иконографического моливдовула с блоковой монограммой, повторяющей тип херсонских пентануммиев, выпущенных от имени Юстиниана I [Анохин, 1977, с. 157, № 314]. Не исключено, что владельцем печати являлся глава городской администрации Херсона – патер полиса Пётр (?) [Алексеевко, 2008, с. 80, 89, № 1, 2, рис. 1–2; Алексеевко, 2017, с. 410, 411, № III.7.1.1-2].

Время становления реальной византийской администрации в Таврике, так сказать, на постоянной основе, очевидно, можно связывать лишь с известными событиями начала VIII столетия, когда император Юстиниан II назначает своего оруженосца спафария Илию архонтом Херсона [Theophanis, 1883–1885, р. 372–380].

Примечательно, что письменные источники называют не только местных архонтов, но и аналогичных правителей соседних укрепленных пунктов византийского пограничья. При этом известно, что городской общиной руководит протополит вместе с Советом из «первенствующих» (протевонтов). Тем не менее в памятниках сфрагистики фигурируют только архонты Херсона VIII–IX вв. А моливдовулы упоминающихся в письменных источниках VIII столетия представителей местных властей, таких как протополит [Theophanis, 1883–1885, p. 372–380; Nicéphori 1880, p. 44–47], отцы города [Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 184, 4244–47] и архонт-тудун ἐκ πρὸσώλου τοῦ Χαράνου [Чичуров, 1980, с. 40, 64, 156, 164] до настоящего времени так и не выявлены.

Чтобы не повторяться, здесь нет необходимости перечислять все этапы эволюции административной системы Таврики и повторять наиболее дискуссионные вопросы. Это уже не раз обсуждалось в научных штудиях.

Тем не менее отметим, что благодаря сфрагистическим источникам с полной уверенностью можно констатировать, что с первой половины VIII в. до середины IX столетия Херсон пребывает в статусе малого административного округа империи – архонтии. Печати местных архонтов, указывающих их ранги от ипата до императорского спафарокандидата, достаточно многочисленны и разнообразны [Алексеевко, 2017, с. 205–259, № I.1.1–22].

Также необходимо отметить, что, кроме того, правом печати обладал и ещё один представитель местных властей – кир Херсона. Эта должность, по-видимому, своеобразного эпарха города, так или иначе просуществовала в региональном управленческом аппарате с рубежа VIII/IX вв. до последней трети IX столетия [Алексеевко, 2018, с. 29–45; ср. Сорочан, Смычков, 2006, с. 207–218]. Заметим, что при этом ранг кира вполне соответствовал местным архонтам (ипат, императорский спафарий) [Алексеевко, 2017, с. 26–263, 406, 407, № I.2.1–3; III.5.1].

Источники сообщают, что около середины IX столетия в Таврике создаётся новый военно-административный округ – фема Климатов, со ставкой стратига в Херсоне [Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 182–185; Theophanes Continuatus, 1838, p. 122–123].

К сожалению, все восемь известных к настоящему времени экземпляров сильно фрагментированных моливдовулов стратиггов Климатов и, не исключено, Херсона [Соколова, 1983, с. 149, 150, № 14; Степанова, 1997, с. 174, № 8; Stepanova, 1999, p. 54, nr. 16; Степанова, 2001, с. 103, 104; Алексеевко, 2011, с. 126, 127, 134, № 6, рис. 6; Алексеевко, 2017, с. 265–269, № II.1, II.2.1–7], мало чем дополняют данные письменных источников и оставляют ещё очень много не решённых вопросов. Не известен пока и аппарат управления новым административным округом.

Следующие административные изменения в регионе произошли в результате достаточно быстрой трансформации фемы Климатов в фему Херсон (конец 840-х – начало 850-х гг. [Цукерман, 1997, с. 317; ср.: Науменко, 1997, с. 24–26]. Видимо, тогда же был упразднён институт местных архонтов, что обусловило и естественное

исчезновение печатей архонтов, на смену которым пришли буллы новых представителей государственной власти – стратигов.

Согласно письменным источникам, в конце IX в. стратиги Херсона относились к чиновникам третьего класса – императорским спафариям [Oikonomidès, 1972, p. 104, 105]. Это красноречиво подтверждают и их моливдовулы. Более того, печати показывают, что византийский наместник уже в первой половине X в. нередко удостаивался ранга императорского протоспафария; во второй половине столетия отдельные из стратигов носили звание императорского протоспафария ἐπί τοῦ Χρυσотρικλίνου, а в конце X – середине XI столетия даже высшего ранга – патрикия [Алексеевко, 2017, с. 272–357, № III.1.1–69].

Безусловно, у стратига фемы Херсон не мог не появиться и традиционный штат фемных чиновников. На херсонских моливдовулах, кроме обычных для многих фем империи коммеркиариев, ἐκ πρὸσώλου и протонотариев [см.: Алексеевко, 2017, с.358–405, №№ III.2.1–33, III.3.1.1-6, III.4.1–2] представлены и привлеченные к управлению представители городского нобилитета. Благодаря моливдовулам в аппарате стратигиды Херсона стали известны для последней трети IX в. – кир и экдик-дефенсор, для первой половины X в. городской голова – патер полиса, а для второй половины X в. – протевонты [см.: Алексеевко, 2017, с. 406–409, 411–423, №№ III.5.1–2, III.3.6.1-5, III.7.2–3, III.8.1–6]. Вместе с тем в Херсоне остались неизвестными, хорошо известные по моливдовулам из других регионов Империи печати целого ряда провинциальных чиновников, таких как судьи, хартулярии, анаграфевсы и пр.

Весьма примечательно, что памятники сфрагистики сохранили некоторые сведения об эволюции фемной администрации Таврики и в конце X столетия, которые не нашли отражения в других источниках. Обнаруженные в Херсоне и на Боспоре моливдовулы турмарха Готии [Alekséenko, 1996, p. 271–275; Алексеевко, 1998, с.230–235; 2006, с. 564–570] свидетельствуют не только об определённом расширении территории византийского влияния на полуострове, но и появлении новой административной единицы в составе фемы Херсона, очевидно, не исключая при этом и интересы империи на востоке Таврики.

Яркой иллюстрацией этих притязаний явилось дальнейшее распространение византийского влияния на территорию восточной части полуострова. В известной надписи 1059 г. патрикий Лев Алиат назван не только стратигом Херсона, но и Сугдеи [Латышев, 1895, с. 184–188]. К сожалению, ни на одном из известных моливдовулов стратигов Херсона этот топоним пока не выявлен. Вместе с тем нам известны печати стратига самой Сугдеи [Степанова, 2001, с. 105], иллюстрирующие продолжение административных экспериментов Империи в XI в.

Очередное административное преобразование региона обретает реальную форму вновь благодаря исключительно сфрагистическому источнику – моливдовулу вестарха Никифора Алана, катепана Херсона и Хазарии [Алексеевко, Цепков, 2012, с.7–17].

Из Лаврентьевской летописи известно о *котопане*, которого побили камнями

ми корсунские люди [Лаврентьевская летопись, 1846, с. 71, 72]. Два моливдовула плохой сохранности из херсонской сфрагистической коллекции в своё время не позволяли с уверенностью говорить о существовании на полуострове данного военно-административного формирования. Сегодня же благодаря новому сфрагистическому источнику мы можем уверенно говорить о создании в последней трети ХIв. в Таврике катепаната с включением в него не только традиционно византийских территорий в юго-западной и южнобережной частях полуострова, но и обширных земель Крымской Хазарии [подробнее о дискуссии см.: Чхаидзе, 2016]. Очевидно, кроме статуса региона и обозначения его вероятных границ, трудно судить о том, существовал ли в новом формировании какой бы то ни было аппарат управления. Но, надо полагать, что в Таврике, как и в других областях Империи, катепану отводилась традиционная функция в организации армейских контингентов (тагм) и обеспечения защиты имперских территорий от внешней угрозы.

Таким образом, на основе данных моливдовулов местных чиновников вырисовывается достаточно чёткая картина системы византийского управления в Таврике, по крайней мере на протяжении VIII – XI столетий.

Однако помимо печатей представителей региональных властей в попытках построения исторических реконструкций, отражающих повышенное внимание Империи к этой стратегически важной для неё области, вне всякого сомнения, особую роль играют и обнаруженные на территории Таврики буллы византийских василевсов. Несмотря на то, что в основном их локализация ограничена лишь юго-западным регионом полуострова [Алексеенко, 2019, с. 122, 123, прим. 2, 3], тем не менее именно императорские буллы, на наш взгляд, являются наиболее яркими свидетельствами не только особой заинтересованности государства Ромеев в Крымском регионе в целом, но и её беспристрастными хронологическими индикаторами. Количество императорских моливдовулов немногим превышает два десятка, однако сам факт их присутствия в регионе весьма показателен.

Судя по зафиксированным находкам, высочайшая имперская корреспонденция, начинает поступать в юго-восточную Таврику начиная уже где-то с середины V в. Об этом красноречиво свидетельствуют самые ранние – конусовидные и анэпиграфные буллы, отдельные из которых несут явные черты императорских печатей [Алексеенко, 2010, с. 365, 366, № 1; Алексеенко, Нессель, 2016, с. 59–69, № 2, 14, 15, рис. 1,2, 2,1-4; Alekseienco N., Nessel', 2017, s. 12, 13, nr. 2, 11, 12, fig. 1,2, 11-12].

Сначала в Крыму были зафиксированы находки лишь 9 экземпляров императорских булл [Вишнякова, 1939, с. 121; Соколова, 1991, с. 204, 205, № 1–8]. В дальнейшем их количество достигло не многим более двух десятков экземпляров [Алексеенко, 1995, с. 158–160; 1999, с. 145–148; 2009, с. 237–241]. Доминирующее место среди них занимает группа моливдовулов конца V – середины VII в., демонстрирующая неизменный интерес к Таврике практически каждого из византийских василевсов. Из Херсона и его предместий происходят печати Анастасия I (491–518) – 2 экз., Юстиниана I (527–565) – 6 экз., Тиберия Константина (578–582) – 1 экз.,

Маврикия Тиберия (582–602) – 2 экз., Фоки (602–610) – 2 экз., Ираклия (610–641) – 1 экз. [см.: Соколова, 1991; Алексеевко, 1995; 1999; 2009]. Не выявленными к настоящему времени пока остаются лишь моливдовулы Юстина I (518–527) и Юстина II (565–578).

Находки 2022–2023 гг. представляют ещё три экземпляра императорских булл¹, с территории южного пригорода Херсонеса (происходят из отвалов участка напротив башни Зенона) и относящихся к ранневизантийскому периоду, которые вполне вписываются в хронологическую схему ранее изданных и в известной степени расширяют эту группу и дополняют её новыми данными.

Первый из моливдовулов представляет последнего представителя Фракийской династии Львов императора Анастасия I Дикора (491–518).

1. Е–11–23. Частная коллекция К. Ефименко (Севастополь). (Рис. 1).

Диаметр – 19×25 мм; вес – 10,00 г; соотношение осей (↑↓) – 7 час.

Аверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин портрет императора погрудно, анфас, в плаще с фибулой на правом плече; на голове диадема с двухлучевыми подвесками. По кругу латинская легенда: $\text{D}\text{N}\text{A}\text{N}\text{A}\text{C}\text{T}\text{A} - \text{S}\text{I}\text{V}\text{S}\text{P}\text{P}\text{I}\text{A}\text{V}\text{C}$ – *D(ominus) n(oster) Anastasius p(er)p(etuus) aug(ustus)* – Господин (повелитель) наш Анастасий, вечный август. Изображение заключено в ободок из слившихся в линию жемчужин.

Реверс. Виктория, стоящая на сфере, анфас. В раскинутых руках держит венки. Легенды нет. Изображение заключено в ободок из слившихся в линию жемчужин.

Буллы императора Анастасия I известны в некоторых мировых сфрагистических собраниях, однако их количество не столь массово, как, например, печатей Юстиниана I. Как правило, они представлены лишь единичными экземплярами [см., например: Zacos, Veglery, 1972, p. 5, nr. 1; pl. 9,1; Jordanov, 2009, p. 77, 78, 1107, nr. 1–3]. Аналогичный экземпляр из коллекции Н. Н. Грандмезона, найденный в Херсонесе в последней четверти XX в., известен в собрании Государственного Эрмитажа (М-12409): [Соколова, 1991, с. 204. № 1; Соколова, 2007, с. 22, № 6]. Ещё один моливдовул Анастасия, также найденный в Херсонесе, происходит из коллекции А. Финенко (Москва) [Алексеевко, 1999, с. 145, 146, 149, № 1, рис. 1,1].

Владельцем второго моливдовула являлся император Тиберий Константин (578–582).

2. Е–14–22. Частная коллекция К. Ефименко (Севастополь). (Рис. 2).

Диаметр – 18,5×21,5 мм; вес – 8,56 г; соотношение осей (↑↓) – 12 час.

Аверс. Портрет императора погрудно, анфас; одет в консульское облачение, на голове корона с крестом, в правой руке держит маппу. По кругу легенда (не сохранилась): $\text{D}\text{N}\text{T}\text{I}\text{B}\text{C}\text{O}\text{N}\text{S}\text{T}\text{R}\text{P}\text{P}\text{A}\text{V}\text{C}$ – *D(ominus) n(oster) Tib(erius) Const(sntinus) p(er)p(etuus) aug(ustus)* – Господин (повелитель) наш Тиберий Константин, вечный август.

¹ Автор выражает глубокую благодарность севастопольскому собирателю К. Ефименко за предоставленную возможность изучения и публикации моливдовулов.

Реверс. Четырёхконечный крест с расширениями на концах ветвей, на трёх ступенях. По кругу легенда: [VICTOR]IAAVC – *Victoria aug(ustorum)* – Победа августов. Изображение заключено в ободок из слившихся в линию жемчужин.

Данный тип императорских моливдовулов также хорошо известен [см., например: Seibt, 1978, S. 61, Nr. 8; Соколова, 2007, с. 26, № 16], однако, как и буллы Анастасия I, представлен только в единичных экземплярах. Из Херсонеса известен ещё только один экземпляр аналогичной печати из случайных находок конца XX в. [Алексеев, 1999, с. 147, 149, № 6, рис. 1,6].

И, наконец, третий моливдовул принадлежал зятю Тиберия Константина – императору-узурпатору Фоке (602–610).

3. Е–2–22. Частная коллекция К. Ефименко (Севастополь). (Рис. 3).

Диаметр – ок. 22 мм; вес – 17,81 г; соотношение осей (↑↓) – 12 час.

Аверс. Фигура Богоматери в рост, держащей перед грудью погрудный образ Младенца Христа, анфас. По сторонам фигуры длинные четырёхконечные кресты с перекрестиями на концах ветвей. Легенды нет. Изображение заключено в ободок из слившихся в линию жемчужин (практически вышел за поле заготовки).

Реверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин погрудный портрет императора с клиновидной бородой в плаще, анфас; на голове корона с крестом на сфере, без подвесок. По кругу легенда: DNFOKAS – ΠΕΡΡΑΥΨ – *D(ominus) n(oster) Focas perp(etuus) aug(ustus)* – Господин (повелитель) наш Фока, вечный август.

Печати Фоки более распространены в мировых сфрагистических коллекциях, хотя и не так многочисленны, как юстиниановские буллы [см., например: Соколова, 2007, с. 28, 29, №№ 23, 24; DOSeals, 2009, p. 20, nr. 10.1-2 – 11.1-2; Jordanov, 2009, p. 82, nr. 48, 49; Cheynet, Gokyildirim, Bulgurlu, 2012, p. 44, 45, nr.1.7–1.9; Cheynet, 2022, p. 4, nr. 1.2].

Как видим, новые находки печатей византийских василевсов в очередной раз наглядно показывают, что активная заинтересованность Византии в Таврическом регионе продолжалась и в постюстиниановскую эпоху. За исключением Юстина II (565–578), моливдовулы которого пока не удалось обнаружить в Крыму, можно констатировать, что каждый из императоров второй половины VI – первой половины VII в. (включая Ираклия) вслед за Юстинианом неизменно направлял свою высочайшую корреспонденцию на полуостров, тем самым подчёркивая особую заинтересованность региона для Империи. Не вызывает сомнения, что появление в юго-западной Таврике императорских булл так или иначе было связано именно с активной политикой византийских властей по укреплению позиций Империи как в Северном Причерноморье, так и в самой Таврике, начиная с учреждения здесь дуката и заканчивая строительством целого ряда византийских укреплений и крепостей в разных частях полуострова практически до конца VII в.

Таким образом, новые находки императорских моливдовулов наряду с уже ранее известными и обилием печатей различного рода чиновников центрального аппарата и провинциальных властей, весьма красноречиво отражающих эволюцию мест-

ной административной системы, показывают, что Крымский регион фактически на всём протяжении его средневековой истории находился под неусыпным вниманием Византийского государства.

Из приведённых примеров совершенно очевидно, что данные памятников сфрагистики существенно расширяют источниковую базу по истории развития политико-административного устройства византийской Таврики. Благодаря моливдовулам отдельные свидетельства источников не только уточнены, но и существенно дополнены ранее неизвестными сведениями. И не исключено, что появление в дальнейшем новых печатей как местных функционеров, так самих византийских василевсов ещё внесёт свои коррективы в существующие сегодня исторические реконструкции политико-административного устройства этого достаточно специфического имперского региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 352 с.
- Алексеевко Н. А.* Моливдовул Маврикия Тиберия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 158–160.
- Алексеевко Н. А.* Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. // ХСБ. Севастополь, 1998. Вып. IX. С. 230–235.
- Алексеевко Н. А.* Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. Харьков, 1999. С. 145–160.
- Алексеевко Н. А.* Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII (2). С. 564–570.
- Алексеевко Н. А.* Нумизматические параллели в сфрагистике византийского Херсона // АДСВ. Екатеринбург, 2008. Вып. 38. С. 79–89.
- Алексеевко Н. А.* Новые императорские моливдовулы из Херсона (к вопросу о малых печатях византийских императоров) // Древности 2009. – Харьков, 2009. С. 237–241.
- Алексеевко Н.А.* Несколько новых находок ранневизантийских моливдовулов на территории Украины и в Крыму // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. IV. С. 365–375.
- Алексеевко Н. А.* Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. Екатеринбург, 2011. Т. 40. С. 121–135.
- Алексеевко Н. А.* Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чинovníки Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017. 474 с.
- Алексеевко Н. А.* Представители бюро еpi tou oikeakon в херсонской администрации: новая печать кира Херсона конца IX в. // ТГЭ. СПб., 2018. Т. ХСIV: Материалы и исследования отдела нумизматики. По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». С. 29–45.
- Алексеевко Н. А.* Византия и Крым в контексте имперских интересов в Северном Причерноморье. Новые находки императорских моливдовулов в Таврике // АДСВ. Екатеринбург, 2019. Вып. 47. С. 121–139.

- Алексеевко Н. А., Нессель В. А.* Позднеримские и ранневизантийские пломбы из Херсона и его окрестностей // Ученые Записки Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2016. Вып. 2 (68). № 1. С. 59–69.
- Алексеевко Н. А., Цепков Ю. А.* Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. Севастополь, 2012. Вып. XVII. С. 7–17.
- Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.
- Вишнякова А. Ф.* Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. № 1. С. 121–133.
- Лаврентьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. I: I. II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. С. 1–209.
- Латышев В. В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. М., 1895. Т. 2. С. 184–188.
- Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896. 143 с.
- Науменко В. Е.* Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. – Харьков, 1997. С. 23–30.
- Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. 176 с.
- Соколова И. В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Вып. 52. С. 201–225.
- Соколова И. В.* Печати византийских императоров. Каталог коллекции. СПб.: ГЭ, 2007. 120 с., ил.
- Соломоник Э. И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. XLVII. С. 210–218.
- Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. В 2-х томах. – Харьков, 2005. 1644 с.
- Сорочан С. Б.* О дуках византийской Таврики и их моливдовулах // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 200–216.
- Сорочан С. Б., Смычков К. Д.* Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // ПИФК. Магнитогорск, 2006. Вып. 16. С. 207 – 218.
- Степанова Е. В.* Судакский архив печатей. // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 2. С. 171–177.
- Степанова Е. В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 97–108.
- Храпунов Н. И.* К дискуссии о должности дуки Херсона // ВВ. М., 2011. Т. 70 (95). С. 37–50.
- Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. 216 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР).
- Чхаидзе В. Н.* «Хазария» XI в.: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). Препринт. М., 2016. 44 с.
- Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. Симферополь, 1995. Вып. IV. С. 545–561.
- Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. Симферополь. 1997. Вып. I. С. 312–323.
- Alekséenko N.* Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // REB. 1996. Т. 54. P. 271–275.
- Alekseienko N., Nessel' V.* Late Roman and Early Byzantine Seals from Cherson and its Environs

- // ŚWIATOWIT (Supplement Ser. C.): Pontica et Caucasia. Warsaw, 2017. Vol. 1. S. 1–16.
- Cheyne J.-Cl. Les sceaux byzantins de la collection Savvas Kofopoulos. Paris: ACHCByz, 2022. T. I. 527 p.
- Cheyne J.-Cl., Gokylidirim T., Bulgurlu V. Les sceaux byzantins du Musée archaéologique d'Istanbul. Istanbul, 2012. 1094 p.
- Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik, trans. by J. Jenkins. Washington. 1967. 341 p.
- DOSeals – Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / J.Nesbitt, S. Morrisson (Eds.). – Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2009. Vol. 6. Emperors, Patriarchs of Constantinople, Addenda. 234 p.
- Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2009. Vol. 3. Part 1–2. 1274 p.
- Nicéphori archiepiscopi Constantinopolitani. Opuscula Historica / Éd. C. de Boor. Leipzig, 1880. 348 P.
- Oikonomidès N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. Paris. 1972. 404 p.
- Procopii. De aedificiis / Ed. L. Dindorf // CSHB. Bonnae, 1838. Vol. III. P. 167–344.
- Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978. T. I. 349 s.
- Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. Washington, 1999. Vol. 6. P. 47–58.
- Theophanis. Chronographia / Rec. C. de Boor. Leipzig, 1883–1885. T. I–III.
- Theophanes Continuatus. Chronographia Christi amantis ac Porphyrogeneti domini Constantitni // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec.I. Bekkeri. Bonnae, 1838. 3–481 p.
- Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1, part I–III. 1965 p., Pl. 1–260.

REFERENCES

- Aybabin A. I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999. 352 p.
- Alekséenko N. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson. *Revue des Études Byzantines*. Paris, 1996, vol. 54, pp. 271–275.
- Alekseienko N. A. Molivdovul Mavrikiya Tiberiya iz Chersonesa. *Problemy arheologii drevnego i srednevekovogo Kryma*. Sbornik nauchnyh trudov. Simferopol', 1995, pp. 158–160.
- Alekseyenko N. A. Gotiya v strukture vizantiyskoy administrativnoy sistemy v Tavrike vo vtoroy polovine X v. *Chersonesskiy sbornik*, Sevastopol', 1998, iss. IX, pp. 230–235.
- Alekseienko N. A. Provintsialnyj Cherson v sfere interesov vizantiyskogo dvora po dannym imperatorskikh molivdovulov. *Drevnosti 1997–1998*. Kharkov: Biznes Inform Publ., 1999, pp. 145–160.
- Alekseenko N. A. Vizantiiskaia administratsiia na Bospore vo vtoroi polovine X v. (po dannym pamiatnikov sfragistiki). *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol', 2006, iss. XII (2), pp. 564–570.
- Alekseenko N. A. Numzmaticheskie paralleli v sfragistike vizantiyskogo Khersona. *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka*. Ekaterinburg, 2008, iss. 38, pp. 79–89.
- Alekseienko N. A. Novye imperatorskie molivdovuly iz Chersona (k voprosu o malych pechatyach vizantiyskikh imperatorov). *Drevnosti 2009*. Kharkov, 2009, pp. 237–241.
- Alekseienko N. A. Neskolko novykh nakhodok rannevizantiyskikh molivdovulov na territorii Ukrainy i v Krymu. *Sugdeyskiy sbornik*. Kiev; Sudak, 2010, iss. IV, pp. 365–375.
- Alekseienko N. A. Novye nakhodki vizantiyskikh pechaty na territorii Kryma. *Antichnaya*

- Drevnost i Srednie Veka*. Ekaterinburg, 2011, iss. 40, pp. 121–135.
- Alekseienko N. A. *Vizantijskij Cherson VI–XIII stoletij v pamyatnikah sfragistiki. I. Chinovniki Chersona VIII–XI vv.* Sevastopol, 2017. 474 p.
- Alekseenko N. A. Predstaviteli biuro epi tou oikeakon v khersonskoi administratsii: novaia pečat' kira Khersona kontsa IX v. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. St. Petersburg, 2018, vol. XCIV: Materialy i issledovaniia otdela numizmatiki. Po materialam konferentsii «Sfragistika, numizmatika, geraldika srednevekovogo Kryma», pp. 29–45.
- Alekseenko N. A. Vizantiia i Krym v kontekste imperskikh interesov v Severnom Prichernomor'e. Novye nakhodki imperatorskikh molivdovolov v Tavrike. *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka*. Ekaterinburg, 2019, iss. 47, pp. 121–139.
- Alekseienko N. A., Nessel', V. A. Pozdnerimskie i rannevizantijskie plomby iz Chersona i ego okrestnostej. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*. Simferopol', 2016, vol. 2/1, pp. 59–69.
- Alekseienko N., Nessel' V. Late Roman and Early Byzantine Seals from Cherson and its Environs // *ŚWIATOWIT (Supplement Ser. C.): Pontica et Caucasia*. Warsaw, 2017, vol. 1, s. 1–16.
- Alekseienko N. A., Tzepakov, Ju. A. Katepanat v Tavrike: legendarnye svidetel'stva ili istoricheskie realii. *Chersonesskij Sbornik*. Sevastopol', 2012, iss. XVII, pp. 7–17.
- Anokhin V. A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n. e. – XII v. n. e.)*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1977. 176 s.
- Cheyne J.-Cl. *Les sceaux byzantins de la collection Savvas Kofopoulos*. Paris: ACHCByz, 2022, vol. I. 527 p.
- Cheyne J.-Cl., Gokuyildirim T., Bulgurlu V. *Les sceaux byzantins du Musée archaéologique d'Istanbul*. Istanbul, 2012. 1094 p.
- Chichurov I. S. *Vizantijskie istoricheskie sochineniia: «Khronografiia» Feofana, «Breviarii» Nikifora*. Teksty, perevod, kommentarii. Moscow: Nauka Publ., 1980. 216 p. (Drevneishie istochniki po istorii narodov SSSR).
- Chkhaidze V. N. «Khazariia» XI v.: k voprosu o lokalizatsii (po dannym vizantijskikh molivdovolov). Preprint. Moscow, 2016. 44 p.
- Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik, trans. by J. Jenkins. Washington. 1967. 341 p.
- DOSeals – *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art* / J.Nesbitt, S. Morrisson (Eds.). – Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2009. Vol. 6. Emperors, Patriarchs of Constantinople, Addenda. 234 p.
- Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Sofia, 2009. Vol. 3. Part 1–2. 1274 p.
- Khrapunov N. I. K diskussii o dolzhnosti duki Khersona. *Vizantijskij vremennik*. Moscow, 2011, vol. 70 (95), pp. 37–50.
- Lavrent'evskaia letopis'. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. St. Petersburg, 1846, vol. I: I. II. Lavrent'evskaia i Troitskaia i letopisi, pp. 1–209.
- Latyshev V. V. Etjudy po vizantijskoy epigrafike. *Vizantijskij vremennik*. 1895, vol. 2, pp. 184–188.
- Latyshev V. V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz iuzhnoi Rossii*. St. Petersburg, 1896. 143 c.
- Naumenko V. E. Uchrezhdenie i razvitie vizantijskoi femy v Tavrike. *Drevnosti 1996*. Khar'kov, 1997, pp. 23–30.
- Nicéphori archiepiscopi Constantinopolitani. *Opuscula Historica* / Éd. C. de Boor. Leipzig, 1880. 348 p.
- Oikonomidès N. *Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle*. Paris. 1972. 404 p.

- Procopii. De aedificiis / Ed. L. Dindorf. *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*. Bonnae, 1838, vol. III, pp. 167–344.
- Seibt W. *Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich*. Wien, 1978, T. I, 349 s.
- Sokolova I. V. *Monety i pečati vizantiiskogo Khersona*. Leningrad, 1983, 176 p.
- Sokolova I. V. Vizantijskie pečati VI – pervoy poloviny IX v. iz Khersona. *Vizantiyskiy vremennik*. Moscow, 1991, vol. 52, pp. 201–213.
- Sokolova I. V. *Pečati vizantiiskikh imperatorov. Katalog kolleksii*. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh Publ., 2007, 120 p.
- Solomonik E. I. Neskol'ko novykh grecheskikh nadpisei srednevekovogo Kryma. *Vizantiyskiy vremennik*. Moscow, 1986, vol. XLVII, pp. 210–218.
- Sorochan S. B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaya polovina X v.)*. *Očerki istorii i kul'tury*. Khar'kov, 2005, vol. I–II, 1644 p.
- Sorochan S. B. O dukakh vizantiiskoi Tavriki i ikh molivdovulakh. *Sugdeiskii sbornik*. Kiev; Sudak, 2008, iss. III, pp. 200–216.
- Sorochan S. B., Smychkov K. D. Kiry vizantiiskogo Khersona: problemy statusa i datirovki. *Problemy Istorii, Filologii i Kul'tury*. Magnitogorsk, 2006. iss. 16, pp. 207–218.
- Stepanova E. V. Sudakskii arkhiv pečatei. *Arkheologiiia Kryma*. Simferopol', 1997. vol. 2, pp. 171–177.
- Stepanova E. New Seals from Sudak. *Studies in Byzantine Sigillography*. Washington, 1999, vol. 6, pp. 47–58.
- Stepanova E. V. Sudakskiy arkhiv pečatey: predvaritel'nye vyvody. *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka*. Ekaterinburg, 2001, iss. 32, pp. 97–108.
- Theophanis. *Chronographia* / Rec. C. de Boor. Leipzig, 1883–1885, T. I–III.
- Theophanes Continuatus. *Chronographia Christi amantis ac Porphirogeneti domini Constantitni. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus* / E rec. I. Bekkeri. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1838. S. 3–481.
- Vishnyakova A. F. Svincovye pečati vizantiyskogo Chersonesa. *Vestnik Drevney Istorii*. Moscow, 1939, vol. 1(6), pp. 121–133.
- Zacos G., Vegler A. *Byzantine Lead Seals*. Basel, 1972. Vol. 1, part I–III. 1965 p., pl. 1–260.
- Zuckerman C. Episkopy i garnizon Khersona v IV veke. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol', 1995. iss. IV, pp. 545–561.
- Zuckerman C. K voprosu o rannei istorii femy Khersona. *Bakhchisarajskiy istoriko-arkheologicheskii Sbornik*. Simferopol', 1997. iss. I, pp. 312–323.

Резюме

В статье рассматривается вопрос об особой заинтересованности Византии в стратегически важном для неё Крымском регионе на основе находок на его территории печатей византийских василевсов и местных имперских чиновников. На основе данных моливдовулов местных чиновников, которые существенно расширяют базу источников для построения исторических реконструкций в политико-административном развитии региона, вырисовывается достаточно чёткая картина эволюции системы византийского управления в Таврике на протяжении VIII – XI столетий. Помимо печатей представителей региональных властей в попытках построения исторических реконструкций, отражающих повышенное внимание Империи к этой стратегически важной для неё области, особую роль играют и обнаруженные на территории Таврики

16 буллы византийских василевсов. Места находок печатей показывают, что императорская корреспонденция поступает преимущественно в юго-западную часть полуострова, где располагался главный административный центр провинции, Херсон. Введение в научный оборот трёх новых моливдovouлов императоров Анастасия I, Тиберия Константина и Фоки возвращают нас к эпизодам ранневизантийской истории Таврики и в очередной раз наглядно показывают, что активная заинтересованность Византии в регионе продолжалась и в постюстиниановскую эпоху.

Ключевые слова: история Византии, Таврика, Херсон, сфрагистика, императорские печати, моливдovouлы.

Summary

This article discusses Byzantium's particular interest in strategically important Crimean region against the background of the local finds of the seals of Byzantine basileis and imperial officials. Taking the molybdoboulla of the local officials into account, thus significantly enlarging the source base for historical reconstructions of the political and administrative development of the region, the research undertaken has outlined an evolution of the Byzantine administration system in the Taurica from the eighth to eleventh century. Apart to the seals of the regional authorities, those of the Byzantine basileis discovered in the Taurica play a particular role for the historical reconstruction showing the Empire's growing attention to this strategically important area. According to the distribution map of these seals, emperors' correspondence was delivered mostly to the southwestern area of the peninsula where the main center of provincial administration, Cherson, was located. The introduction into the scholarship of three new molybdoboulla of Emperors Anastasios I, Tiberios Constantine, and Phokas, reflects the episodes of the Early Byzantine history of the Taurica and again shows Byzantium's pronounced interest in the region in question continuing in the post-Justinian age.

Key words: Byzantine history, Taurica, Byzantine Cherson, sigillography, emperor's seals, molybdoboulla.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Александрович Алексеенко,
Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne),
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт археологии Крыма РАН,
просп. Академика В. И. Вернадского, 2,
295007, Симферополь, Российская Федерация.
e-mail: AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Alekseienco,
Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne),
Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher,
Institute of Archaeology of the Crimea
of the Russian Academy of Science,
2, avenue Vernadsky,
295007, Simferopol, Russian Federation.
e-mail: AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

Рис. 1. Печать императора Анастасия I (491–518).

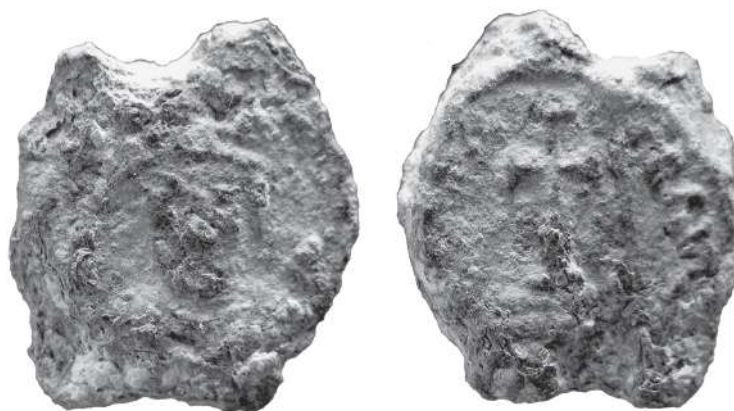

Рис. 2. Печать императора Тиберия Константина (578–582).

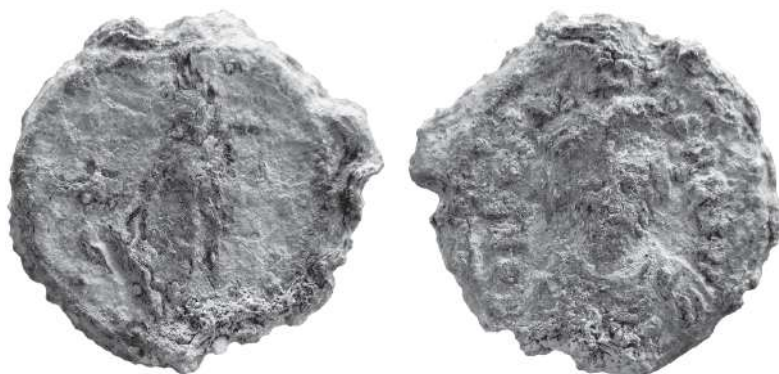

Рис. 3. Печать императора Фоки (602–610).

Д. В. ИОЖИЦА
D.V. IOZHITSA

НАЗЕМНЫЕ ПАМЯТНИКИ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА: ОДНОНЕФНЫЕ ХРАМЫ¹

GROUND CHURCHES OF THE MANGUP SETTLEMENT. SINGLE-NAVE CHURCHES

Введение. Мангупское городище является крупнейшим средневековым «пещерным городом» Юго-Западного Крыма. Археологическими исследованиями, проводимыми с середины XIX в., на территории памятника и его ближайшей округи выявлено 27 христианских храмово-погребальных комплексов разных периодов в его истории. Значительная часть из них представлена однефными храмами, как наземными, так и пещерными. В статье речь пойдет о наземных культовых сооружениях.

На сегодняшний день, на территории Мангупа и его округи всего известно семь однефных² наземных храмов, планировка которых сохранилась полностью: церковь Св. Георгия, церковь Св. Константина, церковь 1969 г., церковь 1967 г., церковь 1968 г., церковь на г. Илька и часовня на месте более раннего крестообразного храма на вершине холма Мазар-тепе (рис. 1). Эти церкви относятся к двум этапам истории местной христианской общины: золотоордынскому (конца XIII в. – около 1395 г.) и феодоритскому (около 1400–1475 гг.) [Герцен, Науменко, Иोजица, 2021, с. 262].

В первую хронологическую группу включены церковь 1967 г. и церковь 1968 г., расположенные на эспланаде Мангупской цитадели на мысе Тешкли-бурун на расстоянии 165 м друг от друга. По мнению В. Л. Мыца, в это же время была построена малая однефная часовня на руинах крестообразного храма, которая продолжала функционировать вплоть до XVIII в., после чего была заброшена и разобрана на камень. Однако в 1938 г. археологическими разведками здесь было открыто турецкое кладбище XV – XVI вв., что позволяет ограничить верхнюю дату существования часовни концом XV в. [Веймарн, 1953, с. 420; Мыц, 1984, с. 57 – 66]. Таким образом, часовня на месте крестообразного храма, очевидно, относится к феодоритскому периоду в истории Мангупской крепости. Сюда

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119. Выражаю признательность А.Г. Герцену и В. Е. Науменко за возможность опубликовать материал самостоятельно.

² В работе используется устоявшийся в науке термин «однефный храм», несмотря на его некоторую терминологическую неточность. В действительности, в истории архитектуры «нефом» называется прямоугольное здание или часть здания прямоугольной формы, продольные компоненты которого конструктивно завершаются колоннадой с одной или двух сторон [Патрина, 2001, с. 118]. Следовательно, архитектурный тип рассматриваемого культового сооружения корректнее все-таки обозначать как «зальный».

же, во вторую хронологическую группу, включены церковь Св. Георгия, церковь Св. Константина, церковь на склоне г. Илька и, предположительно, церковь 1969 г.

История изучения, характер исследований и степень сохранности всех этих памятников различны. Из них только церковь Св. Константина и часовня, построенная на развалинах крестообразного храма, остаются слабо введенными в научный оборот и поэтому не имеют полного архитектурного описания. Архитектурные остатки остальных храмов уже достаточно хорошо известны в литературе.

Церковь 1967 г. (рис. 1-2). Расположена на эспланаде юго-восточной куртины цитадели на м. Тешкли-бурун. Впервые был открыт и частично исследован Е. В. Веймарном в 1967 г., доисследован в 2018 г. Церковь спланирована на хорошо выровненной скальной площадке с ярко выраженными границами. Ее общие размеры – 12,00×8,00 м. Перепад высот в пределах церковной площадки в направлении с востока на запад до 0,12 м. Фактически по ее центру высечен скальный цоколь храма, сохранившийся на высоту до 0,50 м. В плане храм однефный, одноапсидный, ориентирован по оси СЗ – ЮВ, азимут 121°. Его общие размеры: внешние – 8,00×4,50 м, внутренние – 6,30×3,10 м. Апсида полукруглая, выступающая из толщи стен храма на 1,90 м. Размер радиуса: внешний – 2,0 м, внутренний – 1,30 м. Толщина стен церкви в пределах 0,70-1,00 м.

Архитектурная композиция церкви 1967 г. состоит из алтарной части, прямоугольного наоса, солеи и церковной площадки.

В центре апсиды расположена небольшая скальная вырубка квадратной формы (0,20×0,20×0,10 м) под основание ножки-столба престола. Вокруг нее еще четыре небольших по размеру (0,16×0,20×0,10 м) вырубки, вероятно, под основание кивория. В плане киворий прямоугольный, общими размерами 0,60×0,80 м. Внутри, вдоль апсидной стены, на расстоянии 0,30-0,50 м фиксируются четыре близких по размерам прямоугольных вырубки в скале размерами 0,25×0,10×0,05-0,10 м. Расстояние между ними в пределах 0,90-1,40 м. Назначение этих вырубков не совсем ясно. Можно предположить, что это следы от устройства скамьи-синтрона.

Перед апсидой расположена солея – предапсидная площадка, ширина которой совпадает с шириной храма. Ее размеры 0,80×3,00 м. Следов алтарной преграды не выявлено. Ниже солеи на 0,17 м располагается пол наоса, хорошо выровненная скальная площадка общими размерами 3,80×3,10 м. Внутреннее пространство наоса полностью занято скальными могилами-костницами №1, 2 и 4. Еще одна могила №3 осталась незавершенной и, вероятно, не использовалась по своему назначению. Все гробницы имеют заплечики шириной 0,10-0,13 м и высотой до 0,09 м, с помощью которых они перекрывались плитами в уровень пола наоса. Могилы № 2-4 расположены в оси храма, могила №1 – по оси север-юг. Размеры могил без заплечиков: №1 – 1,80×0,45×0,50 м, № 2 – 2,0×0,50×0,32 м, №4 – 1,80×0,75×0,50 м.

Вход в храм один, расположен с запада. В плане прямоугольный, шириной до 1,10 м. Входной порог возвышается от уровня пола наоса на 0,41 м. Конструктивно профиль входа 5-ступенчатый. Три ступени (восточные) расположены в толще за-

падной стены церкви. Остальные ведут вниз на церковную площадку перед храмом, расположенной выше уровня пола церкви на 0,04 м. Ширина всех ступеней около 1,10 м, глубина от 0,30 до 0,40 м, высота от 0,06 до 0,21 м.

Перед входом спланирована церковная площадка общими размерами 3,20×8,40 м. Здесь также в оси с храмом вырублены скальные могилы №5 и 6. Как и могилы внутри церкви, они имели заплечики по периметру и перекрывались плитами шириной до 0,08 м и высотой до 0,10 м. Размеры могил без заплечиков: №5 – 2,0×0,85×0,40 м, №6 – 1,80×0,75×0,46 м.

Храм функционировал в пределах конца XIII – начала XV в. и был полностью разобран на строительный материал на финальном этапе строительства цитадели Мангупского городища в 20 – 30-е гг. XV в. Его функциональное назначение – кладбищенская церковь [Науменко, 2022, с. 181 – 185].

Церковь 1968 г. (рис. 3-4). Расположена в 165 м к югу от церкви 1967 г. Памятник впервые был открыт и частично исследован Е. В. Веймарном в 1968 г. [Веймарн, 1968, с. 28–32, табл. 36,40-42]. Новые исследования памятника проведены в 2019 г.

Церковь также спланирована на хорошо выровненной скальной площадке, ограниченной с севера водостоком. Ее общие размеры 8,00 ×8,50 м. Перепад высотных отметок в пределах площадки в направлении с востока на запад до 0,60 м. Стены храма полностью разобраны до уровня скальной поверхности [Веймарн, Лобода, Пиоро, Чореф, 1974, рис. 3]. На сегодняшний день скальные «постели» под его стены слабо различимы, поэтому восстановление плана храма носит характер реконструкции.

Храм однефный одноапсидный, ориентирован по оси СЗ – ЮВ, азимут 122°. Его общие размеры: внешние – 6,20×4,50 м, внутренние – 5,00×3,35 м. Апсида полукруглая, выступающая из толщи стен храма на 1,0 м. Размер радиуса: внешний – 1,60 м, внутренний – 0,97 м. Реконструируемая толщина северной, западной и южной стен в пределах 0,55-0,60 м, восточной (апсиды) – 0,65 м.

Архитектурная композиция храма состоит из алтаря, солеи и наоса. В алтарной части, на расстоянии 0,86 м от северного и 0,76 м от южного заплечиков, сохранился прямоугольный в плане паз под столб престола, расположенный фактически на границе двух литургических зон – алтаря и солеи. Предалтарная площадка имеет размеры 3,30×0,70 м. Между солеей и наосом, вероятно, располагалась алтарная преграда, от которой в скале сохранилось несколько широких прямоугольных в плане пазов, вытянутых в одну линию общими размерами 0,35×3,20 м. Наос в плане прямоугольной формы общими размерами 0,80×3,30 м. Здесь, ближе к северу, вырублены в оси храма две скальные могилы № 1 и 2. Обе гробницы имеют заплечики шириной 0,10-0,12 м и высотой до 0,05 м, с помощью которых они были перекрыты плитами в уровень пола наоса. Размеры могил: №1 – 1,75×0,50×0,45 м (прямоугольная в плане), № 2 – 1,90×0,70×0,40 м (антропоморфная в плане). Вход располагался с запада, его реконструируемая ширина – 0,90 м. Перед входом в храм имеется небольшая церковная площадка в плане трапециевидной формы, сохранившая местами скальную подтеку. Форма площадки обусловлена скальным рельефом местности.

Исходя из наличия прилегающего жилого квартала и небольшого прихрамового некрополя, функционально церковь 1968 г. определяется как один из квартальных храмов на территории Мангупского городища [Герцен и др., 2020, с. 112 – 113].

Время функционирования церкви в пределах конца XIII – конца XIV в. К началу XV в., после строительства цитадели на мысе Тешкли-бурун, она и расположенные вблизи постройки прекращают свое функционирование и полностью разбираются на строительный материал.

Церковь Св. Георгия (рис. 5). Расположена в верховьях мыса Елли-бурун, приблизительно в 10 м к югу от крутого поворота грунтовой дороги, ведущей из ущелья Капу-дере на территорию Мангупского плато. Впервые был открыт и частично исследован Р.Х. Лепером в 1912 – 1913 гг., доисследован в 2015 – 2016 гг. Объект полностью введен в научный оборот [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 56 – 108], поэтому здесь приведем лишь его краткое описание.

При строительстве церкви использовалась скальная поверхность, сочетавшая в себе естественный рельеф скалы и хорошо подтесанную плоскость дохрамового периода. Под основание стен и для их выравнивания скала слегка подтесывалась, местами подсыпался грунт. Общий перепад скальной поверхности – до 1,40 м.

Храм однефный, одноапсидный, ориентированный по оси ЮЗ – СВ, азимут 35°. Общие размеры: внешние – 9,60×6,0 м, внутренние – 7,84×4,33 м. Апсида полукруглая. Ее радиус: внешний – 2,00 м, внутренний – 1,20 м; заплечики длиной до 1,0 м, шириной до 1,20 м. Вход располагался с западной стороны. От него *in situ* сохранилась только субструкция под пороговую плиту. Толщина северной и западной стен 0,80 м, южной стены – 0,85 м, стен апсиды – до 0,94 м. Максимальная высота сохранившихся стен церкви не более 1,00 м.

Об архитектурной композиции храма сложно говорить из-за его плохой сохранности. Однако не возникает сомнений в том, что церковь сохраняла традиционные литургические зоны: алтарь и наос. Также, судя по кратким отчетам о раскопках памятника и фотографии 1912 г., интерьер храма дополняли каменная алтарная преграда и престол³, а также, предположительно, плитовая вымостка пола. Наос прямоугольный в плане, точные размеры этой литургической зоны не ясны. Общие внутренние размеры основного объема здания – 6,30×4,40 м. Внутри зафиксировано три могилы. Интерьер церкви дополнялся стеновой росписью [Июжица, 2018, с. 40 – 42].

Археологическими исследованиями установлена точная дата строительства комплекса – 20-30-е гг. XV в. Во время событий 1475 г. храм, очевидно, был разрушен. В конце XV в. церковь восстанавливается и продолжает функционировать до начала XVI в. [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 107 – 108].

Церковь 1969 г. (рис. 6). Расположена в верховьях балки Гамам-дере. Открыта в

³ Р.Х. Лепер упоминает о наличие двух престолов: основания раннего «престола на одной ножке» и более позднем престоле, который был найден перевернутым в алтарной части памятника [Лепер, 1913, с. 74–75].

ходе разведок 1969 г. Исследователи отождествляют ее с безымянным христианским храмом между церквями Св. Георгия и Св. Константина на плане русских топографов 1784 г. [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, ил. 4].

В 2019 г. сотрудниками Мангупской археологической экспедиции выполнен план церкви. Храм одноапсидный, однефный, ориентирован по оси северо-запад – юго-восток, азимут 65°. Его общие размеры: внешние – 7,5×5,0 м, внутренние – 5,90×3,10 м. Апсида полукруглая, внешний радиус до 2,0 м, внутренний – до 1,20 м. Техника кладки стен – трехслойная, двухпанцирная, на известковом растворе. Толщина северной и южной стен в пределах 0,90 м, западной и восточной – 0,80 м. Археологически не исследована. Функционально определяется как квартальная церковь.

Церковь на г. Илька (рис. 7-8). Расположена на водоразделе Адым-Чокракской, Бельбекской, Байдарской и Ай-Тодорской долин, на перекрестке грунтовых дорог, идущих к г. Кая-Баш и в с. Богатое Ущелье, приблизительно в 5 км к югу от Мангупского плато.

Церковь представляет собой однефную, одноапсидную часовню с прямоугольным наосом и выступающей с востока подковообразной в плане апсидой. Постройка ориентирована с запада на восток, с небольшим смещением в направлении северо-запад – юго-восток. Азимут 154°. Ее общие внешние размеры 5,90×3,90 м, по внутреннему обводу – 4,50×2,10 м. Ширина северо-восточного и юго-восточного заплечиков храма, соответственно 0,31 м и 0,13 м, внутренних заплечий – в пределах 0,23-0,24 м. Толщина стен наоса 0,85-0,90 м, апсиды 0,80–1,00 м; сохранность в высоту до 0,84 м. Вход шириной до 1,15 м расположен в южной стене здания. Полный архитектурно-археологический анализ храма опубликован [Науменко, Иожица, 2018, с. 170-196].

Церковь Св. Константина (рис. 9). Расположена в центральной части Мангупского городища, в непосредственной близости от верховий балки Гамам-дере, приблизительно в 100 м к западу от наивысшей точки плато.

Церковь спланирована в северном и южном направлениях на участке с сильно каррированной скальной поверхностью и гладко вытесанной скалой в центральном, восточном и частично западном направлениях. Ярко выраженной церковной площадки здесь нет.

Храм в плане одноапсидный, однефный, с прямоугольным наосом. Ориентация по оси ЮЗ – СВ, азимут 52°. Конструктивный переход от основного объема здания к апсиде проходит за счет заплечиков. Общие размеры церкви: внешние – 10,9×6,1-6,3 м, внутренние – 9,20×4,33 м. Апсида полукруглая. Радиус апсиды: внешний – 2,10 м, внутренний – 1,30 м. Заплечики длиной до 1,90 м, шириной до 0,85 м. Толщина стен храма: восточной – 0,70 м, северной, южной и восточной – 0,90 м. Сохранность их в высоту различна. Максимальная высота (до 3,30 м) наблюдается сейчас для северной стены памятника.

Вход традиционно располагается в западной стене храма. Дверной проем тра-

печиевидный в плане, общими размерами 0,90×0,1-1,35 м. Дверное полотно было двухстворчатым, створки крепились на деревянную раму, на что указывают малые квадратные отверстия, расположенные по бокам порога. Двери открывались внутрь, от этих движений в скале остались дугообразные полосы.

Общая архитектурная композиция храма традиционна. Он состоит из алтаря, солеи и наоса. Первоначально в центре апсиды церкви располагался, вероятно, престол, от которого сохранился почти квадратный паз размерами 0,45×0,45×0,22 м. К апсиде с запада примыкала скальная солея размерами 1,00×4,30 м. Во второй строительный период из-за естественного разрушения скального пола храма солея была вымощена каменными блоками прямоугольной формы и расширена в западном направлении; ее общие размеры теперь составляют 2,00×4,30 м. Расположение престола остается без изменений.

Наос в плане прямоугольной формы общими размерами 6,30×4,30 – 5,30×4,30 м. Его скальный пол расположен ниже уровня солеи на 0,21 м. Размеры первоначального наоса 6,30×4,30 м, позже он сузился до 5,30×4,30 м. В полу храма, фактически в его западной части, вырублены скальные могилы №1-3.

Объемно-планировочное решение церкви Св. Константина хорошо известно благодаря акварельной зарисовке М. Б. Вебеля [Уваров, 1853, л. LIX]. Его дополняют краткие описания путешественников и краеведов, посещавших Мангупское городище начиная с конца XVIII в. [Паллас, 1999, с. 94; Кеппен, 1837, с. 261–290; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 253–254; Тункина, 2017, с. 440]. Известно, что храм освещался через три окна (одно в апсиде и два в южной стене) (рис. 9, 1). Интерьер храма украшала стеновая роспись.

Часовня, возведенная на месте крестообразного храма (рис. 10). Храм построен на остатках разрушенного крестообразного храма, расположенного на холме Мазар-тепе. Одноапсидная, однефная часовня, ориентированная по оси ЮЗ – СВ, азимут 65°. Общие размеры 3,75×5,10 м. Радиус апсиды: внутренний 1,0 м, внешний 1,60 м. Толщина стен 0,65 м, толщина стен апсиды до 0,60 м. В полевых чертежах 1981 г. имеется чертеж часовни, в котором отображен вход в северной стене шириной до 1,0 м.

Строительная техника однефных храмов Мангуна. Большинство историков архитектуры подчеркивают стандартизацию форм культовых сооружений средневизантийского периода, считая, что возможно определить византийскую церковь, опираясь на ее устойчивые черты. Однако было бы неверно утверждать, что византийский храм был стандартен. Известно, что византийские строители применяли различные методы строительства и стандартно разработанные архитектурные формы, адаптируя их к местным особенностям, функциональным и декоративным требованиям. При проектировании здания легче и безопаснее менять детали, но не всю концепцию. Это было особенно характерно для средне- и поздневизантийского периодов, когда архитектура была занятием ремесленников, обучавшихся на строительной площадке, а не архитекторов, прошедших теоретическую подготовку и ов-

ладевших «свободными искусствами» [Оустерхаут, 2005, с. 52 – 73]. Такая адаптация полностью подтверждается анализом однефных храмов Мангупа, среди которых не наблюдается «типового» проекта [Июжица, 2023, с. 133 – 140, рис. 1,2].

Несмотря на это, среди храмов городища выявлены единые технологические принципы строительства церковных зданий, характерные для разных эпох. В ходе полевых исследований установлено, что все церкви золотоордынского периода, как однефные, так и иных типов культовые здания (церковь 2015 г., «Малая южная базилика»), были спроектированы на хорошо выровненной скальной площадке, ограниченной с востока скальным обрывом, по сторонам – водосливами и/или скальными ступенями. Практически по центру строительной площадки сооружался фундамент будущей церкви. Он был двух типов: в виде выступающих скальных оснований под стены (церковь 1967 г.) или с легкой подтеской под основания каменных стен (церковь 1968 г.). Считается, что если сооружение возводится на скальных грунтах, то для заложения подошвы его фундамента достаточно снять только верхние, сильно разрушенные слои породы [Липатов, 2006, с. 196]. Вероятно, именно состояние скалы повлияло на вариативность фундаментов храмов XIII – XIV вв.

Принципы строительства церквей феодоритского периода совершенно иные, как и технология возведения их фундаментов. При строительстве культовых зданий XVв. строительная площадка со строгими границами уже не наблюдается. Более того, для церквей, расположенных на Мангупском плато (церковь Св. Георгия, церковь Св.Константина), использовался естественный рельеф местности. Причем участок, на котором размещали общий план храма, частично или полностью сохранял следы более ранних скальных построек. Фундамент церквей устраивался под продольные стены, подошва которых выступает с одной стороны наружу. Такой прием ленточного фундамента, по мнению исследователей, можно отнести к одному из пассивных принципов сейсмозащиты. Вероятно, и поперечно расположенные деревянные балки-связи⁴ в стенах «церкви Св. Константина» играли в таком случае роль затяжек, как антисейсмическое мероприятие. В случае с церковью Св. Георгия ленточный фундамент также возводился под продольными стенами, но из-за сложного рельефа здесь он был ступенчатым, что характерно для византийской традиции [Липатов, 2006, с. 204 – 205, 232 – 248]. Для храмов, расположенных за пределами Мангупского плато, технология их возведения отличается. Фундаменты церкви на г.Илька сооружались на материковом суглинке, а основанием стен часовни на месте крестообразного храма выступала нивелировочная подсыпка из строительного мусора, перекрывшая более раннюю церковь.

Мастера, возводившие храмы на Мангупском городище, применяли инженерные знания и расчеты, ориентируясь на рельеф местности. Если обратить внимание на

⁴ В южной и северной стенах церкви Св. Константина сохранились сквозные пазы от деревянных связей, уложенные поперек толщи стен. Все пазы размером 10×10 см. Шаг пазов различный, от 1,60 до 2,30 м. В северной стене сохранилось два уровня пазов на высоте 2,5 м друг от друга.

толщину всех стен однефных церквей, то можно установить, какие из них несут большую нагрузку (табл. 1). Если проанализировать их рельеф, то становится ясной причина такого конструктивного решения. Так, общая конструктивная нагрузка церкви Св. Георгия и церкви на г. Илька распределялась вертикально на все стены одновременно, а с учетом перепада рельефа здесь в направлении с запада на восток их апсидная стена воспринимала нагрузку как вертикально, так и горизонтально, выступая в роли своеобразного контрофорса. Анализ толщины стен церкви 1969 г. показывает, что вес кровли храма распределялся на северную и южную стены, так как с большой вероятностью здание было расположено на пологом склоне балки Гамам-дере. Толщина стен основного объема церкви Св. Константина обусловлена ее высотой, где присутствуют верхние боковые оконные проемы (рис.9,3). Толщина стен церкви 1967 г. одинаковая, кроме западной стены. Возможно, на нее дополнительно опиралась кровля от навеса перед входом в храм. Конструктивно эта кровля могла крепиться в виде консоли (рис. 2,4).

На характер строительной техники сильно влияла степень доступности строительных материалов. Традиционно в византийских храмах применялись тесаный камень, кирпич и известковый связующий раствор. Часто их дополняли различные споллии, взятые из более древних зданий и сооружений.

Стены церквей XIII – XIV вв. на Мангупе не сохранились. Остались лишь их скальные фундаменты или следы скальной подтески на ширину основания под фундамент или стены. Поэтому о технике кладки и примененных строительных материалах в однефных храмах на городище и в его округе можно судить лишь по руинам церквей XV в. Для них в качестве строительного материала использовали доступный местный разноразмерный камень: для церквей на Мангупском плато – известняк, для храмов за его пределами – песчаник, аргиллит, блоки природного конгломерата и тот же известняк. Размер и форма блоков различна, как и техника их обработки. Использовались споллии, зафиксированные, например, в стенах церкви Св. Константина, где в кладке встречаются даже известняковые христианские надгробия. Они применялись как во внешних панцирях стен по углам здания, так и внутри кладки южной стены, а также в плитовой солее. Встречаются споллии и в стенах церкви Св. Георгия. Вторичный характер использования, вероятно, имели известняковые блоки, бессистемно уложенные в кладке церкви на г. Илька [Науменко, Иожица, 2018, с. 174, ил. 2]. В кладках церквей Мангупа редко встречаются фрагменты строительной керамики, используемые лишь точечно и исключительно для выравнивания рядов, а не для фасадного рисунка.

Все стены рассматриваемых церквей XIV – XV вв. сложены в технике ложковой и ложково-тычковой трехслойной двухпанцирной кладки на известковом растворе. Исключение составляет церковь на г. Илька, стены которой уложены в той же технике, но на глиняном растворе. С юга к ней дополнительно пристроена кладка в технике двухслойной однопанцирной кладки на известковом связующем растворе [Науменко, Иожица, 2018, с. 171 – 176]. Для сооружения апсид храмов использова-

лись блоки полуциркульной или слегка изогнутой формы, которые, видимо, изготавливались или подгонялись на месте строительства церкви. Во время археологических исследований церкви Св. Константина собрана большая лапидарная коллекция, которая позволяет говорить о форме строительных блоков, примененных в кладке конхи апсиды. Здесь внутренний панцирь состоял из блоков прямоугольной формы размерами 50×20×50-60 см. Их лицевая сторона имела циркульное очертание, боковые стороны – ступенчатый профиль, тыльная сторона оставалась грубо обработанной или совсем без обработки. Важно отметить, что характер тески всех этих блоков различный. Лицевая поверхность сохранила следы обработки двух типов. На всех выявленных блоках неширокой (2,5-5 см) полосой по периметру фиксируются следы от мелкой зубатки, остальная поверхность, в виде прямоугольника, обработана более крупной зубаткой или долотом. По всей вероятности, такое решение обусловлено технологией, необходимой для крепления нижнего левкаса настенной росписи. Боковые и торцевая стороны блоков сохранили следы обработки от инструмента типа долото.

Известковый раствор, примененный в кладках стен всех церквей, визуально разный. Для церкви Св. Георгия в качестве наполнителя использовали речной песок. Аналогичный раствор фиксируется в стенах часовни на холме Мазар-тепе [Мыщ, 1981] и в южной стене церкви на г. Илька [Науменко, Иожица, 2018, с. 174, 176, ил. 2]. В кладочный раствор церкви Св. Константина добавлялся морской песок⁵ и растительные волокна. Такие строительные растворы характерны для поздневизантийских церквей и соотносятся с группами D, E и F, встречающихся при ремонтах зданий Константинополя первой половины XIII в. [Липатов, 2006, с. 124 – 125]. Использование глиняного раствора в кладках зданий поздневизантийского времени исследователи обычно объясняют бедностью их строителей, но не общим упадком строительной культуры [Липатов, 2006, с. 127]. На ограниченность средств для возведения церкви на г. Илька, вероятно, косвенно указывает и необработанность строительных блоков, из которых был сооружен храм.

На сегодняшний день нет полного описания строительных этапов возведения здания любого назначения. В письменных источниках отсутствуют подробности строительного процесса. Несмотря на это, некоторые исследователи пришли к заключению, что при проектировании плана здания использовались модульные измерения, геометрия, в некоторых случаях простые типы квадратуры (пропорциональные соотношения, получаемые через систему геометрических фигур) [Кузнецов, 1977, с. 98; Оустерхаут, 2005, с. 52–79]. Специалисты, изучавшие вопрос пропорции храмовых строений, сформировали систему модуля, который равнялся либо толщине стены постройки [Лосицкий, 1990, с. 45, рис. 4], либо футу (римский фут равнялся 0,296 м, греческий – 0,315 м; византийский – 0,3123 м) или кратной «сто-

⁵ Просматриваются мелкие ракушки (биттиум сетчатый (*bittium seticulatum*), фрагменты, вероятно, венерки (*venus callina*)) и др.

футовой мере» [Schilbach, 1970, p. 16; Оустерхаут, 2005, с. 89; Полевой, 1973, с. 26; Chen, 1990] реже кратный части здания [Завадская, 2019, с. 233]. Также, по мнению В.П.Кирилко, длина и ширина прямоугольной в плане формы основного объема церковного здания должны соотноситься между собой в пропорции 5:3 [Кирилко, 2015, с. 38]. Однако это не соответствует действительности. Анализируя пропорции однонефных наземных храмов Мангупского городища, можно сказать, что соотношение сторон построек варьируется⁶ как в соотношении сторон основного объема здания, так и в отношении общих размеров церкви (табл. 2). Установлено, что при проектировании однонефных храмов Мангупского городища использовался исключительно византийский модуль. Так, все соотношения ширины и длины храма (вместе и без апсиды) укладываются в равное число модуля – 0,3123 см. Ширина всех храмов в пределах 12-20 модулей, длина – 16-35 модулей (рис. 11).

Архитектурно-литургический анализ. Литургический аспект истории византийской архитектуры долгое время оставался вне прямых интересов специалистов. Р.Краутхеймер неоднократно отмечал многообразие литургических приемов разных регионов, и их влияние на сложение региональных архитектурных школ [Krautheimer, 1986, p. 69, 110]. Первые попытки объяснить связь между особенностью планов и организацией интерьеров церковных построек относятся к 30 – 40 гг. XX в. [Crowfoot, 1938, p. 171; Schneider, 1949: 45 – 68; Grabar, 1943 – 46; Lassus, 1947; Guyer, 1950]. В дальнейшем существенный прогресс был достигнут в изучении литургического устройства константинопольских церквей ранневизантийского [Mathews, 1971] и средневизантийского [Mathews, 1982] времени, а также для скальных культовых объектов Каппадокии [Teteriatnikov, 1996].

Несмотря на изменения литургического процесса, основная, главная (!), осевая линия расположения литургических зон в храмах всегда остается неизменной: с востока на запад – алтарь/наос/нартекс/экзонартекс. Часто при описании раннесредневековых храмов исследователи упоминают о наличии в алтаре и наосе амвона, соли и вимы-бемы. На сегодняшний день существует терминологическая проблема относительно элементов интерьера византийской архитектуры. Ведутся дискуссии не только о точном наименовании той или иной литургической зоны или интерьерного убранства, но и их расположении, форме и функциях [см.: Mathews 1971; Orlandos, 1954, p. 535–538; Walter, 1995, p. 99 – 100; Xydis, 1947, p. 1 – 24; Иожица, 2020, с. 137 – 142].

Рассмотрим основные литургические зоны в однонефных храмах Мангупского городища.

Алтарь – наиболее значимая («святая») зона в богослужении храма. Для однонефных церквей апсида была местом наиболее важных литургических действий, поскольку здесь находился алтарь, где совершалась Евхаристия. Здесь же присутство-

⁶ Добавим, что пропорции храмов не соотносятся целыми числами и показатели округляются для приближения к пропорции, указанной в таблице 2.

вали священнослужители во время литургии. Другие обряды, такие как освящение и рукоположение в сан основных чинов духовенства (епископа, пресвитера, диакона), подчеркивали исключительное место центральной апсиды в церковных пространствах больших культовых сооружений [Marinis, 2014, p. 25 – 78]. Форма алтарного пространства храмов Мангупа в плане полукруглая или подковообразная.

В алтаре в качестве элементов литургического устройства выступали синтрон, престол и киворий. *Синтрон* (греч. - σύνθρονον) – дугообразная скамья для духовенства, традиционно примыкающая изнутри к восточной стене алтаря и идущая вдоль стены главной апсиды храма. В отдельную группу выделяются синтроны с обходом, характерный признак для крупных ранневизантийских церквей (базилик) и купольных храмов [Хрушкова, 2017а, с. 122]. В центре восточной стены алтарной апсиды храма с очень раннего времени устанавливался трон – сидение епископа, в его отсутствие на это кресло иногда помещалось Евангелие. Среди исследователей продолжается дискуссия о причинах наличия или отсутствия архиерейского кресла [Хрушкова, 2002, с. 47]. С X – XI вв. синтроны делали в одну ступень, но центральное место по-прежнему занимала стационарная архиерейская кафедра. К XIV – XV вв. стационарный синтрон вовсе исчезает. Это связано с изменением роли проповеди, которая была заменена чтением и сокращением числа священников, участвовавших в богослужении [Mathews, 1971]. По форме синтрон мог иметь множество ступеней (от 1 до 9) или же быть псевдо-синтроном, конструкция которого не предполагала сидения на нижних ступенях во время службы, и поэтому они были очень узкими. Возводились синтроны из камня, плинфы и дерева [Чукова, 2004, с. 83].

Среди однефных храмов Мангупа синтроны *in situ* не зафиксированы. Косвенным указанием на возможность их наличия в апсидах, к примеру, могут выступать пазы, расположенные вдоль внутренней линии восточной стены в церкви 1967 г. По форме такой синтрон мог быть либо одноступенчатым, либо псевдо-синтроном из-за небольшого свободного пространства в алтаре (рис. 2, 3).

Перед синтроном, традиционно по центру апсиды, располагался *престол*, один из главных и наиболее важных сакрализованных сооружений церковного интерьера. Существует множество вариантов его внешнего вида. Источники упоминают два различных типа алтарей: монолитный в «римском стиле» и в виде алтарного стола на четырех небольших колоннах [Arranz, 1996, p. 227]. Некоторые исследователи еще более подчеркивают вариативность византийских престолов [Чукова, 2004, с. 45 – 46].

В однефных храмах Мангупского городища следы от престолов *in situ* сохранились только в четырех случаях: церковь 1967 г., церковь 1968 г., церковь Св.Константина и церковь на г. Илька⁷ (рис. 12). Это подквадратной формы пазы

⁷ В Р.Х. Лепер, исследуя церковь Св. Георгия в 1912 г., упоминал о двух престолах в храме [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 27, 58 – 87], однако их детального описания не оставил.

размерами в пределах 0,2×0,15 – 0,4×0,4 м и глубиной 0,09–0,22⁸ см. Вероятно, типологически речь идет о престоле в виде стола на одной ножке-столбе (горизонтальная верхняя плита опирается на один столб), которая закреплялась в специальном углублении. В двух храмах престол располагался по центру апсиды (церковь 1967 г. и церковь Св. Константина). В церкви 1968 г. паз от престола вынесен за пределы алтаря, напротив заплечиков храма (рис. 12, 2). В церкви на г. Илька *in situ* зафиксирована нижняя плита основания алтарного престола, остальные элементы выявлены в процессе раскопок внутри культовой постройки. Уникальным является то, что здесь престол расположен почти вплотную к восточной стене апсиды [Науменко, Иожица, 2018, с. 174, 177, 180 – 183]. Начиная с раннесредневекового периода огромное значение в древней сакральной практике имело движение вокруг алтаря – циркумambuляция [Подосинов, 2009, с. 55], в то время как в церкви на г. Илька такое шествие осуществить было невозможно (рис. 12, 4). В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что это связано каким-то образом с особенностью местной литургической практики либо функциональным назначением храмового комплекса, который, как уже было сказано, являлся придорожной часовней на пересечении дорог, связывающих округу Мангупа с перевалами Главной гряды Крымских гор [Науменко, Иожица, 2018, с. 180 – 183]. Вероятно, здесь не было необходимости совершения шественных молитв, связанных с повседневной жизнью мирян (вступлением в брак, крещением, отпеванием и пр.), которые проводились в храмах на самом Мангупском плато. К примеру, обход в алтаре вокруг престола совершался обычно во время чтения молитв заупокойного богослужения [Подосинов, 2009, с. 57] и требовал наличия захоронений либо внутри храма, либо вблизи него. Археологическими исследованиями такие захоронения были выявлены только в церквях, расположенных на территории Мангупского городища.

С престолом тесно связана еще одна категория литургических устройств храмов – *киворий*. В специальных исследованиях встречаются различные термины, обозначающие этот архитектурно-литургический элемент – балдахин, циборий, сень, навес, эдикула, фастигиум, храметом и пр. Такое терминологическое разнообразие сложилось ввиду длительного использования кивория. Среди исследователей нет единого мнения в отношении его происхождения. По мнению Э. Смита, киворий заимствован в церковной и дворцовой архитектуре Византии из древнеримского зодчества. В свою очередь, в римскую архитектуру этот элемент мог попасть из Древнего Египта [Smith, 1956]. Е. Богданович видит итальянское влияние в появлении христианского кивория, прототипом которого послужил монументальный тетрастиль позднего Рима [Bogdanović, 2008]. С ней солидарен Дж. Крузен, который утверждает, что Италия является единственной страной, где киворий использовался вплоть до

⁸ «Церковь 1967 г.» и «церковь 1968 г.» – 9 см, «церковь Св. Константина» – 22 см, «церковь на г. Илька» – 17 см.

XIII в. [Kroesen, 2013, p. 189 – 222]. Однако Е.Е. Голубинский отмечал, что у греков киворий делался вместе с закладкой и устройством престола вплоть до начала XX в. [Голубинский, 1904, с. 170, сноски]. Отметим, что киворий также характерен и для древнерусских храмов X – начала XIII в. [Чукова, 2004, с. 76 – 82].

В письменных источниках кивории упоминаются с конца V – начала VI в. [Wessel, 1965, p. 1055], а их изображения известны уже с IV – V вв. [Красносельцев, 1879, с. 47 – 50]. Интересно отметить, что киворий часто встречается в сюжете «Причащение Апостолов» как в настенных росписях, книжных миниатюрах, так и на церковной утвари. Их временные рамки от VI в. и вплоть до XI – XIV вв. Важно подчеркнуть, что киворий изображался всегда на четырех колоннах и чаще над престолом, но с вариативным решением верхней части этой конструкции в виде сводов и многогранных пирамид. В то же время раннехристианские и византийские кивории типологически не отличались до IX в., а после X в. их литургическое назначение было переосмыслено [Bogdanović, 2008; Kroesen, 2013, p. 124; Blaauw, 2009, p. 190]. В подтверждение этому, вероятно, можно отнести появление завес в алтаре, но в разных источниках под ними подразумевают или завесу алтарного барьера, или завесу на престольного кивория [Тафт, 2010, с. 342 – 343]. Художественные изображения и упоминания в письменных источниках показывают существование алтарных завес лишь в позднейшую византийскую эпоху. Они использовались не для того, чтобы скрыть алтарь во время богослужения, а, наоборот, раскрывались во время службы и фиксировались на одной из колонн, чтобы открыть престол [Тафт, 2010, с. 361; Лидов, 2013, с. 383 – 385].

К большому сожалению, редко удается археологически зафиксировать киворий или даже его фрагменты *in situ*. Так, например, в Константинополе ни один из кивориев не сохранился полностью, лишь его фундаменты в виде четырех колонн были обнаружены в Хоре (VI в.). Невозможность выявить следы престола, вероятно, связана с тем, что киворий мог опираться на углы самого престола [Голубинский, 1904, с. 170]. Тем не менее установлено, что кивории сооружались из дерева, камня и металла [Wessel, 1965, p.1055; Красносельцев, 1879, с. 47 – 50]. Кроме традиционного расположения в интерьере церкви над престолом, его также помещали слева и/или справа у стены перед алтарем, реже над амвоном [Матвеева, 2015, с. 9 – 30; Bogdanović, 2008; Smith, 1956].

Следы, предположительно от кивория, обнаружены в алтаре церкви 1967 г., вокруг ее престола. От него сохранились основания под четыре столба в виде прямоугольных скальных пазов размерами 0,10×0,15 – 0,18×0,18 м и глубиной до 0,10 м. Общие размеры кивория составляли 0,82×0,60 м. Отметим, что основания престола расположены точно по центру кивория, несмотря на некоторое смещение контура последнего (рис. 12, 1). Отметим, что это не единственный храм Мангупского городища, в интерьере которого зафиксированы скальные пазы вокруг престола. Аналогичное расположение пазов характерны для октагональной церкви начала XV в. [Герцен, Науменко, 2010, с. 227 – 253], пещерной церкви Южного монастыря

(20–70-е гг. XV в.) [Могаричев, 1996, с. 64 – 66.], пещерной церкви на поляне Кильсес-Тубю (IX – X, XIII – XIV вв.) [Герцен, Науменко и др., 2023, с. 79 – 81].

В основном объеме храма в наосе перед алтарем-апсидой выделяется еще одна литургическая зона – *солея*. Среди исследователей до сих пор идет дискуссия о ее форме, расположении и назначении [Orlandos, 1952–1957, p. 535–538; Walter, 1995, p. 99–100; Хрушкова, 2017в, с. 78 – 80; Хрушкова, 2017б, с. 223 – 247; Marinis, 2014, p. 26 – 27]. В нашем исследовании под солеей понимается предапсидная площадка, ширина которой совпадает с шириной храма. С востока она ограничивается заплечиками апсиды, с запада – наосом.

Солея характерна только для церквей, расположенных на Мангупском плато. Она имеет два вида: скальная ступень или плитовое возвышение. Солея в церкви 1967 г. представляет собой скальную площадку размерами 0,80×3,00 м, которая возвышается над полом наоса на 0,17 м. В церкви Св. Константина предалтарная площадка сохранила следы двух строительных периодов. Первоначально здесь солея была скальной общими размерами 1,0×4,30 м и высотой в пределах 0,25–0,45 м. Позднее за счет каменных плит вымостки она была расширена до размеров 2,00×4,30 м, сохранив первоначальную высоту. В интерьере церкви 1968 г. солея выделена исключительно в виде отдельной литургической зоны, без возвышения над уровнем пола наоса (рис. 13).

Еще в раннехристианское время обязательным элементом церковного интерьера становится алтарная преграда. Для средне- и поздневизантийского периодов характерно постепенное огораживание прихожан от литургического действия и разделения богослужения. Начиная с XI в. барьер «святылица» становился все более закрытым с появлением занавесок и в конечном счете постоянно закрепленных икон [Лидов, 2013, с. 325 – 328]. В то же время, по мнению А. Эпштейн, весь средневизантийский период и даже в XIV в. темплон-преграда оставался относительно открытым. Акцент иконографической программы был на эпистилие⁹, и пространство между колонками оставалось распахнутым. Такая практика преобладала как в византийской столице, так и на подражающей ей периферии [Epstein, 1981, 1 – 27].

К сожалению, археологическими раскопками ни в одном однефном храме Мангупского городища не зафиксирована алтарная преграда или ее остатки *in situ*. Однако мы склонны считать, что алтарная преграда располагалась перед солеей, что подтверждается интерьером пещерной церкви Южного монастыря Мангупа [Могаричев, 1996, рис. 240 – 257]. К предположительному месту расположения алтарной преграды можно отнести широкие скальные пазы, выстроенные в одну линию в наосе церкви 1968 г., расположенные также перед солеей.

Общее представление о внешнем виде алтарной преграды можно получить из анализа лапидарной коллекции. Реконструкция архитектурно-конструктивного ре-

⁹ В Эпистиль (лат. epistylum, от греч. ἐπιστύλιον) – в архитектурном ордере нижняя часть антаблемента (перекрытия). Также этот элемент исследователи именуют архитрав, темплон, тябло.

17 шения алтарного барьера всегда теоретическая, включает традиционные элементы: плиты, столбы, колонны, капители и эпистиль или абаку. Из рассматриваемых памятников на городище лучше всего она просматривается на примере церкви Св.Георгия [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 79 – 83].

Наос центральная и самая большая часть каждой византийской церкви. Его размеры, форма и убранство отражали потребности христианского сообщества, а также было своего рода инструкцией в проводимых ритуалах. Планировка и внешний вид церкви и ее наоса на момент завершения строительства зависели от нескольких факторов. Они включали желания и задумку меценатов, бюджет, доступность строительных материалов, практику работы мастерской, декоративные соображения, а также размер и тип общины, которая будет использовать строение [Mathews, 1971, p. 117 – 125; Marinis, 2014, p. 49]. Наос почти всегда был единым пространством без разделений, обеспечивающий беспрепятственный визуальный доступ к темплону и алтарю со всех точек пространства [Mathews, 1971; Marinis, 2014, p. 49 – 63]. Существуют некоторые свидетельства особого внутреннего деления наоса, характерные только для раннехристианских константинопольских базилик. Наос средневекового периода не имел таких особенностей [Mathews, 1971, p. 125; Peschlow, 2006, p. 54–55]. Он использовался как место встречи людей и как пространство для почти непрерывной молитвы, а также для постоянной или специальной экспозиции реликвий и размещения гробниц.

Как уже отмечалось выше, все наосы однефных храмов Мангупского городища прямоугольной в плане формы. Их площадь в пределах 6,5-28,0 кв. м. Обратим внимание, что среди всех рассматриваемых однефных храмов могилы-костницы в наосе фиксируются только в церквях, расположенных на Мангупском плато (церковь 1967 г., церковь 1968 г., церквях Св. Георгия и Св. Константина), в церкви на г. Ильяка и часовне, возведенной на месте крестообразного храма, захоронения отсутствуют.

На сегодняшний день нет точных данных, объясняющих причину появления захоронений в наосах христианских храмов. Тем более что такая практика в целом противоречит своду имперских законов конца IX в., где предписывалось, что «*никто не должен хоронить умерших в святой церкви*» [Marinis, 2014, p. 60]. Несмотря на это, считалось, что погребение внутри церкви или монастыря обеспечивало защиту, особенно от расхитителей гробниц, что вызывало очевидную озабоченность [Gerstel 2011, p. 136–143], хотя это и противоречит канонам. Более того, сохранились свидетельства, что в наосе могли быть захоронения как духовенства, так и мирян [Marinis, 2014, p. 59].

Могилы в наосе зафиксированы в Мангупских церквях как золотоордынского, так и феодоритского периодов в истории городища. Фактически почти все они были вырублены в скале. Исключением являются могилы в церкви Св. Георгия, которые конструктивно имели каменную обкладку. Расположение могил в наосах храмов бессистемно, и закономерностей в их размещении пока не выявлено.

Нартекс располагался непосредственно перед главным входом в храм и выпол-

нял в различное время ряд функций [Тафт, 2005, с. 40, 41; Marinis, 2014, р. 64]. Он был стандартным элементом константинопольских церквей на протяжении позднеантичного и средневекового периодов. План и конструкция нартекса различны. Он мог иметь вид узкого закрытого вестибюля, равного по ширине наосу или в целом храму. Некоторые формы нартекса обусловлены сложившейся градостроительной ситуацией [Marinis, 2014, р. 64 – 65]. Одной из широко распространенных и постоянных функций нартекса на протяжении всего средне- и поздневизантийского периодов было место для захоронений. Второстепенными функциями являлось проведение множества ежедневных служб или их частей [Marinis, 2009, р. 147 – 166; Marinis, 2010, р. 284 – 302].

В культовых христианских храмах Мангупа зафиксированы только два типа нартекса: в виде закрытого вестибюля (Большая базилика, VI – XV вв.) или в виде внешнего открытого портика подквадратной формы, крыша которого опиралась на колонны (церковь 2015 г., октагон). В однефных церквях Мангупского городища конструктивно выраженного нартекса нет ни в одном случае.

Общие выводы. В результате проведенного исследования следует заключить, что при возведении однефных наземных храмов Мангупского городища их строители использовали не столько местные провинциальные строительные приемы, сколько общепринятую и достаточно вариативную технологию возведения культовых объектов, хорошо известную по всей территории Византийской империи. Этот факт еще раз подчеркивает общий провинциально-византийский характер материальной культуры Мангупа-Феодоро в XIV – XV вв., несмотря на всю сложную политическую ситуацию в регионе в это время.

Анализ архитектурно-конструктивных и архитектурно-литургических особенностей однефных храмов Мангупа позволяет сделать еще один важный вывод: форма храма не определяет литургическую практику. Общий тип церкви и единая ось литургических зон (разных форм и размеров), но различные литургические процессы, иногда требующие наличия дополнительных церковных атрибутов. Так, говоря об экстерьерах однефных церквей, стоит обратить внимание на принципиальное различие для храмов золотоордынского периода – наличие в них церковной площадки (нартекса?), которая могла использоваться в различных вариантах богослужения: в качестве места для захоронений; местонахождения прихожан, не имеющих право на посещение церкви, но допущенных к проповеди; или предположительно для совершения «шественных» и иных молитв. Причем отмечаем, что наличие захоронений перед входом в храм или в другой части культового комплекса в принципе не является препятствием для проведения литургических процедур на этом месте.

Интерьеры церквей XIV в. на Мангупском плато ничем не отличаются от церквей XV в., за исключением некоторых литургических устройств: синтрона и кивория. Обратим внимание, что эти устройства встречаются в интерьерах и многих других разновременных храмовых комплексов городища – Большой базилики, центральных храмов Южного и Северного пещерных монастырей, октагона, а также за его преде-

лами в пещерной церкви на поляне Кильсе-Тубю и в так называемой «Каралезской базилике». Определенная зависимость между особенностями литургической практики и композицией культового сооружения просматривается только в церкви на г.Илька, но здесь она была обусловлена, скорее всего, функциональным назначением храма, который выполнял роль придорожной часовни, не предназначенной для проведения пышных и многолюдных церемоний или повседневных обрядов.

Наконец, следует обратить внимание на значительную разницу местоположения однефных храмов Мангупа в золотоордынский и феодоритский периоды истории крепости. Если первые в основном были сосредоточены в юго-восточной части Мангупского плато, то более поздние церкви тяготеют уже к верховьям балок Гамам-дере и Капу-дере, куда к этому времени сместилась жилая застройка крепости, либо расположены в округе памятника, где активно, после длительного перерыва, функционирует система новых поселений и дорожных коммуникаций. Все эти топографические изменения на самом деле не случайны и являются важнейшим свидетельством разных градостроительных принципов, использованных в планировке города XIV и XV вв., разделенных между собой военной катастрофой начала 1390-х гг., о чем уже говорилось в литературе на примере эволюции сакральной топографии Мангупского городища [Науменко, Герцен, Иожица, 2021, с. 267]. Однако детализация этих наблюдений является задачей специального исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Веймарн Е.В. Мангуп. Разведки оборонительных стен и некрополь // МИА. 1953. № 34.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И., Навиков С. А., Голев С. А., Петрова Д. А. Исследования Мангупского городища в 2022 году. // ИАКр. Вып. XIX. Сборник кратких сообщений по итогам полевого археологического сезона 2022 года на Крымском полуострове. Симферополь, 2023. 356 с., ил. С. 76 – 93.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г.», Алмалыкский могильник // ИАКр. Вып. XIII. Материалы научно-практической конференции по итогам полевого археологического сезона 2019 года на Крымском полуострове, посвящённой 100-летию академической археологии России. Симферополь. 2020. С. 111 – 128.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): М. ; СПб., 2017. 272 с., ил.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. Т. 53: архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв. СПб. 2010. 498 с. ил., XXIV с. цв. вкл.
- Голубинский Е. 1904. История Русской церкви. М. Т. 1. Ч. 2.
- Завадская И. А. О методах проектирования ранневизантийских базилик Херсонеса // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 9. СПб. 2019. С. 233–243.
- Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению

- и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь: Бизнес-Информ. 2009. 328 с.
- Иожица Д. В. «Наземные однефные храмы Мангупского городища» // Материалы научной конференции ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XV Международный Византийский семинар. Симферополь. 2023. С. 133 – 140.
- Иожица Д. В. Византийская базилика и ее архитектурные компоненты. Некоторые проблемы современной историографии // Материалы научной конференции ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский семинар. Симферополь. 2020. С. 137 – 142.
- Иожица Д. В. Новые материалы к изучению стеновой живописи Мангупского городища: фреска церкви св. Георгия // Материалы международной научной конференции «III Свято-Владимирские чтения». 2018. С. 40 – 42.
- Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Императорская Академия наук. 1837. 409 с.
- Кирилко В. П. Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы // Археологический альманах. №. 32. Киев. 2015.
- Красносельцев Н. Ф. Расположение и убранство древнехристианских храмов // Православный собеседник. Второе полугодие. 1879. С. 3 – 60.
- Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе. 1977. 176 с., 18 л. ил.
- Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. Вып. 47. 1913. С. 73–79; 146–154.
- Лидов А. М. Происхождение иконостаса // Иконы. Мир святых образов в Византии и на Руси М.: Феория, 2013. 406 с.: ил.
- Липатов А. А. Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты : строительные растворы, стены, фундаменты: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 СПб., 2006 304 с. РГБ ОД, 61:06-7/542.
- Лосицкий Ю. Г. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія, №2, 1990. с. 33 – 45.
- Матвеева Ю. Г. Ранневизантийский алтарный киворий: истоки, прототипы, реальное сооружение и иконографический символ // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2015. Вып. 2 (18). С. 9–30.
- Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь. 1997. 384 с.
- Мыц В. Л. Загородный храм и некрополь Мангупа // АДСВ. 1984, Вып. 21. С. 57 – 66.
- Мыц В. Л. Отчет о раскопках крестообразного храма на южном склоне г. Мангуп в 1981 г.// НА ИАКр РАН. Ф1. Оп.1. 1982. Д1.
- Науменко В. Е., Герцен А. Г., Иожица Д. В. Христианский Мангуп. Современная источниковая база и основные этапы истории // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 255 – 281.
- Науменко В. Е., Иожица (Корзюк) Д. В. Церковь на горе Илька в округе Мангупского городища (Юго-Западный Крым). Архитектурный анализ и объемная реконструкция памятника // ВВИА. Вып. 10. М.; СПб. 2018. С. 170 – 196.
- Науменко В. Е. «Церковь 1967 года» – малоизвестный храмово-погребальный комплекс Мангупского городища. Проблемы датировки и назначения // Христианство в археологических и письменных источниках: Материалы X Международной научной конференции по церковной археологии, посвященной 160-летию Д. В. Айналова. Симферополь. 2022. С. 181 – 189.

- Оустерхаут Р. Византийские строители / пер. Л.А. Беляев, Г.Ю. Ивакин. Киев-М., 2005, 332 с.
- Партина А.С. Архитектурные термины: Иллюстрированный словарь. М., 2001, 208 с.:ил.
- Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М. 1999. 246 с.
- Подосинов А.В. Литургическое движение в сакральном пространстве: об античных истоках восточно-христианской обрядности // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. М. 2009. С. 50 – 65.
- Полевой В.М. Искусство Греции. Средние века. М. 1973. 352 с.
- Тафт Р. Ф. Статьи. Т. 1. [пер. с англ. С. В. Голованова]. Омск. 2010. 480 с.
- Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд. Краткий очерк. СПб. 2005. 160 с.
- Тункина И.В. Малоизвестные страницы истории изучения Мангупа: академическая экспедиция Е.Е. Кёлера 1821 г. // МАИЭТ. Вып. XXII. С. 433–447.
- Уваров А.С. Командировка графа на исследование южных губерний // Уваров А.С. Сборник мелких трудов. Т. III. Материалы для биографии и статьи по теории археологии. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко. 1910. С. 7–15.
- Хрушкова Л. Г. Солея в христианском храме: Запад, Восток, Крым // Материалы научной конференции, посвященной 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича / Ред.-сост. В.В. Майко, Т. Ю. Яшаева. Севастополь, 2017в. С. 78 – 80.
- Хрушкова Л.Г. Что такое солея: об одной долгой и незавершенной дискуссии // ВВ. Т.101. 2017б. С. 223 – 247.
- Хрушкова Л.Г. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики // МАИЭТ. Вып. XXII. 2017а. С. 107 – 138.
- Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV – VII века). М. 2002. 500 с.
- Чукова Т. А. Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб. 2004. 224 с.
- Arranz M. L'Euclologio constantinopolitano agli inizi del secolo XI. Hagiasmatarion & Archieratikon (Rituale & Pontii cale) con l'aggiunta del Leitourgikon (Messale). Rome. 1996.
- Blaauw, S. L. de. Arnolfo's high altar ciboria and Roman liturgical traditions // Arnolfo's Moment. Acts of an International Conference / eds. D. Friedman, J. Gardner, M. Haines. Florence, 2009. P. 123–140.
- Bogdanović J. Canopies: The Framing of Sacred Space in the Byzantine Ecclesiastical Tradition. PhD dissertation. Princeton, 2008.
- Chen D. On Planning of Synagogues and Churches in Palaestina: A Comparison with Syria and Illyricum // Christian Archaeology in the Holy Land. New Discoveries / Ed. G. C. Bottini, L. Di Segni, E. Alliata. Jerusalem. 1990. P. 523–533.
- Crowfoot J. W. The Christian churches // Gerasa: city of Decapolis: An account embodying the record of a joint excavation conducted by Yale university and the British school of archeology in Jerusalem (1928-3).
- Epstein A.W. The Middle Byzantine Sanctuary Barrier: Templon or Iconostasis? // Journal of the British Archeological Association. 1981. Vol. CXXXIV. P. 1–27.
- Gerstel S. The Chora Parekklesion, the Hope for a Peaceful Afterlife, and Monastic Devotional Practices // Klein, Ousterhout, and Pitarakis. 2011. P. 129–145.
- Grabar A. Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et l'art chretien antique. II vols. Paris, 1947, 402 p.

- Guyer S. Grundlagen mittelalterlicher abendländischer Baukunst: Beiträge zu der vom antiken Tempel zur kreuzförmigen Basilika des abendländischen Mittelalters führenden Entwicklung. Einsiedeln and Zurich, Switzerland: benziger Verlag. 1950. p. 199.
- Krautheimer R. Early Christian architecture. 4th edition with Sl. Curcic, 1986.
- Kroesen J. Ciborios y baldaquinos en iglesias medievales. Un panorama Europeo // Codex Aquilarensis. 2013. Vol. 29. P. 189–222.
- Lassus J. Sanctuaires chrétiens de Syrie. Essai sur la genèse, la forme et l'usage liturgique des édifices du culte chrétien, en Syrie, du IIIe siècle à la conquête musulmane. Paris, 1947.
- Marinis V. Architecture and Ritual in the Churches of Constantinople: Ninth to Fifteenth Centuries. Cambridge University Press, 2014. Pp. xvii, 243.
- Marinis V. Dei ning Liturgical Space in Byzantium. // Stephenson. 2010. P. 284–302.
- Marinis V. Tombs and Burials in the Monastery tou Libos in Constantinople. // DOP. 2009. V.63. P. 147 – 166.
- Marinis A. Structure, Agency, Ritual, and the Byzantine Church. // Architecture of the Sacred: Space, Ritual, and Experience from Classical Greece to Byzantium. Camb. 2012. P. 338–364.
- Mathews T. F. Private liturgy in Byzantine architecture Towards a re-appraisal // DOP. 1982. V. 30. P. 125 – 138.
- Mathews T. F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy, University Park and London, 1971
- Orlandos A. Η ξυλόστεγος παλαιοχριστιανική βασιλική τῆς Μεσογειακῆς λεκάνης. Athens 1954.
- Peschlow Urs. Der mittelbyzantinische Ambo aus arch ä ologischer Sicht. Thymiana 1. 1994. P. 255 – 260.
- Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München 1970. 291 S.
- Schneider A. M. Liturgie und Kirchenbau in Syrien // nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Gottinge.
- Smith E. B. Architectural Symbolism in Ancient Rome and the Middle Ages. Princeton. 1956. 219 p.
- Teteriatnikov N. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. OCA 252, PIO 1996.
- Walter C. The Byzantine Sanctuary: A Word List. // Литургия, архитектура и искусство византийского мира. Труды XVIII Международного конгресса византинистов (Москва, 8–15 августа 1991) и другие материалы, посвященные памяти о. Иоанна Мейендорфа / Под ред. К.К. Акентьева. СПб. 1995. P. 95–106.
- Wessel K. Altar // Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. Stuttgart, 1963. S. 111 – 120.
- Xydis S. G. The Chancel Barrier, Solea and Ambo of Hagia Sofia // The Art Bulletin. 1947. 29, 1. P. 1–24.

REFERENCES

- Veimarn E.V. Mangup. Razvedki oboronitel'nykh sten i nekropol' *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. 1953. № 34.
- Gertsen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Gantsev V. K., Iozhitsa D. V., Nabokov A. I., Novikov S. A., Golev S. A., Petrova D. A. Issledovaniia mangupskogo gorodishcha v 2022 god

- Istoriia i arkhologiiia Kryma*. Vyp. XIX. Sbornik kratkikh soobshchenii po itogam polevogo arkhelogicheskogo sezona 2022 goda na Krymskom poluostrove. Simferopol', 2023. 356 s., il. S. 76 – 93.
- Gertsen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Gantsev V. K., Iozhitsa D. V., Nabokov A.I. Raskopki Mangupskogo gorodishcha: dvorets, «tserkov' 1968 g.», Almalykskii mogil'nik. *Istoriia i arkhologiiia Kryma*. Vyp. XIII. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii po itogam polevogo arkhelogicheskogo sezona 2019 goda na Krymskom poluostrove, posviashchennoi 100-letiiu akademicheskoi arkhologii Rossii. Simferopol'. 2020. S. 111 – 128.
- Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. Peshchernye tserkvi Mangupa. Simferopol'. 1996. 128 s.
- Gertsen A.G., Naumenko V.E. Oktagon'al'naia tserkov' tsitadeli Mangupa (Krym): voprosy khronologii i arkhitekturnoi kompozitsii. *Trudy gosudarstvennogo Ermitazha*. T. 53: arkhitektura Vizantii i drevnei Rusi IX–XII vv. SPb. 2010. 498 s. il., XXIV s. tsv. vkl.
- Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Iu. Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkhelogo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.). M.; SPb.: Nestor-Istoriia, 2017. 272 s.
- Golubinskii E. 1904. Istoriia Russkoi Tserkvi. M. T. 1. Ch. 2.
- Zavadskaiia I. A. O metodakh proektirovaniia rannevizantiiskikh bazilik Khersonesa. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statei*. Vyp. 9. SPb. 2019. S. 233–243.
- Djubua de Monpere F. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abhazam, v Gruziju, Armeniju i v Krym. V 6 tomah. Parizh, 1843. T. 5, 6. Simferopol': Biznes-Inform. 2009. 328 s.
- Iozhitsa D. V. «Nazemnye odnonefnye khramy Mangupskogo gorodishcha». *Materialy nauchnoi konferentsii ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XV Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar*. Simferopol'. 2023. S. 133 – 140.
- Iozhitsa D. V. Vizantiiskaia bazilika i ee arkhitekturnye komponenty. Nekotorye problemy sovremennoi istoriografii. *Materialy nauchnoi konferentsii ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar*. Simferopol'. 2020. S. 137 – 142
- Kirilko V.P. Drevnosti Semidvor'ia I. Srednevekovi dvukhapsidnyi khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy. *Arkheologicheskii al'manakh*. №.32. Kiev. 2015.
- Iozhica D.V. Novye materialy k izucheniju stenovoj zhivopisi Mangupskogo gorodishha: freska cerkvi sv. Georgija // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «III Svjato-Vladimirskie chtenija». 2018. S. 40 – 42.
- Keppen P.I. O drevnostjah Juzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh. SPb.: Imperatorskaja Akademija nauk. 1837. 409 s.
- Kirilko V. P. Drevnosti Semidvor'ja I. Srednevekovi dvukhapsidnyj hram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy // Arheologicheskij al'manah. №. 32. Kiev. 2015.
- Krasnosel'tsev N. F. Raspolozhenie i ubranstvo drevnekhristsianskikh khramov. *Pravoslavnyi sobesednik*. Vtoroe polugodie. 1879. S. 3 – 60.
- Kuznetsov V. A. Zodchestvo feodal'noi Alanii. Ordzhonikidze. 1977. 176 s., 18 l. il.
- Leper R.H. Arheologicheskie issledovaniia v Mangupe v 1912 g. // *Izvestija Imperatorskoj Arheologicheskoi komissii*. Vyp. 47. 1913. S. 73–79; 146–154.
- Lidov A.M. Proiskhozhdenie ikonostasa. *Ikony. Mir sviatykh obrazov v Vizantii i na Rusi* M.: Feoriia, 2013. 406 s.: il.
- Lipatov A. A. Vizantiiskie traditsii v stroitel'nom proizvodstve Drevnei Rusi: stroitel'nye

- rastvory, steny, fundamenty: stroitel'nye rastvory, steny, fundamenty: Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.06 SPb., 2006 304 s. RGB OD, 61:06-7/542.
- Lositskii Iu.G. Do pitannia tipologichnoi evoliutsii monumental'noi arkhitekturi seredn'ovichnogo Krimu. *Arkheologiya*, №2, 1990. S. 33 – 45.
- Matveeva Iu. G. Rannevizantiiskii altarnyi kivorii: istoki, prototipy, real'noe sooruzhenie i ikonograficheskii simvol. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva. 2015. Vyp. 2 (18). S. 9–30.
- Mogarichev Iu.M. Peshchernye tserkvi Tavriki. Simferopol'. 1997. 384 s.
- Myts V. L. Zagorodnyi khram i nekropol' Mangupa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*. 1984, Vyp. 21. S. 57-66.
- Myts V.L. Otchet o raskopkakh krestoobraznogo khrama na iuzhnom sklone g. Mangup v 1981 g. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Kryma Rossiiskoi akademii nauk*. Fond 1. Opis' 1. 1982. Delo 1.
- Naumenko V.E., Gertsen A.G., Iozhitsa D.V. Khristianskii Mangup. Sovremennaiia istochnikovaia baza i osnovnye etapy istorii. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. 2021. Vyp. XXVI. S. 255 – 281.
- Naumenko V.E., Iozhitsa (Korziuk) D. V. Tserkov' na gore Il'ka v okruge Mangupskogo gorodishcha (Iugo-Zapadnyi Krym). Arkhitekturnyi analiz i ob»emnaia rekonstruktsiia pamiatnika. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury*. Vyp. 10. M.; SPb. 2018. S. 170 – 196.
- Naumenko V.E.«Tserkov' 1967 goda»–maloizvestnyikhramovo-pogrebal'nyi kompleks Mangupskogo gorodishcha. Problemy datirovki i naznacheniia. *Khristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh: Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po tserkovnoi arkheologii, posviashchennoi 160-letiiu D. V. Ainalova*. Simferopol'. 2022. S. 181 – 189.
- Nef. [Elektronnyi resurs] <https://www.pravenc.ru/text/2565166.html> // Pravoslavnaia entsiklopediia
- Ousterkhaut R. Vizantiiskie stroiteli / per. L.A. Beliaev, G.Iu. Ivakin. Kiev-M., 2005, 332 s.
- Partina A.S. Arkhitekturnye terminy: Illiustativnyi slovar'. M., 2001, 208 s.:il.
- Pallas P.S. Nabljudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po juzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah. M. 1999. 246 s.
- Podosinov A.V. Liturgicheskoe dvizhenie v sakral'nom prostranstve: ob antichnykh istokakh vostochno-khristianskoi obriadnosti. *Ierotopiia. Sravnitel'nye issledovaniia sakral'nykh prostranstv*. M. 2009. S. 50 – 65.
- Polevoi V.M. Iskusstvo Gretsii. Srednie veka. M. 1973. 352 s.
- Taft R. F Stat'i. T. 1. [per. s angl. S. V. Golovanova]. Omsk. 2010. 480 s.
- Taft R. F. Vizantiiskii tserkovnyi obriad. Kratkii ocherk. SPb. 2005. 160 s.
- Tunkina I.V. Maloizvestnye stranicy istorii izuchenija Mangupa: akademicheskaja jekspeditsiia E.E.Kjolera 1821 g. Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. Vyp. XXII. S. 433–447.
- Uvarov A.S. Komandirovka grafa na issledovanie juzhnykh gubernij. Uvarov A.S. Sbornik melkih trudov. T. III. Materialy dlja biografii i stat'i po teorii arheologii. M.: Tipografija G. Lissnera i D. Sobko. 1910. S. 7–15.
- Khrushkova L. G. Soleia v khristianskom khrame: Zapad, Vostok, Krym. *Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 170-letiiu K. K. Kostsiushko-Valiuzhinicha* / Red.-sost. V.V.Maiko, T. Iu. Iashaeva. Sevastopol', 2017v. S. 78 – 80.
- Khrushkova L.G. Chto takoe soleia: ob odnoi dolgoi i nezavershennoi diskussii. *Vizantiiskii vremennik*. T.101. 2017b. S. 223 – 247.

Khrushkova L.G. К дискуссии о времени строител'ства Мангупской базилики. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Вып. XXII. 2017a. S. 107 – 138.

Khrushkova L.G. Rannekhristianskie pamiatniki Vostochnogo Prichernomor'ia, (IV – VII veka). М. 2002. 500 s.

Chukova T.A. Altar' drevnerusskogo khrama kontsa X – pervoi treti XIII v. Osnovnye arkhitekturnye elementy po arkheologicheskim dannym. SPb. 2004. 224 s.

Резюме

Христианская архитектура Мангупского городища представлена 25 церквями. Большая часть из них представлена простым типом культового сооружения – одноапсидным однонефным храмом. Среди всех наземных однонефных храмов, расположенных на территории Мангупского городища, выделяются только 7 храмов с хорошо сохранившейся планировочной структурой. Эти храмы укладываются в два исторических периода христианского Мангупа: золотоордынский (конец XIII – около 1395 г.) – «церковь 1967 г.» и «церковь 1968 г.», феодоритский (около 1400 – 1475 гг.) – три церкви на плато (церковь Св. Георгия, церковь Св. Константина, «церковь 1969 г.») и две в округи городища (церковь на г. Илька и «часовня») на месте более раннего крестообразного храма на вершине холма Мазар-тепе.

При возведении храмов применялись традиционные византийские строительные принципы, которые приспособляли хорошо известные строительные формы зданий под существующий рельеф местности. Несмотря на это, анализ архитектурно-конструктивных и архитектурно-литургических особенностей однонефных храмов показывает совершенно иную идеологию, основной вывод которой – форма храма не определяет форму литургии. Один тип церкви, единая ось литургических зон (разных форм и размеров), но различные литургические процессы, иногда требующие наличие дополнительных церковных атрибутов. Немаловажным выводом исследования является выявление градостроительной закономерности, при которой храмы золотоордынского периода расположены вдоль южного обрыва плато, а храмы феодоритского периода – внутри кварталов города.

Ключевые слова: однонефный храм, зальный храм, Мангуп, византийский фут, византийский модуль, архитектурная композиция, фундамент, принципы строительства, алтарь, киворий, престол, соля, наос, нартекс.

Summary

The Christian architecture of the Mangup settlement is represented by 25 churches. Most of them are represented by a simple type of religious building – a one-apse single-nave church. Among all the ground-based single-nave churches located on the territory of the Mangupsky settlement, only 7 churches stand out with a well-preserved planning structure. These buildings fit into two historical periods of the Christian Mangup: the Golden Horde (late XIII – about 1395) – «the church of 1967» and «the church of 1968», the Feodorite (about 1400 – 1475) – three churches on the plateau (St. George's Church, St. George's Church Constantine, «the church of 1969») and two in the vicinity of the settlement (the church on the Ilka and the «chapel» on the site of an earlier cruciform temple on the top of the Mazar Tepe hill).

During the construction of the churches, traditional Byzantine building principles were applied, which adapted the well-known building forms of buildings to the existing terrain. Despite this, an analysis of the architectural and structural and architectural-liturgical features of single-nave churches shows a completely different ideology, the main conclusion of which is that the shape of

the church does not determine the form of the liturgy. One type of church, a single axis of liturgical zones (of different shapes and sizes), but different liturgical processes, sometimes requiring additional church attributes. An important conclusion of the study is the identification of an urban planning pattern in which the churches of the Golden Horde period are located along the southern cliff of the plateau, and the temples of the Feodorite period are located inside the city blocks.

Key words: single-nave church, hall church, Mangup, Byzantine pound, Byzantine module, architectural composition, foundation, principles of construction, altar, ciborium, throne, solea, naos, narthex.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Иожица Дарья Васильевна, м.н.с.
Отдела средневековой археологии
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»,
Республика Крым, город Симферополь,
пр-кт Академика Вернадского, д. 2.
arhi-arhi@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iozhitsa Darya Vasilyevna, M.Sc.
of the Department of Medieval
Archaeology Institute of Archeology
of the Crimea of the
Russian Academy of Sciences,
Republic of Crimea, Simferopol,
Academician Vernadsky Ave., 2.
arhi-arhi@mail.ru

№ п/п	Наименование	Дата	Толщина стен (м)			
			С	З	Ю	В
1	«Церковь 1967 г.»	XIII-XIV	0,70	1,0	0,70	0,70
2	«Церковь 1968 г.»	XIII-XIV	≈0,5	≈0,55	≈0,65	≈0,65
3	«Церковь 1969 г.»	XIV-XV	0,95	0,80	0,95	0,80
4	Церковь Св. Георгия	XIV-XV	0,80	0,80	0,85	0,94
5	Церковь Св. Константина	XIV-XVI	0,90	0,90	0,90	0,70
6	«Часовня» на месте более раннего крестообразного храма на вершине холма Мазар-тепе	XIV-XV	0,65	0,65	0,65	0,60
7	Церковь на г. Илька	XIV-XV	0,85	0,85	0,80	0,90

Табл. 1. Однефные храмы Мангупского городища и его округи.
Конструктивные особенности.

№ п/п	Наименование	Дата	Общие размеры (внешние с апсидой)	Модули	Общие размеры (внешние без апсиды)	Модули	Пропорция	
							С апсидой	Без апсиды
1	«Церковь 1967 г.»	XIII-XIV	8,00×4,50	15×26	6,20×4,50	15×19	5:3	5:4
2	«Церковь 1968 г.»	XIII-XIV	6,20×4,50	14×20	5,00×4,50	14×16	4:3	1:1
3	«Церковь 1969 г.»	XIV-XV	7,5×5,0	16×24	5,50×5,0	16×18	4:3	1:1
4	Церковь Св. Георгия	XIV-XV	9,60×6,0	19×31	8,30×6,0	19×27	5:3	5:4
5	Церковь Св. Константина	XIV-XVI	10,9×6,1-6,3	20×35	9,20×6,1-6,3	20×29	4:2	4:1,5
6	«Часовня» на месте более раннего крестообразного храма на вершине холма Мазар-тепе	XIV-XV	5,10×3,75	12×17	3,50×3,75	12×10	4:3	1:1
7	Церковь на г. Илька	XIV-XV	5,90×3,90	14×20	4,6×3,90	14×14	3:2	3:2

Табл. 2. Однефные храмы Мангулского городища и его округи. Пропорции.

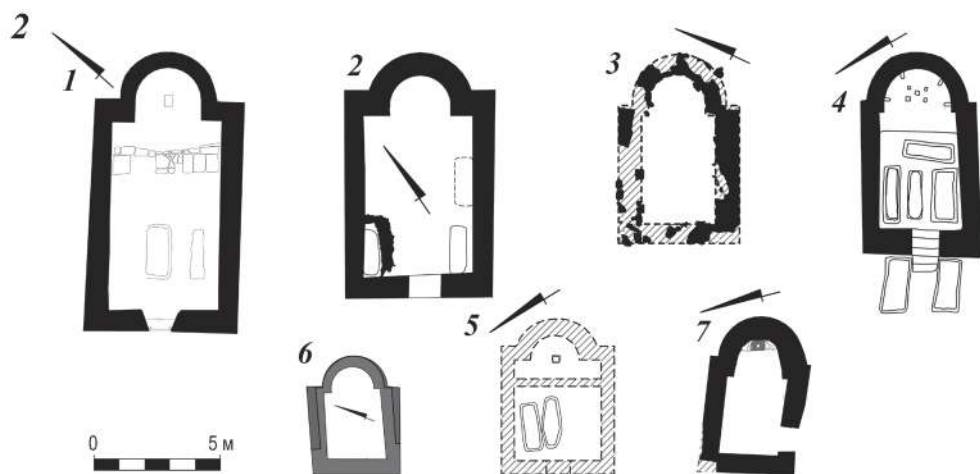
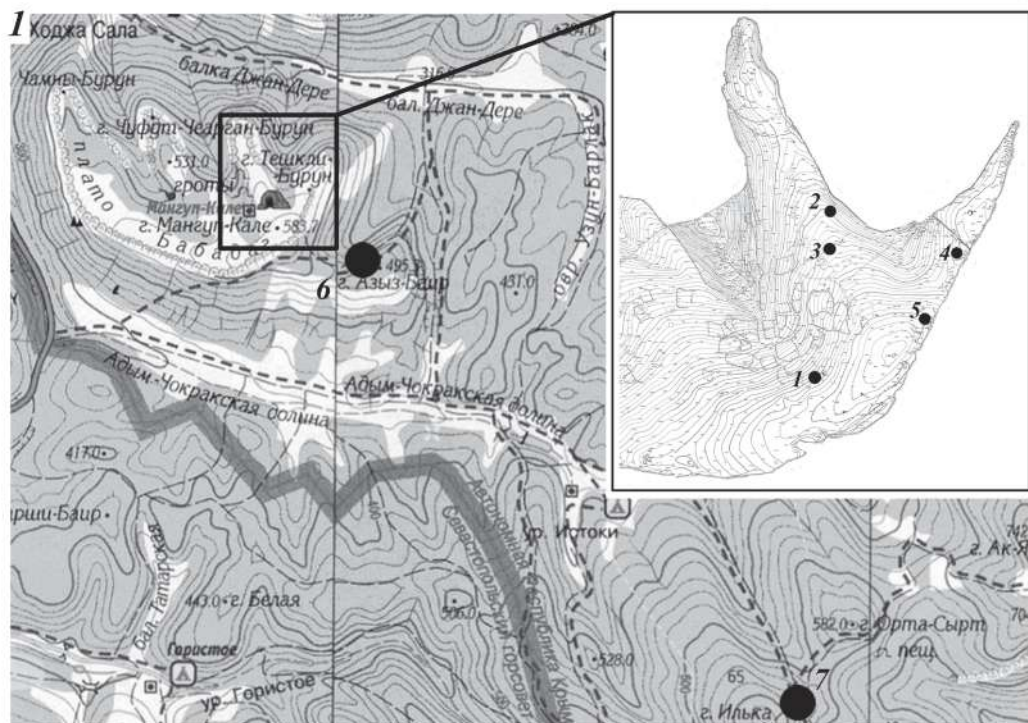

Рис. 1. Однонефные храмы Мангупского городища и его окружи: 1 – общая топография; 2 – планы храмов: 1 – «церковь Св. Константина»; 2 – «церковь Св. Георгия»; 3 – «церковь 1969 г.»; 4 – «церковь 1967 г.»; 5 – «церковь 1968 г.»; 6 – «часовня» XIV–XV вв. на вершине Мазар-тепе; 7 – «церковь на г. Ильяка» (по Июжца, 2023, рис. 2).

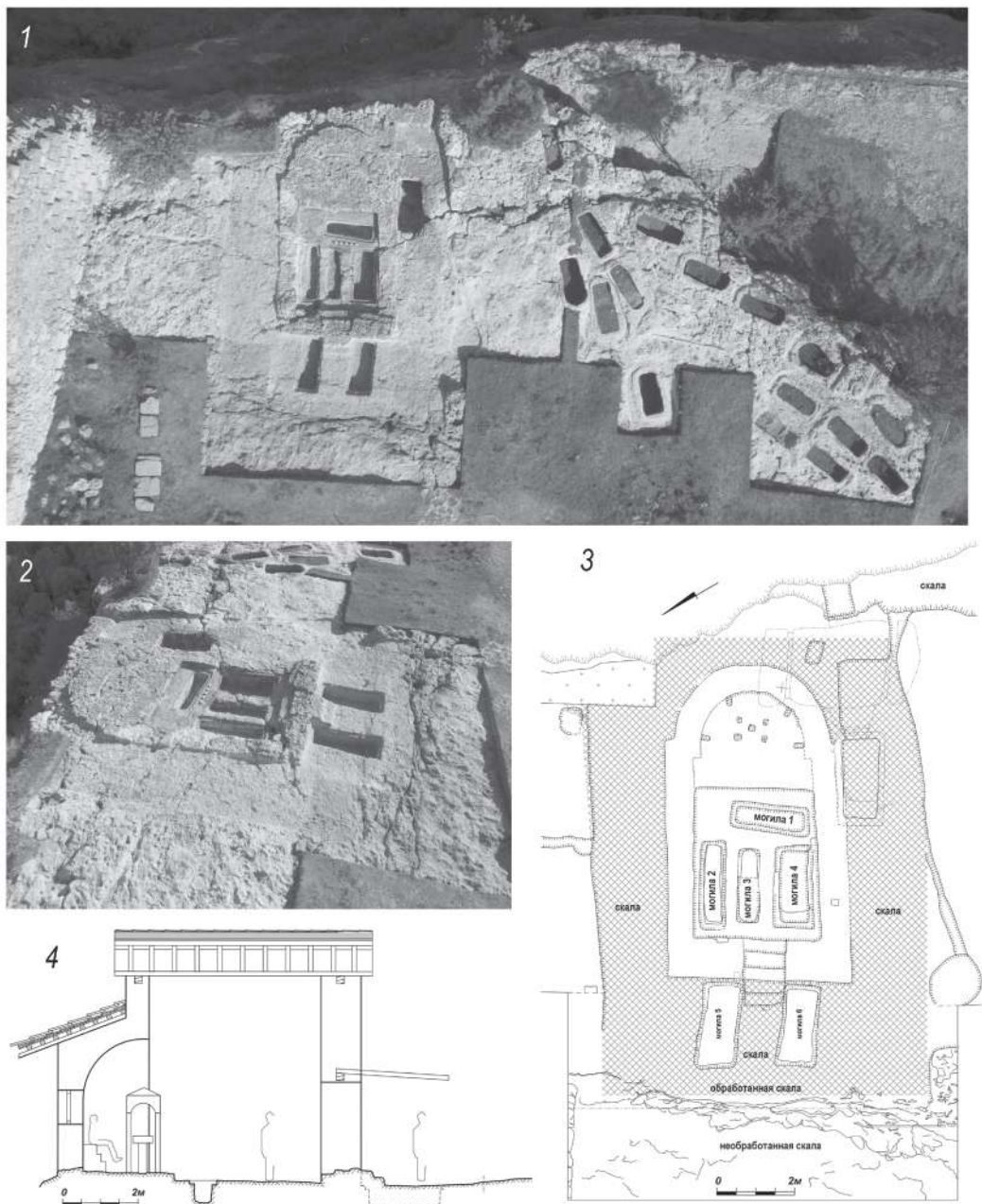

Рис. 2. «Церковь 1967 г.»: 1 – ортофотоплан (фото А.А. Душенко); 2 – общий вид с севера (фото В.Е. Науменко); 3 – план церкви; 4 – разрез-реконструкция.

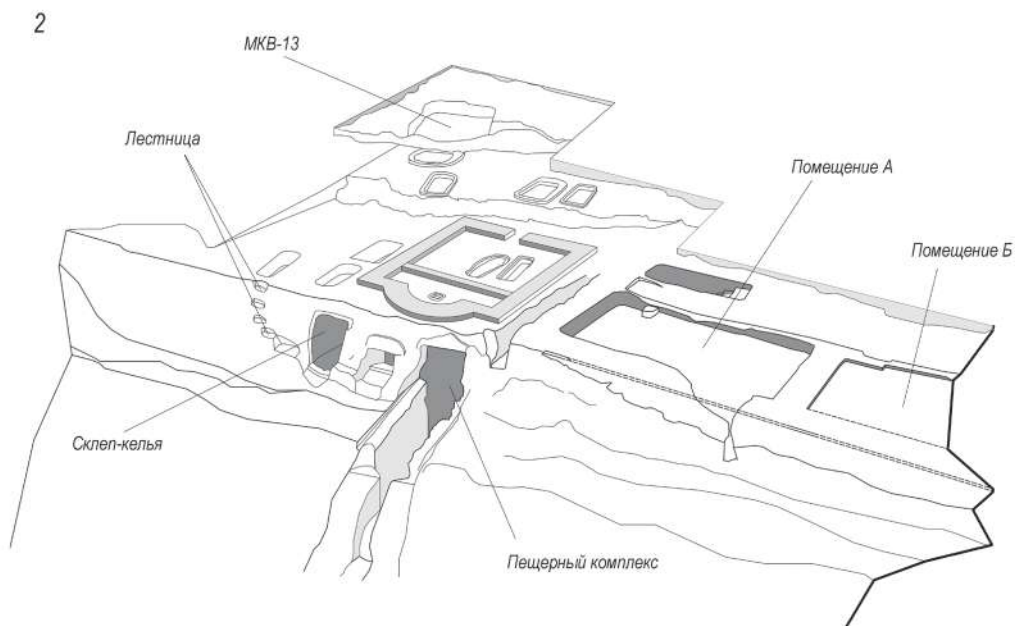

Рис. 3. «Церковь 1968 г.»: 1 – фото общего вида комплекса (фото А.А. Душенко);
2 – схема общего вида комплекса.

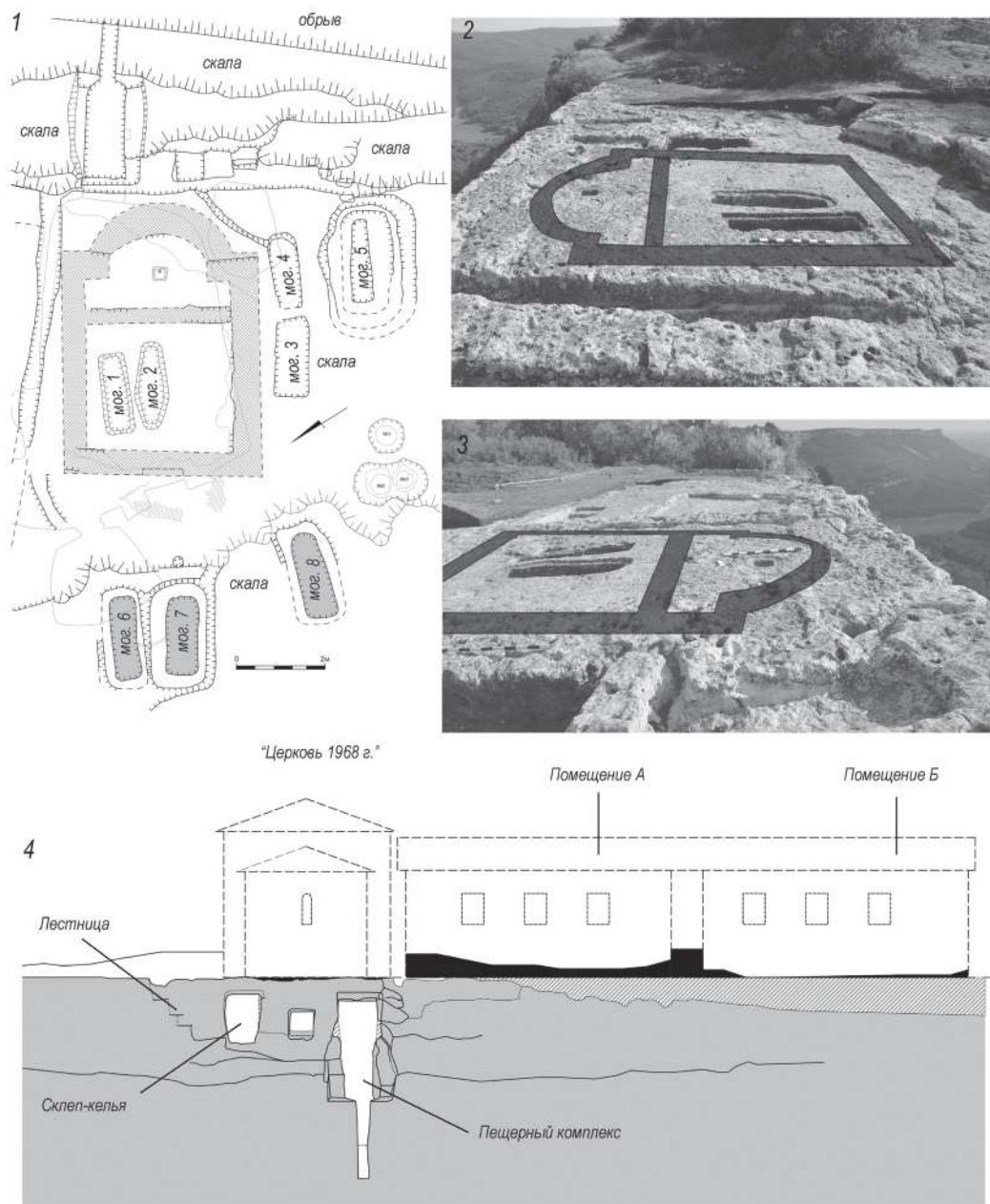

Рис. 4. «Церковь 1968 г.»: 1 – план; 2,3 – фото храма с севера и юга (черным отмечен контур церкви по стальным основаниям); 4 – реконструкция южного фасада храмового комплекса.

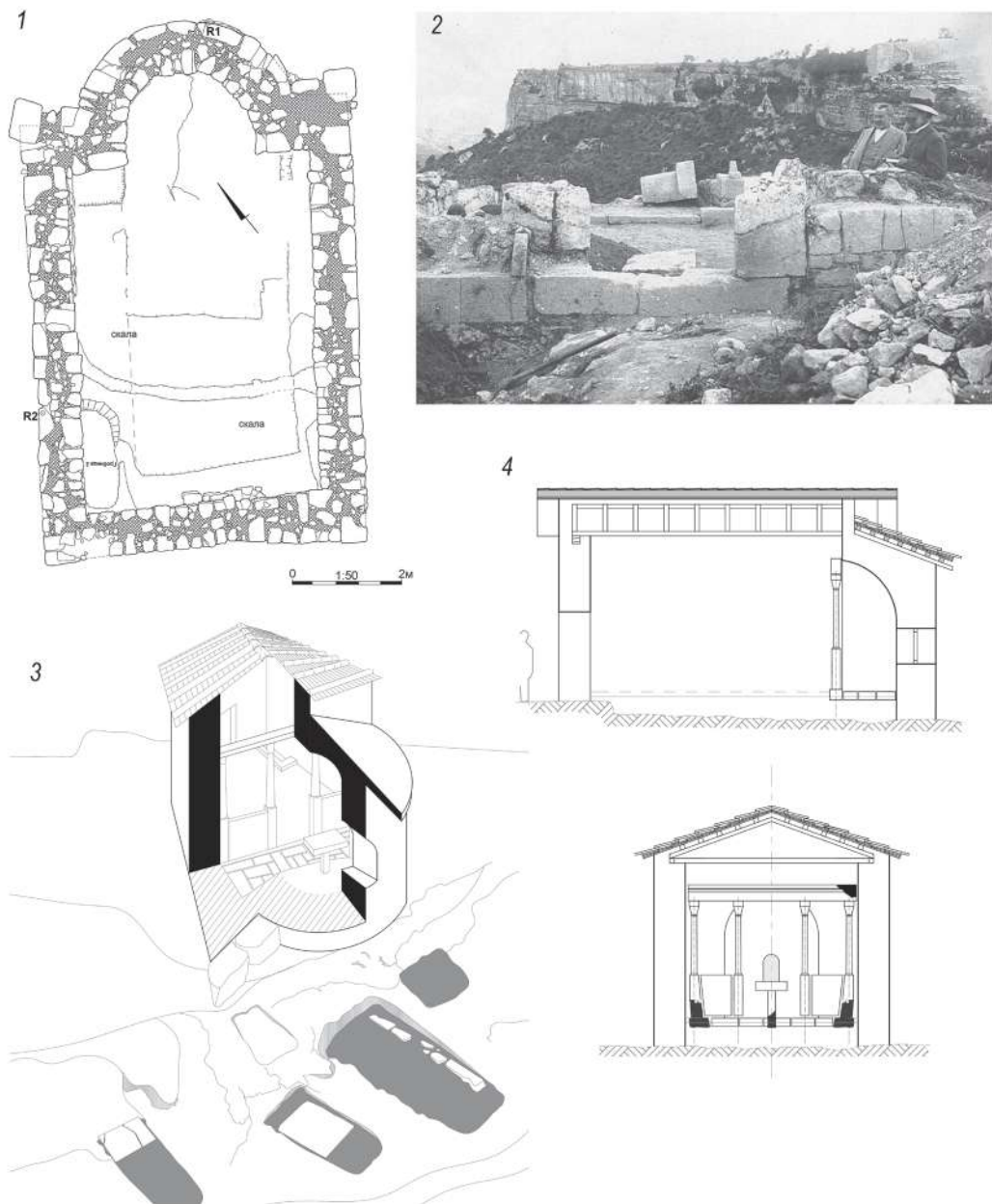
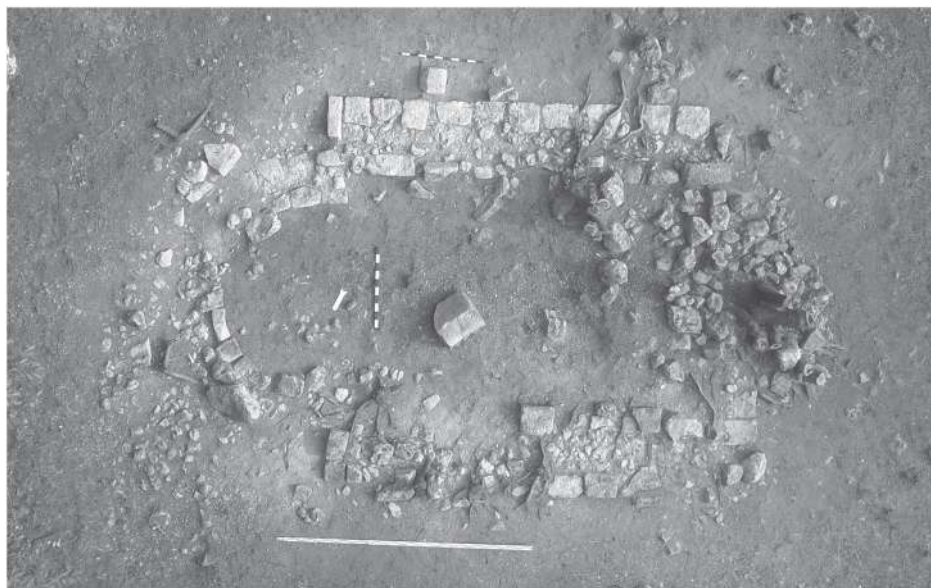

Рис. 5. «Церковь Св. Георгия»: 1 – план; 2 – фото раскопок церкви Р.Х. Лепером; 3 – реконструкция церкви; 4 – продольный и поперечный разрезы.

1

2

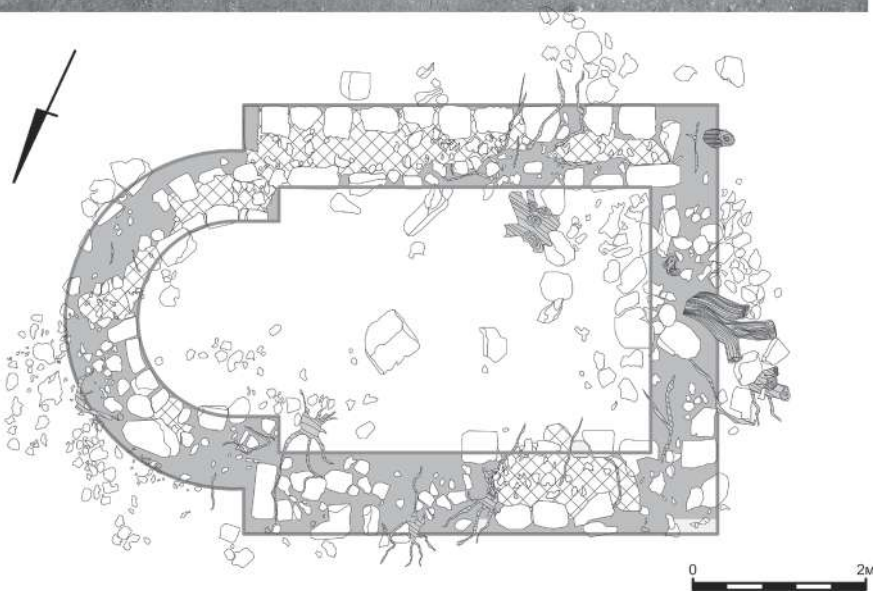

Рис. 6. «Церковь 1969 г.»: 1 – ортофотоплан (фото А.А. Душенко); 2 – план.

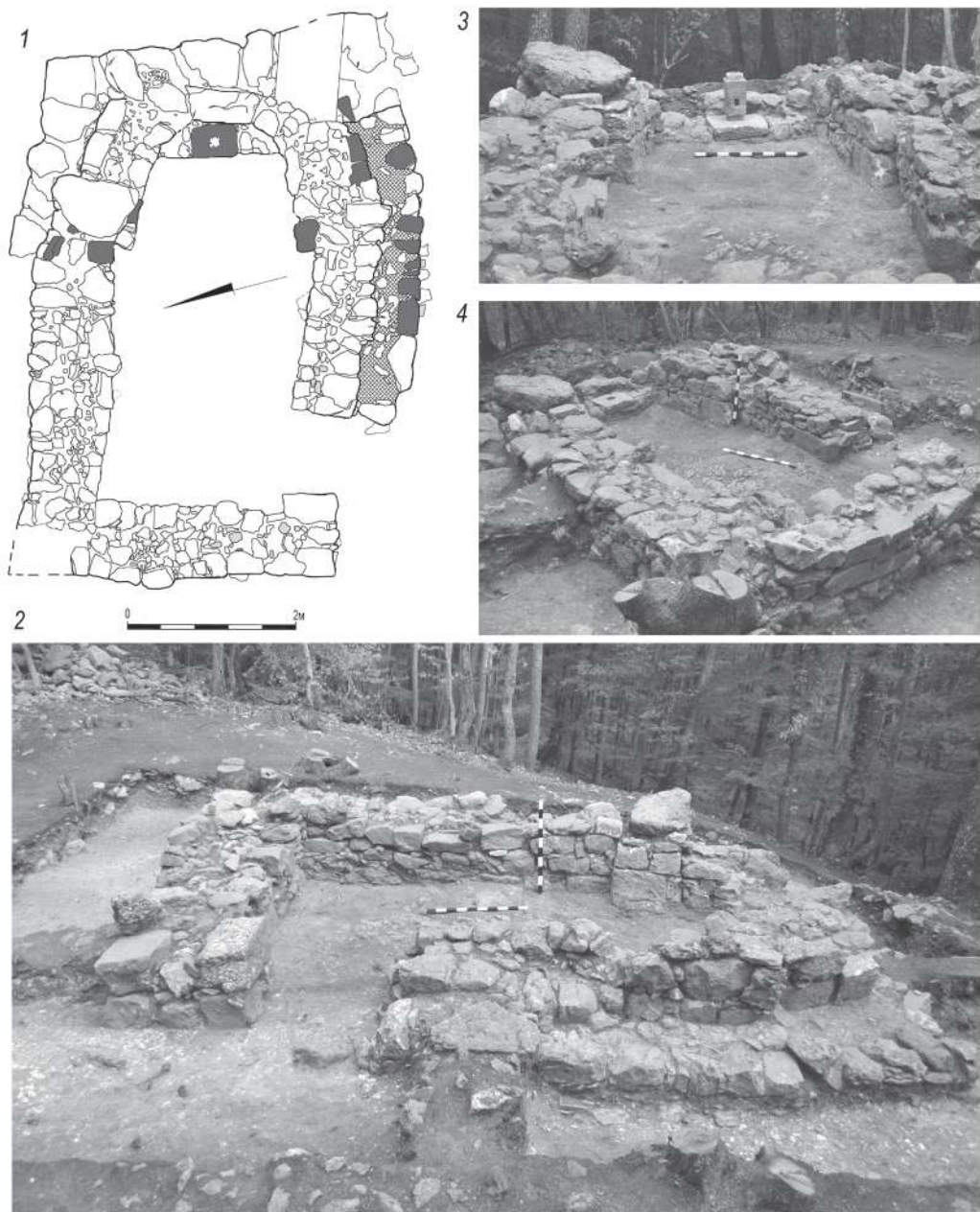

Рис. 7. «Церковь на г. Илька»: 1 – план; 2-4 – общий вид храма (фото В.Е. Науменко)

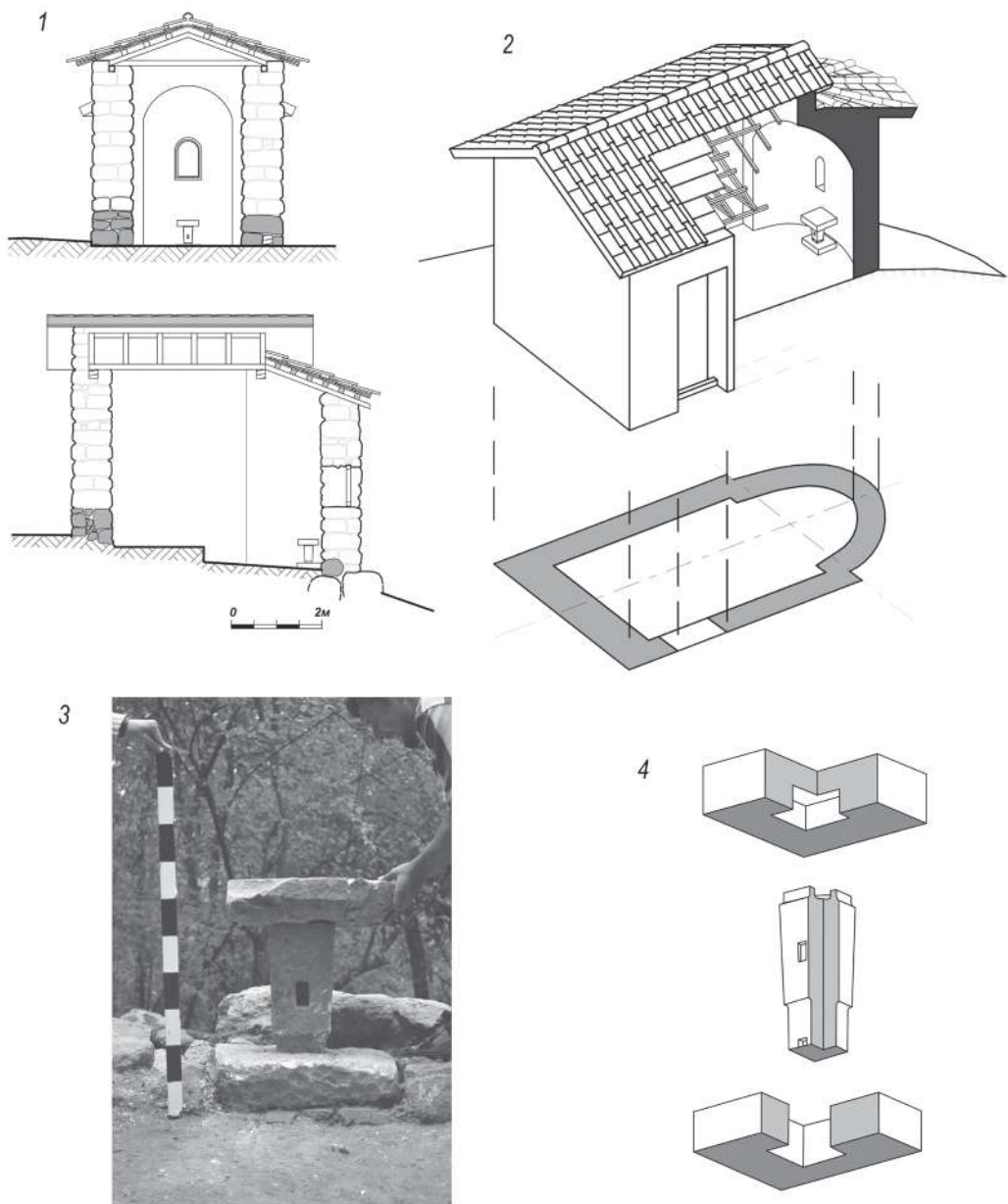
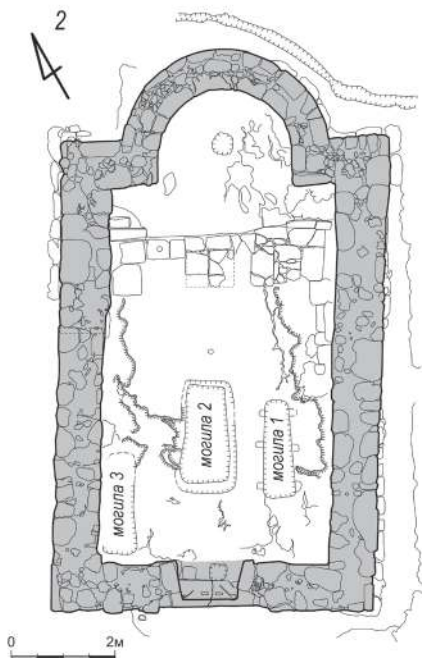

Рис. 8. «Церковь на г. Илька»: 1 – продольный и поперечный разрезы; 2 – реконструкция; 3 – престол (фото В.Е. Науменко); 4 – престол-реконструкция.

1

2

3

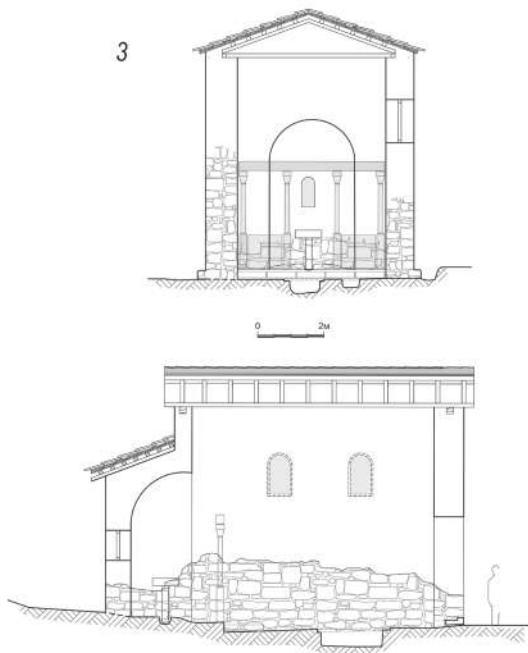
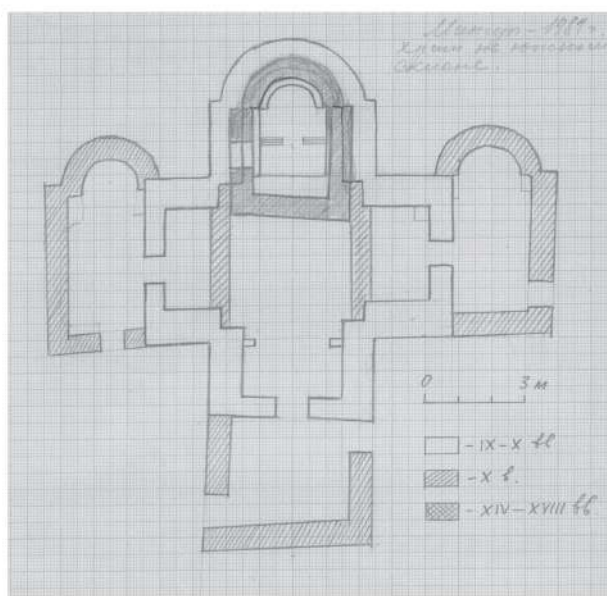

Рис. 9. «Церковь Св. Константина»: 1 – акварельный рисунок М.Б. Вебеля (по Уваров А.С.); 2 – план; 3 – продольный и поперечный разрезы.

1

2

3

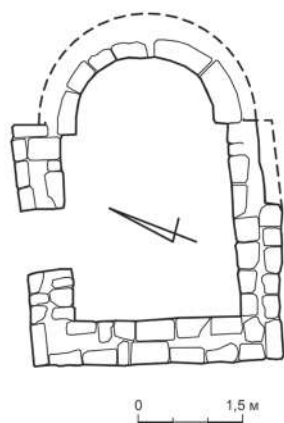

Рис. 10. «Часовня, построенная на развалинах крестообразного храма»: 1 – вид с юго-запада (по Мыц, 1981); 2 – общий чертеж (по Мыц, 1981); 3 – план.

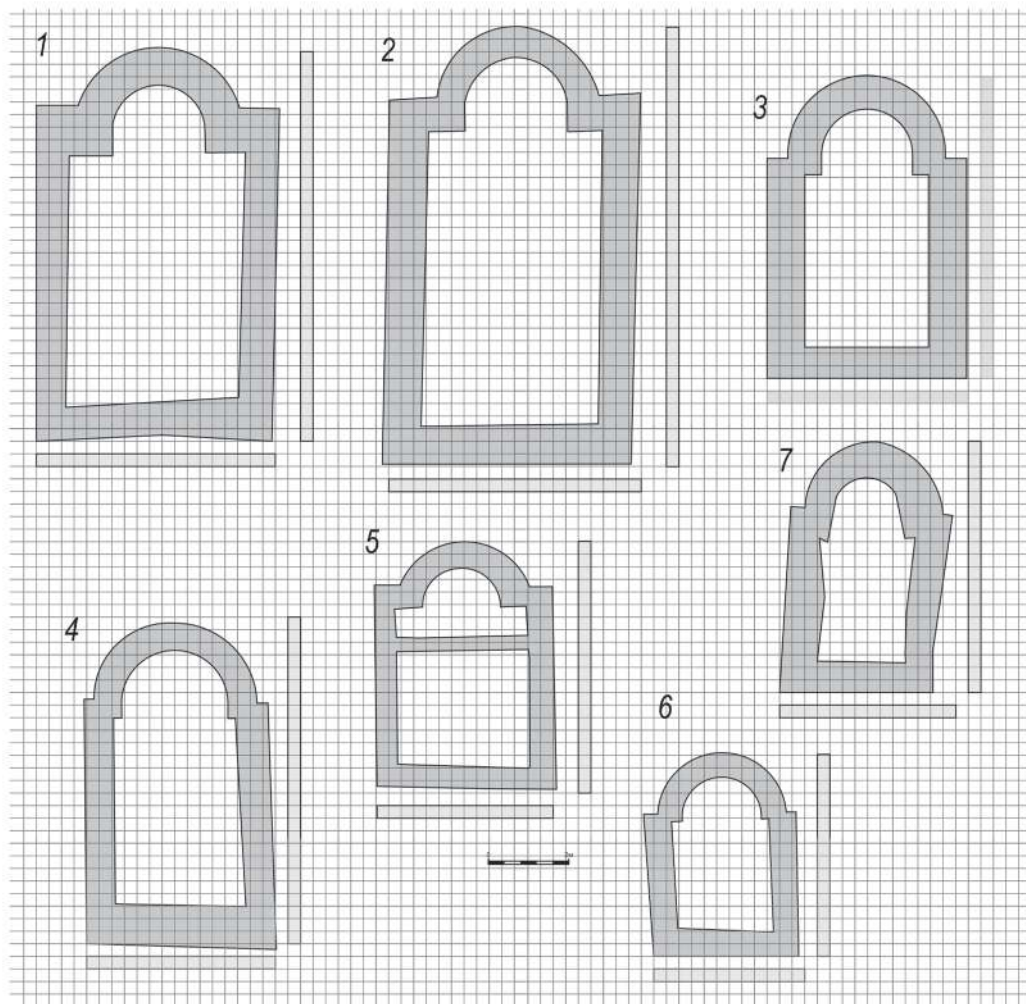

Рис. 11. Пропорции планов однефных храмов Мангупского городища: 1 – «церковь Св. Георгия»; 2 – «церковь Св. Константина»; 3 – «церковь 1969 г.»; 4 – «церковь 1967 г.»; 5 – «церковь 1968 г.»; 6 – «часовня на развалинах крестообразного храма»; 7 – «церковь на г. Илька».

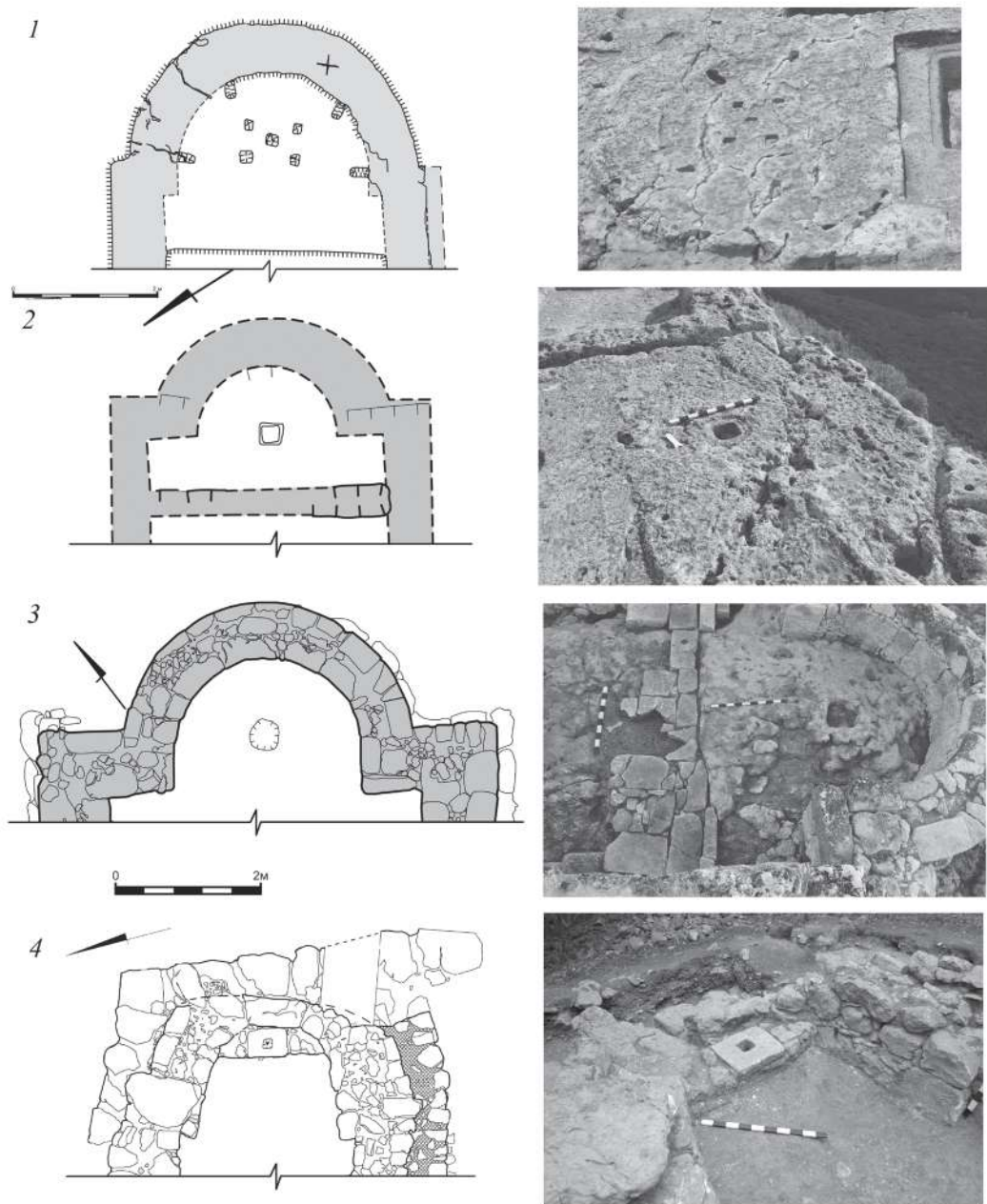

Рис.12. Алтари однефных храмов Мангупского городища: 1 – «церковь 1967 г.»; 2 – «церковь 1968 г.»; 3 – «церковь Св. Константина»; 4 – «церковь на г. Илька».

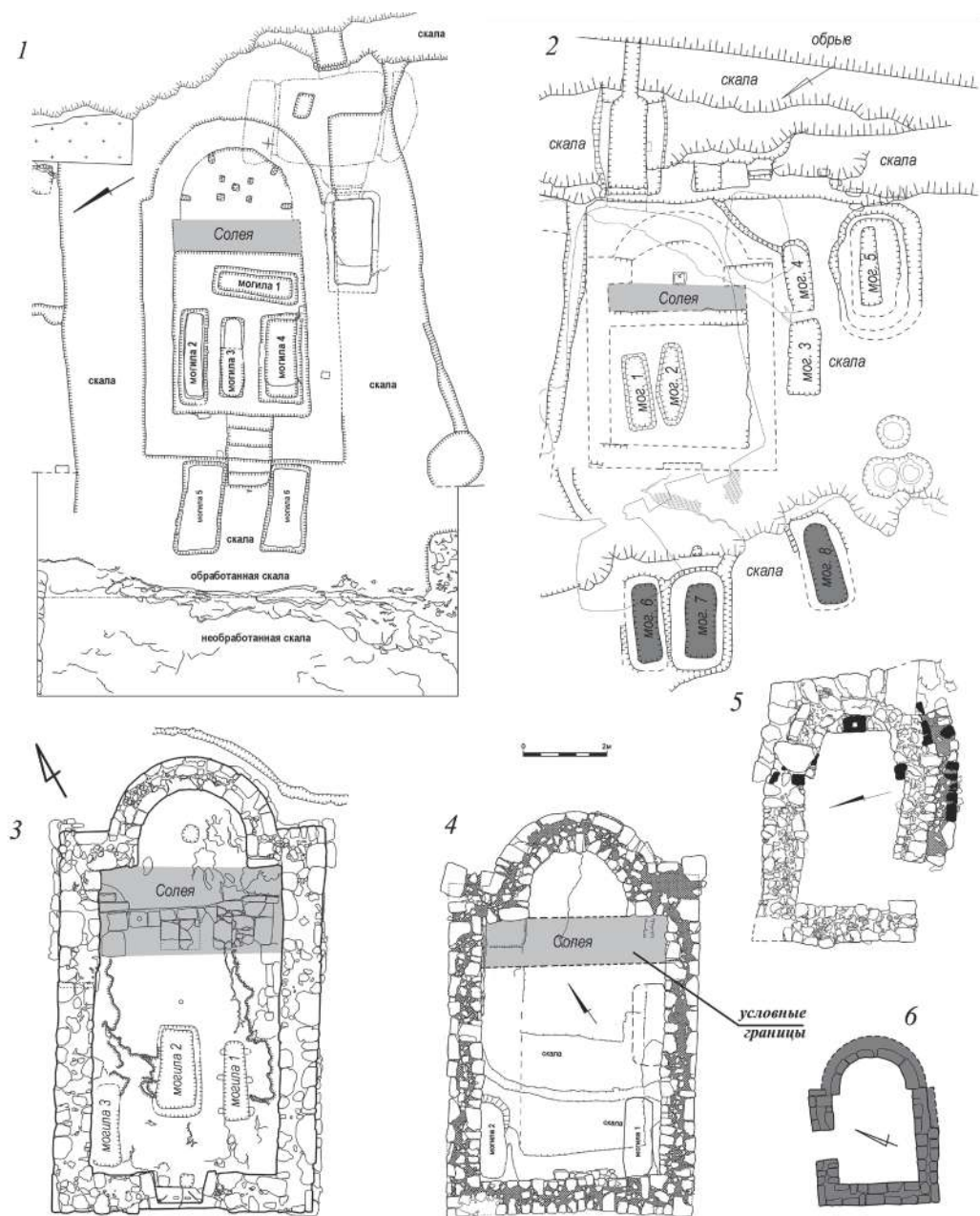

Рис.13. Солея в однефных храмах Мангупского городища: 1 – «церковь 1967 г.»; 2 – «церковь 1968 г.»; 3 – «церковь Св. Константина»; 4 – «церковь Св. Георгия»; 5 – «церковь на г. Илька»; 6 – «часовня на развалинах крестообразного храма».

К.Д. ШУЛЬМАН
K.D. SHULMAN

МЕДРЕСЕ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ И ЛОКАЛИЗАЦИИ¹

MADRASAHS OF THE KERCH PENINSULA: PROBLEMS OF SOURCES AND LOCALIZATION

Как известно, духовные образовательные учреждения в мусульманском мире всегда имели большое влияние на повседневную жизнь населения. Косвенно они также связаны с социально-экономическим развитием народов, среди которых работали выпускники этих учреждений. В эпоху Крымского ханства обучение в медресе, начальной школе с общеобразовательными предметами и обязательным изучением Корана, стало обязательным для детей обоих полов. Поступление же на следующую учебную ступень, в медресе, могло обеспечить хорошую карьеру и поэтому обязательно выбиралось родителями для одного из сыновей в большой семье. Соответственно, после окончания медресе его выпускник мог занимать в период Крымского ханства духовные и административные должности; позднее, при Российской империи, – духовные должности. При этом факт возросшего в XIX веке значения неформального лидерства духовных лиц у крымскотатарского народа свидетельствует в пользу того, что получение образования в медресе открывало многие карьерные пути и после присоединения Крыма к Российской империи.

Образование в медресе вплоть до их закрытия в 1920-х гг. оставалось духовным и во многом национально ориентированным. Во все эпохи оно наследовало учебную структуру еще золотоордынского периода (финансирование, методика преподавания, система общежития, преподавательский состав и т.д.). Перемены касались лишь введенного в XIX веке, и часто против воли руководителей медресе, русского языка и методики преподавания арабского языка.

Обучение арабскому языку конца XVIII – начала XIX века можно сравнить с тьюторским: преподаватель объяснял группе старших сохт правила, в это время младшие занимались в своих комнатах, лежа и читая при надзоре буюка по «катихозической форме», вопрос-ответ без понимания сути, буква в букву. Причина – следование традиции, использование священных методик древнемусульманских медресе, разработанных еще для арабоязычных учащихся. Для тюркской языковой среды такой подход был губительным тормозом, но долгое время из-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №20-18-00076, <https://rscf.ru/project/20-18-00076/> Проект «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

менить ничего не решались. В начале 80-х гг. XIX века И. Гаспринский сетовал, что метод преподавания в медресе Крыма – «долбление и зубрение, зубрение и долбление». Е.Л. Марков указывал, что такой метод для обучающихся кончается «совершенным умственным отупением, несправедливо заставляющим многих отчаиваться в способности татарской расы к европейскому образованию» [Ведомости о числе..., 1893, с. 114 – 141]. И лишь в конце XIX века медресе вслед за мектебами перешли на «новометодный» стиль преподавания арабского: повторение за преподавателем на слух буква за буквой. Эта практика применяется до сегодняшнего дня.

Сравнения медресе с университетом, часто встречающиеся в литературе, не являются корректными; идея «высшего медресе» прорабатывалась во второй половине XIX века ведущими исламскими интеллектуалами и богословами, например. Хусаином Фаизхановым [Фаизханов, 2023, с. 7 – 22] и Исмаилом Гаспринским, но своей реализации она не получила до сих пор. Корректнее сравнивать медресе с христианскими семинариями или заведениями среднего профессионального образования по возрасту принимаемых на обучение (12 – 15 лет), полу (мужской) и периоду обучения (3 – 7 лет после джадидистских реформ, до этого – до 15 лет или по изучению курса арабского языка). Поэтому студентами (сохтами) крымских медресе становились те, кто либо выбрал духовный путь для своей карьеры, либо стремился путем последующего занятия должности при ханском дворе или позже в структуре Духовного управления мусульман Крыма возвыситься, либо не имел возможности иной реализации.

Несмотря на наличие конфессиональных образовательных организаций в Крыму как минимум с 1333 г. (медресе хана Узбека) [Боданинский, 2019, с.183], речь о наличии их системы не может идти ни в один из периодов в истории Крыма. В период Крымского ханства основываемые и возглавляемые яркими духовными деятелями, они были опорой ханской власти и хранителями одобряемой государством религиозной нормы, которую позже через своих учеников распространяли в государстве. При этом на основании сохранившихся документов о Зинджырлы медресе можно отметить, что каждое медресе обладало полномочиями в изменении предметного состава обучения и не было связано с другими иначе, чем встречами мудеррисов (руководителей медресе) в правительственном центре – вероятнее всего, Бахчисарайском ханском дворце.

В период Российской империи ситуация не изменилась, за исключением того, что формальным руководителем системы исламских духовных образовательных заведений стало Таврическое магометанское духовное правление (ТМДП). Российское правительство пошло по пути невмешательства в духовную сферу иноверцев присоединенного региона, вплоть до середины XIX века. Решающую роль в намерении вмешаться, а точнее проверить степень и качество управления ТМДП духовными делами, сыграло состояние дел, которое ярче всего охарактеризовал директор народных училищ А.Н. Дьяконов: «Таврическое магометанское духовное

правление никогда не знает, где, когда и кем открыты медресе, хотя дает против закона разрешение на их открытие» [Татарские училища..., 1893 – 1897. Л.195 – 210].

Именно поэтому с 1865 до 1914 г. благодаря проводимым извне крымскотатарской среды, до тех пор замкнутой в своем понимании целей и образа осуществления образования, переписям и преобразованиям, мы имеем более или менее ясную картину существования медресе в Крыму. Эти данные при сопоставлении с более ранними количественными сведениями – «Книгой путешествия» Эвлии Челеби [Челеби, 2008] и «Регистром разным письмам, изъясняющим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение земских дел с 16 числа августа 1783 г. – июня 1784 года», подготовленным по приказу князя Г. А. Потемкина начальником всех российских войск, расквартированных в Крыму, – бароном О. Игельстромом (оно же «Камеральное описание») [Лашков, 1889, с. 37 – 40] дают весьма показательную статистику.

Целью настоящей работы является изучение процесса формирования и развития духовного образования на территории Керченского полуострова. В предлагаемой работе впервые рассматриваются исламские духовные образовательные учреждения Керченского полуострова в XIX веке. Для изучения была выбрана территория Керченского полуострова – современный Ленинский район и адм.округ г.Керчь, в период с 1475 по 1781 г. соответствовавший части Кефинского эялета (затем Кефинского кадылыка), а с 1784 по 1921 г. – части Феодосийского уезда (до 1787г. – Левкопольского уезда, также кроме 1796 – 1802 гг.). Данная территория была выбрана из-за высокой концентрации, более нигде в Крыму не наблюдавшихся сельских, поименно известных медресе. Территория остального Феодосийского уезда и сам город Феодосия, учитывая объем материалов, связанных с медресе г. Кафы (Феодосии) в период управления городом Османской империей, требуют отдельного изучения.

Главным вопросом при изучении истории заведений духовного воспитания в указанном регионе является вопрос установления конкретного числа, названий, местоположения, времени функционирования определенных учреждений, которые, как полагает автор, соответствуют критериям понятия «медресе». Это прежде всего упоминание объекта в архивных, синхронных времени его существования источниках под названием «медресе» и наличие отдельно фиксируемого учреждения, имеющего либо собственное здание, либо располагающегося на территории мечети того же населенного пункта.

После османского завоевания Крыма в 1475 г. территория Керчи и Керченского полуострова вместе с остальными землями, преимущественно бывшими итальянскими колониями провинции Кефе, вошла в санджак Кефе. Со 2-й половины XVI века это эялет Кефе, без изменения территориальных границ.

Древнейшее упоминание о наличии на территории Керченского полуострова медресе относится к 1640-м гг. и принадлежит известному путешественнику Эвлии Челеби. По его свидетельству, в XVII веке в Крыму были следующие ме-

дресе: в Бахчисарае действовали 2 поименованных медресе (возможно, и более), в Акмеджите и Эски-Къырыме – 2 медресе, в Гезлеве – 2 медресе, в Карасубазаре – 5, в Кефе – 5 (Ферхада и Топраклы), по одному – в Инкермане и Керчи. Всего 20 [Из истории крымскотатарского..., 2020, с. 11 – 12]. При общепринятой в научной литературе осторожности в отношении приводимых Челеби цифр надо также отметить, что путешественник, вероятнее всего, останавливался только в городах, которые и описывал (кроме подробностей об окрестностях столицы – Бахчисарая), и о сельских медресе не оставил воспоминаний, потому что не имел возможности их увидеть.

На основании материалов Кадиаскерских тетрадей Н. Р. Абдульвапов делает вывод, что в период Крымского ханства на его территории, а также территории Кефинского эялета в разное время функционировало по меньшей мере около пятидесяти медресе, как минимум сорок одно медресе из них – на территории Крымского полуострова. Двадцать пять – в городах (Бахчисарай, Акмеджит, Карасубазар, Гёзлеве, Кефе и т.д.) и шестнадцать – в сельских населенных пунктах (Улаклы, Качы, Текие, Вейрат и др.) [Абдульвапов, 2020, с. 79 – 88].

Основание упомянутого Челеби одного медресе в Керчи следует отнести, вероятнее всего, к периоду после 1475 г., так как только при османском владычестве имело смысл открытие подобного центра духовной подготовки, но не в предшествующий период, в торгово-портовом городе под генуэзским управлением, выполнявшем из-за крепости еще и оборонительные функции.

Следующий количественный срез можно было бы отнести к 1784 г., когда было составлено Камеральное описание Игельстрома. В нем указано: Бахчисарай медресе – 3, Бахчисарайское каймаканство, медресе – 5 (1 в Арпалькском, 4 в Каракуртском кадылыке) [Лашков, 1886, с. 113], Акъмесджит медресе – 1, Акъмесджитское каймаканство медресе – 8 (кадылыки Даирское, Ташлы шейхеле, Зуинская, Салгирское – 1, Ташлыинское – 2, Чуюнчинское – 2), Кезлевское каймаканство медресе – 5 (Тарханский 4, Мангытский 1 кадылыки), Карасубазарского каймаканства – 3: в Тамакском кадылыке – 2 и 1 Насывский кадылык. Итого – 25, в Карасубазаре, Кезлеве, Кефе, Кефинском каймаканстве, Перекопе и Перекопском (Ор Капы) каймаканстве медресе не указано [Лашков, 1889, с. 45]. Но в документе нет данных по бывшему Кефинскому эялету, вероятнее всего, потому, что вся документация отсылалась туда, где хранится и по сей день, в Стамбул.

Однако А. Меметов с соавторами считают, что по ведомостям Игельстрома медресе в конце XVIII века в Крыму было 30 [Из истории крымскотатарского..., 2020, с. 15], добавляя в Кефинском (Феодосийском) каймаканстве – 5 (все в самом городе Кефе). Коллектив авторов под его руководством работал с материалами ИТУАК, а также непосредственно с турецкими источниками – кадиаскерскими тетрадями.

Таким образом, в середине XVIII века мы не видим упоминания ни одного медресе на территории Керченского полуострова. Оценивая реалистичность таких

данных, нужно отметить, что Керчь выступала в эйялете как торговый многонациональный центр – порт, а функции духовного воспитания, вероятнее всего, выполняла соседняя «столица османского Крыма» – Кефе (Феодосия), с 6 известными медресе. И, конечно, причина отсутствия данных – лакуна в введенных в научный оборот источниках. Так, сведения о медресе в Акмесджите, в Старом Крыму, Кефе и Керчи у турецкого историка, исследователя Кадиаскерских тетрадей Омера Быйыка (Omer Biyik) отсутствуют.

В 1771 г. Керчь, первый из городов Крымского полуострова, завоевывают русские войска и удерживают за собой по мирному договору 1774 г. Следующий, практически столетний период не освещен в опубликованных источниках, и статистические сравнения численности исламских духовных учебных заведений можно провести только со второй половиной XIX века.

Несмотря на периодически появляющиеся в литературе обвинения в адрес системы управления Крымом в период Российской империи касательно ликвидации исламских духовных заведений и притеснения верующих мусульман, нужно отметить количественный рост числа культовых сооружений на полуострове, именно в период после присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. в Государственном архиве Республики Крым сохранилось дело: «Сведения о татарских мектебе и медресе. Из отчета директора народных училищ Таврической губернии», 1893 – 1897. В отчете директора народных училищ в 1893 г. численные изменения в период Российской империи подаются так: «под державою русских государей за сто лет мирного владычества русских царей число медресе увеличилось более чем в три раза» [Татарские училища..., 1893 – 1897. Л.114].

Согласно переписи, в период с 1 января 1892 г. по 1 января 1893 г. в Крыму было уже 84 медресе [Ислам в Крыму, 2009, с. 267] и вновь указывается одно медресе в Керчи.

Рассмотрим известные данные о нем. Керченское медресе зафиксировано переписью 1894 г. 21 января. Оно располагалось в Керчь-Еникальском градоначальстве, городе Керчь, на Феодосийской улице (с 1913 г. и поныне – ул. Пирогова), в доме Кузьмы Андреева, имело 4 учителя, 30 учащихся 12-25 лет, из которых 26 поселян, 1 мещанин и трое дворян [Правила обучения..., 1894. Л.26]. До этого в 1612 г. Н. Р. Абудульвапов указывает медресе Хаджи Хасана в Керчи, названное, вероятнее всего, по существующей традиции в честь основателя учреждения. Согласно одному из сиджилей конца 1021/1612 г., как следует из кадиаскерских тетрадей, в городе функционировало медресе Хаджи Хасана, его распорядителем (мутевелли) был сын основателя медресе – Эбу Бекир Чавуш. С большой долей вероятности можно предположить, что данным учебным заведением было медресе, упоминаемое у Эвлии Челеби. Есть основания предполагать, что учреждение на Феодосийской улице конца XIX века было связано даже если и не прямой линией преемственности, то историческими традициями керченского мусульманства с известным в XVII веке заведением. В 1910-х в керченском

медресе служил турецкоподданный Магомет-эфенди, с чем связано дело о прощении устроителя медресе разрешения ему служения, несмотря на гражданство [Дело о разрешении..., 1910. Л. 10].

Из переписи 1894 г., более подробной, чем предыдущая, перепись 1865 г., нам известны следующие медресе Феодосийского уезда, находившиеся на территории Ленинского полуострова:

1. Медресе в деревне Сараймин Феодосийского уезда. Адрес: д. Сокольское (Ленинский район, исчезла). Время постройки: до 1893 г. Состояние: не сохранилось.

Построил здание Сулейман Бейтуллаев на свои средства, он же выписал из Константинополя офицера, чтобы он обучал учащихся по звуковому методу [Аирчинская, 2015]. В 1893 г. оно упоминается среди крымских медресе [Ведомости о числе..., 1893. Л. 129 – 130]. В 1902 г. указано соперничество местного духовенства с преподавателем новометодной школы. Это медресе также называли «керченским». Упоминается как действующее в переписи 1914 г. [Список медресе и мектебов..., 1914. Л. 2-3].

2. Медресе в д. Акмонай Феодосийского уезда (с 1945 г. – с. Каменское, сейчас – Ленинского района), зафиксировано переписью 1914 г. [Список медресе и мектебов..., 1914. Л. 2-3].

3. Медресе в с. Джермай-Каячик (Каячик) Феодосийского уезда (Слюсарев, исчезнувшее село в Ленинском районе). Медресе упоминается в 1865 г., с 4 комнатами для учеников, содержится обществом деревни [Ведомость существующим..., 1865. Л. 16].

4. Медресе в с. Мавлюш Феодосийского уезда Петровской волости (исчезнувшее с. Карасевка Ленинского района), упоминается в 1893 г. в переписи [Ведомости о числе..., 1893. Л. 129 – 130].

5. Медресе в с. Сарылар Феодосийского уезда Петровской волости (исчезнувшее с. Белобродское Ленинского района), упоминается в 1893 г. в переписи [Ведомости о числе..., 1893. Л. 130].

6. Медресе в с. Харджибие Феодосийского уезда Петровской волости (исчезнувшее с. Сторожевое Ленинского района), упоминается в 1893 г. в переписи [Ведомости о числе..., 1893. Л. 130].

7. Медресе в с. Джавтобе Феодосийского уезда Петровской волости (с. Вулкановка Ленинского района), упоминается в 1893 г. в переписи [Ведомости о числе..., 1893. Л. 130].

8. Медресе в с. Аджименде Феодосийского уезда Петровской волости (исчезнувшее с. Федоровка Ленинского района), упоминается в 1893 г. в переписи [Ведомости о числе..., 1893. Л. 130].

9. Медресе в с. Мамат Феодосийского уезда Петровской волости (исчезнувшее с. Селезневка Ленинского района), упоминается в 1893 г. в переписи [Ведомости о числе..., 1893. Л. 130].

К Феодосийскому уезду, но не к Ленинскому району, относились:

1. Медресе в с. Текие («Текие карьеси медресеси») Феодосийского уезда (с. Мелехово Белогорского района). Появилось в период Крымского ханства, упоминается в Кадиаскерских тетрадах, фиксируется по переписи 1865 и 1914 гг. [Список медресе и мектебов., 1914. Л. 2-3], упоминается мудеррис. В 1865 г. по переписи в нем было 10 комнат, «построенных во времена хана».

2. Медресе в д. Бешкоджа Феодосийского уезда Шейх-Монарской волости (исчезнувшее село Шаровка Советского района), упоминается в 1893 г. в переписи [Ведомости о числе., 1893. Л. 130].

3. Медресе в Аджи-Булек Келечи Феодосийского уезда Цюрихтальской волости (исчезнувшее с. Мичурино Кировского района), упоминается в 1893 г. в переписи [Ведомости о числе., 1893. Л. 130].

4. Медресе деревни Яни-Сала. Адрес: село Красноселовка Белогорского района. Упоминается в 1893 – 1900 гг. в деле «О разрешении имаму дер. Яни-Сала Феодосийского уезда Аблятифу-Эфенди преподавать в открытом им медресе» (11 января 1900 – 25 августа 1900 гг.). В 1893 г. упоминается медресе здесь [Ведомости о числе., 1893. Л. 130].

5. Медресе в с. Бурундук Феодосийского уезда (с 1948 г. Суслово, исчезнувшее село Белогорского района), зафиксировано переписью 1914 г. [Список медресе и мектебов., 1914. Л. 2-3].

В переписи 1914 г. среди сел, имеющих действующие медресе, перечисляется Акмонай, Имгры Кипчак, Сараймин, Текие; разрушенные – Джаффе Терды, Беркоджа. Бурундук [Список медресе и мектебов., 1914. Л. 3].

Важным параметром при изучении особенностей обучения в профессиональных заведениях является численность обучающихся. По данным директора народных училищ численность сохт в крымских медресе в 1893 г. была следующая: 15 Эфендикой, 45 Голюмбей, 35 Ушпа, 40 Аргин, 36 Даир, 43 Кемельчи, 30 Сарабуз, 40 Симферополь, 58 Орта-медресе, 97 Зинджырлы, 25 Ханское медресе, 108 Акчора, 30 Улаклы, в Феодосийском уезде в 16 медресе 149 учеников, в Ялтинском уезде в двух медресе 227 учеников, в Карасубазарских двух – 62, в одном Евпаторийском – 25, в 13 медресе Евпаторийского уезда – 440 сохт, [Ведомости о числе., 1893. Л. 114 – 123]. Таким образом, из приведенных соотношений можно сделать вывод, что медресе Феодосийского уезда были крайне малы по вместительности сравнительно с другими – всего лишь 10 учеников в одном медресе и тем не менее включались в переписи и содержались за счет неупомянутых конкретно вакуфов именно как медресе (счет мектебам шел отдельно).

Можно привести следующие объяснения столь большой плотности «сети» медресе на территории Феодосийского уезда при столь малом числе учеников в них: учитывая тесные связи территории Кефинского эйялета с Турцией, можно предположить наличие здесь «османского» духовного центра в противовес центру Крымского ханства с 1500 г. – Зинджырлы медресе. Этот прецедент допустим, учитывая 6 ке-

¹⁹ финских медресе, для которых поименно известны основатели. После присоединения Крыма к Российской империи среди накладываемых государством обязательств на учредителей и руководителей духовных заведений было лишь уведомление о себе в период переписей, содержание за счет вакуфа не возбранялось. Соответственно, причин для закрытия не было. Можно упомянуть также концентрацию медресе именно в данном районе согласно этнографическим картам крымскотатарского населения, для которого отдавать детей в известные, но далекие бахчисарайские медресе было дорого. Кроме того, учитывая архивные документы – прошения об открытии медресе и торговый статус Феодосии и Керчи, можно предположить и наличие состоятельных мусульман из числа крымских татар, спонсирующих существование подобных центров. Не в последнюю очередь можно допустить и ошибку русских исполнительных властей, участвующих в переписи (она проводилась в том числе с привлечением сотрудников Министерства внутренних дел). Не знакомые со спецификой, языком и наименованиями русскоязычные чиновники могли указать как медресе мектебы, начальные школы, которые в целом присутствовали почти в каждом крымскотатарском селе.

Отдельных данных о процессе обучения в этих медресе не зафиксировано, следовательно, можно сделать вывод, что они, как и остальные медресе Таврической губернии, после 1890-х гг. были реформированы в традиции Селефа (устава) Зинджырлы-медресе, созданного другом и сподвижником Исмаила Гаспринского, Аджи Абибуллой-эфенди [Программы общих правил..., 1908. Л. 10 – 12].

После революции и конца Гражданской войны в Крыму, в 1920-м году, все медресе были закрыты, а их помещения переданы для хозяйственных нужд. Сначала преподавание дозволялось в мечетях, позже из-за несоответствия санитарным нормам оно было прекращено, да и сами здания мечетей часто изымались у общин. Уцелеть после века войн, нецелевого использования и депортации связанного с ними напрямую народа смогли только исторические здания, к которым, по всей вероятности, здания медресе Ленинского полуострова, города и сел не относились. Сегодня мы не можем локализовать, кроме упоминания о медресе на Феодосийской улице (ул. Пирогова) в Керчи, ни одного из духовных исламских образовательных учреждений.

История медресе Ленинского полуострова в миниатюре представляет собой участь всех крымских медресе, кроме Зинджырлы и медресе хана Узбека: статус мест просвещения и религиозного образования, затем статус локальных центров подготовки «духовенства» и центров сохранения духовно-религиозной идентичности. После полное забвение. Решение задачи восстановления данного пласта истории, в том числе с помощью материалов местных городских архивов, записей экспедиций 30-х гг. XX века, а также документов Крымского ханства и Османской империи на турецком языке – это путь к созданию полной и комплексной истории многонационального и многоконфессионального крымского народа с уникальной идентичностью его материальной и духовной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдульванов Н.Р.* К вопросу о количественном составе медресе в период Крымского ханства // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2020. – № 10. – С. 79–88.
- Аирчинская Р.* Честь имею помочь // История и краеведение. – 10.04.2015. – №2. [Электронный ресурс]. – URL: <http://goloskrimanew.ru/chest-imeyu-pomoch.html> (дата обращения: 31.01.2024).
- Боданинский У.* Собрание сочинений. Том I. Научное наследие. – Казань-Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 272 с.
- Ведомости о числе татарских училищ и учащихся по городам и уездам Крыма, 1893 // ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д.2124. Л. 114 – 141.
- Ведомость существующим и упраздненным с выходом татар училищам медресе и мектебе называемым, 1865 // ГАРК. Ф.315. Оп.1. Д. 1166. Л. 1 – 22.
- Дело о разрешении потомственному почетному гражданину гор.Евпатории А.А. Капарии-оглу принять на должность мудериса в построенное на его средства медресе турецкоподданного учителя, 1910 // ГАРК. Ф.27. Оп. 1. Д. 10970. Л. 1 – 10.
- Из истории крымскотатарского народного образования / Меметов А., Меметов И.А., Сухорюков А.Н., Меджитова Э.Н. // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – №6. – 20 с.
- Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов / Бойцова Е. Е., Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайрединова З. З.– Симферополь: ЧП «Элинь», 2009. – 432 с.
- Лашков Ф.Ф.* Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году. – ЗООИД. – 1886 г. – Т. 14. – С. 91 – 156.
- Лашков Ф.Ф.* О камеральном описании Крыма (продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь: Таврическая губ. тип., 1889. – № 7. – С. 25 – 46.
- Правила обучения и порядок проживания в медресе «Зынджырлы», 1894 // ГАРК. Ф. 100. Оп.1. Д.2107. Л.26.
- Программы общих правил для мектебе и медресе Крыма, 1908 // ГАРК. Ф.27. Оп. 1. Д. 10482. Л.10 – 12.
- Список медресе и мектебов Таврической губернии за 1914 год, 1914 // ГАРК. Ф.27. Оп. 1. Д.12647. Л.1 – 3.
- Татарские училища. Распоряжения попечителя Одесского учебного округа об открытии русского и татарского училища, о назначении на службу вероучителей и об открытии курсов. Мектебе и медресе в Таврической губернии по отчетам директора народных училищ за 1893 – 1897 гг., 1903 г. // ГАРК. Ф.100. Оп. 1. Д. 2308. Л. 195 – 210, 219 – 230.
- Фаизханов Хусаин.* Высшее медресе / Моск. ислам. ин-т; под общ.ред. Д.В. Мухетдинова. – серия «Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление» («Наследие Хусаина Фаизханова»). – М.: ИД «Медина», 2023. – 152 с.
- Челеби Э.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) // Издание 2-е, исправленное и дополненное. Перевод, вступительная статья и комментарии: Евгений Владиславович Бахревский. – Симферополь: Издательство «Доля», 2008.

REFERENCES

- Abdul'vapov N.R. *K voprosu o kolichestvennom sostave medrese v period Krymskogo khanstva*. Voprosy krymskotatarskoi filologii, istorii i kul'tury, 2020, № 10, 79–88 pp.
- Airchinskaia R. *Chest' imeiu pomoch'*. Istoriia i kraevedenie, 10.04.2015, №2. URL: <http://goloskrimanew.ru/chest-imeyu-pomoch.html> (date of application: 31.01.2024).
- Bodaninskii U. *Sobranie sochinenii. Tom I. Nauchnoe nasledie*, Kazan' -Simferopol', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2019, 272 p.
- Vedomosti o chisle tatarskikh uchilishch i uchaschchikhsia po gorodam i uezdam Kryma, 1893*, GARK. F. 100. Op. 1. D.2124. 114 – 141 pp.
- Vedomost' sushchestvuiushchim i uprazdnennym s vykhodom tatar uchilishcham medrese i mektebe nazyvaemym, 1865*, GARK. F.315. Op.1. D. 1166. 1 – 22 pp.
- Delo o razreshenii potomstvennomu pochetnomu grazhdaninu gor.Evpatorii A.A. Kapari-oglu priniat' na dolzhnost' muderisa v postroennoe na ego sredstva medrese turetskopoddannogo uchitelia, 1910*, GARK. F.27. Op. 1. D. 10970, 1 – 10 pp.
- Iz istorii krymskotatarskogo narodnogo obrazovaniia*, Memetov A., Memetov I.A., Sukhorukov A.N., Medzhitova E.N., Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya, 2020, №6, 20 p.
- Islam v Krymu: ocherki istorii funktsionirovaniia musul'manskikh institutov*, Boitsova E. E., Gankevich V. Iu., Muratova E. S., Khairedinova Z. Z., Simferopol', ChP «Elin'о», 2009, 432 p.
- Lashkov F.F. *Statisticheskie svedeniia o Kryme, soobshchennye kaimakanami v 1783 godu*, ZOOID, 1886 g., T. 14., 91 – 156 pp.
- Lashkov F.F. *O kameral'nom opisanii Kryma (prodolzhenie)*, Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii, Simferopol', Tavricheskaia gub. tip., 1889, № 7, 25 – 46 pp.
- Pravila obuchenii i poriadok prozhivaniia v medrese «Zyndzhyrly», 1894*, GARK. F. 100. Op.1. D.2107, 26 p.
- Programmy obshchikh pravil dlia mektebe i medrese Kryma, 1908*, GARK. F.27. Op. 1. D. 10482, 10 – 12 pp.
- Spisok medrese i mektebov Tavricheskoi gubernii za 1914 god, 1914*, GARK. F.27. Op. 1. D. 12647, 1 – 3 pp.
- Tatarskie uchilishcha rasporiazheniia popechitelia Odesskogo uchebnogo okruga ob otkrytii russkogo i tatarskogo uchilishcha, o naznachanii na sluzhbu verouchitelei i ob otkrytii kursov. Mektebe i medrese v Tavricheskoi gubernii po otchetam Direktora narodnykh uchilishch za 1893-1897 gg., 1903 g.*, GARK. F.100. Op. 1. D. 2308, 195 – 210, 219 – 230 pp.
- Faizkhanov Khusain. *Vysshee medrese*, Mosk. islam. in-t; pod obshch.red. D.V. Mukhetdinova. – serii «Islamskaia mysl' v Rossii: vozrozhdenie i pereosmyslenie» («Nasledie Khusaina Faizkhanova»), M., ID «Medina», 2023, 152 p.
- Chelebi E. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti. (Izvlachenii iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka)*, Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe. Perevod, vstupitel'naia stat'ia i kommentarii: Evgenii Vladislavovich Bakhrevskii, Simferopol', Izdatel'stvo «Dolia», 2008.

Резюме

В статье на примере медресе Керченского полуострова демонстрируется состояние системы исламского духовного образования на территории Крымского полуострова в XIX веке. На основании сохранившихся архивных и литературных источников делается сопоставление количества медресе Керченского полуострова в различные исторические периоды с XVII по XX в. Проводится анализ причин изменения численности заведений. Делается попытка локализации упомянутых учреждений в современных географических реалиях.

Ключевые слова: медресе, исламское духовное образование, ислам, Крым, Керченский полуостров, Таврическая губерния.

Summary

The article demonstrates the state of the Islamic spiritual education system on the territory of the Crimean Peninsula in the XIX century using the example of the madrasah of the Kerch Peninsula. Based on the preserved archival and literary sources, a comparison is made of the number of madrasahs of the Kerch Peninsula in various historical periods from the XVII to the XX centuries. The analysis of the reasons for the change in the number of establishments is carried out. An attempt is made to localize the mentioned institutions in modern geographical realities.

Key words: madrasah, Islamic spiritual education, Islam, Crimea, Kerch Peninsula, Taurida Governorate.

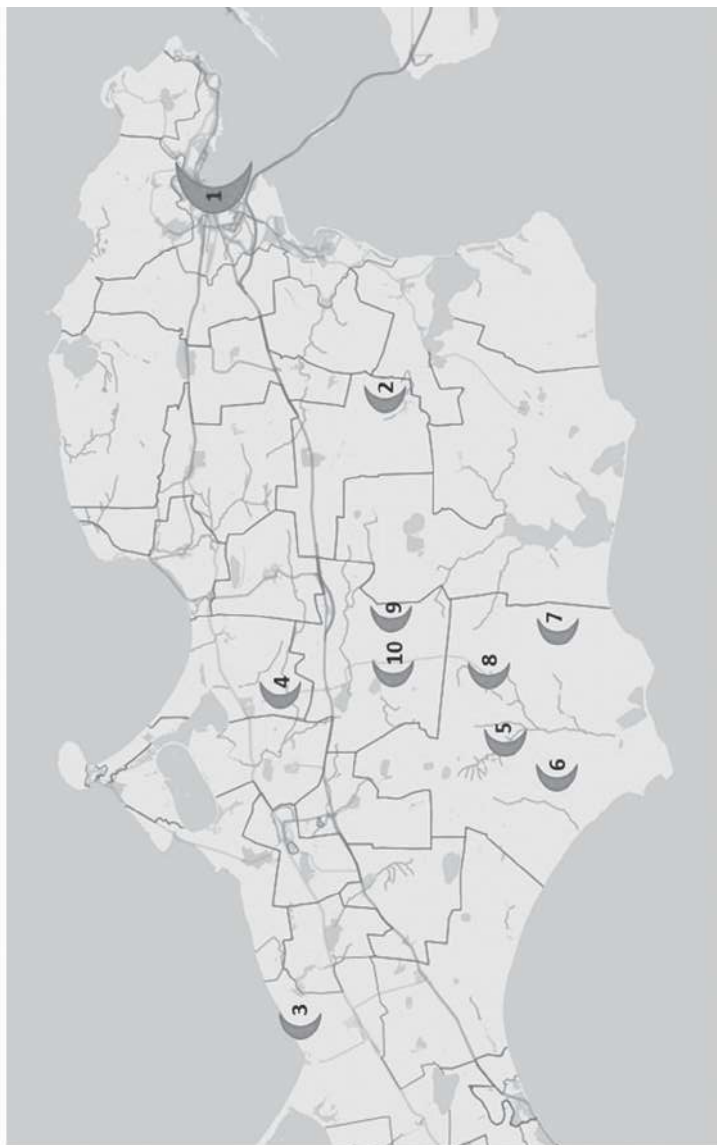
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульман Ксения Дмитриевна,
аспирант исторического факультета
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского,
младший научный сотрудник
Института археологии Крыма РАН
(г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 2).
ksenia_shulman@inbox.ru,
+7(978)729-93-70.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia Dmitrievna Shulman,
postgraduate student of the Faculty
of History of V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Junior research fellow at the Institute
of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences
(2 Akademika Vernadsky Ave., Simferopol).
ksenia_shulman@inbox.ru,
+7(978)729-93-70.

Медресе Керченского полуострова

1. Г. Керчь
2. Д. Сарайлин (Сокольское)
3. Д. Акмоной (Каменское)
4. Д. Джермай-Каячик (Слюсареве)
5. Д. Мавлюш (Карасёвка)
5. Д. Сарылар (Белобродское)
7. Д. Харджилие (Сторожевое)
8. Д. Джавгобе (Вулкановка)
9. Д. Алжименде (Фёдоровка)
10. Д. Мамаг (Селезнёвка)

Рис. 1. Карта медресе, локализуемых на территории Керченского полуострова.

ИСТОРИЯ НАУКИ

А.Ю. МАНАЕВ, Л.Ю. ПОНОМАРЕВ
A.IU. MANAEV, L.IU. PONOMAREV

ДРЕВНОСТИ КЕРЧИ И КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ (по материалам протоколов заседаний и публикаций в «Известиях» ТУАК)

ANTIQUITIES OF KERCH AND THE KERCH PENINSULA AS ONE OF THE ACTIVITIES OF THE TAURIDE SCIENTIFIC ARCHIVAL COMMISSION (based on the materials of the minutes of meetings and publications in the «Izvestia» TUAK)

В 1884 г. известный историк-юрист и архивист Н. В. Калачев представил министру внутренних дел Д. А. Толстому доклад об учреждении губернских ученых архивных комиссий с историческими архивами и музеями при них. Императорская Академия наук, рассмотрев его соображения, выработала положение о них и внесла его с Высочайшего разрешения от 15 марта 1884 г. в Кабинет министров. 13 апреля 1884 г. положение было утверждено императором, который в виде опыта «соизволил на учреждение» УАК в Тверской, Тамбовской, Орловской и Рязанской губерниях. Их деятельность в собирании, сохранении и изучении архивных дел оказалась успешной, и позднее они были созданы в других губерниях (в 1885 г. – в Костромской, в 1886 г. – в Саратовской), а спустя год и в Таврической, губернатор которой – А.Н.Всеволожский, обратившись к министру внутренних дел за разрешением на открытие Таврической ученой архивной комиссии с «историческим архивом» при ней, отметил на организационном ее заседании 24 января 1887 г., что, кроме «видимых памятников старины... времен ханских... и несравненно древнейших», в Крыму «сохраняется много письменных памятников древнейших пережитых» им эпох, которые необходимо сохранить и изучить [Протокол., 1887а, с. 2]. Продолжив выступление, А. Н. Всеволожский указал также, на то, что ее членам не стоит ограничиваться лишь собиранием и изучением «письменных памятников», но и следует обращать внимание на археологические находки например «дублеты», которых ожидала судьба быть проданными в частные коллекции, поскольку ими не заинтересовалась Императорская археологическая комиссия. В связи с этим губернатор предложил Губернской земской управе рассмотреть вопрос об открытии «археологического музея», который будет тесно связан с деятельностью ТУАК. В необходимости его учреждения А. Н. Всеволожского, в частности, убедила недавняя поездка

в Керчь, где он увидел «ящик собранных древностей, приготовленных к отправке за границу» [Протокол., 1887а, с. 10]. Таким образом, изначально в качестве основного рода деятельности ТУАК губернатором рассматривалось не только архивное, но и археологическое направление, предусматривающее создание губернского собрания древностей. В дальнейшем особое место в нем заняли античные и средневековые находки из Керчи, составившие значительную часть коллекции музея комиссии¹. Со временем археологическая тематика заняла достойное место и в публикационной ее деятельности. И этому в немалой степени поспособствовали члены ТУАК, среди которых с момента ее создания оказались и те, кто уже на протяжении многих лет до этого проявлял живой интерес к археологии, в том числе и керченским древностям.

На первом – организационном заседании комиссии, состоявшемся 24 января 1887 г., в члены ТУАК записались будущий Керчь-Еникальский городской голова А.В. Новиков (под № 38 на особом листе, предложенном собравшимся Таврическим губернатором А. Н. Всеволожским)², земской деятель и круп-

¹Хранителем музея, размещившегося в одной из комнат Губернской земской управы, стал Алоизий Иосифович (Осипович) Кашпар, оставшийся на этой должности до 28 ноября 1898 г. Его сменил А.В. Иванов. На заседании 4 мая 1889 г. А. Х. Стевен предложил «для лучшей гарантии будущности и прочного обеспеченного существования» принять Императорской археологической комиссией музей ТУАК под «свой высший надзор и покровительство» на правах «Таврического музея древностей» при ней [Протокол., 1889а, с. 124]. Однако этот проект так и не был реализован.

²Новиков Александр Васильевич (11 мая 1843, Керчь – 28 января 1916, Керчь) родился в семье керченского купца. Окончил Харьковскую гимназию. Поступил в Харьковский, затем в Московский университет, но не закончил его и лишь в 1870 г. вольнослушателем сдал экзамены на кандидата прав (Санкт-Петербургского университета). В студенческие годы вместе с М.И. Купаном (будущим Керчь-Еникальским городским головой) примкнул к революционно настроенной группе студентов – кружку П.Г.Заичневского – П.Э. Аргиропуло, за что был арестован и предан суду Сената. Вторично привлекался к суду за участие в деятельности общества «Земля и воля». С 1869 по 1881 г. находился под строгим гласным надзором полиции [Боровкова, 1999, с. 74]. С 1872 г. проживал в Керчи. На службе Феодосийского земства с 1 декабря 1878 г. и до конца жизни неоднократно избирался гласным Феодосийского уездного земского собрания [Постановления..., 1913, с. 44], почетным членом Феодосийской уездной земской управы без жалованья и членом от Керчи Феодосийского уездного училищного совета, почетным мировым судьей. В отдельные периоды состоял заведующим 4 участком Феодосийского округа мировых судей. С 1880-х гг. неоднократно избирался гласным Таврического губернского земского собрания. В 1880-е гг. избирался гласным Керчь-Еникальской городской думы. С 1885 по 1888 гг. Керчь-Еникальский городской голова. С 1890 г. – директор городского общественного банка. В 1906 г. – член 1-й Государственной Думы, примыкал к правому крылу партии «Народная свобода» и отчасти к партии «демократических реформ» [Малаховский, 1906, с. 69–70; Государственная..., 1906, с. 39; К 10-летию..., 1916, с. 209]. Проявил себя и как общественный деятель, избирался председателем попечительского совета Керченской женской гимназии и членом правления Попечительства о недостаточных учащихсся керченских гимназий, состоял членом и товарищем председателя Керченского окружного правления Императорского общества спасения на водах, действительным членом Керченского женского благотворительного общества, старшиной Английского клуба в Керчи. В сентябре 1903 г. подарил градоначальству участок земли (более 10 десятин) под строительство церкви в пос. Старый Карантин. Учитывая заслуги А.В. Новикова, в 1913 г. Городская Дума обратилась к градоначальнику с ходатайством о «признании» его «Почетным гражданином г. Керчи», в феврале 1915 г. Николай II своим указом присвоил ему это звание [Быковская, 2017, с. 341]. 22 октября

ный землевладелец в Феодосийском уезде В. В. Олив (под № 57)³ – оба известные в Керчи коллекционеры древностей, а так же священник Г. И. Сербинов (под

1913 г. на заседании 4-й сессии Феодосийского уездного земского собрания С.С. Крым предложил в честь 40-летия земской деятельности А.В. Новикова назвать Керчь-Феодосийское шоссе, постройке которого он отдал много энергии и сил, – «Новиковским» [Постановления..., 1913, с. 45]. 22 ноября 1913 г. он присутствовал на Высочайшем приеме городских голов Таврической губернии в Ливадии. В 1914 г. действительный статский советник, личный дворянин А.В. Новиков одновременно состоял директором Керченского городского общественного банка, почетным мировым судьей, действительным членом Керчь-Еникальского статистического комитета, членом Керченского Комитета попечительства о народной трезвости, попечителем мест заключения по приговорам мировых судей в Керчи, членом Керченского отделения епархиального училищного совета, товарищем председателя Керченского местного отделения Российского общества Красного креста, товарищем председателя Керченского окружного правления Императорского Российского общества спасания на водах, членом правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Торговой школы в Керчи и членом правления Керченского отдела Российского общества рыбоводства и рыболовства [Памятная..., 1914, с. 3, 12, 28, 29, 31, 56, 65, 67, 70, 76].

С 1896 г. он состоял членом Одесского общества истории и древностей, с 1912 г. – членом Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Его хорошо знал и неоднократно встречался с ним геолог Н.И. Андрусов [Андрусов, 1925, с. 31; Пузанов, 1960, с. 31]. В апреле-мае 1904г. (в отсутствие В.В. Шкорпила) был директором Керченского музея древностей. Собранная им коллекция античных и средневековых древностей неоднократно упоминалась в научных и справочных изданиях [Яшуржинский, 1890а, с. 114–115; Яшуржинский, 1891б, с. 98–100; Айналов, 1891, с. 201–214; Ставровский, 1910, с. 812], а также в статье «Керчь», помещенной в «Энциклопедическом словаре» Ф.А.Брокгауза, И. А. Ефрона [Н.Г., 1895, с. 12]. В 1892 г. коллекцию А. В. Новикова осмотрел М.Н. Ремезов – писатель и редактор журнала «Русская мысль» [Ремезов, 1892, с. 112]. В 1900 г. А.В. Новиков продал большую часть своей коллекции Императорскому Эрмитажу, который купил ее по велению Николая II за 15 тыс.руб., и в этом же году она была доставлена К.Е. Думбергом в Санкт-Петербург. 11 мая 1900 г. собрание А.В. Новикова осмотрели члены царской семьи, а 21 марта К.Е. Думберг официально передал его старшему хранителю Эрмитажа Г.Е. Кизерицкому [Известия..., 1900, с. 73; Боровкова, 1999, фото на с. 75; Неверов, 1999, с. 58–60; Неверов, 2006, с. 192; Быковская, 2017, с. 342–347; Виноградов, 2022, с. 234]. Помимо этого, Керченскому музею древностей и Мелек-Чесменскому музею он подарил несколько античных надгробий [Шкорпил, 1917, с. 119], а Богословско-Николаевской церкви при Керченской мужской гимназии – средневековую каменную икону, найденную близ Карантина (городища Мирмекий) [Кондаков, 1896, с. 34–36, рис. 8; Кулаковский, 1908, с. 540; Науменко, Пономарев, 2017, с. 240–268]. В 1906 г. М.И. Ростовцев упомянул о нем в связи с будущим раскопкам городища Нимфей [Ростовцев, 1906, с. 230].

На заседаниях ТУАК, как и все остальные иногородние члены, А. В. Новиков бывал редко. После организационного собрания 24 января 1887 г. 4 декабря 1902 г. он впервые отмечен как присутствовавший. [Протокол..., 1902г, с. 80], а затем – 19 января 1913 г. [Протокол..., 1913а, с. 242]. На заседании ТУАК 4 февраля 1916 г. А. И. Маркевич объявил о кончине А. В. Новикова и «охарактеризовал его заботливое участие к комиссии до самых последних дней». Собрание почтило его память вставанием [Протокол..., 1916, с. 226].

³ Олив Вивиан Вильямович (Вильгельм Вильгельмович) (12 сентября 1847 – 3 апреля 1896), полковник гвардии, с 1 января 1892 г. камергер Двора Его Величества [Полицейский..., 1892], действительный статский советник, с 1887 по 1893 гг. Таврический губернский предводитель дворянства. Сын Вильгельма-Симона Николаевича Олив (26 мая 1795 – 3 августа 1854), выходца из Франции, на русской службе с 1820 г., предводителя дворянства Таврической губернии (1849–1853 гг.), камергера Двора Его Величества. Известен как земской, общественный деятель и меценат. Состоял членом правления от городского общества и членом-благодотворителем Попечительства о недостаточных учащихся керченских

№29)⁴ и учитель Симферопольской женской гимназии Х. П. Ящуржинский (под № 38)⁵, впоследствии имевшие, хотя и в разной степени, отношение к керченским древностям. А.В.Новиков и Х. П. Ящуржинский к тому же были избраны в члены особой временной комиссии для выработки предварительной программы занятий ТУАК [Протокол..., 1887а, с. 11–13]. Можно также упомянуть наставника Таврической духовной семинарии, епархиального наблюдателя церковно-приходских школ Таврической епархии, члена и учредителя Совета образцовой при семинарии церковно-приходской школы, позднее члена Таврического епархиального училищного совета, статского советника Александра Васильевича Иванова (под № 26), который в первый отчетный год работы ТУАК опубликовал статью «Греческий рукописный Апостол, принад-

гимназий, неоднократно избирался гласным Феодосийского уездного и Таврического губернского земских собраний, почетным мировым судьей, старостой Богословско-Николаевской церкви Керченской мужской гимназии [Зенкевич, 1894а, с. 59], председателем комитета Сиротского дома тайного советника Фабра, членом Совета попечителей странно-примного дома Таранова-Белозерова в Симферополе, товарищем председателя Местного управления РОКК в Симферополе. Финансово поддерживал народное училище в пос. Камыш-Бурун, в 1887 г. бесплатно предоставил принадлежащее ему здание. Семейство Олив с 1830-х гг. владело обширными земельными угодьями в Ялтинском (Мухалатка) и Феодосийском (при дер. Камыш-Бурун, Васильевка, Джалар, Кош-Кую, Сеит-Эли) уездах. Их имение «Камыш-Бурун» находилось к югу от Керчи на месте античного городища Тиритака. Им же принадлежали окрестные земли, на которых располагался Тиритакский курганно-грунтовый некрополь [Небожаева, 2011, с. 351–373; Небожаева, 2015, с. 194–208]. Находки с городища и некрополя составили, видимо, основу семейной коллекции античных древностей, часть которых В. В. Олив пожертвовал музею ТУАК. Уже после его смерти три надгробия Императорской археологической комиссии подарил его сын Андрей Вивианович Олив [Марти, 1913а, с. 32]. В 1922 г. в Керченский музей из частной коллекции Олив поступили керамические изделия (в т. ч. чернолаковые краснофигурные сосуды) и монеты [Марти, 1941, с. 12, прим. 2; Боровкова, 1999, с. 57; Застрожнова, 2018, с. 342].

На заседаниях ТУАК В. В. Олив бывал редко. После организационного собрания 24 января 1887 г. он отмечен как присутствовавший лишь 29 декабря 1894 г. [Протокол..., 1895а, с. 130].

⁴Сербинов Григорий Иванович (25 января 1860 – 9 мая 1893), преподаватель (наставник) Таврической духовной семинарии, в 1890 г. коллежский асессор, в 1892 г. надворный советник [Новороссийский..., 1890, с. 223; Календарь..., 1892, с. 90]. Похоронен на старом Симферопольском кладбище [Маркевич, 1918а, с. 360]. В качестве члена ТУАК активной деятельностью не отличался и редко присутствовал на заседаниях.

⁵Ящуржинский Хрисанф Петрович (19 марта 1853 – 1923). Родился в с. Молодецкое Уманского уезда Киевской губернии в семье священника Петра Григорьевича Ящуржинского. Учился в Киевском и Варшавском университетах на славяно-русском отделении историко-филологического факультета. О начальном периоде его педагогической деятельности известно мало, но на тот момент, став членом ТУАК, был преподавателем русского языка и словесности в Симферопольской женской гимназии. В 1889 г. переведен в Керчь – в Кушниковский институт благородных девиц. 1 января 1891 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени [Полицейский..., 1891]. Будучи в Керчи, он надеялся стать директором Керченского музея древностей. Его даже пригласили в Петербург ознакомиться с деятельностью ИАК, но назначен на эту должность он так и не был [Виноградов, 2017, с. 41]. Был избран членом Одесского общества истории и древностей (12 сентября 1903 г.) и Киевского общества охраны памятников старины и искусства. Выйдя на пенсию, в 1911 г. вернулся на родину – в с. Молодечное, где занимался этнографическими исследованиями и издал в 1913 г. книгу «Город Умань. Краткий исторический очерк».

лежащий Предтеченской церкви в г. Керчи» [Иванов, 1886, с. 165–180]⁶.

Что касается музея ТУАК, едва ли не сразу ему стали жертвовать древности, находимые в Таврической губернии, в том числе в Керчи и ее окрестностях. Уже на втором заседании, состоявшемся 30 мая 1887 г., председатель комиссии А.Х.Стевен доложил, что от В. В. Олив поступили «наконечники стрел, 15 медных монет (повидимому, боспорских), 2 стеклянные бусины, 2 медных украшения, 1 барельеф с изображением медузы, 2 золотых украшения и 4 золотые греческие серьги». Скорее всего, все они были найдены на некрополе городища Тиритака, который находился на землях, принадлежавших семейству Олив с 1830-х гг. [Протокол., 1887б, с. 22–23]⁷.

Свой вклад внес и Керченский музей древностей. На заседании 28 октября 1887г. члены комиссии заслушали отношение Императорской археологической комиссии от 30 сентября 1887 г., в котором, в частности, доводилось до сведения, что директору Керченского музея древностей Ф. И. Гроссу предписали «выделить из дублетов коллекцию древних вещей, вырытых в тамошних могилах, и выслать» для археологического музея ТУАК [Протокол., 1887в, с. 4]. Ф. И. Гросс исполнил это предписание к концу этого же года. На заседании ТУАК 31 марта 1888 г. было доложено его отношение от 4 декабря 1887 г. (№ 33), с которым он сопроводил для «Симферопольского губернского музея древностей» (музея ТУАК) 89 предметов из коллекции Керченского музея. К сожалению, в приложенной описи отсутствовали описание места, времени их находки и датировка предметов. Указаны были лишь название и материал, из которого их изготовили [Протокол., 1888а, с. 65–68]⁸.

В этом же году коллекция музея ТУАК дважды пополнялась античными монетами, купленными в Керчи у коллекционеров или грабителей. На заседании 25 августа 1888 г. А. Х. Стевен доложил, что Г. И. Сербинов, будучи в Керчи (возможно, приезжал к отцу – керченскому благочинному И. М. Сербинову), приобрел для музея (заимообразно, за 15 руб.) 230 «древних» монет, в основном боспорских. Что интересно, продавец попросил, если среди них окажутся ценные, доплатить ему еще

⁶ «Апостол» представлял собой большую, обтянутой кожей книгу в деревянном переплете (запечатлена на фотографии реликвий церкви Иоанна Предтечи М. С. Рубанчика начала XX в.). На лицевой крышке сохранилось изображение Богоматери и четырех евангелистов по углам, на задней крышке в небольших медальонах – изображения апостолов. Текст написан на греческом языке. Н. Н. Мурзакевич датировал его XII–XIII вв. [Мурзакевич, 1844, с. 626–627]. В 1877 г. по распоряжению архиепископа Херсонского и Таврического Гурия «Апостол» доставили для «просмотра» А. В. Иванову, который удревил время его написания до конца XI – начала XII в. и отнес к рукописям, «получившим свое происхождение в Константинополе». В 1920-е гг. книга была передана в Керченский музей и утрачена в годы войны вместе с некоторыми другими редкими изданиями и документами из музейной библиотеки и архива, эвакуированными в Армавир [см. лит.: Пономарев, Бейлин, 2016, с. 321].

⁷ Помимо этого, за первый отчетный год работы ТУАК (1887–1888 гг.) он пополнил денежные средства комиссии добровольным взносом в размере 50 руб. [Отчет., 1889, с. 126].

⁸ Ф. И. Гросс так и не стал членом ТУАК, хотя оставался заведующим музеем до 31 марта 1891 г.

10 руб. Заслушав сообщение, члены комиссии постановили: в случае обнаружения таковых, его просьбу исполнить [Протокол., 1888б, с. 114]. Тогда же было доложено о доставке в музей от И. И. Наделя⁹ шести боспорских и пантикапейских монет, найденных в районе дер. Куль-Тепе Сарайминской волости Феодосийского уезда (на Караларском побережье Керченского полуострова, где находится античное поселение Куль-Тепе Западное) [Масленников, 1998, с. 239–242], переданных через севастопольского купца и коллекционера древностей А. Я. Гидалевича (о нем см. ниже) [Протокол., 1888б, с. 114]. Вскоре еще 33 монеты, найденные под Керчью, в том числе 8 – пантикапейских и 6 – боспорских, безвозмездно пожертвовал музею Петр Эммануилович Цомакион¹⁰, о чем на заседании 29 сентября 1888 г. доложил А.Х. Стевен¹¹. На этом же заседании П. Э. Цомакион был предложен А. Х. Стевеном в члены комиссии [Протокол., 1888в, с. 119–120] и на следующем – единогласно избран. В 1889 г. две «древние монеты... из Керчи» пожертвовал К. К. Косцюшко-Валюжинич, с 1888 г. распорядитель археологических работ в Херсонесе и впоследствии заведующий «Складом местных древностей» ИАК, устроенным им в 1892 г. на городище. Но что это были за монеты и как они попали к нему, приобрел ли он их будучи в Керчи – это, по-видимому, навсегда останется загадкой [Протокол., 1889а, с. 134].

На заседании 4 мая 1889 г. в члены ТУАК по предложению А. Х. Стевена был единогласно избран граф А. А. Бобринский, с 1886 г. председатель Императорской археологической комиссии [Протокол., 1889б, с. 127], неоднократно бывавший в Керчи и проводивший здесь раскопки в 1888–1889, 1891 гг. Самостоятельно и вместе с Ф. И. Гроссом они раскапывали некрополи на Аджимушкайской улице, вдоль Карантинного шоссе, у Змеиного мыса рядом с городищем Мирмекий и в пос. Капканы, один из курганов («мирзы Кекуватского») на западной оконечности курганного некрополя Юз-Оба и участок городища Пантикапей на северном склоне г. Митридат. Одновременно он скупал у местных жителей и торговцев древностями находки (причем со многими из них был знаком лично) и впослед-

⁹Надель Иоаким Исаакович (1860 – ?), с 23 декабря 1883 г. и до 1905 г. ветеринарный врач Феодосийского уезда, сын купца, из евреев, закончил Харьковский ветеринарный институт со степенью ветеринарного врача, проживал в Феодосии.

¹⁰Сведений о нем удалось найти немного – выпускник Санкт-Петербургского университета, в 1875–1887 гг. директор Нижнетагильского реального училища, статский советник [Черноухов, 2011, с. 170, прилож. 3]. На Симферопольском старом кладбище похоронены протоиерей Цомакиан Федор (скончался 28 декабря 1840 г. на 68-м году жизни, священству с 1807 г.), действительный статский советник, попечитель Странноприимного дома Таранова-Белозерова Цомакиан Степан Федорович (скончался 8 сентября 1880 г. на 78-м году жизни), Цомакиан Елизавета Семеновна (скончалась 4 апреля 1884 г. на 63-м году жизни), Цомакиан Федор Степанович (17 марта 1855 – 2 июня 1899) и Цомакиан Ольга (скончалась 23 февраля 1863 г., на 16-м году жизни) [Маркевич, 1918а, с. 365].

¹¹Он же в 1890 г. пожертвовал еще 32 пантикапейские, боспорские и византийские монеты, но где они были им приобретены, не сообщалось [Протокол, 1890а, с. 140].

ствии передавал их в музеи Керчи, Феодосии, Симферополя, Одессы, Киева и Санкт-Петербурга. Имел А. А. Бобринский и собственную коллекцию древностей, среди которых было много предметов, найденных в Керчи [Боровкова, 1999, с. 103–106].

С первых дней своего существования ТУАК одной из своих целей поставила изучение и сохранение памятников архитектуры, среди которых одними из первых на себя ее внимание обратили уцелевшие «Екатерининские мили». Что касается Керчи, в поле зрения комиссии вполне ожидаемо попала церковь Иоанна Предтечи, единственный уцелевший в городе средневековый памятник. На заседании 31 мая 1889г. было зачитано письмо офицера Отдельного корпуса пограничной стражи В.П.Цехановского, в котором он изъявлял желание состоять членом комиссии и принять участие в ее занятиях. В нем же он известил, что готовит сообщение о церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Члены комиссии постановили представить его [Протокол., 1889в, с. 128]¹². Однако, подготовил ли он это сообщение, неизвестно. Во всяком случае в ТУАК он его, видимо, не послал, поскольку в протоколах заседаний о нем более не упоминалось.

К началу учебного 1889/1890 года в Керчь из Симферополя по службе был переведен член ТУАК Х. П. Ящуржинский, связавший свою судьбу с этим городом почти на три года. Помимо исполнения своих служебных обязанностей – преподавателя русской словесности Кушниковского института благородных девиц, он продолжил деятельность на историческом и археологическом поприще. Вскоре, после того как Х. П. Ящуржинский обосновался в Керчи, на заседании комиссии 26 сентября 1889 г. было доложено о пожертвованных им музею трех амфорных ручек с клеймами, найденных в Керчи, возможно, при раскопках Ф. И. Гросса [Протокол., 1889г, с. 140]. 22 октября этого же года он подготовил первую из «керченской» серии статью «Археологические раскопки в Керчи в 1889 году». 3 ноября 1890 г. она была доложена на заседании ТУАК [Протокол., 1890б, с. 127],

¹² Цехановский Владимир (иногда упоминается как Владимир-Владислав) Поликарпович. В 1884–1885 гг. ротмистр, отрядный офицер Азовской бригады пограничной стражи Южного таможенного округа (Керчь). С 20 июня 1885 г. по 1891 г. – отрядный офицер Особого Керченского отдела пограничной стражи таможенного округа. В 1891–1892 гг. – обер-офицер для поручений, с 1892 г. – отрядный офицер, а с 1895 г. – исправляющий должность командира отдела. С 3 августа 1895 г. по 1897г. – командир отдела Аренбургской бригады пограничной стражи Рижского таможенного округа (по 6 декабря 1895 г. исправляющий должность). 6 декабря 1895 г. произведен в подполковники по пограничной страже. В 1897-1899 гг. – командир 1-го отдела Крымской бригады пограничной стражи Южного таможенного округа (Евпатория). С 20 марта 1899 г. по 10 июля 1899 г. – командир отдела Калишской бригады пограничной стражи и прикомандирован к штабу Крымской бригады вплоть до особого распоряжения. С 10 июля 1899 г. командир отдела Скулянской бригады 5-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Уволен со службы до 1902 г. Проявил интерес к античным древностям уже в 1870-е гг. В 1879г. поручик В. П. Цехановский подарил музею ООИД фрагмент херсонесской надписи, а Керченскому музею – в 1892 г. надгробие Макария I в. н. э. [Боровкова, 1999, с. 37–39]. В 1892 г. коллекцию В. П. Цехановского осмотрел М. Н. Ремезов – писатель и редактор журнала «Русская мысль» [Ремезов, 1892, с. 112].

а в 1890 г. издана в «Известиях» комиссии. В ней он привел краткий обзор раскопок Ф. И. Гросса на античных некрополях возле Мирмекия и на Аджимушкайской улице [Ящуржинский, 1890, с. 99–100].

В Керчи Х. П. Ящуржинский, надо думать, быстро познакомился со всеми известными в городе обладателями коллекций древностей. Уже осенью 1889 г. он написал из Керчи правителю дел ТУАК Ф. Ф. Лашкову о готовности одного из них – Н. А. Савицкого¹³, имевшего хорошее собрание боспорских монет, сделать слепки с лучших из них и сопроводить описанием, о чем и было доложено на заседании комиссии 3 ноября [Протокол., 1890б, с. 126]. На заседании 30 ноября 1889 г. Х. П. Ящуржинского удостоили чести быть представителем ТУАК на VIII Археологическом съезде в Москве [Протокол., 1890в, с. 131], но на заседании 28 декабря 1889 г., заслушав его письмо, в котором он сообщал о своей болезни и невозможности поехать в Москву, вместо него попросили присутствовать на съезде Ф. Ф. Лашкова [Протокол., 1890а, с. 137–138].

В начале 1890 г. музейная коллекция ТУАК пополнилась еще одной монетой из Керчи, на этот раз средневековой – Сигизмунда III (польской или шведской)¹⁴, пожертвованной вместе с другими монетами землевладельцем Таврической губернии З. В. Шевченко, избранным в члены комиссии 23 марта 1890 г., после того А. Х. Стевен на заседании 31 января выдвинул его кандидатуру [Протокол., 1890г, с. 151; Протокол, 1890д, с. 140].

В этом же году Х. П. Ящуржинский опубликовал в «Известиях» ТУАК две статьи, о которых было доложено на заседании 31 мая. В одной из них, «Вновь открытая греческая катакомба в г. Керчи», он сообщил о найденном 28 апреля 1890 г. на северном склоне г. Митридат в Керчи (на склоне «Долгой скалы» почти напротив

¹³ Савицкий Николай Андреевич (? – 1908), родился незадолго до 1862 г., сын Андрея Павловича Савицкого (1814 – 29 декабря 1887, умер на 73-м году жизни), действительного статского советника, с 1867 и до конца 1884 г. начальника Керченского Карантинного округа. Проживал в отцовском доме на Соборной площади (ныне ул. Пирогова, дом № 10). Н. А. Савицкий собрал не только археологическую, но и геологическую коллекцию/ В 1892 г. он подарил, купленный им в 1891 г. в Тамани фрагмент стелы с 5-строчной надписью Ялтинскому отделению Крымско-Кавказского горного клуба, членом которого состоял. В «Юбилейном сборнике Крымско-Кавказского горного клуба» о нем сказано следующее: «Господин Савицкий владелец прекрасного археологического музея...» [Юбилейный..., 1915, с. 63]. В январе 1897 г. он представил на выставке ручного труда, организованной Керченским женским благотворительным обществом, «коллекцию камней и редкостей» [Полицейский..., 18976]. В 1908 г. после смерти Н. А. Савицкого Константин Васильевич Торопьяно, женатый на его сестре – Софье Андреевне, пожертвовал часть коллекции родственника музею Мелек-Чесменского кургана [Марти, 1913б, с. 78; Боровкова, 1999, с. 64]. В 1909 г. он дополнил ее чернолаковой краснофигурной «вазой» с вакхической сценой, за что получил благодарность ООИД, которому подчинялся музей [Боровкова, 1999, с. 64].

¹⁴На страницах научных изданий позднесредневековые европейские монеты из Керчи упоминались крайне редко. О следующей подобного рода находке стало известно лишь в 1927 г. благодаря К.Э. Гриневичу, который сообщил о серебряной австрийской монете, найденной жительницей пос.Маяк в одной из «разоренных гробниц» рядом с Еникальским маяком [Гриневич, 1927, с. 50].

мечети в Татарской слободке) склепа Сорака, к сожалению, ограбленного, но стены которого были покрыты богатой полихромной росписью [Ящуржинский, 1890а, с. 111–113; подробнее см.; Виноградов, 2017, с. 40–56]. Кто побывал в склепе из ученых первым неизвестно (им мог быть и Ф. И. Гросс), но позднее Х. П. Ящуржинский был указан как его первооткрыватель [Отчет., 1891, с. 112]¹⁵. В статье «Керченские древности» он привел краткое описание расписного рыбного блюда, найденного в 1879 г. в Нимфее, а также античных керамических изделий и надгробий из керченских частных собраний – бывшего городского головы и земского деятеля Александра Васильевича Новикова и одного из крупнейших в Керчи скупщиков древностей Ермолая Романовича Запорожского¹⁶ [Ящуржинский, 1890б, с. 114–119]. В 1891 г.

¹⁵ В склепе, вероятно, побывал и Капитон Егорович Касцов (3 сентября 1854 – после 1930), художник, выпускник Императорской академии художеств, с 1 января 1887 по 1896 г. преподаватель рисования и чистописания Кушниковского института благородных девиц в Керчи [Касцов, 1890, с. 1]. В июле–августе 1890 г. – раскопки на г. Митридат, в т. ч. и повторный осмотр склепа Сорака, по просьбе ИАК провел Ю. А. Кулаковский. Он датировал его II–III вв. н. э., а на ул. Госпитальной у дома № 38 Антона Кузьмича Коробки открыл склеп Савага и Фаиспарты 491 г. н. э. [VIII заседание..., 1891, с. 20–23; Отчет., 1893а, с. 21–28; Кулаковский, 1891; Кулаковский, 1892, с. 223; Кулаковский, 1896, с. 16–33]. Для фиксации росписей склепов Боспора им были использованы фотографии, сделанные керченским фотографом М. Шуляцким и бывшим в то время в Керчи студентом Санкт-Петербургского университета Яковом Ивановичем Смирновым, будущим ученым и знатоком византийского и восточного искусства [Медведева, 2017, с. 59]. В 1893 г. он выступил на IX Археологическом съезде с докладом «О Керченских катакомбах с фресками» [Протокол., 1893а, с. 121]. На заседании 10 июня 1895 г. Ю. А. Кулаковский был предложен А. И. Маркевичем в члены ТУАК [Протокол., 1895в, с. 186], а на заседании 21 сентября этого же года его избрали [Протокол., 1896а, с. 157].

¹⁶ Запорожский Ермолай Романович (? – не ранее 1917) керченский мещанин. В 1888 г. упоминается как содержатель трактирного заведения в собственном доме № 376 на углу Константиновской и Госпитальной улиц [Полицейский..., 1888]. В 1890–1892 гг. содержательницей трактира в доме Е. Р. Запорожского указана его жена – Аграфена Дмитриевна. На заседаниях Керчь-Еникальской городской думы с 14 марта 1891 г. до 23 января 1892 г. должно было рассматриваться ходатайство Е. Р. Запорожского об отводе ему под застройку места, бывшего Кривицкой, по Госпитальной ул., возможно, это дом на противоположном (северо-восточном) углу Госпитальной и Константиновской ул., № 27/15 (бывш. № 370, в 1912 г. принадлежал Запорожской А. Д.). Но основным родом деятельности Е. Р. Запорожского, по крайней мере с 1889 г., стала оптовая и розничная скупка и продажа предметов древности, найденных «счастливыми» и обывателями в Керчи, ее окрестностях и на Таманском полуострове. Сотни приобретенных предметов впоследствии он перепродал музеям. В частности, Керченский музей древностей с 1889 по 1917 г. купил у него 58 лапидарных памятников (надгробий, фрагментов плит с надписями и прочих находок) [Боровкова, 1999, с. 121]. К. Е. Думберг в рапорте ИАК от 11 ноября 1891 г. написал: «Во главе здешних кладоискателей стоят торговцы вроде Букзиля, Тульмана, Ермолая Запорожского» [Императорская..., 2009, с. 326, 330]. В 1891 г. в связи с покупкой древностей Ермолая в письме к Ф. И. Гроссу упоминает Ф. Ф. Тизенгаузен [Императорская..., 2009, с. 323]. А в декабре 1903 г. Е. Р. Запорожский, писал А. А. Бобринскому: «Смею Вас уверить, Ваше Сиятельство, что древностей скоро в Керчи не будет, ибо все почти перекопано» [Императорская..., 2009, с. 365]. Е. Р. Запорожский открыл при своем доме доступный для всех частный музей, в котором все экспонаты можно было не только осмотреть, но и приобрести. В 1892 г. посетивший Керчь писатель и редактор журнала «Русская мысль» М. Н. Ремезов упомянул

было опубликовано продолжение статьи Х. П. Ящуржинского «Керченские древности». В нем, упомянув о раскопках летом 1890 г. в Керчи Ю. А. Кулаковского и Ф.И.Гросса, он привел описание найденных античных надгробий и в заключение дал краткую характеристику терракот и монет из частного собрания В. П. Цехановского – ротмистра пограничной стражи и «археолога-любителя». Особенно интересной у него оказалась коллекция монет – редкая «по богатству новых и по обилию вариантов уже известных типов», насчитывавшая до 4 тыс. экземпляров. Среди них монеты Херсонеса, золотые монеты Перисада I, Левкона I, Асандра и серебряная монета Митридата VI [Ящуржинский, 1891а, с. 82–86].

Видимо, уже из своих находок в Керчи Х. П. Ящуржинский пожертвовал весной 1890 г. музею ТУАК два светильника, театральную маску, терракоту («глиняную головку») и две амфорные ручки (видимо, с клеймами), о чем было сообщено на заседании 23 марта [Протокол., 1890е, с. 143]. Месяцем позднее он приобрел для музея глиняную и стеклянную «слезницы», алабастр, два лекифа, флакон из красной глины, три светильника и три фрагмента терракот («головы от статуэток») – все за 5 руб. [Протокол., 1890ж, с. 149]. Спустя еще месяц Х.П.Ящуржинский пожертвовал «глиняный флакон с изображением солнца, флакон с поливой, простой глиняный флакон», три фрагмента расписного чернолакового сосуда с изображениями, обломок плиты с греческой надписью, три светильника и фрагменты терракот [Протокол., 1890з, с. 153]. 25 мая 1890г. отношением Императорской археологической комиссии он был допущен к занятиям в Керченском музее древностей [Протокол., 1891а, с.156–157] и вскоре вновь пожертвовал музею ТУАК «три глиняные ручки с надписями, одну гипсовую и две глиняные головки, обломки статуэток и глиняную слезницу» [Протокол., 1891б, с. 162]. На годичном заседании комиссии 31 января 1891 г. было доложено о поступлении в музей от него 6 обломков терракот и 7 клейменных ручек амфор [Протокол., 1891г, с. 118].

Пополнился музей ТУАК в 1890 г. и другими керченскими находками. У госпожи Гасгаген¹⁷ за 25 руб. был куплен принадлежащий ей золотой веноч, который наш-

о нем и о самом владельце [Ремезов, 1892, с. 111–112]. Популярность музея, видимо, была велика. Г. Г. Москвич указал даже его местоположение на плане города, помещенном в многократно изданном им путеводителе по Крыму. В некоторых его изданиях была размещена и реклама «частного археологического музея» Е. Р. Запорожского [Москвич, 1896; Москвич, 1908]. О том, насколько влиятелен был Е. Р. Запорожский в антикварном бизнесе, указывает тот факт, что в рапорте от 3 января 1894 г. Керчь-Еникальского полицмейстера М. Ф. Томпофольского с приложением лиц, «занимающихся тайными раскопками с целью кладоискательства древностей и покупкою их без надлежащего разрешения», в списке из 31 торговца Е. Р. Запорожский указан под № 1 [Боровкова, 1999, с. 121]. Судьба Е. Р. Запорожского после 1917 г. неизвестна. В настоящее время, купленные у него предметы хранятся в музеях Санкт-Петербурга, Москвы, Одессы, Полтавы, Перми и Керчи [Боровкова, 1999, с. 121–123].

¹⁷ О самой госпоже Гасгаген никаких подробностей приведено не было, но, вероятно, речь идет о вдове Гасгагена (Гассгагена) Христиана Генриховича (1806, Стокгольм – 1889, Симферополь) профессора химии и технологии Ришельевского лицея в Одессе, как минимум дважды побывавшего

ли в одном из керченских склепов, когда, где и при каких обстоятельствах, неизвестно [Протокол..., 1890ж, с. 146]. От А. Х. Стевена поступили 40 золотых бляшек, «служивших для украшения одежды» из «керченских гробниц», каких конкретно, к сожалению, упомянуто не было [Протокол..., 1890з, с. 153]. От В. В. Олив в 1890г. поступили два пожертвования. В первый раз – три пантикапейские монеты, а также несколько фрагментов золотых изделий, две бусины и сердоликовый камень с резьбой, случайно найденные в одной из могил в дер. Камыш-Бурун, на некрополе Тиритаки [Протокол, 1891а, с. 159]. Во второй – 4 бронзовые монеты Пантикапея, найденные в его имении Камыш-Бурун, на городище Тиритака [Протокол..., 1891в, с.167]. В. Ф. Лашков пожертвовал «идола из глины», театральную маску и фрагменты двух клейменных черепиц, обнаруженные на г. Митридат [Протокол..., 1891а, с.159]. О. Г. Ногаев¹⁸ пожертвовал 6 монет, из них 5 босфорских [Протокол..., 1891а, с. 159], видимо, найденных на территории Татарской (Русско-Татарской) слободки – западного предместья Керчи, изначально (с 1838 г.) называвшегося Магометанский форштадт, в пределах которой находился один из участков курганно-грунтового некрополя Пантикапея¹⁹. На годичном заседании 31 января 1891 г. было доложено о поступлении в музей от Г. И. Сербинова 16 босфорских и других монет [Протокол..., 1891г, с. 118], которые, надо думать, он прибрел во время своих поездок в Керчь к отцу. Кроме того, В. В. Олив в очередной раз пожертвовал на нужды комиссии 25руб. [Протокол..., 1891г, с. 119], 5 руб. внес и Б. П. Антонович²⁰, ставший позднее членом ТУАК [Протокол..., 1891г, с. 119].

в Керчи. В июне 1850 г. и в 1851 г. он, со слов Александра Александровича Шателена, врача Керченской городской больницы, сделал пробы химического состава воды и рапы Чокракского озера к северу от Керчи [Шателен, 1859, с. 37–39]. Летом 1860 г., совершая путешествие по Крыму, он опять приехал на Чокрак в недавно открытое при озере грязелечебное заведение и проанализировал химический состав серного источника и минерального источника («горькой воды»). Исследовал он как химик и Булганакские грязевые вулканы. В 1861 г. в двух номерах «Полицейского листка Керчь-Еникальского градоначальства» Х. Г. Гасгаген опубликовал статью «Обозрение некоторых минеральных источников Керченского полуострова» [Гасгаген, 1861а; Гасгаген..., 1861б]. После отставки он, видимо, переехал в Симферополь, где скончался и был погребен на старом городском кладбище [Маркевич, 1918а, с. 341]. Будучи же в свое время в Керчи, он вполне мог приобрести золотой венок, а в 1890 г., вскоре после его смерти, вдова, видимо, нуждаясь в деньгах, продала его ТУАК.

¹⁸ Ногаев Осман Гасанович, с 1886 по 1899 г. учитель Керченского татарского народного училища в Русско-Татарской слободке.

¹⁹ В 1846 г., по словам А. Б. Ашика, при рытье фундаментов домов близ татарской мечети в Керчи было найдено до 40 медных монет, в том числе ранневизантийские Юстиниана I [Ашик, 1846].

²⁰ Антонович Борис Платонович (21 марта 1848, Керчь – 1900, имение Яныш-Такиль), сын Платона Александровича Антоновича (13 ноября 1811 – 8 декабря 1883) Керчь-Еникальского градоначальника с 25 апреля 1855 г. по март 1857 г., потомственный дворянин, инженер путей сообщения, владелец земель в районе дер. Яныш-Такиль Феодосийского уезда (ныне с. Заветное Ленинского района), где и находилось его имение. На протяжении многих лет избирался почетным мировым судьей по Керченскому мировому округу, а с 1887 г. и вплоть до смерти – гласным Феодосийско-

20 Важнейшим событием конца XIX в. в археологии Боспора стало издание в 1890г. В. В. Латышевым II тома «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae» (IOSPE). На заседании ТУАК 31 мая 1891 г. было заслушано заявление А. И. Маркевича о важности перевода с латинского на русский язык введения к нему, в котором излагалась краткая история Боспора Киммерийского. Члены комиссии постановили – обратиться к В. В. Латышеву с просьбой взять на себя труд перевести его с последующей публикацией в «Известиях» ТУАК или же разрешить комиссии поручить перевод кому-то из ее членов [Протокол., 1891д, с. 87]. 23 июня 1891 г. В. В. Латышев отправил в ТУАК письмо, в котором изъявил согласие на перевод одному из членов комиссии. На заседании 27 сентября 1891 г. эту работу поручили выполнить В. А. Михалевскому²¹, который ранее уже дал согласие на это [Протокол., 1891е, с. 133]. Окончательную его редакцию В. В. Латышев взял на себя. На заседании комиссии 23 января 1892 г. В. А. Михалевский был предложен правителем дел А. И. Маркевичем в ее члены [Протокол., 1892а, с. 124]. В апреле

го уездного земского собрания. Избирался в гласные Губернского земского собрания и гласные Керчь-Еникальской городской думы. С 3 ноября 1888 г. и до 1889 г. был заступающим должностью Керчь-Еникальского городского головы, а в 1890–1892 гг. – членом городской управы. Известен как меценат и владелец коллекции древностей, составленной в основном из находок на античных памятниках, находившихся на его землях (округа городищ Акра и Китей). В частности, в декабре 1896 г. на его землях у дер. Коп-Такиль были найдены два бронзовых цилиндрика, в одном из них оказались золотая и серебряная пластины с процарапанными на них магическими надписями синкретического толка (амулеты Абрагадзы, дочери Савага и Фаиспарты, погребенных в Керчи в склепе 491 г.). Ю.А. Кулаковский датировал их IV–V вв. и посчитал христианскими амулетами. С 1920г. амулет находится в Лувре, куда его вывез П.К. Месаксуди [Шкорпил, 1898а, с. 8–9; Кулаковский, 1908, стлб. 541; Яйленко, 2010, с. 657 – 666]. На заседании 24 сентября 1900 г. Феодосийского уездного земского собрания А.В. Новикову и Н.В. Оливу поручили выразить соболезнование его племяннице – Елизавете Александровне Бок и выслушали заявление гласного Александра Осиповича Бока (военного инженера, генерала-майора в отставке) об открытии в дер. Яныш-Такиль согласно воле Б.П. Антоновича и в память о нем татарского народного училища и бесплатной библиотеки-читальни [Постановления..., 1901, с. 16, 20–21].

²¹ Михалевский Владимир Андреевич, кандидат университета. С 1890 и по 1893 г. – преподаватель истории и географии Кушниковского института благородных девиц в Керчи. В эти же годы состоял действительным членом Керчь-Еникальского Статистического комитета. В 1896-1898 гг. – преподаватель русского языка в Фундуклеевской женской гимназии в Киеве, и, одновременно, преподаватель географии и всеобщей истории в Киево-Подольской женской гимназии. С 1898 по 1904 гг. инспектор классов и член Совета по учебной части Кушниковского института, на 1901 г. имел чин коллежского советника, к 1904 г. – статского советника. С 1898 г. – член ТУАК, с 1904 г. – член ООИД. На заседании ООИД 22 марта 1904 г. было доложено о получении от него для музея общества стеклянного сосуда, чернолакового арибалла с изображением оленя, чернофигурного лекифа, найденного в дер. Эльтиген на земле А.В. Новикова, золотого кольца с изображением собаки на вставке из полудрагоценного камня (с некрополя на Глинице в Керчи), терракотовой статуэтки в виде женщины с ребенком на руках, лампы с надписью и изображением мужчины у стола [358-е заседание..., 1906, с. 18]. С конца 1903 г. по 22 марта 1904 г. был заведующим музеем Мелек-Чесменского кургана. С 1904 г. и, как минимум, по 1916 г. начальник – Астраханской Мариинской женской гимназии, с 1910 г. – действительный статский советник.

этого же года он прислал перевод к введению II тома IOSPE. На собрании 16 апреля было постановлено отослать его на редакцию В. В. Латышеву и в случае одобрения автором напечатать в «Известиях» ТУАК [Протокол., 1892г, с. 128]. 16 апреля 1892г. В. А. Михалевский был избран в члены ТУАК [Протоколы., 1891г, с. 130], а к 15 июня В. В. Латышев дал согласие на публикацию введения к II тому IOSPE в переводе на русский язык В. А. Михалевского, но предварительно заручившись согласием Императорского Русского археологического общества, поскольку благодаря ему был издан этот свод эпиграфических памятников Боспора [Протокол., 1892в, с. 121]. Письмом от 15 августа 1892 г. В. В. Латышев препроводил в комиссию исправленный и просмотренный вариант перевода [Протокол., 1892г, с. 127] и в этом же году он был издан в «Известиях» ТУАК [Латышев, 1892, с. 1–66]. Что касается В.А. Михалевского, в 1893 г. он опубликовал статью «Вновь открытая греческая надпись», посвященную фрагменту мраморной плиты с греческой надписью из Тамани, которую в ноябре этого года приобрел один из керченских коллекционеров. В ней содержался список членов фиаса и шла речь о посвящении некоего дара божеству. Датировалась надпись II в. н. э. и относилась ко времени правления Котиса II, упоминаемого в ее начале [Михалевский, 1893, с. 105–114; КБН, 1965, с. 614–616, № 1054].

В 1891 г. музей комиссии вновь пополнился находками из Керчи. Госпожа Гасгаген пожертвовала «глиняную слезницу, флакон, 2 глиняных желтых лекифа, 2 глиняных черных лекифа с желтой пальметкой, глиняную черную солонку с желтым узором» и три светильника, один с изображением петуха, второй с изображением венка, третий с «головкой вместо ручки». Помимо них, она подарила и другие предметы, найденные близ Симферополя, в Судаке и привезенные из Италии [Протокол., 1891д, с. 87–88]. От Х. П. Ящуржинского из Керчи поступили «головка из алебаstra, три маски из алебаstra, бюст из красной глины, двенадцать глиняных амфорных ручек с клеймами, пять кусков черепиц с надписями» [Протокол., 1891д, с. 88]. Керченский коллекционер Н. А. Савицкий пожертвовал 4 амфорные ручки с клеймами, два куса мозаики («порфира»), найденные на г. Митридат в раскопе А.А.Бобринского 1891г. [Протокол., 1891д, с. 88]. А. В. Новиков – одну боспорскую монету [Протокол., 1891ж, с. 140]. Х. Х. Зенкевич – преподаватель истории и географии Керченской Александровской мужской гимназии (о нем см. ниже) пополнил библиотеку комиссии своей книгой «Настоящее и прошедшее Крыма: краткий географический и историко-этнографический очерк» [Протокол., 1891д, с. 88]²².

В этом же году Х. П. Ящуржинский продолжил публиковать цикл статей «Керченские древности». В 3-й из них он привел обзор находок, сделанных в Керчи зимой – весной 1891 г. Среди них: серебряное блюдо с рельефными изображениями всадника и Ники, поступившее в Эрмитаж, терракоты, фигурки из кости, ампулы Св.Мины, золотой сосудик (или амулет) в виде головы быка, формы для изготов-

²² Зенкевич Х.Х. Настоящее и прошедшее Крыма: краткий географический и историко-этнографический очерк. Вып. 1. Керчь: Скоропеч. А. В. Холева, 1889. 53 с.

ления светильников с эротическими изображениями, бомбилей с изображением крылатого льва, светильник с двумя носиками и изображениями грифонов по бокам, античные надгробия и другие предметы из коллекции А. В. Новикова (некоторые, скорее всего, с некрополя Нимфея), деревянный саркофаг с некрополя на Глинище, 4 золотые маски, голова быка из дерева и стеклянный сосуд и другие предметы, купленные Е. Р. Запорожским. Упомянул он и о некоторых предметах из коллекции керченского мещанина и крупного торговца древностями Иосифа Абрамовича Тульмана (он же Госет Цоцило-швили)²³, в том числе деревянной, инкрустированной полудрагоценными камнями «египетской» маске с поясным изображением женщины, найденной в 1872 г. Францем Биллером²⁴ «на даче Гурьева» (на некрополе Нимфея близ имения Гурьевых). Л. П. Войков (отец известного революционера Петра Лазаревича Войкова)²⁵ – на тот момент содержатель частного реального училища в Керчи, по-

²³ О нем известно очень мало – керченский мещанин, владел в городе недвижимостью был внесен в список лиц 3-го разряда, имеющих право участвовать в городских выборах, и в список евреев Керчи, которые согласно городскому положению от 11 июня 1892 г. могли быть избираемы в городские гласные и уполномоченные. Его магазин, где продавался и антиквариат, находился в доме Константинова на Воронцовской ул. Был связан деловыми отношениями с Борисом Ихилевичем Букзилем (1843–1916), еще одним крупным торговцем древностей [Шумилов, 1910, с. 131]. К.Е. Думберг в своем рапорте от 11 ноября 1891 г. написал: «Во главе здешних кладоискателей стоят торговцы вроде Букзиля, Тульмана, Ермолая Запорожского» [Императорская..., 2009, с. 326]. Некоторые из находок у него купило ООИД для Мелек-Чесменского музея [Боровкова, 1999, с.129–130]. В 1896 г. И.А. Тульман предлагал купить В.В.Шкорпилу раннехристианское надгробие из сада И.Г. Чернявского на Глинище [Шкорпил, 1898б, с.206, прим. 1]. Осенью 1899 г. он пожертвовал музею ООИД 55 светильников, 8 красноглиняных блюд, мисок и тарелок, чернолаковый расписной краснофигурный сосуд и терракоту, найденные в Керчи [Боровкова, 1999, с. 130]. В апреле 1902 г. его вдова Келя Тульман согласилась уступить ИАК за 300 руб. 12 канней с греческими надписями, приобретенные в свое время мужем [Боровкова, 1999, с. 130–131].

²⁴ Биллер Франц, прусско-подданный, «вольнопромышленник», копавший в 1868–1870-е гг. Нимфейский некрополь. В 1868 г. Е. Ц. Гурьева, владелица земли, на которой находился некрополь, подписала с ним соглашение о раскопках курганных насыпей, и он в 1868–1869 гг. вскрыл в курганах шесть богатых гробниц V в. до н.э. Некоторые находки из его раскопок, видимо, тогда же купил Карл Вильгельм Сименс, курировавший в 1868–1869 гг. работы компании Siemens & Halske по прокладке подводного участка «Индо-Европейской» линии телеграфа южнее Керченского пролива к Поти [Извлечение..., 1870, с. 29–30; Сименс, 1893, с. 154]. В 1880-е гг. он передал их Ашмолианскому музею в Оксфорде, и впервые они были опубликованы в Англии М. Викерсом [Вахтина, 2017, с. 86; Императорская..., 2009, с. 291–292].

²⁵ Войков Л.П., учился в Санкт-Петербургском горном институте, из которого отчислен за участие в студенческих забастовках, позже учился в Тифлисской учительской семинарии. С 1886 по 1892 г. содержал в Керчи частное реальное училище. После его закрытия преподавал математику в Керченском мореходном классе 2-го разряда. В 1890 г. числился также городским горным техником при городском общественном управлении. 1 июля 1892 г. император наградил учителя математики, почетного члена Керченского городского попечительства детских приютов Войкова серебряной медалью для ношения на груди на Станиславской ленте. В ноябре 1893 г. безрезультатно ходатайствовал перед Керчь-Еникальской думой об отдаче ему в эксплуатацию залежей асфальта в городской земле. В 1896г. Г.Г.Москвич упоминает в своем путеводителе «наиболее известную... по усовершенствованным приспособлениям и оборотам» паровую мельницу в Керчи, принадлежащую Л. П. Войкову и Василию

казал Х. П. Ящуржинскому найденную на территории его домовладения (восточный участок некрополя Глинище, дом № 1260 по ул. Аджимушкайской, в 1912 г. дом №25 по 1-й Аджимушкайской ул. Микичева Иосифа Петровича) урну с двухстрочной надписью: «Карп византиец» в каменном футляре²⁶ [Ящуржинский, 1891б, с. 98–101]. Статья была заслушана на заседании комиссии 31 мая 1891 г. К ней были приложены три фотографии, сделанные В. А. Павловичем²⁷ [Протокол..., 1891д, с. 86].

В 1891 г. музей ТУАК пополнился находками из раскопок председателя ИАК графа А. А. Бобринского в апреле – мае этого же года на горе Митридат и купленными им в Керчи, в том числе мраморными обломками мозаичного пола, керамическими сосудами, светильниками, грузилами и терракотами. Его письмо от 1 июня было заслушано на заседании 27 сентября [Протокол..., 1891е, с. 132, 135].

В 1892 г. была опубликована последняя – четвертая статья Х. П. Ящуржинского из серии «Керченские древности», работу над которой он завершил после переезда на новое место службы в Одессу, в начале февраля этого года. В ней он продолжил обзор предметов, хранившихся у известных керченских коллекционеров. В коллекции В. П. Цехановского (в двух статьях Х. П. Ящуржинского он упоминается под инициалами В. А.) его заинтересовало собрание бусин, некоторые из них в виде герм, фаллосов, жуков, львов, черепах, пальцев рук и кукиша. Среди предметов из собрания Н. А. Савицкого он обратил внимание на известняковый камень из Тамани с фрагментом надписи и клейменные ручки амфор, в том числе Синопы, Гераклеи, Фасоса и Родоса [Ящуржинский, 1892, с. 95–98].

Филипповичу Иванову, сыну его тестя – керченского купца Филиппа Филипповича Иванова [Москвич, 1896, с. 143]. Но к сентябрю 1897 г. они разорились и были признаны несостоятельными. Л.П. Войков избирался в гласные городской думы, состоял директором Мариинского приюта, а также членом Керченского Троицкого православного братства, избирался товарищем председателя его правления и членом по учебной части. Являлся одним из организаторов возобновления в 1892 г. в Керчи народных чтений. В 1904 г. после исключения сына Петра из 6-го класса Керченской гимназии увез семью в Ялту, где устроился дорожным мастером в имении помещика Алчевского в Кекенеизе. В 1909 г. поселился на Анжеро-Судженских коях, а в 1911 г. – на Урале, где устроился инженером-бурильщиком на Богословский завод. Дальнейшая судьба неизвестна. Его жена – Александра Филипповна, урожденная Иванова (1869–1953), дочь керченского купца Филиппа Филипповича Иванова, закончила Кушниковский институт. В семье было четверо детей – Петр (1 августа 1888 – 7 июня 1927) и Павел (? – 1 марта 1906), дочери Валентина и Милица (1896–1966). Брат Л. П. Войкова – Венедикт Петрович, служил в Керчи преподавателем Керченского мореходного класса 2-го разряда и смотрителем Керченского городского ремесленного училища.

²⁶По другой версии Л.П. Войков купил эту урну (сосуд с надписью в каменном футляре) незадолго до 1891 г. Найдена она была в кургане недалеко от дома Каторличенко, который находился влево от дороги ведущей в пост. Аджимушкай против церкви Троицкого братства. Л.П. Войков продал ее А. А. Бобринскому, и она поступила в Керченский музей [Отчет..., 1893б, с. 35, рис. 16].

²⁷Скорее всего, фотограф-любитель, дочь жителя Керчи Павловича Александра Лазаревича, который в 1888 г. упоминается Н. И. Андрусовым как «главное лицо» (агент) «Керченского нефтяного товарищества» (Нефтяное анонимное общество «Саламандра») [Андрусов, 1925, с. 154–155]. Его брат – Павлович Спиридон Лазаревич, потомственный почетный гражданин, состоял в 1870-е гг. агентом РОПиТ в Керчи.

В. П. Цехановский в письме от 30 марта 1892 г. сообщил комиссии о находке в феврале этого же года в немецкой колонии Михельсфельд [ныне с. Джигинка (Джигинское) к северу от Анапы] была найдена золотая витая цепь «в 80 золотников» с тремя медальонами, украшенными с одной стороны овальными полудрагоценными камнями, с другой – изображениями крестов. К медальонам крепились золотые, украшенные камнями подвески «семечковидной» формы. К концу цепи была припаяна золотая монета в золотой пуансонной оправе – чеканенная в Константинополе в период совместного правления Юстина I и Юстиниана I (527 г.) [Протокол..., 1892б, с. 128; Кропоткин, 1962, с. 21, рис. 14].

Коллекцию музея в 1892 г. пополнил член комиссии Б. П. Антонович, который сопроводил с письмом от 5 марта гипсовый слепок с клейма на ручке кувшина, найденного на берегу Керченского пролива в урочище Керменчик (городище Китей). Клеймо четырехстрочное: «При правителе Хорегионе, сыне Леомедонта (сделал) Апатум». В правой его части изображение четверки лошадей, запряженных в колесницу [Протокол..., 1892б, с. 126]. В. В. Олив подарил боспорскую монету («Савромата»), фанагорийскую и две римские монеты, найденные у дер. Чокурча под Симферополем, видимо, из клада 1891 г., разошедшегося по рукам окрестных жителей, о котором неоднократно упоминалось в «Известиях» ТУАК [Протокол..., 1892г, с. 132]. Отношением от 31 декабря 1892 г. ИАК препроводила в музей комиссии ряд находок (151 предмет – керамические и стеклянные сосуды, изделия из золота и бронзы, грузила, терракоты, светильники, бусины, гипсовые детали саркофагов и т. п.), сделанных А. А. Бобринским при раскопках в Керчи в 1891 г. [Протокол..., 1893б, с. 132–134].

В 1893 г. от А. В. Новикова поступила бронзовая синопская монета [Протокол..., 1893б, с. 134], от В. В. Олив – 15 монет, в том числе 3 – пантикапейских, 9 – боспорских, 1 – фанагорийская, 1 – Агриппеи, 1 – неопределенная [Протокол..., 1893а, с. 129] и одна монета Крымского ханства [Протокол..., 1893в, с. 133]. Член комиссии И. Н. Вноровский²⁸ подарил серебряную «западно-европейскую» монету из Керчи [Протокол..., 1893а, с. 129]. Отношением ИАК от 10 ноября этого же года в музей комиссии были препровождены 26 бронзовых и 2 серебряных (одна в обломках) монет из раскопок А. А. Бобринского в Керчи в 1891 г. [Протокол..., 1891г, с. 135, 137].

Летом 1893 г. состоялась первая, отраженная на страницах «Известий» ТУАК экскурсия члена комиссии в Керчь. Х. А. Монастырлы²⁹ совершил ее вместе со старшим членом ИАК, профессором Н. И. Веселовским. Они осмотрели Керченский

²⁸ Вноровский Иосиф Николаевич, на тот момент окружной инженер Горного управления Южной России, надворный советник [Адрес-календарь..., 1894, с. 687]. По своей должности вполне мог неоднократно бывать в Керчи.

²⁹ Монастырлы Харлампий Афанасьевич (5 февраля 1854 – 1932), с 1884 по 1903 г. – преподаватель математики в Симферопольской мужской гимназии. С 1903 по 1914 г. – инспектор Симферопольской татарской учительской школы. Подробно его биография изложена в работе С.С. Булгара [Булгар, 2017, с. 279–283].

музей, г.Митридат и Царский курган, с которого Х. А. Монастырлы сделал фотографический снимок. К сожалению, он не был опубликован и что с ним, неизвестно [Протокол., 1893а, с. 126; Протокол., 1893в, с. 133–134]³⁰.

Следующий – 1894 г. ознаменовался новыми поступлениями в музей ТУАК древностей из Керчи. А. В. Новиков пожертвовал театральную маску [Протокол, 1894а, с. 129–130]. Б. П. Антонович сопроводил с письмом от 22 августа снимок «древняя пряжки», найденной в июле этого же года «близ мест, где располагается древняя Акра между Таклынским и Кызаульским маяками» (на самом деле в окрестностях городища Китей). Она была изготовлена из «красной меди», ее «ободок несколько толще средней части; вырезки вокруг среднего квадрата образуют как бы надпись» [Протокол., 1894б, с. 136–137]. От Г. К. Месаксуди³¹ поступил обломок терракоты в виде Эрота на петухе [Протокол., 1891б, с. 139].

³⁰ В 1894 г. Н.И. Веселовский вновь приехал в Керчь на несколько дней с целью произвести «маленькую археологическую раскопку». Работы велись им на участке Пантикапейского некрополя по Карантинному шоссе на земле мещанки А. Волченко, но удалось обнаружить лишь 3 или 4 нетронутые гробницы [Императорская..., 2019, с. 464].

³¹ Месаксуди Григорий Константинович (1866 – 1 декабря 1915), старший сын Константина Ивановича Месаксуди, основавшего в 1860-х гг. в Керчи табачную фабрику. В последние годы жизни отца он фактически ею руководил. Избирался в гласные городской думы, члены оценочно-раскладной комиссии при городской управе, состоял членом различных общественных и благотворительных организаций, в том числе Керченского отделения Всероссийского общества спасания на водах и Керченского Троицкого православного братства. После смерти К.И. Месаксуди в 1909 г. его наследники основали акционерное общество – Товарищество табачной фабрики «Наследники К.И. Месаксуди» с капиталом в 2,5 млн. руб. Во главе правления встали братья Григорий, Петр, Дмитрий и Иван Месаксуди. Однако в 1910 г. Григорий, уличенный в скрытии крупных партий табака с кавказских плантаций, был исключен из состава правления и изгнан из семьи. Он переехал на постоянное жительство в Ялту, где находилось родовое имение его матери. Здесь он и жил до своей смерти. Согласно условиям его завещания, кроме дома с обстановкой, оставленного жене – Матрене Федоровне, все движимое и недвижимое имущество должно было продано, а вырученные деньги направлены на благотворительность. Большую их часть (20%) должно было получить Греческое королевство и использовать на устройство начальных училищ и на стипендии для учащихся училищ. Остальные средства распределялись между Керчь-Еникальским городским общественным управлением, различными благотворительными обществами Керчь-Еникальского градоначальства, церковью Иоанна Предтечи и Топловским монастырем [Янници, 2002; Боровкова, 1999, с. 107–116; Быковская, Санжаровец, 2015, с. 322–330]. Что касается подарка Г. К. Месаксуди музею ТУАК, о нем ничего не известно. Скорее всего, это было не более чем разовое пожертвование, случайно попавшей к нему вещи. В 1895 г. он подарил Мелек-Чесменскому музею два фрагмента мраморной плиты с надписью 57 г. н. э., найденных при строительстве особняка семейства Месаксуди на 1-й Босфорской улице (ныне здание Керченского заповедника по ул. Свердлова) [Шкорпил, 1896, с. 1–3]. Тогда же он пообещал В.В. Шкорпилу (дальнему родственнику семейства Месаксуди по линии жены – Лидии Христофоровны, в девичестве Лебешки) передавать этому музею все «камни с надписями», если таковые будут найдены «при заглаваемых им постройках» [289 заседание..., 1896, с. 3]. Единственный, кто увлекался древностями в семье Месаксуди, – это Петр Константинович (1 февраля 1875 – 1952), брат Г.К. Месаксуди. Л.Х. Шкорпил, вдова В.В. Шкорпила, в письме от 18/21 февраля 1919 г. написала Л.А. Моисееву о нем: «Он занимался древностями под руководством моего мужа» [Гриненко, 2005, с. 345–346]. 2/15 января 1919 г., после убийства В.В. Шкорпила, он был назначен Крым-

Но были и находки, которыми комиссия не заинтересовалась. В их числе оказались сабля, стрела, удила и «две стрелы» (наконечника?), найденные крестьянами Иваном Коноваловым и Степаном Овчинниковым на земле поселян дер. Васильевка Сарайминской волости Феодосийского уезда (деревня находилась в Васильевской балке на северном берегу Чурубашского озера, ныне не существует). Таврическое губернское правление отношением от 21 июня 1894 г. препроводило эти вещи в ТУАК, которая возвратила их и сообщила, что они «имеют некоторое археологическое значение, хотя не составляют особой редкости». Скорее всего, именно поэтому их описание, датировка и обстоятельства находки приведены в «Известиях» не были, поэтому остается лишь догадываться, относились ли они к печенежско-половецкому, золотоордынскому периодам или ко времени Крымского ханства [Протокол., 1894б, с. 133].

Приходилось ТУАК заниматься и необычными делами, в частности контролем за кладоискателями, которые пытались легализовать свою деятельность посредством получения разрешения на поиски в официальных инстанциях. Так, к примеру, ИАК отношением от 7 марта 1895 г. сопроводила в комиссию копию прошения поселянина дер. Розенталь Зуйской волости Якова Матвеевича Фольмана о разрешении ему открыть клад на земле дер. Кашик Феодосийского уезда [Протокол., 1895б, с.180]. Ныне это урочище Слюсареве на Керченском полуострове, где раньше находилась дер. Кашик (Кашик-Джермай) [Ковыркин, Санжаровец, 2014, с. 499]. Члены ТУАК постановили «обратить внимание губернской администрации на это место и просить иметь наблюдение, чтобы там не производилось самовольных раскопок» [Протокол., 1895б, с. 180].

В 1896 г. А. В. Новиков прислал для музея комиссии 4 фотографии и описание терракотовой детской игрушки – повозки из его коллекции, найденной на некрополе Глинище, о чем и было доложено на заседании 17 января [Протокол., 1896б, с.160]. Об этой находке, как о «курьезной», еще в 1891 г. упомянул А.А.Бобринский в письме В. В. Латышеву, которому А. В. Новиков также обещал прислать ее фотографию [Застрожнова, 2020, с. 168]. Фотографию этой повозки К. Е. Думберг послал с письмом В. В. Латышеву 9 сентября 1894 г. [Застрожнова, 2020, с. 170, рис. 4]. В 1900 г. А. В. Новиков продал ее вместе с другой повозкой и со многими остальными предметами из своей коллекции Эрмитажу. Впоследствии она неоднократно публиковалась вместе с другими подобного рода игрушками, найденными в некрополях Боспора [Беньковский, 1904, с. 65, № 2; Штерн, 1922, с. 26–28,

ским краевым правительством заведующим Керченским музеем, но пробыл в этой должности недолго, выехав, «поспешно для лечения жень» в апреле 1919 г. за рубеж, и как оказалось, навсегда покинув Россию, выдав доверенность на управление музеем вдове В.В. Шкорпила [Виноградов, 2021, с.281; Лазенкова, 2006, с. 21–22; Гриненко, 2005, с. 347–349]. В 1920 г. Лувр и Музей национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Лэ приобрели его коллекцию (или часть ее), включая купленные им предметы из собраний И.А. Терлецкого и семейства Бок, а также богатый погребальный инвентарь из «гробницы Месакуди», раскопанной летом 1918 г. на южном склоне г. Митридат [Жижина, 1990, с. 229; Казанский, 2016, с. 206–215].

рис.34; см. лит.: Бутягин, 2021, с. 103, рис. 1, 1; Шаповаленко, 2014, с. 61, фото 8].

В этом же году в ТУАК сменился председатель. Вместо отказавшегося от этой должности в связи с переездом в Санкт-Петербург А. Х. Стевена 22 февраля 1896 г. на заседании был избран Таврический губернский предводитель дворянства, камергер Двора Его Величества, действительный статский советник В. В. Олив, член комиссии со дня ее основания, хотя и не участвовавший в ее научной деятельности, но поддерживавший финансово и неоднократно жертвовавший древности музею ТУАК [Протокол., 1896в, с. 159]. Он «мечтал употребить все усилия и все свое влияние на то, чтобы обеспечить комиссию постоянным и соответствующим ее нуждам помещением», однако председателем ему довелось побыть немногим более месяца – 3 апреля 1896 г. он умер. На заседании 11 апреля присутствовавшие почтили его память вставанием. Тогда же был избран новый председатель – генерал-майор в отставке Александр Никифорович Ильин [Протокол., 1896г, с. 161, 163; Отчет., 1897, с. 106; Постановления Феодосийского., 1896, прилож. 1, с. 1]. После смерти В. В. Олива родственники передали музею ТУАК от его имени еще один дар – серебряную медаль в память окончания постройки Исаакиевского собора и алюминиевую медаль в память «Бозе почившего» императора Александра III [Протокол., 1897а, с. 159].

На заседании 6 марта 1897 г. в члены комиссии был предложен заведующий административным отделом Кабинета Его Величества Анатолий Викторович Половцов [Протокол., 1897б, с. 117], благодаря очерку «Русские Помпеи» которого, опубликованного в «Московских ведомостях», широкую известность получил один из склепов на Нимфейском некрополе с рельефными изображениями (апотропеями) Афины, Пана, Сатира и Селена на стенах (склеп № 7 по нумерации Н. Л. Грач) [Грач, 1999, с. 132–137], вскрытый в 1899 г. с разрешения А. В. Новикова – владельца земли, на которой он находился [Половцов, 1900; Виноградов, 2020, с. 203, 211–213]³². Когда его избрали, в протоколе следующего заседания такой информации не приведено. Но на заседании 8 октября 1897 г. заслушали его благодарственное письмо по случаю избрания [Протокол., 1898а, с. 200]³³.

³² Этой заметкой заинтересовался М.И. Ростовцев, и в 1905 г. для него склеп был повторно открыт А.В.Новиковым – владельцем земли, на которой он находился. В книге «Античная декоративная живопись на юге России» М. И. Ростовцев привел его описание и чертеж. Особое внимание уделил рельефным апотропеям, сопроводив их фотографиями керченского фотографа М.С. Рубанчика. Склеп он датировал «позднеримским временем», не ранее II в. н.э. [Ростовцев, 1914, с. 394–397, рис. 71; Ростовцев, 1913, табл. ХСVI; Ростовцев, 1925, с. 254]. Упоминается этот склеп и в письме В.В. Шкорпила Б.В. Фармаковскому от 10 апреля 1906 г. В нем он описал обстоятельство его открытия в 1899 г. со слов Ивана Анищенко, который когда-то и ограбил склеп, а потом стал музейным надсмотрщиком. В склепе находилось 9 погребенных в деревянных гробах. При них были найдены стеклянные сосуды, золотые серьги, колечки, перстни, бусы из золота, янтаря и пастового стекла. Через несколько дней осмотреть его приехали А.В. Новиков и К.Е. Думберг. Всего же, по словам И. Анищенко, им было ограблено в этом районе порядка 40 склепов [Федосеев, 2016, с. 510–511].

³³21 января 1905 г. он скончался. На тот момент он состоял начальником общего архива Министерства Императорского двора.

На заседании 1 декабря 1897 г. в члены комиссии был предложен директор Керченского музея древностей К. Е. Думберг³⁴ [Протокол., 1898б, с. 209] и 27 марта следующего года его избрали [Протокол., 1898в, с. 216]. В 1898 г. ИАК связалась с ним по поводу препровождения в музей ТУАК возможно большего числа имеющихся в Керченском музее дубликатов находок, о чем и уведомила комиссию отношением от 16 мая [Протокол., 1899а, с. 89].

28 ноября 1898 г. А. И. Маркевич предложил в члены ТУАК известного коллекционера Турвонта Венедиктовича Кибальчича (1848–1913), почетного вольного общника Императорской Академии художеств и действительного члена Императорского Русского археологического общества, открывшего в 1877 г. в Киеве археологический музей. Достойное место в его в частном собрании занимали античные и средневековые древности, найденные в Керчи [Протокол., 1899б, с. 112; Археологические., 1874, с. 346–347, 356; Кибальчич, 1876; Кибальчич, 1896а; Кибальчич, 1896б; Кибальчич, 1910] и 12 декабря он был избран [Протокол., 1899в, с. 115].

27 марта 1899 г. в члены комиссии был предложен академик Никодим Павлович Кондаков [Протокол., 1899г, с. 101], в круг интересов которого на протяжении длительного времени входили античные и христианские древности Боспора. В частности, в своих работах он неоднократно обращался к проблеме датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи [Кондаков, 1877, с. 16–25; Толстой, Кондаков, 1891, с. 32; Протоколы., 1909, с. 69]. Внес он свой вклад и в изучение античных памятников. В 1876 г. провел раскопки на Нимфейском некрополе и составил его план [Силантьева, 1959, с. 11, рис. 1]. В 1883 и 1885 гг. Н. П. Кондаков исследовал гробницу Змеиного кургана в западной оконечности Юз-Обы (по мнению Ю. А. Виноградова, курган Мирзы Аметши Кекуватского) [Отчет., 1891, с. XXXI–XXXII, LXXXIII–LXXXIV]. В 1889 г. по заявлению члена ТУАК А. В. Новикова ИАК командировала Н. П. Кондакова в Керчь провести детальный осмотр церкви Иоанна Предтечи накануне предстоя-

³⁴ Думберг Карл Евгеньевич (Карл Теодор Роберт Георг) (12 октября 1862 – 2 мая 1931) родился в семье остзейских немцев. Обучался на историко-филологическом факультете Дерптского университета. В 1898–1891 гг., будучи старшим преподавателем истории и географии Николаевской гимназии в Ревеле, состоял членом Ученого Эстонского общества при Дерптском университете и выполнял обязанности хранителя Нумизматического кабинета. С 31 марта 1891 г. по 15 июля 1901 г. был директором Керченского музея древностей. В 1894 г. избран действительным членом ООИД. С октября 1896г. по январь 1897 г. участвовал в проведении переписи населения, состоял заведующим 3 участком Керчь-Еникальской особой переписной комиссии [Борщик, 2022, с. 657], за что был пожалован бронзовой медалью. 6 января 1897 г. награжден серебряной медалью «В память царствования императора Александра III» и орденом Св. Анны 3-й степени. В 1900 г. избран член-корреспондентом Русского археологического общества. 15 июля 1901 г. уволен со службы с пенсией 333 руб. 33 коп. в год в чине надворного советника [Императорская., 2009, с. 338]. С 1901 по 1915 г. состоял членом Статистического комитета Керчь-Еникальского градоначальства. С 1915 г. работал старшим преподавателем и инспектором частной гимназии, позднее – ассистентом минералогического кабинета Дерптского университета. После 1918 г., скорее всего, переехал в Германию [Лазенкова, 2001, с. 72–77; Федосеев, 2001, с. 24; Федосеев, 2017, с. 122–123; Императорская., 2009, с. 322–338; Мальберг, 2014, с. 80–82, рис. 4].

щего капитального ремонта. В своем отчете он рекомендовал провести его с рядом реставрационных мероприятий, которые позволили бы в дальнейшем акцентировать внимание на ее древних архитектурных элементах [Протоколы..., 1909, с. 69–70]. Принят в члены ТУАК Н. П. Кондаков, по-видимому, на заседании 12 мая 1899 г., за что поблагодарил в письме, зачитанном на заседании 25 сентября [Протокол..., 1899д, с. 108].

Вместе с Н. П. Кондаковым в члены комиссии был предложен, а затем и избран профессор Новороссийского университета и хранитель музея ООИД Эрнест Романович фон Штерн (с 20 апреля 1909 г. член ИАК, с 1911 г. профессор Галльского университета) [Протокол..., 1899г, с. 101; Протокол..., 1899д, с. 108], посвятивший две свои работы склепам конца IV – первой половины V в. н. э., раскопанным в 1896 г. в Керчи на Глинище по ул. Братской в саду Константина Лонгиновича Верле, серпуховского мещанина, на тот момент помощника бухгалтера (позднее бухгалтера) Керченского городского общественного банка (раскопки А. А. Дирина – дворянина, помещика, коллекционера, с 1896 г. члена ООИД, с 4 марта 1902 г. по конец 1903г. заведующего музеем Мелек-Чесменского кургана) [Штерн, 1897, с. 1–15, лист 1] и во дворе Корнеева в пер. Школьный рядом с садом Александровского училища (Глинищанской народной школы, раскопки «счастливчиков») [Штерн, 1898, с.271–292, табл. А1; А2; Б].

На заседании ТУАК 5 мая 1900 г. в ее члены был предложен протоиерей Симферопольского кафедрального собора, член духовной консистории Таврической епархии, законоучитель Симферопольской женской гимназии и председатель правления Таврического епархиального свечного завода Александр Павлович Сердобольский, незадолго до этого практически два года бывший благочинным церковью Керченского округа [Протокол..., 1901а, с. 82]³⁵. На заседании 8 июня он был избран и присутствовал на нем [Протокол..., 1901б, с. 82, 88]. Занимался ли он научной деятельностью, неизвестно, но в 1903 г. пожелал быть депутатом от ТУАК на Археологическом съезде в Твери, кроме того, ревизовал отчеты казначеев ТУАК, а в 1913 г. участвовал в работе временной комиссии, созданной для обсуждения вопросов проведения в Крыму очередного Археологического съезда.

В 1900 г. ИАК отношением от 20 мая вновь пополнила собрание музея ТУАК. На этот раз 86 монетами (69 – Пантикапея, 5 – Фанагории, 5 – Амиса, 7 – Горгиппии), найденными в 1897 г. на территории Брянского металлургического завода в Керчи [Протокол..., 1901б, с. 82].

³⁵Сердобольский А. П. (1865–1937? гг.) 23 июля 1895 г. был назначен настоятелем Св. Троицкого собора г. Керчи. С 23 июля 1895 г. по 24 марта 1897 г. благочинный церковью Керченского округа Таврической епархии [Таврические..., 1895, с. 757; Таврические..., 1897, с. 275]. Состоял председателем Керченского окружного миссионерского комитета, председателем Керченского отделения епархиального училищного совета и почетным членом Керченского городского попечительства Мариинского детского приюта [Календарь..., 1896, с. 159]. 21 января 1896 г. стал председателем временного правления Керченского общества «Ясли». Позднее был избран председателем в постоянный его состав [Полицейский..., 1897б].

На заседании 18 января 1901 г. в члены комиссии был избран еще один церковнослужитель, судьба которого на какой-то период оказалась связанной с Керчью, – Таврический епархиальный миссионер (Таврического епархиального комитета по делам раскола и сектантства), делопроизводитель Таврического отдела Императорского Православного Палестинского общества, член Таврического епархиального училищного совета, член совета Епархиального женского училища, священник Владимир Григорьевич Станиславский [Протокол..., 1901в, с. 103]. 17 сентября 1903 г. он был возведен в сан протоиерея с назначением в Керчь настоятелем Св. Троицкого собора, благочинным церковью Керченского округа Таврической епархии, председателем Керченского окружного миссионерского комитета и председателем Керченского отделения епархиального училищного совета [Таврические..., 1903, с. 1111]. Эти должности он занимал вплоть до ареста 28 декабря 1920 г.³⁶ В. Г. Станиславский в первое время часто посещал заседания ТУАК, затем все реже и реже. В чем заключалась его деятельность как члена комиссии, неизвестно.

На заседании 18 января 1901 г. в члены ТУАК были также предложены преподаватель французского языка Феодосийской мужской гимназии Людвиг Петрович Колли и преподаватель географии и истории Керченской мужской гимназии Хрисанф Хрисанфович Зенкевич [Протокол..., 1901в, с. 103]. 21 марта их обоих избрали [Протокол..., 1902а, с. 141].

Л. П. Колли (23 декабря 1849 – 28 декабря 1917 / 10 января 1918) отдал много сил и энергии изучению древностей Феодосии и ее окрестностей, включая западную оконечность Керченского полуострова и крепость Арабат³⁷. С 1879 по 1906 г. он преподавал в Феодосийской мужской гимназии (до 1883 г. – прогимназия), параллельно длительный период и в женской гимназии. В 1900 г. назначен заведующим Феодосийским музеем древностей и оставался на этой должности вплоть до своей смерти. 23 октября 1900 г. избран членом-корреспондентом ООИД, с 25 февраля 1904 г. – действительный его член.

Что касается Х. Х. Зенкевича, он четверть века прожил в Керчи, состоявшийся здесь не только как педагог, но и общественный деятель, краевед, историк – автор первой научно-популярной книги о городе – «Керчь в прошедшем и настоящем» (1894 г.)³⁸. Как член комиссии он ничем себя особым не проявил. В частности, так и

³⁶ Революционным военным трибуналом Восточного побережья Крыма он был приговорен к расстрелу, замененным лишением свободы на 20 лет. Но 10 мая 1921 г. его амнистировали. Дальнейшая судьба неизвестна.

³⁷ Его биография в одном из номеров «Известий» ТУАК опубликовал А. И. Маркевич [Маркевич, 1918б, с. 208–214]. В этом же номере В. Д. Гейман поместил свои воспоминания о его последних днях и похоронах [Гейман, 1918, с. 215–217]. Из современных биографических очерков о нем отметим статью Э. Б. Петровой [Петрова, 2015, с. 44–510].

³⁸ Зенкевич Хрисанф Хрисанфович (? – 11 марта 1917). С 1880 (или 1879 г.) г. по 1904 г. – преподаватель истории и географии Керченской Александровской мужской гимназии, с 1892 г. – статский советник. 24 декабря 1887 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, 28 декабря 1890 г. – орденом Св. Анны 3-й степени. С 1904 по 1906 г. – исправляющий обязанности инспектора Комратского реаль-

не прислал свои статьи и воспоминания очевидцев Севастопольской обороны, о чем уведомил в письме ТУАК, доложенном на заседании 17 ноября 1903 г. [Протокол., 1903б, с. 64]. Скорее всего, этому помешал его переезд в Комрат, куда он был переведен исправляющим обязанности инспектора реального училища.

В 1901 г. отношением от 8 марта заведующий Керченского музея древностей уведомил, что, согласно распоряжению ИАК, придет для музея ТУАК очередную подборку «керченских древностей». На заседании 21 марта члены комиссии постановили сообщить ему, какие из категорий находок были бы наиболее желательны к отсылке [Протокол., 1902а, с. 140]. Отношением от 6 июля К.Е.Думберг выслал несколько десятков изделий из золота, серебра, бронзы, железа, глины и гипса [Протокол., 1902б, с. 144–146]. На заседании 20 сентября сообщили также об очередном пожертвовании А. В. Новикова, передавшего музею найденные «вблизи Керчи» (скорее всего, на некрополе Нимфей) «две чернолаковые пантикапейские патеры с двумя ручками и мифологическим рисунком», два чернолаковых светильника «с рисунками в виде дуг», чернолаковую «чашку» с вертикальной и горизонтальной ручками и «чернолаковую чашку или солонку» с граффити в виде «греческих букв» [Протокол., 1902б, с. 157]. Мурза Ислям Ширинский, из многочисленного и известного рода землевладельцев Феодосийского уезда, подарил 4 пантикапейские монеты, где найденные, неизвестно, о чем и было доложено на заседании 30 октября [Протокол., 1902в, с. 160].

На заседании 5 сентября 1903 г. в члены ТУАК был предложен директор Керченского музея древностей В. В. Шкорпил³⁹ [Протокол., 1903а, с. 58], 17 ноября он был избран [Протокол., 1903б, с. 66]. В 1907 г., учтя специфику деятельности комиссии, он поместил в «Известиях» ТУАК свою первую статью – «Из архива Керченского музея древностей». В первой ее части В. В. Шкорпил опубликовал за-

ного училища. С 1906 по 1912 г. – исправляющий обязанности инспектора Евпаторийской гимназии. В 1912–1917 гг. исправляющий обязанности инспектора в Аккерманской гимназии. Автор нескольких книг и учебных пособий [Зенкевич, 188; 1894а; 1894б; 1910а; 1910б; 1914] и очерка «Керчь и ее достопримечательности» («Краткий исторический очерк Керчи») многократно издававшегося в «Памятной книжке Керчь-Еникальского градоначальства» [см. напр.: Зенкевич, 1907; 1914].

³⁹ Шкорпил Владислав (Ладислав) Вячеславович (5 ноября 1853, Високе Мито, Чехия – 14 (27) декабря 1918, Керчь). Родился и вырос в Восточной Чехии. Учился в классической гимназии Литомышля, Пражской академической гимназии, Карловом университете, Русской филологической семинарии при Лейпцигском университете. С 7 сентября 1878 г. по 1886 г. – учитель древних языков в Ялтинской мужской прогимназии. С 1886 г. по 1904 г., в 1910–1913 гг. – преподаватель латинского языка Керченской Александровской мужской гимназии. В 1894 г. избран членом ООИД. С 1894 по 1902 г. заведовал музеем Мелек-Чесменского кургана. 16 июля 1901 г. назначен директором Керченского музея, 5 января 1902г. стал членом ИАК. Директором музея оставался вплоть до своей смерти [Императорская..., 2009, с. 397]. Биографические данные В.В. Шкорпила и список его научных работ за 1874–1918 гг. [Шестаков, 1993, с. 5–6; Шестаков, 2003, с. 291–294; Шестаков, 2007, с. 147–152; Шестаков, 2013, с. 54–56; Шестаков, 2016, с. 560–564; Шестаков, Шестакова, 2016, с. 42–55; Шестаков, 2022, с. 124–129]. О его вкладе в создание Херсонесского музея см.: [Гриненко, 2005, с. 330–359].

писанную 19 июня 1876 г. Е. Е. Люценко⁴⁰, «исповедь» М. Ф. Сазонова⁴¹ – офицера Керчь-Еникальской бригады пограничной стражи, в которой он рассказал о способах подделки им боспорских монет. Во второй – донесение от 10 декабря 1840 г. о кон-

⁴⁰ Люценко Ефим Ефимович (1810 – 18 мая 1888), младший брат директора Керченского музея древностей А. Е. Люценко, археолог, нумизмат [Избаш, 2008, с. 270–271; Избаш-Гочкан, 2015, с. 254–260]. В 1871 г. статский советник Е. Е. Люценко избран корреспондентом ООИД. В Керчи жил периодами, примерно с 1866 по 1880 г. вместе с братом в помещении при музее на Николаевской ул. (ныне К. Маркса) «в бывшем доме Петровых-Соляных» [Люценко, 2014, с. 606].

⁴¹ Сазонов Михаил Федорович (ок. 1835 – после 1876). До перевода в пограничную стражу служил на Кавказе в Крымской пехотном полку, с 1860 г. – прапорщик. Отрядный офицер Керчь-Еникальской бригады Феодосийского таможенного округа (1860–1863). Отрядный офицер Керчь-Еникальской бригады пограничной стражи Таганрогского таможенного округа (1863–1864). Уволенный из пограничной стражи, вновь определен на службу 16 июля 1865 г. Отрядный офицер Керчь-Еникальской бригады пограничной стражи Керчь-Еникальского таможенного округа (31 июля 1865 – 1866). Запасной офицер при штабе той же бригады (26 сентября 1866 – 1871). В апреле 1869 г. произведен в штабс-капитаны. Зачислен по пограничной страже (26 июня 1871 – 30 июня 1872). Уволен от службы в чине капитана 30 июня 1872 г. Получил широкую известность как фальсификатор античных монет, его высочайшего качества подделки разошлись по многим частным и музейным коллекциям [Зверев, 2022, с. 99–106]. Упоминается он в этом качестве в полной версии «Археологической оды» Е.Е. Люценко 1878 г. [Маркевич, 1910, с. 70]. Благодаря ему известно, что подделка М.Ф.Сазонова продавались через агентов купца Букзиля Копеля Борисовича, известного керченского торговца древностями – «Власа, Макара» и Вайнштейна Осипа К. (после крещения – Николая), купца из одесских евреев, имевшего в Керчи «посудную и ламповую торговлю». Вероятно, он был сыном Сазонова Федора Яковлевича, потомственного почетного гражданина, керченского купца 1-й гильдии, в 1845–1852 гг. упоминавшегося в «Новороссийских календарях» в качестве члена Керчь-Еникальского строительного комитета и члена от купечества Керченского карантина. В 1852 г. Ф.Я.Сазонов состоял членом строительной комиссии по сооружению часовни Св. Георгия в пос. Катерлез. Как и многие керченские купцы первой половины XIX в., не брезговал заниматься скупкой и продажей древностей. В 1840-е гг. граф С.А. Уваров и известный нумизмат П.П. Сабатье, будучи в Керчи, купили у «купца Сазонова много древних золотых монет и вещей» [Ашик, 1849, III, с. 60, прим. 1]. Впрочем, иногда, древностями он интересовался не только с корыстными побуждениями. В частности, в 1842 г. уведолил ООИД о древней иконе «Распятия Господня с древней под ним греческой надписью», хранившейся в керченской церкви Иоанна Предтечи [Отчет., 1842–1843, с. 10]. В 1860-е гг. керченский скупщик древностей Арон Обершмуkler (отец Генриха и Адольфа (Юды) – керченских купцов, владельцев в начале XX в. одной из крупнейших в Керчи мукомольных паровых мельниц) приобрел у Сазонова в 1866 г. золотые вещи из кургана, ограбленного крестьянами на Нимфейском некрополе. В 1867 г. у Обершмуклера эти вещи выкупила ИАК и передала в Эрмитаж [Силантьева, 1959, с. 7]. В данном случае речь, возможно, идет о сыне Ф. Я. Сазонова – Николае Федоровиче – потомственном почетном гражданине, керченском купце, владевшем во второй половине 1850-х гг. лавками на Магистратской площади. В разные годы между 1870-ми – 1890-ми гг. он состоял председателем Сиротского суда, гласным Керчь-Еникальской городской думы, Феодосийского уездного земского собрания, почетным мировым судьей по Керченскому мировому округу, членом от Керчи Феодосийского уездного училищного совета, попечителем Аджимушкайского, Баксинского, Осовинского, Булганакского, Катерлезского и Капканского народных училищ. Что касается М.Ф. Сазонова, если он в действительности был сыном Ф.Я. Сазонова, становится понятным его увлечение подделками античных монет – ими, благодаря отцу, торговцу древностями, он мог заинтересоваться еще в детстве.

фликтах между двумя конкурировавшими в 1830-е – 1840-е гг. керченскими археологами А. Б. Ашиком и Д. В. Карейшей [Шкорпил, 1907, с. 61–73].

На заседании 2 октября 1907 г. было зачитано его письмо, в котором В. В. Шкорпил сообщил, что подготовит для «Известий» ТУАК статью о кургане «Малая Близница» на Таманском полуострове, но только после того, как доследует его, поскольку он не был до конца раскопан С. И. Веребрюсовым [Протокол., 1908а, с. 257].

В 1908 г. он опубликовал в «Известиях» следующие части статьи «Из архива Керченского музея древностей». В основу третьей ее части была положена рукопись Е. Е. Люценко «Г. Арпа и Щербина», датированная 21 января 1870 г. В ней были изложены обстоятельства находки 4 октября 1850 г. мещанином Михаилом Щербиной в кургане на территории его домовладения в предместье Глинище (к северу от Мелек-Чесменского кургана, на начало XX в. дом № 21 по 2-й Продольной ул.) мраморной мужской статуи и последовавших за этим раскопках А. М. Арпы – зятя заведующего Керченским музеем древностей А. Б. Ашика – штаб-лекаря, главного медицинского чиновника Керченского карантина⁴², который нашел еще одну мраморную статую, на этот раз женскую [Северная пчела, 1851, с. 115; Древние..., 1851; Москвитянин, 1851]. Далее речь шла о «наглom обмане» А. Б. Ашика, который в «чаянии предстоящих ему и его родственнику наград» присвоил себе честь открытия М. Щербины, за что, с подачи Н. Н. Мурзакевича и К. Р. Бегичева был в 1851 г. уволен с должности министра МВД Л. А. Перовским [Мурзакевич, 1889, с. 253–254]. Как впоследствии написал сам А. Б. Ашик: «...сила обстоятельств столкнула меня с жизненного пути» [Страдания..., 1877, с. 214]. В четвертой части статьи В. В. Шкорпил опубликовал донесение А. Б. Ашика Керчь-Еникальскому градоначальнику З. С. Херхеулидзе от 16 декабря 1845 г. об остатках древних сооружений в Керчи и ее окрестностях – «Митридатом кресле» на восточной вершине г. Митридат («скала со ступеньками, местами обтесанная», на которой «вероятно, была в древности воздвигнута статуя»), остатках древнего мола («Генуэзского мола» или «Генуэзского рифа») длиной 160 сажений, городище Мирмекий, кургане Куль-Оба, Золотом и Царском курганах, Тиритакском («первая межа милисийцев»), Узунларском («первой эпохи Воспорской монархии») и Ак-Монайском («Левкона, царя Босфорского») валах, церкви Иоанна Предтечи (датированной 757 г. по надписи Кириака на колонне), а также, высеченных в скале гробницах, гробницах «с дугообразным сводом... римской эпохи» и склепах с росписями – раскопанном в 1841 или 1842 гг. А. Б. Ашиком [Ашик, 1845,

⁴² Арпа Антон Михайлович, упомянут Н.Н. Мурзакевичем как «мальтиец», был женат на дочери А.Б.Ашика (Серафиме или Ольге), в 1840–1852 гг. – штаб-лекарь, главный медицинский чиновник Керченского карантинa (в 1840–1844 гг. – исправляющий должность лекаря). После увольнения А.Б. Ашика с должности директора Керченского музея древностей и переезда в Одессу А.М. Арпа последовал за ним. В 1852–1855 гг. служил главным медицинским чиновником Одесского центрального карантинa. С 1 июня 1854 г. (после смерти А.Б. Ашика) по 6 июня 1855 г. одновременно исправлял обязанности заведующего Одесской публичной библиотекой. После 1855 г. в качестве состоящего на государственной службе в справочных изданиях не упоминается.

с. 406–408; Ашик, 1845б; Кулаковский, 1896, с. 4–5] и т. н. «склепе пигмеев», открытым Д. В. Карейшей в 1832 г. [Ростовцев, 1906, с. 213–214]. В пятой части статьи он сообщил о расписных склепах, открытых в 1864 и 1868 гг. на Таманском полуострове (в курганах «Большая Близница» и Васюринской горе) [Шкорпил, 1908, с. 56–72].

На заседании 9 февраля 1907 г. председатель комиссии доложил о письме Л.П.Колли, в котором помимо состояния древней мечети в дер. Карагоз Феодосийского уезда шла речь о «хищнических раскопках» на Керченском полуострове вдоль побережья Азовского моря. Со слов знакомого ему «счастливчика», у которого он приобрел для Феодосийского музея 25 предметов (амфоры, терракоты, бронзовое зеркальце и проч.), «в степи» в урочищах «Миссир и Куль-Тебэ... находится много гробниц»⁴³. Большая их часть «разорена и расхищена». По мнению Л.П. Колли, там должно было находиться большое греческое поселение, но за отсутствием свободного времени и средств обследовать этот район ему пока не удалось [Протокол..., 1907, с. 107–109].

В 1908 г. Л. П. Колли вновь обратился к керченской тематике, подготовив краткое сообщение о Керчь-Еникальском градоначальнике З. С. Херхеулидзе – «Князь Захар Семенович Херхеулидзев» с выпиской из записок декабриста Н. И. Лорера⁴⁴. Оно было зачитано на заседании 5 ноября 1908 г., после чего члены комиссии постановили опубликовать его в одном из ближайших номеров «Известий» ТУАК [Протокол..., 1909а, с. 155]. Но издано оно так и не было.

На заседании 20 марта 1909 г. А. К. Романюком в члены ТУАК был предложен чиновник управления государственных имуществ Таврической губернии Усеин Абдредиевич Боданинский [Протокол..., 1909б, с. 179], избранный 24 сентября [Протокол..., 1910, с. 104]. С Керченским полуостровом его пути пересеклись только

⁴³Речь идет об окрестностях татарских деревень на Караларском побережье – Куль-Тобе (Куль-Тебе, Куль-Тепе) в 2,5 км западнее устья Серной балки, в 1 км южнее берега Азовского моря и Мисыр (Мысыр, Мысырь) на западном берегу Чокракского озера, на северном слоне Мысырской балки [Ковыркин, Санжаровец, 2014, с. 479, 484]. С 1970-х гг. на Караларском побережье Азовского моря разведками А.А.Масленникова выявлены десятки античных и средневековых памятников, в том числе античное поселение Куль-Тепе Западное к северу от бывшей дер. Куль-Тепе [Масленников, 1998, с. 239–242].

⁴⁴Пребывание З.С. Херхеулидзе на посту Керчь-Еникальского градоначальника (2 января 1833 – 27 января 1850 гг.) [Санжаровец, 2000, с. 207–211; Санжаровец, 2015, с. 95–97] пришлось на период «расцвета» боспорской археологии и острой конкуренции в Керчи двух ее «корифеев» – А.Б. Ашика и Д.В.Карейши. Поскольку в их ценных и высокохудожественных находках был лично заинтересован император, З.С. Херхеулидзе, курируя ее как градоначальник, оказался невольным вовлеченным в археологическую «лихорадку», охватившую всех после открытия богатейшего погребения в кургане Куль-Оба. 24 октября 1839 г. его приняли в действительные члены ООИД, в музей которого князь передал антикапейскую расписную вазу и гальванический снимок бронзового кадила X–XI вв., найденного недалеко от церкви Иоанна Предтечи [Боровкова, 1999, с. 25]. Членство З.С. Херхеулидзе в обществе было скорее формальным и статусным, демонстрирующим поддержку властями и лично им его деятельность. Что касается записок Н.И. Лорера, они были изданы гораздо раньше, включая и ту часть, в которой шла речь о его пребывании в Керчи и упоминался З.С. Херхеулидзе [Из записок..., 1874, с. 410–416].

в 1926 г., когда он, уже будучи директором Бахчисарайского дворца-музея и заведующим Бахчисарайского отдела ОХРИСа, при поддержке ЦИК Крымской АССР организовал совместно со Всесоюзной ассоциацией востоковедения этнографическую экспедицию по расположенным на его территории деревням с целью сбора сведений о крымско-татарских памятниках архитектуры, искусства и быта [Волошинов, 2016, с. 122]. Ее материалы, к сожалению полностью так и не были опубликованы. В 1926г. итоги экспедиции У. А. Боданинский кратко изложил на Тюркско-Татарской секции Всесоюзной археологической конференции 1926 г. в Керчи [Боданинский, 1926, с. 6–7; Непомнящий, 2019, с. 411].

Что касается охраны памятников архитектуры, которые ТУАК курировала с момента создания, в 1910 г. в поле ее зрения попала соборная мечеть в дер. Коп-Кипчак Феодосийского уезда (в верховьях Маматской балки, в западной части Керченского полуострова, с 1948 по 1963 г. с. Войково, с 1963 по 1969 г. – с. Журавлиное, ныне не существует) [Ковыркин, Санжаровец, 2014, с. 466]. На заседании 24 сентября 1909 г. было доложено отношение Таврического губернского правления от 24 декабря 1908 г., в котором сообщалось, что вследствие представления Таврического Магометанского духовного правления от 5 ноября 1908г. и журнального определения Таврического губернского правления от 22 декабря 1908 г. эта мечеть «за выездом из деревни татар упраздняялась». Согласно донесению Феодосийского полицейского управления, «она пришла в совершенную ветхость и от нее остались лишь одни стены». Сведений о времени ее постройки не имелось. Члены ТУАК постановили обратиться к ее членам – Л. П.Колли, В.В.Шкорпилу и Абляким-эфенди Куламет-оглу⁴⁵ с просьбой побывать при случае в этой деревне, осмотреть мечеть и прислать о ней собранные сведения [Протокол., 1910, с. 100]. В дальнейшем эта мечеть на страницах «Известий» ТУАК более не упоминалась, поэтому неизвестно, исполнил ли кто-нибудь поручение осмотреть ее. Со временем она разделила участь всех остальных мусульманских культовых построек на Керченском полуострове. За исключением мечети в Керчи, возведенной между 1842–1844 гг., и мечети, построенной в 1914 г. в дер. Кыз-Аул (ныне с.Яковенково), все они были разрушены к середине XX в.⁴⁶

⁴⁵ В 1897–1900 гг. учителем татарского языка и магометанского вероучения при отделении для малолетних детей мурз Симферопольской мужской гимназии состоял Абдуль-Аким Эфенди Куламет-Эфенди-оглу.

⁴⁶ Согласно сведениям, представленным Г. А. Потемкину бароном О. А. Игельстромом в 1783 г., в 132 деревнях, расположенных на территории Орта-Керченского, Тепе-Керченского и Арабатского кадильков Кефинского каймаканства, было 135 «целых» и 2 «разломанных» татарских мечетей. Таким образом, практически в каждой из деревень была одна мечеть, а в трех из них – Чегене, Чорелеке и Коп-Кучугене (соврем с.Золотое и ныне не существ. с. Высокое и Стрелковое) [Ковыркин, Санжаровец, 2014, с. 460, 468, 501] две, и даже три мечети [Камеральное..., 1888, с. 45; Скальковский, 1841, с. 24; Лашков, 1886, с. 120, 127–128, 131–132, 134–135]. Неизвестно, как они выглядели, если не считать краткого описания Ф. Дюбуа де Монпере некоторых из них. В 1834 г., следуя из дер. Тузла (Опук) в дер. Аргин (не сохр.), он остановился в дер. Даут-Эли

В 1910 г. в «Известиях» ТУАК А. И. Маркевич опубликовал стихотворения Е.Е.Люценко и барона В. Г. Тизенгаузена, много потрудившихся в свое время на ниве боспорской археологии. «Археологическая ода» Е. Е. Люценко была издана им в полной версии, датированной 30 января 1878 г.⁴⁷, которую обнаружил М. И.Скубетов в какой-то рукописи, купленной им в Керчи еще в 1896 г., а затем утерянной. В.В.Шкорпил передал А. И. Маркевичу еще два стихотворения А. Е. Люценко и два стихотворения В. Г. Тизенгаузена, в основу которых, как и оды, были положены реальные персонажи, события и археологические находки [Маркевич, 1910, с. 64–89]. Эта публикация, как литературного, так и историографического характера, вызвала живейший интерес А.В.Орешникова и И. А. Сулова. Переданные ими дополнительные сведения о литературном творчестве Е. Е. Люценко и В. Г. Тизенгаузена были изданы А.И.Маркевичем в следующем номере «Известий» ТУАК [Маркевич, 1911, с. 68–73].

На заседании 26 января 1911 г. был предложен и избран в члены ТУАК уроженец Керчи, гласный Таврического губернского земского собрания Дмитрий Дмитриевич Посполитаки⁴⁸ [Протокол., 1912а, с. 10].

(ныне с. Марфовка). В ней он увидел две больших мечети, одна из них была с минаретом. По его словам «их изящество контрастировало с бедностью мечетей в деревнях, которые я только-что проезжал (дер. Куйясс, Узунлар, Чокул, Кенегез) [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 73]. Что касается изображений деревенских мечетей, известны рисунки нескольких из них – в дер. Чурубаш (с. Приозерное), дер. Джау-Тепе (с. Вулкановка, ныне не существует), дер. Баш-Киргиз (с. Яркое, ныне не сущ.), которые были сделаны в 1926 г. У. А. Боданинским (хранятся в коллекции БГИКЗ). Мечеть в дер. Сун-Эли (с. Борисовка) известна по фотографии 1914 г.

⁴⁷Краткая версия, датированная 20 августа 1870 г., была опубликована им в 1902 г. Она была найдена среди бумаг П. О. Бурачкова без подписи. А.И. Маркевич на тот момент предположил, что ее автором был А. Е. Люценко [Маркевич, 1902, с. 14–18].

⁴⁸Посполитаки Дмитрий Дмитриевич (8 апреля 1863 – ?), потомственный дворянин, крупный землевладелец, сын Дмитрия Лукича Посполитаки и второй его жены – Александры Ефимовны. В разные годы избирался почетным попечителем Керченской Александровской мужской гимназии (1869–1877 гг.), гласным Керчь-Еникальской городской думы, Феодосийского уездного и Таврического губернского земских собраний, членом от Керчи Феодосийского училищного совета, участковым распорядителем по истреблению саранчи по Сарайминской волости, одним из попечителей по надзору за скскими дорогами Петровской волости Феодосийского уезда, почетным мировым судьей Симферопольского окружного суда по Феодосийскому уезду, председателем Керченского отделения партии кадетов. Состоял членом Керченского местного управления Российского общества Красного креста. 27 апреля 1892 г. на 3-летний срок был утвержден членом попечительского совета церкви Иоанна Предтечи. Периодически жил в Санкт-Петербурге, за границей и в своем имении Мариенталь под Керчью – одним из лучших в Феодосийском уезде (3100 десятин земли). Начало Первой мировой войны застало его с женой в Люцерне [Список..., 1914, с. 106]. В 1915г. он принял управление санитарным отрядом в г. Жирардов. На 1 марта 1916 г. состоял членом Керчь-Еникальского городского комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам. В 1919 г. был избран городским головой, сменив на этом посту П.К. Месакуди (1916–1919 гг.). В 1920 г. эмигрировал. Когда умер, неизвестно. Был ли Д.Д. Посполитаки увлечен историей и археологией, об этом ничего не известно. Однако М.И. Ростовцев в своем докладе Русскому археологическому обществу (1905 г.) упомянул трех «просвещенных людей» – Д.Д. Посполитаки, Илью Лазаревича Шушака (бывшего учителя латинского языка Керченской мужской гимназии) и Леонарда Антониновича Дуранте (городского голову Феодосии в 1895–1906 гг.), как владельцев земли, на которых находятся «важнейшие части» Узунларского вала, и от которых можно ожидать всяческого содействия в его изучении [Ростовцев, 1906, с. 231].

В этом же году Л. П. Колли вместе с письмом от 26 мая сопроводил в комиссию 11 фотографий памятников древности Феодосии и Феодосийского уезда, в том числе три снимка – с видами Арабатской крепости и два – с видом на фасад и тыльную сторону Арабатской мечети [Протокол..., 1912б, с. 31]. Судьба этих фотографий неизвестна, но, к счастью, как выглядела разрушенная в 1950-е гг. мечеть известно благодаря рисункам К. Ф. Богаевского и У. А. Боданинского (1924–1926гг.), а также фотографиям, сделанным в 1926 г. этнографической экспедицией У. А. Боданинского. Тогда же Б. Н. Засыпкиным был вычерчен ее план [Виноградов, Гончаров, 2010, рис. на с.16; Ломакина, Ломакин, 2019, с. 187–192; Мирас..., 2016а, с. 511, рис.509; Мирас..., 2016б, с. 10–11, рис. 572–573]⁴⁹. Раскопками 1988 г., проводившимися А.Г.Герценым и С. Г. Колтуховым, мечеть была раскрыта лишь с внешней стороны периметра стен, помимо нее раскапывались восточные ворота, пороховой погреб, баня и внутренний двор [Герцен, Колтухов, 2009, с. 144–172].

В 1912 г. В. В. Шкорпил продолжил публиковать в «Известиях» ТУАК серию статей под названием «Из архива Керченского музея древностей». Очередную ее часть он посвятил расписным склепам, открытым на северном склоне г. Митридат – Алкима, 1867 г., склепам 1872, 1873, 1875 гг. и Анфестерия, 1877 г. [Шкорпил, 1912, с. 66–74]. В этом же году В. В. Шкорпил прислал для музея ТУАК фотографию рисунка Ф. И. Гросса развалин средневекового христианского храма в урочище Ай-Андрий близ дер. Улу-Узень (ныне с. Генеральское Алуштинского горсовета), хранящегося в Керченском музее древностей [Протокол..., 1912б, с. 32; Протокол..., 1914а, с. 284]. В 1915 г. ему отправили для изучения 33 эстампажа с клеймами на ручках амфор Синопы из коллекции М. И. Скубетова, результаты которого он представил на заседании 25 февраля [Протокол..., 1915а, с. 246].

В 1912 г., музейная коллекция ТУАК, уже много лет довольно слабо пополнявшаяся керченскими древностями, дополнилась пожертвованием члена комиссии (с 17 декабря 1911 г.), члена Симферопольской городской управы Александра Федоровича Кудрицкого – приобретенными им в Керчи маской Диониса, обломками терракот в виде сидящей женщины, всадника, Гермеса, собаки, гуся, а также глиняными сосудами и светильником [Протокол..., 1912в, с. 246]⁵⁰.

⁴⁹Арабатская «каменная, хорошо построенная мечеть с минаретом» [Паллас, 1999, с. 118; Демидов, 1853, с. 490; Белик, 2016а, с. 66–67, рис. 11; 12А; 15Б] была возведена в 50-е гг. XVIII в. при Крымском хане Арслан-Гирее, реконструировавшем крепость, наиболее ранние упоминания о которой относятся к 1520 г. (Орбат) [Негри, 1848, с. 391–392; Белик, 2015, с. 39; Сборник..., 1895, с. 670]. В 1785 г. впервые о времени постройки мечети сообщил А. В. Жиленков, один из участников «астрономической» экспедиции Ф. О. Чёрного в Крым: «из надписи, находящейся над дверьми оной явствует, что она построена султаном Мустафой III. Внутри мечети на стенах написаны имена владеющего тогда в Крыму хана Арслан Гирея и ближних его» [Кондараки, 1883, с. 59].

⁵⁰ Не был ли он родственником Кудрицкому Александру Лукьяновичу, на начало XX в. столоначальнику канцелярии Керчь-Еникальского градоначальника, и его брату – Константину Лукьяновичу, на начало XX в. помощнику капитана карантинного порта Керченского карантинного округа.

Спустя год в сферу интересов комиссии попало здание старой часовни, находившейся во дворе церкви Иоанна Предтечи в Керчи. На заседании 17 ноября 1913 г. было доложено отношение Таврической духовной консистории от 30 сентября, в котором она уведомляла, что часовня «угрожает падением» и ее по заключению архитектора Керчь-Еникальского градоначальства Генриха-Иосифа Михайловича Салтыкевича (Солтыкевича) необходимо разобрать. В связи с этим консистория обратилась к ТУАК с просьбой сообщить, не имеет ли эта часовня «какого-либо интереса в археологическом отношении». А. И. Маркевич, в свою очередь, испросил помощи в этом вопросе у А. В. Новикова. Он прислал о ней подробные сведения, установив, что ей насчитывается не более 40–50 лет, и она действительно находится в полуразрушенном состоянии, «угрожая падением», поэтому ее целесообразно разобрать. Заслушав его сообщение, члены ТУАК постановили, что к «сломке ее препятствий со стороны комиссии не встречается» [Протокол., 1914а, с. 281; Отчет., 1914, с. 349]. До недавнего времени об этом сооружении ничего не было известно – в какой части церковного двора оно находилось, когда было возведено, как выглядело и какова была его дальнейшая судьба [Пономарев, Бейлин, Бейлина, 2012, с. 139; Пономарев, Бейлин, 2016, с. 324]. На некоторые из этих вопросов ответы не так давно удалось получить керченским краеведам В. Н. и К. Н. Ходаковским. Благодаря архивным документам они установили, что часовня (на самом деле даже не часовня, как ее называли, а вспомогательное сооружение – кладовая для хранения церковного имущества) была сооружена в 1890 г. во время генеральной реконструкции церкви и ее двора, поэтому удивительно, что ее клир и консистория не располагали сведениями о постройке, которой на тот момент насчитывалось чуть менее четверти века. Находилась она к юго-востоку от южной апсиды церкви Иоанна Предтечи (на плане церковного двора 1895 г., хранящегося в научном архиве ИИМК РАН, обозначена литерой J) [Ходаковский, Ходаковский, 2022, с. 388, рис. 3]. В плане часовня имела квадратную форму, но что собой представляла в архитектурном плане, неизвестно, поскольку ни попала ни на одну из известных фотографий южной части церковного двора конца XIX – начала XX в. К 1914 г. она была разобрана, вероятно, не только потому, что угрожала в любой момент разрушением, но и потому, что не гармонировала с возведенной рядом в 1912 г. часовней с фамильной усыпальницей семейства Месаксуди [Санжаровец, 2006, с. 41; Блаватский, 1957, рис. 1], в которой в октябре этого же года были перезахоронены останки К. И. Месаксуди – мецената и основателя одной из крупнейших в России табачных фабрик [Перенесение., 1912, с. 10].

В 1914 г. А. Я. Гидалевич, член ТУАК, коллекционер древностей и археолог-любитель из Севастополя, подарил музею комиссии пять фотографий «древне-иудейских надгробий», найденных в Керчи, о чем было доложено на заседании 3 сентября [Протокол., 1914б, с. 338]⁵¹. Немногом позднее он подарил еще семь фотографий с

⁵¹Арон Яковлевич Гидалевич – купец 1-й гильдии, член Торгово-промышленного комитета Севастополя и владелец типографии «Прогресс». Участвовал в финансировании археологических раскопок на Мангу-

видами Мелек-Чесменского и Царского курганов [Протокол., 1915а, с. 246]. В 1914 г. у Севастопольского коллекционера и торговца древностями Лейпунского были приобретены для музея за 30 руб. чернолаковые керченская ваза и чашка [Протокол., 1915б, с. 239]⁵².

В 1918 г. В. В. Шкорпил опубликовал в «Известиях» ТУАК статью об Археанактидах – первой правящей династии на Боспоре. О ней стало известно на заседании 16 августа 1917 г. [Протокол., 1919б, с. 328]. Автор затронул вопрос о времени возникновения Пантикапея, которое на основании находок расписного сосуда из кургана Темир-Горы (1870 г.), сосудов «стиля Фикеллуры» с г. Митридат (находки 1914, 1917 гг.) и ионийской амфоры с Таманского полуострова, он отнес к концу VII – началу VI в. до н. э. Под Археанактидами Шкорпил подразумевал группу «пантикапейских аристократов... из старинных влиятельных семейств», удерживавших власть и одновременно правивших между 480–438 гг. до н. э. [Шкорпил, 1918в, с. 54–59]. В 1918 г. были изданы последние части из серии его публикаций под общим названием «Из архива Керченского музея древностей», но зачитаны они были гораздо раньше – на заседаниях ТУАК 3 сентября и 13 октября 1916 г. В этой работе он привел выдержки (со своими комментариями) из журналов раскопок А. Е. Люценко Мелек-Чесменского кургана и курганов на хребте Юз-Оба и Павловском мысе в 1858–1860 гг. [Шкорпил, 1918б, с. 97–134]. В январе 1917 г. В. В. Шкорпил поздравил приветственной телеграммой ТУАК с 30-летним юбилеем, пожелав «плодотворной деятельности, содействующей познанию прошлого Тавриды» [Протокол., 1919в, с. 296].

14 (27) декабря 1918 г. он был убит неизвестными (считается, что грабителями могил, с которыми он ранее вступил в конфликт) у двери Керченского музея, в котором находилась и его квартира. Статью-некролог в память о нем в «Известиях»

пе в 1912–1913 гг. и в Херсонесе (на участке «базилики 1935 года»). С 12 февраля 1913 г. состоял членом ТУАК. Убит матросами 22 февраля 1918 г. [Вдовиченко, 2018, с. 29–34; Протокол., 1913б, с. 262].

Какие из иудейских надгробий, найденных в Керчи, были изображены на фото, неизвестно. 30 сентября 1867 г. А.Е. Люценко нашел в районе Павловской батареи на мысе Ак-Бурун обломки надгробий с иудейскими именами [КБН, 1965, №№ 735, 746, 777]. В 1899 г. возле Керченского лазарета на мысе Ак-Бурун было найдено несколько надгробий, из них четыре – с изображением меноры, одна – с двуязычной надписью на иудейском и греческом языках [Шкорпил, 1900, с. 107, 108]. Здесь же в 1912 г. к западу от лазарета было найдено надгробие «Самуила, сына Севера» [Марти, 1913б, с. 71]. Топография их находок позволила утверждать, что в этом районе находились два некрополя первых веков. н.э. с иудейскими участками – в районе Павловского мыса и военного лазарета у Цементной слободки. В 2013 г. между лазаретом и передовым люнетом Керченской крепости Ю.Л. Беликом было найдено еще одно надгробие с иудейской символикой [Белик, 2016, с. 41–43]. Локализацию некрополя в районе Павловского мыса удалось уточнить в 2020 г. находками к западу от форта Тотлебен еще 27 иудейских надгробий II–IV вв. н.э. [Бейлин, Руквишников, Куликов, 2023, с. 131–148; Бейлин, Яйленко, 2022, с. 115–146; Яйленко, 2022, с. 147–174].

⁵² В 1915 г. заведующий раскопками в Херсонесе Л.А. Моисеев купил у него же для ИАК ряд предметов, включая Афонский деревянный резной поставец под крест XVI в. [Смирнов, 1927, с. 147–156].

ТУАК в 1919 г. опубликовал Ю. Ю. Марти⁵³. Он перечислил основные вехи жизненного пути В. В. Шкорпила, его научные достижения и заслуги. Покойный был охарактеризован как «педантично-аккуратный и добросовестный в своих исследованиях и докладах, изумительно точный и осторожный в своих выводах, в совершенстве изучивший классическую старину Керчи, оставивший глубокий след в науке о прошлом Боспора» ученый [Марти, 1919, с. 144–147].

В 1918 г. в одном из номеров «Известий» ТУАК помимо публикаций В.В.Шкорпила была помещена еще одна статья, посвященная античному Боспору, на этот раз М.И.Ростовцева – «Медь Динамии и Аспурга», в которой автор приписал этим властителям серию медных монет с монограммой ВАЕ [Ростовцев, 1918, с.47–53].

⁵³ Марти Юлий Юльевич (2 ноября 1874, Гродно – 1 апреля 1959, Керчь). В 1897 г. окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт. С 10 июня 1897г. по 1920 г. преподаватель древних языков в Керченской Александровской мужской гимназии, с 1914 г. статский советник. 25 февраля 1903г. избран сотрудником ООИД. С 22 марта 1904 г. – заведующий Мелек-Чесменским музеем [358-е заседание..., 1906, с. 17]. 12 апреля 1910 г. стал действительным членом ООИД. 3/16 февраля 1919 г. избран членом ТУАК. После убийства В.В. Шкорпила он предложил свою кандидатуру на место директора Керченского музея, о чем в своем письме Л.А. Моисееву 8/21 февраля 1919 г. написала Л.Х. Шкорпил, считавшая Ю.Ю. Марти «человеком ограниченным и никак человеком не науки» [Гриненко, 2005, с.345–346]. Однако был назначен К.Э. Гриневич, и только с отъездом в конце июля 1921 г. в Петроград [Виноградов, 2021, с. 291] он оставил вместо себя временно исполняющим должность директора Керченского музея Ю.Ю. Марти, о чем упомянул в «Докладе о Керченском музее древностей», составленном 1 августа 1921 г., уже в Петрограде [Виноградов, 2021, с. 294]. Утвердили его, как минимум, тремя месяцами позднее, поскольку в своих письмах К.Э. Гриневичу Ю.Ю. Марти просил об этом 10 августа и 19 августа, а также в письме от 15 октября 1921 г. руководству РАИМК в связи с истечением 3-месячного срока отпуска К.Э. Гриневича и, соответственно, срока своего временного «заместительства» [Непомнящий, 2014а, с. 57; Непомнящий, 2014б, с. 53; Непомнящий, 2017, с. 120; Виноградов, 2021, с. 298–299]. Однако к этому времени музей уже был подчинен Керченскому отделу Крымнаробраза, о чем в феврале 1922 г. в письме РАИМК сообщил К.Э. Гриневич [Виноградов, 2012, с. 340; Виноградов, 2021, с. 293]. Он и должен был утвердить назначение Ю.Ю. Марти, но точную дату его официального вступления на должность директора музея установить пока не удалось (октябрь – декабрь 1921 г.). Поскольку жалование сотрудников музея было в буквальном смысле слова нищенским, одновременно до 1923 г. он продолжал преподавать в школе № 1. Сотрудничал Ю.Ю. Марти и с общественными научными организациями. С 3 ноября 1923 г. и по 1932 г. он состоял председателем правления Керченского отделения РОПИК/ОПИК, при котором в 1928 г. был создан Музей местного края (в 1926–1928 гг. Музей производительных сил Керченского района), располагавшийся с мая 1927 г. в отдельном здании рядом с Керченским археологическим музеем [Московское..., 1925, с. 45, 48; Филиппов, 1927, с. 181; Филиппов, 1929, с. 9; Марти, 1926, с. 131; Лейтнеккер, 1928, с. 109–110; Быковская, 2014, с. 33; Севастьянов, 2012, с. 463, 465; Севастьянов, 2022, с. 44–45]. В 1936 г. его избрали секретарем Керченского отделения Научно-исследовательского общества изучения Крыма [Непомнящий, 2015, с. 33]. 5 августа 1939 г., по достижению пенсионного возраста он был переведен на должность заместителя директора музея по научной работе. После войны Ю.Ю. Марти сумел вернуться в Керчь лишь в 1948 г., заняв 29 июля должность главного хранителя музея. Но уже в сентябре 1950 г. его перевели на должность научного сотрудника, а 12 марта 1951 г. уволили по выходу на пенсию [Шестаков, Шестакова, 2006, с. 160–175; Панкратова, 2018, с. 26–65; Куликов, 2023, с. 48–50; Баукова, 2010, с. 219–221].

Отречение Николая II и приход к власти Временного правительства поставили перед ТУАК новые задачи, в частности регистрацию и дальнейшее сохранение некоторых предметов «художественной и историко-археологической» значимости («портретов царственных особ, зеркал и др.»), которые, как и повсеместно в Российской империи, изымались из правительственных и общественных учреждений Таврической губернии. Согласно циркулярам МВД от 10 июля и 5 августа и отношения Таврического губернского комиссара от 5 сентября в пределах губернии были созданы региональные комиссии по регистрации таких предметов. По Керчь-Еникальскому градоначальству в нее вошли члены ТУАК Д. Д. Посполитаки и В.В.Шкорпил [Протокол., 1919г, с. 337–338]. К сожалению, подробности их деятельности в этом направлении узнать пока не удалось, собственно ничего не известно о деятельности ТУАК в самый тяжелый период ее существования (1918–1923гг.). Последний номер «Известий» комиссии (№ 57) был издан в 1920 г., но протоколы заседаний в нем помещены не были, видимо, их целым блоком планировали опубликовать в следующем номере, как и делали до этого⁵⁴. Однако этому не суждено было сбыться. В ноябре 1920 г. в Крым – «последний осколок» Российской империи вступили части Красной армии и ТУАК, как и все другие общественные организации по существу прекратила свое существование. Коллекция ее музея (свыше 7 тыс. предметов) была передана 19 апреля 1921 г. Крымскому отделу по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС), став археологическим отделом Центрального музея Тавриды [Маркевич, 1928, с. 181, 183; Дубилей, 2007, с. 96], архивные дела перешли в ведение Крымского областного архивного управления, охрану памятников передали КрымОХРИСу [Маркевич, 1928, с. 183], а сама комиссия, продолжавшая работать при новой власти как частное ученое общество, на заседании 25 марта 1923 г. была преобразована в «Таврическое общество истории, археологии и этнографии» (с прибавлением в названии «бывшая Таврическая ученая архивная комиссия») [Маркевич, 1928, с. 181; Филимонов, 1995, с. 95; Филимонов, 2004, с. 152–153; Филимонов, 2015, с. 85]. Но оно проработало лишь несколько лет. 15 января 1931 г. было принято решение о его включении в состав Крымского областного бюро краеведения [Непомнящий, 2015, с. 28–29], а библиотеку ТУАК-ТОИАЭ объединили с бывшей библиотекой губернской земской управы «Таврика», которая с 1922 г. стала собственностью Крымского краеведческого музея [Ушатая, 2000, с. 72].

За годы своего существования ТУАК проделала огромную работу в деле изучения и сохранения архивных документов, памятников истории, археологии, архитектуры и этнографии в пределах Таврической губернии, а изданные комиссией 57 номеров «Известий», по словам ее члена – академика И. Ю. Крачковского, пред-

⁵⁴ Отчеты ТУАК за последние годы ее работы хранятся в архиве Центрального музея Тавриды [Филимонов, 1995, с. 96].

ставляли: «своеобразную энциклопедию по истории и культуре Крыма, которая еще долго будет служить путеводной нитью для всех исследователей края» [Филимонов, 1995, с.95]. И. Ю. Крачковский оказался совершенно прав, до сих пор «Известия» являются одним из самых востребованных, цитируемых и не потерявших свою актуальность крымоведческих научных изданий.

Что касается древностей Керчи и Керченского полуострова, за 36 лет своей деятельности ТУАК внесла посильный вклад в их изучение, хотя это направление и не было одним из приоритетных. В частности, благодаря В. В. Шкорпилу, опубликовавшему в «Известиях» комиссии несколько своих статей, были изданы малоизвестные документы и отчеты о раскопках А. Б. Ашика, Д. В. Карейши и А.Е.Люценко, хранившиеся в Керченском музее древностей. Свою лепту внес и Х.П.Ящуржинский, первым опубликовавший подробное описание склепа «Сорака» на г. Митридат и некоторые наиболее интересные античные и средневековые находки из частных собраний керченских коллекционеров и торговцев древностями, в том числе А. В.Новикова, Е.Р. Запорожского, В. П. Цехановского, И. А. Тульмана и Н.А.Савицкого. Кроме этого, члены комиссии, и не только они, пытались, хотя и безуспешно, решить вопрос с охраной отдельных памятников археологии и архитектуры на территории Керчи и Керченского полуострова. Заботились они и о пополнении коллекции музея ТУАК. Со временем его «керченский» отдел стал одним из самых представительных по числу находок, дважды пополнившись «дублетами», переданными из Керченского музея древностей. К сожалению, для большинства из пожертвованных ему предметов, поступивших от керченских коллекционеров, купленных через них или членов комиссии у грабителей-«счастливчиков», место и условия их находок оставались неизвестными, что снижало научную ценность музейного собрания. К тому же ни одна из находок не была опубликована с приведенными для нее подробным описанием, рисунком или фотографией. В научный оборот до сих пор введены лишь некоторые из них, в частности стеклянные сосуды [Шабанов, 2014, с.417–423]. Поэтому в числе ближайших задач по изучению научного наследия ТУАК, помимо издания отчетов и протоколов заседаний комиссии за 1918–1923 гг. (33 заседания) [Маркевич, 1928, с.184], должна быть поставлена и, по возможности, полная публикация ее музейного собрания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- VIII заседание* 25 ноября 1890 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1891. Кн. 5. Отд. I. С. 19–24.
- 289 заседание* Императорского Одесского общества истории и древностей 16 сентября 1895г. // ЗООИД. Одесса, 1896. Т. XIX. С. 1–11.
- 358 заседание* Императорского Одесского общества истории и древностей 22 марта 1904 года // ЗООИД. Одесса, 1906. Т. XXVI. С. 17–19.
- Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1894 год. СПб.: Типография правительствующего сената, 1894. Ч. I. 910 с.
- Айналов Д.В.* Три древнехристианских сосуда из Керчи // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1891. Т. V. Вып. 1–2. Новая серия. С. 201–214.
- Андрусов Н.И.* Воспоминания. 1871–1890. Париж: б/и, 1925. 198 с.
- Археологические находки* г. Кибальчича в Керчи // Всемирная иллюстрация. СПб., 1874. Т. XI. № 22. 25 мая. С. 346–347, 356.
- Ашик А.Б.* Керченские катакомбы // ЖМВД. СПб., 1845а. Ч. 10. № 6. С. 400–408.
- Ашик А.Б.* Керченские древности. О Пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса: Типография А. Брауна, 1845б. 40 с.
- [*Ашик А.Б.*] Второй отчет об археологических поисках в Керчи с 4-го февраля по 5 апреля 1846 года // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1846. № 18. Отд. 2.
- Ашик А.Б.* Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса: Типография Т. Неймана и К^о, 1849. Ч. III. 96 с.
- Баукова А.Ю.* Наукова діяльність Юлія Марті у другій половині 40-х – на початку 50-х рр. ХХст. // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 2: Археологія Правобережної України. С. 219–221.
- Бейлин Д.В., Рукавишников И.В., Куликов А.В.* О локализации иудейского позднеантичного некрополя близ Павловского мыса в Керчи // РА. 2023. № 2. С. 131–148.
- Бейлин Д.В., Яйленко В.П.* Новые иудейские эпитафии II–IV вв. н. э. из Керчи // ПИФК. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2022. № 4. С. 115–146.
- Белик Ю.Л.* Крепости Керченского полуострова (XVII–XIX вв.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 120 с. (Керченская старина. Вып. II).
- Белик Ю.Л.* Османские оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII–XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2016а. 236 с.
- Белик Ю.Л.* История исследования объектов археологии на мысе Ак-Бурун // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования. Материалы международной научной конференции. Керчь, 2016б. С. 39–43.
- Беньковский П.[И.]*. О терракотовых повозочках из Керчи // ИИАК. СПб., 1904. Вып. 9. С. 63–72.
- Блататский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1934 г. // МИА. М., 1957. № 56: Пантикапей. С.251–253.
- Боданинский У.А.* Новые материалы по этнографии татар в Крыму: Экспедиция КрЦИКа и СНК по изучению татарской культуры в Крыму // Бюллетень конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 3. С. 6–7.

- Боровкова В.Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: б/и, 1999. 160с. (Древности Керчи).
- Борщик Н.Д.* История подготовки первой Всероссийской переписи населения в Крыму 28 января 1897 г. // МАИЭТ. Симферополь, 2022. Вып. XXVII. С. 648–662.
- Булгар С.С.* Харламбий Монастырлы и его вклад в тюркологию 1853–1932 // Bilgilär. Комрат, 2017. № 1. С. 279–283.
- Бутягин А.М.* Боспорские терракотовые фигуры в виде повозок из коллекции Государственного Эрмитажа // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 101–111 (Труды ИИМК РАН, Т. LVII).
- Быковская Н.В.* Керченский музей древностей в 20-е гг. XX в. по документам архива Главнауки и архива Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 24–50.
- Быковская Н.В.* К вопросу о частных коллекциях, как источнике формирования музейных собраний (На примере коллекции А. В. Новикова) // ТГЭ. СПб., 2017. Вып. LXXXVIII: Перипл: От Борисфена до Боспора. Материалы юбилейных конференций. С. 339–357.
- Быковская Н.В., Санжаровец В.Ф.* Табачные короли империи // Керченская старина / Ред.-сост. Н.В. Быковская, Н.В. Небожаева, В.Ф. Санжаровец. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. Вып. I. С. 324–332.
- Вахтина М.Ю.* Гробницы 1, 2 и 6 в некрополе Нимфея // Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора / Отв. ред. В.А. Горончаровский. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 86–96.
- Вдовиченко И.И.* Коллекция Арона Гидалевича в собрании Государственного историко-археологического заповедника «Херсонес Таврический». Расписная керамика // Херсонесский сборник. Севастополь, 2018. Вып. XIX. С. 29–34.
- Виноградов К.А., Гончаров В.Т.* Василий Михайлович Долгорук-Крымский // Феодоситы: Специальное историко-краеведческое издание. Феодосия: «Арт-Лайф», 2010. Вып. 1. С. 4–78.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917 гг.) / Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2012. Вып. XXVII. 364 с.
- Виноградов Ю.А.* Склеп Сорака // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии / Отв. ред. Ю.А. Виноградов, М.В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН – «Лема», 2017. С. 40–52 (Труды ИИМК РАН, Т. LI).
- Виноградов Ю.А.* Очерк о боспорских древностях А. В. Половцева // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2020. Вып. XLI. С. 203–219.
- Виноградов Ю.А.* Этюд к истории Керченского музея на грани эпох (1918–1921) // Боспорские исследования. Керчь, 2021. Вып. XLIII. С. 277–305.
- Виноградов Ю.А.* Керченский музей и Императорский Эрмитаж // Боспорские исследования. Керчь-Симферополь, 2022. Вып. XLV. С. 221–243.
- Волошинов А.А.* Боданинский Усеин Абдуредиевич // Мирас – наследие. Татарстан – Крым. Город Булгар и изучение татарской культуры в Татарстане и в Крыму в 1923–1929 годах / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016. Т. 1. С. 113–128.

- Гасгаген Х.Г. Обзорение некоторых минеральных источников Керченского полуострова (Окончание) // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1861а. № 4. 22 января.
- Гасгаген Х.Г. Обзорение некоторых минеральных источников Керченского полуострова // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1861б. № 5. 29 января.
- Гейман В. [Д.] Памяти учителя (о последних днях Л. П. Колли) // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 215–217.
- Герцен А.Г., Колтухов С.Г. Археологические работы в Арабатской крепости // Северное и Западное Причерноморье в Античную эпоху и Средневековье: Материалы 11-го заседания совместных комиссий по истории, археологии, этнологии и фольклористике при Президиуме НАН Украины и Академии Румынии / под ред. С.Г. Бочарова, В. Кожокару. Симферополь: Таврия, 2009. С. 144–172.
- Государственная Дума в портретах, 27/IV – 1906 – 8/VIII. М.: Издание К. А. Фишер, 1906. 60 с.
- Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 с.
- Гриневич К.Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Вып. I (58). С. 47–52.
- Гриненко Л.О. «Керченский коллега» (Роль В. В. Шкорпила в становлении Херсонесского музея) // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2005. Вып. IX. С. 330–359.
- [Демидов А.Н.] Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым. М.: Типография А. Семена, 1853. 543 с.
- Древние мраморные статуи, открытые в окрестностях Керчи в 1850 году // Русский художественный листок, издаваемый В.Ф. Тиммом. СПб., 1851. № 16. 1 июня.
- Дубилей Л.П. Центральный музей Тавриды. Первое десятилетие // VII Таврические научные чтения (г. Симферополь, 19 мая 2006 г.). Сборник материалов. Симферополь: ЧП «Ев्रो-строй», 2007. Ч. 1. С. 95–103.
- Дюбуа де Монпере Фредерик Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5, 6 / пер. с фр., пред. и прим. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
- Жижина Н.К. Изделия из дерева и гипсовые украшения деревянных саркофагов из Пантикапея в собрании Лувра // ВДИ. 1990. № 1. С. 228–233.
- Застрожная Е.Г. К истории изучения античного наследия Крымского полуострова в начале 1920-х гг. // Археологические вести. СПб., 2018. Вып. 24. С. 339–348.
- Застрожная Е.Г. Письма А. А. Бобринского, К. Е. Думберга, В. В. Шкорпила к В. В. Латышеву (В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН) // ПИФК. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2020. № 1. С. 164–174.
- Зверев С.В. М. Ф. Сазонов – подделыватель античных монет в Керчи в 60 – 70-е гг. XIX в. // ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка. IX Международный нумизматический симпозиум. Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2022. С. 99–106.
- Зенкевич Х.Х. Настоящее и прошедшее Крыма: Краткий географический и историко-этнографический очерк. Вып. 1. Керчь: Скоропеч. А. В. Холева, 1889. 53 с.
- Зенкевич Х.Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестно-

- стей, хронологического указателя и статистических сведений и с рисунками. Керчь: Скоропечатная типо-литография Х. Н. Лаго и К° (бывш. Холева), 1894а. 162 с.
- Зенкевич Х.Х.* Тридцатилетие Керченской Александровской гимназии: (1863-1893). Краткая историческая записка. Керчь: Скоропечатная типо-литография Х. Н. Лаго и К° (бывш. Холева), 1894б. 44 с.
- Зенкевич Х.Х.* Керчь и ее достопримечательности // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Издание Керч. стат. комитета. Керчь: типо-литография Х. Н. Лаго и К°, 1907. С. I–XXIX.
- Зенкевич Х.Х.* Повторительный курс по древней истории Греции и Рима: (Хронология-конспект). Евпатория: б/и, 1910а. 152 с.
- Зенкевич Х.Х.* Повторительный курс русской истории: (конспект-хронология). Евпатория: Книж. магазин Чуюна, 1910б. Вып. 1: Допетровская Русь. 117 с.; Вып. 2: Русь – Империя. 290 с.
- Зенкевич Х.Х.* Подвиги русского народа в Отечественную войну и торжество России над Наполеоном I: (1812–1814 гг.). Аккерман: типо-литография И. Н. Стафидова, 1914. 43 с.
- Зенкевич Х.Х.* Краткий исторический очерк Керчи // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства / Издание Керч. стат. комитета. Керчь: Типография Х. Н. Лаго, 1914. С. I–XXIX.
- Иванов А.[В.]* Греческий рукописный Апостол, принадлежащий Предтеченской церкви в г. Керчи // Записки Русского археологического общества. СПб., 1886. Т. 1. Новая серия. С. 165–180.
- Из записок* Николая Ивановича Лорера (Декабрист на Кавказе) // Русский архив. СПб., 1874. № 2. С. 361–418.
- Избаи Т.Н., Люценко Е.Е.* // Крым в лицах и биографиях. Античность. Средневековье. Новое время: справочно-литературное издание / сост. В.Н. Сухоруков. Симферополь: Атлас-компакт, 2008. С. 270–271.
- Избаи-Гоцкан Т.А.* Забытые страницы античной нумизматики: Е. Е. Люценко // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М., 2015. Т. 4. С. 554–560.
- Известия* Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. СПб., 1900. Т. XIII. № 2. 198 с.
- Извлечение* из отчета директора Гидрографического департамента за 1868 год // Морской сборник. СПб., 1870. Т. СХI. № 11. Ноябрь. С. 1–154.
- Императорская археологическая комиссия (1859–1917):* К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин; под общ. ред. Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1192 с.
- Императорская археологическая комиссия (1859–1917):* история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / Коллективная монография в 2-х томах / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е издание, перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. 888 с.
- К 10-летию* 1-й Государственной Думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916. Сборник статей переводумцев. Петроград: Изд-во «Огни», 1916. 231 с.
- Казанский М.М.* Находка 1918 г. в Керчи (коллекция Месакусуди) // XVII боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования. Материалы международной научной конференции. Керчь, 2016. С. 206–215.

- Календарь* и памятная книжка Таврической губернии на 1892 год. Издание Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1892. 154 + 96 с.
- Календарь* и памятная книжка Таврической губернии на 1896 год. Издание Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1896. 268 + 200 с.
- Касцов К.Е.* Древняя гробница, открытая в Керчи в 1890 г. // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1890. № 19. 20 мая.
- КБН* – Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В.В. Струве. М.-Л.: Наука, 1965. 952 с.
- Кибальчич Т.В.* Древности. Указатель к археологическим находкам 1875–76 года. Киев: Университетская типография, 1876. 45 с.
- [*Кибальчич Т.В.*] Каталог гемм (драгоценных резных камней), собранных преимущественно в Южной России Т.В. Кибальчицем. Киев: Типография И. Крыжановского и В. Авдюшенко, 1896а. 32 с.
- Кибальчич Т.В.* Древние драгоценные амулеты, найденные в Южной России, и геммы нового времени (с XV по наст. вр.). Киев: Типография И. Крыжановского и В. Авдюшенко, 1896б. 20 с.
- Кибальчич Т.В.* Южно-русские геммы. Неизданные материалы для истории гравировального искусства древних народов, живших в Южной России. Берлин: Издание Н. Будковской, 1910. 67 с.
- Ковыркин К.К., Санжаровец В.Ф.* Керченский полуостров. Географический словарь // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 443–585.
- Кондаков Н.П.* Мраморный рельеф из Пантикапеи // ЗООИД. Одесса, 1877. Т. X. Отд. 1. С. 16–25.
- Кондаков Н.П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1896. Т. 1. 214 с.
- Кондараки В.Х.* В память столетия Крыма. М.: Типография В. В. Чичирина, 1883. 145 с.
- Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР / САИ. М.: Наука, 1962. Вып. Е4-4. 64 с.
- Кулаковский Ю.А.* Древности Южной России. Керченская христианская катакомба 491 года / МАР. СПб., 1891. Вып. 6. 30 с.
- Кулаковский Ю.А.* Археологическая заметка по вопросу о катакомбах в Керчи // Русская мысль. СПб., 1892. Кн. XII. Декабрь. С. 220–224.
- Кулаковский Ю.А.* Древности Южной России. Две керченские катакомбы с фресками / МАР. СПб., 1896. Вып. 19. С. 1–58.
- Кулаковский Ю.А.* Керчь и ее христианские памятники // Православная богословская энциклопедия: в 12 т. / под ред. Н.Н. Глубоковского. СПб.: Типография Сибирского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России, 1908. Т. IX: Кармелиты – Κοιμή. Стлб. 535–543.
- Куликов А.В.* Юлий Юльевич Марти (1874–1959): один из последних представителей провинциальной «old school» в отечественной классической археологии // У истоков советских археологических школ (1918–1950). Материалы Международной научной конференции, 4–6 апреля 2023 г. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М., 2023. С. 48–50.
- Лазенкова Л.М.* Керченский музей древностей. Исследователи. «Археологическая» судьба К.Е.Думберга // I Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и Понт в период Античности

- и Средневековья. Материалы международной научной конференции. Керчь, 2001. С. 72–77.
- Лазенкова Л.М.* К. Э. Гриневиц и Керченский музей древностей // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. I. С. 20–33.
- Латышев В.В.* Краткий очерк истории Воспорского царства / пер. с лат. В. А. Михалевского // ИТУАК. Симферополь, 1892. № 17. С. 1–66.
- Лашков Ф.Ф.* Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. Одесса, 1886. Т. XIV. Отд. 1. С. 91–156.
- Лейтнеккер Е.Э.* Керченское отделение общества по изучению Крыма в 1926/27 году // Крым. Общественно-научный и экскурсионный журнал. М.-Л., 1928. № 2 (7). С. 109–111.
- Ломакина М.А., Ломакин Д.А.* Арабатская крепость в акварелях К. Ф. Богаевского // Труды Всероссийской научно-практической конференции «V Феодосийские научные чтения. Крым – история и современность – проблемы и решения». Феодосия: МБУК ФМД, 2019. С. 187–192.
- Люценко Е.Е.* Заметки о некоторых местностях на Керченском и Таманском полуостровах. Октябрь 1869 г. / вступ. ст. Н.Ф. Федосеева, коммент. К.К. Ковыркина, В.Ф. Санжаровца, Н.Ф. Федосеева // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 605–628.
- Малаховский Г.В.* Биографии гг. членов Государственной Думы. СПб.: Товарищество художественной печати, 1906. 104 с.
- Мальберг Я.Н.* Из глубины времен (В. К. Мальберг – К. Е. Думберг – В. Г. Тизенгаузен) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 77–83.
- Маркевич А.И.* Археологическая ода (посвящается В. Г. Т.) // ЗООИД. Одесса, 1902. Т. XXIV. Отд. III. С. 14–18.
- Маркевич А.И.* Стихотворения археологов Е. Е. Люценко и барона В. Г. Тизенгаузена // ИТУАК. Симферополь, 1910. № 44. С. 64–89.
- Маркевич А.И.* Примечания к стихотворениям археологов // ИТУАК. Симферополь, 1911. № 45. С. 68–73.
- Маркевич А.И.* Список почивающих на Симферопольском старом кладбище // ИТУАК. Симферополь, 1918а. № 55. С. 336–367.
- Маркевич А.И.* Памяти Людовика Петровича Колли // ИТУАК. Симферополь, 1918б. № 55. С. 208–214.
- Маркевич А.И.* Краткий очерк деятельности Ученой архивной комиссии и Общества истории, археологии и этнографии в 1887–1927 гг. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1928. Т. II (59-й). С. 181–187.
- Марти Ю.Ю.* Новый эпиграфический материал из Керчи и ее окрестностей // ЗООИД. Одесса, 1913а. Т. XXXI. Отд. II: Протоколы. С. 27–38.
- Марти Ю.Ю.* Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // ЗООИД. Одесса, 1913б. Т. XXXI. Отд. III: Приложение. С. 1–88.
- Марти Ю.Ю.* Памяти В. В. Шкорпила // ИТУАК. Симферополь, 1919. № 56. С. 144–147.
- Марти Ю.Ю.* К столетию Керченского музея // Крым. Общественно-научный и экскурсионный журнал. М., 1926. № 2. С. 126–131.
- Марти Ю.Ю.* Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн // МИА. М.-Л., 1941. № 4: Археологические памятники Боспора и Херсонеса. С. 11–24.
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 299 с.

- Медведева М.В. Светопись боспорской археологии в XIX в. – начале XX в. (к истории формирования фотоколлекций по изучению античной живописи на Юге России в собрании Научного архива ИИМК РАН) // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии / Отв. ред. Ю.А. Виноградов, М.В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН – «Лема», 2017. С. 56–65 (Труды ИИМК РАН, Т. LI).
- Мирас* – наследие. Татарстан – Крым. Город Булгар и изучение татарской культуры в Татарстане и в Крыму в 1923–1929 годах / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016а. Т. 2. 572 с.
- Мирас* – наследие. Татарстан – Крым. Город Булгар и изучение татарской культуры в Татарстане и в Крыму в 1923–1929 годах / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016б. Т. 3. 720 с.
- Михалевский В.А. Вновь открытая греческая надпись // ИТУАК. Симферополь, 1893. № 19. С. 105–114.
- Москвитянин. М., 1851. № 4. Кн. 2. Февраль. С. 272.
- Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму: с приложениями алфавита, семи новых карт Крыма, планов городов: Севастополя, Симферополя и Ялты, русско-татарского словаря (крымское наречие), расписания движения пароходов Р.О.П.иТ. и проч. Изд-е 5-е. Одесса: Центральная типография, 1896. 500 с.
- Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму: с приложением: алфавита, русско-татарского словаря (крымское наречие), 12 карт, 7 планов, расписания рейсов пароходов Р.О.П.иТ., Рос. О-ва, тарифов пароходств и проч.: 17-е изд., М.А. Москвич. Одесса: Типография Э. Шмидта, бывш. Шульце, 1908. 304 с.
- Московское отделение Российского общества по изучению Крыма // Крым. Общественно-научный журнал. М., 1925. № 1. С. 43–53.
- Мурзакевич Н.Н. Некоторые подробности о церкви Св. Иоанна Предтечи в Керчи // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. I. Отд. 3. С. 625–627.
- Мурзакевич Н.Н. Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806–1883. // Русская старина. СПб., 1889. Т.61. Январь. С. 232–260.
- Н.Г. Керчь // Энциклопедический словарь /Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон: в 86 т. СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона, 1895. Т. XV (29): Керосин – Коайе / под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. С. 11–12.
- Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Каменная икона из Нового карантин (Керчь): историко-археологический контекст находки // Боспорские исследования. Керчь, 2017. Вып. XXXV. С. 240–268.
- Небожаева Н.В. Крымское семейство Олив // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2011. Вып. III. С. 351–373.
- Небожаева Н.В. Крымское семейство Олив // Керченская старина / Ред.-сост. Н.В. Быковская, Н.В. Небожаева, В.Ф. Санжаровец. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. Вып. I. С. 194–208.
- Неверов О.Я. Коллекция А. В. Новикова // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Международная научная конференция, посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н. Л. Грач. СПб., 1999. С. 58–60.
- Неверов О.Я. Коллекция керченских древностей А. В. Новикова // Боспорские исследования. Симферополь, 2006. Вып. XIII. С. 189–206.

- Негри А.[Ф.]* Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. II. Отд. 2. С. 379–392.
- Непомнящий А.А.* Николай Мар и крымоведение 1920-х // Крымское историческое обозрение. Симферополь, 2014а. № 1. С. 46–67.
- Непомнящий А.А.* Документы центральных архивов об истории Керченского музея в 20–30-е годы XX века // Научный борник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 51–55.
- Непомнящий А.А.* Научно-исследовательское общество изучения Крыма (1935–1937): провал проекта советской краеведческой организации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2015. Т. 1 (67). № 1. С. 28–37.
- Непомнящий А.А.* «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К. Э. Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2017. Т. 3 (69). № 2. С. 111–122.
- Непомнящий А.А.* Керченская археологическая конференция по воспоминаниям участников: крымоведческие коммуникации первого советского десятилетия // Боспорские исследования. Керчь-Симферополь, 2019. Вып. XXXIX. С. 404–423.
- Новороссийский* календарь на 1891 г., издаваемый Одесским городским общественным управлением при городской публичной библиотеке. Одесса: «Экономическая» типография, 1890. 211 с.
- Отчет* Императорской археологической комиссии за 1882–1888 годы. СПб., 1891. СССXXXIV с.
- Отчет* Императорской археологической комиссии за 1890 год. СПб., 1893а. 152 с.
- Отчет* Императорской археологической комиссии за 1891 год. СПб., 1893б. 188 с.
- Отчет* о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1887–1888 г. // ИТУАК. Симферополь, 1889. № 7. С. 114–126.
- Отчет* о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1890 год // ИТУАК. Симферополь, 1891. № 12. С. 110–114.
- Отчет* о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1896 год // ИТУАК. Симферополь, 1897. № 27. С. 105–110.
- Отчет* о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1913-й год // ИТУАК. Симферополь, 1914. № 51. С. 347–355.
- Отчет* Одесского общества истории и древностей. С 14 ноября 1842 по 14 ноября 1843 года. Одесса: городская типография, 1843. 23 с.
- Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. С.Л. Беляевой и А.Л. Бертье-Делагарда. М.: Наука, 1999. 246 с. (Научное наследство, Т. 27).
- Памятная книжка* Керчь-Еникальского градоначальства / Издание Керч. стат. комитета. Керчь: типография Х. Н. Лаго, 1914.
- Панкратова Е.Г.* История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941 гг.). СПб.: ООО «Соло-Рич», 2018. 160 с. (Боспорские исследования. Supplementum 18).
- Перенесение* мощей Месакусуди // Сатирикон. СПб., 1912. № 43. 19 октября. С. 10.
- Петрова Э.Б.* Феодосийский музей древностей и охрана памятников Феодосии и ее округи в начале XX века (К 165-летию со дня рождения Людвика Петровича Колли) // История и

- археология Крыма. Симферополь 2015. Вып. II. С. 488–510.
- Полицейский* листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1888. №43. 30 октября.
- Полицейский* листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1891. № 4. 27 января.
- Полицейский* листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1892. № 2. 12 января.
- Полицейский* листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1897а. № 5. 2 февраля.
- Полицейский* листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1897б. № 10. 9 марта.
- Половцов А.В. Русская Помпея // Московские ведомости. 1900. № 106.
- Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (третья четверть XVIII–XXвв.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Вып. III. С. 300–343.
- Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В., Бейлина С.А. Греческая церковь Иоанна Предтечи в Керчи (третья четверть XVIII в. – начало XX в.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судак / Отв. ред. В.В. Майко / Археологический альманах. Донецк, 2012. № 26. С. 123–140.
- Постановления Феодосийского уездного земского собрания XXXI очередной сессии с 16 по 21 сентября 1896 года. Феодосия: типография И. М. Косенко, 1897. 371 с.
- Постановления Феодосийского уездного земского собрания XXXV очередной сессии с 23 по 27 сентября 1900 года. Феодосия: типография И. М. Косенко, 1901. 255 с.
- Постановления Феодосийского Уездного земского собрания 47 очередной сессии с 19 по 27 октября 1912 года. Феодосия: Типография И. М. Косенко, 1913. 173 с.
- Протокол открытия Таврической ученой архивной комиссии в г. Симферополе 24 января 1897 г. // ИТУАК. Симферополь, 1887а. № 1. С. 1–14.
- Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 30 мая 1887 г. // ИТУАК. Симферополь, 1887б. № 1. С. 15–24.
- Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 28 октября 1887 г. // ИТУАК. Симферополь, 1887в. № 2. С. 4–8.
- Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 31 марта 1888 г. // ИТУАК. Симферополь, 1888а. № 4. С. 57–69.
- Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 25 августа 1888 г. // ИТУАК. Симферополь, 1888б. № 6. С. 110–115.
- Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 29 сентября 1888 г. // ИТУАК. Симферополь, 1888в. № 6. С. 116–120.
- Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 31 августа 1889 г. // ИТУАК. Симферополь, 1889а. № 8. С. 132–137.
- Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 4 мая 1889 г. // ИТУАК. Симферополь, 1889б. № 8. С. 119–127.
- Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 31 мая 1889 г. // ИТУАК. Симферополь, 1889в. № 8. С. 127–132.
- Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 26 сентября 1889 г. // ИТУАК. Симферополь, 1889г. № 8. С. 137–140.
- Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 28 декабря 1889 г. // ИТУАК. Симферополь, 1890а. № 9. С. 135–141.
- Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 3 ноября 1889 г. // ИТУАК. Симферополь, 1890б. № 9. С. 125–130.
- Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 30 ноября 1889 г. // ИТУАК. Симферополь, 1890в. № 9. С. 130–135.

- ²² *Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 31 января 1890 г. // ИТУАК. Симферополь, 1890г. № 9. С. 142–152.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 22 февраля 1890 г. // ИТУАК. Симферополь, 1890д. № 10. С. 134–140.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 23 марта 1890 г. // ИТУАК. Симферополь, 1890е. № 10. С. 140–143.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 26 апреля 1890 г. // ИТУАК. Симферополь, 1890ж. № 10. С. 143–149.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 31 мая 1890 г. // ИТУАК. Симферополь, 1890з. № 10. С. 149–154.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 5 сентября 1890 г. // ИТУАК. Симферополь, 1891а. № 11. С. 154–161.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 1 ноября 1890 г. // ИТУАК. Симферополь, 1891б. № 11. С. 161–166.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 1 ноября 1890 г. // ИТУАК. Симферополь, 1891в. № 11. С. 166–173.
- Протокол* годовичного заседания Таврической ученой архивной комиссии 31 января 1891 г. // ИТУАК. Симферополь, 1891г. № 12. С. 115–119.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 31 мая 1891 г. // ИТУАК. Симферополь, 1891д. № 13. С. 85–89.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 27 сентября 1891 г. // ИТУАК. Симферополь, 1891е. № 14. С. 132–138.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 31 октября 1891 г. // ИТУАК. Симферополь, 1891ж. № 14. С. 138–140.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 23 января 1892 г. // ИТУАК. Симферополь, 1892а. № 15. С. 117–124.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 16 апреля 1892 г. // ИТУАК. Симферополь, 1892б. № 15. С. 124–130.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 16 апреля 1892 г. // ИТУАК. Симферополь, 1892в. № 16. С. 120–125.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 8 октября 1892 г. // ИТУАК. Симферополь, 1892г. № 16. С. 125–132.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 4 октября 1893 г. // ИТУАК. Симферополь, 1893а. № 19. С. 115–129.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 19 февраля 1893 г. // ИТУАК. Симферополь, 1893б. № 18. С. 132–135.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 9 ноября 1893 г. // ИТУАК. Симферополь, 1893в. № 19. С. 129–134.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 30 декабря 1893 г. // ИТУАК. Симферополь, 1893г. № 19. С. 134–137.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 25 мая 1894 г. // ИТУАК. Симферополь, 1894а. № 21. С. 125–130.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 3 декабря 1894 г. // ИТУАК. Симферополь, 1894б. № 21. С. 130–140.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 29 декабря 1894 г. // ИТУАК.

- Симферополь, 1895а. № 22. С. 130–133.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 28 апреля 1895 г. // ИТУАК. Симферополь, 1895б. № 23. С. 177–184.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 10 июня 1895 г. // ИТУАК. Симферополь, 1895в. № 23. С. 184–186.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 21 сентября 1895 г. // ИТУАК. Симферополь, 1896а № 24. С. 155–157.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 17 января 1896 г. // ИТУАК. Симферополь, 1896б. № 24. С. 157–163.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 22 февраля 1896 г. // ИТУАК. Симферополь, 1896в. № 25. С. 159–161.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 11 апреля 1896 г. // ИТУАК. Симферополь, 1896г. № 25. С. 161–165.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 27 мая 1896 г. // ИТУАК. Симферополь, 1897а. № 26. С. 155–160.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 6 марта 1897 г. // ИТУАК. Симферополь, 1897б. № 27. С. 115–118.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 8 октября 1897 г. // ИТУАК. Симферополь, 1898а. № 28. С. 198–206.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 1 декабря 1897 г. // ИТУАК. Симферополь, 1898б. № 28. С. 206–211.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 27 марта 1898 г. // ИТУАК. Симферополь, 1898в. № 28. С. 212–217.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 20 июня 1898 г. // ИТУАК. Симферополь, 1899а. № 28. С. 87–93.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 28 ноября 1898 г. // ИТУАК. Симферополь, 1899б. № 29. С. 110–113.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 12 декабря 1898 г. // ИТУАК. Симферополь, 1899в. № 29. С. 113–115.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 27 марта 1899 г. // ИТУАК. Симферополь, 1899г. № 30. С. 94–104.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 25 сентября 1899 г. // ИТУАК. Симферополь, 1899д. № 30. С. 108–118.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 5 мая 1900 г. // ИТУАК. Симферополь, 1901а. № 31. С. 81–82.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 8 июня 1900 г. // ИТУАК. Симферополь, 1901б. № 31. С. 82–88.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 18 января 1901 г. // ИТУАК. Симферополь, 1901в. № 31. С. 99–104.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 21 марта 1901 г. // ИТУАК. Симферополь, 1902а. № 32–33. С. 139–142.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 20 сентября 1901 г. // ИТУАК. Симферополь, 1902б. № 32–33. С. 143–157.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 30 октября 1901 г. // ИТУАК. Симферополь, 1902в. № 32–33. С. 158–161.

- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 4 декабря 1901 г. // ИТУАК. Симферополь, 1902г. № 32–33. С. 80–103.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 5 сентября 1903 г. // ИТУАК. Симферополь, 1903а. № 35. С. 55–60.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 17 ноября 1903 г. // ИТУАК. Симферополь, 1903б. № 35. С. 60–67.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 9 февраля 1907 г. // ИТУАК. Симферополь, 1907. № 40. С. 104–113.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 2 октября 1907 г. // ИТУАК. Симферополь, 1908. № 41. С. 256–253.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 5 ноября 1908 г. // ИТУАК. Симферополь, 1909а. № 43. С. 149–158.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 20 марта 1909 г. // ИТУАК. Симферополь, 1909б. № 43. С. 172–181.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 24 сентября 1909 г. // ИТУАК. Симферополь, 1910. № 44. С. 93–107.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 26 января 1911 г. // ИТУАК. Симферополь, 1912а. № 47. С. 8–12.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 26 августа 1911 г. // ИТУАК. Симферополь, 1912б. № 47. С. 29–40.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 17 января 1912 г. // ИТУАК. Симферополь, 1912в. № 48. С. 243–248.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 19 января 1913 г. // ИТУАК. Симферополь, 1913а. № 50. С. 242–257.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 12 февраля 1913 г. // ИТУАК. Симферополь, 1913б. № 50. С. 257–264.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 17 ноября 1913 г. // ИТУАК. Симферополь, 1914а. № 51. С. 280–286.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 3 сентября 1914 г. // ИТУАК. Симферополь, 1914б. № 51. С. 333–341.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 25 февраля 1915 г. // ИТУАК. Симферополь, 1915а. № 52. С. 243–248.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 5 ноября 1914 г. // ИТУАК. Симферополь, 1915б. № 52. С. 234–239.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 4 февраля 1916 г. // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 226–229.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 13 октября 1916 г. // ИТУАК. Симферополь, 1919а. № 56. С. 276–281.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 16 августа 1917 г. // ИТУАК. Симферополь, 1919б. № 56. С. 324–329.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 24 января 1917 г. // ИТУАК. Симферополь, 1919в. № 56. С. 289–302.
- Протокол* заседания Таврической ученой архивной комиссии 28 сентября 1917 г. // ИТУАК. Симферополь, 1919г. № 56. С. 336–338.
- Протоколы* реставрационных заседаний Императорской археологической комиссии за 1 по-

- ловину 1909 г. Заседание 8 апреля. XVI. г. Керчь. Греческая Иоанно-Предтеченская церковь, IX–X вв. // ИИАК. СПб., 1909. Вып. 32 (Вопросы реставрации, вып. 4). С. 69–74.
- Пузанов И.И. По нехоженному Крыму. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1960. 286 с.
- Ремезов М.Н. По своим краям // Русская мысль. СПб., 1892. Кн. VIII. Август. С. 100–114.
- Ростовцев М.И. Керченская декоративная живопись и ближайшая задача археологического исследования в Керчи // ЖМНП. СПб., 1906. Новая серия. Ч. III. Май. С. 211–231.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб.: Типография Императорской археологической комиссии, 1913. СХII табл.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.: Типография Императорской археологической комиссии, 1914. Т. 1: Описание и исследование памятников. 517 с.
- Ростовцев М.И. Медь Динамии и Аспурга // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 54. С. 47–53.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Типография 1 Ленинградской трудовой артели, 1925. 623 с.
- Санжаровец В.Ф. З. С. Херхеулидзе – новые данные биографии // Пантикапей – Боспор – Керчь – 26 веков древней столице. Сборник научных материалов конференции: Керчь, 13–15 сентября 2000 г. / Отв. ред. П.И. Иваненко. Керчь, 2000. С. 207–211.
- Санжаровец В.Ф. Прицерковное Иоанно-Предтеченское кладбище в Керчи и памятник К.И.Месаксуди // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 17. С. 39–43.
- Санжаровец В.Ф. Керчь-Еникале и ее градоначальники // Керченская старина / Ред.-сост. Н.В. Быковская, Н.В. Небожаева, В.Ф. Санжаровец. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. Вып. I. С. 86–113.
- Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Г.Ф. Карпова, Г.Ф.Штендмана. СПб.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1895. Т. 95. 706 с.
- Севастьянов А.В. «Ваши берега богаты промыслами. Ваша земля подлинная житница, у вас под землей несметные богатства...». Керченское отделение Российского общества по изучению Крыма (1922–1932) // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2012. Вып. XXVI. С. 462–478.
- Севастьянов А.В. Из истории музейного дела в Крыму: деятельность Российского общества по изучению Крыма (1922–1932) // Вопросы музеологии. СПб., 2022. Т. 13. № 1. С. 39–56.
- Северная пчела. СПб., 1851. № 29. 6 февраля. С. 113–116.
- Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. М.-Л., 1959. № 69: Некрополи боспорских городов. С. 5–107.
- Сименс Вернер фон. Мои воспоминания / под ред. и пер. с нем. М.Б. Паппе. СПб.: Типо-литография и фототипия В. И. Штейна, 1893. 286 с.
- Скальковский А.[А.] Занятие Крыма в 1783 году. Материалы для истории Новороссийского края // ЖМНП. СПб., 1841. Ч. XXX. Отд. II. С. 1–44.
- Смирнов А.П. Греческий деревянный резной поставец под крест из собрания Гос. Академии истории материальной культуры // Seminarium Kondakovianum. Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием им. Н. П. Кондакова. Прага, 1927. Вып. I. С. 146–156.
- Список русских подданных, застигнутых войной за границей. Петроград: типография В.Ф.Киршбаума, 1914. Вып. 1: с 26 июля по 19 августа 1914 года. 158 с.
- Ставровский Я.Ф. Горный Крым и Керченский полуостров // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей в 19 т. под

- ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1910. Т. 14: Новороссия и Крым. С. 689–817.
- Страдания русского археолога (по материалам редакции) // Древняя и новая Россия. Ежемесячный исторический иллюстрированный сборник. СПб., 1877. Т. 1. № 2. С. 214–215.*
- Таврические епархиальные ведомости. Симферополь, 1895. № 30. 28 июля. С. 756–778.*
- Таврические епархиальные ведомости. Симферополь, 1897. № 12. 28 марта. С. 275–304.*
- Таврические епархиальные ведомости. Симферополь, 1903. № 19–20. 1–15 октября. С. 1108–1363.*
- [*Толстой И.И., Кондаков Н.П.*] Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева / Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1891. Вып. 4. 176 с.
- Ушатая Р.И.* Несколько слов о библиотеке Таврической ученой архивной комиссии // Арсений Иванович Маркевич. I Таврические международные научные чтения (Симферополь, 19 мая 2000 г.). Сборник материалов / Ред.-сост. Е.Б. Вишневецкая. Симферополь, 2000. С. 70–72.
- Федосеев Н.Ф.* Судьбы керченских археологов // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции (27–29 июля 2001 г.) / Отв. ред. Н.Ф. Федосеев. Керчь, 2001. С. 18–29.
- Федосеев Н.Ф.* Катакомба № 7 некрополя Нимфея // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования. Материалы международной научной конференции. Керчь, 2016. С. 509–515.
- Федосеев Н.Ф.* Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. 320 с.
- Филимонов С.Б.* Крым, 1917–1920 годы: Таврическая ученая архивная комиссия и памятники культуры // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1/94. С. 95–101.
- Филимонов С.Б.* Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.) / Изд. 2-е, перераб., дополн. Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2004. 314 с.
- Филимонов С.Б.* Крымская интеллигенция в годы Первой мировой и Гражданской войн (по материалам Таврической ученой архивной комиссии) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1 (67). № 4. С. 72–87.
- Филиппов Е.П.* Керченское отделение РОПИК (Отчет о деятельности с 1/1 по 1/X 1926 г.) // Крым. Общественно-научный и экскурсионный журнал. М.-Л., 1927. № 1 (3). С. 180–182.
- Филиппов Е.П.* Отчет о пятилетней деятельности Керченского отделения Общества по изучению Крыма // Сборник статей по экономике и быту Керченского района. Керчь: 4-я Гостипография Крымполиграфтреста, 1929. Вып. 1. С. 7–23.
- Ходаковский В.Н., Ходаковский К.Н.* К вопросу о границах участка храма Иоанна Предтечи и его недвижимом имуществе в период 1820–1920 гг. // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Симферополь, 2022. Вып. VI. С. 381–394.
- Черноухов Э.А.* Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург: б/и, 2011. 176 с.
- Шабанов С.Б.* Стекланные сосуды римского времени из собрания музея древностей при Таврической ученой архивной комиссии // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2014. Вып. XXX. С. 411–434.

- Шаповаленко Т.С.* Керченский музей древностей в фотографиях конца XIX – начала XX в. (по материалам фондовой коллекции Керченского заповедника) // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 56–70.
- Шателен А.А.* Наблюдения за курсом лечения больных при лечебном заведении Чокракских минеральных грязей и источников // ЖМВД, СПб., 1859. Ч. 35. Март. Отд. II. С. 36–48.
- Шестаков С.А.* Жизнь и деятельность Владислава Шкорпила // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Владислава Шкорпила, июль 1993 г. Керчь, 1993. С. 5–6.
- Шестаков С.А.* Лапидарные памятники из раскопок и приобретений В. В. Шкорпила // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Материалы международной научной конференции. Керчь, 2003. С. 291–294.
- Шестаков С.А.* В. В. Шкорпил и археография // VII Таврические научные чтения (г. Симферополь, 19 мая 2006 г.). Сборник материалов. Симферополь: ЧП «Еврострой», 2007. Ч. 2. С. 147–152.
- Шестаков С.А.* Топография археологических работ В. В. Шкорпила // Тезисы научной отчетной конференции «VII Музейные чтения», 18 декабря 2012 г. Керчь, 2013. С. 54–56.
- Шестаков С.А.* В. В. Шкорпил и раскопки некрополей // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования. Материалы международной научной конференции. Керчь, 2016. С. 560–564.
- Шестаков С.А.* Эпиграфическая работа В. В. Шкорпила // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Симферополь, 2022. Вып. VI. С. 124–129.
- Шестаков С.А., Шестакова Н.Д.* Юлій Юльйович Марті 1874–1959 // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Зб. наук. пр. з мистецтвознавства, архітектурознавства і культурології / за ред. В.Д. Сидоренко та ін. Київ: Видавничий дім А+С, 2006. Вип. 3. Ч. 1: До 180 річчя Керченського музею старожитностей. С. 160–175.
- Шестаков С.А., Шестакова Н.Д.* Жизнь и деятельность В. В. Шкорпила // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Симферополь, 2016. Вып. V. С. 42–55.
- Шкорпил В.В.* Камни с пантикапейскими надписями, приобретенные для Мелек-Чесменского музея в 1895 г. // ЗООИД. Одесса, 1896. Т. XIX. С. 1–13.
- Шкорпил В.В.* Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи // ЗООИД. Одесса, 18986. Т. XXI. Отд. V: Протоколы. С. 8–11.
- Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1897 году // ЗООИД. Одесса, 18986. Т. XXI. Отд. I. С. 192–210.
- Шкорпил В.В.* Надгробные надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1899 году (продолжение) // ЗООИД. Одесса, 1900. Т. XXII. Отд. I. С. 101–108.
- Шкорпил В.В.* Из архива Керченского музея древностей. I. Способ подделки древних боспорских монет М. Сазоновым, рассказанный им самим. II. Ашик и Карейша // ИТУАК. Симферополь, 1907. № 40. С. 61–73.
- Шкорпил В.В.* Из архива Керченского музея древностей. III. О находке двух древних статуй в 1850 году. IV. Остатки древних сооружений в Керчи и ее окрестностях в 1845 году. V. Два склепа со стеною живописью, открытых в 1864 и 1868 гг. на Таманском полуострове (в «Большой Близнице» и Васюринской горе) // ИТУАК. Симферополь, 1908. № 42. С. 56–72.
- Шкорпил В.В.* Из архива Керченского музея древностей. VI. Пять расписных склепов на се-

- верном склоне Митридатовой горы // ИТУАК. Симферополь, 1912. № 47. С. 66–74.
- Шкорпил В.В.* Новонайденные Боспорские надписи // ИИАК. СПб., 1917. Вып. 63. С. 109–120.
- Шкорпил В.В.* Археанактиды // ИТУАК. Симферополь, 1918а. № 54. С. 54–59.
- Шкорпил В.В.* Из архива Керченского музея древностей (VII. Павловский курган. VIII. Мелек-Чесменский курган. IX. Курган на хребте Юз-Оба 1859 г. X. Два кургана на хребте горы Юз-Оба 1860 г. // ИТУАК. Симферополь, 1918б. № 55. С. 97–134.
- Штерн Э.[Р.] фон.* Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря // Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии. 1. II. 1886–1911. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума. С. 13–30.
- Штерн Э.Р. фон.* К происхождению «готского» стиля предметов ювелирного искусства (Археологические заметки по поводу золотых вещей, найденных в Керчи летом 1896 года) // ЗООИД. Одесса, 1897. Т. XX. С. 1–15.
- Штерн Э.Р. фон.* Содержание гробницы, раскопанной в 1896 году в Керчи // ЗООИД. Одесса, 1898. Т. XXI. С. 271–292.
- Шумилов П.Ф.* Редкие монеты Российской империи с основания Руси по 1910 г. / 3-е изд., испр. и доп. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1910. 161 с.
- Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба: 1890 XXV 1914 / под ред. М.А.Познанского.* Одесса: б/и, 1915. 177 с.
- Яйленко В.П.* Христианские и парохристианские надписи Боспора IV–VI вв. // Древности Боспора. М., 2010. Т. 14. С. 610–711.
- Яйленко В.П.* Историко-эпиграфическая проблематика изучения боспорского иудейства I–V вв. н. э. // ПИФК. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2022. № 4. С. 147–174.
- Янници Ф.* Греческий мир в конце XVIII в.– начале XX в. по российским источникам (к вопросу об изучении самосознания греков). М.: МАКС Пресс, 2002. 219 с.
- Яшуржинский Х.П.* Археологические раскопки в Керчи в 1889 году // ИТУАК. Симферополь, 1890. № 9. С. 99–100.
- Яшуржинский Х.П.* Вновь открытая греческая катакомба в г. Керчи // ИТУАК. Симферополь, 1890а. № 10. С. 111–113.
- Яшуржинский Х.П.* Керченские древности // ИТУАК. Симферополь, 1890б. № 10. С. 114–119.
- Яшуржинский Х.П.* Керченские древности // ИТУАК. Симферополь, 1891а. № 12. С. 82–86.
- Яшуржинский Х.П.* Керченские древности // ИТУАК. Симферополь, 1891б. № 14. С. 98–101.
- Яшуржинский Х.П.* Керченские древности // ИТУАК. Симферополь, 1892. № 15. С. 95–98.

REFERENCES

- VIII zasedanie 25 noiabria 1890 g. *Chteniia v Istoricheskom obshchestve Nestora Letopistsa.* Kiev, 1891, vol. 5, Otd. I, pp. 19–24.
- 289 zasedanie Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei 16 sentiabria 1895 g. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1896, vol. XIX, pp. 1–11.
- 358 zasedanie Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei 22 marta 1904 goda *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1906, vol. XXVI, pp. 17–19.
- Adres-kalendar'. Obshchaia rospis' nachal'stviuiushchikh i prochikh dozhnostnykh lits po vsem*

- upravlenniam v Rossiiskoi imperii na 1894 god.* Sankt-Peterburg: Pravitel'stvuiushchego senata Publ., 1894, vol. I, 910 p.
- Ainalov D.V. Tri drevne-khristianskikh sosuda iz Kerchi. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva.* Sankt-Peterburg, 1891, vol. V. Vyp. 1–2, Novaia seria, pp. 201–214.
- Andrusov N.I. *Vospominaniia.* 1871–1890. Parizh, 1925. 198 p.
- Arkheologicheskie nakhodki g. Kibal'chicha v Kerchi. *Vsemirnaia illiustratsiia.* Sankt-Peterburg, 1874, vol. XI, № 22, 25 maia, pp. 346–347, 356.
- Ashik A.B. Kerchenskie katakomby. *Zhurnal ministerstva vnutrennih del.* Sankt-Peterburg, 1845, vol. 10, № 6, pp. 400–408.
- Ashik A.B. *Kerchenskie drevnosti. O Pantikapejskoj katakombe, ukrashennoj freskami.* Odessa: A. Brauna Publ., 18456, 40 p.
- Ashik A.B. Vtoroi otchet ob arkheologicheskikh poiskakh v Kerchi s 4-go fevralia po 5 aprelia 1846 goda. *Tavricheskie gubernskie vedomosti.* 1846, № 18, Otd. 2.
- Ashik A.B. *Vosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamiatnikami raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami.* Odessa: T. Neimana i K° Publ., 1849, vol. III, 96 p.
- Baukova A.Iu. Naukova diial'nist' Iuliia Marti u drugii polovini 40-kh – na pochatku 50-kh rr. XX st. *Arkheologiiia i davnii istoriia Ukraïni.* Kiïv, 2010, vol. 2: Arkheologiiia Pravoberezhnoi Ukraïni, pp. 219–221.
- Beilin D.V., Rukavishnikova I.V., Kulikov A.V. O lokalizatsii iudeiskogo pozdneantichnogo nekropolia bliz Pavlovskogo mysa v Kerchi. *Rossiiskaia arkheologiiia,* 2023, № 2, pp. 131–148.
- Beilin D.V., Iailenko V.P. Novye iudeiskie epitafii II–IV vv. n. e. iz Kerchi. *Problemy istorii, filologii, kul'tury.* Moskva–Magnitogorsk–Novosibirsk, 2022, № 4, pp. 115–146.
- Belik Iu.L. *Kreposti Kerchenskogo poluostrova (XVII–XIX vv.).* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2015, 120 p. (Kerchenskaia starina, vol. II).
- Belik Iu.L. *Osmanskii oboronitel'nye sooruzheniia na Kerchenskom poluostrove (XVII–XVIII vv.).* Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani Press, 2016a, 236 p.
- Belik L.Iu. Istoriiia issledovaniia ob'ektov arkheologii na myse Ak-Burun. *XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2016b, pp. 39–43.
- Ben'kovskii P.I. O terrakotovykh povozochkakh iz Kerchi. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii.* Sankt-Peterburg, 1904, vol. 9, pp. 63–72.
- Blavatskii V.D. Raskopki Pantikapeia v 1934 g. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR.* Moskva, 1957, № 56: Pantikapei, pp. 251–253.
- Bodaninskii U.A. Novye materialy po etnografii tatar v Krymu: Ekspeditsiia KrTsIKA i SNK po izucheniiu tatarskoi kul'tury v Krymu. *Biulleten' konferentsii arkheologov SSSR v Kerchi.* Kerch', 1926, № 3, pp. 6–7.
- Borovkova V.N. *Kollektsionery i torgovtsy kerchenskimi drevnostiami.* Kerch', 1999, 160 p. (Drevnosti Kerchi).
- Borshchik N.D. Istoriiia podgotovki pervoi Vserossiiskoi perepisi naseleniia v Krymu 28 ianvaria 1897 g. *Materialy po rkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol', 2022, vol. XXVII, pp. 648–662.
- Bulgar S.S. Kharlampii Monastyryl i ego vklad v tiurkologiiu 1853–1932. *Bilgilär.* Komrat, 2017, № 1, pp. 279–283.
- Butiagin A.M. Bosporskie terrakotovyie figury v vide povozok iz kolleksiï Gosudarstvennogo

- Ermitazha. Smirnov N.Iu (Ed.). *Tvoret's kul'tury. Material'naia kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii. Sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 80-letiiu professora Dmitriia Glebovicha Savinova*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN Publ., 2021, pp. 101–111 (Trudy IIMK RAN, vol. LVII).
- Bykovskaia N.V. Kerchenskii muzei drevnostei v 20-e gg. XX v. po dokumentam arkhiva Glavnauki i arkhiva Kerchenskogo zapovednika. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Simferopol', 2014, vol. IV, pp. 24–50.
- Bykovskaia N.V. K voprosu o chastnykh kollekt'siakh kak istochnike formirovaniia muzeinykh sobranii (Na primere kollekt'sii A. V. Novikova). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Sankt-Peterburg, 2017, vol. LXXXVIII: Peripl: Ot Borisfena do Bospora. Materialy iubileinykh konferentsii, pp. 339–357.
- Bykovskaia N.V., Sanzharovets V.F. Tabachnye koroli imperii. *Bykovskaia N.V., Nebozhaeva N.V., Sanzharovets V.F. Sanzharovets (Eds.). Kerchenskaia starina*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2015, vol. I, pp. 324–332.
- Vakhtina M.Iu. Grobnitsy 1, 2 i 6 v nekropole Nimfeia. *Goroncharovskii V.A. (Ed.). Rossiiske arkheologi XIX – nachala XX v. i kurgannye drevnosti Evropeiskogo Bospora*. Sankt-Peterburg: RKhGA Press, 2017, pp. 86–96.
- Vdovichenko I.I. Kollekt'siia Arona Gidalevicha v sobranii Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo zapovednika «Khersones Tavricheskii». *Raspisnaia keramika. Khersonesskii sbornik*. Sevastopol', 2018, vol. XIX, pp. 29–34.
- Vinogradov K.A., Goncharov V.T. Vasilii Mikhailovich Dolgorukov-Krymskii. *Feodosiya: Spetsial'noe istoriko-kraevedcheskoe izdanie*. Feodosiia: «Art-Laiф» Publ., 2010, vol. 1, pp. 4–78.
- Vinogradov Iu.A. *Stranitsy istorii bosporskoj arkheologii. Epokha Imperatorskoj arkheologicheskoi komissii (1859–1917 gg.)*. Bosporskie issledovaniia. Simferopol'-Kerch', 2012, vol. XXVII. 364 p.
- Vinogradov Iu.A. Sklep Soraka. *Vinogradov Iu.A., Medvedeva M.V. (Eds.). Antichnaia dekorativnaia zhivopis' Bospora Kimmeriiskogo: ot graficheskoi fiksatsii k fotografii*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN – «Lema», 2017, pp. 40–52 (Trudy IIMK RAN, vol. LI).
- Vinogradov Iu.A. Ocherk o bosporskikh drevnostiakh A. V. Polovtseva. *Bosporskie issledovaniia*. Simferopol'-Kerch', 2020, vol. XLI, pp. 203–219.
- Vinogradov Iu.A. Etiud k istorii Kerchenskogo muzeia na grani epokh (1918–1921). *Bosporskie issledovaniia*. Kerch', 2021, vol. XLIII, pp. 277–305.
- Vinogradov Iu.A. Kerchenskii muzei i Imperatorskii Ermitazh. *Bosporskie issledovaniia*. Kerch'-Simferopol', 2022, vol. XLV, pp. 221–243.
- Voloshinov A.A. Bodaninskii Usein Abdurefievich. *Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (Eds.). Miras – nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bulgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godakh*. Kazan': OOO «Aster Plus» Publ., 2016, vol. 1, pp. 113–128.
- Gasgagen Kh.G. Obozrenie nekotorykh mineral'nykh istochnikov Kerchenskogo poluostrova (Okonchanie). *Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*, 1861a, № 4, 22 ianvaria.
- Gasgagen Kh.G. Obozrenie nekotorykh mineral'nykh istochnikov Kerchenskogo poluostrova. *Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*, 1861b, № 5, 29 ianvaria.
- Geiman V.D. Pamiati uchitelia (o poslednikh dniakh L. P. Kolli). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1918, № 55, pp. 215–217.
- Gertsen A.G., Koltukhov S.G. Arkheologicheskie raboty v Arabatskoj kreposti. *Bocharov*

- S.G., Kozhokaru V. (Eds.). *Severnoe i Zapadnoe Prichernomor'e v antichnuui epokhu i srednevekov'e: Materialy 11-go zasedaniia Sovmestnykh komissii po istorii, arkheologii, etnologii i fol'kloristike pri Prezidiume NAN Ukrainy i Akademii Rumynii*. Simferopol': Tavriia, 2009, pp. 144–172.
- Gosudarstvennaia Duma v portretakh, 27/IV – 1906 – 8/VIII. Moskva: K. A. Fisher Press, 1906. 60 p.
- Grach N.L. *Nekropol' Nimfeia*. Sankt-Peterburg: Nauka, 1999, 328 p.
- Grinevich K.E. Arkheologicheskie razvedki v severo-vostochnoi chasti Kerchenskogo poluostrova. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*. Simferopol', 1927, vol. I (58), pp. 47–52.
- Grinenko L.O. «Kerchenskii kollega» (Rol' V. V. Shkorpila v stanovlenii Khersonesskogo muzeia). *Boporskie issledovaniia*. Simferopol'-Kerch', 2005, vol. IX, pp. 330–359.
- [Demidov A.N.] *Puteshestvie v Iuzhnuui Rossiiu i Krym, cherez Vengriiu, Valakhiuu i Moldaviuu, sovershennoe v 1837 godu Anatoliiem Demidovym*. Moskva: A. Semena Publ., 1853. 543 p.
- Drevnie mramornye statui, otkrytye v okrestnostiakh Kerchi v 1850 godu. *Russkii Khudozhestvennyi listok, izdavaemyi V.F. Timmom*. Sankt-Peterburg, 1851, № 16, 1 i iunia.
- Dubilei L.P. Tsentral'nyi muzei Tavriidy. Pervoe desiatiletie. *VII Tavricheskie nauchnye chteniia (g. Simferopol', 19 maia 2006 g.)*. Sbornik materialov. Simferopol': ChP «Evrostroii» Publ., 2007, vol. 1, pp. 95–103.
- Diubua de Monpere Frederik *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym: v 6 t. Parizh, 1843. T. 5, 6*. Simferopol': Biznes-InformPubl., 2009, 328 p.
- Zhizhina N.K. Izdeliia iz dereva i gipsovye ukrasheniia dereviannykh sarkofagov iz Pantikapeia v sobranii Luvra. *Vestnik drevnei istorii*, 1990, № 1, pp. 228–233.
- Zastrozhnova E.G. K istorii izucheniiia antichnogo naslediiia Krymskogo poluostrova v nachale 1920-kh gg. *Arkheologicheskie vesti*. Sankt-Peterburg, 20186, vol. 24, pp. 339–348.
- Zastrozhnova E.G. Pis'ma A. A. Bobrinskogo, K. E. Dumberga, V. V. Shkorpila k V. V. Latyshevu (V Sankt-Peterburgskom filiale Arkhiva RAN). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moskva-Magnitogorsk-Novosibirsk, 2020, № 1, pp. 164–174.
- Zverev S.V. M. F. Sazonov – poddelyvatel' antichnykh monet v Kerchi v 60 – 70-e gg. XIX v. *Alekseenko N.A. (Ed.). PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. IX Mezhdunarodnyi Numizmaticheskii Simpozium. Materialy nauchnoi konferentsii*. Simferopol', 2022, pp.99–106.
- Zenkevich Kh.Kh. *Nastoiashchee i proshedshee Kryma: Kratkii geograficheskii i istoriko-etnograficheskii ocherk. Vyp. 1*. Kerch': A. V. Kholeva Publ., 1889. 53 p.
- Zenkevich Kh.Kh. *Kerch' v proshedsheem i nastoiashchem. Istoriko-arkheologicheskii i geograficheskii ocherk s prilozheniem opisaniia dostoprimechatel'nostei goroda i ego okrestnostei, khronologicheskogo ukazatel'ia i statisticheskikh svedenii i s risunkami*. Kerch': Skoropechatnaia tipo-litografiia Kh. N. Lago i K° (byvsh. Kholeva) Publ., 1894a. 162 p.
- Zenkevich Kh.Kh. *Tritsatsiletie Kerchenskoi-Aleksandrovskei gimnazii: (1863-1893). Kratkaia istoricheskaia zapiska*. Kerch': Skoropech. tipo-litografiia Kh. N. Lago i K° (b. Kholeva) Publ., 1894b. 44 p.
- Zenkevich Kh.Kh. Kerch' i ee dostoprimechatel'nosti. *Pamiatnaia knizhka Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva. Izdanie Kerch. stat. komiteta*. Kerch': Tipo-litografiia Kh. N. Lago i K° Publ., 1907, pp. I–XXIX.
- Zenkevich Kh.Kh. *Povtoritel'nyi kurs po drevnei istorii Gretsii i Rima: (Khronologiiia-konspekt)*. Evpatoriia, 1910a, 152 p.

- Zenkevich Kh.Kh. *Povtoritel'nyi kurs russkoi istorii: (Konspekt-khronologiia)*. Evpatoriia: Kn. mag. Chuiuna Publ., 1910b, vol. 1: Dopetrovskaia Rus', 117 p.; vol. 2: Rus' – Imperiia, 290 p.
- Zenkevich Kh.Kh. *Podvigi russkogo naroda v Otechestvennuiu voynu i torzhestvo Rossii nad Napoleonom I: (1812–1814 gg.)*. Akkerman: Tipo-litografiia I. N. Stafidova Publ., 1914. 43 p.
- Zenkevich Kh.Kh. *Kratkii istoricheskii ocherk Kerchi. Pamiatnaia knizhka Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva. Izdanie Kerch. stat. komiteta*. Kerch': Tipografiia Kh. N. Lago Publ., 1914, pp. I–XXIX.
- Ivanov A.V. Grecheskii rukopisnyi Apostol, prinadlezhashchii Predtechenskoii tserkvi v g. Kerchi. *Zapiski Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva*. Sankt-Peterburg, 1886, vol. 1, Novaia seriia, pp. 165–180.
- Iz zapisok Nikolaia Ivanovicha Lorera (Dekabrist na Kavkaze). *Ruskii arkhiv*. Sankt-Peterburg, 1874, № 2, pp. 361–418.
- Izbash T.N. Liutsenko E.E. *Sukhorukov V.N. (Ed.). Krym v litsakh i biografiakh. Antichnost'. Srednevekov'e. Novoe vremia: spravochno-literaturnoe izdanie*. Simferopol': Atlas-kompakt Publ., 2008, pp. 270–271.
- Izbash-Gotskan T.A. *Zabytye stranitsy antichnoi numizmatiki: E. E. Liutsenko. Scripta Antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury*. Moskva, 2015, vol. 4, pp. 554–560.
- Izvestiia Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Sankt-Peterburg, 1900, vol. XIII, № 2, 198 p.
- Iz vlechenie iz otcheta direktora Gidrograficheskogo departamenta za 1868 god. Morskoi sbornik*. Sankt-Peterburg, 1870, vol. CXI, № 11, Noiabr', pp. 1–154.
- Imperatorskaia Arkheologicheskaiia komissiia (1859–1917): Musin A.E., Nosova E.N. (Eds.). K 150-letiiu so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediiia*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2009, 1192 p.
- Musin A.E., Medvedeva M.E. (Eds.). Imperatorskaia arkheologicheskaiia komissiia (1859–1917): istoriia pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniia rossiiskoi arkheologii ot osnovaniia do reform*. Kollektivnaia monografiia v 2-kh tomakh. 2-e izdanie, pererab. i dop. Sankt-Peterburg: IIMK RAN Publ., 2019, vol. 1, 888 p.
- K 10-letiiu 1-i Gosudarstvennoi Dumy. 27 apreliia 1906 – 27 apreliia 1916. Sbornik statei pervodumtsev*. Petrograd: «Ogni» Press, 1916, 231 p.
- Kazanskii M.M. *Nakhodka 1918 g. v Kerchi (kolleksiia Mesaksudi). XVII bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Issledovateli i issledovaniia*. Kerch', 2016, pp.206–215.
- Kalendar' i pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1892 god. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Simferopol': Tavricheskaiia gubernskaia tipografiia Publ., 1892. 154 + 96 p.
- Kalendar' i pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1896 god. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Simferopol': Tavricheskaiia gubernskaia tipografiia Publ., 1896. 268 + 200 p.
- Kastsov K.E. *Drevniaia grobnitsa, otkrytaia v Kerchi v 1890 g. Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*. 1890, № 19, 20 maia.
- Struve V.V. (Ed.). KBN – Korpus bosporskikh nadpisei*. Moskva-Leningrad: Nauka Publ., 1965, 952 p.
- Kibal'chich T.V. *Drevnosti. Ukazatel' k arkheologicheskim nakhodkam 1875–76 goda*. Kiev: Universitetskaia tipografiia Publ., 1876, 45 p.

- [Kibal'chich T.V.] *Katalog gemm (dragotsennykh reznykh kamnei), sobrannykh preimushchestvenno v Iuzhnoi Rossii T.V. Kibal'chichem*. Kiev: Tipografiia I. Kryzhanovskogo i V. Avdiushenko Publ., 1896a, 32 p.
- Kibal'chich T.V. *Drevnie dragotsennye amulety, naidennye v Iuzhnoi Rossii, i gemmy novogo vremeni (s XV po nast. vr.)*. Kiev: Tipografiia I. Kryzhanovskogo i V. Avdiushenko Publ., 1896b, 20 p.
- Kibal'chich T.V. *Iuzhno-russkie gemmy. Neizdannye materialy dlia istorii graviroval'nogo iskusstva drevnikh narodov, zhivshikh v Iuzhnoi Rossii*. Berlin: Izdanie N. Budkovskoi Press, 1910, 67 p.
- Kovyrkin K.K., Sanzharovets V.F. Kerchenskii poluostrov. Geograficheskii slovar'. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Simferopol', 2014, vol. IV, pp. 443–585.
- Kondakov N.P. Mramorni rel'ef iz Pantikapei. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1877, vol. X, Otd 1, pp. 16–25.
- Kondakov N.P. *Russkie klady. Issledovanie drevnostei velikokniazheskogo perioda*. Sankt-Peterburg: Glavnogo upravleniia udelov Publ., 1896, vol. 1, 214 p.
- Kondaraki V.Kh. *V pamiat' stoletii Kryma*. Moskva: Tipografiia V. V. Chichirina Publ., 1883, 145 p.
- Kropotkin V.V. *Klady vizantiiskikh monet na territorii SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Moskva: Nauka Publ., 1962, vol. E4–4, 64 p.
- Kulakovskii Iu.A. *Drevnosti Iuzhnoi Rossii. Kerchenskaia khristianskaia katakomba 491 goda. Materialy po arkheologii Rossii*. Sankt-Peterburg, 1891, vol. 6, 30 p.
- Kulakovskii Iu.A. *Arkheologicheskaiia zametka po voprosu o katakombakh v Kerchi. Russkaia mysl'*. Sankt-Peterburg, 1892, vol. XII, Dekabr', pp. 220–224.
- Kulakovskii Iu.A. *Drevnosti Iuzhnoi Rossii. Dve kerchenskie katakomby s freskami. Materialy po arkheologii Rossii*. Sankt-Peterburg, 1896, vol. 19, pp. 1–58.
- Kulakovskii Iu.A. Kerch' i ee khristianskie pamiatniki. *Glubokovskii N.N. (Ed.). Pravoslavnaia bogoslovskaiia entsiklopediia: v 12 t.* Sankt-Peterburg: Tipografiia Sibirskogo aktsionernogo obshchestva pechatnogo i pischebumazhnogo dela v Rossii Publ., 1908, vol. IX: Karmelity – Kotvī, pp. 535–543.
- Kulikov A.V. Iulii Iul'evich Marti (1874–1959): odin iz poslednikh predstavitelei provintsial'noi «old school» v otechestvennoi klassicheskoi arkheologii. *Sorokina I.A. (Ed.). U istokov sovetskikh arkheologicheskikh shkol (1918–1950). Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 4–6 apreliia 2023 g.* Moskva, 2023, pp. 48–50.
- Lazenkova L.M. Kerchenskii muzei drevnostei. Issledovateli. «Arkheologicheskaiia» sud'ba K. E. Dumberga. *I Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i Pont v period antichnosti i srednevekov'ia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kerch', 2001, pp. 72–77.
- Lazenkova L.M. K. E. Grinevich i Kerchenskii muzei drevnostei. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Kerch', 2006, vol. I, pp. 20–33.
- Latyshev V.V. *Kratkii ocherk istorii Vosporskogo tsarstva. Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1892, № 17, pp. 1–66.
- Lashkov F.F. *Statisticheskie svedeniia o Kryme, soobshchennye kaimakanami v 1783 godu. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1886, vol. XIV, Otd. 1, pp. 91–156.
- Leitnekker E.E. *Kerchenskoe otделение obshchestva po izucheniiu Kryma v 1926/27 godu. Krym. Obshchestvenno-nauchnyi i ekskursionnyi zhurnal*. Moskva-Leningrad, 1928, № 2 (7), pp. 109–111.
- Lomakina M.A., Lomakin D.A. Arabatskaia krepost' v akvareliakh K. F. Bogaevskogo. *Trudy Vserossiiskoi nuchno-prakticheskoi konferentsii «V Feodosiiskie nauchnye chteniia. Krym – istoriia i sovremennost' – problemy i resheniia»*. Feodosiia: MBUK FMD Publ., 2019, pp. 187–192.

- Liutsenko E.E. Zametki o nekotorykh mestnostiakh na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovakh. Oktiabr' 1869 g. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Simferopol', 2014, vol. IV, pp. 605–628.
- Malakhovskii G.V. *Biografii gg. chlenov Gosudarstvennoi Dumy*. Sankt-Peterburg: Tovarishchestvo khudozhestvennoi pechati Publ., 1906, 104 p.
- Mal'berg Ia.N. Iz glubiny vremen (V. K. Mal'berg – K. E. Dumberg – V. G. Tizengauzen). *Istoricheskaiia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, 2014, № 2 (24), pp. 77–83.
- Markevich A.I. Arkheologicheskaiia oda (posviashchaetsia V. G. T.). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1902, vol. XXIV, Otd. III, pp. 14–18.
- Markevich A.I. Stikhotvorenniia arkheologov E. E. Liutsenko i barona V. G. Tizengauzena. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1910, № 44, pp. 64–89.
- Markevich A.I. Primechaniia k stikhotvorenniam arkheologov. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1911, № 45, pp. 68–73.
- Markevich A.I. Spisok pochivaiushchikh na Simferopol'skom starom kladbishche. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1918a, № 55, pp. 336–367.
- Markevich A.I. Pamiati Liudovika Petrovicha Kollii. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1918b, № 55, pp. 208–214.
- Markevich A.I. Kratkii ocherk deiatel'nosti Uchenoi arkhivnoi komissii i Obshchestva istorii, arkheologii i etnografii v 1887–1927 gg. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*. Simferopol', 1928, vol. II (59-i), pp. 181–187.
- Marti Iu.Iu. Novyi epigraficheskii material iz Kerchi i ee okrestnostei. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1913a, vol. XXXI, Otd. II: Protokoly, pp. 27–38.
- Marti Iu.Iu. Opisaniie Melek-Chesmenskogo kurgana i ego pamiatnikov v sviazi s istoriei Bosporskogo tsarstva. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1913b, vol. XXXI, Otd. III: Prilozhenie, pp. 1–88.
- Marti Iu.Iu. Pamiati V. V. Shkorpila. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1919, № 56, pp. 144–147.
- Marti Iu.Iu. K stoletiiu Kerchenskogo muzeia. Krym. *Obshchestvenno-nauchnyi i ekskursionnyi zhurnal*. Moskva, 1926, № 2, pp. 126–131.
- Marti Iu.Iu. Gorodskie krepostnye steny Tiritaki i priliegaiushchii kompleks rybozasolochnykh vann. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1941, № 4: Arkheologicheskie pamiatniki Bospora i Khersonesa, pp. 11–24.
- Maslennikov A.A. *Ellinskaia khora na kraiu Oikumeny. Sel'skaia territorii evropeiskogo Bospora v antichnuui epokhu*. Moskva: Indrik Publ., 1998, 299 p.
- Medvedeva M.V. Svetopis' bosporskoi arkheologii v XIX – nachale KhKh vv. (k istorii formirovaniia fotokollektsii po izucheniiu antichnoi zhivopisi na Iuge Rossii v sobranii Nauchnogo arkhiva IIMK RAN). *Vinogradov Iu.A., Medvedeva M.V. (Eds.). Antichnaia dekorativnaia zhivopis' Bospora Kimmeriiskogo: ot graficheskoi fiksatsii k fotografii*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN – «Lema», 2017, pp. 56–65 (Trudy IIMK RAN, vol. LI).
- Bocharov S.G., A.G. Sitdikov A.G. (Eds.). *Miras – nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bulgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godakh*. Kazan': OOO «Aster Plus» Publ., 2016a, vol. 2, 572 p.
- Bocharov S.G., A.G. Sitdikov A.G. (Eds.). *Miras – nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bulgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godakh*. Kazan': OOO «Aster Plus» Publ., 2016b, vol. 3, 720 p.

- Mikhalevskii V.A. Vnov' otkrytaia grecheskaia nadpis'. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1893, № 19, pp. 105–114.
- Moskvitianin. Moskva, 1851, № 4, vol. 2. Fevral', p. 272.
- Moskvich G.G. *Illustrirovannii prakticheskii putevoditel' po Krymu: s prilozheniiami alfavita, semi novykh kart Kryma, planov gorodov: Sevastopolia, Simferopolia i Ialty, russko-tatarskogo slovaria (krymskoe narechie), raspisaniia dvizheniia parokhodov R.O.P.i.T. i proch. Izd-e 5-e*. Odessa: Tsentral'naia Publ., 1896, 500 p.
- Moskvich G.G. *Illustrirovannii prakticheskii putevoditel' po Krymu: s prilozheniem: alfavita, russko-tatarskogo slovaria (krymskoe narechie), 12 kart, 7 planov, raspisaniia reisov parokhodov R.O.P.i.T., Ros. O-va, tarifov parokhodstv i proch.: 17-e izd., M.A. Moskvich*. Odessa: Tipografiia E. Shmidta, byvsh. Shul'tse Publ., 1908, 304 p.
- Moskovskoe otdelenie Rossiiskogo obshchestva po izucheniiu Kryma. Krym. *Obshchestvenno-nauchnyi zhurnal*. Moskva, 1925, № 1, pp. 43–53.
- Murzakevich N.N. Nekotorye podrobnosti o tserkvi Sv. Ioanna Predtechi v Kerchi. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1844, vol. I, Otd. 3, pp. 625–627.
- Murzakevich N.N. Zapiski N. N. Murzakevicha. 1806–1883. *Russkaia starina*. Sankt-Peterburg, 1889, vol. 61, Ianvar', pp. 232–260.
- N.G. Kerch'. *Arsen'ev K.K., Petrushevskii F.F. (Eds.). Entsiklopedicheskii slovar'.* Izd. F.A.Brokgauz, I.A. Efron: v 86 t. Sankt-Peterburg: Tipo-litografiia I. A. Efrona Publ., 1895, vol. XV (29): Kerosin – Koaie, pp. 11–12.
- Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Kamennaia ikona iz Novogo karantina (Kerch'): istoriko-arkheologicheskii kontekst nakhodki. *Bosporskie issledovaniia*. Kerch', 2017, vol. XXXV, pp.240–268.
- Nebozhaeva N.V. Krymskoe semeistvo Oliv. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Simferopol', 2011, vol. III, pp. 351–373.
- Nebozhaeva N.V. Krymskoe semeistvo Oliv. *Bykovskaia N.V., Nebozhaeva N.V., Sanzharovets V.F. (Eds.). Kerchenskaia starina. Simferopol'*: Biznes-Inform Publ., 2015, vol. I, pp. 194–208.
- Neverov O.Ia. Kolleksiia A. V. Novikova. *Bosporskii gorod Nimfei: novye issledovaniia i materialy i voprosy izucheniia antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 60-letiiu Nimfeiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii i 70-letiiu so dnia rozhdeniia N. L. Grach*. Sankt-Peterburg, 1999, pp. 58–60.
- Neverov O.Ia. Kolleksiia kerchenskikh drevnostei A. V. Novikova. *Bosporskie issledovaniia*. Simferopol', 2006, vol. XIII, pp. 189–206.
- Negri A.F. Izvlecheniia iz turetskoi rukopisi obshchestva, sodержashchei istoriiu krymskikh khanov. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1848, vol. II, Otd. 2, pp. 379–392.
- Nepomniashchii A.A. Nikolai Mar i krymovedenie 1920-kh. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*. Simferopol', 2014a, № 1, pp. 46–67.
- Nepomniashchii A.A. Dokumenty tsentral'nykh arkhivov ob istorii Kerchenskogo muzeia v 20–30-e gody KhKh veka. *Nauchnyi bornik Kerchenskogo zapovednika*. Simferopol', 2014, vol. IV, pp. 51–55.
- Nepomniashchii A.A. Nauchno-issledovatel'skoe obshchestvo izucheniia Kryma (1935–1937): proval proekta sovetskoii kraevedcheskoii organizatsii. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriiia «Istoricheskie nauki»*, 2015, vol. 1 (67), № 1, pp. 28–37.
- Nepomniashchii A.A. «Ja sobiraius' privat-dotsentstvovat' v Tavricheskom universitete»: K.E.Grinevich v Krymu (1919–1921). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta*

- im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 2017, vol. 3 (69), № 2, pp. 111–122.
- Nepomniashchii A.A. Kerchenskaia arkhelogicheskaia konferentsiia po vospominaniiu uchastnikov: krymovedcheskie kommunikatsii pervogo sovetskogo desiatiletiia. *Bosporskie issledovaniia*. Kerch'-Simferopol', 2019, vol. XXXIX, pp. 404–423.
- Novorossiiskii kalendar' na 1891 g., izdavaemyi Odesskim gorodskim obshchestvennym upravleniem pri Gorodskoi publichnoi biblioteke*. Odessa: «Ekonomicheskaiia» tipografiia Publ., 1890, 211 p.
- Otchet Imperatorskoi arkhelogicheskoi komissii za 1882–1888 gody*. Sankt-Peterburg, 1891, CCCXXXIV p.
- Otchet Imperatorskoi arkhelogicheskoi komissii za 1890 god*. Sankt-Peterburg, 1893a, 152 p.
- Otchet Imperatorskoi arkhelogicheskoi komissii za 1891 god*. Sankt-Peterburg, 1893b, 188 p.
- Otchet o deiatel'nosti Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii za 1887–1888 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1889, № 7, pp. 114–126.
- Otchet o deiatel'nosti Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii za 1890 god. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1891, № 12, pp. 110–114.
- Otchet o deiatel'nosti Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii za 1896 god. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1897, № 27, pp. 105–110.
- Otchet o deiatel'nosti Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii za 1913-i god. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1914, № 51, pp. 347–355.
- Otchet Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. S 14 noiabria 1842 po 14 noiabria 1843 goda*. Odessa: Gorodskaia tipografiia Publ., 1843. 23 p.
- Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh / per. s nem. S.L. Beliaevoi i A.L. Bert'e-Delagarda*. Moskva: Nauka, 1999. 246 p. (Nauchnoe nasledstvo, vol. 27).
- Pamiatnaia knizhka Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva. Izdanie Kerch. stat. komiteta*. Kerch': Tipografiia Kh. N. Lago Publ., 1914.
- Pankratova E. G. *Istoriia arkhelogicheskogo izucheniia antichnykh pamiatnikov Vostochnogo Kryma: ot Oktiabr'skoi revoliutsii do Velikoi Otechestvennoi voiny (1917–1941 gg.)*. Sankt-Peterburg: OOO «Solo-Rich» Publ., 2018, 160 p. (Bosporskie issledovaniia. Supplementum 18).
- Perenesenie moshchei Mesaksudi. *Satirikon*. Sankt-Peterburg, 1912, № 43, 19 oktiabria, p. 10.
- Petrova E.B. Feodosiiskii muzei drevnostei i okhrana pamiatnikov Feodosii i ee okrugii v nachale XX veka (K 165-letiiu so dnia rozhdeniia Liudvika Petrovicha Kolli). *Istoriia i arkhelogiia Kryma*. Simferopol' 2015, vol. II, pp. 488–510.
- Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*, 1888, №43, 30 oktiabria.
- Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*, 1891, № 4, 27 ianvaria.
- Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*, 1892, № 2, 12 ianvaria.
- Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*, 1897a, № 5, 2 fevralia.
- Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*, 1897b, № 10, 9 marta.
- Polovtsov A.V. Russkaia Pompeia. *Moskovskie vedomosti*, 1900, № 106.
- Ponomarev L.Iu., Beilin D.V. Tserkov' Ioanna Predtechi v Kerchi (tret'ia chetvert' XVIII – XX vv.). *Istoriia i arkhelogiia Kryma*. Simferopol', 2016, vol. III, pp. 300–343.
- Ponomarev L.Iu., Beilin D.V., Beilina S.A. Grecheskaia tserkov' Ioanna Predtechi v Kerchi (tret'ia chetvert' XVIII – nachalo XX vv.). *Maiko V.V. (Ed.). Drevniaia i srednevekovaia Tavrika. Sbornik statei, posviashchennyi 1800 letiiu goroda Sudaka. Arkhelogicheskii al'manakh*. Donetsk, 2012, № 26, pp. 123–140.
- Postanovleniia Feodosiiskogo Uezdnoho zemskogo sobraniia XXXI ocherednoi sessii s 16-go po*

- 21-go sentiabria 1896 goda. Feodosiia: Tipografiia I. M. Kosenko Publ., 1897, 371 p.
- Postanovleniia Feodosiiskogo Uezdnoogo zemskogo sobraniia XXXV-i ocherednoi sessii s 23-go po 27-e sentiabria 1900 goda. Feodosiia: Tipografiia I. M. Kosenko Publ., 1901, 255 p.
- Postanovleniia Feodosiiskogo Uezdnoogo zemskogo sobraniia 47-i ocherednoi sessii s 19-go po 27-e oktiabria 1912 goda. Feodosiia: Tipografiia I. M. Kosenko Publ., 1913, 173 p.
- Protokol otkrytiiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii v g. Simferopole 24 ianvaria 1897 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1887a, № 1, pp. 1–14.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 30 maia 1887 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1887b, № 1, pp. 15–24.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 28 oktiabria 1887 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1887v, № 2, pp. 4–8.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 31 marta 1888 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1888a, № 4, pp. 57–69.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 25 avgusta 1888 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1888b, № 6, pp. 110–115.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 29 sentiabria 1888 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1888v, № 6, pp. 116–120.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 31 avgusta 1889 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1889a, № 8, pp. 132–137.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 4 maia 1889 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1889b, № 8, pp. 119–127.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 31 maia 1889 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1889v, № 8, pp. 127–132.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 26 sentiabria 1889 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1889g, № 8, pp. 137–140.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 28 dekabria 1889 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1890a, № 9, pp. 135–141.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 3 noiabria 1889 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1890b, № 9, pp. 125–130.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 30 noiabria 1889 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1890v, № 9, pp. 130–135.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 31 ianvaria 1890 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1890g, № 9, pp. 142–152.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 22 fevralia 1890 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1890d, № 10, pp. 134–140.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 23 marta 1890 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1890e, № 10, pp. 140–143.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 26 apreliia 1890 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1890zh, № 10, pp. 143–149.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 31 maia 1890 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1890z, № 10, pp. 149–154.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 5 sentiabria 1890 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1891a, № 11, pp. 154–161.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 1 noiabria 1890 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1891b, № 11, pp. 161–166.

- Протокол заседаниа Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 1 noiabria 1890 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1891v, № 11, pp. 166–173.
- Протокол godichnogo zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 31 ianvaria 1891 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1891g, № 12, pp. 115–119.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 31 maia 1891 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1891d, № 13, pp. 85–89.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 27 sentiabria 1891 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1891e, № 14, pp. 132–138.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 31 oktiabria 1891 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1891zh, № 14, pp. 138–140.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 23 ianvaria 1892 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1892a, № 15, pp. 117–124.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 16 apreliia 1892 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1892b, № 15, pp. 124–130.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 16 apreliia 1892 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1892v, № 16, pp. 120–125.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 8 oktiabria 1892 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1892g, № 16, pp. 125–132.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 4 oktiabria 1893 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1893a, № 19, pp. 115–129.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 19 fevralia 1893 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1893b, № 18, pp. 132–135.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 9 noiabria 1893 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1893v, № 19, pp. 129–134.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 30 dekabria 1893 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1893g, № 19, pp. 134–137.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 25 maia 1894 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1894a, № 21, pp. 125–130.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 3 dekabria 1894 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1894b, № 21, pp. 130–140.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 29 dekabria 1894 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1895a, № 22, pp. 130–133.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 28 apreliia 1895 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1895b, № 23, pp. 177–184.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 10 iiunia 1895 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1895v, № 23, pp. 184–186.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 21 sentiabria 1895 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1896a, № 24, pp. 155–157.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 17 ianvaria 1896 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1896b, № 24, pp. 157–163.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 22 fevralia 1896 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1896v, № 25, pp. 159–161.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 11 apreliia 1896 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1896g, № 25, pp. 161–165.
- Протокол zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 27 maia 1896 g. *Izvestiia Tavricheskoi*

- uchenoj arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1897a, № 26, pp. 155–160.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 6 marta 1897 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1897b, № 27, pp. 115–118.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 8 oktiabria 1897 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1898a, № 28, pp. 198–206.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 1 dekabria 1897 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1898b, № 28, pp. 206–211.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 27 marta 1898 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1898v, № 28, pp. 212–217.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 20 iunija 1898 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1899a, № 28, pp. 87–93.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 28 noiabria 1898 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1899b, № 29, pp. 110–113.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 12 dekabria 1898 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1899v, № 29, pp. 113–115.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 27 marta 1899 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1899g, № 30, pp. 94–104.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 25 sentiabria 1899 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1899d, № 30, pp. 108–118.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 5 maia 1900 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1901a, № 31, pp. 81–82.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 8 iunija 1900 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1901b, № 31, pp. 82–88.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 18 ianvaria 1901 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1901b, № 31, pp. 99–104.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 21 marta 1901 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1902a, № 32–33, pp. 139–142.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 20 sentiabria 1901 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1902b, № 32–33, pp. 143–157.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 30 oktiabria 1901 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1902v, № 32–33, pp. 158–161.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 4 dekabria 1901 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1902g, № 32–33, pp. 80–103.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 5 sentiabria 1903 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1903a, № 35, pp. 55–60.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 17 noiabria 1903 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1903b, № 35, pp. 60–67.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 9 fevralia 1907 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1907, № 40, pp. 104–113.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 2 oktiabria 1907 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1908, № 41, pp. 256–253.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 5 noiabria 1908 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1909a, № 43, pp. 149–158.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii 20 marta 1909 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*. Simferopol', 1909b, № 43, pp. 172–181.

- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 24 sentiabria 1909 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1910, № 44, pp. 93–107.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 26 ianvaria 1911 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1912a, № 47, pp. 8–12.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 26 avgusta 1911 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1912b, № 47, pp. 29–40.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 17 ianvaria 1912 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1912v, № 48, pp. 243–248.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 19 ianvaria 1913 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1913a, № 50, pp. 242–257.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 12 fevralia 1913 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1913b, № 50, pp. 257–264.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 17 noiabria 1913 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1914a, № 51, pp. 280–286.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 3 sentiabria 1914 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1914b, № 51, pp. 333–341.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 25 fevralia 1915 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1915a, № 52, pp. 243–248.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 5 noiabria 1914 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1915b, № 52, pp. 234–239.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 4 fevralia 1916 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1916, № 53, pp. 226–229.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 13 oktiabria 1916 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1919a, № 56, pp. 276–281.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 16 avgusta 1917 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1919b, № 56, pp. 324–329.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 24 ianvaria 1917 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1919v, № 56, pp. 289–302.
- Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 28 sentiabria 1917 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1919g, № 56, pp. 336–338.
- Protokoly restavratsionnykh zasedanii Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1-iu polovinu 1909 g. Zasedanie 8 apreliia. XVI. g. Kerch'. Grecheskaia Ioanno-Predtechenskaia tserkov', IX–X vv. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*. Sankt-Peterburg, 1909, vol. 32 (Voprosy restavratsii, vol. 4), pp. 69–74.
- Puzanov I.I. *Po nekhozhennomu Krymu*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury Publ., 1960. 286 p.
- Remezov M.N. Po svoim kraiam. *Russkaia mysl'*. Sankt-Peterburg, 1892, vol. VIII, Avgust, pp. 100–114.
- Rostovcev M.I. Kerchenskaja dekorativnaja zhivopis' i blizhajshaja zadacha arheologicheskogo issledovanija v Kerchi. *Zhurnal ministerstva narodnogo proseshhenija*. Sankt-Peterburg, 1906. Novaja serija, vol. III, Maj, pp. 211–231.
- Rostovtsev M.I. *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na iuge Rossii*. Atlas. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii Publ., 1913, CXII tabl.
- Rostovtsev M.I. *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na iuge Rossii*. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii Publ., 1914, vol. 1: Opisanie i issledovanie pamiatnikov, 517 p.

- Rostovtsev M.I. Med' Dinamii i Aspurga. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1918, № 54, pp. 47–53.
- Rostovtsev M.I. *Skifiia i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamiatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh*. Leningrad: Tipografiia 1-i Leningradskoi trudovoi arteli Publ., 1925, 623 p.
- Sanzharovets V.F. Z. S. Kherkheulidze – novye dannye biografii. *Ivanenko P.I. (Ed.). Pantikapei – Bospor – Kerch' – 26 vekov drevnei stolitse. Sbornik nauchnykh materialov konferentsii: Kerch', 13–15 sentiabria 2000 g.* Kerch', 2000, pp. 207–211.
- Sanzharovets V.F. Pritserkovnoe Ioanno-Predtechenskoe kladbishche v Kerchi i pamiatnik K.I.Mesaksudi. *Istoricheskoe nasledie Kryma*. Simferopol', 2006, № 17, pp. 39–43.
- Sanzharovets V.F. Kerch'-Enikale i ee gradonachl'niki. *Bykovskaia N.V., Nebozhaeva N.V., Sanzharovets V.F. (Eds.). Kerchenskaia starina*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2015, vol.I, pp. 86–113.
- Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Sankt-Peterburg: Tovarishchestvo «Pechatnia S. P. Iakovleva» Publ., 1895, vol. 95, 706 p.
- Sevast'ianov A.V. «Vashi berega bogaty promyslami. Vasha zemlia podlinnaia zhitnitsa, u vas pod zemlei nesmetnye bogatstva...». Kerchenskoe otdelenie Rossiiskogo obshchestva po izucheniiu Kryma (1922–1932). *Bosporskie issledovaniia*. Simferopol'-Kerch', 2012, vol.XXVI, pp. 462–478.
- Sevast'ianov A.V. Iz istorii muzeinogo dela v Krymu: deiatel'nost' Rossiiskogo obshchestva po izucheniiu Kryma (1922–1932). *Voprosy muzeologii*. Sankt-Peterburg, 2022, vol. 13, № 1, pp. 39–56.
- Severnaia pchela*. Sankt-Peterburg, 1851, № 29, 6 fevralia, pp. 113–116.
- Silant'eva L.F. Nekropol' Nimfeia. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1959, № 69: Nekropoli bosporskikh gorodov, pp. 5–107.
- Simens Verner fon. *Moi vospominaniia*. Sankt-Peterburg: Tipo-litografiia i fototipiia V. I. Shteina Publ., 1893, 286 p.
- Skal'kovskii A.A. Zaniatie Kryma v 1783 godu. Materialy dlia istorii Novorossiiskogo kraia. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. Sankt-Peterburg, 1841, vol. XXX, Otd. II, pp. 1–44.
- Smirnov A.P. Grecheskii dereviannyi reznoi postavets pod krest iz sobraniia Gos. Akademii istorii material'noi kul'tury. *Seminarium Kondakovianum. Sbornik statei po arkheologii i vizantinovedeniiu, izdavaemyi Seminarium im. N. P. Kondakova*. Praga, 1927, vol. I, pp. 146–156.
- Spisok russkikh poddannykh, zastignutykh voinoiu za granitsej*. Petrograd: Tipografiia V.F.Kirshbauma Publ., 1914, vol. 1: s 26 iul'ia po 19 avgusta 1914 goda, 158 p.
- Stavrovskii Ia.F. Gornyi Krym i Kerchenskii poluoostrov. *Semenov-Tian-Shansk V.P. (Ed.). Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naia i dorozhnaia kniga dlia russkikh liudei: v 19 t.* Sankt-Peterburg: Izdanie A. F. Devriena Press, 1910, vol. 14: Novorossiiia i Krym, pp. 689–817.
- Stradaniia russkogo arkheologa (po materialam redaktsii). *Drevniia i novaia Rossiia. Ezhemesiachnyi istoricheskii illiustrirovannyi sbornik*. Sankt-Peterburg, 1877, vol. 1, № 2, pp. 214–215.
- Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti*. Simferopol', 1895, № 30, 28 iul'ia, pp. 756–778.
- Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti*. Simferopol', 1897, № 1, 28 marta, pp. 275–304.
- Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti*. Simferopol', 1903, № 19–20, 1–15 oktiabria, pp. 1108–1363.
- Tolstoi I.I., Kondakov N.P. *Khristianskie drevnosti Kryma, Kavkaza i Kiev. Russkie drevnosti v*

- pamiatnikakh iskusstva, izdavaemye grafom I. Tolstym i N. Kondakovym.* Sankt-Peterburg: Tipografia Ministerstva putei soobshcheniia Publ., 1891, vol. 4. 176 p.
- Ushataia R.I. Neskol'ko slov o biblioteke Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. *Vishnevskaiia E.B. (Ed.). Arsenii Ivanovich Markevich. I Tavricheskie mezhdunarodnye nauchnye chteniia (Simferopol', 19 maia 2000 g.). Sbornik materialov.* Simferopol', 2000, pp. 70–72.
- Fedoseev N.F. Sud'by kerchenskikh arkheologov. *Fedoseev N.F. (Ed.). 175 let Kerchenskomu muzeiu drevnostei. Maerialy mezhdunarodnoi konferentsii (27–29 iulia 2001 g.).* Kerch', 2001, pp. 18–29.
- Fedoseev N.F. Katakomba № 7 nekropolia Nimfeia. *XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovaniia i issledovaniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2016, pp. 509–515.
- Fedoseev N.F. *Greki na Bospore Kimmeriiskom: 200 let issledovaniia.* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2017, 320 p.
- Filimonov S.B. Krym, 1917–1920 gody: Tavricheskaia uchenaiia arkhivnaia komissii i pamiatniki kul'tury. *Krymskii muzei.* Simferopol', 1995, № 1/94, pp. 95–101.
- Filimonov S.B. *Khraniteli istoricheskoi pamiaty Kryma: o nasledii Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii i Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (1887–1931 gg.).* Izd. 2-e, pererab., dopoln. Simferopol': ChernomorPRESS Publ., 2004, 314 p.
- Filimonov S.B. Krymskaia intellegentsiia v gody Pervoi Mirovoi i Grazhdanskoi voyn (po materialam Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiiia. Politologiiia. Kul'torologiiia.* 2015, vol. 1 (67), № 4, pp. 72–87.
- Filippov E.P. Kerchenskoe otdelenie ROPIK (Otchet o deiatel'nosti s 1/I po 1/X 1926 g.). Krym. *Obshchestvenno-nauchnyi i ekskursionnyi zhurnal.* Moskva-Leningrad, 1927, № 1 (3), pp. 180–182.
- Filippov E.P. Otchet o piatiletnei deiatel'nosti Kerchenskogo otdeleniia Obshchestva po izucheniiu Kryma *Sbornik statei po ekonomike i bytu Kerchenskogo raiona.* Kerch': 4-ia Gostipografiia Krympoligrafrestra Publ., 1929, vol. 1, pp. 7–23.
- Khodakovskii V.N., Khodakovskii K.N. K voprosu o granitsakh uchastka khrama Ioanna Predtechii i ego nedvizhimom imushchestve v period 1820–1920 gg. *Nauchnyi sbornik Vostochno-Krymskogo muzeia-zapovednika.* Simferopol', 2022, vol. VI, pp. 381–394.
- Chernoukhov E.A. *Sotsial'naia infrastruktura Nizhnetagil'skogo gornozavodskogo okruga Demidovykh v XIX veke.* Ekaterinburg, 2011, 176 p.
- Shabanov S.B. Stekliannye sosudy rimskogo vremeni iz sobraniia muzeia drevnostei pri Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. *Bosporskie issledovaniia.* Simferopol'-Kerch', 2014, vol. XXX, pp. 411–434.
- Shapovalenko T.S. Kerchenskii muzei drevnostei v fotografiakh kontsa XIX – nachala KhKh v. (po materialam fondovoi kollektcii Kerchenskogo zapovednika). *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika.* Simferopol', 2014, vol. IV, pp. 56–70.
- Shatelen A.A. Nabliudeniia za kursom lecheniia bol'nykh pri lechebnom zavedenii Chokrakskikh mineral'nykh griazei i istochnikov. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* Sankt-Peterburg, 1859, vol. 35, Mart, Otd. II, pp. 36–48.
- Shestakov S.A. Zhizn' i deiatel'nost' Vladislava Shkorpila. *Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 140-letiiu so dnia rozhdeniia Vladislava Shkorpila, iul' 1993 g.* Kerch', 1993, pp. 5–6.
- Shestakov S.A. Lapidarnye pamiatniki iz raskopok i priobretenii V. V. Shkorpila. *IV Bosporskie*

- chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2003, pp. 291–294.
- Shestakov S.A. V. V. Shkorpil i arkhеография. *VII Tavricheskie nauchnye chteniia (g. Simferopol', 19 maia 2006 g.). Sbornik materialov.* Simferopol': ChP «Evrostoi» Publ., 2007, vol. 2, pp. 147–152.
- Shestakov S.A. Topografiia arkhеologicheskikh работ V. V. Shkorpila. *Tezisy nauchnoi otchetnoi konferentsii «VII Muzeinye chteniia», 18 dekabria 2012 g.* Kerch', 2013, pp. 54–56.
- Shestakov S.A. V. V. Shkorpil i raspokpi nekropolei. *XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2016, pp. 560–564.
- Shestakov S.A. Epigraficheskaia rabota V. V. Shkorpila. *Nauchnyi sbornik Vostochno-Krymskogo muzeia-zapovednika.* Simferopol', 2022, vol. VI, pp. 124–129.
- Shestakov S.A., Shestakova N.D. Iulii Iul'iovich Marti 1874–1959. *Sidorenko V.D. (Ed.). Suchasni problemi doslidzhennia, restavratsii ta zberezheniia kul'turnoi spadshchini: Zb. nauk. pr. z mistetstvovnavstva, arkhitekturoznavstva i kul'turologii.* Kiiiv: Vidavnichii dim A+S Publ., 2006, vol. 3, Ch. 1: Do 180 richchia Kerchens'kogo muzeiu starozhitnosti, pp. 160–175.
- Shestakov S.A., Shestakova N.D. Zhizn' i deiatel'nost' V. V. Shkorpila. *Nauchnyi sbornik Vostochno-Krymskogo muzeia-zapovednika.* Simferopol', 2016, vol. V, pp. 42–55.
- Shkorpil V.V. Kamni s pantikapeiskimi nadpisiami, priobretennye dlia Melek-Chesmenskogo muzeia v 1895 g. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1896, vol. XIX, pp. 1–13.
- Shkorpil V.V. Tri khristianskie nadpisi, naidennye v okrestnostiakh Kerchi. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1898b, vol. XXI, Otd. V: Protokoly, pp. 8–11.
- Shkorpil V.V. Bosporskie nadpisi, priobretennye Melek-Chesmenskimi muzeem v 1897 godu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1898b, vol. XXI, Otd. I, pp. 192–210.
- Shkorpil V.V. Nadgrobnye nadpisi, priobretennye Melek-Chesmenskimi muzeem v 1899 godu (Prodolzhenie). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1900, vol. XXII, Otd. I, pp. 101–108.
- Shkorpil V.V. Iz arkhiva Kerchenskogo muzeia drevnostei. I. Sposob poddelki drevnikh bosporskikh monet M. Sazonovym, rasskazanni im samim. II. Ashik i Kareisha. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1907, № 40, pp. 61–73.
- Shkorpil V.V. Iz arkhiva Kerchenskogo muzeia drevnostei. III. O nakhodke dvukh drevnikh statui v 1850 godu IV. Ostatki drevnikh sooruzhenii v Kerchi i ee okrestnostiakh v 1845 godu. V. Dva sklepa so stennoi zhivopis'iu, otkrytye v 1864 i 1868 gg. na Tamanskom poluostrove (v «Bol'shoi Bliznitse» i Vasiurinskoi gore). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1908, № 42, pp. 56–72.
- Shkorpil V.V. Iz arkhiva Kerchenskogo muzeia drevnostei. VI. Piat' raspisnykh sklepov na severnom slone Mitridatovoi gory. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1912, № 47, pp. 66–74.
- Shkorpil V.V. Novonaidennye Bosporskie nadpisi. *Izvestiia Imperatorskoi arkhеologicheskoi komissii.* Petrograd, 1917, vol. 63, pp. 109–120.
- Shkorpil V.V. Arkheanaktidy. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1918a, № 54, pp. 54–59.
- Shkorpil V.V. Iz arkhiva Kerchenskogo muzeia drevnostei (VII. Pavlovskii kurgan. VIII. Melek-Chesmenskii kurgan. IX. Kurgan na khrebte Iuz-Oba 1859 g. X. Dva kurgana na khrebte gory

- Iuz-Oba 1860 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1918b, № 55, pp. 97–134.
- Shtern E.R. fon. Iz zhizni detei v grecheskikh koloniiakh na severnom poberezh'e Chernogo moria. *Sbornik arkhelogicheskikh statei, podnesennyi grafu A. A. Bobrinskomu v den' 25-letii predsedatel'stva ego v Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii. I.II.1886 – 1911*. Sankt-Peterburg: Tipografiia V. F. Kirshbauma Publ., pp. 13–30.
- Shtern E.R. fon. K proiskhozhdeniiu «gotskogo» stilia predmetov iuvelirnogo iskusstva (Arkheologicheskie zametki po povodu zolotykh veshchei, naidennykh v Kerchi letom 1896 goda). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1897, vol. XX, pp. 1–15.
- Shtern E.R. fon. Soderzhanie grobnitsy, raskopanoi v 1896 godu v Kerchi. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1898, vol. XXI, pp. 271–292.
- Shumilov P.F. *Redkie monety Rossiiskoi imperii s osnovaniia Rusi po 1910 g. 3-e izd., ispr. i dop.* Kazan': Tipo-litografiia Imperatorskogo universiteta Publ., 1910, 161 p.
- Poznanskii M.A. (Ed.). *Iubileinyi sbornik Krymsko-Kavkazskogo gornogo kluba: 1890 XXV 1914*. Odessa, 1915. 177 p.
- Iailenko V.P. Khristianskie i parakhristianskie nadpisi Bospora IV–VI vv. *Drevnosti Bospora*. M., 2010, vol. 14, pp. 610–711.
- Iailenko V.P. Istoriko-epigraficheskaia problematika izucheniia bosporskogo iudeistva I–V vv. n. e. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moskva-Magnitogorsk-Novosibirsk, 2022, № 4, pp. 147–174.
- Iannitsi F. *Grecheskii mir v kontse XVIII – nachale XX vv. po rossiiskim istochnikam (k voprosu ob izuchenii samosoznaniia grekov)*. Moskva: MAKS Press, 2002. 219 p.
- Iashchurzhinskii Kh.P. Arkheologicheskie raskopki v Kerchi v 1889 godu. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1890, № 9, pp. 99–100.
- Iashchurzhinskii Kh.P. Vnov' otkrytaia grecheskaia katakomba v g. Kerchi. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1890a, № 10, pp. 111–113.
- Iashchurzhinskii Kh.P. Kerchenskie drevnosti. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1890b, № 10, pp. 114–119.
- Iashchurzhinskii Kh.P. Kerchenskie drevnosti. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1891a, № 12, pp. 82–86.
- Iashchurzhinskii Kh.P. Kerchenskie drevnosti. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1891b, № 14, pp. 98–101.
- Iashchurzhinskii Kh.P. Kerchenskie drevnosti. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1892, № 15, pp. 95–98.

Резюме

Таврическая архивная ученая комиссия была создана 24 января 1887 г. Изначально в качестве основного рода ее деятельности Таврическим губернатором А. Н. Всеволожским рассматривалось не только архивное, но и археологическое направление, предусматривающее создание губернского музея древностей. С первых лет работы ТУАК археологическая тематика заняла достойное место. Этому в немалой степени поспособствовали ее члены, среди которых с момента создания комиссии оказались и те, кто уже на протяжении многих лет до этого проявлял живой интерес к археологии, в том числе и керченским древностям. На страницах «Известий» ТУАК часто помещались посвященные им публикации, а «керченский» отдел музея комиссии стал одним из самых представительных по числу находок, дважды пополнившись «дублетами», переданными из Керченского музея древностей. Предпринимались также попытки сохранения архитектурных и археологических памятников, находившихся на территории Керченского полуострова. Что очень важно, в члены комиссии избирались или привлекались к ее работе жители Керчи. Плодотворная деятельность ТУАК была прервана революциями и Гражданской войной, а спустя три года после установления Советской власти в Крыму (25 марта 1923 г.) она была преобразована в «Таврическое общество истории, археологии и этнографии». Тем не менее за 36 лет своей деятельности ТУАК смогла внести посильный вклад в изучение керченских древностей, хотя это направление и не было одним из приоритетных для нее.

Ключевые слова: Таврическая ученая архивная комиссия, Керчь, Керченский полуостров, Керченский музей древностей, керченские древности.

Summary

The Tauride Archival Scientific Commission was established on January 24, 1887. Initially, as the main type of its activity, the Tauride governor A. N. Vsevolozhsky considered not only archival, but also archaeological direction, providing for the creation of the provincial Museum of Antiquities. From the first years of the work of the TUAC, the archaeological theme has taken its rightful place. This was largely facilitated by its members, among whom, since the creation of the commission, there have been those who for many years before had shown a keen interest in archaeology, including the Kerch antiquities. Publications dedicated to them were often placed on the pages of Izvestia TUAK, and the «Kerch» department of the Museum of the commission became one of the most representative in terms of the number of finds, twice replenished with «doublets» transferred from the Kerch Museum of Antiquities. Attempts were also made to preserve architectural and archaeological monuments located on the territory of the Kerch Peninsula. What is very important, Kerch residents were elected or involved in its work as members of the commission. The fruitful activity of the TUAC was interrupted by revolutions and Civil War, and three years after the establishment of Soviet power in the Crimea (March 25, 1923), it was transformed into the «Tauride Society of History, Archeology and Ethnography». Nevertheless, for 36 years of its activity, TUAK was able to make a feasible contribution to the study of Kerch antiquities, although this direction was not one of its priorities.

Key words: Tauride Scientific Archival Commission, Kerch, Kerch Peninsula, Kerch Museum of Antiquities, Kerch antiquities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Манаев Александр Юрьевич, к.и.н., доцент,
Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского;
директор, ООО «Таврическое археологическое
общество», г. Симферополь,
manaev_1977@mail.ru

Пономарев Леонид Юрьевич, научный сотрудник.
Центр археологических
исследований БФ «Деметра»,
г. Керчь, 295300.
l_ponomarev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr Iur'evich Manaev
Candidate of Historical Sciences,
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky»,
Academic Vernadsky Avenue, 2,
Simferopol, 295007.
manaev_1977@mail.ru

Leonid Yuryevich Ponomarev, Researcher
the Center for Archaeological Research
of the Demeter Foundation,
Kerch, 295300.
l_ponomarev@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века.
- БИ – Боспорские исследования. Симферополь-Керчь.
- БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник.
- БЧ – Боспорские чтения. Керчь.
- ВВ – Византийский временник.
- ВДИ – Вестник древней истории – Москва.
- Вестник ПСТГУ – Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
- ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург (Петроград).
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ИАКр – История и археология Крыма.
- ИИАК – Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург (Петроград).
- ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАР – Материалы по археологии России. Санкт-Петербург.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград.
- НА ИАКр РАН – Научный архив Института археологии Крыма РАН.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск.
- РА – Российская археология. Москва.
- САИ – Свод археологических источников. Москва.
- ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург (Ленинград).

- ХСб. – Херсонесский сборник.
- CSHB – Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae.
- REB – Revue des Études Byzantines.
- SBS – Studies in Byzantine Sigillography.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Петракова А.Е., Сударев Н.И., Мимоход Р.А., Успенский П.С.</i> Три погребения с аттической керамикой из некрополя Волна-1 (раскопки 2016 года).....	3
<i>Лазаренко В.Г.</i> Почему древнейшее в Северном Причерноморье святилище Ахилла на Бейкуше не упоминается в античных источниках?	54
<i>Петракова А.Е.</i> Рождение Афины на краснофигурной полихромной аттической гидрии из Пантикапея: редкий вариант иконографии по мотивам декора восточного фронтона Парфенона	73
<i>Суворова Н.И.</i> Терракота из некрополя Танаиса	123
<i>Зубарев В.Г., Маркова К.О.</i> Амфоры типа С Snr I («Делакеу») и типа F и E по Д.Б. Шелову в контексте датирующего материала по IV в. н.э. (по результатам раскопок городища Белинское в 1996 – 2022 гг.)	158
<i>Казанский М.М., Мастыкова А.В.</i> О некоторых мотивах декора в стиле перегородчатой инкрустации на оружии и конском снаряжении Северного Причерноморья в эпоху Великого переселения народов	182
<i>Ярцев С.В., Шушунова Е.В., Внуков А.А.</i> К вопросу об интерпретации тамг на зеркале-подвеске из раннего погребения гуннов в Северном Причерноморье	206

Алексеевко Н.А.

Данные памятников сфрагистики в вопросах
реконструкции политико-административной
истории византийской Таврики 229

Иожича Д.В.

Наземные памятники
Мангупского городища:
однефенные храмы 243

Шульман К.Д.

Медресе Керченского полуострова:
проблемы источников и локализации 282

ИСТОРИЯ НАУКИ

Манаев А.Ю., Пономарев Л.Ю.

Древности Керчи и Керченского полуострова
как одно из направлений деятельности
Таврической ученой архивной комиссии
(по материалам протоколов заседаний
и публикаций в «Известиях» ТУАК) 294

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 362

CONTENTS

ARTICLES

- Petrakova A.E., Sudarev N.I., Mimokhod R.A., Uspenskyj P.S.*
Three burials with attic pottery from
the necropolis Volna-1
(excavations of 2016)..... 3
- Lazarenko V.G.*
Why is the oldest sanctuary
of Achilles in the northern
black sea region on beikush not
mentioned in ancient sources? 54
- Petrakova A.E.*
The birth of Athena on the red-figure
polychrome athenian hydria from Pantikapaion:
a rare variant of the iconography inspired by
the east pediment of the parthenon. 73
- Suvorova N. I.*
Terracotta from the necropolis of Tanais. 123
- Zubarev V.G., Markova K.O.*
Amphorae of type C Snp I («Delaceu»)
and type F and E according to D.B. Shelov
in the context of dating material for the IV century n. e.
(based on the results of excavations of the Belinskoye
settlement in 1996-2022). 158
- Kazanski M.M., Mastykova A.V.*
About some decorative motifs
in the style of cloisonné inlay on weapons
and horse equipment of the northern black sea region
during the great migration period. 182

Yartsev S.V., Shushunova E.V., Vnukov A. A.
On the interpretation of tamgas
on a mirror-pendant from an early hun burial
in the northern black sea region.206

Alekseienko N. A.
Sigillographic monuments' account allowing
the reconstruction of the political-administrative
history of the byzantine Taurica.....229

Iozhitsa D.V.
Ground churches of the Mangup settlement.
Single-nave churches.243

Shulman K.D.
Madrasahs of the Kerch peninsula: problems
of sources and localization.....282

HYSTORY

Manaev A.Iu., Ponomarev L.Iu.
Antiquities of Kerch and the Kerch peninsula
as one of the activities of the Tauride scientific
archival commission (based on the materials of the minutes of meetings
and publications in the «Izvestia» TUAK).....294

LIST OF ABBREVIATIONS.....362

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XLVIII

Журнал основан в 2001 году, выходит 2 раза в год

Сайт журнала: <http://bospor-issled.cfuv.ru>

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Главный редактор: А. И. Айбабин

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61808 от 18.05 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученых степеней доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки).

Перевод на английский *Н.М. Красина*
Компьютерная верстка *Г.В. Воробьева*

Подписано в печать 29.03.2024 г.
Дата выхода в свет 17.05 2024 г.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 29,9.
Тираж 300 экз. Заказ 120.
Распространяется БЕСПЛАТНО.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.